ПЕРЕДНЄ СЛОВО

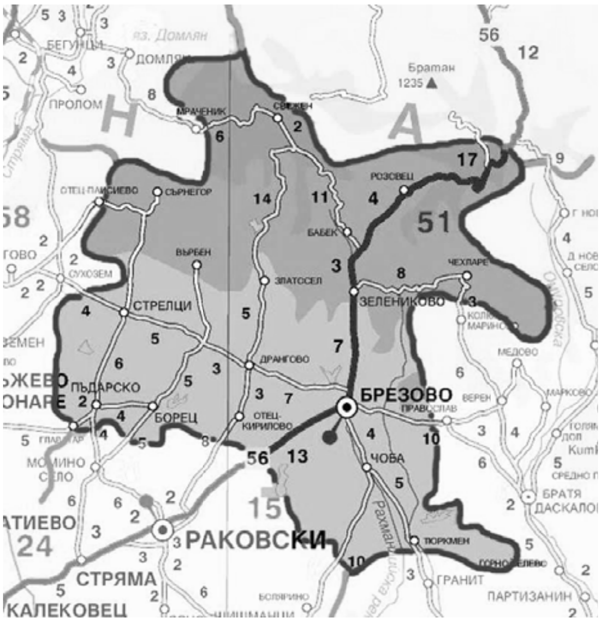
Село Преслав Приморського району Запорізької області не зовсім звичайне, як за сучасними мірками село. Що ж такого особливого в цьому селі?

Преславе... Село розташоване в абсолютно непересічному, фантастичному місці, там де зливаються безкраї простори Степу та Моря. Земля, яка довгі десятиріччя була духовним центром усієї болгарської Таврії. „Срібний Преслав", – як любовно та шанобливо називали село не тільки його уродженці, але й мешканці навколишніх селищ. Його історія, що знала злети й падіння, хоча й налічує лише 147-ім офіційних, „паспортних" років, насправді є набагато довшою.

На південних схилах центрального масиву цих гір – Старої Планини, там де гірська місцевість починає плавно переходити в рівнинну, назустріч річці Мариці несе свої швидкі води невеличка річка Рахманлійська. Нині то північно-східна частина сучасної Пловдивської області Республіки Болгарія, однак наприкінці XVIII століття, в часи, від яких і починається ця розповідь, землі ці вважалися просто східною частиною старовинної історико-географічної області Македонії, відомої під такою назвою ще з античних часів, коли ще не існувало ані сучасної країни під такою назвою (на північному заході цієї області), ані її слов'янських мешканців – македонців (які тоді ще не відокремилися від материнського болгарського етносу). На берегах Рахманлійської річки й до сьогодні, на невеликій відстані одне від одного, стоять такі селища, як Зєлєніково, Брезово та Чоба (нині – Брезовського району (*общини*) Пловдивської області). Населення всіх трьох селищ було спорідненим між собою у мовному та етнографічному відношенні, а також пов'язане низкою родинних й соціальних зв'язків. Саме вони й були предками сучасних преславців; втім, у кількісному відношенні, серед них таки переважали вихідці з села Зєлєніково.

Зєлєніково було засноване ще наприкінці XIII століття, за царя Івана Шишмана, як один з опорних пунктів захисту перевалів через Стару-Планіну. Після османського завоювання село отримало паралельну турецьку назву – Хамзаларе, під якою проіснувало аж до часів звільнення. Розташоване у благодатній місцевості з родючими землями й гарними гірськими пасовиськами, селище це, однак, подібно до тисяч інших болгарських селищ, не мало щасливої долі. Старовинна сільська церква у Зєлєніково-Хамзаларе, висвячена на честь Успіння Пресвятої Богородиці, чи не найправдивіше донесла до нашого часу свідчення страшних реалій турецького поневолення. Свідчення ці збереглися у всьому, починаючи від архітектурної споруди самої церкви,

заглибленої на два метри в землю (турками було заборонено православним болгарам будувати церкви вищі за будинки місцевих феодалів-агів), і закінчуючи іконостасом, в якому й нині, на спомин про колишні турецькі безчинства, збережено чудодійні ікони Богородиці та святих з виколотими мусульманськими фанатиками очима.

Община Брезово Пловдивської області Республіки Болгарія

Особливо ж важким становище місцевого населення стало на зламі XVIII й XIX століть, коли європейські володіння Османської імперії майже на два десятки років поринули у феодальну анархію-розмирицю, відому в болгарській історії як «*Кърджалийско време*». Через терор бунтівних кирджалійських (розбійничих) ватаг, основу яких складали дезертири з турецького війська, тисяч болгарських селян ладні були йти світ за очі, покидаючи рідні краї, церковні святині й дідівські могили. Околиці Зєлєніково й Брезово постраждали чи не найбільше в Болгарії. Саме тоді, наприкінці 1790-х років, з берегів Рахманлійської річки на північ потяглися перші з переселенців.

«Землею Обітованою», яка приютила біженців, стала південна, степова частина Бессарабії – Буджак. Після того, як у 1783 р. Кримське ханство було анексовано Російською імперією, а в 1791 р. сусідній Єдисан (Очаківська область) – межиріччя Дністра й Південного Бугу,

відійшов до неї ж, територію Буджаку було передано турецьким урядом до складу васального Молдавського князівства, під управління його православних господарів. Край, який до цього був населений ногайцями Буджацької орди та управлявся сераскир-агами, яких призначали безпосередньо кримські хани, буквально за лічені роки змінився. Молдавські господарі заохочували до переселення не тільки селян волохів і молдован, але й болгар, греків, сербів й інших православних підданців Османської імперії. Оскільки в господарських заняттях зєлєніковських болгар помітне місце посідало вівчарство, наявність великих площ пасовиськ на нових місцях, у Буджаку, не тільки стимулювала до переселення, але й дозволяла здійснити його з мінімальними втратами, швидко компенсувати втрати, понесені через полишення власних осель та орних земель. Разом із мешканцями навколишніх селищ на старій батьківщині – Брезова, Чоби, Дрангово (Дряново), Чехларе, Медово (Болжеларе), зєлєніковці стали найстарішими з болгарських поселенців Буджаку. Прийдешні хвилі болгарської людності на цих землях навіть охрестили їх *туканцями*, тобто тутешніми (від болг. *тукашни*).

Початок чергової російсько-турецької війни у 1806 р. та заняття російськими військами Бессарабії стимулювали переселення до неї решти зєлєніковців. Наприкінці війни, у 1812 р., більшість із них, покинувши рідні краї, осіла в полишеному ногайцями аулі з промовистою назвою Таш-Бунар (Кам'яний Колодязь), на берегах степової річки, що носила ту ж саму назву (нині с.Кам'янка Ізмаїльського району Одеської області). Всього ж у Буджаку православними переселенцями з-за Дунаю тоді було заселено 60 селищ, у 25 з яких проживали болгари. Під час чергового переселення, після російсько-турецької війни 1828 – 1830 рр., їх кількість збільшилася до 83, а болгари почали складати більшість з так званих «задунайських поселенців».

Наприкінці 1819 р. всі переселенці отримали від російського уряду, який за їх допомогою прагнув швидко освоїти приєднану до імперії Бессарабію, статус іноземних колоністів. Він передбачав наділення їх землею з розрахунку 60 десятин на родину, звільнення чоловіків від військової служби, пільгове кредитування на господарське обзаведення та тимчасове звільнення від сплати податків (на 10 років). За таких сприятливих умов на місці колишніх аулів було зведено нові селища-колонії: за плановою забудовою, з гарними кам'яними церквами й будинками, громадськими спорудами, джерелами-фонтанами, мостами. Показово, що Таш-Бунар, заселений зєлєніковцями, виділявся навіть на фоні загального добробуту. Відомий історик XIX століття – Аполлон Скальковський, який служив у канцелярії новоросійського гене-

рал-губернатора та на початку 1840-х років особисто відвідав цю колонію, у своїх нотатках відзначав, що селище є одним із найкращих і заможніших серед болгарських поселень, з гарною кам'яною церквою, а мешканці його славляться збереженими у чистоті давніми слов'янськими звичаями гостинності, релігійності й цнотливості.

Однак подібне, плинне життя ташбунарських колоністів протривало трохи менше ніж півстоліття. На бессарабській землі зростало вже друге покоління нащадків переселенців, для яких вона стала рідною, коли звичний плин життя був порушений черговою війною. Нею стала так звана Кримська війна 1853 – 1856 рр., оскільки вона була вкрай невдалою для Російської імперії, царський уряд був змушений поступитися на користь васального від турків Молдавського князівства тією частиною Буджаку, яка лежала вздовж Чорного моря й Дунаю. Мешканці 40 колоній – болгари, гагаузи, албанці, молдавани, українці і росіяни знову стали підданцями молдавських господарів.

Уже через 3 роки після підписання мирного договору, у 1859 р., молдавський уряд позбавив їх тих пільг та привілеїв, якими вони були наділені в Російській імперії. Спроба болгар-колоністів відстояти свої права завершилася введенням урядових військ та кривавим побоїщем в адміністративному центрі – Болграді (листопад 1860 р.). І знову, як колись покинули їхні предки рідне Зєлєніково, змушені були мешканці Таш-Бунару вирушити в далекий путь – аж на береги Азовського моря. Справа в тому, що у 1860 р. у Бердянському й Мелітопольському повітах Таврійської губернії спустіло 75 селищ. Їх мешканці – ногайці, зваблені радикальними мусульманськими агітаторами, виїхали до Туреччини. Саме на ці, спустілі землі, російський уряд і запропонував переселитися болгарам з Буджаку. Переселення тривало впродовж 1861 й 1862 років і завершилося створенням у Таврії 30 болгарських селищ.

Ташбунарські болгари на новому місці оселилися у двох селищах, на місці ногайських аулів Шекли й Орманджі. Так виникли селища Преслав й Інзовка (обидва нині Приморського району Запорізької області). Свою назву обидва села отримали за різних обставин. Інзовка стала так називатися на честь покійного на той час Івана Микитовича Інзова, який був головним управителем іноземних колоністів на Півдні та уславився як надзвичайно порядна людина, через що й користувався особливою любов'ю та повагою болгар. Преслав став Преславом... випадково. Коли на порядку денному постало питання про те, яке ж із заснованих селищ стане адміністративним центром болгарських колоній, обов'язковою умовою вибору було близьке розташування до моря (планувалося влаштування порту). З усього загалу умовам

відповідало лише два селища – у гирлі ріки Корсака й у гирлі ріки Обіточної. Вибрали останнє з селищ, воно й отримало назву Преслав, на честь давньої болгарської столиці. Інше вдовольнилося не менш гучною назвою Цареводарівка (нині Ботєве Приазовського району). Попри те, що на новому місці ташбунарці оселилися у двох різних селах, духовний зв'язок між Преславом й Інзовкою не зникав ніколи, до сьогодення включно: населення обох селищ, як і раніше, поєднані низкою родинних, шлюбних, соціальних зв'язків. Навіть храмові свята в обох відзначають на Успіння Пресвятої Богородиці, на згадку про ту саму, заглиблену в землю, церкву на балканській вітчизні (разом із цим, про конкретне місце виходу їх предків з Болгарії вже ніхто не пам'ятає).

Таким чином, історія самого Преслава, хоча й починається з часу заселення болгарами, переселенцями з Бессарабії, колишнього ногайського аулу Шекли у 1861 р., як бачимо, з урахуванням «людського фактора», є набагато довшою. Адже серед старшого покоління нових преславців чимало було й таких, хто у свідомому віці покинув далеке Зєлєніково-Хамзаларе та навколишні селища, й подолавши відстань у майже дві тисячі кілометрів, знайшов собі нову батьківщину аж на берегах Азовського моря.

Історія самого Преслава, від того моменту, коли в ньому оселилися зєлєніковці/ташбунарці й зажили на новому місці, відома достатньо добре, а тому й потребує хіба що загальних штрихів[1]. Адміністративний центр болгарських колоній у Таврії (до 1871 р.), культурний та освітній центр – тут, зміняючи одне одного, діяли Центральне болгарське училище (1867 – 1875), Преславська вчительська семінарія (1875 – 1918) й Преславський болгарський педагогічний технікум (1924 – 1938). Мала батьківщина двох академіків, доброго десятка докторів і кандидатів наук, а також безлічі просто талановитих та освічених людей. Врешті-решт, одне з найзаможніших (разом із селищем-близнецем Інзовкою) болгарських сіл у Таврії: «*Злата Инзовка, съребрени Преслав...*» (це, мабуть, просто генетичне, оскільки преславське коріння мають чимало відомих на Запоріжжі, в Україні й за її межами бізнесменів). І так до нескінченності...

А якщо додати до цього й те, що преславське коріння мав і я, проблеми вибору – куди ж саме знарядити експедицію? – для мене не було. Експедиція, до речі, була «вільною». Вільною від занесення до обов'язкової практики студентів історичного факультету (вони її на той момент уже відбули), вільною від самих студентів, вільною, врешт-

[1] Зацікавлених відсилаємо до видань: История городов и сел УССР. Запорожская обл. – К.: УРЕ, 1982; Митков Василий. Българите на запорожка земя: страници от историята и културата. – Запорожие: «Тандем-У», 2008.

ті-решт, і від бюджетного фінансування. Одним словом, цілком нормальна експедиція викладачів, аспірантів і наукових співробітників «вишів» Запорізької області, які вирішили з користю для себе та суспільства провести частину літньої відпустки. Окрім мене самого, в ній взяли участь Олександр Старух, Наталя Сурева, Роман Молдавський, Ігор Кучерков (усі з Запорізького державного університету), Сергій та Валентина Пачеви (Мелітопольський державний педагогічний університет). Цього, як з'ясувалося, було цілком достатньо. Фінансову підтримку експедиція отримала від керівництва Запорізького наукового товариства ім. Я.Новицького, яке таки зуміло «викрутитися» та субсидіювати щось із триста п'ятдесят гривень (шалені як на той час гроші!). Решту проблем мали вирішити на місці.

У п'ятничний день 23 липня 2004 р. учасники експедиції вирушили на місце її проведення. Швидко та непомітно пролетіли три години подорожі, двісті кілометрів подолано, і от ми всі стоїмо біля будівлі Преславської селищної ради. Злітаю на другий поверх та входжу до кабінету голови – Антипова Олександра Анатолійовича. З цим приязним молодим керівником, трохи старшим за мене самого, ми вже знайомі – познайомилися на одній із нарад активістів національно-культурних товариств, яка проводилася на базі Приморської райдержадміністрації місяцем раніше. Вітаємося, швидко виходимо з будівлі, крокуємо в бік сільської школи, і от уже ми поселені в одному з приземистих будиночків, який зберігся ще з часів Преславської вчительської семінарії, а нині слугує за ізолятор і банний корпус Преславського інтернату. Достатня кількість панцерних ліжок, свіжа білизна, питна вода, підключена електрика, душові кабіни (!) – не кожна експедиція може похвалитися подібними комфортними умовами. Дякуємо від усього серця Олександрові Анатолійовичу, а на черзі ще один візит – до голови місцевого КСП Григорова Миколи Миколайовича – з ним ми вже теж знайомі. І знову та ж оперативність та повне розуміння важливості й необхідності тієї роботи, яку ми збираємося виконувати: нас проводять до святая-святих – колишньої колгоспної комори, де виписують для експедиційних потреб необхідну кількість круп, овочів, олії, вершкового масла, свіжої яловичини.

Щойно відбулися всі зустрічі, й ми вже залишили речі на новому місці, разом з О.Старухом прямуємо до сільради й складаємо за домовими книгами списки літніх мешканців села. Уже ввечері, як тільки вщухла нестерпна липнева спека, за ними починають працювати. Я ж наношу останній візит того дня, цього разу, як то кажуть, «навмання». Дізнавшись від О.Антипова про те, де живе вчителька історії місцевої школи, йду знайомитися. Нею виявляється приязна симпатична жінка

– Тетяна Юхимівна Маркова. Знайомимося, я розповідаю про себе, вона про себе. Вона українка з сусідньої Донецької області, потрапила до села за розподіленням, після закінчення донецького істфаку, вийшла заміж за місцевого болгарина, і от уже більше двадцяти років мешкає в Преславі. На розмову виходить господар – Володимир Андрійович, трохи пізніше знайомимося й з дітьми подружжя – студентами Анною та Андрієм. Результати знайомства перевершують усі сподівання – якщо не рахувати смачнючих пиріжків й запашного молока, якими нас регулярно частували Маркови (а не рахувати цього ми не можемо!), – експедиція в особі Тетяни Юхимівни отримала кваліфікованого консультанта, який як ніхто краще знав найбільш цікавих оповідачів із числа місцевих старожилів, дослідив усі преславські старожитності, а до того ж ще й був за сумісництвом хранителем місцевого краєзнавчого музею. З часом наше знайомство переросло у посправжньому приятельські стосунки з родиною Маркових, які тривають уже п’ятий рік і виявом яких стали й наші спільні з Тетяною Юхимівною наукові студіювання історії села.

Таким чином, завдяки підтримці місцевих керівників, доброзичливому ставленню всіх преславців, побут було налагоджено, залишалося тільки працювати! Загалом же, впродовж десятиденної роботи експедиції в Преславі, її учасниками було опитано майже півсотні респондентів 1912 – 1930-го років народження. Цікавих зустрічей, так само як і цікавих оповідачів вистачало. Від розповіді до розповіді більшало наших знань про непросту, а часом і трагічну історію села та його мешканців. Більшало й зразків місцевого фольклору, предметів побуту. Десять днів пролетіли непомітно (не в останню чергу завдяки близькості Азовського моря, до якого від крайньої хати села всього кілометр) – експедиція покидала гостинний Преслав... З собою кожен з її учасників відвозив не тільки особисті спогади, ми везли дещо набагато цінніше – розповіді преславців про них самих, кожна з яких становила свого роду «зупинену мить» (бо як ще інакше назвати дивне вміння людей вмістити у годині запису кілька десятиріч людського життя?).

Уже немає багатьох із тих, чиї голоси й досі лунають в оцифрованих записах. У цьому, на жаль, мені доводиться переконуватися на власні очі, під час щорічних відвідин сільського кладовища на поминальні дні. Однак живуть їх діти, онуки, які пам’ятатимуть їх вічно. Житиме пам'ять про них у серцях не тільки прямих нащадків, але й у всіх тих, хто стане читачами даного видання.

І за це велика подяка не тільки вже згаданим вище особам, але й багатьом іншим. У першу чергу це стосується наукового редактора тому – Юрія Олександровича Іріоглу, який власноручно, в процесі напи-

сання свого дисертаційного дослідження, транскрибував та звірив усі без виключення інтерв'ю, вміщені у виданні. Не менш теплими словами хотілося б згадати й головного редактора тому – Анатолія Васильовича Бойка, Тетяну Юхимівну Маркову, яка люб'язно написала нарис з сучасної етнографії села, Юлію Іванівну Головко (тематичний покажчик) та Вікторію ВікторівнуЛикову (іменний та географічний покажчики).

Розповіді друкуються науково-популярним методом зі збереженням усіх мовних особливостей, зокрема діалектизмів і специфіки побудови речення. Сучасна пунктуація застосовується за умови, якщо вона не змінює змістове навантаження. Нажаль, звукові файли на сьогодні пербувають у дуже поганому стані. Причина цьому - використання недосконалої техніки і старої плівки під час проведення експедиції. Як наслідок – окремі слова і навіть речення розібрати неможливо. В тексті такі ушкоджені частини позначені як *[нерозбірливо]*.

Володимир Мільчев

БОЛГАРСЬКЕ СЕЛО ПРЕСЛАВ: ЕТНОГРАФІЧНІ ЗАМАЛЬОВКИ КОЛИШНЬОГО Й СУЧАСНОГО ПОБУТУ

За час свого, більш ніж тридцятирічного, мешкання в селі мені довелося стати свідком процесів поступової трансформації побуту місцевих болгар. Багато з того, що було звичним у 1970-х чи 1980-х роках уже безповоротно пішло в історію. Майже забуті старовинні пісні, зникло чимало характерних рис матеріальної культури. Втім, не можна стверджувати, що в Преславі відбувалося щось специфічне в етнографічному, чи навіть цивілізаційному розумінні – тими ж самими процесами були охоплені всі без винятку навколишні болгарські, українські й російські села. Однак і до сьогодні, незважаючи на поступ глобалізації, мешканцям Преслава багато в чому вдалося зберегти самобутну культуру своїх предків. Запропоновані увазі читача нотатки є плодом моїх багаторічних спостережень за побутом преславців. Гадаю, що вони допоможуть краще зрозуміти як історію цього села, так і таврійських болгар у цілому.

Подвір'я та його будівлі

Подвір'я з будівлями, зазвичай, обнесене дерев'яним або металевим чи кам'яним парканом. Паркан, не кажучи про жилий дім, є показни-

ком достатку його господаря. Дерев'яні і металеві паркани виготовляються за замовленням господаря. Фарбують паркани зараз не блакитною чи зеленою фарбою, як це робили в недалекому минулому, а чорною чи "шоколадною". Паркан називають по-болгарськи – "дувар". Від фасаду будинку до паркана тягнеться садочок з фруктовими деревами та квітами – "градіна". Уздовж вулиць, біля кожного будинку, господарі висаджують фруктові дерева: абрикоси – "зарзалії", яблуні – "абалкі", груші – "круши", вишні – "чуреши", шовковиці – "барбонкі". В садку завжди багато квітів: троянд – "трандафіл", півоній – "бужор", тюльпанів – "лолєта", "пелінча" та інших.

Центральну частину подвір'я становить жилий дім – "кишта", приблизно 9х11 м або більше. До останнього часу будинки зводили з білої цегли, а зараз з декоративної, червоної. Окремо від дому завжди будували літню кухню, а зараз в нових будівлях літню кухню будують під одним дахом з домом.

Окремо від дому будують приміщення для корів, коней – "дам". Окремо від дому на подвір'ї будують погріб – "бурдєй" і приміщення для свиней – "кочена". У сараї відводиться місце для свійської птиці – "курнік". Зараз двір відокремлюють від господарських будівель і називають по-російськи – "хоздвор". Десь у куточку хоздвору хазяїн відводить місце для сміття та попелу – "купіштє".

Необхідною частиною подвір'я є басейн і колодязь. Басейн риють під питну воду, об'ємом 3-5 кубометри, викладають цеглою і цементують. Питну воду завозять кілька разів на рік, перевагу віддають воді з Бабанівського джерела (поблизу від с.Ботєве сусіднього Приазовського району). В колодязі болгари беруть воду виключно для господарських потреб. На вулицях, які близько до річки – Обіточної, глибина колодязя невелика – 1-3 метри, й на весні воду можна просто черпати, бо вода доходить до кінців зрубу. Із середини колодязь вимощують паленою цеглою. Зруб колодязя будують із цегли, а воду подають електричним насосом, зверху колодязь закривають кришкою. У селі, поряд з новими будівлями, залишились старовинні, низькі, довгі хати кінця XIX – початку XX сторіччя, збудовані за менонітським зразком, де всі будівлі, навіть "дам", знаходяться під одним дахом. Та таких будівель, які є пам'яткою старовинної архітектури, з кожним роком стає все менше, їх або ремонтують, або реставрують до невпізнання.

Помешкання та його обстановка

Для будівельних робіт раніше болгарські поселенці використовували матеріал, який був наданий у їх розпорядження природою. Дикого каміння, глини, піску було багато, тільки будівельний ліс доводилося

завозити здалеку. Фундамент будівель здавна робили з дикого каміння, а стіни зводили з земляної цегли й облицьковували обпаленою цеглою. Черепицю, якою крили дах, і цеглу, виготовляли на цегельних заводах, які належали поселянам і були в кожному болгарському селі. На кожній цеглині ставили тавро-позначку виробника. Будівлі з обпаленої цегли не штукатурили, а білили розчином вапна або білої глини.

Розміри будівель були різні й залежали від добробуту хазяїна. З кінця XIX ст. болгари почали переймати форму будинків у міщан Бердянська і Ногайська, а також у німців-менонітів. Збільшилася кількість кімнат, їх розташування, дерев'яна підлога і стеля змінили мазану. З'явилася коридорна система жилого приміщення. Жилі кімнати розташовувались уздовж коридора. Кожна кімната опалювалась окремою піччю.

Останнім часом у селі будують великі оселі на західний, європейський зразок. Є в селі півтора- й двоповерхові будівлі. Внутрішні стіни зараз роблять з ракушняку, зовнішні – з білої чи з червоної цегли. Ззовні оселя на обмазується і не білиться. Дах накривається шифером, металевою "черепицею", або оцинкованими листами.

Опалювалися раніше дома поселенців соломою, хмизом та відомим у степовій зоні „кирпичем", або по-болгарськи "тізєкєм", який виготовлявся з кінського, коров'ячого та овечого гною. Виготовляли тізєк щовесни, добавляючи до гною солому. Влітку його рубали на квадрати. Складали в купи, даючи можливість йому досохнути, прикриваючи зверху і з боків від дощу. Освітлювали домівки болгарські поселенці свічками і каганцями з овечим смальцем, пізніше керосиновими лампами. В 1961 р. село електрифікували. У побут преславських селян увійшли холодильники, телевізори та інші електроприлади. Опалювати будинки почали кам'яним вугіллям, соляркою, газом.

Дуже змінився останнім часом інтер'єр болгарської оселі. Свою оселю болгари завжди оздоблювали з великою любов'ю та витонченістю. Незалежно від статку, господа болгар завжди вражає своєю чистотою, а господиня – своєю охайністю. У багатьох домівках залишилося багато від інтер'єру минулого сторіччя. Стіни і зараз майже у всіх обклеєні шпалерами, вікна прикрашені мереженими фіранками. На вікнах стоять хатні квіти, або порцелянові фігурки. На стінах у багатьох оселях є репродукції картин, фотографії батьків, дітей та шлюбні фотографії. У всіх домівках на стінах завжди висіли годинники. Стіни та підлогу прикрашають килими. Дуже рідко, але зустрічаються і домоткані, зроблені своїми руками. В сучасному домі болгарина буває п'ять або шість жилих кімнат. Одна з кімнат – зала "гуляма кишта", призначена тільки для гостей. Внутрішні і зовнішні двері роблять одностулкові,

але зараз можна побачити і двостулкові. Внутрішні двері зараз не фарбують, а обпалюють.

У Преславі й до сьогодні збереглися такі старовинні болгарські назви помешкання і його обстановки:

Кам'яний паркан – дувар.	Шибка – цикла.
Господа – кишта.	Димар – кумінь.
Двері – врата.	Стіл – маса.
Стеля – таван.	Стілець – стольче.
Коридор – чістія айят.	Комод – сандик.
Передпокій – от кади двора.	Ліжко – крівать.
Зала – гуляма кишта.	Ковдра – ургань.
Вікно – пенджура.	Рушник – кирпа.
Низький столик – суфра.	Мереживо – тантела.

Із спиртних напоїв місцеві болгари вживають горілку – "ракію", саморобне виноградне вино – "віну", пиво. Полюбляють у Преславі в спекотний літній день – хлібний квас, прохолодні напої – мінеральну та газовану воду, солодкі компоти з фруктів, які господині готують улітку на всю зиму. В сучасних родинах майже всі з опитуваних полюбляють після їжі пити чай, або каву – "кафу".

Велика увага в сім'ях болгар приділяється харчуванню. На родинні свята, весілля, проводи до армії, на похорони готують багато страв із свинини, м'яса свійської птиці, риби.

Святковий стіл завжди ломиться від різноманітних страв. Деякі страви болгарської кухні залишаються такими ж і за назвою, і за способом приготування, як у старину. Кожна господиня на свята намагається приготувати якомога більше страв.

Багато страв готують господарки з овочів: перцю, баклажан, огірків, моркви, цибулі, помідорів та квасолі.

1. З перцю – печений перець – "жарєн піпєр", фаршированний перець "тепкані чушкі", з морквою та з "уріс" – рисом.

2. Варена квасоля з червоною підливою – "тріт фасуль".

3. Салат із баклажанів, перцю, томатів, який вариться і закривається про запас і використовується як гарнір і як окрема овочева страва. Називається він – "манджа".

4. Соус із цибулі та пташиного м'яса – "лукна інія (іхнія, яхнія)"

5. З капусти готують голубці – "сарми" з рисом та м'ясом.

6. Яєчня з салом – "ужарєні ііца" готується, так би мовити, на "швидку руку".

7. Люблять і дорослі і малі запозичені від сусідів-українців вареники з сиром, картоплею, капустою, а також млинці – "катмі" – їдять їх із сметаною, топленим маслом.

8. На Старий Новий Рік у Преславі обов’язково готують “мілін” і “тіквєнік”. Для цього шмат пісного тіста розкачують тонким листом, пересипають сиром і маслом, скручують у трубку, потім укладають на сковороду і заливають сметаною з яйцями.

9. “Тіквєнік” готується як і “мілін”, тільки замість сиру кладуть тертий гарбуз.

10. “Ушмєрь” – картопляний соус, заправлений червоною підливою на олії з додаванням муки.

11. “Чурба” – борщ із м’ясом.

12. “Каварма” і “курбань” – страви з баранини. “Каварма” – жарене або тушене м’ясо, яке їдять, в основному, холодним. “Курбань” – бульйон із баранини.

13. Взимку, перед святами, зазвичай ріжуть свиней. З м’яса яких готують ковбасу й ковбик – “дядо” – поросячий шлунок, набитий вареним м’ясом і зварений у воді зі спеціями.

14. “Пача” – холодець із свинини.

15. “Бут” – окорок, зроблений з дуже солоного і пров’яленого м’яса.

16. Розповсюдженою стравою є картопляний соус з м’ясом – “мравкі сас картофі”.

17. Частіше до святкового столу готується тушкована капуста з м’ясом – “зєлє сас мравкі”.

18. Національною болгарською стравою залишається бринза – “сіріні”, яка виготовляється з коров’ячого, або козячого молока.

Показово, що й на сучасному святковому столі в преславських болгар, поряд зі стравами, виготовленими за новими рецептами, завжди є місце для традиційних національних страв.

Хліб – “ляп (хляб)” болгари купують у крамницях, а члени сільського виробничого кооперативу – в пекарні, дехто пече хліб вдома самостійно з озимої пшениці, яку переробляють на муку – “брашно” на місцевому млині. На деяких подвір’ях, де є люди старшого покоління, можна побачити традиційні болгарські печі – “соби”, в яких випікають хліб та паски на Великдень.

Посуд

Для приготування їжі в селі користуються здебільшого сучасними газовими, електричними й мікрохвильовими плитами та посудом – від алюмінієвого радянських часів до новомодного “TEFAL”. Дерев’яний та мідний посуд можна побачити тільки в сільському музеї. Однак назви для посуду здебільшого використовуються старі, болгарські:

Ложка – лажица.	Відро – цибарка.
Дерев’яна ступа – кутел.	Миска – паніца.

Глечик – гарнє.
Сковорідка – тава, сач.
Казан – чавун
Виделка – фуркуліца.
Графин – штоф.
Бутилка (пляшка) – шише.
Дійниця – дойніца.
Марля для цідіння – цидак.
Бочка – бури.
Лейка – фунія.
Діжка для соління – каца.
Терези – терези, кантар, бєзмєн.

Одяг

Традиційний народний костюм болгар-поселенців Преслава виготовлявся з домотканого вовняного матеріалу.

Чоловічий костюм складався з сорочки – різа, штанів – гашті, жилету – ілєк. На ноги взували панчохи з вовни – чурапі і чоботи – чізми. Взимку чоловіки носили кожухи – кюрка, шкіряні штани – чішири.

Жіночий костюм складався з сорочки з широкими рукавами – різа, плаття – рокла, кофти та фартуха – фартушка. Голову зав'язували хусткою – шалік. Молоді жінки носили барвисті хустки, старі – чорні; на свято надівали білі хустки, обшиті тонким мереживом. Дівчата волосся заплітали в дві, або одну косу і прикрашали блакитними та червоними стрічками. Дівчата носили срібні та мідні каблучки, браслети, сережки, скляне намисто. На ноги взували вовняні панчохи і шкіряні черевички, старі жінки – галоші. Восени і взимку жінки одягали довгі ватні пальто.

Дитячий костюм хлопчиків складався з штанів, з підтяжкою через плече, сорочки та черевиків. Деякі елементи національного одягу залишилися в сучасному одязі болгар. Молоді жінки і дівчата носять багато прикрас, барвистий одяг, а літні люди, пораючись по хозяйству, не обходяться без жилета-ілєка, галош та вовняних панчох.

Дуже прискіпливо ставляться до свого зовнішнього вигляду чоловіки і хлопці – єргєні (парубки). Пораючись у дворі, працюючи у полі чи на фермі, вони одягають нові добротні речі і завжди мають святковий вигляд.

Донині збереглися такі традиційні болгарські назви одягу:

Сорочка – різа.
Плаття – рокла.
Штани – гашті.
Фартух – фартушка.
Чоботи – чізми.
Хустка – шалік.
Вовняні панчохи – чурапі.
Сережки (кульчики) – убіца.
Кожух – кюрк.
Жилет – ілєк.

Тетяна Маркова

УСНА ІСТОРІЯ СТЕПОВОЇ УКРАЇНИ

Єльнікова Віра Опанасівна, 1912 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Віра Опанасівна: Я деда помню, он был Аврам. Он родился в губернии... Курская, да. И там был институт какой-то, там у них...

[Стороння особа]: Мастеров кирпичного дела. И на каждом кирпиче...

Віра Опанасівна: Кирпич делали. Трубы, высокие были трубы...

[Стороння особа]: ...Первая буква мастера была. "Г", "К", вот это черепица-"татарка", там фамилия, еврей он *[нерозбірливо]*...

[Стороння особа]: Вот, видишь, буквы мастера. Вот так каждый кирпич был с буквой.

Віра Опанасівна: А кирпичи были четыре станочка. Кирпич назывались в станочек. И они руками носили, перевертали от так. Они рабочие учили, как носить, как...

[Стороння особа]: [Это] не ихний [завод]. Они были мастерами, а там... Там была яма и был завод. Море, село кончается и между селом и морем...

Віра Опанасівна: Голика... Там улица есть, он там завел себе сад, большой сад. [Это он завел]. У Приморске завел сад, красивый сад. [Это он кирпичи делал в Приморске]. Он своими приехал, восемнадцати их было, сюды, Негригора их была фамилия. *[Нерозбірливо]*. [Он приехал сюда работать]. Потому что там не было... Переселенцы! И при советской власти, черти сколько их было! С Западной приезжали... Пригнали в колхоз и работали! Ничего, работали! Нормально! Кухарка была у нас, когда я на комбайне работала. Кухарка была, болгарка: "Вера, идите кушать!" *[Сміється]*.

[Это мне было лет] двенадцать или тринадцать! Я помню даже и с восьми лет, как моя бабушка заболела, чем-то болела... Холера пошла в 21-м году, холера! Я тринадцатого году, но я такая досужая была, шоб все разнюха была. Даже мы, шо мы сделали с подругой, наверно, не знаю, сколько мне было лет, не помню или пятнадцать, или тринадцать, или двенадцать, черти сколько. Открыл он, накрал хлебу, *[нерозбірливо]* чи в колхозе, чи где там и выкопал ямы, обмазал ямы, они высохли. А у нас коровы были, нечем было кормить, а мы дергали у него, а у кулаков были загаты, такие, хороший корм. Глянули, он нам насыпал полно зерна и половину забрал, а половину оставил. И мы так с подругой, залезла, она подаеть, а я в мешок насыпаю. *[Нерозбірливо]* и домой, и домой, и домой. И мы яму ту выбрали! И в них... *[посміхаєть-*

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (27 липня 2004 р.).

ся]. От тут их... Кунчев был, Иван, дед, у городах у нас был. Это был *[нерозбірливо]* Батько сходил смолол: “Смотрите, больше не лазьте туда!” Ну, запрещал! А в его сколько забрали те ямы, другую он открыл, даже и ту насыпанную тоже забрали.

И его онучка, внучка его, заболела и... не умерла, а то *[нерозбірливо]* его молодого взяла отнесла, там в нас была эта, была где ложить мертвых, часовня была. И она положила девочку в часовню. Ее там *[нерозбірливо]* выкормила и ей показала дулю. Вот какие матеря были!

[Респрессии шо были...]. А шо я помню. Его забрали посадили, расстреляли и все! У нас... Ой! Кого... Партейцев, высших партейцев! Они ховались, потом выскочуть. А тут один партеец...

У нас была корова, две коровы, была кони, была и тачанка, была и брычка. Был и с фургоном так... [Это до коллективизации...]. Когда дали землю, были плуги у нас, никто не брал! А когда коллектив стал, колхоз, батько все сдал туды. Ничего он не думал [сдавать в колхоз]! Он говорит: “Все равно всем надо завтра сдавать! Только я, – говорит, – сдам у хороший колхоз! Шоб они его берегли”. Плуг купил себе у Бердянске, привез, двухлемешный. Тогда такого не было, а там только у Бердянске были. А он торговал рыбою. Поехал, торговал и купил дволемешник и тогда с соседом сойдутся и тогда он свою землю пашет... Наши там землю пашут и ему попашут, понимаешь, так *[нерозбірливо]*. А как начал тот колхоз...

Нас рускулачили, выгнали на улицу, а в нас... у меня было сорок рублей... гусей. И собрала одна наша и заперла в сарай. Я пришла, нема гусей, когда там кричит! Я пошла, он: “Я их заховала, щоб они это...” А они заховали б, покаместь...

Повыгоняли кулаков, этих, а... Мы никуды не ходили, свой... У нас землянка была, но она большая была, четыре комнаты. А это дядя Петя нам построил, шо *[нерозбірливо]* пришел и построил, строил нам все время. И мы там жили, и они на нас “Сопливка”, ну нас и не пускали никуда. И мы не ходили, там мячик погуляем, там не было сараев, погуляем и так от мы и жили. Да.

[Стороння особа]: [Во время войны...]. Уезжали! Я не знаю как во время репрессии, я знаю шо во время войны. У нас здесь, вот у моего мужа дядька, он был старостой здесь. Мильчевский фамилия его. Вот Мильчевский, Алавацкий *[нерозбірливо]*. Ну он не уехал, он утек! Через море, да, на лодке плыл и утек. Потому что советские войска наступали на Бердянск, наступали в Приморск. 28 августа был Преслав освобожден... [И много поубегало в Болгарию...]. Много.

Віра Опанасівна: ...Они еще когда немцы уезжали, они... ну они были полицаями и тикали. А потом приехали, знаете, были полицаи за

нас, за русских полицаи. Говорили: "Тикайте!" А они дураки не тикали, а поехали воевать!

Ох! Немцы, не дай Бог! Придет в дом, ты ему вари, режь утку, курку ему исть! Я ночью вставала и готовила! А шо будешь делать?! И били! Били! "Баба Вера! Баба Вера! Тетя Вера, вставайте!" Украдет там курку или утку, осмалит, там разрежут, да. Разрежут, да и я им варю ночью! Наварю, приду. А мне ж мужика нема, а мне ж з детьми, а мне тогда *[нерозбірливо]* Овсяник один был, а в них девочка была, Валя, лет наверно, двенадцать-тринадцать, шоб она со мной спала, я боялась сама. Дети...

Мене не били никто! Я надою, даю им молока... Раньше приезжал, русский хлопец, был у немец... как носил продукты. Подойдет ко мне: "Тетя Вера, молоко будете продавать?" "Буду!" Заплотить мне деньгами своими, я ему даю, а там... А он мне сахар принесет, то конфеты принесет дитям, то еще шо-то. Так я и жила! Вот так.

...Много рассказывать за это, очень много. А когда я пришла туда, у Радоловку, вы шо... Вы знаете как русских хоронили? На бричку накидують, как от то знаете, за ноги беруть и кидають у ту яму! Наших солдат, да. Наша-наши, болгары там... Наши... Если б не война, пошла б... *[нерозбірливо]*... покидала б к черту! [А как наши освобождали село...]. Наши освобождали село, да. Мы поховалися у те трубы, там на кирпичне, а они прошли, наши. Потом я иду, трубы, потеряла туфли, потеряла чулки, все потеряла.

[Стороння особа]: Ты не так рассказала. Пришли сразу разведка, трое мужчин у румынских одеждах и они начали тикать. А они говорят: "Вы не тикайте, мы специально пришли сделать разведку!" И потом уже пошли войска. Войска двигались по Мелитопольскому пути, на линию фронта двигались.

Віра Опанасівна: А стоять два солдата и в них сумка такая, да. А я ж бежала, я ж бежала возле своего дома, бежала-бежала, бежала-бежала, а тут брат выходит, пришел, а тут разведка идет. А он... И потеряла туфли там, ну вернулась как шла, потом нашла там. А он стоит говорит: "Отак шо, убежали, сидайте со мной!" *[Сміється]*. "Сидайте, сидайте!" А там у них такой камень большой, вытягает бутыль этого, меду, вытягает в сумке, где-то ж у кого-то взял, в сумке это ж печеное что-то. "Вы, наверное, голодные? Несите..." А мы в кирпичне, мы заховалися там. Я вернулася, там накормила, всем раздала. Ну вот и домой забрала, правда... *[сміється]*.

И вы знаете, были солдаты вежливые. Ну мне не нравится, они пойдут на море, там убьют утку или курицу, придет и я ее обберу и я вам днем сварю! Нет, ночью вари! От это мне было мучение, ну шо ты бу-

дешь делать. “Валечка, иди ты будешь у меня сидеть.” Она ляжет рядом со мной, Валечка та. От такая худюля, как вы.

[А после войны...]. Ну как жили. Привезли коров много из лесу... Раздали, тех диких, диких. Ото после войны доили их. Мужиков нема, сарай чистить некому, ничего делать некому. Мы сарай чистили... Один сторож коло нас, одну тачку отвезем, на жестянке, она упала. Он придет подымет, один мужик был, Ваня Савенко, хороший мужик был, он повесился. Довели, шо повесился, хороший был человек.

[После войны снова колхоз, немцы ж разогнали колхоз...]. Да! От приведут коров, у меня было пятнадцать, а они ж дикие. Он придет, *[нерозбірливо]* как она отелится, от так от. А я подою ее, от. Были телятницы там коло нас, был там все. И мы там... я уже на море не ходила, уже я была замужем. Это я была замужем, муж умер, тогда я уже работала и в колхозе. А нам в колхозе давали по шесть копеек на трудодень, да. Но мы, знаете, а тут был Зайцев хутор, аж под Инзовкой где-то, мы ходили туда рубали траву, такую, *[нерозбірливо]* там пахали люди, уже пахали. И мелеть, и как были земли, а мы не брали ничего, у нас. Тут была как его, приймали хлеб у нас, *[нерозбірливо]*, а как колхоз пришли, тогда нам пришли специалиста. Молотарка у дворе, там в селе, а мы шо делаем, снопы носим о этой от... Там, те старшие бабы кидают у молотарку. Неделю поработаем, мешок нам дают пшеницы. Я и братец, вот только два мешка. А вот в Борщевских, сколько, Таня, Ганка, Володька и Шурка, а им четыре мешка. Ну это ж не выгодно, от так было. А он отгребает там зерно или шо, от такие пацаны. Молчали, а шо делать?! Техники не было тогда! Ничего не было.

А потом еще, знаете, сараев настроили, в сараи перевезли этих коров. У сараях мы тоже работали. Но там были уже, знаете шо, *[нерозбірливо]* скотари. Мой муж был, второй, скотарь. Там мой и другой, а я была дояркой, так шо... Ну руками еще доили, не было еще этих машин. Не було, детки, не було.

[А после войны, вот уже когда Брежнев был, уезжали с села...]. Шото такое я... где были наши улицы, так она и стояла, да. Ну уезжали, знаете куда уезжали, мой сын уезжал... Куда, кажется у *[нерозбірливо]*, стоителем... Ну не було работы тут, работа какая... Кирпичня не работала, а стройконтора, шо там в ней работать, когда она... А колхоз, в колхозе шо там делать?! По семьдесят копеек на трудодень давали! [Молодежи уехало] много! Уехал мой сын с женою и с дочкою... *[нерозбірливо]*, а потом приехал, построил себе хату и купил машину. А теперь болеет...

[Как замуж вышла...]. ...Я насыпаю полумыску всем-всем. Первую ей насыпаю, это *[нерозбірливо]* как этот, ну не сковорода, а этот под-

ножник. Я эту рыбу жаренную наклала, ну как полагается, как мы дома ели. И каждому тарелку, каждому полумысок насыпала. А она стоит и говорит: “Дети мои, уже нам пайки, вот это болгарка, – она меня не называла русской, – болгарка эта уже пайки поналивала!” [Она меня не называла русской...]. Потому шо я *[нерозбірливо]*, а она с казанка кашу, нальет молока, кашу сварит. И значит так, первое Афоня поист, потом... первое она, потом Афоня, потом Анютка, потом Дуня, а потом у казану нема, вот есть: “Вера, посмотри, може там шо есть, поешь!” Вот так от. И я голодовала.

И мы пошли на квартиру. На квартире жили и постр... и бы нам город, и мы построили домик, на четырнадцать метров. Только был он камышовый, теплый был, хороший! Комнат было много мене, да, зала большая. Купили себе то кровать, то-то. И ты знаешь, как раз было от, начиналась война, брали одних, брали таких, сразу вроде Польша там, чи шо, заволновались та, а потом помирилися. Забрали, а потом вернули. А потом и это, да.

И шо. А они, от эти от, болгары, они были злые на нас, как собаки! [Почему] не знаю! И тут у нас на этом... тут было большое, где есть, там сараи были, черти шо там, *[нерозбірливо]*. Травлють где, там на конце, этого, Преслава, есть та строение... Так он тут. И там закопанный был офицер, офицер был. И шо?! Они откопали его, а в его золотая седло, золотая шабля! Кто забрал это все, не знаю, но мы видели это все! Простые дети, детьми смотрели там. Золотая вот шабля и золотые шпоры, и от только кости. А убили там, накопали там, метра четыре или пять, или десять, такая могила большая была.

[И в детстве тоже...]. Я никогда не играла с ними, [болгарами]! У нас была, называлась “Сопливка”, поселок, мы там сами себе. И гармонисты у нас там были, все сами. Ну как явятся они, наши хлопцы их разгоняли. Они... она, как мы пойдем до них, они щипают нас: “Русски блядки!” – значит, русские бляди, русские, понимаете! А мы тикаем тогда, нет-нет, мы уходим!

[И после войны ...]. Не знаю, я ж тогда... От приеду, те кто меня знают: “Ой, Вера, иди побалакаем!” Другой, третий... Ну я с ними, а шо я с ними буду... Вот сваха болгарочка, а шо я *[нерозбірливо]* так и мне, он меня подвезет, до нас приходил.

[Стороння особа]: Щас уже совместные браки, видите, вот у меня муж тоже болгарин. Невестка ж татарка, это немка, татарка.

Віра Опанасівна: А у меня был русский, и один, и другой был русский. Я б не вышла, знаете, кому работать у меня. Он был хороший человек, очень хороший, но его загнала одна медсестра. Я шла покормила

его... Сколько, семь лет прошло, ну шо я буду сидеть? Аля-аля!!! *[Сміється]*.

[Стороння особа]: Преслав образован в 1863 году, знаете. И шо тут три семьи сначала были... Значит, у нас здесь был музей, Наум Самойлович, царство ему небесное, председатель сельского совета, директор школы, он был вот этот музей... Фридкин Наум Самойлович и он вел этот музей. И у него была книга, история села. Так, Татьяна Ефимовна Маркова, после Наума Самойловича смерти, она музей вела... Иван Федорович Марков, замдиректора дома престарелых. Ну он... Здесь художник у нас был со Жданова и они там музей оформляли все. Ну это Татьяна Ефимовна...

[В селе у нас] улица Варбанского названа в честь учителя, здесь учитель был... Это эмигранты, болгарские эмигранты. Евгения Генчевна...Здесь раньше был педтехникум болгарский и присылали с Болгарии эмигрантов, преподавателей. От знаете... Его сын, он приезжал сюда, *[нерозбірливо]* ...ее сын Найденов, а она была Евгения Генчевна Найденова. Она преподавала математику и физику. Когда началась вот эта коллективизация, заваруха, они... ну утикли, короче говоря. Видно они что-то здесь делали, видно пропаганду вели здесь, потому шо, начали собирать...

Віра Опанасівна: Расстреляли их!

[Стороння особа]: ...Революция и они сразу... Даже дедушка отвозил их на станцию. Увозил ее на станцию, лошадьми, чтоб на поезд посадить, утекли. Не знаю, доехала она до Болгарии или не доехала. ...Сын приезжал, приезжал, в шестьдесят... в семьдесят втором году, сын приезжал сюда.

Віра Опанасівна: Знаете шо, я ведь этих учителей, де учились мы в техникуме, я знаю их. Помню их всех. Один, как начнется, кричать сильно, обязательно... Елену Генчевну я хорошо знаю, она нас учила, по русскому...

Стояновська Раїса Охримівна, 1912 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я 1912-го года рождения]. Тут [в Преславе] родилась, тут прожила! Ще й тут вышла замуж! [Моя девичья фамилия Ворбанская]. А по мужу Стояновская.

---

[1] Опитування провели В.І. Мільчев, О.В. Старух (27 липня – 3 серпня 2004 р.).

[А родители...]. Как сказать... Мои родители поумерали рано! Мамка и папка поумерали рано, отец тогда у войну, война тогда была, он приехал раненый, ну он заболел, заболел и умер... Отца звали Ефрем Иванович, [а с какого он года был], вот этого не могу сказать... Папка был на войне, дядька был убитый на войне, а папка приехал раненый. И тут умер, дома, вскорости умер. [Умер еще молодой!] Еще я, первая дочка была, семь лет! Папка раненый пришел, от ран, он заболел, там за месяц, я помню, так и умер!

[А маму звали] Елизавета Ивановна! [А с какого года рождения...]. Та ну черт его знает! И мама на другой год [после папы] умерла и остались сироты трое маленькие! Я вот начала ходить в первый клас, мама умерла от растройства, шла, упала и умерла! Трое детей остались, мы же маленькие! Братик от с 15-го года, четыре годы было, от пять лет! И другой дядька, на войне убитый, тоже трое сирот у хати! Тоже тетка молодая, та осталось и дед, и баба! [Это родители умерли] где-то в 17-м, 19-м годах. Бабушка [взялась нас доглядывать]. Это мамина мать! Мама была одна дочка, а то пять братов. И вот взяли хоть высмотреть, мне было восемь лет. А те, братик... *[плаче]* ...там шукали по родычах детей, и там их, хто там их будеть смотреть... А дочка, та, сестричка там осталась, тетка ее досматривала, но опять умерла, не досмотрела, опять бабушка и дедушка, там меня и ее взяли! И досмотрели, и отдали и замуж, отак мы и жили! Я была найстарша девочка, то сестричка, то братик, с 15 года, пять лет было так! Когда люди чужие забирали, он плачет, не хочет идти, а я плачу с его! [Потом с ним видились...]. А как же, взрослы... *[плаче]* ...так кричит: “Не поеду! Если Рая пойдет со мной, пойду!!!” Ну они тогда: “Давай мы и Раю заберем!” Ну так с недельку было, пока он привык, он там с хлопчики гуляют... В Богдановке! Болгарское... Долни Чушмелие, они назывались. А потом, через недельку, дедушка приехал на тачанке, и забрали меня... Потом приезжал он, забыл всех! Только говорил: “У меня сестричка Рая есть!” А так всех забыл!

[Дедушки и бабушки фамилия была...]. Той, как... Чантуловы! [Они тутешние, преславские. Они уже пожилые были], конечно, пожилые, ну по шиисят лет было, наверное! [Это меня они взяли]. Та ну и дядька был там... [Семья у него была тоже], а как же! Пять сыновей, ну так жили трудно, ну дружно! Они никогда меня не обидели, плохого слова не сказали и одевали, и обували... Ну они меня так одели и обули, что все завидовали, смотрели на меня, что я не ихня, они не знали что я... дочкину девочку взяли высмотрели... *[плаче]*.

[Они хорошо жили, хозяйство у них хорошее было]. Хорошее! Я никогда не обиденая была, так жалко мне было за матерь. Но я вырос-

ла у них так хорошо, всегда была одетая, обутая, и никто не знал что я ихняя... "Чужую!" – всё говорили. А сейчас там двор остался, там жил мой брат, а щас все поумерали. Поумерали все от голода, в 30-х годах!

Они ж огород держали! Я там работала... Стало десять лет, начала тогда, держали огороды, своя земля, ну я там работала, пока на семнадцать лет, на семнадцать лет я вышла замуж. Я скажу, мне было десять лет, дедушка говорит: "Рая, там с бабушкой, там уже можешь полоть, ну не так чтоб..." – ну там рассад делать или что. И так я начала ходить и десять лет я работала у них. Никто не работал там, он со своей семьей работал, дедушка! Со своей семьей, там пять штук их было, и он понемножку давал земля... Я работала, но они меня никогда не обидели, ни дедушка и бабушка, ни дядьки, они на меня никогда слова лишнего не сказали, не поругали! Потому что мама была одна дочка, сестра у них, они меня жалели все время! И так я работала на огороде пока замуж не вышла, а там уже больше так...

[Дедушка и бабушка держали огороды, это возле речки], они ж поливают его там! Дулаб! *[Сміється]*. Колесо! Деревянное колесо, а на нем такие набитые цыбарки. Они нагребают воду, нагребают и выливают, там вады сделанные. Корыто сразу сделано с дерева, с доски, а тогда вады сделанные. Работали, трудились! [Дулабе крутил], колесо, запрягали это... лошадь. Лошадь! Я и много раз видела как там лошади отак ходили. И ты ходишь, отак крутится, и тебе не хочется, спрячешься где-то! Поэтому дедушка нанимал мальчика на целое лето, чтоб он подгонял отак, оно не тяжело, но оно не положено девочке! [Это у каждого хозяина свой дулаб был]. Конечно! Каждый себе делал, потому что мало места, надо его развить, надо поднимать, вады сделать. Насыпают, поднимают! Такое было... [По реке стояло, таких дулабов], ну в селе пять-шесть, де хозяева! [Это ж не на одного хозяина, а на несколько].

Ну строили дулаб... Сам себе делал! Это такое сам себе делал, он сам себе работал, со своей семьей, не нанимал чужие люди! Пять сина, они всегда советовались, они такие были, что всегда слушались отца своего, вот они и работали дружно, хорошо! Три лошади у него было, пашет себе, потом еще раз вспашет, там делает себе... как вади, как колодцы делають себе! Огород, ну там два гектара, он больше не брал! Ну это ж ты купляешь и тогда оно ж твое. А земли у него мало было, потому что синам надо поделить, мало так. А надо и обуть и одеть, а где ты деньги возьмешь?! Вырастили, значит, продавали! Трудно было. Трудно работать на огороде. Ну, денежки есть! Там сажал... Пепер, свеклу, помидор, капусту! Такие делал во дворе, там капуста ранняя... Под стеклом [хранил], правильно! Это еще в марте, феврале там. А там потом делает, как сказать, место и подлаживает с лошади, сашки, тогда

глина, шоб зигревались! Когда уже замажет это глина, тогда уже семена там сеет, чтоб ему тепло там было. Ну там перец сеял, капусту, и до март, ну до май, так... ну до Паски считай, до Паски! А тогда рассаду рассаждаем капусты. Девочки гуляют, на улице кричат, а мы с бабушкой, садим капусту... потому что за нами идет вода поливает, а я сижу бабушке говорю, дедушку не скажу, совестно, бабушке: "Ба! Я тоже хочу!" Что ж я там видела, нам там до села близко, девочки играют и мне хочется! Она тогда до деда... Солнце так уже падает... Он: "Иди играй!" Как скажет, я знаю шо... и бегу!!! Так я, все босенькая, так переоделась и пошла играть. Отакое было! Слухала конечно, никогда слова не отказывала. Как сейчас и отцу и матери кричат, аж совестно слушать!

[То у дедушки работали на огороде...]. Потом вышла замуж, это в 29-м, а 30-го работали индидуално, 31-го работали индидуално! Уже в 32-м он подает заявление, его берут в армию, его берут в колхоз. Отобрали земля, все!!! Что ты будешь работать! Они землю себе работали, были два лошади, бричка хорошая... да, тачанка!

[Сеяли], пшеничку, тогда там мужики сеяли себе! Посадять, там посеяли! А когда там семечка посеяли, там баштан, кукурузу, ходим полим, там за день, за два! Мы ж там, нас... золовка была у меня, мы там сядем на бричку по одному, Райка, золовка и я. А бабушка дома готовит. Один день пойдем кукурузку, пополим, на другой день пойдем, не спешим, никто тебе не гонит. Другой день семечку полим, баштан себе посеяли, картошку посеяли. Тут фрукта, все. А там все сеяли себе, картошка, огурчик, фасолю, а тогда начнем собирать! В первую очередь баштан! О-о-о! Баштан! Щас жалко, то если люди посеют там, то купишь себе попробовать! Так умрешь и не покушаешь! А тогда воскресенье, запрягают бричку, идем на баштан, и фасоль собирем, если сухая есть. И полна бричка нарвем, это диво пепера, везем! А деточки маленькие: "Дай, диня, диня!", даешь, на-на! *[Сміється].* Отакое было! Село! Никто тебя не судит, никто! Никто не просить, каждый двор было, было... Свое все было! А сейчас...

В общем, когда с хозяина соберут все, он так говорил: "Не нарадуешься как она растет, а что она дасть, Бог его знает!" А когда уже насыпешь себе в амбар или на горище, себе насыпаешь, тогда уже можна сказать, от, мое! Молотили, родилося! Ну если лишняя, оставляет на фураж себе, скоту, за еду! Смололи... А шукали хорошую паровую, самую хорошую! Помолол! Это Богдановка! Там и одвезут бричку, мешки, мелят и привезут, там и хорошая мука. И хорошая, на всю зиму, и хлеб пекли, пекли... отакие буханки! Хлеб хороший! А если семья большая, то и два раза [в неделю пекли]! И по шесть буханок! Семья! А тут я пришла, сколько тут, четыре человека, печем один раз и все, спе-

чешь четыре буханочки и чтоб хватило на целую неделю.

А пшеницу [продавали], там кто возит – у банки! Это вот банка, где щас пекарня, это была банка. Тут и амбары были, отдельно от этой дом большой. И там амбары во дворе, и это кто сдает, возит там и сдает. Плотят там сколько, а тогда, они ж нанимали люди, нанимали людей, чтоб вывезти, а на пристань ото возле моря. Возили и тут им платили. По-моему да... была [пристань]! Возили туда и хлеб сдавали. Все! Помоему и щас, от если не разорили. Товары то... в Приморск. Приморск! И точно возили в Приморск!

[Это у дедушки на огороде, а у дядьки своё хозяйство было]. Ну кто отделился. Тот своё хозяйство имел. Они деляться, ну там семья уже есть, он поженит его, и там семья и дедушка уже делит его. Потому что нельзя же всем вместе жить! [А жили в одном доме]. Ну как... ну тогда мало земля было... Та ну... дядька никуда не молотил, дома все, ну там же огород, овощи наверное, а нельзя чтоб пропадало, а земля, он там отдасть людям, они ему и посеют и смолотять, и покосить, и... привезеть ему и солому и зерно. А те там хозяйва и молотилки имели, и работали себе... [Дядю звали] Семен! Дед умер, уже работал в колхозе огородник, да... [Хозяйство так считалось, середняцкое. Пятеро хлопцев было], они не смогли, там же совсем мало земля! Они тогда как давали землю, на семью или как, я не помню. Ну кажеться как на десять человек, два гектара дают ему. А, как это ж... по едокам!

[В коллективизацию все забрали!] О-хо-хо!!! Брали все, заразы, все брали, брали!!! Сразу лошади забрали, да... [Не хотели в колхоз идти!] Не только мы, никто не хотел! Забирали у них со двора все, все. Ну нас никто не тронул, потому что в 30-е годы, в 31-м, 32-м году, он пошел в армию, забрали его в армию, мой хозяин, но он пока дома был, подал заявление, надо было заявление подавать в колхоз, как тебе не примут, вся семья. Земля отобрали, сидим дома, никуда не на работу, и как можна жить?! Забирали все, у Ивана две лошади были вот тут, но уже была бригада, хозяйва выгнали, сделали дом бригада, и там одвели, два лошади были. Коровки не брали, а барашки, это все забирали!!! А тогда начали литайры, по горищу ходять шукають цепи, веревки, как бандиты, и все! Ей Богу, банда!!! Комсомольцы! И преславские были, и с других сел приходили! Щас ни один нету, они все поздыхали!!! Отак люди жили, кто не хотел в колхоз, его выгоняли с дому!!! И все, иди куда хочешь, и он если не умрет в степи, его никто не пускает в хату, если примешь и тебе накажут!!! Люди бедные плакали! И те родители, что меня досматривали, поумерали с голоду! Забрали земля, не дают им работу нигде!

Те родители, что меня досматривали. Они все поумерали с голоду!

Да-да! В 33-м! Да, страшный был тогда голод!!! А я была тогда, красноармейка, да, один ребенок у меня, я получала 16 рублей и пуд хлеба! И свекр и свекруха в хати, наша семья была! Муж в армии! Ну он в 33-м уже пришел. В 34-м он уже пошел трактористом работать в колхозе, выучился. Мужа когда в армию забирали, ну с [190]8-го года он, а брали его в армию... с 32-го! [Уже были] женатые. Один ребенок был у нас. Девочка была, два года! Это забрали его на два года. Это два года служил! [Как провожали ничего не делали!] Такого не было! Мои вот девочки расказывают, как сейчас собирают такой гуляй, такой готовят, в тогда не! Даже одну сестру не позвали, чего не позвали, Бог его знает. Значит не было брата такого. Утром встали, покушали вместе, отца и матери, он один был. И все, собрали ему сумку, и отправили, тут по улице, по нижней бричка их собирала. Тогда машины не было, так на бричке, ну наверно, поехали на Мелитополь, сколько тут хлопцы были с Преслава и одвезли их на это... на бричку! Плакала! [Страшно было на два года самой оставаться]. Да, молодая, два года... три года прожили и забрали его. Плакала, потому что родителей у меня нету, остаешься со свекром со свекрухой, Бог его знает как будем жить. А муж тут служил, под Румынией служил. Плакала, ну он в отпуск приезжал... [Письма писал]. И карточки были у нас. Март месяц – он приехал. Как раз в трудный момент, люди умерают, ничего нету! Колхоз собирается, люди одни заходят, другие выходят, там люди забирают свои лошади! Та-а! Это страшно было, как подумаешь!

[Это с детьми и свекр со свекрухой жили на пуд хлеба месяц!] Та свекр пошел на виноградник работать, собирали там такие старики, и он там работал! А что там заработаешь, палочку поставят, а что там на нее дадут, что ты получишь?! Ничего! Если килограмм, два, получишь, на пятидневку! Кукурузная мука, на каша вариш, ну там коровка, ну мы то семья маленькая! Сразу маленькая, потом стали большая, вот так одно мученье!!!

Огороды они не забирали, мы же там не пашем, ничего не сеем! Это съешь и с этого кормишся! А тогда кто тебе дасть пахать, чего ты там насеешь, ничего у тебя нет! Нас никто не тронул, и Ваня был такой, его всегда все любили. Тогда ж раскулаченые ховали себе хлеба чтоб прожить, а их выгнали, а хлеб в домах остался! Приехал мой хозяин с армии, они позвали его, вот тут контора была: "Идем, будем хлеб шукать! В этих домах, что выгнали, есть хлеб!" Мой хозяин, один день нашел, они ему подказали, нашел 80 пудов хлеба! Ой, колхоз рад, все властители накрали себе!!! Мешков по два, дали они мешок тоже, от! Шо он нашел такой хлеб! И мы прожили отак легко, ну не легко, но не опухали, никто не умер с наших, в семье.

[А соседи...]. Ой! Как переживали! Закрываешся, чтоб никто не пришел, не видел как ты кушаешь! Они ревут, в окно смотрют, дайте нам хоть одно зернышко!!! Падали, умерали с голоду!!! Страшно! Я не могу передать как страшно! Там падали, там падали! И от возили, там в сельсовете, наверно, давали им паек хлеба, чтоб они собирали по селу и возили! Брычка, лошадь и собирали людей, как собаки!!! Вывозили их на кладбище... [На сельское кладбище]. Да... Там выкопают, там ямку, не такую как нормальную, или так покидают на кучу и все!

[Море не помогало...]. Никто не ходил у море! Это после войны тогда, много людей спасалось. А в 30-е года никто на море не ходил! Тогда и рыбакив не было, не помню такое! А уже после войне, тоже какие-то трудности были, тоже мученья, тогда дети уже были у меня, пять. А муж был в Трудармии, аж в Гурьеве был, а я... То хорошо старики, свекр хороший был, выйшов с колхоза, пошел тут в совхоз работать и взял там мальчика моего, старший, Павлика, 12 лет, пасли там коров, и нас спасли! В Панской! И он тогда нас спасли, вот эта Маша, четыре года, взял себе, вот это Павлик, а я тут строю, осталася и бабушка. А я в колхозе работаю, а что ты работаешь, ничего тебе не дают, то коровку целый день запрягаешь, и отак работаешь, и если украдешь там ведро... Там это в степу, молотим, если сможешь украсть если сможешь. Вот с этого и крутились, одежу с себя продавала за буряк! Буряк повывариваем, каждому по кусочку повыкладываю, и бедные детки кушают!!! Отак я их спасала, пока хозяин не приехал с Гурьева! Как хозяин приехал с Гурьева, три года его не было, я тогда перехрестилась!!! И свекр все говорил: “Рая, давай, чтоб дети не пропали!” – ну он мне сильно помогал. Пока там Ваня не приедет, он и деньги получал и паек, и все домой мне: “На!” А в колхозе ничего не дають, а тогда тебе еще и засудят, за 300 грамм засудят на три года! А там детки умерають!

Были [случаи]... Вот была женщина с нами в бригаде, не работали, дети такие как и у меня, муж, тоже там в Гурьеве! Ну никакой помощи ей, ничего, ну она что, а сахара нету, и она с буряка наварила самогон! Наварила самогон, такой буряк сахарный, а в то время милиция ходила у нас, такой Димерлеев, говорили ему. Он татарин с Крыма, ходить ночью, смотрит кого поймать! Отак боялись! И она та жинка трое детей, они заснули и она себе тихо варит самогон! И он, паскуда! Може подказал кто, вот он постучал, а она как раз варит: “Открой!” – а куда она не откроет, милиция! И все, забрали все, и ее забрали на три года! А те детки маленькие плачут! *[Плаче]*. Ну их родычи, Федена сестра, забрала детей, замкнута хата, а дети у ней. Дали телеграмму, ну далеко ж, хозяину, Федя был, он был в колхозе амбарщиком был, хороший, добрый! Ну что ж, он приехал, а не может даже подойти, забрала ми-

лиция, а тут до детей, забрала двоюродна сестра, ну решили пусть она, двоюродна сестра будет смотреть до пока он приедет, а там он будет клопотать, чтоб его пустили. Ну, приехал, через месяц чи два, приехал, нашел себе работу, он граммотный, продал дом, забрал свои детки и уехал там жить! А прошли года, пришла и она с тюрмы, ну он и ее забрал конечно, там долго жили!

[Много людей сажали по селу в 30-е годы!] Страшно, страшно!!! Ой! Что там мы видел, что там, только наша жизнь началась, поженились! В то время, 30-е, 29-й года, это как раз наши, мы тогда выходили замуж, молодые хлопцы и девки, я помню их, ужас! А кто тебе скажет, кто тебе скажет!!! Вот ночью пришли, забрали тебе и никто не знал и я не знаю! Слышали утром – тот забрали, тот забрали, женщина осталась! Там одна ребенка, два ребенка осталось, плачут бедные!

Было [свои же шли в коммунисты]! Полное село, не хотели работать! Вот тут пишеться, еще и плотят! Из бедноты, да!!! О-о-о!!! Боялись их люди, боялись! Да! Работать не хочет, а жить, они живут!!! Обдерут тебе, скажут, придут к тебе, обдерут все у хати, а ты останешься голая, как без ничего! Выселит тебе из дому! И сидишь, молчишь, боишься!!! [В комсомольцах] болгары! Тут русских не было, може с другого села придут... Свои, свои черти!!! А тут у нас, напротив, был... ох... коммунист, начал он раскулачивать людей! Ну а мой хозяин взял пальто, ну и оделся, все ходит в пальто. Посылает людей на станцию и не сказал ему, ну он, наверно, там потом на станции, а его, машина подходит, все забрали, закрыли дом! А тут хозяин пошел так с курточкой, а это коммунист взял и одел его, а на другой недели, с машина упал! Напротив свого дома! Упал с машины, разбился и это пальто облял кровью! Все говорили, вот Бог, а то нет Бог! Видишь как его наказал!

[Из раскулаченых кого выслали...]. Сейчас эта женщина работает в интернате, старенькая вже! А то тут выселили ее тут, через два дома, отсюда, они были еще дети! Выселили мать, отца и они были две девочки! А как?! Помнила... Дизелова, как скажешь Дизела мать, Елена ее зовут! Она с высылки вернулась и сейчас ее держат, ей тоже наверно где-то 80 лет! Её держат в интернате, она работает дохтором. Много тут вернулось, пошли по селам, а она де... Она не девочка, она с мальчиком вернулась! Две сестры, они с мальчиками приехали, родители поумерали у них там! Они вернулись, и она тут вышла за этого, Ваня, замуж, и дочка в ней! Вот тут она напротив нас живет, там она еще живая. А вторая сестра в Бердянске, как пошла туда, там и замуж вышла! Та красавица сестра, это низенькая, маленькая!

Ой! Жили в такие трудные года, страшно! А нас не тронули, у меня детки были маленькие! Как вспомню те года! Сколько родычей с голо-

ду поумерало, там людей с дому выгоняли, все, иди куда хочешь!!! Я последнее время помню, не знаю где муж был, и Валя чи приехала с городу, а дедушка что смотрел, его выгнали с дому, и ничего не дают, и он умерает с голоду, ничего нет! Ну решил, а тут через речку, ну берут его огородником, и пришли забирать его тут! Ну, так март месяц был, а я у хати, ну что не сваришь, сразу поедают, ну болтушку или что там, вот такие пятачки с буряка пекла! У меня девочка первая, так я всегда ей на обед оставляла, чтоб она перекусила что-нибудь. А я ему ничего другого не дам! И как раз сижу у хати, раскрыта у хати, сама не знаю чего раскрыта, мы ж все время закрывались, боялись! И заходить, а такой красный был в щеки, он пил, здоровый был человек, а сейчас синий, и он говорит: "Рая! Нет у тебя хоть кусочка, вот так, что-нибудь?!" Ой! А что мне дать, я бы и рада что-то дать! И вот так я девочку оставляла, и тут мне стукнуло в голову, подожди, это я где-то оставляла пятачку бурячка, оставляла девочке: "На!" – дала ему! Он сразу, раз, положил в рот, говорит: "Там на улице гарбы, мельница со мной, поделиться наверно..." От и вышло, больше и не видела их, они там поумерали с голоду, бедные!!!

[Мы в колхозе работали], а дети в школу ходили. Маленькие [дети], то большие, осталась старша, Надя, он кончила десять классов. Куда ей, тогда же нигде не отсылали учиться! Никто тебе не пустит! Я пошла в колхоз, там в ларек продавать овощи, она один год продавала, а на другой вышла замуж, там семья большая. Два года прожила с этой семьей, пока наделили её. Ну она не работала так, такая работа, она сразу работала на большие веса в колхозе, а тогда в контора взяли кассиром. И пока не пошла на пенсию, кассиром работала в колхозе себе и все! А тогда эта Маша окончила десять классов, куда ей! Ни паспорта не дают, ничего, в колхозе иди работай! Может она и не хочет в колхозе! Они закончили пять девочки, пошли по району, взяли себе комсомольские путевки и поехали аж в Кривой Рог. И там работали, там заслужили себе авторитет и поженились там.

Пока год не пройдет моему детю, никто не пускал меня на работу, ни свекр, ни муж! Свекруха была! Муж тут, один син у них, братьев не было. Одна сестричка вышла замуж за богатого, три месяца прожила и ее выгнали с дому, она вернулась и жила у нас. И началось горе! Колхозы! Первые колхозы как... первые года, как начались колхозы, мы ж, Ваня подал заявление, отвел лошади, пошел служить в армию! Не знаем в колхозе, где работать, мы не понимаем, мы тогда не брали земля, мы не знали чем заробатывать! Сидим дома и все! Ну хлеб был дома, мы ж себе два года индивидуално работали! До 30-го сами себе работали индидуально себе, а с 31-го , 32-го уже в колхоз зашли, все!!! Пекла!

[И детей сами воспитывали], тогда же детских садиков не было! А появился, шас я ... это накормить же их надо, а колхоз бедный, ничего же нет! Шо сварят на эти дети! Когда Ваня приехал в 33-м, у нас была девочка, года четыре, ну не отдали. Ну давай отдадим, там пусть спивают, ну я и отвела! Там плачут дети, голодненькие! Я всегда накормлю с утра что-нибудь, чтоб не плакала! Ну посидела, посмотрела как мать ведет их. Плачут они там, собирают! Тут не далеко была садик. Плачут они там дети, травкою, режут хлеба там кусочек, такой длинненький, такой вот!!! Так тот хлеб пока попадет на это ребенок, так там наверно и не останется ничего! Ну трудное время голода!!!

Ну я там оставила, одно время они там сели кушать, оставила! И пошла себе дома, ну я думаю, что мое детё в садик, я была спокойная, и свекруха была дома. Когда одно время, я еще нигде не была, не на работе, одно время, слышу мое детё ревет, бижить и ревет, чи били ее! Вышла я на улицу, она бижить и воспитательница за ней бижить! И я так помахала ей, не бижи, не пугай ее! Пришла она: “Больше не пойду, больше не пойду в этот садик!” – и сховалася там в хати за двери! Ну воспитательница пришла и рассказывает, ну не удержишь их и все, плачут дети и бежать додому! [Ну там в садике конечно и] воспитали! Они там и спивали. Их там и водили, как лет, начали их водить, вот тут площадь, не было те дома. И начали вот дети по этой площадь, дети маленькие, спивать, рассказывать! Да, воспитали их, а как же! Ну были такие дети, что не захотели, ну в школу пошли. Ну садик был! Ну я больше так и не дала, высмотрела пять и больше не дала! И больше мы ее не пустили и было уже шесть лет, седьмой уже, собирали в школу уже и от тифа умерла девочка моя! И в садик я ни одно дите не пустила, вот до сих пор! Как не было трудно, но дома спокойно, пусть сидить. И так мои дети не разбойники не были, не баловались. Это вот на пороге младшая, это наша и Надя старшие, а она там вышла за богатого, щас и мужа нет и корову держать. Дочка не далеко, в Преславе, все отдельно живут!

[Свекруха много помогала детей воспитывать]. А как же! Я начала в колхозе работать и хозяин Ваня был три года в Гурове, я на работе, а она дома! Маленькие дети! Ну как маленькие, пока год нету, я и не пойду на работу, я его не оставлю. Оно уже ходить. Она там его покормит, а вечером все там собираемся. [Там что учили... Ну считать это в школе когда уже]. Считаешь и так и так, а оно не понимает! Ну девочки еще как, но мальчики!!! У меня вот сын еще живой, в Бердянске, он ничего не понимал, ни за жилье, ни за трактор, ну он умерал! И до сих пор он на тракторе работал, он не грамотный, четыре класса, но машину разберет и соберет! [Считалось лучше, если ребенок неграмотный,

но] чтоб тот работал! Все было! Трудности были большие в колхозе! Ничего не было! Ничего не зарабатываешь, издевались на нас! Работаешь, там бригадир записал: "Что ты записал?!" "Записал что вы заработали!" – а когда начнешь получать – ничего не получаешь! Вот как мучали нас! Вот мой муж утром работал на тракторе и утром умер! Все за работу, за машину и умерал за них!

Когда появились уже в колхозе машины, это вот тут первый колхоз! В селе мало было колхозов, сразу они собрали людей на колхоз, кучу, потому что они не хотели колхоз, не собирались! А так то уже пойдут принуждать его, выгонять с дому, забирають у него все, самоправно! То те собирают! Ну сколько тут работали?! Я помню, Ваня работал в колхозе, тут осенью забирают его в армию! Когда он приехал с армии, года через три, 34-го года! Появился ХТЗ, "Универсал"! Был один у нас, Ванины года, Павлик, щас он уже умер, поумерали все трактористы! Работа трудная, это трактора не годные, это сейчас трактора хорошие! Щас вот Толик работает в галстуке на тракторе, а тогда, этот трактор, под него делают подшипку, как справляет его – мазут течет, он обмазаный, придет, надо постирать его, придет одни глаза только светяться! Тогда трактора, "Универсал", ну Иван мой тогда сел на него, "Универсал", он маленький вроде. Отак мой Ваня работал, а тогда помошник работал, трудная работа была! Трудные трактора были, но тогда навозили их!!!... Ая-ай! Каждый год возят, три бригады собралось в колхозе, а они все тащят их!

На машине лучше, конечно! Лошадь распряг, надо накормить ее, напоить! Они ж голодные! Они так и подохли голодные все в колхозе! Потому никто не кормили их, а запрягают и гонят их!!! Думали так это, а оно нет! Лошадь надо смотреть, как ты кушать, так и он! Так от лошади подохли, и сели все на машины, молодежь все были, и на машины привыкли все!

[Те кто пошли работать сразу на машины и трактора, те считались лучше]. Было такое! [А так...]. Земля была запущена! Заросшая бурьяном! Мы ходили, ламали граблями бурьян, а тогда вже тратор заходит и пашет, а так не зайдешь, все запущено было! После этой жизни страшно было, а тогда немножко наладилось! Тогда до войны, а тогда после войны опять началося, отак и жили! То хорошо, то плохо! А само хорошо – индивидуално! Индивидуално! Ты хозяин во дворе, знаешь свою землю, обработаная, чистая! Никто на тебе не хозяйнует. Щас видишь как они хорошо живут, какие пенсии получают, а тогда какие пенсии! Кто тебе дали деньги?! Иди сам, добьешь, будут тебе деньги! А сейчас хорошо, деньги получает, все держит, никто не хозяйнует на его земле! И скот держит много, от по две, по три коровы, от лошадь! Иди

доставай себе что хочешь, телята, поросята – все есть! Слава Богу! Но мы же уже не работаем, и дочка и зять не работают, а получают хорошо! Виноград у нас был, в огороде всегда шесть рядков винограда было, вино всегда свое было! Наливали и давали, пили!

[А во время войны...]. Я тут и прожили в этом доме! Свекр и свекруха, а муж забрали в Трудармию, а на фронт болгаринов не брали! Там они в Гурьеве, много поумерали! Ой! А мой хозяин попался поваром, и он помогал, там много преславские мужики, как не приедут, все благодарят его! Там пресная вода пили, так она там как, если не умрешь, а так такие что не хотят работать, не хочуть и жить! Ну так накушаются, там рыбы было много, и напьются эта пресная вона и сразу понос, понос и умерает!!! Тогда еще болгарин не брали на фронт. Сталин не брал болгарин на фронт! Ну тут работали, выбирали хлеба... [При немцах колхоз был]. Вот так. Ничего не изменилось!

Румыны [в селе] стояли! У нас в селе не было немцев совсем! Тогда по улице, асфальт не было нигде, по этой... ну по Степовой, нигде асфальта не было. Тут оно как дождь, у нас машина нигде не может пройти, проехать, а там на Бердянской, Приморска, до моря – это румыны! Ну это они по домах, у нас стояли два хлопца! Ну так, наши года были. [С ними, мирились...]. Они ж в зали жили, два, а мы ж отдельно, там кухня, то они пойдут себе на кухню, накушались, шо там принесут в котелку, такая баланда! И он не кушает, там собаке выливает: "Вот как нас кормят!!!" Они плохо жили, плохо их кормили! Тогда кукуруза, а я ж сварим мамалыга, отрежим по кусок, им дам, и дам молоко, и они так благодарили, и так жили с нами хорошо! Так сядем отам вечерком, [так с ними не разговаривали], они ничего по-нашему не понимают! Там от, ну жили спокойно, охраняли море, а так ничего в селе у нас не было, мы ничего плохого не видели!

У нас не было дороги, там если дождь пройдет, то они по асфальту, по дрому, на Бердянск, через Приморск на Бердянск! У нас румынцы, так от как сказали, отам на углу у нас бригада, так сказали, ой, там такие мотоциклы страшные! Они там одетые, обруженые! Кричат: "Румынцы приехали!" Я как раз, Ваня на работе был, я посмотрела, там верно, люди на улице собрались! Мотоцикали, страшно! Я думаю, дай пойду посмотрю! Они в каске, одежа у них такая, чи военная, разная, и такие мотоцикли большие! И один заходит в бригаду и говорит: "Коммунисты есть!" Люди говорят: "Нема тут никого!" А Вася Дёмин, учетчик был, там с Ваней по тракторам, и они как поймали его: "Ты коммунист!" "Та нет!" – а он в комсомоле был. Отпустили они его, люди начали говорить, что нет, он не коммунист, их нет тут, они удрали все! [Все выехали]. Они все эвакуировались со семьей своей! А тогда кто

живой остался, вернулись!

[Люди боялись сразу, а потом привыкли]. А что делать! Все в колхозе работали, но хлеб давали! Немцы давали хлеба сколько хочешь, давали так что на собаку, на кошку оставляли, все! Лишний хлеб! Когда вернулися красные! Ой! По горищу лазили, выбирали последнюю грамушку!!! Тогда мы чуть с голоду не пропали!

[Помню как красные вернулись...]. Как от, слышно было в Вячеславке, коммунист один старый, ходит тут, ну и иди в свое село, так видно там его гонят, а тут легше! Так ходит: "Кулаки! Кулаки!" И вернулись, и-и-и!!! Как увидели? Ганчев вернулся, побежали люди, побежал народ! Та они не на фронте были, а там же где-то жили между людей! Ну вернулися, и каждый начал себе по своему хозяйновать! Пока болезнь его не захватила и он тут не умер! Обижали нас, страшно! Та ну что, мы свою опять работу работали! [Как люди к коммунистам...]. Ну как относились, ты его не трогаешь и он тебе не трогае! Где крали что-нибудь, беруть и арестують! Коммунисты смотрели свою шкуру! Чтоб не работали и жили! Они же не работали! Наживались на нас!

[У войну полицаи в селе были]. А как же! Местные, местные. Вот друг мужа, Вани, был! Там где вместе были, вместе в армии служили, вот он! Там те раскулаченые вернулись, все местны были! И все [раскулаченые в полицаях были]. [И староста в селе, тоже был...]. Он учитель был, молодой такой, наших годов... А как его фамилия я не помню... ну преславский тоже! Его уже нет, он умер! Ну хлопцы, все Ивановi товарищи, как что-нибудь, они придут и ему расскажут! А как наши вже идуть, так сильно в Болгарию все поехали! Ну, это Мильчевский, ну он умер, прошлый год. Сын вот его живет, вот в отот дом. Иван Иванович, да, полицейский был! [Это они жили] не по нашей, по Нижней [улице]! Ну они с Ваней, там молодые года, работали там, ну в общем товарищ! [Потом в Болгарию выехал]. Через 10 лет он вернулся, жена его тут была... двое хлопцев было, дочка! Дочка вышла замуж в Мариновке! И мать его тут! Приехал он, и никто его не тронул! [Не судили его]. Если бы был тут, был бы судим! А он уехал и жил там 10 лет!

[А были такие, что приехали сюда или не успели выехать и их тут судили]. Были, были! Колхозный председатель! Ну тут два колхоза были, ну тут одного судили. Это, Стояновский, его судили! Потому что он напился, время косовицы и на ток, это вот ток, работали люди. И он побил колхозников, и как раз немец, с Приморска, с тачанке идить, с переводчиком, и тогда ему наверно сказали, и тогда он с плетками, та на него, та на людей! И когда начали тикать, красные его засудили на 10 лет, это колхозник наш, председатель! Стояновский Николай Васильевич! Жена его тут в колхозе работала, и девочка. И 10 лет, а по-

том пришел он, вернулся! Ну искалеченый вернулся! И даже к нам он приходил, я его еще лично спрашивала: “Коля, тебя не били?” Он такой был здоровый парень! Говорит: “Нет! Никто меня не бил! Но я работал дуже. Тут май, все спешат, там горючее привезли, каждый спешит, там надо разгрузить, там машина, железо, ну баки железные с бензином!” А он говорит: “Идите, идите домой, праздник!” Не сильно уважали их! Снял все, не помню сколько то он сказал, ну все с машины там снял! И говорит: “Почувствовал, что мне сделалось плохо!” Пошел он до врача, тот: “Сиди дома и никуда не ходи, что-то у тебе болит!” И потом его паралич разбил, рука отнялася, ноги отнялася. Ну что делать?! Вже не могу работать! И так он там сколько отсидел и комиссия там его отпустила, и он приехал! И тут в селе, выкопал, выкопали се... город, и там дали ему квартиру, три дочки! Одна там в Крыму работала, врачиха, Маша! Другая, Шура, там в Никополе вышла замуж, ну она умерла! Третья, Надя, с нашей в школу ходила, тоже там замуж вышла!

Ну тут румыны были... [Ну начальник из Приморска приезжал, немец...]. Ну боялись! И один год, первый год, знаешь, все учителя, приглашали его на Новый Год, у нас там в школе! Ну так, слышали, нам рассказали кто, наши полицейские! Пригласили, директору, полицеев, и его! Они собираются со своими женами, и он, чтоб приехал на Новый Год, чтоб увидел, как тут живут люди. И как раз, это уже Ванин друг, Мильчевский, приехал, пришел утром и рассказывал! Говорит: “Приехал, он на машине, и пошел, а там сижу на улице, не дай Бог что сделают его машине, он же там.... поубивают нас!!! А я на улице! А там все, староста, наш молодой, со женой, ну все! Начальство школьное, учителей, другие старости!” Ну и там что-то, приглашают его, наклали там что-то, хочуть угостить все своим вино, в сумку там он оставил где-то себе. Ну и сказал, дайте, мол, сумку! *[Сміється].* Ну и начали ему давать сумку, там что-то, а сумка порожняя! Украли у него ром!!! *[Сміється].* Сильное дело было! Ах сволочи наши! Какая совесть, украсть у этого человека ром!!! Ну и он как рассердился, сколько там посидел, раз нет чем угостить людей, и он рассердился, вышел сердитый, сел на машину и уехал!!! И переводчику, а наш был переводчик тут, и уехал в Приморск!

А на другой день, мы ничего не знаем, на другой день приезжает утром и зовет старости сельсовета, Гарин. А он наш болгарин, молодой, со женой было. Ну и как он там уехал, начали спрашивать: “А кто взял, это бутылку с ромом?! Кто?!” А это старости жена, жена взяла, ну украла! Ну теперь будет на старости! Утром приезжает, вызывает старости с сельсовета, приходить, и он как ударит его сапогой!!! И он залился

с кровью! А он был молодой такой, слабенький! И добил его, начал, плеткой!!! Он и недавни умер, через год, где-то! Тогда его позвали в Приморск, в район, и там он дал указ, чтоб пятнадцать плеток дали ему! Ну чисто убили его тогда! [А жене ничего не было]. Ничего! А его били бедного, там его! Отбитый там наверно всередине был! И когда, вдруг, идет так раненько, мы еще думаем, чего он так раненько идет, он здоровый, отзывчивый был. Ну он людям ничего плохого не делал, люди его выбирали, ну он ничего плохого не делал! И когда он вернулся, никто плохо не сказал! [А вместо него другого старосту назначили]. Тогда уже учителе так, не то что... Сами люди [выбрали, чтоб был староста в селе. А немцы утвердили там чи шо...]. Черт там его знает?! Мы тут и не видели их, тут румынцы стояли! А потом как люди начали бояться!

Они ничего плохого не делали! Наши полицейские, эвакуировались сразу, и не вернулись, и даже дети их там живут! Только вернулся, вот это, Ваня Мильчевский, полицейский, потому что семья тут! А те с семьями эвакуировались! А у этого мать старая, жена нездоровая была, и трое детей! [Говорил как там ему в Болгарии жилось]. О-о-о! Там, говорит, люди живут хорошо, хорошо! И все кто там поселился, никто не вернулся! Только вот этот Иван, он жил тут, но он уже умер! Да, это когда уже наладилось все, это дед, Мильчев, вот тут на углу жил! Он был комбайнер, здоровый такой парень, и колхоз высылает его в Болгарию! Да, ездили такие мужики ударники, да. Намолотил столько зерно, чесно, ну и дали ему путевку на Болгарию. Ездил, приехал рассказывал, мой хозяин ходил, там Мильчев приехал рассказывает. Говорит: "А! Иван Павлович, как посмотрел, мужики идут и от рассказывают, от болгарин, а я говорю, да, я болгарин! А откуда ты пришел, ну начал рассказывать. Смотрю, Иван Павлович, лицо твое и все, значит, чорнявый, похожий на их и все!" Да, был! Мильчев, Иван его тоже зовут! Вернулся, расказывал как они там его встретили, откуда взялся, значит, та они говорили, украинови, ну в Русь, в Руси! Од Руси приехал! А как болгары?! Ну откуда взялся тот болгарин там, а тут много у нас такие села болгарские.

[Это при немцах тут в интернате порасстреливали было...]. Это престарелых, престарелых, и дети ще тут были! В интернате, щас умные дети, а там были престарелые, разные люди были, собрали! *[Нерозбірливо]* ...кормили тут их! А когда приехали немцы, румыны не убивают их, это немцы приезжают с района, с Ногайска или с Бердянска! И там, на краю, на месте, оно так сады было, виноград, фруктовые там. Ну и вот навезли это людей! Это им тут мучиться, кормют или морют, выводют их, такие ж люди немец не держал у себе, он убивал их как-то там! Ну и решили, сами наверно, убить их! И мы знали, как

от едить немец своей машиной, а наш полицейский, с села, это, говорить: “Будуть убивать детей!” А где умные, там были и умные, они разбегалися по селу! И там где их смотрели, там где их... и хозяин и хозяйка и воспитатели были. Ну оно умное, им сказали, они разбежались! А те не понимают, ну их там на краю, там де сад, там яма выкопана... Им сказали садитесь от тут и все... Они ничего не понимают и их убили, и они там падали... Еще целую неделю, наверное, земля там так, их поубивали там... так... не ждали пока они умерли там! И так повалили их там, и все люди говорили, когда ходили на море, земля дышить, наверно, живые были там! [Никакого там знака...]. Не! Ничего не было! Это когда зашли красные, наши, вернулись, там на один было сестра попала! Они решили откопать, и копали, не знаю как, и закопали на нашем кладбище! А так тех людей, там остались! Отак ни хрест, ничего не было на них, отак!

А то в Алексеевке там, убили [евреев], не знаю их похоронили, спалили их, там не знаю. А у нас больше евреев нет! От это двое дети были там, де работали те, завхозом, посадили их, уже никто не остался, уже все новые, так посадили! Зачем, ты ж не хозяин, немец хозяин тут! Сколько он тут был, пять лет, или ... Четыре года... Хозяйновал... Румыны, тут кругом нашего села, немцы не жили, а старший немец, он в Приморске жил! А когда что надо, где надо, он приезжает со свой переводчик, в селе! Приказы отдавал чи что. А так квартиры, все квартиры, в каждом доме, по два человека, румынцы!

[Это вот у нас были] двое, не хлопцев, они уже женатые были, дети были в них. Один два раза ездил в отпуск. Хорошие хлопчики, тоже бояться: “Немец захватил, и немец дурак, и Гитлер дурак!” – на черта это было! А тут не далеко кухня была. Кормили их плохо-о-о!!! Ой! Та всех поубивали, как начали тикать, подняли, на Мелитополь, они пеши до столбовой, дрома, пеши! Подбитые, не могут идти, там все сапоги, морит, все, пешие до Мелитополя!!! Ты выдержишь?! А тут бомбит, бомбит немец на их, Боже мой!!! Страшно было! Ну так разруха никогда не была у нас в селе. Они так поднялися легко и тихо, тут амбар был полный военного снаряжения, ой! Охранял их один немец, не немец, а румыны! Он охраняет, все тикают вже, а он дал, рядом бабушка: “ На бабушка ключи, если надо, отдадишь им, а если не надо, так и останется!” Все говорили, *[нерозбірливо]* румынцы! Все нас поубивают!!! Ну слава Богу! Так тикали, и все осталось, когда вже красные приехали, вывезли это все! Наши дети ходили собирали, то патроны, то так... та, стучали, повыбивали без глаза остались, без пальцев, та! Мало дети пострадали!

[Ну село осталось целое, и когда красные наступали, и когда румы-

ны пришли] Ничего! Все, слава Богу! Никто нас не тронул! Мы ж не виновати. Та так, полицаи те, все эвакуировались тогда, староста, ну все где работали у немцев, эвакуировались на Болгарию! И там только один вернулся, Мильчевский, семья его тут была, а те забрали жены, дети, и наверно до сих пор там, вже, наверно и поумерали!

[Много из села в Германию на работу забирали!] О-о-о!!! Страшно! Как плакали бедные! Мои дети маленькие, нас никто не трогал, а так где взрослые, ой, родители, девочки забирали! Страшно!!! Где их берут, не знаешь! Нигде они не ходили, ничего не видели, куда их берут?! Там на работу, одни говорят и поубивают их! Забирали их! По годам, по годам забирали! Врачи проверяют, больных не берут, они ж брали их чтоб работали! Они ж работали и доярки, и на степу, по-разному работали. Только девочки и мальчики, те покончали по десять классов, такие грамотные, а такие семейные никто не брал! А то ему кормить еще и детей, немец! *[Сміється]*. Он брал одинокие! Девочки грамотные все, а там они работать надо. И их пустил, и наши русские, начали там воровать, Боже! Где не пожалуется на наш русского, что хозяин, и там плетками били его! Ну, говорят, были хозяева и хорошие, не обижали. Ну отак было. Ну приехали, венулись, мало не вернулись! Два хлопця от болезни умерли, тут поженилися, молодые, поехали, три сына, и работали там вместе. И один заболел, там умер и там его хоронили, а тот вернулся, поженился! А так девочки все вернулися, э-э-э. С чемоданами, с чемоданами, набили, накрали все! Ну, грабили Германию!

[А при немцах председателем колхоза был] Марков! *[Сміється]*. Иван Иванович! Он дохлый, зараза, противный был... [До войны он] коммунист был! Председателем, он же коммунист, значить у власти! Что хочит, то и делает! [Пришли немцы], остался тут с нами. [Это он при немцах в селе за главного был. А как они его не расстреляли?] Черт его знает! Они сразу поутикали, тогда вернулись! А он в степи по-моему был, когда они вернулись. Они ховались, ты думаешь так! Когда ж работали, вот тут же мужики, он, пока Ваня не приехал из Гурьева он все работал. А тут контора была, в раскулаченый дом, контора, два колхоза было в селе, большое! [Колхозы назывались "Коминтерна", а второй] "Ленина". А потом он заболел и умер, а никто не хочет его хоронить! Черть его знаеть [когда это было]!

[При немцах] дома [работали], да. Корова работала в колхозе. Запрягали корову, в степи возили... солому. Косили, возили гарбами. Соседка, Райка тоже зовут, вот жила через дом, мы запрягались, ее корова и моя! Ой! Страшно було, ну спасибо, что свекр хороший, он мне помогал... Немцы, когда заходили, тут в селе замерли аж все! Пускаеть, самолет идет, пускает афишки, наклейки, и так афишки отут во дворе

афишки падают! А я знаю, подбежала, взяла оту одну книжку, а мне кричит: “Не трогай!” А там написано на немецком и на русском, что бросайте колхоз, мы вам поможем, индивидуально будете работать, кто-то читал там, рассказывал! Землю вам дадим! [Ну люди вобще-то ждали...].

Ничего не скажешь, боятся!!! Они тебя убьют, что ты думаешь! Начальство! Конечно, тут начальства боишься! Может тебе убьют, и мужа не увидишь, а дети, куда их дену! В хати ничего нет, одна постель на кровать, от спишь с тех детей на кровати, а дедушка и бабушка отдельно. Как уже вернулся муж, то переселили их до Гурьева, на Кавкази, большинство, а он повар и он остался с этой татары. Там же и татары были, как выселили их из этот Крым! Это такие злые, такие опасные, говорит, это утром идут на лесоразработку, рубают лес, ну убьют человека и никто не скажет! И в милиции допрашивают и никогда не скажут, такие дружные были! Я говорит, уже как вернулся, тут уже с конторы вызывали, почему муж не приезжает, все приехали уже, а мой нету! А у меня пять детей, я не знаю, я знаю, что он хорошо живет, а я! Кажуть: “У тебе метрические есть на детей?” Я говорю: “Есть”. – “Дай!” – от сельсовета, и я дала свои метрические от детей. От мне заказное письмо, и в Москву выслали. И там решили отпустить его додому! Он говорит: “Мы так боялись!” – там еще один был с Коларовки, что как с эти татары как вырвимся, станция далеко от нас. Так страшно было! Так говорит, все они там уже обед получили, расчитались, все, свой мешок и чемодан свой, как машина подойдет до нас, так мы сразу на машину и додому, ну на станцию! Как раз, говорит, татары пошли на работу и машина в то время подошла, и мы все бросили там на повар, там еще один был где он работал. Я, говорит, попращался, на машину и поехали! Так и вырвались, а если бы, говорит, приехали на обед, пропали бы там!!! А в это время косовица, ну мы там не надеялись, лежали в хати, а свекр там в коридори, лежить на кровати, в одно время кричит: “Рая! Кто-то зашел к нам у хати!” Я говорю: “Как так!” – он може думал что я догадаюсь, что Иван так приехал, а я не догадалась. Он зашел в тут комнату, где я сплю, детей, та на кровать, и свету нету, там они с масла, а откуда масло возмешь! Постного масла нальешь, отак тряпочку положешь, какой там свет!

[А мужиков же всех в Трудармию забрали, и в колхозе и все по хозяйству женщины...]. Да-да!!! Да все работали в колхозе, а там – ни лошади, ни мужика! Там такие мужики остались, только на тракторах работают. А хлеб надо убрать!!! Больше женщины работали! И косили, на прицеп, по четыри коровы... [Это мужская работа...]. Еще так тебе гонит, что ты не можешь! И на коровах зерно возили и все!!!

[В колхозе было разделение, вот это чисто мужская работа, а это чисто женская]. Ну... там женщины корову доили, там же ходили телята, там же кормили. Та барашки, тоже, пасли, там ночью! [Доили барашек], это мужики! В то время бросили в колхозе доить барашки. А раньше и брынза была, мужики их пасут, они их доят. [Ну баран, это мужское животное считалось. Козы так...]. Может так, кто хочет, а так... Ну она хорошая, как на мясо, она как барашка, ну доить, там так, нет, мы не пили, ни ели! Потому что, еще у нас коровка всегда была, мы без коровки не оставались никогда!

[А как колхозы уже стали, как-то привыкли...]. А куда денешься! Какой... отут жили, та работали... *[плаче]*. Как рабы! Палочку там тебе запишут, отак за палочку работали, а за палочку ничего не получаешь! Ваня, да, тридцать лет на тракторе, бедненький! Наверно голова распухла, все голова, голова, и врачи не разрешали работать! [Работал в МТС]. Деньги, деньги ему платили с МТС, а хлеб с колхоза! Тогда хлеба у нас было и деньги, я тогда детям смогла что-то купить! Это все после войны, наладилась жизнь немного, а так оно.... У всех коров забрали, а мы не дали! Все в колхозе, люди коров сдают, потому что корм не дают, пашут не дают! Ваня говорит: "Я пока жив, корову не дам!" И все! И мы все время прожили с коровой, и пока Маша и Толик не приехали, мы все время были с коровой!

[А уже когда колхозы стали работать, было такое, что в поле и по недели и по две жили]. Было и мы все женщины спим там! Ночью молотили, косили ж, косили эти ж комбайны. Никто тебе не отпустит! Бригадир там, он тебе не отпустит, и плачешь, хочешь приехать, посмотреть там детей, спасибо что старики были. Как заболели дети на это, кор! Баба шаркает, дети лежать как мертвые! Тогда это сто детей умерли! [Это] какого года, не могу вспомнить, это было може, наши были в Гурьеве, после войны...

Так это Ваня щас шо в Бердянск, он чуть не пропал! Я приехала, бригадир меня не пускает: "У тебе там и свекр и свекруха, смотрят!" Ну как живешь, мать, знаешь шо они больные! Приехала я, бричку, как посмотрела, они бедненькие горят, горят, темно ж там у хати, закрыти, темно ж, там на кровати себе лежать две девочки и два мальчика! А это Ваня, он такой полненький был: "Я,– говорит бабушке, – кипяти воду! А то они как напьются сырой воды, то понос и они вмерают!" Да, так все женщины говорят, кипятите воду! А тут бригада близко, и вот это колхоз, бычки, ну сушать их, я пошла... *[нерозбірливо]* ...ночувал неделю, коло мене, и я ему даю только кислое молоко. И от кислое молоко, и на воздухе спить, и водички не пьет! И ничего другого не давала, и он поправился, а так он бы дома был, а я у степу – он бы умер!

[А лекарств] никаких! Какие лекарства тогда! Врачей не было, лекарства... так мы пережили трудные года! В войне, голые, босые, Боже мой! Голодные! То придешь немножко, не хочешь... [Там в поле] спали в соломе! Так соломы настелим, каждый себе там, несет куфайку где и вечером одеваемся. Отак и спали! Обутые, одетые!

[Там в бригаде людей было] много. Та много было. Тогда мало людей работали. И наш бригадир с нами, гадина! Будешь спать тут с нами, шоб домой не вернулся, там Орловка близко, русское село! Они нападают на нас, один вечер, спали, то вилки нам забрали, об это, об гарбы, и корову могут забрать. Мы скирдуем целый день, а на вечер так пускаем их на волю, она бедная чи кушала, чи не кушала, лежить убитая. А утром надо запрягать, по холодочку. В соломе спим! Так на землю сырую настелим. Мучились конечно, мужики нету! А мы ж убирали хлеба!

[А бригадир...]. Он такой был, злой! Как мы успокоимся, ложимся спать, он говорит: "Я не поеду в село, буду тут коло вас!" Ага! А мы ж слушаем, мы ж не спим! Когда в галошах, беточку, а подался в село, там у него ухажерка была! *[Сміється]*. А сам утром раненько идет: "Куда! А! – говорим, – охранял нас!" Отакое было!

Сразу много были [бригады], потому что люди не хотели в колхоз заходить! Были маленькие бригады, собирали, убеждали их! А тогда уже, по-моему, в ту сторону были, мы ж село большая были, два колхоза было! В ту сторону были четыре бригады, и в эту, в нашу сторону четыре! Отут где море, там, "Ленина"! Четыре бригады. А так там много людей, подростки много. Подросли, куда?! В колхоз! Никуда не пойдешь! А тогда начали, приезжать сюды мужики, мы сели себе на свое место. Ну вже легше стало, когда пойдешь на работу, когда нет! Тут море... Спасибо нас море спасало, тут рыба ловилась! А так бы подохли с голоду! Трудности после войны были! Трудности!

На трудодни кто тебе платит?! Там ото палочку поставили, как они расчитывали, там через год, а через год, черть его знает! Насчитают тебе что ты брал, може помидор брал, ну отакое, може хлеб тебе! А хлеб мало давали, тогда трудно было с хлебом. На палочки жили, трудно было, а тогда вже начали на трудодни, немножко, после войны, крепился, начали на трудодни давать. Хозяин мой, в МТэеСе работал, там денюжку плотят, а тут в колхозе хлеб. Я начала девочкам куплять, одевать, начали в школу ходить, Маша, Надя, мальчики. Отакая жизнь была, разное! Когда немножко не ладилось. Две бригады были, собрали после войны... Кто?! Редко-редко люди, так конечно... Как подумаешь, так аж сердце болит!

Высылали нас, с нашу бригаду, с наш колхоз, семь женщин, с той

семь женщин, кто самая одетая и обутая... В Запорожье на работу!!! От... таскать камни! У меня пять детей, мене посылают, я говорю: "У меня дети маленькие, как их оставлю!" "У тебе есть свекр и свекруха, от и будут их смотреть, а ты поедешь!" Я в бригаде, еще шесть женщин, русская одна была, хорошая, бригадир над нами была! Ну с колхоза выписали продуктов... Колхоз [продукты] дал. Ну, а с дому что ты возмешь, дома ж ничего нет! Дома ничего нет! Там с той бригады семь человек и с нашей. И сюда на станцию Коларовка нас отправляют, пеши, пешие! Еще март месяц, февраля, снег летит, а мы идем, обутые, одетые...

Это какой год... Ну, наверное, я не помню, 48-й или... Ну муж в Гурьеве был, в Гурьеве! На станцию пеши, дошли, продукты сдали там, коло поезда, кухарки с нами наши, две. Пошли, поехали. Там палатки военные, такие зеленые. Мы же то Запорожье никогда не знали и не видели! [Первый раз выехали из Приазовья...]. Первый раз! Мы ночували в эти палаты, палаты зеленые, наверно военные были. На нары спали, твердо, ни постели, ничего! Ну это весна была, ну март месяц, ну февраль был еще! Ну так, мы вернулись в марте, уже начали сеять трактора по степу. Ну там мы поработали, конечно, крепко! С утра идем, а на обед нас выгоняют, там кухня была, нас немного ж было, там же военные были! Одни носят камень, а другие строят там руками, еще и румыны были, там мужики. Военнопленные! Там румыны, там немцы, смотришь, разные люди, они отдельно работали. Носят на носилках камни, они ж камень рвут! Там бомбы! Чи шо-то, рвали камни, а нас не пускали. А потом уже в двенадцать, в час, тогда нас уже пускали. И до скольки там работали, хто знает!

Колхоз, наверное, просили людей... Развалины, там все убирали, и там прямо рядом строили! Мы там ходили смотрели, как разбито, как повалено, мамочка моя!!! Страшно! И бомбежка страшно! [Пробыли в Запорожье...]. Ой! Я не помню, чи недели две или три, я не помню. Не долго! [После нас уже не...]. Уже лошади, весна же, уже работа в колхозе. Так больше не давали колхозы, а так наверно просили людей, в колхозах, селах! Ну нам не платили ничего, мы ж думали нам заплотят что-то! А тогда на руках пришла по почте "Благодарна", та она в колхозе была там, "Благодарность"! В селе читали нас, спасибо что работали, не отказали! Отакое было!

[Это я первый раз была в Запорожье]! А так когда дети вышли замуж. Девочка от вышла замуж, я от была, я там уже знакомая кругом. Да, отак! Разная жизнь прожила и знаю. Де хорошее, где плохое. Трудные времена были, особенно после войны, было трудно! Кругом все разбито, мужики нету, лошади нету, машины нету! Все, все пеши, зем-

ля большая, трудно, все пеши ходили. Тебе не пускают, вечером там и ночуешь, а если пустят, бежишь домой, та шо ты там сделаешь! А тогда видели что плохо, трудно, Вани нету, а дедушка: “Рая! Мы тут поумераем с голоду в колхозе!” И он вышел из колхоза, забрал старший мальчик, двенадцать лет, и в совхозе, там у него брат в совхозе. Такой, Шмит, мы говорили! Раскулаченый работал! Пошел, там взял, коров пас, ну рабочие коровы, там коров тридцать. Платят хорошо, литр молока, от коровы каждый месяц, и паек ему дают, девять килограмм ополотна на месяц, и там столовая, можна покушать. И от там целый год прожил с моим мальчиком. Мальчика я в школу не пустила, в четвертый класс, ну пропадет, он идет, говорит: “Ма! Иду, голова кружиться, упаду, не могу!” Сваришь там картошечку, надо разделить на сколько детей, и дед и баба *[нерозбірливо]* отак вместе и кушали, вместе все, пока Ваня не приехал! Как Ваня приехал, у море начал ходить, рыбу купят, рыбу привезут! И котлеты сделаешь, нажаришь, и наша жизнь пошла... Впереди! И хлеб есть, и рыба есть! И я уже работала, уже работали, отак было!

[В совхозе лучше считалось...]. А как же! Там плотят деньги людям! Денюжки! В... совхозе было очень хорошо, они сеяли и дыню, пеполю, все! И им дают. А в колхозе ничего нету, и мы ото запряжем корову, поедем там... на этой Шмит, там наш дедушка, и он нам нагрузит той пеполи, вроде, он выписал в их. А есть выписывали, купляли. А только семена собирай, им надо семена, а сало кушайте сколько хотите. Полну бричечку привезем, это вот сладости покушали. А в колхозе ничего нет, они не сеяли даже, а там в совхозе другое было! Колхоз, каждый не хотел, то по неволе было, зашли, потому что никакой выход не было, пропадешь совсем!

[В совхозе много раскулаченых было...]. В Инзовке свой там совхоз был! Там все село было в Инзовке... то... совхоз, там колхоз не был. Совхоз, то и начали жить хорошо! А то у нас один, до моря, барашки держали, ну и коровы, а потом раскулаченые в совхоз пошли, приняли их – рабочие им надо было... преславские. А кто остался в колхозе, они выгнали их с дома, и умерай, иди где хочешь! Они больше по совхозам, на Кавказ много поехали! Тут и в Инзовке... где как устрояться в общем! А кто остался тут, та ничего не было в селе, о-о-о! Большие трудности переживали, ой-йо!!! У них, бедных, отобрали все, они радые шо их приняли и живут там! И дети высмотрели, а мужики забрали в 30-е, и не вернулся никого! А тут женщины с детьми, ну и выросли дети, отдали замуж. Так они и прожили тут в совхозе.

[Это высылали в Сибирь, на Урал...]. Ну это наши мужики, что там строили! Это ж с Крыма на Урале были. А наши преславские на Урале

не были, мариновские, много были! Наши это только... как его называли... Гурьев! Ну, тоже где-то там Урал. Ну, они ж только три года там работали, много поумерали там. Остались там, а многие вернулись, да и жили тут, через три года. Через три года начали вертаться, построили завод, они ж там завод строили большой. Ваня, так от район, он в своем районе был поваром. Какие продукты... Все Америка, какие там, и лекарства, все, все Америка. Это ж завод строился, а его наши люди работали там, бедные! То падали там, то умерали! *[Нерозбірливо]* хоть глянул детей! Не! Ничего!!!

[Преславских много в Гурьеве умерло!] Ой-йо!!! Ну вот дядька сын, вот Митя! Ну тут молоденький бегал, работал, они тут жили на станции Еленовка! Тоже бросили, не захотел, в колхозе трудно, они бросили и дом. И дядька поехал там, там начал и строиться, хорошо жил, держали вол! А это старший Митя, их когда забирали в Гурьев, вернулся в свой дом опять, в селе, а когда забирали в Гурьев, и этот сын старший, забрали его. Митя, ну он по-моему был не женатый еще. Он работал, это Митя, учился на паровозе. И он заболел, заболел, и приехал, и так жалко за этих детей, и заболел, он молоденький и умер, там остался! А дядька вернулся, ну много, много там было! Ну, а работа тяжелая... Ну отакое было, были и родычи, не вернулся, ну и остался там, семья тут, мучались!!! Ой! Как подумаешь! Я и только думаешь, сколько трудностей пережили, а ты живешь. Ушли года, а ты живешь, что ожидаешь хорошего. Уже хорошого ничего не найдешь, спасибо, что вот смотрят меня, не обижают!

И болеем, как заболела после работы голова, и в Бердянск ездила до врачей. Врач, военный, это вот, от солнца, спеклась! От тогда не ходила больше на работу, ходила на комиссию! Давали мне справку на легкую работу, а какая легкая работа – черви кормить! Это были такие здоровые. А я боюсь их! И тоже на солнце! Где ты будешь собирать это?! Только в степ, он только шелковицу кушаеть, другого ничего не кушаеть!

Мы их только кормили, только кормили! Уже и Маша, и Надя были большенькие, я их беру с собой, семена начали возить, если есть где в посадке, чужие посадки, по мешку, по два, нарвем, наскубем, с листьями! А бабушка, только их здесь кормит, насыпает. Они – ш-ш-ш-ш-ш!!! Шумят! Кушают!!! А они такие длинные! А тогда, берем курай, курай такой, кладеш их на курай и они лазят по нем, и крутит башкули, крутит себе, крутит, ты только смотришь как она лазить! Крутит, она в середине остается, это нитки, нитки! Это с рота выходить! Это собрали, а тогда, кончили, коконы, вот такие большие, хорошие. Собрали их и важать, бригадир тут был, женщина, сважить, сколько килограмм. Она

ж легкая! Сколько килограмм сдасть, они тебе в колхозе начисляють! А за дом, что ты у хати обсираешь, у хати вонь, ничего не начисляли!!! Ничего не было!!! Сдавали по... само больше по двадцать килограмм, что ты можешь сдать! А на двадцать килограмм, ну что ж, 20-30 рублей дадуть тебе, это колхоз и все! А сидит, ты их не возмешь, но они тебе так на... придут и кинут, разные словами тебе еще и обзывають! Кулачка! Отут наша соседка, никогда не брала, один раз взяла, ну куда деваться... И взяла их, та кинула так на топчан, а ветер раскидал их и платила!!! Ну такие маленькие, черненькие были.

[Я в семнадцать лет вышла замуж, это в 29-м году]. Тогда все было строго-настрого, те вечеринки... дядько со мной идеть... На сидянки, на урок, это по воскресенья, по большие праздники! А сидянка это вечер, у хозяина, там у них девочка. Ну вот она приглашает, что вечером ждем у себя на сидянках, ну все рады там, прихорашиваешся, и кто-то тебе будет водить, если нету у тебе мама... или папа. Ну меня все время семья дядька Семена, он меня водил, ну жена, маленькое дитё у нее, куда ей пойти, бабушка тоже, старая, уже не хочется, а дядька : “Идем, Рая, я тебе отведу!” – они там може в другой хате собираются, там може на карты играют, а мы тут в зали. Это водить девочек на сидянки еще в четырнадцать-пятнадцать лет... Где-то так! Ну то если ты хорошая девочка, то звали. Придешь на сидянки, там у нас, ну там на квартали, а на другую улицу не пойдеш, не, родители не пустят! Хоть вот и под Новый Год, знаешь, Коляда, Рождество сейчас говорят. И от хлопцы ходили Коляду спивають, с девочка, она ему спечет каравай, сладкий красивый, ходуть спивають, собирають. От вечером, они нанимают гармошку, только чтоб хороший девочки позвать и танцевать, а тебе не пускають, там на ту улицу, как ты пойдешь, люди будут смеяться! Это вот наша улица, от угла до угла, вот это можна ходить! Ну хоть там и кавалеры тебе приглашают, ну нельзя, такой закон был строгий, на строгий!!! И мы слушали, ну раз так родители сказали, ну Боже сохрани! Хлопцы ходили, где там им нравится девочки. Хлопци ходили, но девочки – не! *[Сміється]*. Они же хлопцы были, може и дралися, ну не слышно было!

А сейчас, кто тебе послухает, куда хочет туда и идет, что хочет делает. Вот это дочки старшие, так они кончили по десять классов, так их в кино не пускали даже! А она идет там на вечеринку, а я не пускаю, чтоб тебе там вбили, ну от такое в голову! [На сидянках молодежь собиралась каждый на своей улице]. Каждый на своей! Только на своей улице, если не разрешали мне старики ходить на чужую улицу, куда ты пойдешь! Собираемся девочки, хлопцы, и так сидим! Ну это много уже поумерало!

Хлопци, девочки, гармонь хлопци приведут, то танцуем! Тогда если сама вышла, то нельзя! То если есть у тебя мальчик, тогда говорили ухожер, ергейн, да! *[Сміється]* Если он ходит до тебе, то пустят его танцевать с тобой, сидеть с тобой. И как люди идут домой и он идет домой, а как Толик, зять мой говорит: "А чего он тебя не проведет домой?" Да как же это люди смеяться будут! А если он меня любит, чего он меня водить будет, это ж люди смеяться будут, это я буду последняя девочка! Кто тебе любит, то уже под осень, люди наливают вина, там виноград, там были пайки, пайки, виноградники возле моря, там все наливают люди вина, это уже сентябрь месяц. И начинают свататься, сагуджавать... Да, гудеж, правят гудеж, и тогда уже старики назначают когда свадьба, расписываться, венчаться!

[Я на сидянках со своим мужем познакомилась]. Он был с [190]8-го года! Да был такой чернявый, красивый! Полюбил он меня, у него тоже сестра была Рая, так она пошла, там была семинария, ну церква, там была на той стороне, была церква большая, красивая, пошли на уро (хоро), а там все село собирается, и старые и молодые, смотрят на девочек, какая хорошая, чья она! Ну та девочка, Райка, позвала меня, давай спивать. Ну и давай спивать, а хорошо знали маму, я отам жила на том краю, а они вот тут. И там спивали, спивали, а потом меня сзади за руку потащил, и говорит: "Ну хочу тебя марин", – ну когда хотят сватать "мамарик" говорят. "Ну я не знаю", – говорю. Ну красивый парень, такой хороший, не замечен был в драке, – ну вот приходите вечером", – ну и сразу засватали!

Сватов пришло, не друзья, это мать и отец. Дядька один, он там родыч, с их стороны, и там с нашей, и он пришел и сказал, что сейчас приедут, это ж далеко они живут, к вечеру они приедут! Да, ходили свататься два человека, три, больше не ходили! [Они подарки] не приносят! Он только приходит сказать, что скоро придут там договариваться, и там уже будут кончать, все, когда там будет свадьба! Мы там дарим косынку вроде, кирпа, вот, чтоб люди видели, чтоб вот та Райка, она засватаная, чтоб не ходили уже марика, а пара! [Они] там приходят, а его отец там, и мать пока придут, ну и еще один марин. Ну мы их примем, заходить у хату, садитесь, садятся, тут наши, дядька Семен, дедушка.

Ну пришли: "Хотим сватать нашего сына за вашу Райку," – ну они хотят приданое, ну шо, деньги! Да! Дедушка говорит: "Приданое не дам! Мы ее маленькой взяли, высмотрели, обували, одевали, вот смотрите какая она, если нравится, то берите ее, а нет, то идите!" Ну а мы с ним, Ваней, мой муж, сидим в другой комнате разговариваем, ну вот дед, Иванов отца, вызывает: "Ваня иди сюда!" – там в колидоре, – Ну

шо делать, они не дают приданое?” Они думали, один сын, дадут ему приданое, какое приданое, смотрите на нее, она сама, ее и без приданого возмут! И все, Ваня сказал: “Я никакое приданое не хочу!” – ну так договариваються, надо решению принимать! Ну поехали за бабу и за сестричку, привезли их, они привезли буханка хлеба, брынза, баранины, а тут наши наготовили что-то, ну поставили на столу, дед поставил графин вина, тогда водка не-е! С водкой свадьбы никто не делал, не-е! А тогда графин вина, а бабушка принесли нишан, а в этом нишане, косынка белая, за платье или за кофточка, там немножко бусинок, намысто, серги! Ну там этот нишан, ну там сразу как сватают, дают в нишане это все! Ну поставила баба нишан на стол, ну давайте думать, что делать, это моя бабушка или мой дедушка подали мне этот нишан, я его приняла, и там своя бабушка или тетка, подали тоже, и тогда надо целовать всем там руки.

Вдвоем и я, и он! И он идет, целует руку, и я иду! Руку поцеловали, а сейчас так целуются, а тогда такого не было, руку поцеловали и все, сели! И хлеб подали нам, мы поцеловали хлеба буханку, ну все? Поставили его на стол!

С этого момента [мы женихом и невестой считались]. Как уже начали сватать! А это уже все! Ну такого, если... Ну она богатая, пришел богатый дуже, вернули, это хлопец, тогда все, она за другого засваталась, было, ну редко было! Ну тогда строго-настрого, берешь его, видишь его, или он, значит, бери и назад нет! Ну слава Богу, поженилися, семь детей было у нас! Жили хорошо со свекром и свекрухой!

[Меня привели в дом его]. Да, вот тут! Через месяц свадьбу сделали, потому что дедушка огород пока не собрал, там же овощи и еще что... “Бо я, – говорит, – не могу бросить огород, там или покрадут или скот там пойдет!” – там держали до самой речки огород. Дед пока собрал, потом приходит вечером, вот с этого дома туда, на ту сторону, наряженый, хороший хозяин он был, я его угощу, он себе домой пойдет. Один раз позвали на сидянку, идем на сидянку...

Это еще не поженились! [После того как засватали, после лишана, можна было уже с ним ходить на сидянки]. Уже никто не водил, уже согласны, и его родители согласны. Ну тогда старики назначили когда свадьба будет, в недилю, надо идти, в пятницу ж расписываться в сельсовете, пришел свекр, отца его, у нас, дед, Семен и я, Иван, готовимся идти в сельсовет! Расписываться! Пошли в сельсовет, идем все мимо магазина, зашли, купили себе кольца! Какие там золотые, где возмешь такие деньги?! Ну хорошие кольца, взяли себе кольца, пошли в сельсовет, расписались, потому что на субботу, там на воскресенье свадьба уже! Венчались!

Да, а тогда в церкве расписывались, да, а потом под венец! Да, хорошая свадьба была! Я была наряжена, да тетка была у меня модистка, она меня нарядила, да, все у нас было хорошо! Бабушка и дедушка благославили меня, иконка дали хорошую, сундук красивый, покрашеный, одежа хорошая, чистая была и я была чистенькая! Отак я вышла замуж за этого мужа, прожили столько, уже начались колхозы, начали работать, он работал трактористом...

А свадьбу тогда играли не как сейчас, один день, и на другой уже все... *[сміється]*. [На свадьбу приглашали] все там, кто дворы рядом, и родычи, де братья, сестры все! Потом там кумовья, та, свадьба раньше была большая! Тогда начинается свадьба с пятница, пятница, кишкек! Кишкек, вечером придут со сбудилика, со... жениха приведут, ну никакой вечери, только танцы! Гармошка, только танцы, ночь танцуют во дворе! Собирутся там все, молодые, весь двор, там танцуют! Вот так ведут себя, пятница уже! Вечером засевки делают, в пятницу, засевают! Засеют, это корыто, где сейчас хлеб печем, *[сміється]*, тогда пекли хлеб, и сито, и соберут золу, девер и идут будут посевать. И дети идут, песни спивают такие! *[Сміється]*. Я не помню уже! Уже в субботу идут, там девять прапориц, щас это флаг носять или не носять?! А тогда прапорица, это палка длинная, там яблоко, от него там нитки красные, белые, так! И тогда шьют рушник, длинный, зашьют рушник... кто там деверь будет, тому уже быть, там мальчика, девки зашили рушник. Теперь, когда придут, это суббота, еще гуляют.

Идут в воскресенье, ведут этих, жениха там, свадьба вся идут, и сразу вот зайдут и еще один зашьют рушник, это все мальчик, что там будет держать прапор, это все! А теперь, петух, делали петух, сумочка, так раскрасили этой сумочка, но с этой сумочкой тоже... Там на дверях сидят, с этой стороны, мужики, родычи невесты! Будет продаваться петух, ну это родычи, и пока не продадут петух, и просят же так много! А те не дают, а если силой будут, сильные будут, они без деньги зайдут, возьмут и все! Ну продадут петух! Тогда заходят в гуделик, кумовья, кумовья в одну хату гулять, а молодые в другую! И садятся, начинают угощать их, насыпать манджю, печь, угощать их, только вино! Графины вина на столе. Кто хозяин, он наливает рюмочки, там рюмочки маленькие, угостили, по одной, две, и все! Чтоб пьяные не были, та танцують, спивають, веселяться! Ну все уже нагулялись, надо вести молодую... Это уже воскресенье! У невесты гуляють, а как заведут невесту, гуляють у жениха, уже вечером, там ночью, на понедельник, вторник кончится свадьба!

[Гуляли] каждый у своем доме, моя дочка, то мы себе гуляем, а мы ж звали родычей себе, гуляем! Те звали родычей у них? В наши годы

так было, гуляли, веселились! Работа такая была, никто тебя не трогает, хозяин во дворе. Гуляйте, пейте! Я вот маленькая была, и у соседей свадьба, я так помню хорошо! И мама, папа там гуляли, и мы как дети пошли смотреть на улицу! А свадьбу тогда на улице никогда не делали, все во дворе, у хати! Там кушають, там у хати, а сейчас все на дворе делают! Ну и мы на улице, дети в хату не заходим. Как вышли два мужика, как начали драться, на одном рубашка так разорвана, а мы смотрим! Разбороняют, там ой, кричат, разбороняют, там кров потекла, когда смотрим и папа там!

[А было], старшую пока замуж не выдадут, молодая дома сидит! Сватали, ну сразу старшие. Потому что старшую это ж забивает, и никто ж уже не посмотрит на ней! Она ж бедная, я от выхожу замуж семнадцать лет, а она уже ей двадцать, кто посмотрит, кто ж уже ее возмет! Она уже старая девка! Ну дают какое-то приданое, богатство! Вот хлопец идет, он за приданое больше идет, чем за девкой! *[Сміється]*. А тут родители хочут дать ей, приданое дают, и лошадь дают, и деньги дают, и земля дают, чтоб она вышла замуж! Ну не знают как она будет жить, как там, ну не слышно, как там будешь жить, нигде ни слова, вот такая жизнь была, строго-настрого!

[Было такое, что хлопец не хочет жениться вообще, не хочет жениться, хочет еще погулять!] Оно было такое у нас, но закон, как мать и отцу скажут! Он може и не знал, а богатые люди, и дают ему приданое, "дазинь", де б ты взял?! Он и берет! Но он плохо живет с ней, а богатство взял! Богат! Иной и не нравиться, но раз наказали мать и отца, закон такой! А уже по моим годам, не. Мы ж уже полюбились и никто не может вже нам помешать. Плохо не плохо, Бог его знает. Мы ж от в селе видим. Если один син, большинство понимали, что в мать и отца он один. Ну так я и подумала, что один, ну хороший, красивый, чорнявый. И я его полюбила, он меня и все. Свадьба! И от прожили вместе и слава Богу! Что рано он умер, шестьдесят лет было...

[Молодые когда были шутили друг на друга]. Как собиремся девочки, и шутим, смеемся! Обсуждаем, тот парубок, тот мальчик! Вот такое у нас было горе. А сейчас выходит замуж и уже горе тебе. [Сказали, что там тебя сватать пришли, она прибежит домой, а там никого нет!] *[сміється]*. Да! Было! И так чего ты пришел – я тебе не хочу...!

И она может отказать ему и родители. Раз она не хочет, значит все. И он идет к себе домой, как обсрали!!! *[Сміється]*. Может она и хочет, он один, но они не хотят и все. Не нравится им! Да! Такое было! Были девочки хорошие, гордилися. И парубок хороший, один особенно, один особенно у матери, больше ругалися! Конечно лучше когда один! Тричетыре невестки собируться у хати или один, это ж жизнь. Каждый у

хати, по три невестки, дети! Там где один, значит один. Все, где один, там и невестка одна!

[Еще смотрели, чтоб красивый был...]. Красивый!!! *[Сміється]*. А кто... мы тогда характер не показывали! Если ты покажешь свой характер, кто тебе возмет?! Ты его бери, он хороший, а свекруха злая! Как ты будешь жить! Бери его, а там Бог его знает! Будеть она тебе ругать или...! Ну у меня хорошая была защита и свекр был хороший и муж! Если будут ругать невестку, то там жизни не будет. Невестка будеть плакать все время. И домой не пойдешь, чтоб матери сказать, что тебе обижають. Не! Чтоб не слышно, чтоб люди не смеялись. Тогда строго-настрого была жизнь. А сейчас что сказали в хати, завтра все по улице! Разные люди были, и плохие и хорошие. А раз ты вышла замуж, надо уже... слухать их!!! Не одговариваться! Да-да!

[Пошли потом дети, в кумовья брали] тот, кто нас венчал, тот и кум! [Это такой обычай]. Свекр и свекруха, вот это у них кумовья, хрестили вот это моего хозяина, и дочку, и они мои кумовья были, венчали меня! И первая девочка, хрестили они и раскулачили их, богатые были! Переселили их и тогда я это и в колхоз, то девочку, не только, тут хрестили, хлопец был... Ну как родственники, они же еще с детства...[Ну не кровные родственники... А так больше брали] чужих, больше! Потому что, только чужие, а родственники не положено даже! [А чужие, как выбирали кума, чтоб позажиточней, чтоб помог потом ребенку. Ну чтоб хозяйство крепкое, чтоб человек уважаемый]. А как же! Тут все было подсчитано! Да! И тогда же идут, крива (платок) несут, курицу несут и графин вина! Идут, вот ты примешь у нас! Потом и хлеб берут, и курицу, живые все! Хочешь реж, хочеш держи, что хочешь! Это подарок такой, так заведено! Так с голыми руками не пойдешь!

Все грамотные [были], дети учились... [здесь в Преславе]. Там в школе сразу, ну четыре года, ну вот дома так свидетельство повесили, все говорил: “Ну и хрен то свидетельство!” – сейчас кончают десят классов, а он кончил четыре класса, и такой был умный! И там где я жила, у дядьки тоже грамотные были, до седьмого класса хоть, но грамотные! Только я осталась не грамотная одна! Все ходили, а как же так останутся не грамотными. Ходили так как сам, там четыри класса или пять. Все, школа не надо, все, пусть идет работать, она придет и плачет девочка, потом уже начинает ходить на свидянки. А хлопец, никто тебе не заставляет, хочешь иди учись, они все люди хозяйские, хозяйство у них. А тогда пойдешь в магазин, все дешевле. Я вот девочке своей рассказывала, я никогда себе не купила ничего, все бабушка и там дядька Семен. Все они там продают овощи, и там что мне понравилось, там то, там то, они все мне набирали, аж пока я не вышла замуж, а до того я не

знала магазина! Тогда совестно мотаться, девочка же, по магазинам! Мы всегда, помню, называлось меркита (маркитант), мы себе наряжались, возле магазина, продавали кружева, ленты! То ходили, давали мне, а если не давали, то баба потом пойдет заплотит! А девушки чтоб так на рынке так мотались, Боже сохрани! Так дядьки от работали, та они от дедушке, у дедушки были деньги...

[Отдавали отцу деньги]. Он хозяин, а что тебе надо, он там скажет, и он ему дасть... [Они уже женатые были]. Все равно! Уже когда отделился от его, землю там ему отделил, он там себе хозяйнует, зарабатывает себе на хлеб! [А если живете в одном дворе, хоть тебе и двадцать лет, ты женат, а все равно отец старший]. Он все разрешает, и все решает! [Это стариком человек стал...]. Как дети выросли, как слухають его! [Если он уже и пожилой, а отец, еще много лет живет...]. Все равно, там они разделились, отдельно, тот себе хозяин, тот себе, хозяйнують. И слухають отца, пока он живой! Все отца слушает, и ругаются, а все слушает! Я слышала мой дедушка с дедом и мне кажется все так, ну по селу не слышно было! Так было, потому что в селе, на одной улице!

[Дедушка мог наказать если балуешься!] Конечно мог!!! Он же старший! Дети если балуються, они же бояться дедушку! Он же самый старший там! Он и накажеть! Вот у нас было восемь детей, ну утром же хочеться кушать, ну дети, а наш дед строгий, там зернышко, хлеб чтоб не упал на полу! Смотрите там, то жах, чтоб топтали хлеб! И они нас так собирут так в один уголочек, пока сварят там матери, мы не кушаем, ждем, и нам постелят там что-нибудь на полу, чтоб не падало хлеб там на пол чтоб! А то как в городе... А то в тарелочке как насыпят хлеб, там крошки. Вкусный был хлеб, такой белый, вкусный. То мы кушаем руками, пока там сварят. Утром хочется кушать, ну что там нам дадуть, и молоко было. Вот это нам дають, иди покушайте, тогда когда сварят, тогда будем кушать. Вот такое было! А мы дедушку боялись, потому что он строгий был! Чтоб хлеб никуда, по полу чтоб не валялся!

[Если жили там в одном дому по три невестки...]. Мирились! Потому что там свекр и свекруха держат их, там не будешь ругаться! Сиди и молчи!!! Куда ты пойдешь, там родычи твои, тебе не возмут, там тоже семья! [Если там и плохие люди попались, обижают, она уже к своим не вернеться]. Не-е!!! Они ее не возьмут! Ну там семья большая, куда ее возьмут! Та везде где большие семьи то... та где-то по четыре детей, пять! И по два может быть. Моя свекруха – двое сын и дочка было, и это хорошо и брат есть, и сестрички! А там как свадьба собираются там сестрички, братья...

[Раньше такого не было, чтоб семьи расходились]. Такого не было! Не было! Не слышали, чтоб расходились! Это ж закон отца, если он

тебе делает, то ты не можешь без него, не. Пока не разрешит он тебе, когда уже два-три сина, невестки, вже дети большие, тогда он тебе будет делать дом – отделит тебе. От мой свекр, два брата жили, вот тут рядом, уже дети большие, будут женить, они все вместе живут. В брата дети большие, и никто не хочет делиться, уходить с дому. Мой свекр воевал в ту войну, то много денег принес. В Николаевскую войну! Сделал дом хороший, старший брат не хочет уходить. А вже наш дед, свекр говорит: "Сколько можно сидеть, уже дети большие, син надо, дочка тоже, женить!" И от он вышел, дом себе сделал. И вот это где я щас живу! И говорит: "Рая, сделаем дом!" И вот через пять-шесть лет, 25-го года кажеть, а доски нету, ничего нету! Трудно! Полы не могли сделать, так мы постепено, со свой хозяин, с Ваней, и кругом себе полы сделали. А потом говорит: "Будем, Рая, сарай себе!" А потом началась раскулачка, это вот в 30-е годы, так мы и остались без сарая! И так вот и не было сарая, а тут уже зять... А так чтоб развод делать, как сейчас, не хочу жить, Боже мой! А то вот сколько можна пить, сколько можна терпеть, ну вот пьянка их и разводит. А тода отца тебе не дасть пить, тебе не разрешать пить! Если в хате есть, сколько тебе будит тридцать лет или сколько, попробуй! *[Сміється]*. Отакое дело, строго-настрого отца!

Та, я прожила с тетками, и там дед, дядька, и они все мне покупали, и я никогда не слышала плохого слова, чтоб там чего ей, купи мне, там дед хозяин! Никто слова не скажет! Я вышла замуж, сирота, но я не обижена ни в чем никто меня не обидел! Я вышла замуж, хочу такие ботинки, туфли носила, ботинки хочу, в то время как выходила замуж, и их не было! Ну вышла замуж, ну не багато жили, бедно жили! Говорю, ну той свекр: "Пойду до своих, може что привезли, ботинки обещали мне купить!" – а они с бабой посмотрелись, може подумали: "Кто ей купит сейчас ботинки?" И я пошла, тут под вечер, пошла сама, когда тут мимо магазина иду, когда говорят, ну привезли мои ботинки, красивые такие, черные, кожаные. Ну я до родычей, до дедушки пошла, я говорю: "Дедушка, привезли ботинки, вы ж обещали мне что купите!" Он: "Сеня, – дядька Семен, – иди с Райкой в магазин, купи там ей что она хочет!" А там [где жили со свекрами], я еще не заработала, как там поживешь, то там себе еще два купят, а тебе нет, ты еще не заработала. Он один был же, я одна и свекр, свекруха. Потом как если заработаешь, може и начнут тратить на тебя денег. А до того можешь и без рубашки ходить, если свекруха злая... [Что принесла, то и носи]. Да, отак! А началось, такие трудные времена, и без рубашки ходили, и... без косыночки ходили!

Были три невестки и дедушка! Потом начинали делить, семьи, сразу

одному дали селить... А это вот приведен зять еще... Так, это вот как дочка Маша, от привела! [Это от как] приймак! Если он хороший попался, попал к хорошим людям, вот мы уже тридцать три года живем! Мы с ним друг другу слова плохого не сказали! А бывали такие, дядька, вот у дедушки, сын один был, приймак, Дратёвы, баба была, вухли. Я помню, когда у ней муж умер, она вдова была, и две дочки были у нее, Райка, она недавно умерла, а эта старшая. Надя, красавица, ну и наш дядька, Василь, полюбил ее, ну засватали, там все, и они хотят, там приймак, забрать его, чтоб там хозяин у них во дворе! А у них же не было сыновей, зато они принимают! [Приведен зять, это когда только нету сыновей]. Тогда только забирают! Дети свою фамилию, а как же. Как дети родятся, то на отца, с отцовской фамилией будут.

Если попадает как вот я и зять живу, то ничего, а попадается злая теща, бедный, не покушает, не так сработает, не так сел! Соглашались, потому что она красивая, хорошая девка, и если она старшая и она будет досматривать мать и сестричку. А так от, приведен зять, знаешь что это хлопец хороший, хорошая семья, ну он будет жить с нами. Ну получается, не поладили, теща была злая, не дает ему что хозяйнувал, чтоб она хозяйка была! Такое встречалось! Вот и дядька попал у нас, к нехорошая теща!

[Меня дедушка с бабушкой воспитывали] в Чантуловых... Семен Иванович, он парубок был еще, когда они меня забрали. Так вот мама умерла, а у них одна сестра, и ждали, а тогда через год, он женился, это мне уже восьмой год было! И забрали, и все у них, пока не отдали замуж. [Они воспитывали, рассказывали что хорошо, а это плохо...]. В церкву ходили, да! Пока маленькая, бабушка [водила]. Потому что все ходили в церкву исповедаться. Так весной начнуться, Пасхи, пости, Великий пост! И все ходуть, старики и сыны, и невестки! И я! Святили паску, я с бабушкой всегда ходила, бабушка кругом меня водила!

[Постились, пост держали] Обязательно! Семь недель – это Пост Великий! Молоко не ели, масло не ели! Сбили масло подсолнечное, всегда на пост чтоб подсолнечное масло было! Квасоля, капусту, крупу меленую, сушку! Ну, рыба, тогда ловилась рыба хорошо! Если не можешь ловить, купишь себе, она дешевая была! Бычки! Ну пока не придет Пасха, никто ничего не берет! А есть же еще пост на Рождество! Коляда, по-болгарски Коляда! Тогда режут, это, поросенок! Тоже шесть недель постишь! Пост обязательно, никто ...! А сейчас, Боже мой! *[Сміється]*.

[Церковь в селе была!] Я первое дитё хрестила тут! Это 30-е года хрестила, 31-го уже начали разбивать ее! Это была церква такая красивая, большая! Это там где сейчас дом культуры. Такая красивая была

церковь, каменная ограда, такие красивые железные ворота! [И священник там...]. У нас все старики такие были, пожилые! Не преславский, так не знаю, ну може там как работали в церкве. И мой свекр там тоже в церкве, когда... это железный, как называли его... собирали деньги под церкву, блюдо. И он там служил, наш свекр. Ну много такие старики... [Священника уважали по селу]. А как же! Они хрестили дети и венчали людей, как почитали, как положено! Не как сейчас! Та как хозяин отут в церкве живет. Семьи не было у него, как от сейчас, там дети, там как-то... Одинокий! Или сестра, помню все как говорили, он живет со сестрой! Ну пожилые были, я так помню. Ну хороший! Как службу служит, как распевает в церкве! [А церковь когда снесли, куда он делся?] Хто его знает! Может и уехал куда, не знаю! Его выгнали! А може и посадили! Кто знает?! Ну был один, служил в церкве, ну не служил в церкве у нас, муж преславский, ну он увидел шо дело плохое, ну он взял свою семью и в Мелитополь. Усе говорили, что это Григорий, что свет там в церкве, слышно было в селе, и там его поймали, постригли и в тюрму. А вообще, черть его знает! Тогда страшно было!

[Разрушили в селе церковь, а как люди...]. Молчат и все, боятся!!! Что ты скажешь на власть! Свои! Свои разберали! А когда пришли немцы, то били там его, там что разбивали тогда... А как снимали с церкви икону, палили их, страшно было! [Церковь закрыли, но обряды сохранили]. Сохранили! С Приморска, из района приехали, забрали это все! А там тоже были, церкви, разбили тоже, две церкви, та в общем кругом! Раз власть сказала иконы не надо! А я свою иконку, такая здоровая, еще бабушка меня благославила, в церковь иду венчаться и бабушка иконку дала, и сегодня она стоит!

[До колхозов, все верили в Бога, в церковь ходили]. Конечно ходили! Это ж они нас не пускали даже на кладбище! Это председатель все тут, он не наш, все дом построил, живет тут зараза! И не пускали на такие праздники, Великдень, Пасхи! Та, не давали нам даже и говорить! Потоптали все религиозные праздники! На кладбище хочешь идти, никуда, только на работу!

[Бабушка с дедушкой религиозные были]. По Библии учили... Дада! Обязательно! Украсть нельзя, Боже мой! А как убить?! Боже мой! Не такого не было! Такое редко, чтоб человека убить или вкрасть! Ну там, было в селе, воровали, ну все село знает его, он там в степу воровал! А так в домах, та было, воровали, ну до нас это не дошло! У дедушки была винтовка, двухствольная, он как вечером, стреляеть! Ну може и боялись, тогда люди имели на себе... то выражение.. А так хорошо я прожила! Ну только что сирота, без матери прожила. Самое страшное без матери!!!

Я послушной [была]! Боялась всего! Я была послушной, мной все дорожили. [Такое, чтоб ругали...]. Я такого не помню! Ни разу не наказывали! Зато вот так прожила, своим детям рассказываю, я только бабушку слухаю, и никогда она плохо меня не называ. И у хати тетки, невестки бабыны, они никогда ни меня против не сказали и я на них никогда.

У тетки моей, в хати, самый старший был братик, два годика! Маленькие дети, такие большие не было. Только я одна большая у хати была. *[Сміється]*. Няньчила! Та! Что там оно понимало, ему же годик! Игрушечки, там, беру его на руки, вынесу на улицу, занесу! Мать его накормит, я их не кормила! Пока не могла работать, а потом когда дедушка говорить: "Нехай Рая там с бабушкой приходить на огороде, что она сможеть, трудную работу не дадим!" Ну вот так я полюбила работу, чего я буду у хати сидеть целый день! Пусть невестка сидить!

[То как няньчила, песню какую-нибудь пела...]. *[Сміється]*. Я уже и забыла какие песни! Черти их знает! Я уже и забыла как называли эти песня! *[Сміється]*. Баю-баюшки! Спи, спи! А то волк придет... Та скраюшки! Та ну от так! Та ну то так заспивають, то оно заспало и все! [То бабушка рассказывала сказки]. Такие позлые, такие страшные! Я боялася: "Ой, бабушка, не рассказывай, а то ночью не буду спать!" А приказка! Приказки много было, ну все ушло в голову! Не могу вспомнить как оно было все! Оно не до этого было все! *[Мовчить]*. Да...

[Были такие мастера в селе, что больше всех песен знали]. Один Быстров, но он уже умер! Его нет. Двоюродна сестра мне держал, у него скрипка была и он спивал, и себе свирит! И такие песни он спивал, ну хайдушки и как убивали людей, ну хорошие песни, но я не запомнила. Но его все село слушало! Отец спивал так и он. Играл на скрипке своей и спивал, он хорошо запоминал! Это два года только как нет его. Сестра раньше умерла, а он потом. Ну [он был] такие года, може с [190]8-го он был! Он не наш преславский, он мариновский. А тут пришел... *[сміється]*. ...Приведен зять! И так родные тут, и он в колхозе работал. И как у нас свадьба, мы всегда почитались, и всегда скрипку берет. И дед его всегда так! В колхозе вызывал, председатель, со скрипкой. Он играл хорошо! Ну все село танцевали! А он спивал, и за это его все...

[Раньше] много было стариков! Люди долго жили! Мы как вот тут поженилися, так стариков сколько было! [Была] и больница тут! Это вот там, где сейчас пекарня, там банка была, там дома такие вот, там и почта была! Они все разорили, щас ничего нету!

[Родственники вот все знаемся...]. Да-да! Двоюродные, троюродные! Щас есть двоюродные сестрочки, почитаемся! [Если там пятиюродные...]. Ну все равно знаемся, ну не.... ну так... [До четвертой степени

родычи...]. Да, если видела, почиталась! Я там в автобусе езжу, сестровы дети, поеду в Бердянск, там сын живет! Я знаю, когда вот собираются погулять, двоюродные, трехродные, собираются там у центер. Кто поить, там мужики. А мы женщины ж, мы поговорить, ну как же, ты ж родыч встречаешься, как же.

Были [пьяницы...]. Ну не слышно было. Може там старики, но слышно не было. А так люди не знали, там у него дети и смеяться над детьми будут! Так ходили пьяницы хлопцы! Ну тогда слухали старики! Но тогда ховались такие пьяницы, чтоб люди не смеялись с их! А если хозяин отца ему не дасть, он не будеть и пить! И не будет пить! А когда начали сами работать, получать деньги!.. Вот ты пенсию или зарплату свой отца не отдаешь, да, в свой карман кладешь?! Вот идешь и напиваешься! Вот так они научились не почитать отцов! Не давать деньги, они сами хозяйва на себе! Отак начали пить! Вот зять у меня хороший, добрый, он не пьет, того что он больной. А другой, от Машеной сестры, она завтра приедет, со села тоже, хорошая, молодая, а муж пьяница!!! И гнал ее и бил, она бедная бижить додому! *[Плаче]*. Она посидить недельку, потом он приедет заберет ее! И он опять пьет! Ну щас хоть не бьет!

Раньше да! Муж побить жинку. Побьет ее, но она нигде не пойдет сказать, она матери не скажет! За что били?! Може ты виноватая, за что, я не знаю?! А они тебе не скажут! А сейчас, побьет и она бежить до матери и до отца... Тогда как закон так был, чтоб и люди не смеялися, ну как-то люди совем другие были. А сейчас тебе побили, на утро все село знает! Было [такое что она ему сдачи дала]! Да! Где боевая баба, было!!! Ну кому-то скажет, что правильно, кому-то, что она виновата, там не разберешься!

Ну все-таки все женщины [были]. Девочки было тут чорнявые такие, такие белые не были в селе! Не было такие, чтоб белый, русские! А тогда еще русские не было в селе. Хорошие девочки были, наряженые все хорошо ходили, да! А тогда модистки шили у нас много, портные были много. Мне дядька, папин брат, он портной был на все село. Ну он шил костюмы, брюки хорошие. Как скажет Вербанский Афанасий, он само лучше шьет. А модистки в нас были, кофточки хорошие шили. По болгарской [моде]! [Это до коллективизации такое было]. А тогда молодые начали себе платья шить. И мне платье.

Я помню, как пошила себе платье, одела, свекруха мне так расплакала, как посмотрела на меня, как она сказала... не помню как она меня обзывала... а я расплакалась, вот не понравилось ей мое платье! Чего я в платье?! Длинненькое, мы тогда не носили короткое, как щас! Это уже года четыре, пять как поженилися! [Это где-то 34-й год]. Вже то-

гда начали в платье ходить! Ей не нравилось, а я расплакалась, а что я ей скажу, я же чужая до ей! Плакала, плакала: “Ну ничего, и ты оденешь такую!” И прошло не знаю сколько лет, и она одела платье. Я говорю: “Иш как ты невестку угрожала, а теперь и ты одела платье!”

[А до этого только в рокли ходили]. Да, рокли, фартушки! Ну кофточку, такая жара. И платок завязаная! *[Сміється]*. [Дешевле было шить по городскому, чем такое болгарское]. Оно как-то дешевле и легче ходить! Одно платье оденешь, а то и фартушка и кофточка на тебе, конечно легше ходить! А так платьечко и кофточка, потому что жарко. [Это вот платок вот так по-болгарски завязывали]. Отак, пока девочки мы были, ходили завязаные! Жарко, не жарко! Ну вот так ходили, а без платка – Боже сохрани!!! [А потом уже так...]. Так, по-русски! Так легшее. А когда уже в колхоз зашли, начали эту уже старинную моду бросать! Начали по платью, отак завязываться!

[А мужики по-всякому было. И в цервулях]. *[Сміється]*. Это в дельничные дни, в цервуль ходили, да! Хозяин в цервули ходил! И я цервули одевала, ходила в город! В Мелитополь! Сами [цервули делали]! Свекр делал их! *[Сміється]*. И я когда обулася, я такие красивые носочки связала себе, я тогда могла вязать, связала себе такие красивые красные носочки! И цервули мне свекр одел! И они легкие такие, резиновые! Резиновые тканер, он делал их! Не кожаные! Хозяин носил кожаные, а я не! Он в армии был, а тогда торону за хлеба, он одел мне, говорит, на! Пошли мы в Мелитополь, женщины собрались, у бричен- ке. Однесли одежу продавать, та куплють, купляють хлеб. А они легенькие, каждый смотрит, что ты в цервулях, ну никто тебе ничего не говорит. А что ты обуешь! А мужики ходили в цервулях, в навушти, обмотают зимой, такие навушти! Толстые чулки, мы вязали на крючок и обуеться, и тепло! А когда жених ходит, в него сапоги были хорошие, хромовые! И ботинки были, когда на свадьбу, или в церкву. В церкву особенно, на урок! Это в рабочие дни ходили в цервулях! *[Сміється]*. И я ходила даже. Кто тебе продасть цервулю, они городские не понимали ничего такое!

[То когда появилось радио...]. О-о!!! Ой любили! *[Сміється]*. И знали когда это радио прошло у нас по улице. Пашут и пускают по улице, лента или шо-то проволока, красная! Ну прошли, а там у дороги эта канава, копали. Это дедушка, свекр и мальчик мой, прикопали канавку до дома. До дома привели и в зале! В зале там, одно время стираю в хати, как начали музика гулять, музыка, та начали спиваться. Я, Боже, бижу, как хорошо, как красиво! *[Нерозбірливо]* ...да-да! Отак начали! Сразу отакие шляпки купляли, а тогда уже начали продавать такие... сделано как ящик!

[А потом электричество], то еще свекр был живой! Тоже давно! Тоже в дом привели, бригада была, в каждый дом заходють, бригада ходила по нашей улице. Как сделали, засветили, и угостили их, что-то я сготовила. Вгостили и они пошли себе домой. А так ничего не платили, столбы, за столбы только, копали яму, за столб мы кажеться платили или было что-то такое! Хорошо конечно, вот до сих пор лампы! И лампу себе держим!

[А то есть] телевизор! Ну не помню, мы его и не брали, честно сказать. Мы остались с Ваней, дети разошлись уже, что нам этот телевизор! Поехали, у Маши, в Кривом Рогу, это зять, он нам дал, не телевизор, так не называли, на пластинке работал. Патифон! Да! И пластинки дали нам. И болгарские, и русские, разные, все с пластинками, и вот сюда и привезли. И вот до сих пор пока они уже сюда не приехали, все привезли, да. А мы себе не купляли, не дошло. Дети, пока не определишь!

[То когда поженились и мебель тоже...]. У нас сундук, не шифанеры, как щас, а там дочке шо... Тогда шифанеры не были, а сундук! Сундук из дерева, купляли. Изделают, тут плотники, так комод, хороший такой, покрашеный! У меня хороший был сундук, покрашеный, а кто мог купляли. Ярмарка была в Приморска, на ярмарке все есть. Надо тебе, поедешь купишь, но эти шифонеры, не были их. Явились уже на наши дети. Когда дочку выдавала замуж, тогда Маше, это шифонер, с Кривого Рога привезли. Когда это приехали у нас жить, это весь мебели они привезли себе. Отак! Разная жизнь мы прожили и хорошая, и плохая! Живешь еще пока. Не ходишь, плохо видишь, хочешь и не кушается...

[Вот возле Преслава есть речка]. Речка, так и называли! Дере! Да, на дерету! Она речка была хорошая, там идешь, там песок в речке! А сейчас это речка?! Затонешь! Мы никуда не ходили в ту сторону, там же другие хозяйва жили, нам там дела нету. А дети, часто, мы ж там живем по Нижней улице, не далеко до речки... *[нерозбірливо]* ...ну мы дети соберемся, и мама ходила там нас вечером купали. У суботу там, чистая вода была. Ходили и на море, но в море нас не пустять. В субботу, на тачанке, дети собирут и одежка там, это скупают нас, переодевают. А так сам, не! На море не пустят самих, а на речку беги.

[Тут есть балка возле села...]. Там, в этой... На гирлото! На гирлото, по-болгарски, там "водне море", там и раньше все говорили, потонула тачанка с лошади, там такая глыбина! Ну вот когда румынцы были, там один румынец, у него лошадь, ну мы то знали, что там такая глыбина, а он не знал – и с лошади потонул. Это сейчас все там переходят, это на сторону по этой... Гирлото! На гирлото! Там опасно заходить!

А это туда, ну эта ж Арапка, там опасного не было ничего, я так

помню, там колхозная раньше, може и там была какая яма! Арапкой называется, потому что обрыв, с этой стороны обрыв и с этой. Ну на мои года там работали, приходили, ну я не было, чтоб наводнение или что... На дерет от то да... Колодец было два... Ну, Арапка то на герани, бо Арапка по-болгарски – то баран! То Арапка, там трава, начали пасти там скот, больше скот там в той Арапке!

По улице были колодцы хорошие. Сладкие! [Называли] на герань. По нашей улице не было герань, так было по Верхней, прям на краю села, колодец был, сладкая вода, хорошая, и все мы ходили, с коровами своими, брали! И назвали... Как... все говорили там... жидино, там колодец, там хорошая вода... Там и крышкой закрывали, там была вода самая хорошая. А Мамунова герань! А сейчас этот колодец я не знаю, я у Толика не спрашивала. Ну там тоже наверно есть колодец, там люди, где по краю, тоже себе воду брали. Это було у нас один хозяин, дразнили его, Мамуна! И вот назвали так колодец, да там Мамунова герань, там на краю. Это раскулаченый давно, нету их тут...

Это общий колодец был! [За ним ухаживали]. Это ж если там поломалось там ведро, цепли, там кто-то ж ухаживал. А как же! Мы еще там ходили с этой, коромысло, там на колодец, там ведро повесено. А далбокий, далбокий! Там же высоко на край селе. [Сами люди у себе во дворе копали колодцы]. Ну вот как и нас щас, у каждого во дворе, но вода там плохая... соленая. За скот, да, пьет! Мы вот бассейн, наливаем в бассейн, а тогда не было ж бассейнов. [А раньше пили из колодцев]. Ходили за водой на колодец! А когда воздавали лошади в колхозе, у нас бочонок есть, хозяин запряжет лошадь и поедет, там в степу тоже есть колодец, ухаживали за ним, название... ну как же! В степу тоже хорошая вода, привезет бочку, мы ее кончим – опять поедет! Лошади были, а как забрали, начали в этот ходить колодец, край села!

[А этот колодец в стороне к Райновке]. До Вайсала! Да! Через адром. Едешь, он не наш уже степ... он вайсальский. [С Вайсалом нормальные были отношения...]. ...Ну наши лучше, наши больше порусски разговаривают. То поразбират! То, да, вайсальцы, чушмельци, вячеславци, как-то они все говорят, с Болгарией соединяет, ...идет, болгарцы, отак! Разговаривают, вот эти села, а наши преславцы, чегото тут семинария, тут больше училися, може учителя старые, за то так, чи правильно говорят, чи не! Были [дразнились в шутку]! Ратоти все говорили, на вайсальцев, ратоти! Они какие-то маленькие люди были, не как преславские. Преславские богато жили, а те бедно жили! Роток, роток, отак им говорили! Все низенькие какие-то люди были, у Преславе богатые люди были, как называли их... Инзовка, не Инзовка, а Орманжи, богатая, золотая Орманжи, серебрянный Преслав! Богатые

села, а те уже бедные! Мариновка бедная, Дрепло, это Бановка, ее называли... *[сміється].* А сейчас на Мариновку, да! Изменили! Потому что Бановка есть, центр Ногайск... А Мариновка – Дрипановка, Бановка, Ногайск. Бедно жили люди! Сейчас она уже совсем другая. Там все дома новые. [Это даже Вайсал цыганским называли]. Просто, они както бедно жили, это Вайсал! Ратоци на них говорили. [А они на преславцев никак не говорили...]. Я вот не помню, чтоб так вот называли....

[Другие села, вот райновцы, например...]. Она богатая была Райновка! Там все, не собирались никак, она богатая, там люди живут совсем иначе. Так все время говорили. Там дальше села были гагаузкие. Ну Ботево, дальше, Ботево! Да, потому что я помню, вдовцы, мужики, ходили с теми гагаузами, ближе с ними, было плохо разговаривали. Ну, так тут и жили, и дети нажили. [Вдовцы ездили туда на гагаузскax жениться]. Так все, они ж богатые гагаузы, так все время. [А молодые, которые по первому разу, не женились на них. Первый раз только на своих!] Я помню, уже в бригаду работали, и тут по нашей улице, по краю, там. И там жил дед, ну двое детей, умерла жена и он к это гагауз поехал, женился, привел себе жену! И ходим мимо их, она такая здоровая женщина и так хромает. И все женщины: "Чего она хромает?... Она гагаузска, и разговор у ней плохой!" И тут она родила детей, пять или шесть и мы уже в колхозе работали с его дочкой. Ну их язык все же отличался от нас. Ну, разговори ихний, плохо разговаривали, не поболгарски.

[Цыгане были в Преславе]. Приезжали, жили там от как до речки! Приедут с балаганом этим, там по целой недели тут! С табором, справляли вилки, вилы! Они хорошо там справляли. Кузнецы! Как начнуть ото бить. Женщин их встречаешь по всему селу, ото ворожить, ходять, насобирают целую сумку хлеба, хто за напросить! [Пускали там ворожить их]. Ну я боялась их, никогда не ходила, чтоб она мне ворожила. Потому что мы ж молодые, боялися од их. [Могут] и сглазить и наговорить что-то, по-ихнему, Бог его знает! Ну я старалась, у мене свекруха сразу начнет с ней разговаривать, а я большенство боялась зайти у хату. Один раз, что-то я вышла, у мене дите маленькое было, начала на веревку одежку вешать. И она мне: "Молодая, иди сюда, я тебе поворожу! Ты будешь жить 70 лет!" Я говорю: "Боже, 70 лет жить! Как вот пройдут те года!" Она мне: "Будешь жить 70 лет! Денег дай!" Я бегом у хату! И страшно! Ну? А я прожила и 70, и 80, и 90, вот! [Раньше другие какие нации в Преславе не было...]. Такого у нас не было! Это в Приморске там, там была еврейска церква, а у нас в Преславе евреи нет! Они не приезжали, а чего они в селе будут делать.

[То раньше еще все родственники жили тут в Преславе]. Они тут

себе выходили замуж, они тут и жили. А сейчас они все выходят в города. Мы тогда город не знали, и в Ногайск никогда не ходили. Старики ходят, сядут в тачанку, баба с дедом, поедут, что-то куплять, по хозяйству. Начинается уборка, гребла, там вилы. Что надо. А нашего брата... дети!

[Из других сел брали замуж или женились...]. Брали... [Вот из Инзовки], брали! Богатые, а как же! Богатые до богатые! До бедной не пойдут! Я помню, моей мать, двоюродна сестра, красавица на все село. И по... в Бановку, то в Мариновку, тоже богатые и женилась она, то есть вышла замуж за него. Но их в перву очередь раскулачили. Потому шо они богатые. А она красавица была, я ее помню даже, Нела ей говорили, имя такое, а она здоровая, чернявая красавица была. И те богатые и те. Вот так выходили где богатые, за редко было... [И из Вайсала брали]. Брали! Тут близко, брали. Тоже такие, что бедные, брали. А сейчас берут, кто понравился и откудава она, Бог его знает, познакомилися и все.

[Раньше второй раз можна было выйти замуж или женить, только если у тебя умер муж или жена]. Да!!! А так чтоб разведались, Боже сохрани, оно ж позор на родители! Отца и матери не допустят такое! Хотели, взял – живи! Ну може они и не хотели, ну он не хочеть. Ну, а если родители не разрешат ему, то и развод, и такое было, конечно. И под венец уже пойдут вот-вот и развелись. Опустил голову и пошел. А так чтоб жили и разведались, не-не! Нямашти такое! Такое закон не было! [Если умер первый муж или жена, жениться второй раз...]. Год, пока год не сделает! Когда год, тогда уже...

[Второй раз почему женились, в основном, что хозяйка в доме нужна]. А как же! Два сина в хати, может три, три булки и свекруха – умерла жена, не будуть так ходить. Може и дите у них было. Сделал ты год, а тогда иди шукай там себе. Если молодая умерла... Помню, дядька, мамин брат, разве у него не было найти девочку, и он здоровый чорнявый, гарный дядька! И кто-то сказал ему, что там в Орманджи красавица девочка! Ну и они поехали, ну очень понравилась она ему, такая красавица девка! Ну и он решил жениться на ней. Поженились, это мне бабушка рассказывала: “Ну когда привезли ее, она такая красавица, – говорит, – мы ей купили за свадьбу, такую коричневую или не коричневую, а как зеленую, материал, коплю, мы его называли. Дали чтоб они пошили ей платье, а когда привезли ее, Боже, она такая красивая, такая розовая!” Все говорила, её сглазили! Ну прошло, там после свадьбы, ну сорок дней, ой, Боже мой, она заболела! Кашляить, кашляить, кашляить, не может лечь спать! Она чахотливая была, айай-ай! А мы ж не знали. Ну решили там мать и отца *[нерозбірливо]*

може она поправиться и за то замуж отдают. А оно еще хуже стало, она заболела, заболела и на март месяц умерла. Я была там у бабушки и она мне все рассказывала. Бедненькая, молодая, молодая, а так до марта месяца ей. “Солнце там, – говорят ей, – выйди на улицу, там может поправишся!” Она: “Нет, я до марта месяца умру!” А она знает свою болезнь, а тогда лечи не лечи, больницы не было. И так она умерла до весны. А тогда он нашел себе девушку, у них не было детей. А там сколько они жили пять-шесть месяцев и нету там пять-шесть месяцев. А тогда он нашел себе девушку, хорошую, и нажил детей. А так тогда ховали, ты ж... може хлопец больной! Ховали, чтоб не знали люди. Поженили их и началося болезня.

[Это вот как хоронят...]. Батюшка был! Хрест! Вот идут, хоронят, как и щас хоронят. Ну как на другой или на третий, как и сейчас хоронят! [В церковь несли отпевать]. Это обязательно! Несут у церкву, там сколько отчитали и тогда по той улице и несут, как щас, и затоптали улицу, и двери и даже воротя носили, щас все по-старому. Идуть по этой улице, все воротя, все по-старому. [Несли] на палках! Крычки [назывались]! Давайте крычки те. И там четыре или пять, шесть, кто как. [А после того как захоронили, обед делали]. Обед обязательно! Там и батюшка, батюшка и запечатает. И сразу все попращались родычи и тогда хоронят. И тогда все, они ж приглашают на обед. Ну кто хочет, а кто не хочит, тот идет себе домой. Сразу батюшка сядить, накормлють. А тогда все уже, те люди, идут, там женщины выливають воду им на руки во дворе, и тогда они уже идут. Раньше у хати, у хати. Там они идут и там их уже угощают. А щас на улице! Вот недавно, умерла моя невестка, у Бердянске! И Маша и Толя и Надя, все и мои дети ходили. И в школу, постарались, там такой, говорят, большой зал, и накормили хорошо, много людей было. Накормили нас хорошо. Водку и вино, вода были на столе, ну хорошо. А раньше у нас, на столе, водку не-е! Водку! Боже сохрани! Вино! Такие рюмочки, от наливают по одной, ну может по две и все! А сейчас открывают как свадьбу! Водку!

[Потом там дальше еще, девять дней]. Девять дней обязательно! И опять кто её купал, кто муж или жена, кто купал, опять позовут. Родычи близкие. А потом сорок дней! А полгода почти не делали никогда. А уже год, тогда курбан, зарежуть барашку, тогда барашка в каждом дворе был. Барашки режуть, а щас кто с чего варить, потому что брашки уничтожили, барашки нема! А тогда курбан, барашки жирные, хорошие, напарют! Квасоль... Так вот полон там фасоля варится, а щас люди варят уху, а раньше так. Вот так!

[Раньше на проводы, на Мретви Велик ден...]. В понедельник! Как закон, в понедельник! Много хотели чтоб сделали в воскресенье. А

чтоб, как вспомню детство, в неделю батюшка служит, свяченая паска раздаёт, а в понедельник, он идет уже на кладбище. Это в понедельник, Мретви ден, а так не можна изменить, не можна! И щас так! Порядок тоже был, ...богатый! Там была церква у нас, не церква, ну церкву построили... На кладбище, в середине аж! Ну и все железное было, двери и там стол был, и на стол клеёнку. И там батюшка был, песни спивают, и все отакие сумки тащют до свои, мертвый там. И батюшка прочитает там... ну что надо, и на столе там на батюшку оставляют. А то раздают там родычам. И паски, а такое печень, конфеты с магазина никогда не брали!!! Оно не верно! Все печено, все что в печке печено! Пирог и паски, и яйца крашеныи, и бабка пекут, и узвар варят, и все пекут, пекут! Все на кладбище много носили. Потому что мама молодая была, все водила меня!

[Кресты раньше ставили] деревянные. Деревянные все! А вот я помню, мы вже поженилися, вот так в середине было, такие каменный, кирпичные красные, не покрашенные, а просто красный кирпич! Построено как памятник, а там как крестик. Все говорили, это самые богатые люди. Это в церкве он там служил. И три-четыри такие были каменные крестики. А так все деревянные! А щас, о-о-о! Таблички не было! А-а! Мы себе знаем! Наши мертвые вот все на одном месте! [Оно поделено было за каждым родом кладбище, кто где хоронит]. А как же! Ходили смотрели, ходили и в церкву, и на кладбище ходили. Пока я видела, я каждую субботу ходила! Уже и мои дети были, и муж умер, мы на одном месте, а мама, она на той стороне, до своего мужа, до своих! Ихнеи!

[Ну то так нам за прадедов не рассказывали...]. Ну то знали дедушка, бабушка! А тот дедушка, мамин, когда мы жили, мамин дедушка. Ну я его помню, он живой был, он наверно тоже такие года прожил, дед Филипп его звали. А сколько лет ему тогда было, Бог его знает, мы ж тогда дети не добивались этого. Это я не знаю. А так я его помню, такой, красный щеки были, красивый! Еще с Бессараби приехал и долго жил, долго жил.

[Раньше большие праздники были, отмечали...]. Паски! Религия, тогда религия называли! Рождество, это ж коляда! Братвен великден праздновали! Троица, что еще, Спасов день! Сейчас на Спасов день как говорят... [Не когда яблоки святят...]. Это после Братвен великден, это Спас, не Спас... Не Троица... Тогда был Троица, на Спасов ден! Щас, забыла, как щас название... ну все мы тогда на Спас, еще ж и паски пекли, все ж считалося, Христос воскреси, на Спасов дня: “Христос воскреси!” – говорили. А тогда уже Троица!

[На Рождество...] бьют кабан! Зарезал кабан, будем отговять! Никто

барашку не кушал шесть недель! Тогда уже будем отговять, два-три дня, потом зарезали кабан! Делал колбасу, делал дяду, делал кыргылцу... по-болгарски... Мы с кровью никогда не делали, даже понятия не имели! Мы всегда с мясом и с этой... с крупой! Там перемолотая печенка... А кровь выкидали! Это сейчас начали с крови делать, а тогда ж мы даже понятия не имели! Выливали мы ее собакам!

Бабушка готовит холодец! Все наготовили на Рождество, потом же мы пойдем в церкву! Пойдем в церкву, идем назад, все пахнет на улице! Все, на колбасу жарят, пекут, от будем отговять, вот. Ну будем отговять, все сели, приносят шуфру, большую, дедушка, бабушка, сыны, по три миски, ну дети у нас маленькие, так по одной, шоб не было мало. А там, где я жила у дедушки, нас мало ж были дети, восемь детей, три невестки, по трое детей. Мы ж отдельно кушали, на суфре, а старики там, на другой суфре! [А суфра, он же низенький столик, на полу сидели]. *[Сміється]*. На скамеечке, а женщины, там подложиш себе ногу и сидять. Это сейчас больные ноги, не скрутиш их, а тогда не было такого, чтоб люди болели!

А-а! Колядары! А-а-а!!! Да, напротив этой... напротив это... в Коляду, это хлопцы, они ж там учаться где-то это... спивать! Вот от их, спивать, им пекут караваи сдобные, сладкие! Я один год только дала им. Три пары, три пары, от спивали. Там во дворе много бегали, кричат: "Коляда! Коляда! Коляда!", но они не заходять у хати! Ну? А потом уже Коляда, то они там заходять, ну мы их же приглашаем... Хозяин стоит, открывает, приглашает, они заходят, залетели! И начинают спивать, начинают спивать! Если девка есть, на девку, если нет девка, на хозяин спивають! И он им дает каравай, один парубок, хлопец, берет этот каравай, и он Богу славит, молитву читает такую. Ну все уходили на другой, где их приглашали, в кажду дворку ходять, а где их приглашали, потому что караваи давали им, сладкие! А тогда на следующий вечер, э-э-э!!! Хлопци нанимают хату у хозяина, гармошка, приглашают девочки, открываются вечера, все наносят! Вечера!!! Танцують молодые! А тогда молодые не такие были, щас девка идет вечером сама! Куда ты?! Ты не боишься?! А мы боялись, нас самих не пускали! Молодая я веселая была! Праздники! Коляда, а тогда Новый Год, тогда Крещение! А тогда Иванов день, а тогда Бабин день, праздник женщин! И все!

[Это еще было старые праздники запретили праздновать, церковь взорвали, ввели свои – 1-е мая, "октябрьская"... А мы] никак! Не понимаем! Мы не ходили, кто-то ходил, а мы не ходили! [Это когда уже дети наши подросли, они уже...]. Э-э-э!!! Праздновали, конечно! Они же в школу ходили! Праздновали, а как же! [И нам с ними пришлось...].

[Сміється]. Что делать?! Мужики, трактористы, собираються, на маю, гулять! А там колхоз выписывает им продукты, нате берите, гуляйте. Собиралися, гуляли. Ну как... Все люди почитают, как ты, не будешь отдельно почитать! [Рождество, Коляда, Великдень...]. Те праздники... настоящие! Это как-то в душе... как бы так надо!!! А это... дают праздник, а это... праздник, оно все равно... не праздник! Мимо церкви, ну шо там говорить!

[Раньше еще "пеперуду" водили по селу...]. *[нерозбірливо].* Сетенико! Они сейчас уже не делают! Праздник это знаю! Праздник! Этот день, женщины, обливают мужчин сходу. Боже, целый день, мужчины за ведро воды, там сидят где-то, пойдет с этой ведро воды, облеет их, как начнут по улице! Это чтоб было дощ, так все говорили! Ну как, собиремся мы тут, по нашей улице, девочки, еще не барышни, ну так... ну нам же, девочки, нам же совестно идти, женщины! Собиремся, там один венок свяжем, там с травы какой-то, кто сироты, тот больше *[нерозбірливо]* этот венок, и это кружка воды! И кажешь, дети, идем бризгаешь, зайдешь во двор и бризгаешь! Бризгаешь, беремся за руки и спиваем: "Пеперуда лята от вода са мята, дай ми Боже дождица, да са роди жито, жито и пшеничка!" Девочки так спивають! Ну нам дают... это... муку, узвар, масло, мы ж посуду себе несем! Ну дали там, по кварталу ходили – хватит нам! Ну и там у нас или в другой там хати, женщина спечет блин, печенье, это ж где мы собрали, угостит нас, нaелись! А! И делали глину, Кальчу! *[Сміється].* Кальчу! Ну как человек его сделаем и несем его в речку. И плачем: "Наш Николай умер!" И в речку кидаем его... что за дождь, чтобы был! Ну так заведено, Кальчу, ну так черная глина, глина, сделали как человек, как мужщина. Ну он там высох, мы зараньше сделали, он высох. Мы тогда несем в речку кидаем и все! *[Сміється].* Вот так это пеперуда! [Эта пеперуда была на каждой улице, девочки делали]. Каждый себе делает, не только мы. А теперь... *[Нерозбірливо]* ...а ведут себя совсем иначе, в школу ходят, а не признают это! А мы себе помним.

[Раньше дни рождения так свои не отмечали]. *[Сміється].* Нет-нет!!! А с какого года это [начали]?! [Ну уже после войны]. Когда я выходила замуж, я дажеа не знала с какого года я!!! То как пошли расписываться, как сказали с 12-го года, то пошли говорить: "О, так вона ж молода, вона ж молода!!!" С 12-го года, ну шо ж 17 лет! Когда начали, черти его, я не помню! Помню когда начали, мой хозяин всегда, Иванов день есть, може и не помните его, он зимой! Рождество, Крещение, а тогда после Крещения, Иванов день, двадцатое число! На другой день – Бабин день, тож женщины гуляють!

[А на Бабин день как собирались женщины...]. *[Сміється].* Ну вот в

двох комнат собиратся, наготовят, каждый от себе! Они дома наготовят, где там что, и на столе наложать и начнуть кушать, выпивать, спивать!!! И тогда возьмут от из бригады лошадь, бричку и по селу катаються! Ото гуляют! И до сих пор гуляют! И сейчас, да, особенно гуляють! [Приглашали вот на Бабин день женщин, которые роды принимали, повитухи]. *[Сміється].* Я лично ходила со свекрухой!

Были [такие женщины которые умели это и их всегда звали по селу], много! Ну я до них не ходила никогда! И они ж не принимали таких женщин, они ховалися, потому что они ж судили их! Там женщина сделала, а она умерла! Такое было, много! Я меня не пустила сходить, потому что я знаю, сирота, и как сирот оставлять! Умру, чтоб мои детки осталися, чтоб плакали весь век за матерью! Та делали что не надо? А в бабин день ходили так, там то блин спечешь, манжу сваришь, два литра митеря занесешь ей! Отдаришь ей, честно родит! И готовили, гуляли, целый день там погуляли! Отак бабин день! А сейчас еще, песни, а еще гуляют Бабин день!

[Были знахарки, которые травами умели лечить]. Ну я знаю какие болезни?! Знали таких людей, конечно, так их уже нет! Ну она ж с Инзовки, тут вышла замуж, тоже ж старая, лечила детей. И женщины ходили к ней лечили. И все говорили, что это... месяц снимает с неба! А верно ли это было, черть его знае! [Все думали, что она ведьма]. *[Сміється].* Так все и считали! А я до ней не ходила. Боялись, конечно боялись!!! Она может тебе что сделать! [Звали ее Мария, Фуклева была]. Та тут жила по Нижней улице, дети были у нее большие уже! Та поумерали уже, нема никого. Нема щас в селе такой женщины, чтоб шептала хоть детям. Шукаем щас хоть такую. А тогда сколько! Голова заболит, ребенок заболел, не знали чтоб пойти до врача. Не! Тогда даже детский врачей не было. А она пошептает на головку ли, или на животик там... [А от Бога или от черта, что они умеют вот это делать]. Бог его знает! Она ж делает, она ж знает! Она не скажет, да! А пока не хрестишь ребенок, ты не можешь его лечить, до бабки, так оно не помогает, так говорили. Надо хрестить, потом лечить!

[А так за ведьмы...]. *[Сміється].* Кто тебе расскажет?! Кто тебе расскажить заветно?! Боялись, конечно! Корову не выведишь, пока Георгий, Гергева, бо ходит доит корову! Так ведьмы боялися! Я всегда говорю, вот и сейчас, пока Гергевы не пройдет, корова пусть в сарае! Тогда уже не опасно, так говорили. Отмечают [сейчас Гергев день], люди празднуют его!

[Это в селе у нас праздник Храм]. На Храм, это моя девочка первая родилась, это ж августа, это 15 августа на Богородицу, на Богородицу была Храм. Это в нас и в Инзовке, в этот день Храм был! Это на Бого-

родицу курбан делают, это Храм у нас! Ну отмечали как праздник! Резали барашку! У меня свекр резал всегда. Да, потом манжи наварим, как с церкви придут, кушать будем. Раньше не будешь кушать, пока с церкви не придут!

Тогда много были праздники! Тогда люди не работали, праздновали! Это сегодня нельзя... это вчера Свят... это... Илья! Это Илья, в Вайсалес там они храм себе, это сделали с краю, и это храм там... это еще говорили какой... много раз наши говорили. А мы ж знаем, и на Богородицу, и щас это храм в Преславе, и с Инзовки, с Орманджи! Тоже все родычи, все приезжают, готовят там, курбан варят. И в церкви! Хорошо было, праздники! Делали как надо! Щас сила уже нет, сейчас колхоз, кто тебе зарежет, тогда барашки у тебе есть, зарезал. А тогда готовили, гости придут, и там в церкви готовят это курбан! И это ж целый год, два хозяина кормят... это ж быки! Два быки! Кормят его за этот день. За этот день, чтоб сварили курбан, тогда святят его в церкви, и тогда несут эти два казан, и с церкви забирают, и раздают людям, каждый подходит, кто хочит. И стол у них один, и раздадут, обряд был, положено! Хорошо было! А сейчас этого не сделают, они лучше украдут или пропьют! Все пьют, не работают! Пьяницы! Не работают, мучаются! *[Замислилась]*. Вот такие дела!

[Раньше и соседи как-то...]. Самы ближние [вот дома считалось...]. Заболеешь, не будешь шукать родители, они далеко живуть, а вот тут самые ближние. Умераеть мой муж, на кровати умер, а я бежу, где, до соседа! А он побежал до врачу, до дочку сказал! Самый ближний сосед, а как же! [А раньше ж земля... там в поле участок рядом, тоже соседями считались]. А как же! Ну тогда десятины, не гектары, а десятины. Одну десятину попалось по соседству, а другая через, сколько там... сажней или как... Ну там попалась, ну на одном месте нельзя. Как же так, на одном месте, ты может берешь хорошее место, а другой будеть обижаться. То так, там две десятины, там три! А каждый знает свою десятину, как запамитали. Та по соседству, мы ж знали уже, не один год работаешь же уже. Все время работаешь.

[Тогда сосед не улезет на твою землю]. Не-е! Такого я не помню! А если ты будешь воровать у соседа, тебе... будуть судить! Это власть будет судить, ты подаешь в суд. Как же так! Зайти на участок сосед, забирать или накладать гарбу или там, уже посеяно, покошено. Только один у нас тут в селе был, недалеко, фамилия Гогунский, все дразнили Дарнел, это Иван Иванович. Это большенство смотрели на него люди, шо он ворует по степу! Вроде чи кто-то поймал, чи били его, чи что такое. Тогда строго с этим! Не зайдешь в чужой огород. Каждый смотрит, сеет, пашет, убирает!

[Дедушка рассказывал как переселялись, он ребенком был еще, когда переселялись]. Тогда работали, богатые были, Преслав богатый был... Приехал тут на этой земле, переселили их, черт его знает что там было... Ну наверно наших их переселили, так не переселятся, а тут Турция была. Турки были, вот там на краю села, там такие дома в земле, жили, ну богатые, ну турецкая земля, ну богатые люди тут жили, села их тут были. А когда начали подминать их отсюдава, у людей были деньги закопаные в земле. И их подняли, а наши населили из Бессарабии тут. Это наш дедушка у хати рассказывал, шо он мог маленьким рассказывать, что их погнали из Бессарабии на... новая земля! Поселили их, ну наверно они дали большую ссуду, потому что по двадцать лет, но они не служили в солдаты! Потому они получили тут или льготы или шо они получили! Пока построятся! Дали им земли, огороды, по 50 десятин! То по 50 сотых, а земли им дали много! И в солдаты не брали! А тогда уже начали. Наверно начали уже брать. Дети у них уже большие стали, ну я помню от дедушки, кто служил в армии, действительной службы не было тогда, а когда в 14 лет началась война, "николаевская война", тогда уже... дядька взяли, убили, и папка служил! Но он вернулся...

Ну было, я такая девочкой была, что сяду дедушке на колени: "Дедушка, ну рассказывай!" И с кармана, такой одежи не носили как тогда, вытягивает кисетик, на веревке, сейчас-то веревка, резинка, а тогда не было, и такие денюжки показывает нам, такие беленькие, кругленькие, такие деньги были, а мы: "Дедушка, ну покажи твои денюжки, какие были!" Ну держал наверно на память, так вот показывать. А там дедушка, вышла замуж, бабушка была хорошенькая, кругленькая, дед чернявый...

[Это вот село было поделено на части, это вот наша улица...]. Это вот Нижняя улица, а это Ганевская улица, это там много их, хозяйва Ганевы, это они себе назвали улицу. Фамилия одна, так Пенчевы, Пенчевы, Ганевы, Ганевы! А вот это как Церковная, и там потом Ганевская, не знаю как сейчас называется! Там те Ганевы, когда начали раскулачивать, выгнали всех, там не остался на той улицы и дом, всех выгнали, богатые люди были! Вербанская, это вот наша улица Вербанская, мой дедушка, братья, братья они родны, по этой Вербанской улице, и Церковная говорили, ну и сейчас Вербанская называют!

[Вот так в селе и жили, в этой части Пенчевы, в этой Ганевы...]. Чантуловы, Чантуловы, вот там аж... Папина Вербанская, вот тут! У нас дом еще стоить хороший, как дедушка еще построил, как приехал с этой, Бессарабии, а дедушка наверно был с денюжкой, вот так сделать, что и сейчас дом этот стоить, а с родычей никто не остался жить в этот

дом, у чужих все, вот видишь. А когда сяду подумаю, жалко мне того дома, там родились, там спали, там дедушка строгий был, там огород был, сад был, хозяин, чистота, там чужие люди не зайдут! Та! Мы там знали, кто соседи живет, потому что зря тебя не пустут, дети, болтаться по улице, нельзя так, дома себе сидите! [Во двор особо не выпускали, в школе, там с подругами дружили]. Ну как, там по воскресеньям собирались, там в мячик играли. [И девочки и мальчики играли в мячик]. Там гоняли... Да, так просто... это сейчас, а тогда мячики себе пошили, играем. Топка говорили, в топку играем! В воскресенье, вот гоняли... [Это из кожи или тряпок]. Да, так.

[Это вот волостное правление было в доме...]. А сейчас его разорили! Это вот рядом, где интернат. Рядом там кузня стояла, вот так стоял. Это был такой большой дом. Старая почта [была]! Это там по другой, ну ее уже разбили! И в старое время. Теперь, меня спрашивали за этот дом, не люди его строили, колхоз, ну государство вообще. И этот дом и где пекарня была, тоже, оно там банка была. Банк там был, чи золото сдавали, чи Бог его знает! Где сейчас пекарня, там на углу, почта была. Я на той почте много раз бывала. Там какой-то Парфирий работал, там занимался, с лекарства продавал.

Вот такое, это я помню хорошо. А тогда уже делали почту, делали почту. Он же на две стороны дом. А сейчас, где у нас сделали церкву, это ж был магазин, старый магазин! Я еще девочка ходила в этот магазин, он давнешний магазин. Чей он был?! Наверно село, чи государство, им помогало, как от делали церковь! Все говорили: “Церковь делало государство, цар дал денег, цар дал помощь!” Такая большая, красивая была церковь! Ну, а теперь вот сделали, решили в детдоме то... по этой...

Тут и Инзовка, и Вайсал, и Бановка, [все только болгары]! [А тут возле кладбища на краю, Сопливка, есть такая улица]. Они кажуть мы же русские, и даже не тронились, чтоб русские были тут, не положено, чтоб русские были с болгары. Та улица населилась, а в какие года я не помню, они же приехали то с Сибири, то еще. А Бог его знает! И ходили мужики, там такие земляночки врытые в землю, и жили, семейные. А были два брата, ходили по селу, черепицу подмазывали у дома, и зарабатывали, и населились тут! И детей, щас еще есть тут маленький, Иван Борщевских, они там построились по краю, сейчас уже дома совсем другие, а старики поумерали. [Так мы с теми детьми не гуляли]. Не-е!!! Что ты, какие дети... Та они даже тикали от их, в село не приходили, там все по краю!

А в школу вместе! Ты что, ты сядишь с ним за одной партой?! Он бедный, некрасивый, русский!!! Мы же не могли даже по-русски говорить, я даже замуж вышла, а не могла по-русски говорить, не могу

язык перевернуть. Это уже пока Маша не поженилась за Толика, это вже нас позвали, муж умер и мы жили в Кривом Рогу, хороший добрый человек, и я позвала: "Идите будете жить со мной, потому что я боюсь! А выходить замуж уже не хочу!" А он мне говорит: "А я ничего не понимаю, что ты говоришь!" [Русский язык выучила...] как зять мой пришел! *[Сміється]*. Я ж говорю, в школу, там как я сирота, кто там меня в школу поведет, так я и осталась не грамотная... В первый класс ходила и все... Бабушка с дедушкой забрали меня, и в школу не пустили, и там я работала у них на огороде! Вот так и все, и вышла замуж так! Все смеялися русские над болгары, соленые, соленые болгары! Ну то было маленьких детей так немножко насолят, то там на шейку, там когда купали, там немножко насолять! Было такое! *[Сміється]*. Я такого уже не делала! Не! А внуков тебе дадуть чтоб посолить?!

[Это я родилась еще при царе!] Николя! Да. Свекр мой, при царе служил, и портрет был хороший, отдали в Бердянске, у сына. Там он на лошади как птичка сидить отак! Одетый, красивый, все! Отут кокарда! Такой орел... старинный, орел! Де оно такое было?!

[Хорошая жизнь при царе была]. Хороший, конечно, хороший! Служил при царе. Когда приехал, он сколько одежи привез, денег, а дома, домик маленький, а дети народилися, двое невестки. Ну он там сделал за домом сразу так, ну щас колхоз уже нема! Ну у него еще деньги есть, там невестки, два брата, сделал дом большой, хороший. А когда поделились с братом, это дом вот ему, это он себе сделал. Ну это он не хорошо сделал. Тот брат старший ему не разрешил строиться во дворе, а где-то по краям! А он говорит: "Это я деньги привез, построил себе хороший дом, а мне теперь по краям!" Ну тот решил, уже сделал себе. Когда мы уже поженились с Ваней, а он недоделаный был, его 25-го года делали, ну мы поженились в 29-м году, и делали, ну денег не было! Щас кругом доски, лес, а тогда не было, все мазали! В земле все мазали! Тяжело конечно было, народились дети, там поднялась война. Я так все мучалась, мазала! А тогда дети уже, вышли... одна вышла замуж, другая, сын уехал в Бердянск. Тогда мы с Ваней решили, что сделаем полы. Так мы с мужем сделали себе кругом полы. Я не мазала, а так Маша с Кривого Рога... *[нерозбірливо]*. Трудно было!

[А полы делали, песок насыпали]. Морской, тут возле нас море, песок был! А сейчас говорят песка нет? А, наверно, через Панско! Там это гирло. Там, говорят, нема уже ничего! Та ну сколько строили, все гребли, гребли. Уже нету там ничего. Когда мы молодые ходили там, о-о-о!!! Там белый, белый там песок! И стираешь! [И улицы им] посыпали! И двор и улицы! Это щас такие улицы... И птица по улице, а тогда разве птицу пустишь, а щас... Так... и председатель не смотрит! У меня там

цветы были, так все... и акация там как цвела, пахнеть. Так или сломают, или что...

Отакая жизнь, живем, в яму не зайдешь! Я бы рада, когда... От детки кричат: "А что тебе трудно, или не накормленная, или не напоенная!" Я посмотрела: "Все хорошо! Спасибо вам мои детки! Спасибо!" Ну что за жизнь, когда ты не можешь уже, не видишь, и ходить мне уже трудно! Я от у хату зайду, не могу, вот прожила всю жизнь, знаю, как там уберу дорожку, уберу кроват и причешуся, там в колидоре диван, на обед я тут лягу, отдыхаю. Я знаю все, ну как-то не идет, уже время нашей жизни как-то... Все молодые собралися, смеються, разговаривают, а ты... Я еще разговариваю... Я думала забуду, а не: "Ма! Ты все помнишь! Ты все знаешь, ты все помнишь!" Чего я так помню, я не знаю, если бы грамотная была, была бы где директором! *[Сміється].* Я от такая была, детство, мало я говорили, а как посмотрю, кто-то, где-то, и сразу в голову заходит. Вышивали тогда на конва, я где что-нибудь посмотрела и я уже знаю! Я уже себе сделаю. Отак и старша дочка у меня, так на мене похожа. А понимала все! Не грамотная, а человека раз видела, а через год его встречу, и узнаю его! Чего оно так не знаю! Чи память была у мене хорошая, и я мало говорю, не любила говорить, а сейчас они смеються: "Сейчас много говоришь!" Ну кто мне спрашивал, говорю, а так... Отакие дела!

Ганєва Ірина Опанасівна, 1913 року народження та Єнчева Валентина Петрівна (дочка), 1940 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Ірина Опанасівна: [Меня зовут] Ганева Ирина Афанасьевна, [1913 года рождения. Здесь родилась в Преславе]. [И жизнь всю здесь в Преславе], да, ну что все женились, никто, нас мало осталось. [Родители] поумирали и всё, братья, они в Бердянск работают, а я осталась сама одна, дом большой и в доме нема никого. Ну сестры были, они старшие, я самая меньшая. Три сестры, и сколько, три брата. А братцы, сестёр, нет щас. Ну сколько, четыре сестры четыре брата, братъя в Бердянске щас, а с сестры я осталась одна, дом большой, у доме нет никого щас.

[Я сама] с тринадцятого года, чи што... всё забыла. [А потом замуж вышла. Мне тогда] восемнадцать, кажется. [Фамилия девичья была до замужества], Кальцева, Калицева Ирина Афанасьевна. [Не сватали...].

[1] Опитування провели В.І. Мільчев, О.В. Старух (29 липня 2004 р.).

Нет, по-соседски взялись. [Это до колхозов было еще... со свёкром жили...]. [А у них там тоже семья], сколько, тоже братья, два брата, они всё отдельно *[нерозбірливо]* щас я это в комнате, дом большой, я там. [А как женились...]. Они по-соседски жили, по соседски. Он приходил, Серафим, они оба приходили, а я их не хочу *[нерозбірливо]* не мучатся.

[В школе], училась там, пошла учится, меня не принимают, я маленькая ещё, и так и пошла *[нерозбірливо]* дети смотрела и так и не училась. [Смотрела] детей маленьких, ну да там *[нерозбірливо]* взяла дети смотреть.

Ірина Опанасівна: [В 33-м году голод большой был...]. Кому большой, кому не... кому не большой. Потому что если нету хлеба, а у меня хлопец был маленький, он пойдёт *[нерозбірливо]* такая сумочка, бегом принесёт, тогда опять пойдёт, и отак спасались.

Валентина Петрівна: Перепутала, то сорок седьмой, я помню. Это крёстный работал, кладовой, а амбары тут напротив нас, я помню это, но тоже уже сорок..., пятидесятые годы, крёстный даст, а мы жуём, всё было. Ну хто море, тётка наша, её сестра, рыбаком муж её работал. И ото она принесёт, а мы, то уже варит мать, и ели, шо делать.

[А вот про 33-й год...]. Рассказывали, рассказывали, ну рассказывали как дом престарелых зарывали детей живых, и тут один наш Ганев, я его не знаю как зовут, она не помнит, она не помнит этого, а я слышала, шо рассказывали. Они ещё живые, от голоду не умерли, но умирают, от голода, ещё живые, он их вывозил санками и зарывал. А это уже немец, при немце, немец тоже там, детей уничтожал всех, коекаких вывезли, а тех живьём зарыли.

[Их потом перезахоронили...], я не знаю это, но так слышала я тоже такое вот было. А уже когда детдом у нас был, я помню детдомовских, потому что с нами учились, были такие, и хлопцы и девчата, на качели ходили катались. Ну те уже нормальные, но тоже сироты, дети, очень много было их, после войны. А потом уже щас интернат, умственно отсталые дети и психотроники в доме престарелых.

[Бабушка моя] она в 1958 году умерла, мать её, я помню. [Мама] в садике много работала, с 1951-го, [уже после войны]. [Садик после войны в селе организовали...]. Да, я сорокового года, я помню садик вот этот, вот тут, пятидесятого года дети были, сорок восьмого года дети были, даже были и тридцать пятого уже я помню. [А до этого детей в садик не отдавали], она смотрела детей соседских и братьевых, они ещё были, это уже где-то, двадца..., тридцатые годы, 33-й, 35-й, вот эти года, до сороковых. А в сорок первом, сорок втором, я в сорок третьем, была три года война, когда оккупировали, как их румынцы, в нашем доме

жили румынцы. Я тоже вот это помню, братику моему, Ване, было в сорок третьем, де-то два-три месяца, сорок четвёртый год, он сорок третьего, ну маленький он был, а старший брат мой был, он тридцать восьмого года, я сорокового, вот это вот я помню тоже, когда румынцы были...

Ірина Опанасівна: [В колхозе работала], поваром работала. Когда жара, мы немножко отдыхаем, пойдём на море, скупаемся, прийдём. Вечером прийшли, целую ночь скирдуем, собираем, а тогда *[нерозбірливо]* молотилками.

Валентина Петрівна: Это дом им строили свёкр и свекруха, жили они тут на углу, поумирали. Ну видно мне было, де-то, ну в сорок третьем году, наверно, в сорок третьем, после... нет, мы уже жили в доме, потому что румынцы жили в доме, наверно, в тридцать девятом, тридцать восьмом, потому что они в тридцать седьмом году поженились, и брат родился в тридцать восьмом. И видно построили им или в тридцать девятом построили, потому что в сорок третьем, я помню уже мы там жили, и я родилась там, в том доме уже.

Она двадцать четыре годы было, она сама говорит, что в двадцать четыре года я вышла замуж за отца, ждала его с армии, он приехал с армии, ну они пожилые. Он с 1912 года, отец, а мать 1913, и они поженились. И щас мне говорит, снился мне тот, шо я его не взяла, а он меня сватал, утром как встанет, и он гоняется за мною, и говорит, всё равно я тебя возьму, это она мне щас утром, как встанет, и говорит, вот снилось мне такой сон. Ну хотели сватать её, а она не хотит его, я говорит жду Петра. [Когда он в армии был...]., отец был в армии... вот она помнит. Они много приходили. По-суседски, через дом, отец с этой стороны на углу, а она через дом. Ее отец рано умер, а мать, бабушка, умерла в 1958-м [году].

Ірина Опанасівна: Да, *[сміється]* по-суседски взяли. Они много приходили. Один самый главный тута... *[нерозбірливо]* приведёт его, *[нерозбірливо]* а то бьют его...

Валентина Петрівна: А она выбрала Петра. *[нерозбірливо]* раз ты со мной не пошла, они его побьют. Вот видишь шо говорят, шо хочешь, оно и щас есть такое, не только тогда. Ну да, того хлопца, шо она значить отказала, ну ради которого отказала ... Да, они посидят там, ну шо тогда сидянки были, оно и мы когда ходили, то жили, вязали, ошивали.

Ірина Опанасівна: Ходили [на сидянки], а как же, сидянки, танцы, у нас дом большой, комнаты большие, а мы ж соберёмся, девочки кругом, у комнате, у нас насядем... Как прийдёт музыкарь, всё бросаем и на танцы, играть. [Играли] на баян, [скрипка была]. Кеменче – такая скрипка. [Песни пели], а как же. [Вот какие песни], уже забылось. Ну

танцы, баян играет и мы танцуем. Да, да, седянка в комнате, большие кругом садится и работает, работает, всё хорошо, мы пряли, вязали.

На сидянках много, комната кругом, скамейки *[нерозбірливо]* на середине. На середине скамейки хлопцы насядут, а там кругом эти, или есть кавалер, попросит, чтоб встала, он сядет. Кругом девочки насядем, и работаем, а хлопцы на середине на скамейку и сядут, и оживают как прийдёт баян или шо-нибудь, все кричат, то сами свой танцуют. Мы поработали, они тогда прийдёт баян, и давай танцы. Танцы были это и хоро и так, разные. [Песни пели] и по-русски, и по-болгарски, научились.

[На сидянки родители разрешали], а как же. [И другим разрешали, приводили их туда]. Вино пили там хлопцы... А кто будет, те же ли хлопцы... принесут, выпьют... Если напьются, его побьют *[сміється]*. [Звали девочек на сидянку] и у нас будут спать, а утром пойдут домой, потому что очень далеко, село большое.

Валентина Петрівна: Баба говорит, что или баба, или *[нерозбірливо]* если в клуб пошли, они идут встречают, приводят домой, *[нерозбірливо]*.

Ірина Опанасівна: Никогда сами не ходили, от здесь соседи, никогда, они обратно нас приведут, сами чтоб не ходили, никогда, а сейчас ходют и на море, и на речку, кругом. Раньше *[нерозбірливо]* жили с того края, здесь, а они, мы пойдём там, там и будем спать. То, то нас хлопцы будут водить, на угле, и другой дом, прийдут баби, когда прийдут домой, никакие хлопцы. А щас хлопцы и барышни, и на море, и на речку, и куда хочешь.

Валентина Петрівна: [По улицам не ходили. Щас вот улицы], только щас переименовали, а так всё время Ленина была, была, как её звали Жданова улица, а сейчас она Варбанского, Коминтерна так и осталась Коминтерна, потом Горького так и осталась, Пролетарская, все улицы советские так и остались как и были, только Вербанского. [Делилось], ну там две части было, Ленина и Коминтерна. Ну мы так называли, довга то улица, это Ленина нижняя улица, а Пролетарская это уже Советская, это верхняя улица, а центр это Коминтерна. Вот это Ганевская, Коминтерна. Вот это ж, ихняя колода вся Ганевых.

А так я не знаю это, я не знаю, ну за вот эту знаю, что Коминтерна улица это Ганевская улица. Та это ещё знаете шо было, виноградники там понад морем, ото было там и Вербанских, и все эти хозяева были. А оно ж повыкарчёвывали уже после пятидесятых годов уже повыкарчёвывали, всё, и виноградники. Там дяду *[нерозбірливо]* Вербанский был, он работал, я помню, мы ходили там и виноград собирали, и абрикосы, там всё было. Это уже пятидесятые, пътдесят второй, вот эти года, я уже работала.

[А чего их повыкорчёвывали...]. Ну старые, уже этих людей нету, а когда был Василий Фёдорович Ганев, он садоводом был и виноградником, и тогда было, он и председателем немножко работал, а потом уже нету таких, щас Кальцев Степан Николаевич, он немножко там заведует, но он вот это хорошо может вам рассказать по улице Вербанского, он живёт вот здесь, ну к Приморску, Степан Николаевич Кальцев. Он может вам рассказать хорошо, его отец тоже старый, он бригадиром работал.

[А на Сопливке, русские там жили], там Боришевские остались, Иван Боришевский, он из них, только он остался, а те все поумирали. Тоже, ж тоже, они з Сибири. Мы с ими не ссорились, мирились. Мы дрались только с камышевахцами, камышевахцы нас били очень много, гоняли нас. [Это украинское село Камышеватка]. Да, ну одно время и ихний колхоз и наш соединились, потом увидели шо не будет дела, и всё. И мы даже, полгода, не знаю, или год мы были с ними в контакте, и всё, и отошли.

[Это не будет дела, из-за того, шо народ между собой...]. Они нас дразнили всё время, "болгары солёные". Идём пеши в Приморск, я помню это уже где-то 56-й, 57-й, вот это шестидесятые годы, а в каком году точно мы соединялись, я не помню. И начинают гонять нас, а мы уже как-то, а потом уже. А мы как, мы или бабушку какую-нибудь встретим, шоб провела. А мы всё время на них "дзурлы", им говорили "дзурлы", а щас уже всё, щас нормально с ними, ну всё равно девчата приезжают, щас молодёж.

А в семье главным кто считался, муж или его отец. Там дед низенький, но командовал их всех. А баба высокая была, я помню бабушку, и деда помню, но они поумирали все... [Деньги шо заработали, деду отдавали...]. Ну конечно, хозяйству, всё берут, что можно всё берут. [Он их и тратил. Если что-то надо купить, идёшь к нему говоришь там...]. Да, да.

Ірина Опанасівна: Всё-всё на свёкр отдаём, получает, свёкр там всё покупает, лошади, сами молотили.

[У нас в селе] церква хорошая была, они ж разбили её. Церковь большая была, хорошая, они разбили её, всё разбили.

Валентина Петрівна: У мамы моей была, но я не знаю где она, у мамы старинная, такая вот, фотография церква вся, *[нерозбірливо]*. Мы крещёные все. Водили нас туда в церкву, но я не помню эту церкву... Ну в 50-е, 60-е не ходили. Не, я в школу ходила, я не, а в комсомолах над нами, мне не дала баба, и я не поступила в комсомол. Она меня била верёвкой, не надо тебе. А ну спросите её.

Ірина Опанасівна: Запретила! Потому что есть хлопцы такие, бьют, я тебе *[нерозбірливо]* что б ты не лезла, там где не нужно.

Валентина Петрівна: [Я до школы и по-русски так...]. Русский я в школу начала, конечно. До школы, ну я как так общалась... [Могла по-русски...]. Ну да, конечно. А всё время по болгарски, ну болгарский язык мы ж то не изучали, в школе мы не изучали болгарский. Да, тогда уже болгарского языка, щас болгарский изучают в Приморске, уже сколько лет, лицей открыли болгарский, и как бы изучают, а тогда не было, ну а их учили, я знаю как она. [Вот бабушку помню], ну по-русски она, да немножко, а так она всё. Она общалась, она держала квартирантов, русских учителей всё время смотрела. С русскими учителями всё время на квартире у неё посылали, ну а щас она...

Пєнчева Ганна Пилипівна, 1919 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Моего] папу звали Филипп. Он с 1895 года. А мама – Милева Мария Иванивна, на два года меньше! А мама оставила меня маленькой, молодая умерла, 34 года! Самая старшая была, пять лет *[нерозбірливо]*. Ничего хорошего не видела! Потом мачеха, а знаешь какая жизнь, когда у тебе мачеха! Та, мама что тебе [сказки] расскажет! Она работает, ей некогда тебе рассказывать! Придет с работы, она сразу дает наряд, что делать дома! Это надо спросить, дите отдыхаеть, чи делает, надо делать суп! Ты делай то, ты то! Они придут и отдыхают! А я дома, и дома делаю все! Работаешь и даже не отдыхаешь, вот такая была мачуха!

Бабушку свою помню, мамкина и папкина! Баба, мамина мать – Ирина! А папкина – Матрона! [А отчество не помню]. Дедушек знаю! Папкин дед – Иван, а мамин отец, тоже Иван! Тоже из Преслава! [А с какого года они были] не знаю, я ж тогда была маленькая! Давно они уже поумерали, по восемьдесят лет! И папка уже давно умер, под восемьдесят лет! И мачуха умерла уже его, и брат умер! Есть близкие, в Бердянске! Они там в городе поженились! А я здесь живу!

Я четыре класса окончила, а пятый я заболела. Учителя?! Уже забыла. Они поумерали уже все! [Учили] на болгарском! И тогда, по-моему, был русский, но тоже в пятый классе украинский начали, но я пятый не кончила! И там мама умерла и детей некому смотреть, и я ушла... Ну я смотрела, десять, та потом семь, папка работал. Такие были они хорошенькие и сейчас они такие, никогда не ругались! [А родители в церковь ходили]. Я тогда еще в школу не ходила! А мама, папа, бабушки – ходили! И меня водили.

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (27 липня 2004 р.).

Хозяйство?! Ну это в детстве, я не знаю, бабушка... она умерла! Я женилась в 39-й год, а свекруха в 37-м умерла! Я жила на той край, а они тут! А свёкр еще, 10 лет жил со мной! Он... тоже... не знаю в какой год... ну старый! Он умер, 75 лет было! Ну, барашки были у нас! И корова! Было такое! До колхозов меня здесь не было! Я ж там! Индивидуально! Индивидуально! Я помню все как индивидуально жили! То как начали уже собирать колхозы, тогда одни зашли в колхозы, другие нет! А тогда как забрали лошадки, тогда уже все... Все было, лошадки, огород, все было! [Пошли в колхоз]. Ну конечно, а что ж, все пошли! Я не помню, я тогда еще в школу не ходила! Маленькая была! Дедушка сдал лошадок, у нас было выездные два лошадки, такие хорошие! Все-все сдали в колхоз, а потом кто работает... Кто работает, тот лучше живет! А кто дома сидел, лодырь, тот плохо и жил!

В колхозы! Все сдали! А то работа! Семья ж у нас была. Деньги зарабатывали! Семечку возили, все-все! Гектары... Щас сдали наши гектары, видишь как! Кругом! Там вот в дом престарелых сдали! А на аренду взяли! Щас в колхозе совсем мало земля!

[Когда в колхозы сгоняли], мужчин репрессировали! Я уже работала в шестой бригаде, и в нашей бригаде взяли четыре мужчина! Четыре мужчина, ночью! Всех забрали и не слышно было ни грамочки! Може поумерали или что там делали, я не знаю! Ночью! Утром уже идем на работу, уже плачут женщины – что случилось?! Вот, забрали ночью! Там один и родыч наш был, ну папкин! И до сих пор не знаем! И никто не знает! За что забрали! И до сих пор! В 37 году забрали, по-моему так! Если не ошибаюсь! Ночью, ночью пришли, пришли с работы, отдыхали и их забрали! Они в нашей бригаде были, и забрали их, и не писем не было, ничего не было! И до сих пор ничего не знаем!

Раскулачивали! Ночью тоже забирали! Я помню, ночью, на бричке, мы дети, плачем! Много! Ну богатые! [Фамилии не помню]. Та я ж тогда дите была! Гуляли, слышали – там забрали, там забрали людей! Дети без понятия... Ну много... Ну помню, приходил в гости, а щас уже не приходит, ну може поумерали или что! Ну хлопцы, живут хорошо, опять хорошо живут! А кто работает, плохо живет! А тогда кто не работает, тот живет плохо. А сейчас денег не дают на колхозники!

[А голодовку 33-го] помню! Я сама голодовала! Уже была готовая! И сестричка, и брат, и папка... мамка уже умерла! *[Нерозбірливо]* и папка идет продает, продает! А что, одежа дешевая, а харчи дорогие! Ну, потом работали, начали давать нам пятидневки! Сколько там, два-три килограмма дадут. И варим болтушку! Что там, вода и мука! Даже страшно вспоминать, как жила! Вот, пять дней и давали! Паёк! Там дают, что б не сдохли! А от того голоду столько людей поумерало, бо-

льше чем наше село, наверно, поумерало! Ну если б не одежа, тоже бы поумерали, уже готовы были! Уже сестричка, уже братик, лежали на кровати! Они больные, голодные! Уже не могли ходить! А папка, это в таких штанях, это питачки такие! "[Папа покушайте], а то как вы умрете и мы умрем!" – такие хитрые, голодные, но хитрые! *[Сміється]*.

А я как вдруг вспоминаю, сами себе вспоминаем! Что мы пережили! От как мы мучились! Одежи нет! Вытираешь, латаешь, стираешь целый день! Латаешь, латаешь – целый день! Ну не только я! Еще кто был богатый, знаешь, все в них есть! Они не так мучились! А мы мучились! А много поумерало! Страшно! Так в одну яму, закрывают, без сундук, страшно, как собак кидають! С фермы там была, пустырь, такая небольшая, и там кидають! Мертвые! Страшно! Так... А некому было копать! Там вызывают двое мужчин, такие были! И ото копають и кидають всех в одну яму! Сколько там их было?! Пятнадцать человек, десять! Вот такой был страшный 33-й год!

[Море рядом], а рыба! Рыба рядом, а-а! Было знаешь как – 15 рублей десяток! Бычки! Принесет, вот и радуются вот такие большие, а они. Лед на них! А мы радуемся: "Папа! Они такие большие!" Бывало нарежешь, не большие они, а лед на них! Ну, а что купишь?! Так кто пойдет голодный на море! Голодный не пойдет! Тот кто может! Вот они и рыбу продают! Ну это хоть море было, а если б не море – все село наверно б умерло!

[Почему сразу не ходили], я не знаю! Как оно получалось! Это весна была, наверно, когда мы умирали! Не помню! Я знаю, сколько папа одежи отдал – и не черта! Десяток! Сколько там в том десятке, что ты наешься! Бросили – подавились... А где ты [хлеба] купишь, если его нет! Хлеб не было! В магазине не было ни черта!!! А я помню! Папка, все.... Если что принесет, то будешь кушать! Не принесет, ничего нету! Сидим, одна вода, вода только была! Колодец во дворе! ...Больше ничего нет!... Ну а как! ...Одна собачка была живая, и та потом умерла от голода! Ничего не было! Потом весной, папка уже начал работать, начали давать пятидневку! Сколько там придется! И вот понемножечку, понемножечку! Потом, дядька мой, молодой, начал тракторист работать, учился, и начали давать муки! И начали, то бабушка, дедушка получать! Нам приносить, то муку, то мамалыгу сварим! И вот так варим, начал дядя помогать нам! Так начали жить..... А так трудно было, очень трудно... *[замислилась]*. А щас, то ничего не было в комнате, а щас, телевизоры, все есть, а тогда ничего не было!

Война когда началася, моя дочка старшая, я в Мариуполе была *[мовчить]* не полугодик было... Это в 41-м году началася война, в июне чи когда? Вот она родилась у мене в 41-м году, в январе, полгода было как

раз! Не я здесь была! А она щас в Мариуполе живет! У нас не немцы, у нас... румынцы було! Вот там где сад, там полно румынцев було, полно людей! Сад там сделали, палатки *[нерозбірливо]*. Мужа моего эвакуировали, прямо с трактором! Свекр был, слава Богу, живой! Я так боялась! Он говорил: "Ничего страшного!" Ну, сама, дите маленькое! Ну а он, где не ходил, все меня с собой брал, старенький..... Корова была у нас, щас нету коровы, сдали, заболела корова!

Ну [румыны] у нас плохо ничего не делали! Поздоровкается! Поздоровкается и идет, ничего плохого они не делали! А что буду ругаться с ними?! Я так боялась, я не разговаривала! Как ото идуть – я подальше! Ну плохо не делали в селе! Нет! Ничего не брали! У них наверно, все есть! Они не брали у нас ничего! И даже у нас корова, видит шо корова – и даже молоко никогда не просили! Они ничего плохого не делали! Може где и делали, но у нас нет! И у соседей вот там тоже стояли, ну ничего!

[При немцах] колхозы работали! Вся земля в колхозе была! То щас начали! А так в колхозе вся земля и работали! Кто работает, платили! Ну тогда на трудодни работали. Ну я не помню, я тогда на работу не ходила! Я тогда с маленькими была! Муж был тракторист! Ну они там заняли... и все, вернулись! Ну, страшно было! Заняли! Назад не пускають и вперед не пускають! Ну это свекр еще, папка, живой был, он в 49-м году умер! А мой папка в 75-м! А муж в 65-м! Муж молодой, в 53 года! Муж работал! Ну тогда как забрали все мужчины, его забрали, работал в Приморске! А мужиков нету, на тракторе одни женщины, даже сестра моя работала, трактористка, а он работал там! А работали на трудодни! На трудодни! На трудодни осенью дают деньги и хлеб! И при немцы тоже было так! Тоже на трудодни работали! У нас колхоз был! На трудодни тогда работали! И получали на трудодень, *[нерозбірливо]*. Хорошо получали, а колхозники мало получали! Не знаю, чего так мало давали, граммы что ли давали, не хватало! Было люди, что не было что кушать, не хватало на хлеб! Уже не помню как они давали, я помню что на граммы хлеба и денег мало давали тоже! А трактористы, если урожай хороший, три килограмма на трудодень давали! По два и килограмм, ну как урожай! Если хороший урожай, то и дают хорошо!

Ну, много, много брали в Германию, щас получают деньги! И Светка наша соседка была, это вон там сзади, там трава щас, все поумерали, и дом продали, йо и страшно было зайти в двор! А другая тоже была в Германии, мой брат был в Германии! Он умер! 6-го года был рождения! Ну, полно забирали! Хочешь не хочешь...

Был [полицай], кажется один, он умер! Один на село! Ваня кажеться! Ну, преславский! [Злой он был], я знаю?! Нигде не ходила! Я нигде

не ходила, шо там рассказывали, може где. Ну он, кажеться, хороший человек был, я не слышала, чтоб плохо делал! Може где что-нибудь делал, но я не слышала! *[Мовчить]*. Дай Бог, чтоб не было такого! Ой, как страшно, очень страшно!

Это после войны, это кончилась в 45-й год! 47-й год! Я вот не помню – шестой и седьмой, было плохо! Ну мы не голодували, Ваня был тракторист! У нас в печке всегда было полно, буханок пять-шесть! А есть люди совсем плохо. Не, не умирали! Ну так знаешь, чтоб в волю наелся, не было! На паёк! Ну я даже смеялась, говорю: "Ваня! Чего ты не забрал меня в голодовку!" Он не голодувал, это в 33-й год, у них было – мама пекла хлеб, корова была у нас, было молоко! Все! Он работал всю жизнь трактористом! Вообще не было хлеба, я мучилась, чуть не умерла! А он: "А я тебе вообще тогда не знал!" – он так смеялся! "А я тебе не знала!" Я живу на этот край, узнала только когда уже вышла на работу!

[После войны в колхозе работала]. А где?! Больше негде было! Дом престарелых вот, да детдом, дом интернат, вот это, а все остальные на работе в колхозе! А есть щас и в Приморске работают! [Во времена Хрущева, Брежнева], ну а что, я ж не уехала! Работали в колхозе и все! [А при Брежневе было жить лучше или при Хрущеве]? Я знаю?! А от налоги платили! Я уже не помню, кто был тогда! Был случай! Сад был у нас, на каждое дерево налог! И Ваня обрезал весь сад там! Налог был! А его... не знаю! Зачем?! Налог наложили!

Бабушка рассказывала за голодовку в 21-м году! Она мне рассказывает, я смеюсь! А тогда в 46 и 47 году, два года тоже голодовка! Ну, я рассказывала, мы тогда не голодовали! На работу меня брали в Запорожье! Да! Председатель был один дурной. А я щас даже не помню, какой тогда был председатель при немцах! Не помню! И золовка была у меня еще не замужная! И он назначает на работу, ну, в колхоз! Вот "Ленина", у нас два, "Коминтерна" и "Ленина!" Село большое! Ну они забрали... сорок... сорок пятый год, по-моему, ну кончилась война! И забрали в колхоз, назначать на работу! Ну назначили, председатель, и записал и мене и золовку! А у мене ж дите есть! Коза есть, еще окотилась, вот если сегодня окотилась, завтра доить надо! Папа старый, свекр, он тракторист в степу! И он ругается, что: "На войне не был! И жена возле тебя!" Он говорит: "Ну, забери одна! Нехай жена идеть, сестра оставь дома!" Ну дите и старый человек! Хозяйство! Ну что папа будеть делать! А он, знаешь, рассердился забрал меня, Галя осталась! Ну и неизвестно, на сколько нас берут! На работу, а на сколько?! Ну поехали, значит, ну нас... И сестра моя тоже забрали в Запорожье! Я ж набрала в мешок, Ваня говорит: "Аня бери! – я ж спекла там хлеб, калач такой, все деньги мне дал, – если хлеб кончится, то деньги чтоб были у

тебя!" А если нет, то спекла одну пышечку и ни черта у тебе нет! И какой-то там горох, такие продукты! Ну у меня был хлеб и деньги!

Ну работали там, значит, рыли землю, надо выполнить норму за одиннадцать дней! А когда туда ехали, такая погода была – снег, страшно! Пешком нельзя ходить, и себе ищем еще, специально! Принцесса! Ну а что, сидит, снег, а она в шубе, и свитер, и все, а мне, а люди голодные! И еще на работу, а еще ни черта нету в сумке! Ни черта нету в сумке! Что там сварится, да и только продукты, да что там соленое! Та! Огурцы! Я уже не помню, что они там брали в колхозе! Капусту, горохгамчи, огурци, там шо-то! По рельсам, а они пешком! Мы пешком ишли до станции Елизаветовка! Оно ж холодно! И следять, чтоб никто там не бегал! Где там бегать, я боюсь и так! Где буду бегать?! Куда?! Вертаться назад?! Ну там есть с "Коминтерна", мужчина, ухаживает за людей! А здесь была с нами женщина, ну и следит как работаем, все! У них мужчина, а у нас женщина!

Ну и вот, там проработали, на Днипро, камень мы носили! И там наверху, камень, и видела там немци! Где там наверху вода идеть, страшно! Там вода, там немци работают, а там уже сюда, там вода нет, там румыны! А мы... Ну работали хорошо! Ну отбыли 11 дней! А! Кормили там болтушка! Хорошо что у меня хоть еще деньги были, ну это ж не свободно там все. [А жили], там же дали нам! Я не знаю! Если б... Ну и слава Богу, что меня хоть брали, а то я б не знала! Я хоть Днипро видела! *[Сміється]* ну до нас... А водолаз ...Это был Иванов брат, мужчина с "Коминтерна", и там что после поели, и он меня: "Идем на пять минут! Посмотришь как водолаз вылазит! – и он там ходит, – все равно никогда не увидишь!" И мы там с женщиной, две, там работали, и пошли! Я говорю, ну и слава Богу, что... Вани говорили, а то я и не знала, что за водолаз! Там вода, как он ходит, как одетые! Видела! *[Сміється]*. Больше ничего не видела! Так я была в Запорожье, а в самом городе не была! Так сразу на Днипро! Там и спали, там и работаем!

А какие танцы, то мачеха пустить мене на танцы! Они были редко, один раз или два в неделю! А она не пускает никуда, и еще работаешь как ишак! Я смеялась, говорю: "Ма! Ты уже старая баба, сидишь дома, и я не буду знать, что на свете есть! Буду как баба!" Она: "Хороший материал нигде не пропадет!" Она как скажет! Ну, а что – дома, на работе, дома, на работе, дома, на работе... Полжизни, ничего, никого! Все: "Еще молодая! Еще успеешь жениться!" Я говорю: "Я не собираюсь женить! Ну хоть пойти в клуб..." А то все дома и на работе, днем и ночью – уборочная! Переоденусь и назад! Ночью едем, зерно возим на пристань, машиной! Трудно было! Или скирдуем, когда тихая погода! Ну вроде все хорошо!

[А замуж выходили], ну это я с 19-го года, в 20 лет. Женятся, ну кто как! Хочешь женись, не хочешь не женись! А щас смотрю молодые такие. Ну тогда большинство в 18 лет чтоб исполнилось! А так чтоб в пятнадцать, и шетнадцать лет, четырнадцать, как можно сейчас, а тогда нет! Ничего папка не скажет, хочешь женись, когда уже ходила с косами! Не хочешь, значит не женись! Ну это было мне уже 17-18! Мама говорит: "Походи! Успеешь! Лучше походи спокойно!" Если там попадет хороший, а если будет плохой характер, будешь плакать днем и ночью! Ну, слава Богу, хороший был хозяин у меня! И работяга, не шатался никогда нигде!

Есть такие [кто там пьянствовали, жен били]! Ну у нас такого не было! У нас вобще, вот, я уже сколько раз говорила, я никогда не помню, чтобы папка был пьяный, чтобы матюкался! И дедушка, не помню, чтоб не видела пьяным никогда! Никогда не ругались! И здесь свекр! Ну когда праздник, там выпьет! Не ругались! Ваня мой, ну щас пьют больше конечно же, щас ночью пооткрывали, все! А тогда ночью не было ничего, закрыто кругом! А щас целая ночь молодежь сидит! В этот бар, чи как! Ну зачем, они и так разбалованные, еще будет хуже! Чем дальше, тем хуже! Раз пьянка открывают, то дела уже не будет! Мой хозяин выпивал когда, но на работе никогда! И каждый день работает, а тогда было работа без выходного! А когда посевная! Или урожай убирает! Радый, чтоб домой пришел! И времени нет, чтоб детей увидеть! Щас внук уже дождалась с армии!

[Были такие случаи, когда женщины пили вино]! И щас есть такие случаи! А раньше? А так не знаю! Ну у нас такая семья была, чтоб пили, чтоб ругались, не было, чтоб матюкались! Не было! И здесь тоже! Не, слышала, есть! Разные, что хочешь! И драки были! А черт их знает! Ну и когда пьяные бывают! На свадьбе, сойдутся, сколько там много, я знаю?! А потом дерутся! Мы тоже раз были на свадьбе с мужем! И уже привели невесту, смотрю, скандал, уже драка! И Ваня говорит: "Пойдем домой! – он знает, что я боюсь! Я боюсь, когда дерутся, а мне их жалко! Хоть и чужой, а мне их жалко, – Аня! Идем домой! – и больше не ходили, ну его в баню!!! – Ну их! И дома покушаем!"

Я когда замуж выходила, ну, порядочно людей было! Ну, драки у нас не было! Мы расписывались! В сельсовете! Церков не работала... Ну отсюда много, да и наши! Порядочно людей было! Отдельно гуляли! Не! Вместе! Я ж невеста, я же не гуляю! А потом придут, целый день у нас! У девочки, а вечером заберут невестку и там отвезут тоже! Два дня гуляли всегда! Соседи, родственники, а чужие нет! А ну ходят смотрют! Ходят полно, смотреть, какая невеста, какой жених! Шо готовят, все в порядке! Им интересно! А потом все по селу, если хорошо,

значит слышно, что хорошо! А если плохо, то тоже уж слышно, что там и ругались или дрались! Или что не было на столах. Это уже все обсуждают! Это такое, привычка такая есть! Я не люблю такое, когда обсуждают! Пошла посмотрела какая невеста, зачем мне что на стол?! Я ж не приглашенная, я смотрю на невесту! Тебе нету там что делать, что там варят, что там! А если интересно, потом гавкають по селу, что такое не было! Что там вино или что! Обсуждают, а я не люблю такое! У кого что есть, то и будет!

Ну свадьбу сделали, ты жена. Свадьбу сделали, мене привели сюда и все! Тут были свекр, и золовки были, да, свекр! А свекруха не было, я ее не знаю, даже фотографии не было! Ни одной фотографии, видишь, ни одной фотографии нету, даже не знаю какая она была, свекруха! Ни одной фотографии! Сейчас у каждого есть, а тогда не было! Ну я была девочка, фотографии нет! А щас самая меньшая девочка, там в дом престарелых, говорит: "Ма! А чего нету ни одной фотографии, чтоб мы увидели какая ты была молодая?" А у нас не то чтобы, ни один рубль не видела в руках, росла и вышла замуж, ни один рубль не видел в руки! Работали на трудодни! А пенсия нема. Работала один трудодень или полтора трудодня – палочка тебе и все! Ну и жизнь! В конце голодовка, или получишь что в конце, или у тебе мало, или перебор! Все! Ни один рубль я не видела в руках, когда я была девочкой! Ни одной фотографии! А говорят, соседка моя говорит: "Ма! Ты такая была красивая! – это соседка, учитель ница. – Я сижу, смотрю в стенку на твою маму, и сейчас она хорошенькая!" Я уже не хорошенькая, а уже баба, как обезьяна! А почему, бо нет денег, пойдем там вот в клуб... А те кто живет хорошо, богатые, они фотографируются! А мне: "А ты чего не?" А мне стыдно сказать, что денег нет, я говорю: "А я не хочу!" А вот так нет ни одной фотографии!

А что было раньше [в доме]?! Печки болгарские были сделаны! Большая! И топишь, то солома, то палки с кукурузы! Семочки! Тогда ж не было уголь! Тогда ж не было сделано плитой! Тогда ж не знали, что был уголь! Кровать, сундук! Ну тогда ж шифонеры не было! Лавочки, вокруг столика! А так больше ничего не было! Сколько комнат?! Ну вот сейчас, например, у нас четыре комнаты! Коридор, веранда... веранда, это Ваня уже пристроил с папкой... Та наверно уже 150 лет этому дому! Старый! Я уже здесь с 39-го года! Это уже сколько я здесь! А папка прожил здесь, уже старый! Ну не знаю точно сколько, тут было написано, на причелок написано! Каменный был причелок, ну Ваня снял и сделал деревянный! И написано было, я уже не помню!

[Строили дом], камень! Каменный, камень оно ж видно! То свекр делал, меня не было, я не знаю! [Камень] покупали наверно! [Крыша]

черепица, да! Простая черепица! Он там где выровина, ты здесь пришел. Вон там черепица хранится! Она лежала здесь все время! Там дедушка строил, потом делали дом папке, там было четыре сына! Три брата! И взяли тоже, ну достраивали!

[Сыновья с отцом жили]. Та нас там жили, уже было у нас пять детей! Потом папа построился, потом дядя Петя, у него был дом, у нас был хуже, еще хуже... поемники забирали строить... И дедушка тоже развалил и построили, снял отак кусок, и построил дяде Пети домик тоже! И остался у него третий сын, на месте в этот дом! Остался с дедушкой! А оно так в Болгарии всегда – старший сын всегда отделит, если там три хоть сына, всем построит, а меньший остается с папой!

Помню, что говорили, [бабушка], что [переселялись сюда] с Молдавии, чи с Болгарии, чи как там, Молдавии! Ну это уже когда прадедушка, это давно было! Ну помню что баба рассказывала! Начали тут жить и все! Та, они тогда такие были, знаешь! Неграмотные! Это щас, дитё, тебе все расскажет! Щас телевидение! А тогда ничего не было! Щас если они, дедушки, бабушки, они не испугаются! Скажет: "Что я тебе, радио!" Это ж то радио, "шляпа черная", все смеялись! Потом уже купил "Киев", динамики разные, а теперь вообще радио не играет! То телевизор, то магнитофоны! А на радио они уже не смотрят! [Когда радио появилось] я уже не помню! Я уже здесь была! После, после! Когда хозяин был живой! Иван, мой хозяин был живой, он умер в... 65-й год! Радио было! Ну я с 19-го года! А он с 12-го! Ну он рано-рано умер! В 53 года было!

И дочки у меня, я никогда их не ругала, все вышли замуж! Сын был четыре года, чи... пять... когда отец умер, было ему пять лет пять дней! Он никогда не баловался, я никогда не ругала на него, не била, соседка, учительница говорит: "Валя! Я смотрю на твой, Валя, он никогда не балуется, и никогда я не слышала, чтоб ты кричала!" Как в винограде, бедные, у нас был виноград восемь рядов, четыреста кустов! Он никогда, я возьму, помою, положу в шкафчике, он захочет кушать, там чистенькие, он не бегал никуда, чтоб бегал куда в грязное! Никогда, вот есть помытый! Пожалуйста, кушай сколько хочешь! И до сих пор вот, слава Богу! [Делали по хозяйству], конечно! Как выросли, девочки помогали и виноград собирать! Щас мы не закрываем виноград, а тогда мы закрывали виноград! Все в кучу весной. Осенью закрываешь виноград, а весной переливать надо! Ну девочки когда выросли, начали уже помогать! Ну родычи есть, ну они ж все на работе, все на работе! Все работали! Ваня оставлял для лекарства, сахар нет, сахар есть, деньги нету, вино не делаем, та оно мне и не нужно то вино! То закрываем виноград в бутыля! И кушаем на воле! *[Нерозбірливо].*

Григорова Олександра Андріївна, 1922 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Мы сюда приехали в 39-м году. Мне было семьнадцать лет]. С родителями, семьею, со всеми. [А до этого жили] в Курске мы жили, Садовский район село Маньцово, вот. [Переехали], потому что голодовка была в Курске. Вот у нас восьмеро детей, *[нерозбірливо]* семь душ. Я самая старшая. [Родители какого года] не могу сказать. Ну когда родилась, конечно, не такие старые, ну еще работали. [Ну лет по сорок, пятьдесят]. [Отец в колхозе работал]. Бригадиром работал и этим, объездчиком, ну черноробочим был. Я все время в колхозе. Я была... [замислилась] доярок тогда еще не было, работала дояркой, так я на пенсию рано пошла, долго я работала, вот еще с какого года не могу сказать.

[Как сюда приехли, поселили...]. Ну на квартиру тут нас, тут поселил колхоз, вот мы и тут, мы жили у соседей. Как ихняя фамилия я уже не помню. Ну местные. Болгары. [Дали одну комнатку], маленькие, тоже комната была. Знаете как? Я вышла замуж здесь, вот и детей нажила и внуков, и правнуков, вот такое вот. Замуж я вышла в сорок... [замислилась] первом году, у конце. А война началась в сорок втором? В сорок первом. Вот в конце этого [замислилась] в декабре, я вышла замуж. [Он] местный. Они тоже приезжие были, здесь были вот. Преславские родители, но русские. Григоров фамилия... болгарская... Не знаю, нет русские были они *[нерозбірливо]*. Бабушка была украинка, это свекруха мне рассказывала вот. И свекруха русская, я знаю *[нерозбірливо]* она была *[нерозбірливо]*, она как-то *[нерозбірливо]* Григорова. [Говорим как] Григорова.

[Сюда как приехали, жили у людей... Там] бабушка была ж старенькая и она з дочкой жила, вот. Ну неприятности были, неприятности. [Не мирились...], приехали такие всякие, зачем вы приехали сюда. Вот такое вот. [Ну не нравилось, что нас на квартиру поставили...]. [Мы ж деньги не платили...]. Колхоз, колхоз сказал и колхоз написали вот. А потом уже после войны мои родители, я вышла замуж, а родители так скитались, то там в квартире, то в одной, то в другой, вот. Было, [что по-соседски помогут], они помогали хлеб пекли, соседи, другие соседи. Тоже болгары. У нас семья большая, нас папа привез семь душ детей нас було, вот такое.

Это как началась война... В каком году война началась? В сорок первом... А я тогда в 40-м году вышла замуж и семь месяцев пожила, и война началась. Вот и муж пришел с фронта и был у плену, и его когда

---

[1] Опитування провів В.І. Мільчев (30 липня 2004 р.).

освободили, и он тогда пришел домой, вот. Я была со свекрухой, со свекром *[нерозбірливо]*. Его в первый набор в войну забрали. [Он был] с 17-го года. [Звали] Афанасий. Он у Преславе родился. [У войну остались вдвоем со свекрухой...]. Да, ребенок у меня умер, год и девять месяцев, первый мальчик был, год и девять месяцев. Свекруха не работала. [Жили на то, что сами заработали...]. Да, сами жили, сами жили. Хлеб, продукты, корову держали, вот и такие продукты были, ну поросенка держали. [В колхозе там давали] зерно, давали, получали. [Сколько давали] не помню. И по два килограмма давали. Ну на заработанный рубль, сколько ты заработал. [Деньги на руки не давали, давали зерном...].

[Как началась война] пришли румыны, а потом немцы были тут, большинство немцы, и эти вот наши в плен их же брали. [И при немцах в колхозе] тоже работала. Ну они колхоз оставили, а работала в колхозе. [При немцах председателем был... не помню. Но до войны был] Кочков Олександр. Олександр, а по отчеству, я уже забыла. Это ж уже года прошли, я забыла вот такое вот. [При немцах] хуже. *[Нерозбірливо]*. У колхозе было веселей, была жизнь, а сейчас *[нерозбірливо]* колхоз разбили и жизнь такая, кто как умеет, так и живет, вот такое вот.

[Полицаи были]. Местные были, местные, а фамилия я забыла не помню. Ну [как они к людям], нормально. Свекр у меня, он так работал, как этим, не был партийный, а там он бригадиром работал, там от этим вот. И его немцы взяли, отбили ему почку, почки и он бедный умер. А я со свекрухой жила. Всю войну мы вдвох жили с ней. Этого деда забрали в Германию... свекра в Ногайск забрали... и мы со свекрухой, бабушкой жили вдвох, вот такое. [Свекра звали...], вот забыла, помоему Афанасий Абрамович. Потому что муж Афанасий Афанасиевич, ну Афанасий Абрамович. У него был отец Афанасий Абрамович. Вот такое было. [Он] в 41-м году и умер. [А муж вернулся...]. Он, когда вернулся, был он в плену *[нерозбірливо]* я забыла в каком году, ну пять лет, ну война ж пять лет шла. Забрали, вот и в конце уже, когда освободили Румынию и война закончилася, и тогда это и он пришел домой. Вот такое.

[В Германию забирали. Но меня] не хотели. Но меня тогда *[нерозбірливо]* ребенок и ему было только полгодика. Ну на руках в общем, вот. Мой год не забирали в Германию, а забирали *[нерозбірливо]* работал, я не попала, я дома осталась через дитя. Меня оставили дома. [Это ж и при немцах ходили на работу... Дите маленькое, полгодика...]. Приводили нас на обед, их покормишь и бабушка смотрела его и я. Вот такое вот. Тогда не было этих вот *[замислилась]*, а как сейчас три года

после родов. А тогда не было этих вот. Два месяца до родов и два месяца после родов, вот такое было.

[В 47-м году голод...]. А чего в 47-м голод был? *[Замислилась]*. Война закончилась в 47-м году, но, а вывозили хлеб государствам, или куда они там вывозили. Да, помню. Спасало нас море, рыба, вот рыбой питались. Меняла. Молоко отнесешь рыбакам. И *[нерозбірливо]* ходила, выносила тюльку, по два-три ведра на спине, вот, когда была молодая, а щас. Мы ж ведро [молока] не носили, а молоко, в основном, такое, ряженку носили. [Еще меняли] на эту, ну на яички, хто как менял. Рыбаки ловили, им разрешали. [А потом тюльку...]. Ну шо делали, *[нерозбірливо]* и соленую тюльку, и без хлеба, без ничего, и питались тюлькой той, вот такое было. И пить хочется. Ну еще кроме тюльки, когда молоко было, молоко, вот такое вот. Траву собирали, листья... [Измельчали...]. И потом пекли вроде как оладки. Лепешки кушали. [Она так, не горькая], но и не сладкая.

[После войны работали ж в колхозе, на трудодни...]. Конечно работали. [Если там заболел...]. Но если справку принесешь, там начисляли *[нерозбірливо]*, а так, вот. Облигации заставляли подписывать. Ну как, карабкалися. То молочко продашь, то там яйцо какое там продашь, и оплачивали. Вот такие вот дела. При Хрущеве жилось, работали, работали, как рабы работали. Вот, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе, вот! Я с 22 года, я пошла на пенсию на пятьдесят лет. У меня пять душ детей было, вот. [И на пенсии] пятьдесят пять рублей получала. Конечно, не хватало, я ж еще и работала, работала дояркой.

[Как там в Курске жили...]. *[Нерозбірливо]* все у нас в достатке было *[нерозбірливо]* не одна семья приезжала, а несколько семей. Они уехали, а мы осталися. Когда я вышла замуж и мои родители остались из-за меня, остались здесь вот. [Ну сразу как приехали...]. Ну большое село. Мы привыкли уже сейчас, а тогда было трудно понимать болгарский язык. И еще мы молодые кое-как, а как мама и папа *[нерозбірливо]* начал по-болгарски разговаривать, я попала в русскую семью. Здесь семья по-болгарски не разговаривает. [По-болгарски] с девчатами вместе учили. Я научилась вот. Плохо. Ну как, понимать я уже все понимаю, а разговаривать, я плохо разговариваю.

[А когда в Курске жили, тоже был голод, в 33-м году]. Был. [Как там...]. Я не помню, я 22-го года рождения, скилькы мне було год там, но там тоже недостатки большие были, вот. [Ну сюда приехали...]. Ну тут богаче, конечно, богаче. Мы когда сюда приехали, здесь хлеб пекли, то, то принесут, то, то принесут соседи *[нерозбірливо]*, семья большая у нас была, и так остался. Осталися и только одна наша семья, здесь осталася из-за меня. Я замуж вышла и родители осталися из-за меня,

осталися. Да те вси поверталися назад. Им не понравился... с болгарами жить, нация не понравилась болгарская. Или Бог их знает, я ж не знаю.

[После войны в селе вообще русских] много было. Щас конечно больше, щас на русский язык почти все разговаривают, молодежь вся. А тогда, все на болгарском языке было. Да-да после войны, после войны [стали больше по-русски разговаривать]. Дети учились только на болгарском языке, на болгарском языке, а после войны уже только на русском языке, только детей, вот такое вот.

Русский народ как своя нация, своя как то, ничем не отличается, ну *[нерозбірливо]* своя нация вот так. Конечно отличается от русских. Ну, конечно, каждый день *[нерозбірливо]* и болгары есть хорошие, и болгары есть плохие. И у нас также. Ну они, конечно, нас не обижают и мы вот так, вот такое вот. Уже после войны начали жениться, русский на этой, болгарин на болгар. И начали вот и щас, уже детей учат в школе на русском языке, так что, почти все разговаривают на русском языке, вот, вот такое вот. В клуб ходила *[нерозбірливо]*. Я не ходила в клуб, вот ну, конечно, был *[нерозбірливо]* ходил по селу там. Бедность, без привычки, вот такое вот. И вот такая жизнь моя была... [Были еще сидянки, были...]. Я не ходила, то что, ну как, когда я еще, сидянки были, я еще молодая *[нерозбірливо]* ходила маршрутом, я не ходила, а были сидянки, были.

Вон там улица была. Он вон там. Самая крайняя там улица, были русские населялися. Улица, по-моему, Советская. Нет-нет, не Советская, я уже забыла, то наша Советская улица, уже забыла. [Тут жили, научились и готовить по-болгарски]. Научилися, а как же, научилися, конечно. [И свое варили], и щи варили, но щи мы тут не варили. [Здесь] борщ. [Болгарские делала, милин] делала, когда была молодая. [Меня научила] свекруха. Манжу делали, да. Каварму, это из барашек... *[нерозбірливо]*.

Была у нас в селе, была больница. Больница у нас была, а сейчас больница была такая большая хорошая, у нас там врачи хорошие, а сейчас вот. Роддом был. [У войну к бабкам ходили...]. Много было, много было. Ничего не платили, так принимали. [Угостишь чем-то...]. [У болгар тут принято Бабин день отмечать...]. Ну Бабин день, вот она принимала роды, принимала у меня, вот и мы ходили до ней. Ну которые, ну у которых она там принимала роды. [Угощение несли], подарок носили ей. Платочек эти... тряпки. [Каждый год делалось такое], но сейчас это уже не делается. [Перестали отмечать], когда открыли больницу, роддом открыли и когда *[нерозбірливо]*. Люди сами перестали ходить...

Малєв Олексій Федорович, 1922 року народження, Гінова Марія Іванівна, 1924 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Олексій Федорович: Олекса, Алексей Федорович. А по-болгарски Алекса Тодоров Малев. [Я с 1922 году рождения. Я сам с Инзовки]. Родители тоже были инзовские давно, а жили в Преславе. А [родители], они еще с девятнадцатого века, тысяча восемьсот. С 90-го года отец, а с тыщу девятсот, там девяносто восьмого мать. Ну два года разница. [Мать тоже инзовская]. Два дядьки мои, ну отцов брат, жили здесь [в Преславе]. И они переехали. А их было шестеро детей. И девочки были, а я самый младший. [Самый старший] с 12-го года. Это десять лет разница. А земли двадцять пять гектар, а на то время как... ну на пару, на венец. А потом они выросли, кормить надо, женились. Как жить, тут крохи, как жить, они пошли в торговлю, магазины тут свои открыли, и так начали, а там их раскулачили, не компенсировали.

Марія Іванівна: А я Мария Ивановна, девичья фамилия Гинова, так и осталась. Я с 1924 года. Я родилась в Преславе и родители мои преславские. [У родителей], тоже так было. Да пятеро [детей].

Олексій Федорович: Дедушка с нами жил, а бабушка рано умерла. Дедушка в 15-м году умер. А он еще 1854 года, еще в Крымскую войну жил. [Как там раньше жили в Бессарабии, как переселялись, это он може знал]. Я не знаю, это ж он умер в 15-м году, это те кто старше знали. Ну там как, он сирота, дед, и приехал сюда сиротой. [Он еще там в Бессарабии родился]. [Его воспитывали], ну были там братья двоюродные, ну там другие. Вообще Малевых в Инзовке было не много, в основном в Райновке. Даже свои как-то считались... [Это наверно все с одного села, Инзовка, Райновка и Преслав с одного села населялись].

Марія Іванівна: Нет разное, Инзовка и Преслав, это Арганал-1, а те разные была, вот Диановка, то Вайсал, то Райновка, потом Ботиево, это ж все болгарские села, Строгановка.

Олексій Федорович: Дед был, бедняк, и эти тоже бедняки, раскулачили их, потому что жены их были богатыми. Это ж тогда земля что делала, тогда же ни промышленности не было. Есть земля, и продаешь, там побогаче. [Колективизацию плохо помню]. Та ну так больше от 33-й год. То голод наверно и начался от того что раскулачивали. А отца в 24-м году парализовало, а хозяина нет, мне там было два года. [А в 33-м], ничего не ел, плохо было, потом там мать... там открыли детский

[1] Опитування провели В.І. Мільчев, О.В. Старух (28 липня 2004 р.).

дом какой-то, ну там не только мы, там масса было маленьких... Ну отец был парализованый, мать выжила, мы все выжили...

До семи классов учился в Инзовке, потом сюда перешел, тут десятилетка была... Я учился в техникуме на болгарском, выпускали учителей младших классов. Да, это в 1938 году поступал, а в 40-м уже ушел. Ну девятый десятый клас. И каждый день с сумкой двенадцать километров сюда.

Марія Іванівна: Оно сразу тут как техникум был, была большая школа, ну ходили учителя. Женщина Найденова, она с Болгарии, муж ее был... Политэмигранты, наверное. Звали ее Елена Генчевна.

Олексій Федорович: Потом репрессировали, особенно учителей.

Марія Іванівна: С Преслава, Нейковских, два брата, их репрессировали, они учительствовали. Еще Иван Федорович Рупчев, тоже его репрессировали. Много репрессированых с Преслава.

Олексій Федорович: [В Инзовке тоже репрессировали учителей]. Да, Хаджийский, он заканчивал Ленинградский университет. Жена его была учительницей, Катерина Ильична, врач был, знаменитый. Портрет рисовал его Троцкий, художник Троцкий. Она меня учила с шестого класса и до выпуска. [Хотел учиться на учителя]. Да, от в техникуме... Не окончил, война. Ну те которые были с 21-го года, те оканчивали.

[Я вот с Хаджийским Михаилом Пантелеймоновичем, который писатель, с ним лично был знаком]. Он, с 16-го года, он сирота. Его дядька воспитывал. Он в Киеве был, а во время войны он попал в плен помоему. Да, в плен попал, а потом вернулся сюда. [В 1941 году, ходил в советской шинели], погон не было. Все снято было. При оккупации, ну как называлось... милиционером был. Полицаем! А его убили, почти! Ну, не наши! В Софии! Выехал в Болгарию! [У него в Инзовке остались родственники]. Да, щас есть Хаджийские! Один даже живет в Приморске! Ну так... это Хаджийский! Топсерак вообщето, ну то по майке, то там таке! А вот я еще получал журнал “Буди готов!”, это Миша Хаджийский был редактором этого журнальчика. Пионерский маленький журнал, «Будь готов!». Ничего не осталось! И еще была газета «Коллективное поле».

У нас работали полицаями знаешь бригадиры, которые специально были оставлены, ну чтоб какой-то порядок был. Да с год где-то [проработал он полицаем]. [К людям он относился хорошо. На своих инзовских полицаев обижены не были]. Никогда! А даже предупреждали когда что-то тут... [Старостой села был в Инзовке], первым был Малев Георгий Ефимович. Он был секретарем до войны, началась война, его специально оставили, оставляли специально в те времена, что б там партизанский отряд, отак. [А после него] стал Мильчев, от как по име-

ни отчеству не помню. Я же его не знаю, это ж сняли за подозрения Малева и поставили Мильчева. [А как он к людям относился?] Я не знаю, при мне уже... меня ж забрали в Германию. В 42-м году, в июне, да это первый месяц.

Тут вот еще те что были, предупредили что будут два набора еще зимой. Два или три набора будет в Германию, ну молодежь. Мол, спасайте кто как может! А где спрячешься! Хотя бы леса какие были! А то степь одна, это сейчас хоть посадки насадили, а тогда... И от я попал... Между прочим, там тоже были коммунисты, партийные, в каждой стране тогда были коммунисты, и в Германии тоже. Подполье! Ну я сразу попал к хозяину, в сельское хозяйство. На горище там была комнатка, смотрю, прихожу, а там газеты болгарские, "Иришецейтум", это немецкая газета, и болгарская "Земледельческо знамя". Я получал литературу, "Земледельческо знамя" и это... Ну немецкой коммунистической партии... Интересовался где их печатали, кто их привозил, тогда запрет был в Германии сильнейший на коммунистов! Оказывается, в Болгарии печатали! И где, в Министерстве внутренних дел, на горище! На горище! В книге написано! Ну, расстреляли часть... А Димитров же был у нас, Интернационал был, до 43-го года, а потом же война, уже наши взяли все что надо было, уже немец отступал!

Я не работал у хозяина – я бегал! *[Сміється]*. Сколько там я проработал, начали забирать в хозяйвов на шахты, ну заставляють работать. И получил, а моя двоюродная сестра тоже была там. Не одна, две и одна заболела, и она пишет мне письмо, там же в Германии, что сестра заболела, и болгарский консул забрал, ну там посольство забрало что бы вылечить. А я давай, а по-немецки я не бельмез! А я говорю: "Швест кам!" – и я оделся и пошел, а я на станции жил, и на поезд, куда ехать! А мне эти с бляхами, значит: "Иди!" – и сколько там я дней, а там же были заключенные и французы были, и поляки были, и украинцы. Ну как пересыльный пункт. Ну спрашивают откуда, что куда, ну допрашивают, ну я не могу ему объяснить. Ну как он ни фамилии не знал ничего, ну, а что ему ни сказал ничего, ушел.

Недели через две вызывает меня, а я остался один, тех уже отправили куда-то, французов, поляков. "Ну что, – говорит,– я нашел хозяина, пойдешь?" Я говорю: "Нет!" – и он отвез меня к какому-то в цилиндре, он там занимался, ну покойников отвозил на кладбище, похоронное бюро. И сколько там я побыл, месяцев четыре-пять, я писал там, что... Приходит переводчик и говорит: "Давай я тебя отвезу в Кёльн". Это там было рядышком, там как к Гамбургу, к Голландии. Я был 12 километров от Голландии! Отвез меня, там кормили, ну так ничего, картошка была. А тут в лагере ничего не было. Так мы на фабрику пришли с

сумками, как началась тревога у немцев, бомбили, как сумасшедшие! Страшно, а мы с теми чемоданами картошку набираем, и так питались. Потом начали забирать на окопах, уже открыли второй фронт в 44-м году, и нас туда-сюда, перебрасывали! Ну и нас как в колонну от, так там если есть что, или темно, так мы раз – и уходим, и обратным ходом идем! И так три или четыре раза! Направляли куда, ну последний раз, уже посадили на катер и на другой берег отвезли, и мы шли, как светло было, это было днем, как темно стало. На другой день начали стрелять, и бегом, там же были бараки, там зашли. А ночью, ну наверно из тех наших или немцы, я не знаю, противотанковый кулак бросили, и одного ранили здесь, одного в голову. А я, там нары были двухэтажные, ну так, я упал. Утром приходит немец какой-то, и говорит, чтоб мы, ну ушли, чтоб он забрал этот домик. А потом его хотели расстрелять, ну я говорю: "Нет, не надо," – домой его отправили. Отвели его домой, и там как домашний арест был, пока власть не пришла. И как там он попал как-то в Советский союз, на севере, ну там интересовались как там он, ну так...

Марія Іванівна: Тоже в Германии была. Да, июнь, 42-го. Нас как забирали – список написали, собрали возле сельсовета, погрузили на подводы и повезли. Там потом перед Менчикуром на поезд и в Германию... [Вагоны], я не знаю, ну такие...

Я на заводе работала, ну там трубы разные делали, там такие, слив от шо вода, скат, ну разные... Там был хозяин, значит, он держал этот завод и фабрика где-то была у него посудной, ну он посуду привозил, тут у него было наверно как склад, тут они ее грузили на вагоны, отправляли куда-то. И мы жили, нас было 20 девчат, в одном домике, возле хозяина. Потом две девочки умерли, нас осталось 18 человек, ну почти до конца. Уже когда отступали немцы, этот домик забрали как склад, ну как... ну военные были там. А нас перебросили, там был еще один лагерь, там было сто человек, отдельно, не далеко, и там нас перебросили. А потом наши девчата были, с нашего села, попали две в этом лагере, с этими девчатами восемнадцать, что у хозяина. А те, там были еще тринадцать девчат с нашего села, они были совсем на другой фабрике, кожу вырабатывали. И их хозяин забрал их, при фабрике они жили и когда уже работы не было, нас девчат забрали к себе, до конца, пока нас не заняли американцы, мы были со своими девчатами. Охраняли, там на работу водили...

Олексій Федорович: Да, "остарбайтеры" такие значки... Там такие с бляхой железной... жандарм!

Марія Іванівна: Там на каждой нации был свой *[нерозбірливо]*. Нам "остарбайтен", полякам иначе, французам иначе...

Олексій Федорович: [Обращались] наверно одинаково, у меня был, где я работал, был француз, мы вместе кушали с ним, что он ел я не знаю, ну картошку мы с ним, хлеба же нет...

Марія Іванівна: Ну мы там у хозяина жили, был хороший. Потому что старший сын был раненый, погиб, меньшего забрали в армию, без вести пропал, девчонка погибла при бомбежке, и остался один мальчик, еще в школу не ходил. И хозяйка говорила: “Если б Сталин и Гитлер дрались, кто б победил?” А тот говорит: “Нашего брата нет!”

Олексій Федорович: Я там же в армии служил, там же. Я где-то в 47-м...

Марія Іванівна: А нас где-то в июне или августе начали отправлять, это было нас собрали сразу, а там военный концерт... Было 28 тысяч в этом лагере, разные были, было 11 тысяч военнопленных наших, их отправили, потом иностранцев, всех рассортировали. Нас осталось тринадцать тысяч, уже всех поразместили, а то даже сесть негде! [В американской зоне]. Американцы исключительно кормили! И относились хорошо... ну чтоб били, такого не было.

Когда нас отправляли американцы, давали сухой паёк, там колбаса, все такое что можна... когда перешли в нашу зону, сухую картошку, будем варить, заставляли работать, там чистить, с котелком будешь в очереди стоять. А при американцах, вот они два человека идут с бидоном, а нас там сколько было человек, от нас было с нашего села, мы все вместе так держались. Нас собрались 12 человек, от с бетоном на 12 человек и там печенье, давай, хлеб получим, покушали и все спокойно. А когда к нашим перешли – с котелком надо идти на очередь!

Нас там с русскими девчатами держали, разные были. А наши девчата, тогда как-то, я не знаю, они получили болгарские паспорта. И их шеф, он был богатый и он забрал их отдельно. А потом мы кормились на немецкой кухне, а потом, когда нас вот-вот уже забрали мы перешли к нашим девчатам, ну мы все неделю были там, потом нас отправили в лагерь. И попали мы домой аж в ноябре! Потому что, когда нас вот уже русские отправляли, с нашей территории, тогда нас спрашивали кто куда, по областям, то загонят в тупик – идут военные поезда, занята линия, по две недели стояли, нигде, никак...

Олексій Федорович: [А в Кёльне был болгарский консул, многие там получали паспорта]. Я разговаривал с ним, ну как разговаривал... он в лагерь приходил к нам... Помню, как его... у нас такие фамилии есть, ну он был, по-моему, русский был сам. Ну известный, ну во время революции, во время той первой мировой войны, ну во Врангелевской армии были, там потом уходили кто богатые, ну он консул... Ты, знаешь, когда Болгария объявила войну Германии в 44-м, да, то он уехал

сразу, раньше даже чем в 44-м. [Помогали по этой линии]. Обязательно! Я ж говорю, он забрал сестру лечил там у себя дома. Да, мою, это Ира, да, она в Курске по-моему. У него детей не было, он с женой всегда приходил к нам в лагерь, это ж я его в последний раз и видел в лагере.

[А после 47-го года, после армии приехал в Инзовку]. А когда с армии демобилизовывался, то спрашивали: “А куда будешь ехать?” Я говорю: “А мать эвакуировалась, была в Баку, – ну не в Баку, а там в Кусарах, я говорю, – в Кусарах буду!” Когда приехал домой, 47-й год, голод, а нам давали десять килограммов сахара и муки десять килограммов, когда с Германии этот... Ну потом приехал там оставил брату, там дети маленькие были. Дома у нас не было еще тогда, я говорю, а матери тоже еще не было, а я с сестрой, то в хлеве, то у брата, а брат тоже там без хлеба сидять...

Марія Іванівна: Из Германии домой письма писали. Первый год писали! Что мы писали, открыточки...

Олексій Федорович: Я не писал!

Марія Іванівна: И разрешали, чтоб с дому присылали посылочки, 200 грамм посылочка! Что там! Ну може спечь печенья, ну....

Олексій Федорович: А потом получаем письмо, там, написали Рябой, ну фамилия такая, а потом как посыпались письма, писала вся школа!

Марія Іванівна: [Писали там только, что здоровы и все]. Да, так! Что там плохо или что, не писали! Мы сами боялись! А потом как немцы уже отступали, мы же потом возвращались сюда, не знали, есть кто живой, здесь же спалили десятилетку, двухэтажное здание! Театр был – спалили, маслобойню спалили, мельницу! Все попалили! Ну и говорили, что побережье Азовского моря нема никого живых! Ну благодаря, что был дождь, от то оно погасло... Иной раз идем в субботу, и как наделаем рев, плачут все, и приходит хозяйка: “Что такое, что случилось?” Ну она такая была, понимала людей страдающих: “Ничего, просто скучно...” [А по воскресеньям мы не работали]. Не работали! Работали так, нас, от, 18 человек было, так 12 человек работают в дневной смене, с шести до шести, днем. Шесть человек работали в ночную смену, с шести вечера до шести утра. А в субботу работали до шести и все, а в воскресенье выходной!

Кормили! Ну сразу как мы поехали, еще ж у кое-кого сумки были, с дому ж брали, ну кушали, добавляли. Говорю хозяйке: “Не хватает! Мало!” – ну добавили, потом еще больше, больше. Потом начали вообще кормить хорошо! Ну, хотя, хлеб 2,5 килограмма на неделю. Утром на шесть часов, мы идем, дают кусочек пополам, вот такой *[показує]*,

они все на машинках режут, и чашку кофию! Там сахарин, не сахар, а сахарин, там такие таблеточки! На девять часов два кусочка уже, такие целенькие и чай, а в обед уже... Приходим, без хлеба, или суп густо, или что... ну наесться нам хватало. А вечером приходим, там старушка, ну она говорит: "Я иду домой! А вы сами себе сготовите!" – девчата сами там готовили и борщ, и все... Ну так не обижал нас. Даже добавочный хлеб давал! А потом мы говорим: "А давайте мы за субботу весь хлеб съедим!" – так мы за субботу, недилю и понедельник весь хлеб съедим, а потом сидим всю неделю без хлеба! *[Сміється]*.

[Не было, чтоб сверху так смотрели, что мы вот немцы, а вы...]. Нет, такого не было! Она такая, хозяйка самостоятельная такая. [Это они владельцы того завода были, где мы работали]. Она как сочувствовала, потому что ее дети погибли, того она может и нам сочувствовала! Я ж говорю, трое погибло и остался один мальчик! [Работали там одни девчата], там восемнадцать человек. И вообще в этом городе только русские, и только они с разных сел, с разных областей, ну как попалось там! Ну там распределитель же он не смотрит как там, с одного села или нет! Ну там было шесть фабрик, там девяносто человек были распределены, ну там бывали и в обиде... нельзя было оттуда уйти... Ну вот с нашего села были 12 человек, но они, мы попали отдельно, одни здесь в этом лагере, нас первых сгрузили 20 человек и нас, с нашего села только двое попалось. А те девчата попались в том лагере, а потом, когда уже узнал этот их хозяин, фабрикант, что они болгарки, забрал их и они там на фабрике жили. Там был, он по-немецки понимал мастер. Он в той войне, он был в России, там в плену был, и понимал, там шо по-русски и разговаривал с ними. А потом мы пошли, когда уже работы не было, перед тем как нас заняли, мы были уже с ними. А там с разных сел были, и с Сталино, и с ...ну разных, и там за Бердянском... Мы там меж собой по-русски! [Кто даже с украинских сел]. Со своими девчатами если соберемся, так больше по-болгарски!

Олексій Федорович: А вообще Гитлера убила жестокость, если бы он в этих завоеванных странах не вешал...

Марія Іванівна: [Я как вернулась с Германии], я не работала в колхозе, я сразу уехала в Грузию, год проработала, получила паспорт и уехала домой. Не то чтобы подзаработать, а получить паспорт и устроиться где-нибудь здесь, трудно было в колхозе... Уезжали, ну там много было наших, раскулаченых... [А чего именно в Грузию..?] Ну видите как, там был знакомый, ну как знакомый, папин, ну брата сын, и невестка приехала и говорит: "Поехали со мной! Там вербуют, получишь паспорт! И вернешься домой!" А с паспортом уже можна устроиться... Ну как, до 51-го года у нас не было паспорта так, после, когда я уже

приехала, позже, и я приехала и уже работала по паспорту. [Это паспорта не давали], шоб колхоз работал! С села не выпускали, не езжай никуда, ни учиться, ничего! Поразъезжались бы! Да, а как же!!!

[А как от когда раскулачивали]. Ну как, он никто не помогал, никто не грабил, он своим трудом все стал богатым! Вот у моего отца, дядька. В общем, их отец приехал с Болгарии, их было три брата. Один был ветврачем, а дедушка мой, он любил выпить! И он не стал богатым, а средний стал богачем – и его раскулачили! Он работал не покладая рук... Был приличным, он всем родственникам поделал большие, хорошие дома! Раскулачили!!! Потому что он работал, а не сидел, работал, старался!!! Ну да! Их выселили! Семья его в больнице жила, а отца, его, уже когда их выселили, репрессировали... Бабушка сама воспитывала детей, было пять душ, одного забрали в Германию, одного шо от был покойником, вот когда их выселили, его забрали в армию, он же считался русский, ну и так всю войну, и сестру забрал, это когда наши уже проходили. А бабушка уже умерла, и девчата уже поумерали старшие, одна осталась меньшая, с 30-го года. И когда наши зашли, они обратно вернулись в Донецк... Шо им тут делать! Дом их сгорел, и он бросил все и работал там где-то в Михайловке врачем или шо...

Потом стали забирать ребят в Запорожье на стройку, как фэзэушники! Они там паспорта получали. Еще не было. Уход с работы, кто не хотел – пять лет тюрьмы! [Это принудительно в Запорожье на работу]! Да, да!!! [Были нарушали и посадили], да! Много! Преславские не знаю. Но я знаю были девчата такие что сидели по пять-шесть лет! Тогда вообще судили, за спекуляцию! А сейчас не та спекуляция?! То же самое! От те магазины, продукты навозят, сами себе цену устанавливают... *[нерозбірливо]* ...они вот раньше работали в магазине, а когда все развалилось, то они свой магазин поставили. И свои цены устанавливают, привозят хлеб из Приморска, он стоит рубль пятьдесят, они продают по рубль семьдесят!

[А сразу, пока нас в Германию не угнали, тут румыны стояли]. Да, стояли! А они как цыгане! Они там по-своему! И так, как собируться, вот там у нас улица Советская, и там как соберуться и давай... они там танцуют, как от болгары... та по-цыгански. Зайдуть, давай курка, давай яйки!!! Так было придут понакидают чтоб были полные! То у кого-то кабана заберуть! И там на берегу у нас... *[нерозбірливо]* ...там же их расстреляли... Та ну от эти ж самые, ну румыны, немцы... В Ногайске ж был владный какой-то ж немец, и он давал указания и их порасстреливали! [Это сразу, как только пришли они]. Наверно, потому что нас уже не было, мы уже в Германии были. И от выкопали там на берегу яму и живые, еще не доумер, а уже...

Олексій Федорович: Да-да! Случай такой! Пришла женщина и жалуется старосте, что к ней заходили румыны и хотели изнасиловать, или изнасиловали, ну вообщем так. А полк стоял кавалерийский, и командир там полка или батальонный, тоже находился с ними. Староста там заявил ему, ну там жалобу, что вот мародерствами занимаются, вот такими и такими! И всех построили вот так вот и позвали женщину, и она указала, вот этот и вот этот были. И их давай, значить, шомполом бить. По жопе!!! *[Сміється]*. И они сразу снялись и больше они сюда не приходили!

[А при оккупаци церковь открыли]. Да, открывали! Был священник. [До войны ж были комсомольцы в селе, активисты, ну так...]. Я сам комсомолец! Нигде же не написано! Я комсомолец и все! *[Сміється]*.

Марія Іванівна: А коммунистов всех забрали в тюрму... *[нерозбірливо]*. При немцах староста был в Преславе, его нету! Его и не было, а потом когда немцы зашли, раскулаченные стали возвращаться. Был один раскулаченый полицай, ну он ехидный был, бил! Я даже и не знаю фамилию! Знаю его звали Фюня, а потом был Мильчевский, он эвакуировался с немцами. В Болгарию он уехал! Ну он ничего плохого людям не делал, если он там что услышит, то там... Я знаю вот Мильчевский. Потом тут еще был председатель общины... ну они отсидели уже лет по 10-15, и вернулись...

Олексій Федорович: [А из Инзовки в Болгарию выехали], а это вот брат его, що десять лет давали, Мильчевский. Брат его Томан. Он был бригадиром тракторной бригады. И был полицейский, ну они ничего плохого не делали, понимаешь, они все служили Родине своей!

Марія Іванівна: Ну все равно хорошие они или не хорошие, наши когда зашли, все равно... *[нерозбірливо]*.

Олексій Федорович: Да-да! Они не признавали почему-то, а там в России признавали! Старост тоже не трогали, у нас старосту только забрали в Гурьев, там строили этот завод, надо было много людей... на Трудармию. Отак, молодежь забрали в Германию, а остальных так в Трудармию! Кадровики, что служили, никто не вернулся с войны, ни 20-й год, ни там... ни 21-й, ни 19-й... Воевали некоторые, это до 43-го года, потом болгар сняли с армии. Ну, кто писали украинцы...

Марія Іванівна: ...Это вот шо говорила... он попал в армию до войны и писался русский, а родители его раскулаченные. И служил, и пока война кончилась, а когда проезжал фронт, он забрал с собой и сестру. Он был полковником, и не знаю сейчас он живой.

[При немцах раскулаченные вернулись]. Один, от шо я говорю, вредный был, Федор, он забрал свой дом! Там не люди жили, там были детдома. Там такой большой дом был и там детдом. Ну, а во время

войны детдом там эвакуировали, а он вселился в свой дом. А когда наши вернулись, даже еще не наши, а немцы начали отступать, он бросил дом и уехал и все...

Олексій Федорович: После 47-го года я уехал с Инзовки, после армии. Я в 50-е годы учился в Баку. Мой дядька сказал мне: "Здесь делать нечего, езжай там..." А там была мать эвакуирована в Куталах, в Азербайджане. Мать с сестрой, а у сестры муж был в НКВД и они эвакуировались. Да, а мы шли с Окопрофом на станцию Федоровка, есть станция между Василевкой и Мелитополем... Так они как раз эвакуировались в вагоне, мне говорят, Алеша, бригадир тот, они пеши шли оттуда, с Балки, село такое, а мать, там сестра выглядывает из окна и дает мне как ребенку конфету, а в ней дочь была, она мать взяла, чтоб смотреть ребенка. В сороковом году она жила еще в Евпатории, муж там служил. Она говорит, начал плакать как пацан, ну ребенок, забрать туда, ну документов же нету, так она говорит: "Так ты езжай домой, возьми документы, приезжай, там адрес знаешь". А пришел сюда, мне говорят: "Ты военнообязаный!" – и меня в истребительный батальон. И мне дали лошадь, ружье... и отак... Ну не охранять, а людей проверять, там эвакуируються, кто приезжает... скот там гнали в этом направлении... Пограничник рядом стоял со мной... Потом колонна военнопленных, ну в гражданских, в колонну, и в селе, когда остановились, заночевали, мы разделись, одели, и красноармейцы, которые хотели уйти и с нами, они ушли, с плена. Там плохо было, они издевались над нашими пленными!

Олексій Федорович: [А тут в Преславе русский выселок был, "Сопливка", так называемый]. Ну это вражда была, ну это презирали! Да, были, это как националистическое что-то... В Инзовке такой не было! У нас все богатые были! Золотая... Зажиточные все, образованые были, в Питербурге, в Ленинграде учились даже, оттуда, институты заканчивали. Даже дневники писали, были! Ну я не знаю... Я пытался тоже, ну... Не! Ничего не осталось, ну это еще до войны было, я еще в Киев писал, это еще в школе было, в классе седьмом... Что-то вел! Мне написали ответ, что если вы хотите стать образованым, грамотным, иметь талант, это делать. А в школе там как сочинение пишешь, она мне говорит: "Ты как Чехов, мастер рассказа!" [Вот фотографии с тех годов не остались]. Даже отцовская фотография не сохранилась, ничего даже мои с армии не сохранились! Там у брата все было, а он продал дом, а там все было, а брат умер, я ходил ну там уже не было.

Марія Іванівна: Она была "Золотая Инзовка, серебрянный Преслав..." [А чего так та "сопливка"], кто их знаеть, мы на том концу жили,

далеко отсюда... Да сразу болгары были, а потом стали населяться разные...

Олексій Федорович: [А вот гуляли, там в школу ходили и русские были, и украинцы]. Обязательно! И при чем русские учились на болгарском... Гуляли, все вместе!

Марія Іванівна: Когда учились, уже были переселенцы и с Полтавы, и с этой... из "Кацапщины", разные уже были... [У нас не делилось село там на улицы,] нет, не было...

Олексій Федорович: Да-да... Было... И в Инзовке и здесь такое было. Как праздники, так они делили, ты не имееш права ходить в нашу часть...

Марія Іванівна: И их председатель, например, как их староста, он дает им полсела, этой стороне, и пол той стороне... Да. И когда Рождество, те идут туда коледують, те туда...[Когда мы маленькие были колядовали].

Олексій Федорович: Та ну перестали, когда полностью... коллективизация. Та чего там, там же нищета, кусок хлеба где, а там каравай надо пекти или что...

Марія Іванівна: Я вот помню, была девочка, это мы еще жили у бабушки. И вот перед Рождеством собираються подружки, две или три, спечуть каравай, снесуть все в одном доме, у кого там кавалер, они ходят к своим там забирают караваи. Я так запомнила, а потом еще колядовали при немцах, первый год еще, пока мы еще в Германии не были еще... Один год, когда я дома была, на эту зиму, они спивали ходили...

Олексій Федорович: [В детстве дома говорили] только на болгарском! Та мы учили в школе и русский и украинский, и говорили на болгарском... [Вот наши внуки] они по-русски, ну могут и по-болгарски... Ну вообще по-русски, они уже не знают болгарского.

Марія Іванівна: Ну там внучка, занимала места по-болгарскому... там... Так это уже наши дети когда начали учиться... больше на русском стали. А так до седьмого класса, где-то с четвертого до седьмого учили... русский, украинский и болгарский. Не только по-русски, но и по-болгарски...

Марія Іванівна: [В семьях тогда] мужчина был хозяин, а теперь и мужчина и женщина!

Олексій Федорович: Это как было раньше, так и сейчас... [женщине права больше. Самый главный в семье это самый старший, это свекр, например или тесть. Даже сын взрослый и женатый, а все равно деньги отдает отцу и он покупает все что нужно. Женщина получила право работать и зарабатывать]... По конституции, прав женщин...

Марія Іванівна: Я вот, например, работала в совхозе, когда уже приехала из Грузии, там зарабатывала, и все отдавала в семье, маме. Брат и сестра работали в колхозе, а я потом работала на производстве, а деньги отдавала в семье, если что надо, то покупали всем. А так я деньгами я не распоряжалась. [Замуж когда вышла, то уже свободно, ну уже не спрашивала], пошла и все... У нас невестка и брат, и у них не было различий, все совместно. Она говорит, я то купила, то купила, а он говорит, раз купила, значит надо!

Олексій Федорович: Совместно всегда были...

Марія Іванівна: [Молодыми ходили на сиданки]. А мне уже сколько было, семнадцать лет, а отец мне говорил: "У тебя еще время будет!" [Ну а так девочки, в среднем, разрешали им ходить, лет с пятнадцати, шестнадцати]. Кто как, от семьи зависело... Раньше дети родителей слушали!

Олексій Федорович: Ну наказывали... *[нерозбірливо]* ...ну не били никогда. [Вообще в селе, муж бил жену, если не слушалась]. Да, было! Эта даже с хаты не выходила, что б не разглашалось, это сплетня!!! За справедливость, за дело! А даром зачем бить человека! За жизненные... проступки. Та до войны мало было, это сейчас... Если какая-то хорошая семья, то уважают друг друга! Она сама не ходила покупать, и он так же, все для семьи, дети главное! А сейчас вот есть детей бросают... До войны, в те времена, были! Особенно в голод, там спасались кто как может! В детдом. Тогда детдомов было много...[А в детдоме детей кормили. Это делали для спасения ребенка]. Да! В школе давали баланду! Я ходил в школу... [А потом после голода забирали детей].

Марія Іванівна: Нас оставляли на бабушек! Ну мы потом от бабушки были отдельно, мама и папа на работе, там брат, сестра. [А в семье приучали к церкве]. А так чтоб за религию... Ничего не было, откуда же они знают? А у нас церковь в *[нерозбірливо]* году разбивали, так что я ее плохо помню... здоровая такая...

Олексій Федорович: Моя мать не религиозная была! Хотя я Библию три раза прочитал! *[Нерозбірливо]* ...дядька какой-то ложечкой давал что-то сладкое, а я говорю: "Давай еще!"

Марія Іванівна: Это когда причащают... А вообще раньше брали хрещеных, тех кто венчает мать и отца, те и крестили детей, а сейчас нет... [Ну это брали не только родственников, смотрели так, чтоб кто там богатый, кто так... Там, если попрсят, не откажется]. Ну нет, так не... [Ну старались богатые с богатыми, бедные с бедными... Ну старались, чтоб человек был побогаче! А крестный должен был помогать крестнику потом в жизни...]. Ну, так ... там конечно...

Олексій Федорович: ...Раньше поп был как учитель...

Марія Іванівна: ...Там раньше Закон Божий учили дети...

Олексій Федорович: ...Вот считалось лучшая учеба, там же у них 12 заповедей, вот, не убей... Это при Брежневе мы жили лучше всего, чем при этих всех...

Марія Іванівна: Ну Сталин, что Сталин – жестокий был, эта репрессация, судили... Сталин нигде не ездил, все было здесь, а сейчас что поделали?! Евры, доллары! При Брежневе... Деньги давали, хлеб давали, жили люди позажиточней... [Стали жить покультурней, как в городе]. Как-то лучше, люди стали одеваться! А все равно холодильников не было! Там в 60-м... в 61-м году появились телевизоры, свет начали проводить...

Олексій Федорович: [Это все при Брежневе] Да! И семичасовой рабочий день! Раньше наши земляки работали от темна до темна...

Марія Іванівна: А при Хрущеве хлеб был кукурузный, он тогда бросился на кукурузу!

Олексій Федорович: Не нравилось, я работал заготовителем, облагали людей...

Марія Іванівна: Мясом, яичками...

Олексій Федорович: Я в Крымах был, сдавали и был такой случай. Последний раз, когда я писал заготовительную, а Чужов, был с Приморска, агент. Облагались налогом, нищенские! В сельсовет вызывают меня, по этим заготовкам, и список там кто не плотить, и не плотить много, ну чем взять! И Народный суд заседает, женщина, и там нам дают список, мы с Чужовым идем по дворам! И забираем этих поросят, она это должник! *[Сміється]*. А она начальник суда! Ну и там в машины, и отправили в колхоз, в амбары. Амбары там пустые! Там тоже нечем кормить! Это вроде в 56-м! Тогда облагались...

Марія Іванівна: Тридцать два килограмма на двор!!!

Олексій Федорович: Так это еще не все! Это как отдолжение, как это мы вот его! Это как заседатели, какие там свиньи, там ничего... Ну и потом прекратилось это обложение навеки, щас обратно начинается! Вот сдал ты государству мясо, тебе квитанции выдавали. Никто не держал поросят, денег нет, куда там, нищета, беднота! Что он сделал, он похож на свинью!!! Да ну это фашист какой-то, националист... Да это ж по его указке болгар выгнали из Крыма, репрессировали *[нерозбірливо]*.

[То при Горбачеве боролись с пьянством. Щас на селе сильно пьют], это после войны! С армии вернулись! А там давали каждый день боевые сто грамм... [Это приучило. До войны в болгарских селах водку не пил никто].

Марія Іванівна: Не! Люди делали себе вино, были виноградники, там внизу, в степи, возле моря. Там была круча, и там были виноград-

ники, и люди делали себе вино, и пили только по праздникам! Такого не было, чтоб каждый день пили! Ну, при Брежневе пили, но не так чтоб...

То мама раньше рассказывала то сказки то шо там... Та про Бабу Ягу, про ведьм, что-то такое... [А были в селе ведьмы...]. Были, были!!! Людям пакости делали! [А как оно получалось в роду ведьмы], кто их знает!.. Ну рассказывала мама, еще бабаушка рассказывала, вот там на той стороне, была у нас еще одна площадь, не заселенная, там домов не было, это сейчас построили. И был там большой амбар, и две бабы, шли в том амбаре, а он был открыт, а дед, там сосед, знал что они ведьмы, они там пораздевались догола, что-то там делали и полезли на крышу, а дед забрал их одежду! Они кинулись за одежой, а он унес, и они ему: "Ну, дед, ты у нас умрешь!" – и как сделали ему, и дед слег, и так и умер, видно что-то сделали! Коров доили чужих, потом свою корову доить, молоко будеть, а у соседей не будет! Ну сейчас не слышно! Хотя говорят и сейчас есть в Преславе, а черт их знает!

Раньше, говорят, вот смотришь там горить огонь, там горить огонь в степу! Вот, говорят, это когда еще татары были, они зарывали деньги, золото, и вот они горели! И вот моя мама рассказывала, что в Инзовке, мама сама инзовская, папа преславский. И вот два брата заметили, это не каждому дается видеть, что на краю села горить огонь. И им сказали, что там должны быть деньги, золото! И они пошли копать! Копали, копали! И до пояса докопали, а оно золото должно, не там, а откуда-то прикотится, и огни видели, что катится вал какой-то, и один успел уйти, а второй в яме, оно глубоко, не мог вылезть, и этот вал его прикрыл. Но все равно, уже перед утром, на рассвете, его за ноги вытащили, но он так испугался человек, что он заболел и вскорости умер. [Наверно заколдованное, то татарское золото]. И в Преславе говорили, что видели, ну не слышали, что копали, ну видели, что там огонь горит, там.

Олексій Федорович: Да, там в Инзовке были дома еще татарские старые, на краю, там еще искали алтын, ну золото... Инзовку еще раньше называли Арманджи! Это из-за аула наверно. А Преслав называли Шекли!

Марія Іванівна: [В Преславе и в Инзовке фамилии многие одинаковые. Вот, например, Мильчев и Мильчевский, Нейковский, там Главчевы]. Есть там наши, преславские, они как-будто в приймах там! Все-таки родится, фамилия добавляется!

Олексій Федорович: [Это в Инзовке был Штерев Иван Іванович. Он 10-го года рождения, потом окончил техникум, работал там бухгалтером]. Потому что где мы жили, где наш старый дом, где я родился и Штырев вот так напротив! Это у нас бухгалтером работал в колхозе,

еще в колхозе! [А его были перед войной посадили]. Было чуть-чуть... Шахер-махер!!! Перехват!!!! *[Сміється]*. Он такой полный мужчина, брови у него такие...

Был в селе Вапиров Иван Захарович, он интересовался историей села. Уже умер, много знал, он и в Германии был... В Инзовке, он агроном... он водитель, он в Николаеве учился. Недавно умер, года два назад! Он 10-го года был! Он хороший знакомый, тоже Хаджийского! Он сирота тоже!

Это раньше у нас в селах коров держали, овечек. Сын мой чабаном был! *[Сміється]*. Он шофер, окончил там в Акимовке, ну там можна было и шофер и на трактор, пас он, а потом говорит: "Папа, надоело мне!" Они менялись, сегодня он, завтра другой! Такого не было, чтоб там в степи по неделе, по две гоняли. А были другие, они там и живут, они не сельские, они наемные какие-то! Не инзовские! А чабанами все были, инзовские, там анновские, богдановские! Инзовские были, но не все! Доили овечек немного, ну так для себя, и так чтобы никто не знал! А когда колхозы были, там доили, брынзу давали! Щас коровы почти у каждого, барашки уже отпали! Поэтому мяса и нет! Щас коровы держат, молодняк, а потом сдают его на мясо! Свиньи там! Барашек ликвидировали! А барашки это же хорошая штука! Кавырма! Сейчас уже кавырмы не найдеш!

У нас перерабатывающая промышленность до войны не существовала, а щас, вот! Там заводы, фабрики! Галушки у нас были, мы их сами делали! Галушки! Это не как у украинцев. Это ну как макаронины такие... Раньше часто кавырму делали, брынзу, сирени. Ну это сирени, это не то уже! Раньше из коровьего молока делали. Особенно, когда эти арбузы, дыни! Это объедение!

Олексій Федорович: [Раньше оно так все... При Брежневе...]. А если так ото себе немного пшеницы насыпешь, то уже воруешь! Особенно, ну не при Брежневе, а когда вот менялись! Ну, зачем мне красть, если мне и так хватает?! Это жадность! Там они купались в молоке, потому что его много, достаточно было, так они купались в молоке, это начальство!

Марія Іванівна: [В Преславе долгое время председателем колхоза был Полукчи Ксентий Григорьевич]. С Палаузовки... Ну, как болгарин, ну...вот эти... гагауз был.

Олексій Федорович: [Ну хороший хозяйственник был, при нем село поднялось, но жесткий был!] Ну был порядок... Ну это с 61-го года и почти вот... ну он долго был. Почти до 89-го. Ну да, где-то так... Это был деспот! Не так чтобы побеседовать там, а так! Когда ты, уже диктуют, ты уже не человек! Ну, ты можеш диктовать так немножко, ну

так! Что как там бьют их там, что в этом... в Молочанске, их отправляют в Молочанск, там их муштруют! Ну я работал в Дом престарелых, ну у них может мать и отец есть, ну они там находятся, дома они... слабоумные, слаборазвитые!

Марія Іванівна: Ну и до войны, тоже, есть у них родители, но они умственно отсталые и их сдавали!

Манойлова Марія Олександрівна, 1922 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я двадцать... [1922-го года рождения]. Здесь я родилась [в Преславе] и здесь я и замуж вышла. По Советской улице, там мой отцовский дом. Ну шо, работала, училась в пединституте в Запорожье. Географический факультет. Но я не закончила. От так от, я знаю, тяжело. Хоть и не платили такие сумасшедшие деньги... А потом в интернаты, работать от тут, вспомогательных школах проработала, а потом надо высшее образование, а я не закончила. И нас поувольняли...

[Моя девичья фамилия] Саввова! Болгарка. Саввова, а потом Манойлова, вышла замуж, прожила пятнадцать лет, муж связался с одной, и ушел с дому, двое детей остались, девочки. ...Вышла замуж, тут осталась и все. Вырастили детей, одна в Ленинграде работает бухгалтером, уже двадцать лет, а другая в Мелитополе, экономистом, свой дом имеет.

Помню, баба Еля и дед Афан... Александр. Отец был, раньше сеяли хлопок, бригадир, начальник, и он был бригадиром. А баба, детей у нас много было, баба смотрела за нас. [Бабушка рассказывала откуда тут болгары...]. Турецкие, ну откуда мы... А щас я баба тоже, восемьдесят два года, шо я могу...

[Ну семья была так...]. Ну земля, колхоз! Трудодни писали, ну теперь, видишь и раздали, раскидують... Ну как создавали [колхоз], собирали, забирали лошадей, туда и организовали колхоз. И тогда начался колхоз. Жили хорошо раньше, а сейчас, видишь, разорили всю, нема ничего... нема колхоз. *[Нерозбірливо]* молодежь раздали землю, а нам и землю не дали. Я все время работала, сорок пять лет, в *[нерозбірливо]* дом престарелых, покаместь не ушла на пенсию, потом проработала еще пятнадцать лет, потом привезли мне внука, с Ленинграда, нянчить, и я его нянчила. А теперь совсем баба, сама осталась. Тяжело жить, я болею...

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (30 липня 2004 р.).

[Голод был...]. А как же, в 32-м году, было, конечно, голод. Умирали, бричками вывозили. Ноги на бричку тянут по земле... и вывозят на кладбище, хоронили. Там где я жила, по соседству, бабка умерла и приехали, погрузили ее на бричку и увезли ее. Теперь хоронят так, видите, как и... А теперь, а раньше... [Ну наша семья в голод...]. Ну что ели... Отец, я ж говорю, был хлопководом, давали ему паек. То муки, то сахар, и мама полола там хлопок, если выполнит норму, дадит нам кусочек хлеба и сыру, и мы все знаем, что мама выполнила норму. Но маме помогали девочки, чтоб она выполнила, нас... дали по кусочку хлеба. И мы сидим, а мы ж маленькие были... Тяжело было! [А в 47-м году, помню голод был, после войны...]. Было тоже, было. Плохо есть люди жили. Да...

Помню [как началась война], чего не помню. И меня забрали в это... Хотели в Германию забирать. Отец мой дал барашки и другая девочка за меня пошла. [Дал этой девочки], с совхоза. И она поехала в Германию, а мы с бабой Елей, аж у Банновку, туда за Приморск, есть село Банновка, меня туда отправили, там родственники. Я там неделю пожила, потом как немцы это... уехали, не уехала, но уже... Румыны тут были, корову забирали нашу... Я пряталась в эту... в туалете. Они приходят: "Где?!" Там баба говорит: "Нема, нема, нема!!!" И так они... Потом мене... учетчиком была в колхозе. А потом мене... На окопах нас брали в Мелитополе. Я щас считаюсь льготница, считаюсь военно... Была там... Бомбят, а мы там копаем, воруем по ночам, режим, кушаем. Потом сказали, что закончилась война, мы тикать сюда. И сказали понад скирдами не ходите, не прячьте, бо бросят бомбу. И один дед со своей дочкой, меня забрали и приехали сюда. Такая жизнь была тяжелая.

Ну как румынцы, там где я жила, мой дом, у нас от так узяли, офицер, а через дом, стояла кухня. Офицеры брали, румыны, кушать. Его жена писала оттуда, с Румынии, письма и присылала посылка. Потом эвакуировались, второго начали выгонять... И от так... [Он нас не обижал...]. Не-е! Ничего, не трогал ничего. И говорил на бабу: "Щас, щас, – шо там по-румынски, – будем уходить, отступать!" Баба говорит: "А нас, пук-пук-пук!!!" – "Ба, не тронут вас!" – на бабу, на мою маму. [Они] не плохие были румыны у нас. Хороший мужик... Нас никто не обижал. От такое... Ну у бабы, это уже, наверно, склерозное... Ну шо... Ничего не делали. Начали потом отступать, коровы забирать. В Гурьев брали людей, мужиков. А нам ничего, мы себе здесь сидели. Жили себе...

[Свадьбу играли]. После войны, я уже в тридцать лет вышла замуж. [Чего так поздно...]. Так получилось, училась я, так пришлось, никто не... Родители, щас как выходит, шестнадцать, семнадцать лет, как выходит. А тогда, родители: "Это не выходи, поганый!" Ну в обще, не хо-

зяйственный. Бедные, мучиться будете! [Родители хотели, чтоб замуж за болгарина вышла]. Да, ну а как же, ну а кого?! Как и теперь, хочешь, не хочешь, айда! Идут сами, не спрашивают, может и нет. [Муж болгарин был. По обычаям играли свадьбу...]. Ну как и сейчас от, придут, забирают невестку, и ведут, шоб в доме, накрывают столы. Богатые, богато накрывают, а бедные так... Расписывались, моя щас, Манойлова, а девичья... [Одевали на свадьбу] платье. А сшили мне, сшили. Белое, шелк *[нерозбірливо]*.

[Вобще, одевали, по дому когда ходили] платье. Покупали, покупали. Шили нам, рубель, два рубля, отнесли, модистка пошила. Ситца тогда много было, а сейчас, видишь, все коммерсанты. *[Нерозбірливо]*. [Белье там, продавали там такое в магазине], продавали все, чего... Было. И пододеяльники, и простыни. Брали в кредит, как щас берут. Я дочкам брала пододеяльники, простыни. *[Нерозбірливо]*. На балансе эти деньги. Щас, видишь, набирают.

[Помню, как подписывали займы]. Да! Я тоже подписывалась, пришли, от давай и все! Двести рублей, чи шо, тогда были. Потом, я сохранила, меняли потом, что-то давали, а некоторые, сковородка, где дырка, намазали... *[посміхається]* теперь. Как теперь деньги, видишь, как... Я как-то не ела, не пила, дети учатся, а на книжке деньги, работала, откладывала, а потом раз и накрылись все. Как жить, дали по пятьдесят рублей. Я внукам, всем раскинула, по пятьдесят рублей дала им, по тысячи. Рассказали, шо больше рубля...

Стояновська Зінаїда Дмитрівна, 1922 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Родители [мои, мать] Мелания Дмитриевна, [а отец] Дмитрий Иванович, да. А какого они были года рождения, это я уже не могу тебе сказать. Дедушка и бабушка у нас была. Мелания, была бабушка, была больная и лежачая, и невестка была, вот. А невестка работала на свинарнику. А эта бабушка так лежит! Да баба Мелания жила со своим *[нерозбірливо]* сыном и с невесткой, вот.

Мы живем, а тут вже был председатель сельсовета, вот. Ну как, люди работают, трудятся на работе. А мужа моего взяли послали на то... оте, а та послали на то, только в морг аж! А ходит записуют они гроб клали на станции, ну как у-у-у... шо тут сказать. Приехали мы на стан-

[1] Опитування провели Р.Л. Молдавський, І.В. Кучерков (27 липня 2004 р.).

цию, а вечером мы жили возле Советской и маленький мальчик був, в колясочке и мы с бабой. С бабой никуда не годные и я такая вот. Теперь дед уехал на станцию и все. В нашем *[нерозбірливо]* то им надо лошадь. А стукали в двери, разбирали. Я думаю: "Боже мой шо..." Говорю: "Не открывай! Ночью двери не открывай!" Все, невестка пришла открыла, вот. Стою я, приходят трое, один выший, другой нижий и третий. Пришли и начали говорить: "У вас тут! У вас какая одежа все!" А я думаю: "Господи, какая у нас одеже, мы как сами голодранцы". Ну-ну шо будем говорить. Он начинает открывать цымбу в которой шмотки, вверх выкидает, всех выкидает на купу, на купу. Ну шо, *[нерозбірливо]* все выкидает, запечатали цынбу и уехали!

А мы плачим сидим и этот ребенок лежал на этом одеяльце у калясочке лежал, все. Он пришел вытянул и то забрал! Как раз час уже *[нерозбірливо]* це его Бог наказав.Ты дывы *[нерозбірливо].* Да, вытянул этого дитя *[нерозбірливо].* Пошли куда-то с ним в морг! В морг! Темно, никого нема, бедное, его поклали в *[нерозбірливо].* А мы их... А у нас была коровка, да! Коровка была *[нерозбірливо]* возле старого свинарник. А тут... а сын еще учился, дед был *[нерозбірливо]* вот так. Ну, забрали мы, все повыкидали. Утром приходим... А мы живем вот! Вот наш дом, а вот того мужика, что все у нас повыкидал, вот! Никуда, вот возле нас, а мы так жили. Его жена, ее все знали, хорошие были. Как стало шо этого старого зерна... все, утром приходят, все грузят на машину чи не знаю на то и возят уже в садок. Я це знаю вот, вот запомнила шо в садок. А мы ж работали, на тачечку ложем, а на базар нам много работы! А нам же много работать ой-ой!. Ну там *[нерозбірливо]* та надо в дом! Они пришли, все повыкидали *[нерозбірливо]*, все нагрузили и повезли все в садок. А тот, которой *[нерозбірливо]* рабочие и трудяги бежат: "Ой, *[нерозбірливо]* дают!" А я думаю Боже-Боже! А мы переживаемся я-я, тож не забрали наши тряпочки и пошли в сельсовет. Ну шо, они трудяги все то раздали. Все вот разобрали: "Берите-берите!" Разобрали вот это все, а платки у моей мамы были такие, знаете... Раньше не такие, а такие все шерстяные, бардовый и зеленый, и платя разные. *[Нерозбірливо]* как женщина! *[Нерозбірливо]* ...ну продали-продали, шо будеш делать.

Когда говорят: "Ты знаешь шо, Зин, вот он впал и убывся! Как Бог ево наказал!" "За наши слезы, – говорю, – Бог его наказали!" Упал с машины чи как, убился. Осталися два друга его, и этот друг один жил тут около нас, а тот... А тож где был *[нерозбірливо].* Ну тот убился, а у того у другово была жена и девочка Бьюела. Вот как помню их... И говорит, плачет и говорит: "Ой, нашево папу убил!" А я спрашиваю: "Дети, а шо случилося?" – "Так папа быстро, убил шо он был у нас и его

убил, упал с машины и убил!” А то двое дядькив они *[нерозбірливо]* умные были. Дурак-дурак! Вижу в шо попадет. Я говорю, чужая слеза и даже никогда не упадет. Вот. Он ушел в этот, ушли по делам два мужика как сичас их... один Дмитрий его звали, а другой забыла как. А у того была жинка, с невесткой они жили, тут свекрина хата, а тут... у них была девочка Леночка, уже такая, ну в школу ходила.

[А там была под морем земля, ото там капусту выращивали, помидоры]. Там была в каждого, був виноградник, вот и тебе виноградник, и у нас был виноградник. Виноградники были, вот море, а от виноград, и тут песок и вода хлюпает-хлюпает, хорошо! А там растет капуста на песку и она *[нерозбірливо]*. А там рядом с нами был хороший виноградник и красивый дом. На Новый год *[нерозбірливо]* мы посадим капусты и будет и у нас. А море! Золото, один песочек, черепаха насыпана вокруг капусточки *[нерозбірливо]*. Вот как была земля! И то была наша земля, что мы этот виноградник посадили, выростили и убрали. И больше мы дачу не брали, вот так. Ну все у нас забрали, и коровку забрали, и одежу забрали, все забрали. Вот так нас оставили! И тот дядько убил. А те два дядька остались, сколько прошло один дядько умер. Ну как, как было. У нас земли не было, один виноградник... Там дед руководил селом, два деда у нас было. Свекр и отец, мой муж и его отец, свекр, во как. Ну шо, а дальше что было, все распродали, сказали, что сын и другой умер...

От чего он умер, не знаю! Сказали, Витька умер! *[Нерозбірливо]*. У Витьки была жена, и жена умерла, и девочка не знаю куда делась. Во как было! Ото та я знаю, а другой был, я знаю шо *[нерозбірливо]* они после работы были и так пошло все насмарку. Они взяли, а вот это же *[нерозбірливо]* милый, тебя обманывают. Я знаю, шо у нас был ото та, знаешь как арман, а потом лежит пшеница не теряет на землю. А потом на лошади и молотит, так! Они чуть свет едут накладать, где они накладывают, как они делают, я не могу этого рассказать. И вот мы пораньше привезем и пораньше два армана смолотим, тут смолотут, сгребают на кучу, а здесь делают все. Это сгребли *[нерозбірливо]* вот это я уже запомнила. Ну они насыпают опять в оцю, ну эту колок и опять *[нерозбірливо]* и будем опять молотить. Вот это то вже смолотим и будет сильно жарко.

[А то были у нас соседи...]. Но эти дети приходют, когда где-то вже поколосилася и *[нерозбірливо]*, там есть такая как ручка. Они говорят: “Бабушка, вот мы пришли покататься,” – вот уже это я не знаю. Значит, иди в дом, если тебе скажут: “Девочки, идите, дед вас покатает *[нерозбірливо]*”, – они идут и боятся, а шо дальше. Не боитесь! Вот дураки! Она маленькая такая собачечка черненькая, козырна, а гавкучая

такая. А они боятся. А потом пойдем до деда Дмитрия и скажем: "Дедушка Дмитрий, а ты нас покатаешь на коровке?" А если дед скажет: "Покатаю. То дед приедет *[нерозбірливо]* сядешь и покатаю вас." Вот это я его запомнила.

А тут вже помолочены вот такие кучи! Намолочено надо *[нерозбірливо]*. Вот там такая большая мельница и невестка, я, и дед. И как от у нас такие грабли, и кидаем *[нерозбірливо]*. И крутим вот. А пшеница, золото сыплется! Вот и опять они все помолотили и кто знал шо... Когда сказали ему шо *[нерозбірливо]*. И вот тот дядька другой, шо коло нас отак жил... И он умер. Ну как умер? Боже мой! Приходили все втроем и погибли, во как было. Вот это я запомнила. А оттуда мы уже... я от это все забыла, как мы! Мой муж работал бухгалтером, от тут на... на току. Его приняли. Ой, директор: "Афанасиевич, пожалуйста!" – ну потому шо он знает всю работу и все на свете. Вот поработал пока не впал. Во как!

Отсюда пришли на *[нерозбірливо]* дали нам там домик и мы вот там жили, и вот сколько мы там жили он работал бухгалтером бо *[нерозбірливо]* "Афанасьевич, любимый, пожалуйста, уйди пожалуйста!" – "Что будем делать без тебя?" "Ну как что? Разве людей нема?" И от так он работал, милый, работал и умер... *[плаче]* умер там на *[нерозбірливо]*. А тут его ж родные были и эти ж его хоронили. Я же осталась сама. То пошла туда работать, то ушла на пенсию, а я хоть плачте, то хорошо что этот зять *[нерозбірливо]*. И этот зять: "Давай, – приходить, – давай мать! Давай. Тут тебе нечего делать!" Вот он меня уже забрал, я уже двадцать лет живу отут.

Я помню голод, но я не знаю какой год. Голод! Ой-й! М-м-м голод был. Мы все плакали, такой *[нерозбірливо]* людей и в холоде. Кто тебе даст, как он у него тоже нету, детки плачут, я не знаю шо было дальше, но было голодно. Страшный был голод. Ну вот так. Ну тогда вже. А люди как спасались... Спасались как – у кого есть тряпка, он ее собирает, а там мост *[нерозбірливо]* шо идет на совхоз. *[нерозбірливо]*. И этот мост... Ну шо ж, шо делать когда хоть плачь?! А на море рыбаки ловят рыбу. Ну отак и сбежалися и женщины, и с детьми, и берег, и море кидает во как. Ну я один раз с дедушкой пошла, а там кто отакую кучу наловит *[нерозбірливо]*. Ну а я говорю: "Дедушка, ну зачем мы пришли?" "Ну ничего, дочка, посмотрим". Как мы пошли да залезли вот так. Они всем какую-то тряпку, хоть нам дали какой-нибудь бичок. Там ничего не дают, голодно, рыбу ловят. И мы пошли, и дедушка пошел, и я пошла, и я ничего *[нерозбірливо]* и такие красивые сапоги отдали, и нам только один такой бичок, за одну рубашку. Не дали нам и колосочка, ничего, ни бичочка, ничего: "Уходите щас, а то вас у море покида-

ем!” О как было! Я плачу и говорю: “Давай будем уходить, я то еще кинут нас у море и наши не знают де мы!” Вот как, а приезжают разные большие парохода, большие – это большие транспорт, полный даже рыбы, во как! А потом там был человек *[нерозбірливо]* упал и утонул. Вот тут люди просют: “Ну дайте бичечки! Вот мы вам даем вещи или что”, – а они ругаются. А они хоть бы брали нас и кидали в воду, вот так! Я не знаю чего они так сделали! Чего они сделали. Вышли на работу, ловите рыбу, сдаете кому-то, мы пришли спросить, може вы продадите или променяете или как? А они как звери, ничего, ни в какую! *[Нерозбірливо].*

Ой, а когда война началась и румыны пришли. Да, румыны пришли, осели там на Глебовский дом, они были на свинюхах. *[Нерозбірливо].* Они то на лошадях, только цок-цок, как на лошадях те подковы, ой! Говорил нам *[нерозбірливо]*: “Щас румыны придут и нас постреляют!” Румыны пришли... мы боимся, шо они нас не расстреляют, шо мы их не знаем, они нас не знают! Пришли, много лошадей, все оборудованное, Боже мой! И эти люди *[нерозбірливо]*, а мы плачем. И вот это все, мы не видели Преслав *[нерозбірливо]* и никого. И от так пережили... пошли на село, через вот это *[нерозбірливо]* и пошли... пришли сюда, на Преслав. А что они делали на Преслав?! Вот шо делали, запалили мельницу одну, запалили другую мельницу, от! Запалили маслобойку, от такое шо надо было, они все попалили! И за кони, и поехали! Куда?! Бог его знает! *[Нерозбірливо]* нигде и крупы смолоть, все, а румыны попалили все! Вот это я запомнила как они, Боже-Боже! Отак *[нерозбірливо]* они днем ишли, не ночью, да! *[Нерозбірливо]* говорит: “Знаете шо, баба, румыны идут с Керчи! – А там коса была, ну земли мало вокруг вода, как остров. – Вот идут, вот это нам уже конец!” А как Бог дасть, так и будет! Мы только на Бога молились, больше ничего! *[Нерозбірливо]* и только прошли через колхоз, и пришли на Преслав и сделали такую пакость. Запалили то, запалили то, запалили... От это я запомнила. *[Нерозбірливо].* От это как мы жили... Немец как пришле, запалили все паразиты запалили все... От там где-то подспорье, они там мало палили. Они скорее, тук-тук-тук и ушли. Они пришли в Преслав *[нерозбірливо].* ...Ой, очень страшно было!

[Болгары тут населила Екатерина, привезла их сюда. Да, она привезла сюда вот этих болгар, вот людей сюда, на эти поля, сюда вот на побережье. И развела она овцеводство, здесь, в основном, были овцы, в степи, тут же не пахано было. А потом я дальше уже не знаю историю. Шо оно было. Куда она делась? Уехала ли куда? Это почти все были владения Екатерины этой. Потом этот пан Глебов еще, он на Набереж-

ной, там ему дом построили... И кирпич сами люди делали, выжигали и строили, тоже он у нас этим овцеводством занимался, овец разводил].

А раньше [как молодежь отдыхала...]. А раньше было так, вот там же была церковь, вот они же люди не так как сейчас. Суббота, молодежь у моря все переодеваются, купаются, одетые. Старики все идут на вечерние, у субботу. Воскресенье, кто молодой хочет идет на службу, батюшка там поет *[нерозбірливо]* слушают, что поп им рассказывает вон там. Во как. О так они ходили. А так...

Ой, какие танцы *[нерозбірливо]* а она говорит: "Зина, давай сегодня пойдем на танцы". А я говорю: "Где мы пойдем?! Нас выгонят, потому что мы маленькие, а на танцы нас маленьких не пропустят. Ты ж видишь, там все большие. *[Нерозбірливо]* там одетые, на них платеце, на них шоб видно шо... Даже говорю тут одной женщине: "Мария, дети идут *[нерозбірливо]*". Они чисто голые и на велосипед, сзади на велосипед едет хлоп[ец], целый день они тут, целый день!

[А раньше на танцы только родители...]. А отец? Так! Если отец разрешит – пойдешь на танцы. Если скажет папа: "Зина, сегодня пойдешь на..." Не танцы, а как он говорил... на сидянки... Я говорю: "Я не знаю, я боюсь там, хто знае, там страшно". "Не, не, – там не страшно. Пойдешь посмотришь на людей".

[А что там на сидянке...]. Прядем! На сидянку пришли, во как. За вечер, одна девка говорит: "Мы за вечер по одному веретену напряли!" Я говорю, – ты шо! Я уже веретено напряла, а ты еще не... вот как. Пряли вот такие клубки вот.

[Я и с мужем познакомилась...]. Я жила в селе, а они тут жили. Вот тут в Преславе жили, вот так, за... от углу второй дом, а он аж на той улице. Его сестра работала, училася в Одессе в институте и приехала на каникулы и говорит: "Гриша давай, – а они мне не говорят ничего, – сегодня соберем, будут танцы." А думаю, какие танцы будут соберать. *[Нерозбірливо]* а там была такая комната. И собрали танцы, и пришли меня звать. А на Новый год, куда я пойду? *[Нерозбірливо]*. Тогда была совесть, стыд! А сейчас тут такие, что хочут то и делают. А я говорю: "Пойду и я посмотрю, что это за танцы," – а Гриша жил аж на верхней улице, на верхней улице. ...А на вечер [его сестра] училась в институте и пришла на каникулы, и собрали они эти танцы. И меня позвали, и я дура пошла! А они пришли выбирать невесту Грише, какая невеста, какая, как она ведет та! Сестры... Да, какая хорошая, какая одетая, как она пришла.

Фуклєв Андрій Іванович, 1922 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я родился] в Преславе! Только на той улице, а не на это! Пять улиц у нас у Преславе! И я на Советской родился и вот здесь!

[Папу мого звали] Иван Захарович, [а маму звали] Параскева Петровна, [девичья фамилия] Калицева! [А они родились здесь в Преславне]. Значит, папа с 1894 года! Родились... А мать не скажу... Она там на год или на два старше его! У нас в семье... Трое, две сестры и... двое сестер и я! Сестра самая старшая с 18-го года, а я с 22-го, а сестра поменьше, с 25-го! Сестра меньшая живет в Преславе, а старшая в Запорожье!

[А дедушку и бабушку помню...]. Да так... Бабушку звали Параскева, точно так же! А дедушка... звали его Петр! Бабушка, она с Бановки! Она родилась в Бановке! А дедушка преславский!

У отца был гектар земли! Я это помню и все, больше земли не было! А у деда больше было! А у отца... моего отца, у него... в общем без земли! Он чабаном был! Пас овец всю свою жизнь! Дед! А отец... по наследству тоже стал чабаном, занимался этим! Чабановал! Пас овец!

А вот тут лошадь у нас была, сеялка! Ну, когда уже коллективизация, они... комсомольские бригады, ходили по селу, забирали и не спрашивали! Забирали все в колхоз! Силой в общем заставляли! Это я помню... [Комсомольцы] местных и не было, они присылали их! Местных я и не помню таких комсомольцев, чтоб были активистами! Русские! Да. А присылали их, давали указания и... Ну, кто его знает... Во власти были коммунисты. Ну что, коллективизацию я запомнил! Потом, как это, их репрессировали! Прослойка кулаков проявилась! Этих кулаков уничтожали!

Да, коллективизация! А потом у бедного крестьянина ничего не было! А они ходили с такими.... щупами и искали зерно! Для революции, спасения революции! И искали ямы, где эти ямы, вот скрытые, зерно!!! Ну, находили, некоторые! И тут их репрессировали, забирали в сельский совет! И там комнатка была, помню, комнатка была, даже заходил туда! И туда их!!! Наберут их несколько человек – потом увозят! В Приморск, тогда ж это Ногайск! И там уже ... их отправляли, я знаю?! Дед, потом дядя, двое их, не вернулись! И дед не вернулся! Увезли и погибли!!! *[Мовчить]*. Мол, враги советской власти!

Ну, у деда, это мама была, потом тетя Рая, и тетя Надя! Они остались как Петро увели, мама вышла замуж за бедняка! А эти помоложе,

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (27 липня 2004 р.).

сестры мамины, они так и остались! Ну, а сейчас они уже и нет в живые, а дети есть!

[Выгоняли из домов, вещи забирали]! Да, да, да!!! Забирали, конечно!!! Даже тетя Рая, определенно время жила у нас, потому что отец был бедняк. Пас овец и все! Отакое! Ну а потом, во время голодовки еще, это я помню, опухшие! Был некий Сен, даже и не помню фамилии его, а его так представляю себе! На одной конячке, бриченке и по улице так едет, в каждом дворе, то в одном, то в другом, а там умершие! Он берет за ноги, там за руки, тянут и бросают в бриченку! И он увозит их туда! [Сильный голод был]! Очень даже!!! А уже, так где-то десять лет, ведро воды и на край села – сусликов выливали! Чтоб покушать! Детями собирались и шли выливать этих сусликов! Ну ничего нет!!! Ничего!!! Голод был сумасшедший! И было, когда такое время, что я опухший, сестра опухшая, вторая сестра, нас трое было, тоже самое! И, значит, что, отец бросил эту работу и пошел на море! А там на море рыбаки, и нет-нет, и выходят с баркасов на берег! А мы тут же идем туда, дадут эту рыбку и на жесть, значит, жарили и кушали! А как-то, и матери дома не было и отца, а я зашел посмотреть в печку, на улице, и уже совсем туда залез, и еле-еле вылез, не мог уже, так мать пришла и достала меня! Чего я полез в ту печку?! Ну, и отец нас спас, от этой рыбой! Благо рыбы много было!

[А людей много умерло]! Да!!! Людей!!! Каждый день, он этой подводой ездил по улицам и всегда полно было. И там, значит, сваливали в одну яму и все... Очень много! Очень много! Особенно, ну трудолюбивый народ! Болгары! И не считалися ни с чем, забирали их, уводили, как изменники советской власти!

Когда голод был! Ну за что?! За что он... ну как национальность! Национализм проявился во время голодовки! И они, значит, считали, что болгары изменники, против советской власти! Вот за это и репрессировали! На Калыму отправили! Многие! В Крыму много болгар, и тут по нашему району, села.... Где-то, я вот недавно прочитал, 27 тысяч болгар проживало здесь на юге... Таврии! На юге Украины! Ну а сейчас может быть и больше! Ну, это была искусственная голодовка! Вывозили зерно за границу, но не давали людям! Вот так жить при советской власти! Бандитизм....

[Голодовка когда была], я не слышал, чтоб уходили даже семьями! Они оставались здесь на месте! Они боялись даже и двигаться! Чтоб их там не... Было много таких, что долаживали органам советской власти! Приходят забирают и все! Не расспрашивают, ничего! А кто ты, почему?! Это никого не волновало, все делали так, как им благорассудится! Это ужас!!! Там сейчас вроде памятник сделали – Голодомор!!!

Да, море рядом! Но все равно... кто выжил, кто.... Ну не было заинтересованности, кто как поступал! А я знаю, что отец мой только на море! Даже там и ночевал и помогал рыбакам! Там они что-то сеть перебирали! Вот это придет, принесет рыбку, и на этом мы выжили!

[В школу ходил. Это перед голодовкою]. До четвертого класса я учился на болгарском языке! А потом закрыли болгарские школы и ввели русские! Ну, я помню в 8 лет я пошел в школу. Брюки порваные, такие лапти, и ото я ходил в школу! Обувь?! А-а! Какие-нибудь шлепанцы! Пошел в школу, иду домой, зима, мороз, иду дрожу от холода! Прихожу домой, плачу: “Чего меня не встретили!” *[Сміється]*. В 41-м году закончил я 10 класов! [Учебники] нет! Писали так ото на бумагах, немножко там было. Тетради, книги, немного было, один учебник на три-четыре человека! Он почитает, почитает, потом дает другому, отак было!

[А учителей] помню! Марья Афанасьевна, потом... *[замислився]* это Савченко! По-моему, так... Вот! Хорошая была учительница! Ну, потом после войны... ну, не после..... десятилетку закончил! Было... Педагогический техникум, вот здесь у нас, а тут местные, приезжие, многие учились здесь, в этом техникуме! Как там, не хватало учителей для советской власти! А то было, после семи классов, иди работай учителем! Ну, семилетка школа была! Потом техникум закрыли, и среднюю школу образовали, где я вот заканчивал... я учился! В 41-м году, только закончили 10 классов и тут война!

[Войну здесь встретил]. Да! В армию брали, брали! Добровольно хотели, многие даже... А те, которые были мобилизованы, в армии служили болгары, им ничего, они принимали участие в этой войне! А такие как мы, сколько там нам лет было 18-19 лет, потому что болгары, им доверять нельзя!

[Немцы стояли в селе]. И румыны, и немцы! А немцы, в основном, в Ногайске и Приморске, Бердянске, немцы! А тут румыны! Да, стояли! Ну они коварные, конечно, были! А ну да! Заходит во двор! Курку! Курку ему надо! Надо, сами себе, подоят коров, там где-то отводят! Да, такое было! Без разрешения!!! Никакого разрешения! Они здесь, значит, пакостничают!

Ну, они зря, живую били... Мы бегали туда-сюда... Вот, даже, я помню, вот тут на Нижней улице, ну, молодежь, там собирались, гармошка где-то появилась, вечером, танцевали.... Потом, до определенного времени, и никакого движения по селу, ну разошлись! А я ну, вот тут на площади не было этого здания, и тут я, значит, ишел домой, на Верхнюю улицу! И я шел понад улицей, чтоб меня никто не видел, а меня

встретили на той улице и одлупили так как хотели! Ну, пустили! Я бегом, так пошел домой!

Уже колхозов нет! А распределили землю, давать людям начали, каждый... там, где-то, что-то, конячку... приобрел кто-то! Да! Вспашет какой-то там участок земли... Меня угнали в Германию! А тут мать, отец, сестры остались! Они еще и не могли собирать! Они просто приходят: "А что у вас, какой скот?" В основном, скот забирали, птицу, вот это так! Для кормежки своих солдат! А так чтоб дать, нет! Потому что, вот-вот наши, должны были, советские войска подойти! Ну собирали дань! А перед тем, как должны, вот-вот, подойти сюда немцы, я был в поле, собирал колоски! И тут самолет начинает лететь, мы боимся, ляжем и лежим! Потом встаем... Коварные были!!! А сколько они расстреляли! Вот, в бердянском парке людей! Ай! Коварные немцы!

Был один полицай! Меня лупил тоже! Местный! А контора была колхозная, это вот где магазинчик, только другое здание было... и полицаи... Икона там стоит в кабинете! И полицаи... *[мовчить]*. Налог! Отец послал меня платить! Ну, деньгами, там собрал какую необходимо сумму! И я должен был пойти отнести! Ну, я пошел отдать эти деньги, а он: "Почему так поздно!" Все ! И от давай! И лупил меня, да не только меня и других тоже! Полицаи были полицаи! Ну, отдавали мы, тут не только он был! Там еще писари какие-то, там мы отдавали деньги! А он – представитель немецкой власти, и значит, как хотел так и руководил!

Те, что не угодные люди, собирали и... под Бердянском там! Балка там есть и... расстреливали! За то, что они против немецкой власти! Ну... Подразумевает любого! Ага! Ты такой-сякой, значит поехали! А моя ученица, Вера Терехова, учились мы вместе, и вместе закончили 10 классов, и учительница Вера Сергеевна Маршнева! Они, как бы, сказать, подпольную организацию... Да! И когда немцы узнали, что вот так и так... А она живет одна, Вера Сергеевна, вот... И нашли их, и расстреляли! Кто-то донес, что так и так, подпольная организация! Чем занимались?! Ну, я не могу сказать, потому что меня угнали в Германию! И они остались здесь и они ну, значит в интересах советской власти! И разоблачили, кто-то донес! Людей в этой организации?! Ну, Вера Сергеевна, это учительница наша, в средней школе, и ученица, которая там со мной училась... Тоже увезли их туда, да! Это по рассказам уже я...

[В Германию забирали]. Я помню, было! Агитировали! Некоторые были за это! Поехать! А я прятался! *[Нерозбірливо]*. Я на заводе был, был там городишко в Рурской области! Там промышленность, Дорт, Бохум, Ахен! Вот там район, там сконцентрирована вся промышлен-

ность Германии! Ну, и вот, когда открытие второго фронта, немцы, значит, дрожали! И в одно прекрасное время, столько самолетов поднялись, с запада, город Ахен, оттуда стали нападать на Германию! А мы недалеко от Ахена были. Нет боевых самолетов. Американцы, англичане, нападают, открывают второй фронт! В Иранской конференции, там Сталин, Рузвельт, Черчиль! Как быть! Надо открывать второй фронт! И там американцы начали заходить! А мы в лагере находились... И что характерно, американцы летят на бреющем полете, и, наверно, у них данные точные, и не одной бомбы не бросили в лагере! А на завод, туда, сюда, а вот на нас нет!

Потом уже пришло время, когда американцы вот-вот должны были приблизиться, они взяли нас в военном эшелоне... Военном эшелоне, и там военный поезд, прицепили нас несколько вагонов! Полно, вот так!!! Некак повернуться! С России, Беларуси, и... Которые были в Германии! И стали, значит, увозить с этого города в город Шворт! Ну не доежая Шворта, остановился поезд, только вышли мы с тоннеля... и американцы так... Ну поверхность там не ровная, и смотрю начали спускаться мотоциклисты, там танки, ну другая техника! А мы закрытые в вагоне, в душегубке! Ну, значит, шо, ну мы кричим, то, то!!! А немцы сразу с этого военного эшелона, там ракеты, там всякие снаряды, прочее... немцы... и они побежали, там кругом лес и они побежали, спрятались в лесу! Ну, американцы подошли к поезду, а немцы хотели вернуть нас в тоннели и там взорвать! Ну, не успели, американцы подошли, открыли нам... мы выскочили с вагонов, еле-еле, опухшие!

[А там, в Германии на работе], там какие-то там два кусочка и все! На этом и жили! А на заводе мы как работали! Каждый русский прикреплен к немцу, на заводе! У меня был немец эсэсовец! Ёп его мать!!! *[Сміється]*. Есть и были хорошие немцы, были! Вот там, по соседству со мной, он приносит этому русскому хлеб! И он боится слово сказать, значит, кто-то продаст и его расстреляют с ходу! А этот, эсэсовец, я думаю, ёлки зеленый, матюкаем его!!! *[Сміється]*. Хоть бы кусочек хлеба и мы были рады, что б же... принес! Не давал ничего!!! А там, другой, мой товарищ, он уже умер конечно, тоже прикреплен... Но, радый это немец был, что он так вот! Это ремонтный завод был... А так мы, значит, попали в сборочный пункт у американцев... А когда закончилась война, нас сосредоточили пять тысяч человек! Департированных, значит! Пять тысяч! И закончилась война, а мы ж не знаем, и смотрим на тот, а тут красивейшие дома, отдыхали немцы, которые были на фронте, возвращаются – отдыхают, те на фронте, потом те обратно туда на фронт берут... Ну и нас расположили в эти здания, где немцы

были! И значит, площадь такая большая, поставили стол, приемник и включили Москву нам! О-о-о! Тут радость! Так вообще!

Ну там пожили, подкрепили нас американцы, потом, значить... Вывозить! К своим! А на Эльбе ж они встретились, американцы и наши, русские! И вот там, гнали "студебакерив" целую вереницу! И грузили нас на машины, грузили, и через Таргау, где встретились наши и американские войска... И сборочный пункт был, наш уже, по ту сторону Эльбы, и там нас загружали! И только одни негры были шофера! Ну, там мы были, посмотрели, ну там разные разговоры слышишь, что попадешь ты в свою страну и там сразу на химию, и прочее! И мы что, 12 человек, з Ростова, с Мариуполя, ну вот мы с Преслава, 12 человек отделились! А нас, значит, наши отправляли... а из *[нерозбірливо]*, а потом попали сюда, ой! Ужас!!! Как терпели мы! И мы решили, значит, отделиться!

Ишли, шли пешие, не пошли на станцию, чтобы погрузить и отправлять домой! Какой-то городишко, я не помню же какой, полевой военкомат, узнал что мы попали сюда, в этот городишко! Ну, кушать-то надо, а нечего! Ну, и взяли зайти в дом, где жил какой-то это баур или кто! Расположились в этом доме, а их нет, немцев! Мы промышляем, что делать, а так по соседству бауэр, у него там, свиньи, картошка и прочее! Бриченку нашли, я и еще двое, втроем, с этой бриченкой поехали до этого бауэра, что-нибудь найдем! Привезти, чтоб покушали все! Без разрешения, там двухэтажный дом, и трехэтажные. Ну смотрят там, кто мы, а ну все... они боятся! Закрываются, двери, все, и не выходят на улицу! А мы там взяли картошку, поросенка одного взяли! Поклали в бриченку и увезли! Пока вернулись, наших хлопцев уже нет, одна девка, она была замужем, парень был с Таганрога, она вышла замуж, ну вот она готовила... Мы вернулись, их нет! Где они? Ну, Полина эта рассказывает, что полевой военкомат пришел, мобилизовал их! И в части, в комендатуру! Ну, мы сразу пошли, и нас, чтоб... может включили, ну нет! Завтра придете! Ну, завтра!

На следующий день, в 8 часов пришли мы в военкомат, вот там. Ну посмотрели... Прошли особый отдел! Каждого по одному вызывали, где, что, как! А как вы попали в Германию? Ну, рассказали все! Ну, и тогда переодели, зачислили в армию! Два года служил! И потом в Германии наши части сформировали и как раз когда началась война с Японией, наши части доставляли на дальний Восток... Ну, пока доехали до Дальнего Востока, Комсомольск-на-Амуре, там мы пробыли месяц, потом по частям разбрасывали нас...

Я попал на Сахалине! А война закончилась! Ну, я на Сахалине 7 месяцев служил, ну десять классов закончил, а давай писарем при штабе!

Ну, тут и демобилизация, 47-й год, демобилизовался! Два месяца ехал домой! Потом, с одного полюса надо было ехать на другой! Надо было ехать на Урал, город Ельцы, потом Курск, Свердловск! Со Свердловска на Москву, а с Москвы уже на юг! А я решил южной, юга держаться и все! Приехал... Ну давали нам питание, талон, где бы я не остановился, на железной дороге, там при вокзале, я этот талон даю – дают мне паек! Вот этим питался я! Ну, а через два месяца я приехал домой в Преслав! Да, тут соседка увидела и бегом ко мне! Встречать! Пришла, встретила! Да, а тут как раз 47-й год, голодовка, нечем жить! Ну и я приехал, она пошла сказала родителям, везде плач! Ну все нормализировалось.

Я приехал, ну что мне делать, надо где-то устроиться! Ну, в детдом прислали, детский дом! А тут жил один... он был завррайоно, меня посоветовал, говорит: "Возьмешь направление туда, и понравится то... Он даст направление и придешь!" Директор был Мамонов Филипп Михайлович! Принес я ему это направление, он меня принял, и я работал в детдоме! Там давали девять килограмм муки, и там еще что-то! И вот так и продержались! А в 48-м году, тут объявление на институт, Бердянский учительский институт! Прием! Ну что, я посоветовался *[нерозбірливо]* я поехал! Там два года учился! Потом приехал и работал! 40 лет отдал педагогической работе! [Преподавал] историю! Потом биологию... Ну я историческое образование...

Налоги, были! Был, был! Ну, все эти налоги выражали деньгами, в деньгах! Ну, идешь в сельсовет, значит, они там считают то, то, то.... ну и там 50 рублей, 100! Понимаете.... Ну сейчас другое дело! Тогда не имеешь право держать, даже корову, поросенка! Если ты зарежешь его, так надо шкуру содрать, и сдать государству! А так чтоб держать много поросят, ну, нечем кормить! Щас хоть сто штук держи! [А в колхозе на трудодни работали]. Да-да! Писали! Отец работал учетчиком, ну я был в курсе *[нерозбірливо]*. Ну, так это мутиво!!! Ну, вот в конце года, когда расчитывается колхоз, а колхозники остаются еще должники! И некоторые получают сейчас малую пенсию! Почему?! Потому, что тогда работали на палочки, а палочки ушли. И вот так! [Когда паспорта дали], ну, было конечно, бросали села и уезжали. Уезжали, конечно, но я их не знаю!

[В семье у нас главой был отец]. Ну да, конечно! Да! В колхозе он работал... зерно получит там сколько... как раз хватало на пропитание! Там, где-то тонна, полторы, помню, во дворе привезет, а мы потихоньку убираем его на горище! Нас не наказывали, не били! [Мы не баловались]! Я такого и не помню, мы не баловались! *[Сміється]*. Мы не баловались, мы беспрекословно слушались родителей! Не [наказыва-

ли]. А, не! Помню, один раз. Отец нас не бил не грамы, а когда пас овец, значит, он... *[сміється]* пойди, значит, и там дежурь, а летом, жарко! Они сбились в кучу и греются, барашки! А они поднялись и всегда против ветра идут, а я должен был смотреть! А я пошел гулять и все! И он один раз меня вдарил и на этом... никогда больше! С полслова понимали мы родителей! [Мама тоже подчинялась отцу, он советовался там с ней], конечно! [А чтоб он там бил ее], не!!! Боже сохрани!!! Такого не было! Ну, считался, конечно, у болгар, главой семьи, это отец! [Как он скажет так и будет]!

[В детстве] в мячик играли, а как он по-русски, хто знает. Потом, копали ямочки, такие круглые, и катили мячиком, в чью ямку, от нас четыре, пять человек, и в чью ямку попадет этот мячик, он должен взять мячик и бить! Попадать в кого-нибудь, а мы бегаем! Потом били мячик, была такая досточка, такой ширины, били по мячику, и он там стоит, а я здесь! Досточкой надо ударить мяч, а тут несколько человек, и ловят, значит, как противники бьют! Это две группы, в мяч! Если попадем, когда они будут бить, значит, мы тогда, мы тогда верх, мы считались верх, а они низ! Они на поле будут ловить, я бью! Вот такие игры были! Дома! Вот где, ну как сейчас вот эти соседи, я вот... собираемся, а будем гулять! Выходи! Давай! А чтоб там отдельно площадь где-то, чтоб, нет! [А молодежь] ну, это танцы были, когда немцы.... то есть румыны были! А так чтоб не! Некогда было, короче, гулять! На работу! Ну, как только 12 лет пошел, работать и все!

[А так с утра встаем], ну когда как! Ну, раньше, родители нехай посплять. Некоторые подымаются, чем-то занимаются. Дома, там, хозяйство, огороды или подмести двор или... А когда колхоз организовался... мы ходили и колоски собирали, и на току работали, там подметали! Был один заядлый коммунист, он почти слепой, да, и все смотрел! *[Сміється]*. И нас все заставлял собирать в коробки зерно, и на весы... Вот это тяжелая работа... А мы все убегали! *[Сміється]*. И на току мы работали, в поле там ток, и там зерно, потом его вывозят, и мы там и ночевали, в соломе! Потом при советской власти строили... домики из самана! Чтоб если дождь и мы могли спрятаться, а там солома, вот такой толщины, и мы на эту солому! Как при коммунизме!!! Строили коммунизм и так и не построили!!! И там мы спали, на этой соломе! А родители... подводы, значит, едут по селу, кто где работает, там родители знали, и давали, собирают с каждого сумочки! И мы собираем свои сумочки, когда приедут на току, и мы берем и вот это так питались.

Тогда и пьяниц не было! Не за что было! *[Сміється]*. [А чтоб женщина пила]?! Ну, это я не в курсе дела! Ну не было такого! Потому что понимали, и соседи там... Ну, такое, чтоб так встретить, ну не было та-

кого, ну сколько я знаю! Не помню, чтоб и драки были! Не! Согласовано все было! Выходим на улицу, бегаем, играем, расходимся!

[Между соседями там, если там строиться, помогали]. Ну если пригласишь! А у болгар, обычно возле речки, а тут яма есть и еще сейчас сохранилась, делали самана для стройки домов! Ну, приглашали там людей, замесы делают, вода тут рядом, с речки берем! Делают саман, он сохнит, потом перевозим, где будет строительство! И начинаем строить! Ну помогали, конечно, кого попросишь.

[А село наше, Преслав, образовалось], это когда было переселение болгар с Болгарии! Преслав, и бывшая столица Болгарии тоже Преслав, и на карте есть! Образовали, они с Преслава переселилися, вот так! С Молдовы, с молдовского Преслава! А потом, оттуда, значит, перекочевали сюда! В Таврию, на юг Украины, Екатерина вторая наделила их землей! И они сюда переселились, и Преслав стал самым главным селом, по сравнению с другими селами! И культурный центр! [Это вот в селе улицы] Советская, Горького, это тут, Горького! Коминтер, Вербанская и Ленина, последняя! Ну, то это все при советской власти! Названия советские! Присвоили и все! А вот эта наша улица, Вербанского, это первый просветитель Преслава, учитель! И в честь его увековечили и переименовали улицу! Фамилия его Вербанский, болгарин!

Гєшева Олена Георгіївна, 1923 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області [1]

[Нас в семье] у моей мамы – шесть. Два сина, два сына и четверо дочек. Сем и жили хорошо. Я самая младшая. Мои дети четверо, а мамины дети – шесть. [Семь детей] у мами, у мами. Не у меня, у меня – четыре детей. [Моя девичья фамилия] Ганева. Там [жили на улице Ганевской], где *[нерозбірливо]* там мой дом на углу. [А жили все вместе, отец, мать, бабушка...]. Отец, бабушка и мама, мамина мама, и свою мать смотрел, и кормил их всех. [Все вопросы по деньгам решали] папа и мама. Вместе. Всегда вместе.

И жили хорошо, детка, и работали в колхозе на трудодни, трудодни – две палочки, пройдет год, считают. И жили хорошо. А щас молодежь не слушает, что скажешь. Говорит, не твоё дело. И все. Вот так. И ты замолчи. Старые, не уважают старые люди. А они тут же повторяют,

[1] Опитування провів В.І. Мільчев (31 липня 2004 р.).

никто не будет молодой, никто и никто не вечный. Никто не вечный, все мы умрем. Но так жить, как щас живем, очень плохо.

[Коллективизацию помню, как колхозы организовывались]. Да, конечно. Папа это, раскулачили его. Забрали в тюрьму, шоб отдал хлеб. Он отдал хлеб, нету хлеба, шо больше давать им. А они говорят: обманываешь. Пришли с [сумками], так роют. "Нету хлеба!" – он сказал, он такой, шо не обманет никогда. Ему говорят: "Что, нет?!" – и давай в тюрьму. Мать больная и мама. Я самая старшая, *[нерозбірливо]* и под подушки положит, шоб мы все утром покушали. А баба старенькая, мать папина, не встает. А она как встанет, и упадет. И маму, шоб поднять, встану и побежу, шоб, чи боялась, чи Бог его знает шо. И так бабушка, мама, бабушка умерла. Тут приходит, это помню, мне сказали: "Так, отвари хфасоль, много". Мама, была хорошо *[нерозбірливо]* нам сказали так: "Пока не накушаюсь, её не похороним, пока не накушаюсь". Мама встали рано, сварили хфасолю, наелись и мы как начали плакать все. Те пришли зарывать её, значит на кладбище, папину маму.

[Это, когда голод был], в 33- м году. Ну от, пришли, зарыли её. Мама говорит: "Слушайте, фасоль есть, я положила варить, они медленно идут, пока придут она сварится". Ну мы замолчали, замолчали, замолчали, поехали, похоронили. Тогда не машины не было, не подводы, на руках носили. Ну, шо пришли – фасоль сваренный. Мы наелись, остался хфасоль. Ну, сварили так, дом большой у нас, так. Сели, приходит со двора человек. Брат говорит: "Ой, это какой-нибудь, наверно, хочет милостыню, просит, – по-болгарски – просит. А по-русски... И нам говорит, – ой, хфасоль остался, накормим его, шоб помянул маму". Когда приходит, оно *[нерозбірливо]* мать умерла, я так стучу, так стучу. Словили и привезли на хутор, и он пришёл, ужас. Плакал. Покушал хфасоли, говорит нам по-болгарски: "*[нерозбірливо]*. Я хотел вам написать, шоб рвали это, шоб кушали. Я там самый старший был. Оставит мне корзинку, я пойду нарву, нарву. Сколько человек, положили им кучечки и каждый садится на свою кучечку, и кушает вот эти цветы, шоб не поумирали". И такая жизнь была.

[Раскулачивали это, преславские, местные...]. А они там комсомольцы там *[нерозбірливо]* и тянули людей с рукой на кладбище, еще живые и на кладбище. А те, кто ходили раскулачивал, из зажиточных. Наверно, имели [от того шо-то]. Раз пришел и говорит: "Давай хлеба", – значит что-то имели. Там кто, мы были маленькие, папа наш такой тихенький, молчаливый такой. [Так папу в тюрьму забрали, нас не выслали]. Мы были дома, нас не выслали. И мы были дома, все были дома, и дети и мама, все были дома. Бабушка была. [Он где-то был...]. Даже не помню, не могу вам сказать, где он был, где его, где был в тю-

рьме. [В 33-м году, когда голод был], ой, очень море помогало. У нас мама была знакомая с одним рыбаком, лепешки... Борис – это син его, а папа, забыла уже как его. И мама кормила червяки и вытягивала *[нерозбірливо]*, с чего *[нерозбірливо]* давала ему. Она поправит его все, а он цепкий, отакие чубаки. Мама как их положит, вот это рыба нас спасла. Как положит в печки, напхает их чесноком, и кушаем эту рыбу, и сытые. Так всех шестерых высмотрела нас без отца. А потом папа приехал. И начали уже тогда, я не помню.

Тогда нас в Германию, меня в Германию забрали. Нас забрали в 42-м году. Я была замужем уже. С этим мужем нас забрали в Германию. С этим мужем забрали в Германию. Его не брали, как плотником, а из-за меня его забрали. И он там и остался в Германии. Там и остался в Германии. Как началась бомбёжка, американцы нас заняли, мы были в селении. В селении барак был, все был. Он сюда не вернулся. Он там в Германии и остался. Ну, он не остался, он умер там. Он умер там, а нас уже как американцы заняли, нас грузили. От тут начали биться, убивать. И мы с детьми не побоялись, и нас нагрузили и отправили.

Я [в Германии] работала на шахте, а когда уже тут рожать нам, и нас поставили в этом, на кухне, чистили *[нерозбірливо]* капусту, цветы, от такое чистили. Картошку проливали, чтоб была чистая, такие как, когда мыли. И он промывает и на кухню варили этих, военнопленными.

[Рожала там в] больнице. За детей они очень хорошо. Детей, от так смотрели. Я от так за вторым мужем тоже, я уже когда приехала за вторым мужем, а невестка тоже родила, Ваня. За вторым мужем Ваня и Петька. Они там, Петька, Ванька не был, они там, когда уже приехала туда, уже за вторым вышла. И Петька говорит: "Жена, давай пойдем в город, а ты возьми ребенка, пойдём в город и поменяем себе..." *[нерозбірливо]*. Нам давали мыло детей купать от это все. В это мыло кусок *[нерозбірливо]* дадут, нам дадут, нам и мыла кусок. Берем хлеб, [покупали] хлеба и это строго было, очень строго. Смотрели, шоб мы не брали.

Отак и проживали. Спасибо им, спасибо, дай Бог, хто нам деньги высылал. Получила первый раз, получила второй раз. Деньги получила и третий раз. И сын получил тоже, а сын еще не получил. Он там родился. Надо было писать, как Филипп умер там, я бы получила и за него. А я, знаешь, не пришло мне в голову клопотать, писать. Надо было мне писать, а я не писала. И не получила за него ничего. [У меня два мужа преславские были].

[Там на шахте работали все вместе], русские работали, и камышевахские работали, здесь камышевахские тоже. Я забыла как, Баранов. Баранов Николай, у его там тоже и жена Люда, тоже родила, он тоже получает, приезжал. Я не хотела писать. "Лена, пиши, получим! Лена,

пиши, получим", – забрал нас в машину, пошли в центр и написали и получили. Спасибо.

[В Германию везли...], як зашли, нас забрали. [Тоже приходили там полицаи]. И той насильно, уже в последнюю очередь нас. В 42-м, а мы уже в 45-м году. [Староста был при немцах...]. Даже и не помню. [Ну ничего, так человек, не обижал. Полицаи были в селе...]. Шоб [обижали], не-не, такого не было. Даже не ходили, завязаны так, по-германски. Маша там ходила так, а здесь будет ходить как *[нерозбірливо]*. Вот так.

[В 46-м году я уже здесь была...]. Уже здесь жили. Прожили, хорошо прожили. Все время в колхозе работала, все время. Маленьких нет, но, правда, я училась, я самая старшая была. Кончила десять классов, я училась, а потом мне председатель учетчиком работать. Я учетчиком работала, а потом вышла за вторым, я там все время жила. А как пришла здесь, тогда же на коровники пошла, учетчиком работала на коровнике. А потом, уже как родился, я забыла уже, как чи, Витька, чи Коля, чи хто, забыла уже. И тогда бетоны мыла. Потом и коровы доила. Больше на пенсии получается. Щас получаю хорошо, спасибо. Дай Бог хто дает нам такую пенсию. Я получаю 260 рублей, 259 рублей.

В школе здесь училась. [Еще застала болгарскую школу]. Да, и болгарская школа была, и русская. Но большинство русская школа, не болгарская. От, по-болгарски нас не учили. В школу ходила, в восьмом классе как пошла и... [Учителей помню...]. Гуго Отович помню, он по-немецки нам преподавал. Еще кто помню...

[На сидянки доводилось еще ходить... На сидянки] иногда мама водит, а иногда с подружками ходим. Там у нас соседка, папин брат, дочка, они щас, они поумирали, только мама одна осталась. Они идут и я иду. А мама маленьких не пускала: "Ото, Лена пойдет, а вы будете дома!" На сидянку можно уже большие были, большие. [Это уже когда на выданье...]. И то не пойдешь, посмотрим, какой он там, чи бедный, чи богатый. Еще я первого не любила; не хочу, не хочу. [Силком за него выдали...]. Да. А мама плачет *[нерозбірливо]* поняли.

Ой, ходили на сидянки. Порядок. Придем, вышиваем, и вышивали мы, не как, а вышивали... Я в сельпроме работала, вышивали. Сидит, шоб закончить блузку или шо там. Сдать, шоб получила деньги. Одежду привозили. Нам давали одежу, нитки, давали, все нам давали, а мы вышивали. За вышивку нам платили. Одежда и покупная, и сама шили. Мама наша, машинка была. Тоже шила. Шила по-простой моде... По-болгарски.

У нас там, немного вверх, была улица русская, ["Сопливка"]. Там разные были, и русские, и разные, и жили хорошо. Гуляли, гуляли. Со

всеми гуляли. Со всеми гуляли. Не ссорились. Не, не было такого, шоб с дуру говорить [шо-то такое], не. Никогда, никогда. Вера приходила аж до нашей *[нерозбірливо]* с "сопливки" там *[нерозбірливо]* и все до нашей улицы приходили гулять. Я не знаю, чим я её ударила, шо прибила голову. Чим я её ударила? Даже не помню. И пробила голову. И там играли, в шо там играли. Она как начала плакать. Я плачу и она плачет. Ну, нечайно, нечайно это.

Играли [мы в детстве] это, кучечки соберем, землю, соберем землю, много так соберем. Один сторож. Это баштан. И будут приходить воровать кавуны. А, пришёл, его выгонял. *[Нерозбірливо]*. И скакалки, скакалки и потом, играли, от это, на полосочки, от такое. Мальчики играли в футбол. Но в футбол играли как, не было футбола. Щас как, идут на поле, на футбол.

Кочкова Олена Олександрівна, 1923 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Так, мать мою зовут Степанида Дмитриевна Хаджийская, отец Хаджийский Александр Степанович. [Родители были с] 1892-го [года], один второго, второй третьего, не помню кто...

Бабушка, Мария звали, а дедушку Степан, папа Александр Степанович. Помню, что была маленькая, маленькая, бабушка когда умирала, мне было где-то семь лет, бабушка помню. А дедушка умер в 33-м году, когда сильный голод, вот это здесь, дедушку хорошо помню, а бабушку.

Дедушка и папа занимались огородничеством, выращивали огород, овощи, помню, что было здесь недалеко, где щас наша станция, вот здесь, там был огород, и был от такое, была дулаб, где поливали. Колесо крутится, вёдрами набирается вода, поливали. Всё время этим занимались. Мы, дети, ходили, помогали, там то, то, то, старшая была сестра, подгоняла лошадь, лошадь крутится, водит это кольцо, и оно льётся, по-нашему называется дулаб, вот. [Выращивали] синенькие, перец, помидоры, лук и все овощи, капуста, в общем огородничеством занимались.

На базар возили, тогда не было этих, баз, вот такое, как щас, а каждый два раза в неделю ездили на лошадях на базар. В Приморске, далеко не ездили, но в Приморске ездили, вот я помню, что на ярмарки ходили, по праздникам, на Троицу, там был большой праздник. А у

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (1 серпня 2004 р.).

нас, вот этот, Илья, сегодняшний день был храм, праздник, в Преславе. В каждом селе, которые посливались, были свои назначенные дни праздника, со всех сёл, с каждого района, там как ярмарки, от такое ходили, и были *[нерозбірливо]* нас забирали с собой.

[На ярмарку ездили, одевались нарядно...]. Ну тогда наряды были, знаешь как, это тканые рубашки, платья там, вещь какое-то, такое, не так как сейчас, всё-всё. Тогда ткала мама, ткала. Она занималась, ткала вот это рушники, простыни, одеяла, всё вот это, всё она ткала, и брючные ткала, брючные нам, и тёплые и летние, всё тканое, всё мама ткала, станок был, мы били дети, наматывали ей вот этот как его, по-нашему *[нерозбірливо]*, а по-русски не знаю.

[В 33-м году был голод...]. Да, в 33-м [году], тридцать пять человек в одну яму зарыли, когда умирали, голод, тридцать третий был страшный голод. Ну голод был, голод, ничего не было, ходил папа менял одежду это где, ткала мама, там, то на буряк, то на молоко. Ходили, меняли рыбу, нам, как дети, рыбаки кормили, по чернаку дадут *[нерозбірливо]*, а у кого есть, то молоко носили, то там бринзу, коровы были, не все же сдали, в 33-м году ходило очень много сюда на берег и просили... принесут, без хлеба поедим...

То я помню, голод страшный, голод и дед умер от голода. Как умирал, так и умер не только он, а от соседей за один месяц одиннадцать человек умерли, наелись колбаса жареная, не было сковородки, на жести, вот без сковородки на жесть, и отравление получили, свежая колбаса, сало, от такое. Вот и тогда конина была в море, голод, где здохнет лошадь, драли, помню это, драли, и били, кто что возьмёт, кому ляшка, кому голова, кому то...

[У родителей огороды были с овощами...]. Ну да, до этого были, до этого были... А потом уже колхоз получился, колхоз уже больше никого, до 17-го года, были сами себе хозяева на хозяйстве, на лошадь, на всё, на корову, на повозки, а потом уже колхоз, всё пошло в колхоз. Вот я помню, колхоз, через два дома от нас, там было, там собирали коров и коровник организовали, там молотили, лошади вот это, *[нерозбірливо]* доска такая железяшная, збивают, собирают, веют там, были мы, я помню, мама там ходила работала. Как, ну как сказали, собирают в колхоз, то и то забирают, он всё он не спорил ничего, тогда пошёл всё отдал, своё хозяйство, плуги, шо было, тогда тракторов то не было, плуг и косилка.

[В школу ходила...]. Благо, шо девять классов закончила, больше не могла, училась хорошо, осталась колхозницей. Девять классов закончила и война. Немцы нас забрали, эвакуировали, добровольно написали в Германию, мне было восемнадцать лет с половиной. Забрали нас

насильно, а написали, что добровольно, второй набор, первый набор, брали, некоторые желали поехать, а второй набор забрали и оформили как добровольно, вот как работает всё. Я приехала, *[нерозбірливо]* три года была там, пока не освободили нас. Нас освободили не американцы, а французы, там тогда не поймешь, кто с кем дружил, мы были на заводе, очень много и голландцы, и с Финляндии, и бельгийцы, и с Сербии, французы, поляки, ой, русские, в лагерях, не сладко было.

[Там] работали, то у хозяевов, потом на заводе, потом на фабрике. [Я работала на] военном заводе, военный завод, мой станок, я вырабатывала деталь, забыла, как называется, ну вы може в курсе дела. Щас расскажу, от такая шестнадцать килограмм, от такое твёрдое железо, на палец, на полтора снимала стружку, оно получается белое, белое, белое. Второй станок, рядом, пробивает его, внутри дырку делает, понимаешь, как то вот так, оно отрезанное, внутри дырку, рядом станок, что снимаешь стружку, вот так идёт-идёт-идёт, потом вот так, от тут снаряд идэ, кидают танки и это как их называли, забыла форма, на подобии граната. Гранаты делали, килограмма на четыре, две. Мины, прекрасно знаю, что такое мина.

[Жили] в бараках, бараки девяносто пять человек были, трехнарные, трехнарные кровати. [Кормили] очень плохо, карантин держали полгода, а после карантина, там уже давали по разнарядке, когда суп, забастовки были в бараках, *[нерозбірливо]* и все за одного, один за всех и все за одного. Как немцы относились? После забастовки день два дадут, там картошку, синие или что-нибудь другое, отак, редька, брюква, варёная струганная, *[нерозбірливо]* моркву бы дали сырую, с удовольствием съела. А то намешают вот так, так никто не кушает.

[Нерозбірливо] и понятно, что уже кончился карантин, нас на работу утром как поднимают, строют три километра до завода, пеши, в кандалах. Дощ идёт, мы мокрые, *[нерозбірливо]* ну там было, с нами вместе было в бараке *[нерозбірливо]* женщин, но они уже были *[нерозбірливо]* сорок пять, тридцать пять, вот именно, все были замужние, с Курска, и двадцать пять было с Керчи. Вот они нами и руководили, нас было ещё в этом бараке двенадцать преславских, двенадцать то бановские, и двенадцать запорожские, и их пятьдесят. В общем, девяносто два человека, ну там такие боевые были, шо мы даже их и боялись, дали указ или приказ, что сегодня будем доставать, и даже, если убьём человека, один за всех и все за одного. Кто нас продаст, пусть прощается, каждый молчал, каждый боялся.

Ходить можно, завод вот закончится, я раньше, ты позже, тот позже, держат возле дверей, вот такие вот замки, пока все с цеха соберутся, да какой-то фриц провожает нас до барака, куда, куда убежишь. Я знаю

где я попала? Кто будет бежать, ну решились, убьют этого немца, милиционера, *[нерозбірливо]* и вот ждали, ждали пока все соберутся, и я не могу точно сказать, как прошёл, с чем, как, гакнули и убили, чи камнем чи чем, чи он, пристрелили его. Никто ничего не зделали, открыли двери, и больше не замыкали, утром себе идёшь от барака до завода. Вечером закончила я, управилась, я себе иду в барак, одно если б ты знал, но не сказал, а как я могу сказать, если я не видела, сразу быстро убили его, и немцы через минуту, как поприезжали, милиционеры, от такие кокарды, красные, от такие носы, страшно смотреть было на них. Они говорили, что русские с рогами, русские роги как у коровы, вот так поехали они на нас смотрят, смотрят и говорят: "А где роги?!" – они такие люди как и мы.

[А до того как в Германию увезли...] в селе была. Румыны были, полный Преслав, где большие сараи, у нас тогда еще было большие сараи, казанка, такое *[нерозбірливо]*, у нас, у моего отца был сарай большой, полный... Румыны, а потом, как начали отступать, все отступали, куда-то уехали, а нас ровно через год и забрали, в сорок первом нас *[нерозбірливо]* война в сорок втором...

[Румыны...]. Ну людей они не стреляли, не слышно было, воровать, воровали, кто, что варит, если забыли *[нерозбірливо]* уберут. А между собой, какой-то закон был тогда, что били, бились между собой. Полно крови, что-то сделал, какое-то преступление, его на такую кушетку там вязали горло им, лежит, били-били, раз пять плёткой, пока кровь не пошла с раны, так били румины, румины себя били, а так нас не тревожили. Это я помню, это хорошо помню, ну *[нерозбірливо]* тогда кухня ихняя была, на дрова, она ж походная, бричка, с котёлом, резали деревья, не спрашивали. Это было лето, двадцать второе, шестого месяца, началась война, даже есть вот такая вот частушка: "Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началася война". И двадцать второго [июня] сорок второго года, в этой неделе, нас увезли, на Мелитополь.

Ну [румыны были, там...] общались. Там, в доме престарелых, были такие, эти генералы, но там было помещение большое у них, и клуб был, знаю, что я не ходила, но там танцы были, шо ходили, ну как ходили, отнесёшь курку, тебя пустют. Ну они там как клуб, были там, и негде было куда пойти, и ребята большинство, если не дашь курку, побьют, не пустют. Вот именно, что мальчики, это большинство курки носили, меня там не было, но знаю, что такое было, и там они большинство находились, их же много было, полное село, на мотоциклах, кухня ихняя передвигалась, на лошадях... у них были и снаряды, кто их знает что они там.

[Староста в селе был...]. Два преславских, преславские... Один был под, наверное, пятьдесят, а другой был женат уже, а третьего, Александром зовут, но забыла уже как-то тех... И ходили с этими, с руминами, кому шо надо, староста с ними, пришли к нам искать это, староста пришёл, вот этот молодой, что был женат, и два или три румина, и искали чего-то там, председателя, он коммунист. Он бывший председатель сельсовета, коммунист, он смылся, а наш родыч, он женился на моей двоюродной сестре, ну и мы как родня считаемся, и пришёл к нам его искать.

И ищут, вот такой маленький сундучок, третья часть этого стола, сундучок, там по-моему было, бундук пряжа, что себе ткала, и была шерсть, два узелка уже от так обработанные, белые, только прясть, забрали эту шерсть и забрали весь этот сундук, нитки все, вот тебе такой закон был. *[Нерозбірливо]* здесь были две-три преславские, что были с руминами. У хозяйки они тогда уехали, чи с ними, одна по нашей улице, по нашей с того края, одна здесь уже была, она замужняя, вот, румины эту увезли, не помню куда, она с ними была. И там, по середине села, то эти, они уже все поумирали.

[И немцы как пришли, колхозы] работали, были колхозы тогда. Были, колхозы и мы их начали делить, как-то делили, нашим родителям давали на десять дворов, одна лошадь, это немцы уже давали такое, чтоб обрабатывать там землю, вот это твое, твоё, твое, десять назвали. Дали тебе лошадь, коси, сей, сдавай зерно, вот это я помню, когда они пришли. А я мало побыла, с ими, они *[нерозбірливо]* мы когда приехали через три года, и тот двор, кушать не было что, в пятом году, *[нерозбірливо]* голые, босые ходили, и папа и мама, зашла в дом, *[нерозбірливо]* нема ни наволочки, ни пододеяльника, голые стенки и кровати стоят, когда приехала с Германии, вот так начали жить. 47-й год я уехала в Челябинск, там поработала, завод тракторный, в пятидесятом приехала на родину до родителей.

С Челябинска приехала в колхоз поступила, а щас не работаю, тринадцать лет работала. [Там на трудодень работали...]. Ой, то же самое голодовка, двести грамм на трудодень, или триста на трудодень... [Налоги были на птицу, на шкуру...]. Было, помню, сорок килограмм мяса налог, есть, нет... Пятьсот яичек, есть курей, нет, не спрашивают. Корова, у кого корова, молоко сдавали, тебе останется или нет, мне не было не *[нерозбірливо]*, а мясо купляли, знаю шо почём, завтра *[нерозбірливо]* принимают, будешь своё мясо, по семь рублей килограмм, сорок килограмм – двести восемдесят, шоб расплатится. Не расплатишься, ходили, опись делали, описывали, что можно бы было забрать, и вилки, и ложки все описывали. Даже, когда работала, когда приехала с Ге-

рмании, работала в детском доме, зарплата была двести двадцать рублей, да ещё *[нерозбірливо]* подоходные, на бездетность, у мамы три ребёнка было, у меня один был, получала семнадцать. На бездетность, был один ребёнок, девочка, у меня, не помню, сколько брали бездетность, надо три, подоходный. А пришли папу описывать, у него одна барашка, я за два месяца получила зарплату, триста с чем-то, папа их отдал сельсовету, в общем не вспоминаю я это никогда.

Когда была в Челябинске, мне было двадцать четыре года, я вышла замуж в двадцать три года, а в двадцать четыре, потом, родила девочку. Приехала через три года, там мы жили, потому что погиб муж, добрый, я такого, наверно, в жизни не видела после того. Он погиб, порок сердца, возле станка на заводе, от большой температуры, работал на коленчатом вале, там где сорок два, ну как! То в общем, так работал, так и скончался, порок сердца, тогда я уже решила приехать домой, что мне делать в тот Челябинск. Я уже была уволена из-за ребёнка. Тогда приехала, ребёнок был шесть месяцев, когда он умер, шесть месяцев было девочке. *[Нерозбірливо]* помог, взяли билет, посадили в общем, чтоб я сюда ехала. Он был стахановец, всё время премию получал, а потом как приехала домой и вышла замуж, и прожила с ним сорок восемь лет, уже при конце его парализовало, семь лет был прикован, уже двенадцать лет как умер.

[Свадьбу не справляли...]. Не было, ни с первым, ни со вторым. Пошли с первым расписались и всё, я уже была беременная, расписались и всё. Со вторым тоже так, работала, одна племянница работала, там в сельсовете, *[нерозбірливо]* и расписались и всё, не знаю я, что такое свадьба. Теперь записывают кассеты, свадьбу свою смотрют, а тогда... Первый, когда тоже, был завербован на заводе, он из Бессарабии, он моих родителей не знает и я его. А второй, преславский, тоже был в *[нерозбірливо]*, но родители ходили, знали, у него только мать была, и два брата.

[Раньше в селе свадьбы были...]. Были каждый себе делал, но не такие, не роскошные. Помню, моя сестра [19]12-го года, она выходила замуж, тут не было ни вина, ничего, с буряка сделали вина и ситро, помоему, и там что приготовила мама, не знаю. Не-не самогон, брага, брага из буряка, брага. [Самогон раньше...]. Ну пили. Кто его знает, не знаю кто делал може, но я знаю, что не самогон называли его, а вино, брага, которые, наверно, гонят самогон, такая брага пьяная, *[нерозбірливо]* то я не в курсе дела, сколько я была, шестнадцать лет.

[На свадьбу приглашали], ну кого, своих близких, одна сторона, но раньше не вместе, теперь с обоих сторон, его и её, вместе в ресторане. А тогда каждый себе, дома гулял, придут заберут невесту, я помню такая,

придут с его стороны *[нерозбірливо]* забирают невесту и идут к себе домой, а потом наши ходют до них, приглашают ихние дома, день, два гуляют, *[нерозбірливо]*.

[Как еще детьми были, играли там...]. Ну как тебе сказать, мы были *[нерозбірливо]*, игра как называется, платочком бегали, так ребята, девочки, вот такая игра. Не было у меня, с мячом так ещё как мы играли, теперь игры, сколько игр... [Мы там собирались...]. Было место, за краем село, было сделано точно так, как футбол, дети играют, поле, вот такие столбы, ребята играли в футбол, в мяч. И там, и девчата собирались, в игры играли *[нерозбірливо]* там рядом был завод, вот недалеко от завода там ходили. [Ну если идти гулять...] спрашивали [родителей], знали они... Нас спрашивали не спрашивали, чтоб они нас отпустили. В море, в море купались, тогда и речка хорошая была, она была близко возле нас, речка была глубокая, песочек, лучше чем щас море, намного лучше, а теперь уже муляка стала не та, на свидания ходили, родители стирали, дети купались, а теперь нема речки.

Ну со скольки [там ходили гулять], с пятнадцати [лет], наверно, потому что я ещё была мала, играли *[нерозбірливо]*. Потому что клуба не было, телевизора не знали, музыка не такая. Потом уже помню, один играл на скрипке, на свадьбах так, а уже когда приехала с Германии, уже был клуб, старенький домик, там сделали клуб, на это место, где щас дом культуры, там ходили, кино глухонемое показывали, потом уже звуковое.

Ходили тогда сидянки, да, по очереди собирались, сегодня у нас, завтра, это воскресенье у нас, другое воскресенье у другого. Ходили, звали, на сидянку, что сегодня у нас сидянка, а потом начались вечеринки, это после немцев, когда уже *[нерозбірливо]* по домам, вечеринку, это воскресенье у одних, другое воскресенье у других, собирали вечеринки, у нас была большая комната у родителей, часто собирались. На вечеринке музыку, один был на гармошке играл, он нанимался на вечеринках, собирались, по сколько-то копейки, хочешь на вечеринке поплясать, там двадцать или сколько копеек, точно не помню, соберут баянисту, вот так.

Пели, танцевали, смеялись как то вот так, ну как пойдёт, танцы кто танцует, кто поёт, кто сидит. [С хлопцами там знакомились...]. Да, они, вечеринки девочки и мальчики, со всего села мальчики, подходят на вечеринку. Ну у кого было, более взрослые, были и кавалеры, их провожали. [На вечеринку, девочки], большинство приводили родители, приведут так и на сидянки, приведут, старики в карты там в одну комнату, ну [играли], как назывались, играют в карты смеются, кричат: “Ты дурак остался!”

Помню я одно, что мама рассказывала, что папа, когда переселялись, он здесь родился, и помню одно, что папа говорил, что Преслав не должен был быть в этом месте. А Бановка, Бановка, а бановцы сюда, но бановцы не согласились сюда в Преславе, и поэтому остался сюда Преслав, на этом месте, а Бановка там, не хотели.

Дінкова Ганна Костянтинівна, 1924 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Моего] отца звали Константин. Он молодой умер, а мама – Домникия Ильинична. А отчество папы, Константин ... тоже Константин отец, дедушку звали. Я их не помню, я [19]24-го года, так немножко, шесть лет мне не было, ну, [19]30-го года и папа умер. А дедушки, бабушки их и не было я их, я с [19]24-го года. Не знаю как даже звать их. Ну эти, мамины бабушка и дедушка. Дедушку звали Илья, Ниев фамилия, а бабушку не знаю. Все преславские были.

[Дед рано умер. У него], ну, хозяйство, дом, в колхозе работал. [А до колхозов...]. Отец работал в конторе, *[нерозбірливо]* там была контора. [Это уже в колхозе был...]. А до колхоза не скажу. [В конторе он работал] помощник бухгалтера. А мама в колхозе, большинство тогда люди, родителей не работают. По пятеро, шестеро детей – я, два брата у мене были, три, и я одна и пятая сестра, умерла. Ну, говорю, хозяина нет, папы, умер, братья уехали, один остался в колхозе, самый старший, восьмого года. Один был десятого года, а один был [19]13-го и сестра была, она [19]20-го и я [19]24-го. Сестра, она скоро умерла и Галя, она дразнила там парня какого-то, и он пошел в живот ударил ногой и желч лопнул, и она умерла. Четверо мы остались, братья ученые были: один работал в Крыму, а другой в *[нерозбірливо]* работал учителем, потом директором школы. Умер в семьдесят три года – инфаркт, в больнице лежал и инфаркт получил, два года жена как умерла.

[А колхоз как образовывался...]. Ну, мама говорит, кто желал в колхозы, кто не желал. Многие не желали, но как не пойдёшь. Пошли, у кого шо было, там лошади. Отец умер на пятьдесят лет. Корова была, осталась, и маленькие все. Братья учились, а потом выучились и он умер. Мы хоронили его [с музыкой, флагом], а мать и я плакала, не хотела, шоб хоронили. Ну старый человек, а они молодые хотели. А ты вот тебе держут на руки, когда он умер, отец. И говорит: “Давайте мне белый платок, оденьте”. Ну, пять лет, там поймешь.

---

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (1 серпня 2004 р.).

Ну, она говорит, которые не хотели [в колхоз], не сдавали, у кого лошадей *[нерозбірливо]* и он отец умер, похоронили, два брата учились, а третий в колхозе остался работать. [Это её братья]. Один умер на 84, другой умер на 73, и я осталась одна. Ходили аж туда за совхозом новый *[нерозбірливо]*, пойдешь, сумку дадут, два ведра и тащи. Я щас, от это плоскую сумку, не хочу я и смотреть. Приду, нажарит мама, горячую едим, вот это акация цветёт – цветки кушаем. [Голод когда был...]. И ничего не было, а сейчас. [Много людей в голодовку умерло...].

[В 33-м году голод был... Ходили там забирали...]. Ну, у нас ниче такого. То раскулачивали ходили. Но у меня спрашивает парень девичью фамилию, а нас не раскулачивали, но есть, шо ото такие однофамильцы, шо от тут недалеко раскулачили. И жили они по городах и готовились и жили лучше, чем мы. Нас, говорю, не раскулачивали и ... отец умер, у нас ни лошадей, я не помню, не было. Коровка, мама нас *[нерозбірливо]*, братцы два пошли работать, один в Крыму, другой тут работал. А потом он эвакуировался с Крыму на Кавказе, потом у него дочка работает журналистом и переехала в Москву и они к ней приехали, умерли он, а жена была заслуженной...

[Ходили на море...]. Там пойдем, знакомое, и молоко носишь. Дали мне, мама сделала ряжанку, бидончик. Я пол-литра поела, и пошла и шо они там, был двоюродный брат мой рыбак: "Не плач, поела..." Соседка тоже была, два бидончики, с одного ела и с другого ела. Пошла и плачу: "Чего ты плачешь?" – "Дали мне вот, спасали..." Да, если б не море, все, много поумирало б. Ну, спасибо, возле моря. Ну, раскулачивали, брали одёжу, торговали. Тут один. Я говорю: "Ты из всеми отак бы" *[нерозбірливо]*. – "Чего ты?" Он умер, сын умер, жена умерла, невестка умерла, поумирали все. Я говорю: "Как не хорошо, вспомнили [яму] и то торгуешь и трусишь платье. Вот платье, пожалуйста, дешевле берите". [Это раскулаченных одежда была...]. Наживалися. Потом начали раскулачивать. Начали некоторые, которые плохо делали, удирать, потом приехали. Ну, тоже ходили, спрашивали от так, как вы, то так и жили.

[Были в селе такие, кто не голодал...]. А как же, были. Раскулачивали, богатые были. Есть [делились], а есть радые, шо ты ходишь, просишь, дай кусочек хлеба. Ну, я не ходила, я, мне брат, от это в Крыму, старший. И звал меня, я уже дома буду учиться, семь классов закончу и все. Спасибо им.

[А война как началась], мы были в селе, все вынесли, закопали. Все, пустой дом. Корова отак в огороде и от тут недалеко, и мама старушка, она остаётся, а мы ховаемся. Мне брата сын был, брат был в Крыму. А потом он эвакуировался на Кавказе. Ну, шо как тут война и его сын у нас был. Он написал в сельсовет, узнать, живая семья... Меня позвал

председатель Чопов. Говорит так и так, брат спрашивает за сына за своего. Я говорю, живой вот, одели ему болгарские *[нерозбірливо]*, тогда уже сообщил, написал мне письмо, начал высылать деньги. Ну, там выехал, началась война. Тогда... знаешь коммунистов. А он коммунист один и другой. А другой был, по-соседски у них село, жена. Он ее учил и на ней женился, щас дочка у них в Запорожьи, они поумирали.

[В Германию забирали...]. Да, в Германии, еще расскажу, как удирала. В последнюю очередь забрали. Я возьму вязальные иголки, нагрею и на руки, шоб не забрали. Горячее как – будто ото шрамы и все. Я говорю. В последнюю очередь забрали, из Запорожья удрала. Я и еще двое со мной. И после этого уже снег. Шо нам делать? Я говорю: "На узловую станцию не пойдем". Пеши, по снегу идем, идем. На товарняк сели. Лес, снег. Всю дорогу до Елизаветовки отак снегом. Тех вот не видела, одна умерла, ходила на похорон, а другая брат её уговорил, он тоже умер, живая там вышла замуж.

И приехала я, ховаюсь. Мама, царство небесное, взяла постирала мою одёжу, которую... Соседка приходит, Аня дома. Я говорю: " Ма, ну, почему ты повесила, шо Шура узнала, шо я дома, говорит, он Анина одёжа". А шо, ховалась. Пойду тогда, узнали, в сундук залезу, одену кожух и ховаюсь. И через неделю тут красные. Я перекрестилась и вышла. Давайте говорю воду, скупаюсь, все. "И как вы удрали?" Я говорю, вот так. Пошла, говорю, в туалет и немцы за мной. Я говорю, идите вы... и я давай. Ну, брали и в Германию, щас всем плотют хорошо, он соседка, там многие. Четыре тысячи с половиной деньгами плотят. Я бы знала бы, поехала. И осталась бы живая и щас бы получала. Они говорят не надо тебе деньги, хто остался. Ну, наши *[нерозбірливо]*.

Один мужчина, у него есть жена, там умер в Германии, там его похоронили, а его сын там он родился, в *[нерозбірливо]* работает. Он получает щас деньги и мать его получает. Они все тогда говорили за меня: "Пусть Аню берут". Там знакомый милиционер, а я говорю: "Девочки, вы слыхали звон и не знаете, где он". Какой милиционер, Николай Васильевич? Врач, я бы в первую очередь пошла. Он сразу, жена и он *[нерозбірливо]*. Обратно мене берут, зовут через месяц, иду обратно. Я говорю: обратно милиционер знакомый. Я говорю, девочки, им начала рассказывать. Он умер, Николай Васильевич меня спас.

[Полицаи были...]. Не так страшно было, хто там заработал, бьют. Ну, тогда этого не было. Воровство, пьянки не было. Я щас, шесть замков... Ну [они] нормально. Я даже не знаю, они из Приморска были, из Камышевахи. *[Нерозбірливо]*. Шоб тут били, нет. Мне нет, а других я не знаю, может и били.

[Немцы в селе были...]. У нас, у старшего брата жена, сестра, женилась на румынце. Он меня как шлепнул, пришёл искать ее. Она жила с ним, а потом с другим спуталась. Я говорю: "Чего так делаешь, пусть у тебя крутятся, чего они?" Брат встаёт с постели, идет в бригаду, а жена осталась, и я, и мама. И от пришел, и спрашивает: "Где Катерина?" А я говорю: "Я не знаю, Катерина где". А он мне шлёп-шлеп. Я говорю: "А чего вы бьёте меня?" – "А ты знаешь, где она". Я говорю: "Я не знаю, я её не видела". А кто меня утром... Она пришла, я говорю: "Как не хорошо, Кать, и брат пошел в бригаду и меня ударил за что? Если спуталась с ним, пусть у тебя живет". А ее отец выгнал ее: "Иди, – говорит, – где хочешь с ним!" Вот ходили в дом престарелых, там вечеринки, танцуют каждый, *[нерозбірливо]*, многие тут женились.

Ну она полюбила, я его возьму и все. Я говорю: "Ну хорошо. *[Нерозбірливо]* если он не останется". – "Он сказал, останется", – а потом она ушла в Инзовку и там женилась, и она не приезжает, я её не... Она уехала. Уехала в Инзовку, тут 20 километров и он. А, поубивали их. Два брака были. Ой, шо было. Придёт, ищет, носки вяжем, носки забирает. Ну, там дом престарелых идут, танцуют, да. Любуются, а потом слышишь – та вышла замуж за того, та... Выходили [замуж]. Ну, тогда росписи не было. Я говорю: "Уедут, а ты куда пойдешь от это, сестра, куда ты пойдешь?" – "А я уеду и..." – ну, и уехала, вышла замуж, и за болгарина.

Ну [детей не рожали...]. Тут одна была, родила. [Ходили на танцы], тут они не ходили, а там ходят в дом престарелых. Там они жили. [А многие туда ходили...]. Ну, свои были [хлопцы], некоторые ходили, некоторые говорят, – та пошла до немцев, а я пойду за нею. Зачем? Хлопцы, видишь, пьяный, девочки ходили там вечером, собиралися на этот угол. Тут букет цветов у парней на фуражку, у нас на платки; и поём, круг схватимся.

[Потом, после войны голод был...]. После войны... Ну, а шо колхозы давали? 10 копеек, ничего не получим, плати мяса, плати яички. Есть кури, нема – яички плати. Откуда? Надо покупать, платить надо. Вызывают в сельсовет: "Чего вы не плотите?" Ну, шо платить, шо платить? [Платили] мясо, сельхозналог от это дом, город, всё это.

[В колхозе на трудодни получали...]. Давали 500 грамм, а потом один год дали по килограмм. [Хлеба]. Да. Килограмм *[нерозбірливо]*. Работаешь целый день, спина мокрая, сколько там заработал. Ну я, конечно, физически мало работала, учетчиком, то весовщиком. Я закончила семь классов. Не обижаешь людей, не воруешь, не берешь, люди сумки, сад убирали. И вот это люди с Кривого Рога приедут, ждут меня. Там черешня, вишня, сливы и идем без ничего. Они меня ругают,

соседи. Я говорю: я наелась вот так. А дам им рубль 25 копеек килограмм, пойдет, возьмет четыре килограмма себе вишни и черешни. И все. А возиться, тут воровать. Там ведро взяли, в пазуху напхали, а я – ведро пустое. “Аня, де твоё ведро?” Я говорю: “Вот”. – “А чего пустое?” Я говорю: “Зачем, я могу пойти набрать, – я говорю, – у меня дом есть”. Ну, от это мы купили времяночку, потом в 49-м, 50-м году строили этот дом. Семья, дети выросли. Дочка, она закончила 11 классов, уехала.

Давали копейки. Копейки и то сельхозналог, там есть же скот... Як есть... Идет, ага, тогда будем приходить и все спишем, раз не плотите. И шо деньги. Откуда деньги? Ну, есть списывали, а я уже. Мелкие были. Братья учились. Они, те, которые надо было описать, сразу поудирали. Тут один *[нерозбірливо]* ховался. Как приехали, начали ходить по селу, да. И я ховалась. Но, жена умерла, а семья его вся. А тут теперь дочка его. Пьянствовала, а потом в больнице её лечили, а щас ходит такая шо. Я говорю, видишь, шо приходит, жила, все, а мы голодовали, смотри. Одевались, кто как хотел. А мы, говорю, ходили... ну, я... мне сильно помогали братья, которые, вот эти два, ученые. Посылки – один с Казахстана вот это. В посилку ложит хлеб, платье, масло, пшено, все. Топленое масло, в банках, закрученное. А муж говорит: “А, будешь кормить моих детей, давай возвратим обратно”. Я говорю: “Ты шо, будешь возвращать, а как твоих детей?” Один совместный был, три года прожили, а потом я родила. А он говорит: “Смотришь моих детей”. Я говорю: “Ну что буду считать, что ты мене, не хотел с ребенком брать, взял меня. Я должна их воспитывать”. Воспитала дочка.

Ну, 47-й... 47-й год я от это новый *[нерозбірливо]*. Акация цветёт, я пойду, насобераю целую миску, сполоснула и жуём. Акация цветёт и мы, соберу, обмоем и кушаем. От эту горячую, не хочу я и смотреть в глаза. Горячее кушай без хлеба, без ничего, вот это цветет акация, и я иду с сумкой, и набираю, и прихожу, сполосну и давай, жуешь. И не было, я говорю женщинам, и не было гипертоников, не было сахарный диабет, не было больных, жили. Ну, были [овощи, фрукты]. Все надо пойти покупать. Ну, то у кого дома. Там у родителей был виноград дома и тут, у нас был, посадили, а потом это вспахали. [В голод фруктовые деревья мало у кого...]. Как вспомню, шо было, Боже!

Конину, сусликов – мы этого не ели. Тут у нас была семья, они сусликов. Они говорят, шо вы думаете, они лучше, чем курица. Курица роется в навозе, а это вот чистая. Я если бы знала, не кушала, и наелась бы, спасибо. Да. Голодовали люди, голодовали. Много поумирало с голоду. Ну, в 47-м году, хто здесь... много и детей, и стариков, кто и, знаете, сразу болело. А говорили сразу, шо не будет толку. И шо, я щас, пойду в больницу, шо они меня.

[Раньше больницы не было... и роды так...]. Бабка. Приглашали. Она приходит. Она отут все, бабушка. Ну, шо? Роды, ребенка обтирает, завернет, все. И здоровые были, а сейчас в больницу. Пуповину там... вяже там ниточку, одеколоном вмочила и бабу зовите. Баба Паша звали, Мария; поумирали они. Заболели, може сглазили, идут. Бабы были такие, шо смотрят, може сглазаный. Да, сглазаный ребенок. "Ты хрыстила его?" – "Нет!" – "Надо перехрещить, водой свиченой будешь умывать". [Они лечили молитвами]. Если для помощи, помогает, а если... Ну, говорят, что раньше вот как это бабуль и меньше было. [Сами лечились...]. Поднимает себе ложкой горло там, все, а она: "Ниче-ниче, все пройдет!" – и проходит все. Голова болит – берешь свиченую воду, моешься, пьешь, а сейчас...

[Раньше хлопцы] приходят и на сидянку, ну, там сядут возле меня, ну, там... смотрят на всех девочек. Придем. Хто и вышивает, шерсть это, всё, хто шо может. Я помню, вяжут кофты там, носки и отак сидят кругом. Тут букет цветов в комнате цветут, заходит парень: "Добрый вечер!", – встаем все. Отут сядет, подвиньтесь, пожалуйста. А шоб матюкать, такие слова мы никогда мы не знали. А сейчас, вот такое, тут ходит ребёнок... Мы вяжем, придём, прядем на прядку. Да, он берет клубок, крутит и разговаривает. [О чем там...]. Ну, де ты работаешь, как живешь и отак. Да, работала, когда я уже закончила семь классов, а теперь...

[На сидянку водили], мать или брат там, этого не было. Идем брат, все смеётся, говорит: "Вы знаете, Аня, сегодня будет вечеринка у *[нерозбірливо]* аж на краю там", – смеются. Я говорю: "Не смейтесь". Мама, не хочется, ну, старушка. Ну, пораньше приезжали. Ну, придем, сами боимся. А сейчас молодёжь... парень наряженный, фуражка, тут букет цветов, цветут, наряженный. Шоб пьяный там на свадьбу или на вечеринке, нет, а щас шо тут творится. [Провожали...]. Ну идет хлопец, мать там или сестра старшая и он идет, там договаривается. Все, провели и он домой идет.

[Училась в школе в Преславе]. Учителя все поумирали, которые нас учили. Митрофан Степанович Пенчев, учитель. [Он преподавал] русский. Он недалеко жили. Уже и позабывала. [Учили] на болгарском, потом русский, а потом немецкий от. Ну болгарский, год поработали, так русский. [Ну те, что не согласны были...]. Ну некоторые взяли и не учились. [Потом забирали детей...] и остались малограмотные. Ну, было. Была соседка, она четыре класса кончила, пошла в колхоз работать. А ее отец был пастухом барашек, *[нерозбірливо]* давали, жили хорошо. Вот так вот было, что отец не хочет чтобы русский, а я говоря какая

разница? Я закончила семь классов. Я говорю, больше не буду учиться, пойду работать.

А мы шо, хозяина нет, те братья поехали учиться, пока они там устроились, начали нам помогать. Аня учись, я семь классов, все. И иду работать в колхоз. И пошла работать в колхоз, меня поставили учетчиком в бригаде, писать людей, хто был, шо делали, а уже начисляли. [Ну родители ничего...]. Ничего. Были такие, шо... а какая разница. Мама все говорила: "Какая разница, только, шоб был человек! Слушайся, – она говорит, – вот братья, видишь вот". Один остался в колхозе, два поехали учиться. В школу ходили некоторые. Вот это соседка говорит: "Дома приду *[нерозбірливо]* одену". А в школу ходила, ну ходила в галошах. Ну у меня братья ученые, помогали. Ну была я, одна сестричка осталась.

[У нас церква была в селе...]. Там она была. А щас, тут был магазин. Ото строили дом культуры и [разломали ее]... Она была разломана и там домик был. Ото мы ходили в ту церковь. Ну потом уже, если что-нибудь, тут вот, это был магазин. [А первый раз когда её разломали] я уже и не помню. Когда я уже это, я её и не видела. Я уже в эту ходила. [А батюшку, что в той церкви был], раскулачили. Он там жил недалеко. Сын, внук был в Приморске. Я говорю: "Мы родственники". Он говорит: "Нет, баба Анюта, не ваш, преславский". – "А я думала, шо ты наш, преславский". И они уехали, а потом во время войны приехали, а потом обратно немцы начали, тогда все как уехали. Там поумирали, там хоронили.

Анастасова Марія Опанасівна, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Мои дедушка с бабушкой, чем занимались...]. Ну чем занимались... Земледелием, раньше ж собственность была. Земля ж была поделена каждому, собственная земля. Ну [это] до революции. А потом уже в 18-м году или когда-то собирали эту землю. Собирали в колхозы, в 29-м году, стали колхозы. А я знаю как делали колхоз, это в 29-м, а я в 25-м... [Родители так] ничего не рассказывали... Ну как делали, все у людей убирали. Убирали хозяйство и делали тогда колхозы. А деда я не помню, дед умер где-то... Деда не помню. Бабушку помню, деда не помню.

Мой отец [работал] в мастерской, сапожник. Работал... Он был инвалидом с самого детства. При немцах папа дома был. Дома себе рабо-

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (1 серпня 2004 р.).

тал, дома работу... А мама работала в колхозе, а потом уже когда немцы, мама дома была, мы вже стали работать. [Родители мои тоже хотели в колхоз...]. А как же, конечно хотели. *[Посміхається].* Раз убирают, куда они денутся. Убирают все... Заставляют в колхоз идти, вот они идут. [У моих родителей земли не много было...]. Нет, не много. У моего отца, это восемь десятин было. Мама, папа... Ну это ж Ленин делил землю на человека по два гектара. Нас было: я и брат, мама и папа. Восемь десятин земли. Это папа нам так рассказывал, что давали. Ленин давал два гектара или две десятины, по-болгарски две десятины. Порусски гектары... Да, потом, когда уже опять стала советская власть... Ну, я знаю, что когда земля собственная. Земля, лучше жили люди. Намолотят зерно, сдают, и держут всего. И сейчас вот... землю ж дали нам. По семь гектаров... Это Ленин давал землю, а потом, когда стала уже советская власть, Сталин когда, землю ж убрали, колхозы сделали. Мы уже подросли, мы уже при советской власти жили. А потом война началась в 41-м году.

Помню... голод [33-го года]. Мы... сами, лично, не так-то голодовали. А люди голодовали, что дома позакрывались, голодовали люди. В нашем селе говорили, что отец, мать, что две тысячи человек умерли с голоду. Дети, старики, вообще все. Две тысячи! [А мы спасались...]. А как что мы ели, у нас море, море-море! Спасало много людей. Коровку мы держали, носим молоко, меняли... Рыбу и... и так мы прожили голод.

[А в тридцать третьем году почему голод получился...]. Потому что убирали тогда... вот оно пошло, как раз колхозы, обустраивали колхозы и у людей все убирали. А куда вывозили это зерно... И лошадей... Тогда индивидуально было. Так вот сейчас, почти, считай на такую тему подходим мы. У каждого было и хозяйство и все. И тогда стали забирать. Забирали и корову... Придут все уберут и вывозят. А куда девали, Бог его знает. Я в 33-м помню, была, помню и как люди умирали, падали прямо.

Ну а куда ты спрячешь [корову, чтоб не забрали]? В землю не зароешь. Не зароете. Куда спрячешь. Они все... переписи же идут. Описано сколько всего имеешь. Ну, сельсоветы, власть описывала все. Сейчас же переписи есть? Есть. Приходют, пишут, сколько курей имеешь, кабана ли имеешь там, лошадь имеешь и вот. Пишешь. В статистике идёть.

[А перед войной, помню, репрессия была...]. Репрессия когда?! Репрессия она была в 39-м и в 37-м году была репрессия! И репрессии помним. Помню раскулачка, помню когда раскулачка. Зайдут и от все у тебя заберут, заставляют в колхозы идти. Сколько вот у тебя там зерна, все под чистую убирали... Ну кто делал? Кто знает кто делал? Придут,

говорили тогда, шо комсомольцы... *[нерозбірливо]* ...учителей очень много грамотных...

А мы знаем за что?! *[Посміхається]*. Мы не можем сказать за что! От забирают... От лично нашего учителя, мы на уроках были и пришли позвали его: “Иван Федорович, вас зовут в сельсовет!” Он пошел и не вернулся. Говорит: “Дети, подождите, – это было в четвертом классе мы учились. – Дети, подождите, не уходите никуда, я через час вернусь”. Ждали-ждали мы и до часу постояли там в школе, поигрались как дети. Когда пошли мы в сельсовете, а они там закрытые. И через три-четыре дня их нагрузили на машине, вывезли. Все плачут! А чего репрессия была и за что?! Большинство грамотных тогда, учителей, директора брали. И колхозники брали! А кто знал, за что брали эти люди! Никто не скажет, что мы знали...

[Начало войны помню, как война тут начиналась...]. Конечно помню войну. Войну, мне было уже пятнадцать лет. А началась война и через несколько времени нас заняли. Сразу зашли немцы. После немцы, немцы пошли дальше, зашли эти, румыны. Потом стали нас брать в Германию Сразу объявили первые два набора. Были, добровольно, кто хотел добровольно, говорят: “Поедит, год проработаете, будете одетые, обутые! Получите тогда отпуск, приедите, тогда другие будут!” Ну два набора были добровольные. Никто не приезжает, в отпуск не призжают, писем не получают. Он тогда стали нас повестками брать. 23-й, 24-й... и 23-й, 24-й и 25-й год забрали. Майский набор, а потом забрали нас.

Была я... Была я в Германии. Была я два года и три месяца. Я работала... Мы работали на станции грузчики. Перегружали вагоны, работали мы грузчиками. [Жили в] бараки, лагеря. Лагеря мы жили. Ну конечно, [немцы] обижали. Обижали! Охраняли нас! Охраняли... Три смены работали!

[Выходных не было...]. Нет! Мы на станции, выходные у нас не были. Отработал, пришел себе, часы отработали, смена подошла, опять идем. А на заводах и на фабриках, где работали, они выходной имели, суббота и воскресенье. Два выходных у них. Обижали, что кормили разве нас?! Брюквами! Баланда. Шо они нас взяли кормить?! И не обижать. Взяли рабы, работать!

[А мирное, простое немецкое население, тоже так...]. Ну мы ж в городе были. Ну считают, что русские, считали нас как собаки, свиньи. Идешь, он: “Русская швайна!” Как они будут нас считать? [Мы тоже их не любили...]. *[Сміється]*. Конечно! Очень много национальностей были, и чехи, и поляки, и голланды, и бельгии, и французы, и итальянцы. Наши военнопленные очень много было. Оень много было пленных наших, все время они под конвоем были. На работу под конвоем, с ра-

боты под конвоем. Ну каждая нация себе поддерживала. Потому что по отдельные лагеря мы были, русские в отдельные лагеря, французы в отдельные. Голланды, бельгии и такие шо всякие, чехи, они все по отдельные лагеря были.

Забрали нас [из Германии] в 43-м, а когда война кончилась в 45-м, тогда мы приехали. [Помню как нас освобождали...]. А чего ж не помню. Освобождали нас американцы, освобождали. Мы думали, что наши русские, бегим! Танки заезжают в город, немцы все заховались. Целую неделю не увидишь немца, воды негде взять. С калюжи воды мы брали, пили. Все посрывали немцы, а эти... американцы нас заняли. Сразу никакая власть не была, стали эсэсовцы убивать в лагерях наших людей. А потом американцы поставили охрану, стали нас охранять. Пока не получили приказ от Сталина, что своих, русских, отвезли на русскую территорию, где русские заняли.

Когда нас, когда заняли, переехали мы до русских территории, там стали нам снимать допросы. Как мы попали?! КГБ! Как мы попали в Германию, добровольно или по... насильно... по повестке. Ну лично я по повестке. Мне несколько раз меня забирали. И тикала я, с Мелитополя тикала. А потом по повестке забрали и так *[нерозбірливо]*. [Ну не предъявишь же...]. Нет, повестка ж, где будешь держать?! Повестка... нас забрали, сразу и повестки немцы отобрали. Все. Дали нам как от такие, паспорты, ну как удостоверение. Мы показывали это удостоверение, этим нашим...

[А американцы относились неплохо...]. Неплохо относились. Кормили нас, обеспечали. Два месяца кормили нас, не обижали. Поставили в лагерях охрану, чтоб охраняли, чтоб немцы не убивали нас. И охрана охраняла и столовая, варили и кормили. Два месяца. Потом как дали приказ, чтобы... Они сразу объявили, кто хочет, может поехать в Америку! А я не хотела! [А кто-то хотел...]. Да, были такие... Ну где сироты, им одинаково. Чи в Америку поехать, чи... Ну тут куда они вернутся? Америка може там, обеспечут их. А в нас родители были дома, мать, отец, братья. Мы вернулись.

Наши, когда допрашивали... А мы ж дети, шо нам было по восемнадцать лет тогда! Мы еще не боялися, ну как оно было, так мы и говорили! Как они нам поднесли вечером повестки, а на утро, утром, чтобы мы были уже собранные. Поехали, возле нашего сельсовета, шли и нас нагрузили на подводы, и отвезли на станцию. А там уже эти, товарные вагоны, как говорят, телячьи вагоны. Такие... вагоны нас нагрузили, по два охранника в вагоне немцев, едут в отпуск. По два охранника в вагоне охраняют нас. И отвезли нас туда. [Это когда в Германию ехали...].

А когда назад уже, долго мы добирались. С Германии до Чехиской столицы, до Праги нас направляли, направляли, мы пеши шли, никто нас не подбирали. Пеши до столицы, до Праги, там уже мы сели на поезд. Тогда нас уже отправили, там начальник поезда, отправили нас в вагонах и мы тогда доехали до... до Перемышели. А с Перемышели нагрузили на другие вагоны до Запорожья.

[А от когда шли пеши из Германии до Праги...]. От села до села! Доходим вот, попросим себе, чехи нам давали кушать. Дайдем мы до села, там придут бабушки, говорят: “Вот пустой дом, там есть подвал, картошка есть!” Зашли мы в это... чехские дома, там картошка, там мука, там это... крупы. Мы себе отдохнем день два, растопим, сготовим себе, дальше пойдем. Наши русские нам дали по две буханочки хлеба, когда мы уже перешли *[нерозбірливо]*, по жменю гороха нам дали, сахар. И все. И мы себе пошли пеши. И от села до села, от так, просили мы, давали нам.

[А тут в 41-м, в 42-м году были еще в Преславе...]. В 41-м и 42-м, в 43-м нас забрали. [А тут стояли немцы, румыны...]. Ну как работаешь, значит, хорошо. Если будешь против них и они... Ну обижали конечно, ну как не обижали. Обижали! Придут, заберут что у тебе есть, поросенок, придут заберут, корова была... Корову забрали! Барашки забрали, одного кабана забрали. Придут немцы, румыны, давайте! Что-то им надо кушать! Скажешь что-то?! Скажешь, он тебе убьет! Берет и берет, и все! [У нас никто не жил на квартире...]. Нет! У нас тогда была семья большая, домик маленький и мы на краю там, на самом краю, по нашему ряду... А тут не знаю, у свекрухи, что было как.

[Село так целое было...]. Да, село у нас. Разбита была школа, семинария, семинария, где учились. Разбита маслобойня, где масло... постное масло бьют. Мельница была спаленная, это все немцы палили. Я ж это не видела. Я ж уже не была дома, как они это палили. Но говорят, если бы не дождь... Говорят, очень когда немец гонял, всех людей выгонял на Мелитополь, если бы не дождь пошел, они бы все село запалили бы. Благодаря, что наши тут наступают, гонют их, и сильный дождь пошел. И они отошли, говорят, на Мелитополь, а люди остались. Много тогда скот погнали, у людей забрали и погнали. А я тогда не была, не знаю. Говорят, очень сильно немец гонял людей, бил, выгонял...

Когда я вернулась из Германии... В колхозе пошла работала и до самой пенсии. Где я работала? Сразу на общие работы работала, перед пенсией поработала двадцать лет дояркой. После войны не училась, кончила шесть классов и тут война началась и не могли больше учиться. После войны приехали, все разруха, беднота, нету нигде ничего! Стали мы работать, нас было семеро детей. Брата забрали в Трудар-

мию. Тогда, наши русские, забирали их в Трудармию. В Гурьев, да. В Гурьев забрали.

[Сорок седьмой год, помню голод...]. Я в сорок седьмом была давно ж... Помню. А вот соседи наши. Мы, фактически, я вам скажу, я опять тут не голодовала. Потому что малая семья: свекруха, муж и я. А где большие семьи были — голодовали. Старики умирали тоже с голоду. Вот напротив была — старик и старушка умерли. На улице прямо умерли с голоду. Пухлые были. [А почему получился голод тогда...]. Потому что зерно не давали. Вывозили все зерно. Что давали: по триста грамм на трудодень давали. Зерно вывозят... За сколько там того зерна получишь? Ну, вот люди и голодовали.

[А вот дояркой работала, там в колхозе], сначала руками. А потом я то... машины доили, аппараты. Аппаратами легшее! Больше нравилось, конечно, с аппаратами, но руками доить лучше, потому что выдавливаешь все молоко. А аппараты, не все коровы отдают молоко, когда... Сразу пятнадцать коров руками доила, а потом сорок и по пятьдесят коров доили. Я тебя могу порадовать. [Очень рано приходилось вставать...]. В четыре часа. Три раза на день. Сейчас два раза, а до этого мы тогда три раза доили.

Ну, конечно, много тогда давали [молока]. Ану, я сдавала по четыреста литров в сутки молока. А сейчас всея ферма четыреста не дает. Ну, выполняли план. Ну, не выполнявший, не выполнишь — не получишь... зарплату меньше получишь. Дополнительно не заработаешь. Выслуги не заработаешь, если мало надаиваешь. [Были там соревнования: кто больше надоит... Между бригадами]. Да. И... между собой мы уже не обижались. А че мы будем обижать друг друга? *[Сміється]*. Это ж не война.

[Хоть доим там, много молока, себе взять детям молока] нет, нельзя нет. У нас... У нас председатель тогда этот получил очень строгий и не давали нам брать себе молоко... *[нерозбірливо]*. Даже пол-литры не возьмешь. Доишь... доишь, сдаешь, зарабатываешь. Потом это дело сдоила, сдала и заработала. [Платили в колхозе...]. Ну да, тогда получали *[нерозбірливо]*. Трудодни сразу давали. Мало давали, а потом я последнее время, когда уже на пенсию и... ишла я на пенсию, получала... Когда и сто шестьдесят и сто пятьдесят, разные зарплаты были. Как выполнишь план, больше получишь.

Платили [раньше налоги на корову...]. Платили, корову облагали тогда, триста литров молока платили. Триста штук яиц мы сдавали. Мясо сорок килограмм обваживали нас. А когда было? До войны было. И после войны. Обваживали. Вот этими годами... ну когда Брежнев уже когда был, сняли эти налоги. А так все время платили. Давали и

молоко. Здадишь триста литров молока и... А не здадишь, придут тоже, описывают все. [Это от за лето молока столько...]. Год, за месяц сдать, триста литров выходит. За год сдавай, но триста литров молока надо сдать. И молоко не оплачивали нам тогда. Сдаешь его, а государство все. Двести-триста штук яиц сдавали, сорок килограмм мяса облагали нас. [За деревья от...]. Не помню я, за деревья, чтоб платили.

[Это бесплатно все сдавали...]. Бесплатно. Как прямо... как обязанные вроде. Сдавали. А если мяса не имеешь своего сдать, значит кто-то корову сдает, и идешь сорок килограммов плотишь. Я тому человеку деньги за сорок килограммов мяса, чтоб ишло государству. В счет себя. Квитанцию получаешь, сдал сорок килограмм, получил квитанцию и все. Ну, а этими годами нету у нас сейчас, только за землю сейчас плотишь.

На займы [подписывали...]. Помню. Я вечно сама э-э... Заходили и, ну, я там прямо. Нажимают, ты не хочешь писаться на займ, потому что нету денег у тебя. Платить этого займа. Заставляют, целую ночь сидят и не уходят, пока не подпишешься. Ну, и у нас приходили, да. Из сельсовета. Назначали тогда и... и займ. А этого займа потом погасился. В сорок восьмом году. Погасился займ. Ну, уже как там, на сто рублей дают тебе десять рублей. Понад две тыщи даже было. Вот придут, и две тыщи дай! Нету?.. Через колхоз. Работаешь, через колхоз тебе отсчитывают, тебе займ, все. Плачешь... когда нету денег, нет, надо семью содерживать. А они отбирают. И несколько лет было этот займ. Помоему, в октябре или ноябре сняли этот займ. Не могу сказать, сколько уже нету займа.

Страховаться ну это добровольно: хочешь — страхуйся, не хочешь... Страховалась. От несчастного случая страховалася. Потом, страховалась платили мы, ну, на пять лет — страхуешься, плотишь там по пять рублей, потом через год, через пять лет получаешь страховку. А обязаны страховка — страховались, потому что мы работали, вдруг чтонибудь с нами случиться. Надо... поддержку какую-то получить. И скот страховали и коров страховали. Если корова пропадет, значит оплачивается. Ну, не полностью там, он же сдает корову, корову не купишь. Ну, так: не дуже и выгодно, но страховали. Мы сами страховались, потому что... Пройдут пять лет и получишь. Пятьсот рублей, или тыщу. На тыщу рублей каждый месяц десять рублей плотим, на пять... на пятьсот рублей, значит, по пять рублей, мы по семь рублей платили. А сейчас страховки нету.

[Потом вышла замуж...]. Полтора года. Как я приехала в Германию, полтора года. В сорок пя... значит, сорок... щас, минутку... Он местный, болгарин. Ну, раньше было разделяли, русских наших, предки старые.

Разделяли. Не давали болгарку за русского или русскую за болгарина. Не давали. А теперь одинаково. [Вот мы и в школе учились...]. Мы учились... на два класса я училась и болгарский, и русский, а потом только на русском учились. Ну, по-болгарски все время разговаривали. А сейчас наши детки по-болгарски...

[Вот свадьбу тогда играли...]. Конечно, играли свадьбу. Как вообще свадьба? Как проходила... Ну, по-болгарскому, конечно. И щас оно так. Как приходют за невестой, сватанье, а потом приходят за невестой. Погуляют у нас, а потом... приведут тут, тут гуляют. Наши все приходят, здесь гуляют. А потом идут в понедельник там. Раньше у нас была свадьба только в воскресенье, в воскресенье и понедельник, а сейчас суббота. Свадьба у нас. Суббота и воскресенье. А тогда было воскресенье и понедельник свадьба.

[Потом со свекрухой жили...]. Хорошие [были отношения...]. Одна свекруха была и муж. Хорошо мы прожили. Восемнадцать лет я со свекрухой жила. Не обижала. Она меня не обижала, и я ее не обижала. Я, что скажет свекруха, я слушала ее. Раньше свекрухи были свекрухами, а теперь свекрухи невестки. Тогда бассейны не было, ходили мы на край села в колодец, воды носили до свету. Вот и хлеб дома сами пекли. Корову и тогда... корову держали. А сейчас, сейчас молодым очень легко.

[А до свадьбы встречались там...]. На танцы ходили. Когда вечеринки у нас были. Частные вечеринки. Вот, например, в этот вечер будет в десять вечеринка. Приглашают. Если не приглашенная, на вечеринку не придешь. Приходют... Приходют хлопцы и говорят: ну, Манна, в этот вечер будет там и там вечеринка. Придите. Мы себе приходим, сами плотим. Баянисту. Тогда ж баяном играли, не такие музыки как сейчас. Приходим. Собираемся все девочки, приходим, мальчики... Играем, танцуем, не пьющие тогда хлопцы были. Не пили. Если какого хлопца заметишь что пьяный, этот хлопец уже не жениться. Уже его девочки презирают. А сейчас и пьют девки, и курят девки.

[Баянисту платили...] по два рубля. Сразу было по рубель, а потом по два рубля с человека. Ну, разные танцы были. И полечка, и коробочка, и *[нерозбірливо]*, и вальс, и танго было. Ну, *[сміється]* коробочка называлось. Танец, называлось так, коробочка. Русский, русский. И болгарский *[нерозбірливо]* танцевали. Разные. А... наши сразу... и мама с нами ходила. Ну, как замуж не выйдешь. Сразу было... Сидят и смотрят, как мы танцуем. Идем вечером домой уже, танцы кончились, идем себе домой, и мама с нами рядом. Мама тогда зайдет в дом, а мы постоим, поговорим, попрощаемся и все.

[Можно было идти, за ручку держаться...]. Можно было. Целоваться не будешь! *[Сміється]*. Когда выйдешь замуж, тогда будешь целоваться, а так нет! А сейчас как целуются, идут целуются, если старые люди встали бы и посмотрели, они бы упали *[сміється]*.

[Там парень девушке дарил подарки...]. Дарили мне, на именины дарили. Что дарили? Ну, духи купит, пудры... губную, вот такое дарили. Думаете, что дарили ценное что-то? Цветы. А чего, цветов у нас есть, везде есть. А какие дарили... Разные цветы, было и купляли. Приносят, поедут, купят. Дарили и цветы.

[На танцы одевались...]. Надевали... На танцы одеваем... Ну как одевали, платья одеваешь. Не пойдешь ж в шортах на танцы? В шортах так не пойдешь на танцы, будут смеяться. Ну тогда ж не была такая мода, чтоб так ходили. Всегда одетые были мы. А сейчас идут... Раньше если увижут старые люди вот так, как сейчас ходют... Не дай Бог! [Ну мода была...]. Ну, рукава всякие были, и длинные рукава, и от под локтем рукава, разные рукава. Ну, в сарафанах не пойдешь. [В сарафане можно было...]. Ну, на работу, и на работу не дуже. *[Сміється]*. Идешь в сарафане, все вы... вот так вот ходили мы.

[Платья шили...]. Были модистки, шили. Покупаем материи, и шьют модистки. И готовые брали мы. Ну, дорого... А как дорого? Как, как всегда. В эти года так было, в те года так было. [А вот белье нательное...]. Нет, покупали. Продавали, продавались майки. И, если тут нету, в город поедут, купят. Моя мама ездила и в Донецк, и в Запорожье ездила, купляла. Материи купит, платья готовые купляла.

[А как еще маленькие были, помогали родителям...]. А как помогать маме? Все мы помогали родителям. И воды ходили, носили мы, с братом. Возьмем... маленькие еще были, возьмем палку и идем на колодец воды наберем. На палочку и несем ведро с водой. Ходили кизяки собирали. Там где коровы, собираем кизяки. Приносим, мама растопит. Плитку готовила, а потом уже стали и примусы. Примус мама... папа купил, потом уже керогаз, и тогда вот дошли мы теперь до газу.

Когда [вот свет] появился... Не припомню. Та, после войны! После войны. В 60-ом году было. Свекруха была еще жива, и мы... Она в 64-ом умерла. По-моему в 60-м году и проводили свет. О! Ну конечно облегчило [жизнь]. Одно ли было лампы... и каганец? Свет совсем облегчил. Свет, газ. На що проведенный газ у нас так нет, купляем баллоны.

[Мы раньше и готовили...]. Мы и раньше знали, и болгарские и русские... Теперь блюда одинаковые. Млин делали болгарский, коржи делали болгарские.

Ганєва Надія Георгіївна, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Ну родители, мама *[нерозбірливо]*, а отец Георгий. [А отчество у отца...]. *[Нерозбірливо]* дед Фёдор, по-моему. [А бабушку звали] Нина... Бабушка Мария, Мария Фёдоровна. [Они преславские были]. Бабушка, дедушка, я не знаю [чем занимались], я выросла, бабушка больная была, мама её смотрела, дед, не было уже его, умер уже. Так, у нас было семь душ детей у мамы, шесть: два сына и пять дочек, или нет, вот.

[У отца хозяйство было своё], но его забрали, барашки были, да в колхоз, барашки были тоже, забрали. [Отец отказался в колхоз идти...]. Как отказался... работал, забирали хозяйвавшие в колхоз. Это было как раскулачка, придут, заберут, и всё, оставят вас, я ж говорю вам, шесть душ оставили нас. Тут соседи у нас, много тоже, ничего не знают, придут, забрали и всё. Только их забирают, и вот потом, папа нам написал письмо, чтоб мы кушали вот это с акации.

Когда пришёл уже, с тюрьмы, с этого, с Гурьева, Сидим мы шестеро... А папа *[нерозбірливо]* приносит этот цветок, шоб мы кушали... "Кушайте, я написал вам, чтоб не умерли, брать цветы и кушать". В 33-ем [году] голодовка была, трудно, работали, трудно. Ну море, кто мог, ходил, собирали себе, это, то бычки, то таранька, ходили... Или привезёт судно что, покупают от них, я не ходила, я маленькая ещё была. Мама ходила, так, где больше, спасалися тогда, от моря. Много тогда умерло, жили, а шо ж сделаешь. Вот вы ничего не знаете, за еду, тут крошки найдут, и забирают тебе, ты арестован. А зачем, что, иди в тюрьму и всё! В Гурьев, в Гурьев...Туда, где я в этом доме, мой муж тоже ж, умер уже как четыре года, его отец тоже, умирали там, в Гурьеве...

Шо, начала работать с четырнадцати лет, тогда было так, раньше, придут овцу забирают ничего не знаешь, работаешь как вол, *[нерозбірливо]* и берут тебя и всё... У нас тут много, я их знаю, заберут у тебе, для чего, что, они сами не знают, *[нерозбірливо]* и так мы жили, уже нечего кушать, а отец там *[нерозбірливо]* нам писал, что акации там, чтоб мы кушали, шоб не умерли, говорит. Мама сама работает, нас шесть душ, шо делать, надо работать, *[нерозбірливо]*. А мы, я работала с коровами, пахала, и пахали, и косили, сегодня на эту работу, завтра на другую.

Вот это у нас, хозяйка тоже, мы с ней работали. Боже, у нас маленький ребёнок, и поставят его в бричку, а мы отходим, с коровами, отходим, наши коровы, а потом другие, старые коровы. Иду, оно плачет,

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (2 серпня 2004 р.).

плачет бедное, когда не плачет, спит, а когда плачет... Мучились так, ну шо ж, жили. Я с четырнадцати лет работала, работала, и пахала, и косила, и *[нерозбірливо]* самоскидки, *[нерозбірливо]* с коровами.

А потом, когда забирали, в каком году забирали, я не помню, я была *[нерозбірливо]*. И шо, пошла, если б мне *[нерозбірливо]* касторкою глаза, я и чего, как-будто мне кто-то сказал... Спрашивали: "Чем ты болела?" Я говорю: "Лихорадка", – ну написали меня, здесь чёрточку, здесь хрестик, на лечение. Так никто меня не позвал, а потом с этого списка взяли трахтаристки, шоб учится. Нас было шесть девочек, я, Вера... Ну в Приморске учились, учились три месяца, на трахтаристки, потом нас поставили на трахтора работать. Ну старшие, я отца... отец тоже работал трахтористом, другие девочки на другие, старшие и девочки, ставили... При немцах когда было, ну когда в Германию брали... Потом наши, кажется, уже вот я не помню, уже семьдесят девять лет... Работали мы, сумасшедше работали, пришли, ну давай работать на трахтора. Ну папа, покаместь я выучусь, он работал лучше, а я хуже работала.

Потом *[нерозбірливо]* в Приморске, солярку привозили трахторам... Тогда, девочка Вера, её дядя работал, он заболел, поставили папу, а я работала сама и он мне поставил ночь. А ночью мы сеяли, тогда ралки, по три, один человек. Ну я работала на ХТЗ, три ралки и ходим. Тогда была голодовка, а один, коммунист был... тут на встречу нас... Тогда коммунисты, то коммунист, ну как его сказать, партиец, как оно называется, коммунисты. И это, стоит возле короба, придем, *[нерозбірливо]* насыпим в ралках, порожнее. Тогда была голодовка, идем кругом, качаются, они, каждый просют, чтоб... дайте понемногу, дети умирали. Ну кто возьмёт, кто не возьмёт, пойдём опять, ночью... И ночью работали, днём работали, ну шо ещё такого рассказать...

Косили, а потом уже начали с папой работать, начали мальчики приходить, и работала, комбайны чинила, комбайны укотим, раз-два, *[нерозбірливо]*. Я молодая ещё, со своего трактора жар и с его комбайна, жарко. Чуть, немножко, такое было, шо ходит кругом, надо сразу поворачивать, еще немножко так есть, он кричит: "Иди-иди, пойдём на море скупаемся. Потом придёшь, опять". Ну работали, так девки с мужиками, косили, и комбайны тягла, и лобогрейки тянула, по три лобогрейки. Наш трахтор был... *[нерозбірливо]*. Я знаю, и председатель, Македонский был, тоже умер, и тут бригадир трахторной бригады Пепели, работал он, тоже умер, много людей тогда умерли. Тогда косили с лобогрейками тоже, тянул три лобогрейки.

Шесть душ, я только помню, первые, вы не знаете их, Григоров и там ещё один, тоже умерли молодые. И председатель был Македонс-

кий тогда, тогда *[нерозбірливо]*, вождь! Овечья брынза, там одна женщина взяла брынзы, там председатель как придет, говорит: "Смотрите ребята, не подкачайте!" – "Нет!" Тогда, Слабчев был, а они по-болгарски говорят, *[нерозбірливо]*. "Флажок чтоб не потеряли!" Утром придёт председатель и принесёт, и брынзу, и всё, они рады: "Смотрите, нет, Иван Николаевич, не подведём вас", – смешно было тогда, а теперь идут, и ругаются ж, и ругаются.

[В школу ходила] четыре класса... Четыре класса отходила, ну что ж, надо было работать. Некому работать, мама ходила с коровой, корыто есть, она под корыто днём поставит, там что-нибудь, чтоб покушать, умирали в основном, кто будет нас кормить, кто... Папы не было, мама одна, а нас шесть душ, надо работать. Я ж говорю, в четырнадцать год начала работать, и дояркой была, и трахтора, и этих, хлопок брала. Боже, червей, когда с детьми в положении, я хлопок брала! От тут зерно, село загружали, председатель, *[нерозбірливо]* черви будут кормить, они будут зерно тут загружать.

[А в школу ходила...]. Ну шо есть, тапки, шо, когда грязь такое, слабенькое было одежда. [Ну в школу ходила], другое одевала [платье], *[нерозбірливо]* дома. [А как выростали с тех платьев], порватые, на тряпки. Не порватые, домашние было. Лена, потом я, она тоже дояркой, потом и я пошла дояркой, и скирдовала. Тогда скирдовали с трахтарами, как вам сказать, отак сгружает, один берёт, трахтор берёт, весь ряд, и подгонит скирду, оставит её, потом идут трое, ещё один, и отак на два прицепа. Два прицепа привезут, потом мы его там кладем, потом ещё, есть два трахтора, и потом эти трахтора привезут, зацепят и пойдут туда опять. *[Нерозбірливо]* у нас два трахтора, сами себе привезли, тянут его, аж на краю, когда женщины начинали жать, я тогда и мой муж тоже. Отут, у нас, один царёк был, на ту сторону мы рядом смотрим, чтоб было хорошо всё, девочки там пять-шесть посередине, раскидывают. *[Нерозбірливо]* тут два трахтора, покаместь один остановит, другой тянет, *[нерозбірливо]* скирда большая была. Хорошо шо не падает, мы его не собираем, когда аж кончим скирду, тогда собираем.

[Ну пошла работать с четырнадцати лет... Ну дома помогали тоже...]. Ну дома, что дома, когда придешь, умыться, готовишь, мама там готовила, там шо, дадуть покушать и идём, было в клуб пойдешь, ну на море мы сильно... не до этого ходить. [Как работала, вставала утром], ну во сколько, в 8 утра. [Родители], ну во сколько, папа трахтарист, он раньше уйдёт, после него и я пойду, тогда, *[нерозбірливо]* когда я, когда он. [Мама вставала, что она там делала], никто не видел, готовит там что-нибудь, чтоб покушать.

[От родители, на работу], они ушли, дети сами, Лена самая большая, она дояркой пошла, те маленькие тоже ходили. [Дети] дома были... Ну, есть одна большая, останется, смотрит их, ну уже как только подросли, начали работать, все, она смотрела их. [Я пока не работала, сидела с меньшими...]. Где только не работала... И червей кормила, и хлопок брала, и это... А потом начала работать, когда в Германию брали, я ж в этом списке не была, и вернулись, и поставили меня, училися три месяца на трахтористские курсы.

[Оставалась та с меньшими...]. Они не балованные, играешь там с ними. Куколки себе делали... Тряпочки. Вот потом училась трахтористкой, потом там, в Приморске *[нерозбірливо]* не знаю чи живой он, чи нет, не знаю. Потом пришли и поставили нас на трахтора, я с папой, это Вера одна была тоже со своим дядей, другая Вера с другим там, с чужими. Мы один раз работает... работает там, чи мужчина, чи девочка, менялись, ну платили нам, три года или сколько, платили, *[нерозбірливо]*.

[Война когда началась... Немцы не стояли в селе...]. Были румины проходили, курка яйца, давайте, давайте, все ховаются, чтоб, как увидят и ховаются, чтоб не нашли нас. Ну не ругались так: "Давайте курку, яйца!" – у кого нема, шо дашь, и они пойдут. Вроде не били нас, не били...

Дорохін Анатолій Андрійович, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Значит, я родился в Курской области, Советский район, село Мансурово, вот, и в 1925 году. Прожил я там, значит, школу кончил, 7 классов, потом, значит, голодуха была в Украине, там 33-й год, там 29-й год, и захватила часть России. А какая там часть, ну между Харьковом и Курском. И у нас там были с Украины, с Киева, приезжали тут спасаться. Я знаю, был один парень с Украины, я с ним дружил, киевлянин. Ну, а потом, значит, 36-й неурожай, хлеба не давали, на картошке люди жили, там как-то, ну я не вникал в вопросах.

В 38-м на 39-й тоже засуха, хлеба не было и картошки тоже, ни буряка, короче, дожилися мы, семья большая у нас была – 7 детей. А отец, представьте, 7 детей!!! Значит, он что делал, он выезжал на работу в Москву, там, значит строили тоннели какие-то подземные, там давали им трехмесячный паспорт, а летом опять в колхоз на работу. Ну

[1] Опитування провели В.І. Мільчев, О.В. Старух (30 липня 2004 р.).

шо он там нам помогал одежкой, ну семья ж большая. Ну там он, значит, строил, а потом начали ходоки, у меня знакомые были, вот Мария Иванивна, Днепропетровск, там Запорожье. И вот они зимой, где-то в декабре месяце, мороз, можешь себе представить, они с семи детьми, на санях ехали под вьюгой на станцию. И вот они, значит, доехали до станции, взяли билет до Курска, в Курске пересадка на Ясиноватая 1 Днепропетровска, Ясиноватая 1 в Донецкой области на Чаплино, это как я представляю по карте, они ехали с Чаплино на Пологи, а с Пологи на станцию Елизаветовку. Ничего с собой не несли, нельзя было, там ящик какой-то забили, ведра ну туда-сюда.

Ну, представ себе, приехали на станцию Елизаветовку, зима, мороз, ну это их прислали, тогда после войны делали, хлопок сеяли. Это безумие! Понимаешь, надо пшеницу сеять, а оно температуру надо хорошую! Эта коробочка, как от рассказывали, коробочка открылася, это от как этот орех такие коробочки были. Ну а потом зимой эти коробочки людям возили, они там разбивали эти коробочки, вынимали, значит, там этот хлопок и на станцию возили. И отец, значит, сюда под вьюгой пешком пошел узнать, примет ли колхоз сюда людей на работу.

Ну, тут было много семей, может семей 50, может меньше, я не знаю. И вот они пришли сюда. Приняли, тут был председатель колхоза, с удовольствием, шо значит надо рабочие, он поехал с этим, значит, шо возил хлопок. Он приехал, мы ждали его три дня голодные, ничего же нет, ни сварить, сейчас хоть видишь печка, а там, ну, на вокзале, ну хоть бы там как на постоянных станциях, приехали – уехали. А то там тупик, приехала там в Бердянск и через сутки обратно идет, ну ничего там не было, чтоб там киоск, ничего там не было, я лично ходил там в столовую, просил девчат, чтоб хлеб продали, ну что там они продавали.

Мы сюда приехали в 39-м году, потом я, значит, начал тут в 8 класс в школу ходить, и начали тогда ремесленные училища делать и техническое училище при заводе 29-м имени Баранова, в Запорожье. И я, значит, решил, я там с одним договорился, я так учился неплохо, ну я не баловался, ну там так... Ну, я поступил, значит, и год проучился, год проучился и завод 29-й и это училище все эвакуируют в Омск.

От с 33-го и по 39-й хоть немного давали, от отец тогда ездил зимой на три месяца в Москву, строили там от это метро, подземное, да, от там такая работа, песок носил, там камни, тюбинки там, грузили. Потом, там у нас было хорошее, жили возле речки, впереди был помещик Бондарев, имение осталось, сад красивый, речка, наш огород упирался в речку, там и уточка и гуси идут в речку, дом оставили, сарай оставили, поле оставили, все оставили, уехали сюда. Пережить голодуху, если бы не война, некоторые, вроде, там ну которые, там вроде бы получше-

ло, от приехали и как раз в 41-м году в феврале мы и уехал, а которые нет, их застала, их здесь, и потом у нас семья же большая, и сестра моя старшая вышла замуж здесь, его на фронт узяли, он щас покойник, от. И мать плачет, куда ж оставляешь нас здесь, да. И хорошо что мы уехали, там же была это Курско-Орловская дуга, и от там все спалили до самого тла, все ничего. Жили люди в погребах, долго в погребах, там где были, я туда ездил, раза два, это дело смотрел, страшно, это черная земля там.

От там, в нашем доме, где мы жили, жила сестра отца, у ней был Ваня, сын, шо-то он женился неудачно, разошлись, и они так остались в нашем доме. И когда хата горела, немцы от ездили на лошадях и факелом там подпаливали, там зажигали бензин, и там, значить, как сгорели бревна, и он, значить, бедненький, и его когда в армию брали, у него на спине такой, чем он бил не знаю, наверно, плеткой, так с позвоночника до самой попки, рубец такой зароший, разрезал, или шомполом наверно, шоб он не тащил, значить. Это была зима, снег, люди старались, чтоб, а он не давал, катастрофа, конечно. И сюда приехали, а куда было ехать и тут осталися, и тут наша Родина, где мать, отец похоронены, там наша Родина, тут уже. Меня там не знают, знают отца там, я там пацаном был. Некоторые говорят: “О-о-о, мы помним! Ты такой шалун был, по садам лазил”, – а у нас там был большой сад был. Ну как я пойду в твой сад, товарищ, идем в сад колхозный, или там другого хозяина. И маме там потом: “Ваш Анатолий! У вас сад есть, он в мой сад залез!” А здесь тоже хорошо было мне, колоски собирал, воду носил, кукурузу полол, это ж там в школе. А как у степу, сейчас народ забездельничал, тогда табора, шесть бригад, шесть таборов. И от там, когда работаю, женщины особенно, когда работают, там спят, там их покормит. По-болгарски, ну как по-русски жаргон такой, такой большой шаплык, такой здоровый такой шаплык, раньше в этом шаплыке поили лошадей хозяйва, ну потом хозяйва уже нет, эти шаплыки попали в кладовую. От, значить, варили булгор, и от арнаутка, и от, значить, там кухарка, и от булгур, ну это как на русский перевести, по-болгарски.

[Это такое кушанье, каша, такая крутая, сделанная на пшенице целиком или на половинку подроблена]. Ну она закипела там два раза, и, значит, там этот булгур кто хочет, наливала, там бери кушай, ну там наверно масло какое-то. Там скот резали, я не знаю, и там жили в соломе, спали в соломе. У меня детства не было и юности не было, только Германия, немцы, шахта, и побеги. Это ж надо, идеть паровоз, тепловоз и я это решил так, туман же был, и наверно им было плохо видно, эти ж наверно фары не пробивали. И от метров 15 или 20 вот паро-

воз и я пересек линию и давай бежать. Спасся с этой шахты, это невозможно, это идешь купаться, это весь, это поры, сажа там зашла, и в глаза, такие красивые как у женщины, не надо было подводить.

Да, [началась] война. Это все заводы, Запорожье эвакуируется и Трансформаторный, и Запорожсталь. Нас вызывает директор этого училища или как он там назывался, начальник: "Ну что, ребята, вы голые, мы едем в Омск, там морозы, там уже морозы, давайте домой идите быстренько, берите что у вас там есть". Ну, с района тут был не один, тут села, Приморское, Молдавтово, Новопавловка, Лозановка, бердянские были ребята. Ну, мы, значит, рванули, значит, зайцем доехали до Пологи, и десять дней в Пологи сидели, там видно клумба была такая, цветы, и нам начальник вокзала говорит: "Так, болгарлашки отут сидите, что-то появится..." – идут раненые куда там, в Бердянск, эшелоны так.

Потом, однажды ночью, а кушать же ничего не было, от я лично по вокзалу ходил просил, кто даст пирожок, кто копейку, тогда время такое было. Ну, приехал состав, наверное пять или шесть, Красного креста, видно студенчество или медсестры, или врачи, потому что все одеты были в белом и красные повязки у там, да, говорят быстренько, а сзади был там какой-то, вагонов пять или шесть, кирпич, стройматериалы, значит, туда быстро садитесь, и с нами, он, немец, уже подходил к Запорожью. Были танкисты, они участвовали, воевали, один там рассказывал, ну молодой тогда дядька, ну нам было по 16, а ему может 30, может 25, как немец душил их где-то под Запорожьем. В общем, разбили эту часть, и он, значит, отступает на Донецк на формирование, ну это на Бердянск, потом на Мариуполь, тогда это ж Жданово назывался и потом на Донецк, ну как это я понимал тогда.

Ну, приехали на станцию Елизаветовку, кто куда по селам разбрелися. А станция Елизаветовка где-то 40 километров, от я шел, значит, Коларовка, потом, значит, Вячеславка, Мариновка, и через степ ще 10 километров. Ну, мать меня встретила, а отец, он тогда уже был на фронте, он уже тогда был ранен, ну у него газова гангрена началась, ему осколок пробил, попал в плечо, где-то там в Крыму значит. Ну а у матери нас семь, еще родился в этом году восьмой, весной. Одну ночь переночевал и тут армия отступает, идет, и у нас за селом баштан был, арбузы такие мелитопольские, такие громадные. И обычно ж как организовано, а то так один два солдата, машины заезжают. Я сам на конюшню, там эта бригада была номер 2, я с Верветом, болгар был, и говорю: "Дай мне белянку", – белую, значит, лошадь. Он говорит: "Только молодую, трехлетнюю, ну она не обучена. Только ты так, значит, там за селом, там Бановская пэтя...", ("пэтю" – это дорога по болгарски).

Чего бановская, потому что там есть село такое Бановка, и до Поросянки, значит, быстро *[нерозбірливо]*.

Набрал тех арбузов целый коробчан, такие крупные. Ну и значит, старая лошадь бежит, а эта не хочет, танцует на месте и все. Ну подходит ко мне один солдат, ну такой пожилой, и говорит: "Сынок, ты *[нерозбірливо]* щас половину сбрось на землю, те отвези, сгрузишь, а потом эти приедешь и догрузишь". Ну, я сразу не хотел, пока туда-сюда, ну потом поехал, только заехал во двор, смотрю по степи – румыны, ну они на лошадях, ну цыганские оте, румыны, может сотня, а может и две-три, идут сюда к нам на деревню. И от мою бричку за три секунды разобрали румыны, идут по-своему разговаривают. И так я вот перезимовал, нас отрезали. Ну те, кто мог уехать, та кто там, никто не уехал, ну, може кто там городские, паспорт нам же выдали, как уже 16 лет, и документы там о успеваемости, а я на модельщика, модель 29, так хорошая специальность, инженерная, то я так полюбил.

[Это в центре там памятник, а там фамилии, ну кто погиб во время войны. Там есть Фельдман Рива и ее дочь Света Мангова с тремя сыновьями]. Значит, это получилось так, это помню щас. Это он болгарин, раскулаченый, это, значит, семья где-то раскулачена. Где он там в тех городах, видно в Мариуполе или Жданово, где-то там, да, женился на еврейке, и где-то там, значит, он, видно, был дурак или я не знаю, как получилось. Но соседи знали, шо там были, сволочи, не знаю кто там они были, наверно, тоже болгары, знали, что она была еврейка. Она сюда приехала, и он сюда приехал, и, значит, доложили немцам, шо она еврейка. И, значит приехали на подводе там, они знали, это мне рассказывали, это взяли девочку ударили, бросили об колесо маленькую, убили сразу, так мне говорили.

Ну те, местные, они все знают. А ее забрали в гестапо и там убили, а он я не знаю, его судьбу, он, наверно, как болгарин, участница, там помогала, там от этот Борис, по пьянке, наверно, царь Борис, а шо там было делать, как он оккупировал там и молдован, и Венгрию, и Румынию. Та ну, а шо делать, там болгар три миллиона, они в основном в Бессарабии и на Украине их больше чем там в Болгари. От так их там похоронили, там кто, дочка, мать и еще... Да, ну это Мангов, это болгарин.

[Еще написано двести детей-инвалидов, расстреляли этот детдом]. Да, это двести детей, это помню как сейчас, это я ж еще не был в Германии. Они ж там, в основном, человек, ну пятьдесят процентов, люди больные, ну они пожилые, ну они работали, скот держали, там же сад был. И они рыли ямы, потом пригоняли, а они то больные, больные, ото до ям их подгоняли и пулеметом их, значит, они тикали, раненые там бежать, там рассказывали, это было невозможно! Да, и там те одну

яму, те которые там вторые те зарывают яму, да и пока они их там не покончили. Так сколько, двести человек?! Ну их там больше, наверно, было. И всех детей, там маму надыбали, ну ходили нормально работали, чтоб их кормить. Это он находился там [где сейчас дом престарелых]. И щас он там. [Они там и похоронены]. Памятников не было. Може их, наверно, вывезли после войны и перехоронили. Это надо спросить у тех, кто там, ну может же был памятник, да, это интересно, их поубивало, убило сколько.

Вот в 42-м году, возле Стария, никто ж не пашет, ни тракторов, ни лошадей, позабирали немцы, и видно румыны. Ну, там остались на бригаде такие негодные, видно ж хороших забрали. Немцев много было, танки стояли, мы ще бегали ж до танкет смотреть, так они нас гнали. И в 42-м году, в мае, мы по стерне с тяпками, мотиками, по-болгарски мотика – тяпка, и мотиками роем дупку, это по-болгарски ямка, ямку и туда семечку сажаем, что там получилось я не знаю, по стерне. Когда приходит из сельсовета, она дома уже была, меня ищет, значит, мне быть завтрашний день в Приморске на комиссии, в Германию. Я высыпал с карманов семечки, пошел, еще не доходя метров двести до дома слышу материн плач. Ну, такое дело, значит, куда там я, такой худенький, маленький.

Ну, доехал я, значит, в Приморск. Не, пешком пошел, много людей, пешком пошли, босые тут. Ну, видно, мать контактировала там, видно, с врачами, и чтоб меня не забрали в Германию, чтоб я курил чай, сворачивал так и, значит, чтоб дым глотал. Ну, а я не знал как курить, я и сейчас не курю, и тогда, ну там были, баловались. И никотин, это когда табак делают и выжимают сок, это яд, тогда здесь в деревне, буркун, трава такая есть сухая, резали и перемазывали никотином, и курили. Тогда могли болеть глаза, тогда была глазная болезнь – трафома, там какие-то наросты, там больные веки должны были быть. Ну, там мазал. Подходит очередь, а я думаю нет, то курю, то бегаю в туалет. Я подошел, думали что больной, с трафомой нельзя, он поднял глаза, ну мне, я говорю, глаза болят. Такой молодой, наш русский, ну видно немцы поймали, на комиссию, он говорит: "Сынок, ты наверно плакал?" Я говорю: "Плакал". "Видно, у тебе глазки красные." Я говорю: "У меня сердце болит". "Ну, ничего, это ты расстраивался". "Мама, – говорит, – есть?" "Есть!"

Ну, значит, обратно, обратно – я годен. Пошел опять на Преслав, на второй день улица возле кладбища, подвод наверно пятьдесят, где они только их набрали, погрузили нас, наверное, человек двести, наверное, четыреста на брички, и полиция нас сопровождает, значит, до Мелитополя, до станции Старо-Константиновка. [А полиция] вот эти, отсюда,

кто раскулачены были, местные. Болгары, ну это они с Мариуполя, Бердянска, ну это они жестоко относились к местному населению, били. Мне не попало, а мать били. Мать взяла ведро ячменя, да, там амбар был, мы тогда жили не тут. Ну, наверное, кто-то доказал, там была мамка и еще одна женщина, и румыны, вот этим шомполом, тогда у мамки на спине и рубцы такие были. Да били.

Ну и нас пригнали сюда в Константиновку, под Мелитополь, еще налево от дороги километра два подводы повернули, разгрузилися и повернули обратно. И в такой амбарчик, человек пятьсот, может шестьсот, а может и все тысяча, забили, все стояли. Это, значить, двое стоят на входе, а там собаки уже рвуть, овчарки такие, так нас загоняли. Там мы простояли ночь, утром опять подходят, слышу опять собаки, звук такой собачий. Приходят немцы с автоматами и показывают, строится по восемь человек. И вот строились, и от Константиновки, далековато до вокзала, приходим, значит, на вокзал. Снова собаки, автоматчики, нас загоняли, там крик сумасшедший! Загоняют, значит, детей и стариков у вагон, и нас, значит, пропустили, показали какие вагоны, рабочие, ну телячьи вагоны, и что главное, побрызгали водой пол и посыпали хлоркой, и мы, значит, по этой хлорке. Конечно, так они показывали что мы такие свиньи, и это кругом было, так везде было! Всех вместе, стариков и детей! Отак ели!!! В туалет я не знаю, я не помню, надо ото ей, так десять дней, взяли от продуктов!

И так мы ехали десять дней, и только один раз открыли нас, это в Киевской области, станция, большущая станция, станция в Киевской области, узловая станция, какая же, еще знал, узловая станция... А в Киеве тогда, значить это, остановили, и на перроне тишина, никого нет, ни армии там нет, никого. Нам такие бетоны, там такая длинная капуста, раньше готовили сушенную капусту. И от залили водой, и от, пожалуйста, там он черпаком чи чем давал! Ни чашки же нет, ни ложки, ничего, ну а уже голодный был, так кушать хочется. Кто так посильнее был, то так взял больше. А многие были либо, либо это эстонцы жили здесь, значит, это сына моего ровесника, Германа и Полинка, 18 лет, забирали вместе со мною. Они решили, отец и мать, как они попали сюда с Эстонии... Они эстонцы сами, туда-сюда, он кузнецом работал, отец и мать дружили, как они приехали на оседлость, и решили друг другу помогать. И они оставили на мать мамку, это бабушку и дедушку старенькие, на мать, своих семеро было, кушать же нечего, и они так поумерали и мать их так и похоронила.

И короче, как же эта киевская... склероз уже начинается, и вот ехали и там наверно минут 30 стояли. Ну, потому что вокзал, там я не видел охрану, потому что видно было, путь были свободные, видно кто-то

видел, там они были охраняли, чтоб не убежали, и мне захотелось убежать. Да, Била Церква, да Била Церква, хотел убежать, там подстанция. Смотрю, пока никого нет, там ну, капуста, все садятся, а одна хохл... украинка, идет, на коромысле несет воду, знаете как киевляне, такие юбки, такие с мотками, помню лет 18 така дивчина, я говорю: “Слушайте, я еду в Германию и я хочу убежать!” Она говорит: “Ой, хлопче, хлопче, – говорит, – нет, тут далеко, далеко партизаны в лесу далеко, нет тебя в лесу расстреляют, убьют, езжай, а там будет уже видно”. И вже ешелон пошел, поехал ешелон, я на свой вагон не успел, поцепился там где-то, ну ниже вагон, и ехал до самой Германии с чужими людьми. А там как уже приехали, начали открывать, я к своим перешел. Когда приехали, там какой-то тупик, там у них когда-то был карьер, каменный, вырыли глубокий, и там же камни беспорядочно, и все обнесено проволокой, вся яма эта, часовые стоят с пулеметами, и там два барака. Два барака, с вагона значит, все выходите и по лестнице все туда вниз. Значит туда все, стоим женщины, старики, дети, стоим все голые, обнаженные. Стоим, значит, все обнаженные, а там такой квач, они боялись что там блохи, вши, ну всякие болезни, значит, мажет этим квачем, по голове по ушам помазал, здесь и здесь, значит везде, где есть волос. Помазали, значит, и на пропарку, такая была камера, как ну, горише, такая страшная, дымарь, и наши все вещи в один котел, и женские, все, там в газокамеру, на пропарку там, вот.

Можешь себе представить, они принесли, что-то там выбирали люди, а немцы кричали “шнель-шнель”, значит, я не понимал тогда, это ж значит “быстрее”. Я нашел тогда рубашку какую-то, одел, брюки там, даже не помню, наверное, какое-то чужое одел. Ну и что, наверху стоят машины, на эти машины погрузили женщин отдельно потом, мы постоянно были и женщины вместе, какой там был стыд, потому что кругом автоматы. Погрузили нас на машины и везут нас, наверное, километров 10, когда открываются черные ворота, лагерь, 18 метров, проволока кругом, черные бараки, от осколков как бы посредине такое бомбоубежище, насыпана так немножко земля и бараки. И началась жизнь. На второй день построили нас с автоматами, опять с винтовкой и на шахту, там получили спецовку и обратно вернулися, ага, и подкрепление, тот, с которым немцем я работал, мне показали, мы там на пальцах договорились...

Я попал крепильщиком в шахту, в город, город Бохум. Шахта Ганиболганохфа. Да, ну и вот в этой шахте я май, июнь, июль, август, сентябрь, наверно, октябрь работал. Худенький, он мне там иногда так грамм 20 хлебушка так давал. Пайку я получил на неделю, пайку, хлебушка грамм 400, он у них там чистый хлеб, и как-то печеный, он хрус-

тел, так понимаешь. Я его сразу съедал, сразу съедал, а неделю, там, значит, давали кусочек маргарина немножечко, вот этот хлеб и маргарин мне как раз хватало, и сахар. Жили, значит так, один раз в четыре часа подъем в шахту, конвой, уходишь конвой, в шахту опустились, там же не видишь, там тебя потом не выпустять, я потом не видел. Опять подымаешься, в баню, отдельно, немцы отдельно купались, мы отдельно. Там моешься, в этой пылюке аж черный, в коже оно все черное, там кусочек мыла дали, а оно не отмывается, отак мы жили сколько.

И вот я решил делать побег, побег соображал. Значит, был туалет, был туалет, в туалете большущее окно было открыто, а дальше была проволока колючая, а я же не сообразил, надо было продумать, а сколько метров, я хотел, думал, стану на это окно и рывок и я по ту сторону проволоки этой, а она там не просто, а как бы так вал такой высокий, это ж я потом уже, да, когда погорел. Я пошел и как раз сидит на дорожке той охрана с винтовкой, обратно, а я сижу сижу. Гляну, а он ходит туда-сюда, я выгляну как проходит, и гляжу там далеко, не, я не перепрыгну.

И вот, значит, жду четыре часов утра, на дырке сидел, как-будто пошел, я вообще как пошел, я дней восемь не ходил в туалет, по неделе. А от чего, там давали брюкву одну, половничек один, когда проходили с шахты обратно, а потом вечером не давали ничего, там что оставил, ну что хлебушка там. Ну, голодные были, ну оставишь там, поедят, ну не будешь же ты, грубо говоря, в кармане носить. Ну решил, ну потом нет, не получается, каким же путем, выдают там ботинки кожаные, окантовка металлическая, есть шипы такие металлические, ну там же камень, как так об камень так аж искры летят, и я начал потихоньку эти шипы, потому что если поймают то по обуви поймут, что я с шахты.

Там марафенил, как их там подделывал, снимаю потихоньку, купол который там был, ну хороший был мужик, у него четыре сына на фронте погибло, и он 25 лет у шахте, и он все время брился и у него голова как детская, шо от угля, черный кругом и шея и на руках. И говорить: “Антон, – звал Антон, – ты “лек лаухен?” Я говорю: “Не ферштейн, – “лек лаухен”, значит “бежать”. Я говорю: “Нихт-нихт!” Ну посбивал, значит, там и решил ходить пока. Эта была осень, это нас в шесть часов в шахту опускали, а в четыре подымали, ну там не далеко было идти, с винтовками, ну туда загнали, а перед шахтой остановили, а перед шахтой там забор такой, забор, там правление и линия железнодорожная, и вот эшелон уголь вез, то ли с этой шахты вез, то ли по линии железнодорожной шел. Значит идет...

И значит, идет, а тогда же паровозы на топке работали, и значит, чувакает, а я маленький, а со мной эшелон наших, этих шахтеров, человек

наверно 100, если не больше, и как в армии там впереди большие, большие, а я там последний, ага, щас от он едить, а мысли еще не было, думаю что он там везет, и ближе, а он мне слушай ты, как там он меня оскорбил, иди, значит, мол, назад отам стань, и вот он, значит, метров двадцать или тридцать не доезжая до нас, значит, до шламба, и я на ту сторону раз и перебежал. А здесь перекрыло, я слыхал там два выстрела, забежал на проходную, талоны, там талоны, там не фамилии, мы там все под номерами все. Я номер снял, може не надо было снимать, я снял и пошел, это еще шести часов не было, эта ж осень, там же Гольфстрим недалеко же проходит, и там туман, все туман.

Ну, я по глупости своей, рассветает, ну куда, в канализацию, в канализацию спустился, там ну эти отходы там, и канализация, ну там я знаю, труба може 700, 800, ну металл. Ну она же там зелень, и вот я стоял там в своих ботинках, я поменял те на наши, там и наши были, такие легенькие, тогда же раньше не разрешали палить присяд, а только надо было шкуру сдерать и замазывать, ну такая необходимость была. И я слышу у меня уже не 42, они у меня раскисли, наверно 56 размер, там же тепло, газы, ну и идет канализация, там что-то, где-то, кал там, и главное, я весь вымазался, уходить нельзя, кругом зелень, то был такой чистенький, чистенький. Я в лесок, когда роса, значит, роса, и вот десять дней роса и очищал штаны, очищал от зелени и ел траву, десять дней ел.

Потом смотрю косют пшеницу, значит, рожь, там те бавара косют, смотрю, им далековато, я там понад балкой ближе подхожу туда, смотрю там такие маленький ручажок, вода бежит, да вода, и так заметил там какие-то люди – то сядут, то подымутся, то сядут, то подымутся. Я думаю, точно, знаешь, когда пуганая корова, на куст садится, а не там как пуганая корова куста боится, так пуганая сорока на куст садится, так и я. И долго, наверно минут 30 я так с травы наблюдал, а потом думаю, ладно, иду, немцы-немцы! А оказывается, то с Донецка, подросточки, такие самые худенькие, где-то там, ну только не на шахте, а там на фабрике были. Ну, мы ели брюкву, знаешь такая, Ну, значит, дней четыре мы в тех кустах базировались, и там же эта речушка проходит, вот эта брюква.

А тут насып большая и дорога, боевая дорога, видно там Борхум, или куда-то, военные там, то машины там, танки гремят траками гусеницами. Ну, значит, пошли есть рожь ночью, и можешь представить себе, Саша, всю ночь я шулушил и ел ее, я не наелся, желудок не успевал перерабатывать, голодный. И на утро опять пришли гарбы, грузить снопы, и нам надо было идти через буряки, идем, а нас же много, вот так брючки же были мокрые, ну идем же по этой дороге, и только про-

шли там метров 300-400, и нас гестапо ловит, и опять в ихнюю эту милицию. И опять, я уже было в Бохуме, попал в тюрьму, тюрьму Доркмунд. В Доркмунде был дней наверно 15 или 17, на пятом этаже тюрьма и мы опять под конвоем под винтовкой рыли там траншейки. Утром, значит, давали маленький кусочек хлеба и так намазано, нет, нет, расклеились так, и кружку ячменного такого переженного, как кофе там считается, ото один раз давали в тюрме. И когда мы зашли в карцер, то один стоял, ото скелет, вот его сюда, скелет, и было двое, один уже умер. Эти ребята, тоже бежлецы, бежали, украли, там же были дачи у них, узяли кролик, порезали кролик и пошли в лес, значит, дров набрать, набрали, разожгли дрова и начали там, это, их жарить. А дым-то в лесу, от представь, вышел ты, там видно далеко, увидеш какой-то дым, и полиции там человек 15-20 прибежали с автоматами и поймали двое. Ну, не надо было среди дня, на нем же одна шкурочка тоненькая, и там сердце, еще как наработается, и его и не выпустять, он должен был там и погибнуть.

А нас, после этих 15 дней, обратно на биржу труда, утром погнали машин на биржу труда, значит людей много там, и французы там, и бельгийцы там, есть и болгары, и иностранцы, и кто как. И переводчек говорит: “Кто был бондарем”. И опять же я, пацан шустрый такой, колхозный, не путевый, думаю бондарь это что-то там связано с бочками. И переводчик говорит надо три человека, а нас четыре, те было трое, один остался, и говорит выходите через ворота, там будет стоять трактор такой двухтактный, там француз, такой черный. Французы они все в тюбитейках таких черных, летом, зимой они в основном ходят без головного убора. Там бельгийцы, там голландцы, так у них кашне, кашне большое и длинное, и в армии такие, они там ходили, у них красный крест совсем другой, у нас же социалистический, коммунис.., они же против нас воюют, ну а французов они побили, ну там тех французов, бельгийцев. Да, и мы, значит, вышли, и дошли, значит, он работает, и там прицеп такой, прицеп такой небольшой, и там две бочки, и там в этой бочке были, ну може с килограмм, а может меньше, было морковки, морковь была и это кусочки выбирали маленькие, чистили и ели. А француз только головой мотал, они были сытые, их там совсем по другому кормили, и нас привезли на Капсфабрик, “капс” – это как капуста, “фабрик” – фабрика.

И там мы сезон, мы ходили свободно, только не выходить за пределы этого завода, а когда мы едем со станции на станцию, вагоны капустой грузить, то там одна была женщина, ну мы могли бы убежать, но смысла не было бежать, опять у шахту попасть. Ну, ту капусту и варили и жарили, ели, кормили хорошо, мы были вольные. Мы там без ви-

нтовки, там на территории, там сарай, какие-то там были железяки, там стружки, стружки мешки такие, мы там от их положим, железные такие нары и мы там жили, сколько, месяцев, наверно, три. Капуста кончилась и нас перебросила, потом машина подошла на Фасфабрик, “фас” это бочка по-немецки, где делают большущие бочки, где делают. И мы там остались, они там дубовые такие длинные, тонные бочки, бочки делать. От начинаешь что-то шершелка строгать и рука, упала, разбила, кровь, тут вся рана, рана, так, ну шо думаю, шо руку побил, здесь я свободный. И там мы в бараке жили, бараки – такие домики маленькие. Бельгийцев пригнали наверное человек 15-20 ребят молодых и мы там были четверо, ну дружили там с бельгийцами, они получали там шоколаду посылки там получали в Красном кресту, когда нам давали по-немногу.

И вот добавили чего-то бельгийцев, а нас бросили на какой-то полуостров, где-то тысячи две, была ситцефабрика. Все наши были, наши русские девчата, худенькие, кормили плохо, от это за два километра только брюквой, вот брюквой. Да, они рады были, шо, значит, мужчины появились! Та шо там, голодные пацанята, шо там жульничали! И шо там делать, значит, если челнок освобождаешь, и когда надо ткань заправить, там же она большущая, ну, по-видимому, я так понял, это на парашюты ткань такую, светлая ткань такая, да, делал.

Когда там нас привезли всех ребят с Капсфабрик, там, значит, таких три барака, такие большущие, черный были. И там какое-то озеро, понимаете, и выход в эту фабрику, в эту Кальденфабрика, большущая фабрика, там станков было море, там, если вы никогда не были, я тоже никогда не был на ситцельных фабриках, от эти станки там они в черноте, от они де-де-де-де! Как там они строили, там ткань пробивают, там стук такой деревянный стоит, невозможно! И пайку хлеба, что ото дали, я сразу поел, и тут вскорости, там челноки ремонтировали, там все нормально, там девчата знали. Там они, были такие худенькие, оборванные, от этот барак это брюквой пропитан, там такой длинный коридор, только направо, налево там, а то длинный коридор. Девчонки обрадовались, некоторые плакали, что мы пришли, откуда, побежали, значить. радость. И от наши, потому что мы попали, когда гнали, вот в другое место попали, это ж я сбежал с Бохума, в Доркмунде в тюрьме сидел. Это было в Доркмунде, это город небольшой, такой чистенький городишка, тоже шахта там есть, это Рур, бассейн там Рур.

Это, значить, как послали меня, нас это вот вату ту белую грузить, я остался там опять значит прятался, и отношение там было хорошее, Конечно, хорошее, значит, там был один такой более взрослый парень, Ваня, он мне, значит, говорит: “Толя, не уходи, подожди.” Настолько у

меня раздражение тела было, то в шахте, то там, я решил их бросить, потом жалел, я сколько с ними проработал, какая судьба там их, тех девчат. Ну шо там одна брюква, и ту паечку хлеба, ну понимаете, ну были такие маленькие буханочки и давали на неделю, чтоб, значит, ты пять дней и такой кусочек, да, пополам резал, там они как-то, значит, и сюда ложил или маляс там, приклеивал, и кружку дають этого ячменного, этого кофе, ячменный.

И у шахтах, и в тюрьме, я там был, то самое, отак выживали, там один рацион, там нет вода, там отак! Ну они были истощены такие, девчата худенькие, стали некрасивые... Какие там гульки! Да, и что характерно, они могли бы уйти, если я ушел, но это девчата, они там уже привыкли, куда там им уходить девчатам, это женщины. Потому что это выход из барака, как я понимаю, не был зоной, там сам выходишь из барака и на работу на фабрику текстильную и обратно. Мыться, там они уже поменяли, там одежки у них такие засеренные, они там так в водичке полоскали, кто там им мыло не давал, мыло давали там только помыться. Я так вспоминаю, там познакомились, кто откуда, их там было очень много, да, там три барака, там очень много было девчат.

И мы там дней пять поработали и послали нас шоколад погрузить, и с нами пошла такая длинная белая, винтовку ей не дали, ничего ей не дали, погрузили, поела мне тела, красная, те трое говорять, что хотят идти в барак туда, в конце, там девочки, там и нам комнатку дали на четыре человека, а я так шо "в гробу видал это дело". Я там спрятался в железяках и решил уйти с этой ситцефабрики. Иду, смотрю, какой-то там большущий, там танки, самолеты, металлолом там гора, свет горит, кран работает, так, какой-то там барак, и что-то там по-русски разговаривают, там и много поляков, и по-польски. Та й, думаю, зайду туда, там меня приветливо, дали там картошку в мундирах три-четыре, ну только говорят: "Мы тебе оставить не можем, сейчас только утром хозяева появятся... Тебя и обратно. Откуда ты?" Я им рассказал, что я и в тюрьме сидел, и где я только не был, и на Капсфабрик, они говорят: "Иди!"

Я пошел, пошел, в один лес зашел и тоже дней двенадцать, пятнадцать был. Косуль, косуль там было много, там запрещено их стрелять, а в сырости, идет ведь дождик, надо ж как-то ж лечь, так я ото сушняка набирал, как медведь нору сделал, так эти косули, косули настолько они чуткие, сотни там может, идут и с провожатым наверно, ушками водить, подходит метров на 15 и все, а не подходит, чувствует наверно запах. Ну потом одежа настолько уже высохла, это был октябрь месяц, я вышел, щас поймаю, думаю. Вышел по дороге, иду смотрю какой-то поселок, издалека, издалека видать жандармерия, как каска такая, на-

ша милиция как-то не видная, а те сразу чувствуется, я думаю нет сдаваться, я раз и в сторону. Оказывается, это был хозяин, бауэр, а дальше там еще был большой амбар, такой сарай, и по ящикам, а мы тогда носили "Ост", а поляки носили "П", ну римское "П", желтая тряпочка, а тут белая "П". Никто не носил, не французы, не англичане, а поляки носили, и вот Украина, Россия, вот значит. И один, а язык польский как украинский, и вот он говорит: "Цю пана..." И он начал рассказывать, а собака, когда я забежал за сарай, собака начала рвать.

Хозяин видно заметил, шо-то мелькнуло и заходить, щас помню у них же эти обычные деревянные колодки, как чуни, ну как галоши только деревянные, долбленные, идет такой интересный дядька, живот, трубка красивая, звали его Лойсман, Фриц Лойсман, это село Пелькум и так он у мене спрашивает, говорит в общем, значит: "Ты арбайтен будеш", – значит меня. Я говорю с удовольствием, я из шахты с леса, с тех косуль, голодуха такая, что я там с тех хозяйства картошки украду наварю. Ну, он говорит, иди туда в комнату, показал куда идти, полячка меня провела, бабушка наверно это его была мама, лет наверно восемьдесят, ну она жила наверно с месяц, наверно меньше месяца.

Это когда бомбили, это село Пелькум, ага, станция Пелькум, так на той станции стояли зенитки, штук наверно семь или восем стояли, и так вот эскадрилья ишла, наверно англичан или американских бомбить, а туман был они начали бить по их, а они как развернулись и дали им копоти, зажигательными бомбами в основном. А у них как, у нас от туалет там, а у них все ж под одной крышей, там на крыше сено и все, дома же большие, я лошадью заезжал в сарай сбрасывал с гарбы сено, там солому, а потом зимой сбрасывали там на низ, а назад гарбы выкатывал на улицу, там отпрег лошадей. Ну и мне говорит: "Давай", – отрезал таких, а у них пекут хлеб, у нас какой хлеб кислый, а у них пресный, они же хлеб з вареным не кушают, може знаете, только бутерброды, может намазать там маслом, потом колбаски, там отак *[нерозбірливо]*.

Поймался я! Нет, мене, значит, револьвер, милиция, да он, значит, милиция, я, значит, снимаю, так ото как ходил Ленин, где-то я шапочку достал немецкую и ложу возле дверей, коридор большой, и пояс отрезаю, пояс и шнурки снимаю с ботинки, и ложу и захожу в карцер, а там тепло. Десять дней, значит, с козулями в лесу не спал, мокрый, там же были беглецы, значит, топит, ну там двое то там дальше. А поскольку я потом, он должен меня только пропустить через КГБ, ну не КГБ, а как там, да, они регистрируют там, не просто взял да и все, там все официально, да. Ну и что там, значит, сидять и чего-то, где-то часов в 12 ночи, они открывают, а там толстые же двери, они открывают, и

мне: “Иди туда!” Мне три картошки дали в мундирах, я их там грязные и поел картошки, и пошел обратно сел, вроде немножко *[нерозбірливо]* обсох, тепло. И где-то рано утром открываются двери, он открывает двери и говорит мне: “Бери ведро”, – показывает и мой там все. Я взял ведро, помылся и опять сел на соломе, значит такой у меня был матрац, одноместный такой, сижу и мышлю, значит такая моя судьба, когда я слышу часов в девять, этот хозяин приходит и открывает мне дверь, он не закрывал дверь, я самый крайний был, мог уйти, он не контролировал, этот, который там дежурный был, полицай. Ну, он забрал, и я три года работал, значит, в село Пелькум, город Ган, значит, работал, полячка и я работал. Я коров не доил, доила коров хозяйка и полячка, мое дело пахать, возить на лошадях, там такие, косить...

Ну а я же парень, другой бы косу не знал, а я же косил, запрягал. А он у меня и спрашивает: “А сколько у тебе пферд, лошадей, пферд у отца, фата?” Я говорю: “Пять!” А там же в колхозе все позабирали, там же ничего не было, я же так, я говорю фунт, я сказал, он а-а-а!!! А сколько там барашек, я ему там набрехал, он о-о-о!!! Но хороший человек, они хорошие люди, я был авторитетный, у меня лошади были боевые, как только на лошади в лес уехал, так все немцы смотрют так, это был авторитетный.

Да, ну дальше начинаем, два года ото я отличия не носил, болгары не носили, и вдруг хозяйка приносит целый, значит, синия такая тряпка и тут “Ост”, восточный, значит, “Ост”, латинские буквы. И смеется, в городе, значит, есть болгары, Преслав. Преслав, если б, надо было записать где-то болгар, я бы там жил, простые болгары еще нормально, но поскольку прошло ж уже три года, наверно посмотрели с Запорожья, а это с Украины, Запорожье и тряпки повыдавали, потому что надо пришивать. Я что, значит, сделал, у меня был сикет, я сверху не дела, а значит, отворачивал, тут пришил, как только увидал этого, жандарма, раз, показал. А там был Пэтя, значит, а он меня знал, все “камэнэ-камэнэ”, там был, все ходил по селу. А он смеялся мне: “А чего?” – надо здесь пришивать, а я значит, внутри ходил все время.

[Некоторые какие-то песни, стихи о своей жизни в Германии, рассказывают, сочиняли]. Ну, видите, как-то у меня получалось, что я из шахты и как-то было не до стихов. Там может и были такие, а может и не было таких ребят. Там один был киевский, он был с Киева, ну он был такой, был студентом, вроде, он говорил, тоже его забирали, и где-то там на станции его забирали, и он попал где-то, ну в общем, он с Киева был. Он на шахту попал, мы там в бараке лежали, а с нами жили, значит, это, семья из Латвии, то есть, с Эстонии, либо фамилии. Я с этой семьей, и дочку и сына забирали, Полинка и Герман, Герман мой

ровесник был, несовершеннолетний был, а та Полинка наверно лет 17 или 18. И родители должны были погибать, чтоб, значит, и они решили пишите нас, потому что так. Их там записали, и уехали и держались с ними, я там, значит, Герман был наверху, двухэтажный был, а такие, може рассказывал, с бумаги как матрацы, ткань такая, и туда стружку, значит, она ж пористая. И от она стружка размялася сыпится на голову, в глаза, а дедушка тут, отец, папа его, и он унизу, и он все время меня: "Толя, – а я все о побеге, а он, – у тебя, брось эту мысль, что я скажу Палагеи Захаровне, как приду домой". А они здесь оставили мать, это здесь у нас, вот в хате была, да, мать и отца. Да, и мама их похоронила, ну как в Преславе похоронили, где там, как их там хоронили, мать, да наверно вырыли яму бросили там, да. А я нет, так от, мне, нет, мне надо в армию быть, где там, это партизанам, не жалел себя.

[По молодости] что-то не обдуманно. И от щас так думаешь, как быстро время прошло, уже и собираешься умирать, время, вот очень трудный период был. [Это пребывание в Германии], увидели, что надо жить как-то по-другому. Понимаешь, потому что они там жили как-то более. Ну у них там тоже была картная система, да, система карточная, но все равно, там у них как-то, понимаете, вот у них там отношение там другое. Кругозор жизни как-то другой, шире кругозор жизни, там приехал увидел и шахты, и побеги, и в хозяина.

Там у хозяина считай три года, больше трех лет, работал у хозяина и можна было и оставаться там, и остаться. И жениться можно было, наверное, потому что здесь приезжают многие, так отец и мать уехали в Германии, тоже так их выслали в Германию. Они приезжали сюда от та семья, я там с ними встречались, они так примерно знают там где этот город Гам, Доркмунд там, Бохум, Эссен, там Кёльн там рядом. Страшно там пережитки, там Кёльн, там бомбежки, там от города Гама, там такой небольшой городишка, тысячи три.

Там же город не как у нас, я думаю, черт побрал, я еду в Преслав двести километров, город Запорожье, двести километров, ну что я проезжаю, от город Токмак, это город нашел, это если через Токмак, если через Мелитополь, Мелитополь это городишко. А там, от я убежал из Бохума, там Доркмунд, десять километров, ну думаю где-то уже под французской границей, да нет, где там, там все поселки, поселки, там города, шахты. Рур бассейн там, ну, наверно, в Шилезии, там где-то, наверно, возле Польши, там Литвы, там мы как ехали, там пески так, да. Только единственное видел, мы ехали машинами, а кушать же хочется, и вдруг, там военные шофера, скат пробило, я спрашиваю, сколько ты там будешь, я уже не помню сколько он там, та будет переставлять и я побежал, побежал там, как это, там пески, ну прилегающее у

них там... Балтийское море, там где-то ехали, да. Там твердое покрытие все было, да.

И побежал далеко, слышу домик какой-то небольшой, какой-то хозяин жил, хозяйский дом. Дом брошен, только я заметил там у доме, наверно гора перьев, у Германии, шо б вы знали молодежь, у них там во всей Германии, там климат, у тех французов, бельгийцев, у тех там, да, они там где сплять, они не топлють. Значить, две перины, одна перина внизу, другая перина вверху, мы там одеялами, подушки там перины, и я так тож был у хозяина, где лошади, там в сарае, была комната, там в сарае. Там, рассказывали, там и немцы, после десяти классов, он обязан отработать, от у хозяина или на производстве, так от поймали то начали, ты от должен отработать, там где-то дороги, тебе вот в школе вменили отработку. Ну так от там, значить, перья, ну я побежал нарвал яблок, да, ремня не было, ну скинул рубашку, нарвал, сколько там нас было у машинах людей, женщин, детей. Одна семья, тоже выгнали, он с этой Кирилловка, от это какой район... Акимовский, да. Ну он шофером работал раньше, ну там выгоняли, там и бабушка, значить, его, или ее мать, и ребенок был там небольшой. Я там раздал, себе там парочку взял тех яблок, ну потом отак.

Ну, и вот так в 45-м году, где-то начало мая месяца, мая месяца, где-то там было, значит, и американцы и англичане. Бомбы же, не выходили, значит, без конца, день и ночь, тревога, тревога, работать надо, а тревога, тревога. И ото пришли американцы, а потом ту землю передали англичанам. Ну американцы были как-то более, у них было, понятие, как чувство армия, а у англичан они противные как немцы, жутко, там они как нас позабирали, и пошли ж в город Ганн. Люди ж идут, тысячи идут на восток. Куда идут? Бросали заводы, свободный народ, идуть, и грабили по дороге, где кто поймал начали воровство, немцев обижать начали там они, одежу забирать, слышу, они начали там группироваться немцы, от чтобы отбой тем от хулиганам. Ну, в общем, так ото нас в этот город Ган догрузили, там так этот от какой-то цех деревообработка, ну там от делали от кабины кто как делал. Были какие-то полотна специальные провозили, как из бумаги, скрученная бумага, такие холсты большие, от делали бомбоубежище. Эту территорию нам, передали англичанам, и начали люди дырки находить, убегать и они начали стрелять, убивали наших, расстреливали. Так что американцы там народ более такой собраный.

От хозяина я ушел, значит, может еще и не ушел бы! Я даже мысли не было, когда в том селе все поляки, идуть все и говорят, ну там поляки хорошо понимали русский язык... [С полячкой жил, выучил немного язык]. Если б там от полячка, так я даже могу от к полякам уехать

туда “шпрехать” по-ихнему, да, и песни пел, значит, по-польски. И идут, значит, от я хотел уже поехать и лошадей уже запрег, гарбу, значит, поеду сена привезу. Когда, думаю, не *[нерозбірливо]* не распрег, он как был больной, хозяин, я забежал, и он понял. Мариха, он Фриц, а она Мариха, а у него была дочка одна Едита, вышла замуж там, *[нерозбірливо]* наверно восемь, за одного офицера, значит еще год. Где-то год там прошел, в общем, она еще успела родить девочку, и когда он меня послал Едиту проведать, я поехал велисопедом, от там же была линия осады, вот там же были окопы, там же немцы сидели, там пули свистели, но я не имел права так подчиниться, так меня там остановили, понемецки так “турик”, “турик”. Я говорю та хата там, в общем, показываю, значит, и забежал туда, и Едита там маленькую девочку, там месяц был этой девочке, на руках так взяла, она красивая была эта Едита, у отца, такая струганная, такая выточенная, а он летчик был, то ж приехал в отпуск, то ж они поженилися. Да, короче, я забежал, от попращался с ним и в этот Ган поехал.

А дней через семь, ну такой, жулик, наверно, такой, белорус, он потом мне писал, я был в Батуми, когда с Германии сюда прислал, я уехал в Батум, в Аджарию туда, он писал мне, что он у городе, Грозный же белорусский город... Гродно, он сидит в тюрьме, ему дали десять лет за какой-то убийство. Ну, он был молодой такой, лет семнадцать, парень хоть не воспитанный. И он одного пацана поймал, нож поставил, взял велисопед, и на нем ездил, я говорю: “Миша дай мне велисопед, я съезжу туда, може картошки привезу оттуда”, – да, а там километров семь, восемь от нашего лагеря, от этого сборного места. Приезжаю, они рады, довольны, и эта Мариха говорит: “Антон, – они Антон меня звали, – запряги лошадей”, – это то шо я сено хотел привезти. Там накосил, оно сушеное, я ото привез, в сарай лошадьми заехал, распрег лошадей, поставил в сарай лошадей, одного Ганса и Нильса, я на них три, та четыре года на них ездил, они как мои лошади, они меня знали, красивые такие, особенно Нильса, когда была тревога она, там стреляють, копають, а я на коне, а там был блиндаж, возле дороги блиндаж, а я когда сяду на них, Ганс бежить сзади, а Нильса, значить, не видно, это от нее пыль.

Да, значить, и шо я делал, буряк я вез, ну в общем дала много буряка, и все оте бауэра, которые там же у многих поляки работники были и русские, и другие были, были и богаче, и лучше лошадей не было как ото у Фрица. От один пример, шоб раньше где-то они в гости поехать, то мне: “Ты там, Антончик, запряги”, – запрег. Нильса все подчиняется, все запрег, все красиво, вот они сели во дворе, только туда, а она не хочет идти. От она вышла на дорогу, на асфальтовую дорогу и дальше

не идет, танцуеть, становится на задние ноги, туда, сюда, вот кричит: "Антон!" – я сел, все. А там бауэра, кто смотрят, что же дальше будет с этой лошадью, я сел, она пошла себе, и поехали в гости. Вот какая она животная, она чувствует, умная. А он как не, Антон тогда ездил на ней, кормил ее, как хозяин был. Ну что народ, как мы народ, шо они там тоже возмущены были, те немцы.

[Так, отношения были с другими, с поляками, с французами, с бельгийцами, общались] Это от когда я уже убежал, то ж я был в шахте там, там только с немцами и с нашими, каждый в где-то ждеть где кусочек хлебушка достать, в мыслях, пришел, упал. В бараках такого разговоров, потому что все были худые, голодные, обозленные. В шахту под винтовкой, с шахты под винтовкой, там скупались. Я там восемь месяцев был, я потерял все, одни косточки во мне остались. И то когда я один в тюрьме лежал, я думал кошмар, это и нам будет то же самое, мы ж там не крали, у них там страшно было у немцев за воровство. Тут если попался за воровство или сразу убьють или ты умрешь, или в концлагерь там на сжигание.

[У бауэра жили, там полька у них работница], ей было лет сорок пьять, наверно, около пятидесяти, старая. Ну ей немножко не повезло, она была ну не дебилка, ну так не в себе. Ну она там рубала дрова там за сараем, там она же кормила свиней, вечно ж грязная была, грязная, когда мы идем кушать, то садимся отдельно, дочка, сын, там бабушка, хозяйка и хозяин, а наш стол рядом. Мы не имели права там садиться, надо расы соблюдать, хоть они тогда и не знали, что я болгарин, а говорили, что болгарин, она полячка. От она приходит там такая грязная, а я ее беру так за ухо, иди умойся, ей там по-польски говорю иди умойся, она там бурчить. А хозяин был интересный: "Антон гуд!"

Ну а готовили кушать, то что они готовят только и нам, я ни разу в жизни не наелся там. Они же там не работают, я же мужщина работаю (от по-болгарски "паничка", да, тарелочка), тарелочку наливают, и там наливают тарелочку и бабушка: "Гелю" хлебушек, Антон хватит". Им все хватало, а сам бы сожрал еще столько же, сколько они поели. Ну потом думаю зачем, ну я стеснялся, там девочка была, такая красивая, Эдита, она смотрит, от тут какая-то свинья, прожора. Отношение ко мне немцев было хорошее, а может потому, что я такой человек, хорошо работал, и хозяйство держали.

[А домой как, в лагерь для интернированных]. Да, мне, значит, надо было уже оставаться служить в армии там. Опять, зачем, ну как это так, ну после того, значить, везуть, всю молодежь, всю до 50-ти лет оставляють. Туда, в Беларусь там или куда, отправляють только детей, стариков и женщин. Ну, значить, мы ехали сразу машинами, наши,

наши русские машины, наши солдаты, там по договоренности, увозили нас американские, вот “Шевролет”, “Форды”, те от большие. Мы, значит, машинами, наверно километров двести, а потом, значит, вроде линия, наша там была зона, да, значить, были уже вагоны, только маленькие вагоны, обычные, у них рабочие вагоны небольшие такие, там бельгийские вагоны, там буква была “Б”, вот такие зеленые все.

Ну, вот так потихоньку собирали, где-то как бы такой лагерь, ага, потом грузють дальше, отбирають женщин, детей, калек, стариков, а всю молодежь останавливають. В военное обмундировывали, вже роты делали, какая там работа, расчищали там завалы, дороги, песни пели там, уже там старшина, командир и все. А я говорю нет, я от немцев уходил, под паровоз, думаю, тикал, думаю нет, я поеду в Преслав, узнаю живые ли там все в Преславе, а тогда пусть забирают меня хоть на пятнадцать лет в армию.

Ну, а все время думал о Преславе, хотел посмотреть как там дома. От я после войны рвался сюда, куда там армия, как там мобилизовывали, отак раненых, грязных в крови, одевали там грязную спецовку, и едем там, дома, там дороги, и куда, я решил, дороги немцам расчищать, да плевать, если я у немцев под винтовкой шел, под паровозы бежал, а тут я! И я маскировался, поедем в Преслав, посмотрю как там в Преславе, потом как это поэт наш Шевченко, да, двадцать пять лет в армии служил, да.

И я домой поехал, а вот этот беларус Миша, они, в Беларусь, у них, когда еще в 44-м году, брал, и детей брал и женщин там подоскал, все брал, готовое рабов брал, раньше там не было, и там с одной деревни брал. От это Миша там, еще, так они были белорусы и якось с теми женщинами, как только тупик, они меня одевают в женское, юбку одевают, и пропускают, женщина, и так я ехал. Так я доехал, значит, приехал я, не помню какая-то станция, там уже агитация, рассказывают как немец издевался над нашими, там все женщины, рассказывают, раз все видели, да. Быстро, и я первый, первый из Преслава, первый приехал, никого еще не было. Тут прибежали человек триста, родители: “Нашего там не видели, не видали?!” Я всех потерял, а тех своих с шахты, да отак.

Потом пришел сюда, 46-й год, голодуха, шо делать, я знаю папка там работал на подставе, пойду там немножко попрошу там его, он там муки немного дасть, в сумочку. А у мене был костюм, один-единственный был костюм, такой тройка, а отут Еговы жили, отут сразу, от здесь сразу Матю был, а здесь этот, щас, Егов, он был комбайнером, и видел как я шел в этом костюме: “Я видел у вас этот костюм, не продадите мне, я вам дам 30 пудов хлеба?” И я снял этот костюм, потом мама продала, да, я отдал этот костюм. А село же не паспортизированое, а как же уе-

хать?! Председатель мне дал, сельсовет мне дал справку, повез, значить, в район, он взял этот, значит, открыл ящик бросил и нет, нет и все. Один из милиции, материн знакомый, да, там был, где-то в селе встречается, значит, как дела, та от плачет, значит, надо поехать, а паспорта не выдають, говорить ладно, пусть завтра приходить туда в районную милицию. Я сказал, что у мене семья большая, отец раненый на фронте, голодуха, а восемь детей, да, и он все подписал, я получил справку. Но у меня есть сестра Тоня, не Анатолий, Тоня, Антонина, я значит те справки что дали в сельсовете, мене вернули, я сижу, а тогда же это света не было, это, значит, масло постное, делали на блюдце, и фитилик делали, отак жили, щас прекрасная жизнь, кругом музыка, свет, машины, а тогда какая-то кошмар, это ж дикость! От сижу вечером и нашел иголку такую пошел, и надо ж было поменять буквы, что б же не Анатолий, а Антонина, ну значить сделал, сделал. Ну, значит, потом по этой справке она получила паспорт, и мы уехали с ней.

Куда ехать, не знаю. Есть очень много с Преслава, Гурьев, тогда от этот, забирали много, забирали, и щас там послали в Кутаис, на этот завод, "Колхиды" делать, Кутаис. Вот преславский был Милю там, Андрей, мать, значит, взяла адрес его, и написала. Пока мы ехали, рассказать. Мы, значит, у Ростове, в Ростове сидели 15 дней, не могли уехать. Море людей, тысячи, это Ростов, это туда переехать туда Кавказ, один, 92 был поезд был Москва, с Холтубы, Москва, знаете с Холтубы, он раз там проходил, как только утро режистрирует, кто когда приехал, после этого уже ничего нет. И от сидим, от там в училище вместе мы тогда до войны поступал, смотрю один *[нерозбірливо]* подруга ее была, Машка Рогова, тут на углу жила, и Тоня, сидим на перроне. Я пошел, а тогда такие конфетки, подушечки были, такие подушечки с начинкой, пошел, значит, три купил, кипятка там набрал, был там у них на станции, и сидим.

Смотрю рыжий, рыжий, такой боевой, такие, тогда не было погонов, а какие-то тут бабочки, в общем офицер, он старший был, тогда был, он сам был из Борисовки, Григоренко. Я, значит, крикнул: "Ваня", – а он, значит, там в Минводах уже служил. Ехал в Минводы, а значит, объявили на Минводы поезд, посадка. Я таки так, пятнадцать дней тут сижу, он, значит, схватил те билеты и побежал в кассе закомпостировал. Я радый, ну довольный, а он закомпостировал, не знал, через Баку, в Баку мы ехали. Тут такой дощ сильный льёт уже, это было осенью. Подъезжают, те от вагоны, товарняк, и там цыгане играют на гитаре, ну там засели, мокрые все.

Ну и поехали в Баку, там тоже невозможно было взять билеты, там вообще такие хитромудрые, мы стали последние, значит, как начали

давать билеты, он взял нас повернул и нас самых последних, сделал первыми. И мы получили билет на Тибилиси, поехали теперь в Грузию, поехали на Тибилиси. А там на Тибилиси, Кутаиси, а там и на завод, да, нашел я там этого Андрей Петровича, да, Милева. От он там был, наших там много преславских, а он там был как писарем и поселил меня, значит, ночевать, в этот, ну там были такие сборные с щитов домики, дал матрац мне, по-человечески, дал подушку. Я от встал, а на мне миллиард вшей, на мне кипит, невозможно, там же у них и эти, и японцы и все, кошмар. И вот мы там немного побыли и меня, значит, бери крановщиком на завод, а женщин там вообще оттуда, они не котировались.

И мы поехали в Батуми, на Цитрускомбинат, там побыли, я там наелся мандарин, в первые день я съел 32 килограмма мандарин, скажите дурак, не поверите, за сутки, мы грузили сутки, 24 часа, ну от в одном ящике 10 килограмм. Ну таких как мандарины здесь вы их не покушаете, и я их не покушаю, там, значит так, пятерка, десятка, пятнадцать, двадцать пять, тридцатка, и все тридцатка, и сороковка. Значит, там же высыпают машинами, и от там конвеер, ищешь свои очки, и от это мы там грузим Сталину или кому-то в Москву. Ну, мы, значит, у халатах грузим, в углу где-то ящик, а шкурок же много, и мы в туалет, а там женщины моют, и мы забили туалет. Ну, пожаловались там Жопаридзе, там директор, такой здоровый был, шо там же нет дырки, некуда ходить. И он, значит, взял ребят, ну там грузили вагоны: "Ходыть сюда, – идет впереди потихоньку, ага, – открывай двери, – открываем двери, – где дырка? Нет дырки! Где ходыть будем, нигде ходыть не будем!" Мы стоим, и он говорить, значит, показуеть, вы поставте в вагон ящик пустой, вы туда шкурки носите, и пусть Москва едуть и потом выбросять.

Ну что, нашли проволоку там, значит, отак. Ну а потом я пошел у порт на погрузку, грузчиком работал, хлопок, 215 килограмм тюк, сахар – 96 килограмм, сейчас сахар 50 килограмм, а тогда был 96, особенно этот... А во мне 60 или 70 килограмм, это кошмар, и так целый день. Тогда у меня хоть мускулатура была, так раз туда и отак... А потом, как уже наладилась жизнь, в 49-м году, мама говорит, все ровесники мои, в Запорожье их взяли тоже на завод, там в ремесленные, приезжают на выходной день, а мать видит меня нет, говорит: "Приезжайте, я от плакала, ребята приходили ко мне во двор – "Где Анатолий?" – а он там где-то в Аджарии там находится." Ну, я там долго был, я там, я на счете, я на всех пароходах работал, чикался грузчиком, когда работы не было, я и грузчиком был, как пароходов не было, на всех там чистильщик, там лебедка, я все время был морским. А бригадир, значит, был береговым, потому что, там от знаешь на берегу такая

работа строгая. Один раз я порвал, английский пароход был, трос я порвал, прозевал, там такой был трос, рванул, свет погас, ну я думаю, ну все, щас опять КГБ появится, опять турма. Ну, он погладил меня по шее, там все у них запасные троса метров по 15-20, подключили и все нормально.

[Сельское хозяйство] мне не надоело, если бы не было 46-го года, этой голодухи, я бы наверно не уехал, я бы остался наверно здесь. Почему, бо вже девчата были знакомые, да так от, да, красивые, умненькие. Ото так решил, ото ж оставаться здесь, а потом, значить, семья, поеду где-то в район, там где-то, шо-то, денег може вышлю им. Отец был раненый, у него, значит, в этом 44-м году его с Урала комиссовали, уже не годен был он в дальнейшем, хотя мог бы еще по военке, да. Его опять узяли, значит, болгар узяли в Гурьев, а всех там, ну евреев, там, *[нерозбірливо]* взяли в Донбасс. Ну а поскольку у отца там рука калеченая, у него там газовая гангрена была, он там был комеренщиком, а что такое комеренщик, вы наверно не знаете. Это, значит, с этого вода сходит, там же это внизу, сверху вода сходит, а там стоит один котел, а там стоят насосы, называется комеренщик. И вот это он включает-выключает насосы, и подает на гору вот эту воду.

Он там, значит, у шахте, здесь голодуха, ну куда, вот я и поехал. Поступил в мореходное училище в Батуми, а значит, нагрузки, в общежитие придешь, значит, пропустил там лекцию, эмоции, там надо сдавать, там курсовые, нас там было пять человек, один был только там Васька [Мясь] и он кончил, от Одесского филиала, там от Одесса, там был. И там же возле тюрьмы, далеко от училища было, и транспорта ж никакого не было, а там зимой снега, там вода, дождь, ну и как задолжалися. Ну и как нас вызывает директор, ну что задолжалися и говорит: “Ну, что дэлать будем? Учиться думать будем?” Я говорю: “Я от в общежитии живу, есть нечего, там готовить некому”.

Ну что, или надо учиться или нас отчислят, ну что делать, опять мы учебу бросили и пошли на курсы шоферов. На курсы шоферов, было тогда три месяца курсы. Ну, тоже туда походили месяца полтора, тоже там этот ну, директор, говорит: “Вы или учитесь или что там”, – ну, он спрашивает там где гайку в моторе, а мы не ходим, ну не ходим, там же он отмечал. И от так в Батуми проработал.

И в 49-м году я приехал сюда, девять дней я побыл, как раз приехал я под май, и 12 дней побыл всего я дома, потому что тоже такой год был плохой. Так давали, на трудодни мало, да тут и некому было зарабатывать, отец там один, а мать там восемь детей, и я поехал в Запорожье. Поехал я в Запорожье, поступил, значить, на силикатный завод. Ну и опять мне там повезло, поскольку может такая шустрость моя,

там меня поняли, там я поступил слесарем, мне дали пятый разряд, лучше чем главный механик треста, где папка работал. Одно время пришел, значит, был пресс, и пресс, значит, поломался. Там такая пресующая серьга унизу, тяжелая такая, через станок, а крана не было поднять посмотреть, надо было снять, от эту и поставить запасную рабочую на пресс. Там один Гриша, я ему казал: "Ну как, давай, наверно, берем лопаты", – ну а крана нет, вырываем яму, лезем туда, посмотреть устройство, как там. Ну там мы посмотрели, потом позвонили там ему, ну он приходит, посмотрел, да, говорит, можна снимать, и мы сняли, и он мне шестого разряда дает слесаря, он мне месяца через три мне и седьмой разряд дал, да, потом меня мастером ставит, исполняющим обязанности. А потом я поступил в техникум строительный, на ПГЗ, промышленно-*[нерозбірливо]* строительство. Вот там четыре года, окончил и Институт индустриальный запорожский. И отак был начальничком, директором, замдиректора, главным инженером, мастером, да.

Да, значит, дальше. И когда я работал начальником цеха, после окончания вот этого, у меня же диплом был уже строителя, хотя я не рвался, потому что там вечно, как от говорил Райкин, кирпич йок, раствор йок, это от там по-татарски йок, значит "нет", и где-то до десятого йок, йок, а после десятого начинается работа. А там производство не рентабельно и начинается, по плану, там так да. Тем не менее, там работал, в прошлом месяце там получил Орден трудового красного знамени, щас там доплачивают, и там другие медали были у меня. И когда я был начальником цеха, колхоз, когда пришел Хрущев, начали, как там было, значит, из стотысячников всех городов, значит, надо послать в колхозы, во все. И мене туда впилили, значит, я должен был быть в колхозе потомным колхозником, там председатель свой, нормальный.

А у меня жена Вера Федоровна, медик, ну медсестрой работала. Да, и от пришел, значит, и отак и так, ты знаешь что, есть такое рекомендация в райком партии идти, там сказали на собеседование, на какое время прийти сказали там, надо написать анкету, где ты там родился, крестился и где ты там. Она мне говорить: "Значить, ты можешь ехать в колхоз, я с твоим чемоданом никуда не поеду", – это годик был сыну. Три раза я говорил, желанья не хотим, ты мой мужчина! А тут по проспекту Ленина, отут щас, где вторая детская больница, от там в этом здании был там наверху райком партии, а внизу там что-то. Ну, я захожу к нему, он говорит: "Ну что, написали анкету?" – я говорю нет, надо ж там им отчитаться перед Хрущевым, что посылают там, значит, его ж там обком давить там по партийной линии, это ж ясно. Я говорю нет, потом что-то меня, в голову стукнуло, я говорю: "А знаете, я готов идти, я думаю это постановление партии, надо людям помогать!" А по-

том после того у Беленькой, у Беленькой там школу областную организовали, шесть месяцев там агрономия, ну как трактор там, как сеять там, а потом их же там направляли по колхозам на агронома, там на председателя колхоза. Да, а она не хотит, не хотит, и от меня отстали, а до того парторга сняли, исключили из партии, за то что он меня не мог сорганизовать... *[нерозбірливо]*.

Студентка там была в школе, она кончила институт, от я не помню чи как она попала в Белорусию, еще ко мне пришла, я был начальником цеха на силикатном заводе. Пришла студентка значит, Маслякова фамилия, а мы потом разговорилися, я откуда, а там был детдом, а я там в школу ходил. Но вот это женщине не повезло, это у нее муж, поехал работал на трубоопорне, их послали в Индонезию, и тут китайцы решили сделать революцию, да как у нас революцию, а президент был там Сукарна, а министр Сукарта. И вот президент Сукарна был за революцию, потому что они там жили бедно, там же их тысяча островов, ну и китайцы помогали, там активисты, коммунисты как бы, ну в общем путч не удался. А у Сукарта оказался двойник, двойника убили, а он остался. Ну и он был министр вооруженных сил, и поднял это все, подавить это все, тогда что-то помню, 6 миллионов было расстреляно невинных людей, и там те Сукарна и активисты, кто там был против той власти.

Ага, а так, как я понимаю, там написали из Москвы, там какой-то человек, у них посольство, там люди выполняли свои дела, они там помоему, строили суперфосфатный завод, и когда вот эта резня, то все посольства повыходили и только вот России, Советского союза, и может там других государств. А потом вскорости его послали на Кубу, и Машенька Маслякова с тем поехала. Жили за хмарами, на каком-то этаже, как она рассказывала. Да, ну потом вроде она как заболела, поженски что-то, там же врачи были, в посольстве были, там же американцы рядом, там все строго, там же партийные ячейки. И от она обратилася, а врач был с Москвы, женщина, врач при посольстве, ну там не только врач там и медсестры были, и говорит: “Машенька ты езжай в Союз, там тебе больше, там тебе полечат, там все эти воспалительные дела”. Ну там Петя той, остался там, и связался, он уже гулял с этой, врачихой, и значит был договор, чтоб ее обмануть, чтоб он улетела в Союз. А сюда приехала, говорят все нормально, никаких позывных нет, просто какое-то обострение.

И он приезжае, Петр Масляков, с Кубы, и значит, в Москве, и за купоны, покупает машину, 21-ю Волгу, там кабри, туда-сюда *[нерозбірливо]* и он значит в машину. А купил квартиру, тогда продавали квартиры, так кооперативные, поставил в гараж и уехал, а потом, обратно

приезжаеть, она едить в Москву, а он приезжаеть домой, и сказал, что Маша, что у нас все так и так, я тебе оставляю квартиру, тебе оставляю гараж, машину, да, Ирочка была такая девочка, отличница... А я работал на силикатном заводе исполняющий обязанности главного инженера, потому что он был студентом, защищал диплом, шесть месяцев, и я, значит, был начальником цеха, и главным инженером, и там производство у меня хорошое было, особенно там ну начальство, ну там начальство треста, прошел там механик, иди провожай, прошел там *[нерозбірливо]* от механик приходит, там из редуктора масло бежит, а Машенька работала, значит, в лаборатории и на АТК работала...

И на производстве отличился, и был заминженером *[нерозбірливо]*, да, там транспортом. Потом это начали в Сибир, Урал, лес там строительство. Отак я и дожил до 85-го года, пошел на пенсию, и опять пришел сюда в Преслав, завел курей, завел уток, бык там был такой здоровый...

[Когда приехали в Преслав в 39-м году с семьей], ну нас, значит, повезли у бригаду, раньше были бригады, там, значит, председатель. Отец был, значит, папа был, он определил какой бригадир, от вам, значит, от ты, ты, ты, и от вези там привози. Ну, сразу была зима, там везли через степ, там где-то сорок километров от станции, и вроде не обморозилися, все нормально, приехали в бригаду, встретили нас отлично жители там соседи, если там хлеб, капусту моченую, там огурцы, лук, все. Ну а потом, через, мы там побыли дня три-четыре, а потом мы сняли квартиру, и жили в квартире. Ну, там, понимаете, как-то площадь, сараев там не было, ничего не было, она жила бабушка из дочкой, бабушка старенькая, а дочка здоровая такая, но она была ленивая страшно, не работала. Женили ее там, на одном Вани, потом война, а он был танкистом, служил в армии, и его убили, ну она так и осталась, теперь получает пенсию, она теперь тоже почти покойница. Мы там года два прожили, хорошо мы там жили, но тесновато, отец там принес поросеночка, то вырыли яму, и в яме держали поросенка, не было сарая. Потом там был еще дом один, мы там должны были жить, да, и туда переехали, на два хозяина, да сарай большой, амбар, я там голубей водил, как пацаном был.

Ну а там по той улице, а у меня была сестра Тоня, щас покойница, такая смазливая, интересная девчонка. И вот молодые начали лазить и искать ее, где шо-то шубуршат, один раз пришла, другой раз пришла. Тут отца ж... Ну его в 41-м году ж, ну вскоре война началась и его мобилизовали, где-то там кинули в Крым, в Сивашах где-то там. Потом его тяжело ранили, не, сначала легкое было, там на переформирование и там потом второй раз его осколок там или снайпер, под левую руку

там лопатку, ну и осколок там или пуля, ну видно там зараженная, у него газовая гангрена, и он аж там на Урале лежал. Ну, там выздоровел, там комиссовали его, ну приехал домой, и тут начали делать его председателем колхоза. Он самоучка, он так читал хорошо, читал журнал и разбирался в политике, а арифметики не знал, там расписывался кое-как. А там же надо хозяином.

Да, и в этом доме мы жили, отца забрали, меня забрали в Германию в 42-м году, и мать вынуждена была уйти из того дома. Там за селом есть колодец, и там площадь, там далеко, стоял Кооптах колхозный, где курей тогда держали, птичник. Здание стояло, курей там поели наверно румыны, вот она там жила. Да, я, значит, ушел в Германию, забрали меня с той квартиры. А когда я пришел, значит, здесь жил, той я говорю, здесь жили на квартире, той Варвара, она была холостячкой, лет наверно двадцать ей. А здесь жил один украинец, как же его фамилия, забыл, отец, мать и он. И от отец значит поженил их. Да, и значит, он ушел, семья ушла до ней туда жить, а эту половину мы заняли. Тут одна женщина была. А потом эта женщина вышла замуж, и так мы в этой хате остались, отак от.

Потом это хату начали продавать, я был там в Батуми, на погрузке работал, мне присылают письмо, денежек нет, ну 46-й год, после войны, откуда, ни на трудодни, то их писали, а ничего ж не давали на них. Там те кто приближенные те жили там, ходили там помощники, учетчики там, председатель. Ну, а оно семья большая, ну оно то бестолковщина, оно хорошо, но иметь на то время. Оно и сейчас такое, сколько там дают, того нет, того нет. Ну, вот так мне мама присылает туда письмо быстренько, шо надо две тыщи с чем-то рублей денег, надо хату купить, сельсовет дома продает хозяйские, а так кто другой может купить. А так я купил, у меня документ, там оформляют у нотариуса, как они там оформляли, я не знаю, или в сельсовете.

[А когда жили у женщины с дочкой], они были болгары. [По-русски говорили] они плохо, а Варвара она и умирала, она была настоящая болгарка, такая интересная, высокая болгарка. И когда от Иван, от убили и она больше не работала, она получала деньги за утрату, и отак и бабушка. Ну мы сюда приехали, еще пацанами были, ну в школу ходили и как-то там на русском. [А в школе как были русские и болгарские классы вместе]. Да, это как 33-й год был дети поумирали, родители еще тут были, тут детдом был, ото где вы сейчас находитесь, то был детдом, щас там интернат для тех, кто плохо учится *[нерозбірливо]*.

[Были здесь между болгарами и русскими трения]. Да. Какие от трения, это щас я понимаю. Это от, болгары, понимаешь, было у то время, ну они это где-то у 1865 году приехали, это где-то сто лет прош-

ло. Вот этот дом где-то 1900-го года. Ну, как-то старалися, особенно женщины, старалися выйти замуж только за болгарина. Традиционные это там у них вечеринки, хоро танцевали, карканьяк, собирались, видели как там молдаване, там гуцулы так танцують. Отакие там были танцы... [Там были не только болгары]. Да, все вместе были, болгары, там кто был, там не было. Меня никто никогда не оскорбил, чтоб там обидел, что болгары, я всегда там был на конюшне, там баловался с этими, там были конюха болгары, народ такой самый, славянский народ, да. Мне кажется, там не было таких чтоб, единственно что, было, значит, пацанами баловались, нас называли “алкэ” – русский, и “дзурла”. Значить, “дзурла” по-болгарски это “морда свинячяя”! Да отак как обидется, да “алке” или “дзурла”. А мы их называли “соленые”, это от еще бабы старые которые, от говорили, если что там, ну как ругня: “Ах ты соленый болгар!” Они почему, там солили помидоры, огурцы, капусту, вот это у бочку, и не знаю откуда взялось вот именно соленые. Вот тут щас один армян, но отец его болгарин, а мать его армянка, Володя, там он пожарник. То как-то разговорилися, а там еще один и мы там разговорилися, как мы там раньше баловались, дралися, как друг друга обзывали, ты “дзурла”, ты “алкэ”, а ты “соленый”. Ну выходили замуж как кому там, ну как обычно люди.

Ну я там не знаю так, чтоб дословно. Ну я чувствую так, что не правильно от сказать, что женщина должна была выходить замуж за кого-то от другой национальности, нет, я не знаю. Ну ходили на вечеринки все, танцевали всякие танцы, танцевали там хоро и кавьеки и польки, те самие и русские, хоро, да. Ну сейчас заглохло, ни каркавьяка, нет, ну молодеж, бутылку пива, папиросу и историю не знают свою. От им рассказывают историю, они же не понимают историю, от как мы жили, как работали, как те колоски собирал. Я у школу ходил, потом где в шестом классе в школе, это от где шли, отам от где недостроенное здание, а налево там стоял большущий, это хозяйский, кулацкий дом, и там была кузня и мастерская. А когда уборка, я беру ведро, тогда ж комбайны, значит, а солому от выбрасывали, это сейчас солому в этот прицеп, приехал перекинул, а тогда нет, собралась кучка, дернул, на землю высыпал. Потом женщины собирали, окучивали, там женщины, по пять человек. И я воду носил, привозил, значит, водовоз, на лошади, я брал ведро и пока я был маленький, и пока донесу туда до них, а то далековато от этой бочки, и эти от кузнечики, шо прыгають, их там девяносто девять тысяч, прыг и в ведро, и от я прихожу. А болгары, там девчата, и это называлось забуреный, то есть они укрывали так, они, значить, так смуглые, чтоб они, значить, не загорали. Это от платок, это от молдаваны там, отак платок, покрывали, там сами, и от она снимает

этот платок, я ей от кузнечиков кружкой разгорнул, и она пьет. И я получал восемьдесят пять сотых, не я получал, на меня нельзя было писать, на маму писали, а у мамы много детей, она все время болела, болела бедная. Там глаукома напала на нее, она ослепла там.

[А вообще сейчас в Преславе нет стариков]. Ну их было много, ну они поумерали вже. А щас я не помню. От я часто выхожу, мне поговорить не с кем, от раньше тут был бык у мене привязанный, там птица, идуть там по-болгарски разговариваюь, кто по какому, подходять к сетке, так заходять. А щас там ни сына, все школьные друзья, там девчата, есть там старухи с палочкой. А так уже нету, я не знаю таких, чтоб могли рассказать что, такие что 35-го, 36-го года рождения, ну что они там знают, ну там колхозы, а так я не знаю. Это вам надо от сельсовета, чтоб с кем поговорить. Тут один был Гуня, он недавно умер, тот любил рассказать историю, свое происхождение, он в пионерском и голодовку перенес в 33-м. Там поумирали в семье, а он остался вроде бы там. Отак. Ну щас село совсем преобразилось по-другому, молодежь, особенно рухнула от эта перестройка не понятная, отпустила дисциплина, что хочу то и делаю, строю, капитал, какой капитал, где он взял его.

Ну вот пример, понимаете, ну как бы, ну уже в селе, вот Антипов, от я с ним тоже много раз сталкивался, да. Поскольку его дед моему отцу был друг, он был трактористом, а отец был у него прицепщиком. А тогда был “Универс...”, не “Форзон”, был такой трактор, манюнький такой, маленький трактор, там один он сидит, такой. И вот там отец с ним, значит, он никого не хотел брать прицепщиком, ну они подружились, и сказал, как в 41-в году отца забрали на фронт, но он остался живый, я не знаю как он попал.

Да, еще другое, отсюда, где-то в 42-м году, начало лета, начали всех эвакуировать отсюда, партийцев, всех, такой-сякой, сосед такой-то, и всех эвакуировали в Херсон, на какой-то камнедробильный карьер. И Саша Антипов, как он оказался в Херсоне с семьей, то ли он, я не могу сказать, с отцом, я с ним сколько раз там разговаривал там, он говорит: “Ну что я могу сделать, как поступлю, денег нету, надо то сделать, надо то, хоть сделали там от дождя там стоянки. Сколько просил в колхозе помощи, а он не давал ничего”. Вот так, отакие у меня были друзья.

[Тогда так... поговоришь]. От как я понимаю, ну ситуация *[нерозбірливо]* тем, что не такой чорт как его рисують страшен. Ну в основном, от у мене на заводе был случай один такой, был Васильченко Василь Григорович, начальник милиции, ну как он там попал на завод, я расскажу немножко позже. Работал он у нас експедитором снабжения, здоровый такой дядя, он в милиции работал, и рассказываю один факт. Тогда на Украине был министр вооруженных сил или внутренних дел

Успенский, в Украине. Оказывается он еврей, Успенский, как там я не знаю, как там в автобиографии, наверно.

Успенский, значить, приезжает в Запорожье, и значить, сколько 24 района у нас, и все начальники внутренних дел, районных там, ну прибывают на совещание. Ну тогда какой транспорт был, машин же не было, конные упряжки. У него там были двойка и тройка там, лошади были подобраны, и от начальник Гуляйполя, от Гуляйполя до Запорожья сто километров, и оттуда ехали, летели, что чуть лошади не упали, все были в мыле. Собрал, значит, собрал, тот Успенский и говорит... А значит, чтоб не забыть, а начальник Новониколаевского района, тогда Донецка, был еврей. Да, ну он говорит, ну мы так еврей, был начальник милиции. Да, я забыл, и фамилию его помнил, да.

Ну собрал, значить, и говорить, спрашиваеть у того Новониколаевского района: "Сколько у вас, значить, сидить под следствием". Он говорить: "Два человека". Тот сразу, знаешь, министр, только как сейчас бордели, понимаешь, а тогда еще да, министр, все были уверены что он, а он оказался агент, немецкий агент был, потом, значить, как оно или что он начал сажать, рекомендовал сажай, сажай, может дошло кому-то, да. И потом после трех дней, как все закончилось, у газетах, значить, пишуть, что где ищуть Успенского, этого агента, или нашли его в Украине, я щас не помню, ушел он туда к немцам. Кто был во власти, тот знает случай такой. И то от он: "Взять его", – а то наверно раз взяли то уже все, министр внутренних дел приказал, чтоб взять. Этот Васильченко Василь Григорович, там другие, он так: "Вы понимаете, контрреволюция кипит! – как будто он такой преданный, – кипит контрреволюция! А у него только два человека под следствием! Забрать его! – Ну и там: "Немедленно...", – ну они поняли, лови любого и сажай.

Так от Васильченко, за одну ночь, 42 человека, значить, в следствие. "Ты с кем там, как твой сосед?" – "Поругались, там за курей, пиши на него, что он такой, такой", и от с размаху 42 человека. Это их спасло, что Успенский, чем там оно кончится, а они там гнали и гнали людей. И он у нас работал, алкоголик, я говорю: "Слушай, дорогой, тебе сейчас, без суда надо, да, как ото раньше говорил Суворов, кто работал в интенданской службе десять лет, того можна и в тюрьму на десять лет". Там же все и масло и сало, и оружие, да?! То он пожилой был, там за пьянку его сняли, он был атеистом, все проповедовал, он спорил с попами, все там, значить, попы, это богословие, это значить, он был тако, знаешь, ну такой, высокий, такой, ну именно Гуляйполе, да. Он тогда много расказывал таких от...

[А медицина тут была]... Ну понимаете, тут сельская, ну как везде сельская, тут хвалють, от его звали... *[нерозбірливо].* Он старше, он говорит идите, если б я первый пришел, как щас помню, дедушка вышел, так очки снял, посмотрел на меня так скоса. Ну он слабенький, любит это дело, когда было сестра или мать больная, он придет сюда с похмельку, а как он пришел, наливають ему, а у него душа слабая, не отказывался. Ну от такие врачи тут были, не знаю, всякое, мне судить трудно о тех врачах. Тут был один, он говорят хороший, он и роды принимал...

Ну чудаков то конечно было много, это сейчас вспомнить так, у каждой семье, какой-то ребенок что-то... А есть такой, за него расскажу. Его все знают. Здесь, значит, были фамилия Тинкови, значит Тинкови сас долу, значить, с нижней улицы. Там значить, когда приехали болгары, на нижней улице начали делать поливные огороды, сейчас поставил мотор, дуеть и все, а тогда, значить так, назывался дуап, что такое дуап, это чертово колесо, от лошадь крутить, на том чертовом колесе ковши и от оно черпает воду, и едеть такой деревянный желоб, и идеть по вадам, там вады наверху. Огородников много, и от вода пошла, то пускають, там на перец, значить, на помидоры, на другой там огородик, тогда помидоры были отличные. И вот этот Тинкингарастенко, а они все вражду вели за Днепро, то есть за речку, ставили вентеля, ставили сетку и соревновались все время. Ругались, потом одного зарезали, это попозже скажу про это дело. И вот этот дядя Ваня, когда это он рассказывал, он в царское время, на Кавказе, тогда связи не было, он маленький такой был, метр десять наверно, ноги кривые, не красивый такой, и он, значить, от охранял, огороды охранял. И от, а мы говрашки, значить, когда-то это еще войны не было, надо ж украсть там перец, помидор, там нарвем, и все время одни следили, пацаны следять, где же он ушел домой, потому что он, если мы побежали, и наверно два километра надо бежать или три, то падай, все равно догонить, отак он бегал. Он говорил: “Я от в татарское время, – по какой-то там бабке, кто-то там командовал Катерина или Елизавета, и по Кавказу, по горам связь у них была, – почту носил!” Это послом, был скороход, да, такой худенький, маленький. Все говорили, что у него два сердца, да два сердца и коленка там что-то такое, смазка другая.

И от отца забирают в армию, да, забрали, я его с Приморска провожал, на второй день он записочку прислал, кто там. А от как щас едить в Бердянск, курорт, как же, назывался тогда курорт, щас это курорт, когда едите там на правую сторону... Ну туда там есть курорт, как же тогда его называли, значить, курорт, там был сборный пункт всего Бердянского, Приморского, всех там мобилизовали и там потом делали роты, полки и отправляли на фронт. И значить, бумажечка отца, ну он

так самоучка, так писал, и мать говорит: “Надо ж поехать туда”. Матерь узнала, что записку передали, там тесто замесили, там как на печенье, там на стакан, там в печку, там была такая наружная печка, напекла немного, там курицу зарезала, и дала большой арбуз. Тут один дядька в Бердянск возил, овощевоз, да, он уже умер и сын у него есть, и мать пошла: “Кирюша”, – там, я не знал, как там туда ходить, он мне там покажет, он же знал курорт.

[А так... молодежное время]. А-а-а! Ну в те годы как мы приехали, я малый был, в 39-м году я приехал, а в 40-м я уже в Запорожье был. Ну как от по памяти, там от за год, мотались, катались там, на коньках. А у меня были такие коньки, дутыши, у меня дядя, полковник, мамин брат, в Харькове, был начальник интенданского управления, Харьковского военного округа. И вот сколько раз был, сколько раз, чтобы взял брат мамы, на те тяжелый в 46-м году, хоть буханку хлеба даже не передал. И я когда туда к нему приехал, а он живет улица Анри Барбюса, значит тут улица и там площадь Дзержинского, идет параллельно или перпендикулярно, я не помню. И ресторан “Харьков”, и там был Гор... Харьковгортехпроект, по моему... [И он мне коньки купил]. Да, значить, это когда еще он приезжал в деревню, в Россию, и вот это не знаю где он их купил, в Харькове или где, или у него был сын Юра. И вот Юрын сын, Юра, наверно с моих лет или моложе, мама девятисотого года, а он на два года, наверно, моложе. Потому что Юра был студентом, брат мой двоюродный, в Харькове, а тогда ж в те годы были голодные. И от привезли в киоск хлеб, как я от своих в сад не водил, покупал там где-то чужое, что мама Пелагея Захаровна: “Ваш сын, Анатолий, что ему не хватает, все есть, яблоки: антоновка, семеренко!” Так и его, и он участник, с этого киоска по буханке хлеба забрали, студенты настолько были голодные, та что там, во время войны... Да! Так вот этот Юра, участник, и потом им дали по пять лет “свободы”, в Североуральск. И в Североуральске кончали институт.

[А вот на сидянки не ходил]. Нет, мне не пришлось, мне лет не хватало... Это наверно где-то с восемнадцати, наверно. Ну считалось как-то в деревне с восемнадцати, а не с шестнадцати, наверно не пускали на сидянку. И от, допустим, к нам, у нас сидянки, приходит в комнату, ребята на улице, мама сидить, мама с девчатами сидят вяжуть, и только женихи в окно заглядывають, какая невеста рукодельничает, одна шьет, одна вышивает, это от у любого спроси, это от у болгар. Это вот у нас армянин был, она и Маша, и куда идеть и значит мама и она под руку идеть, и домой так. Сейчас и до восьми часов утра родители не знают где их дочка, нет.

Все ходили, не было такого, я не помню, чтобы там такое, потому что моя сестра Шура старше, та ходила, что они там делали, я не знаю, по-моему мать не ходила, потому что у нее еще было семь, да гавриков, потому что беднота, что там.

[На сидянках все строго]. На танцы я ходил, щас это где хлеб дають, в этом зале были танцы, это была контора. Там в субботу, особенно в выходные дни, да в праздники, какие тогда, там выходные, тогда там танцы. Без мам, это ж уже было после войны.

[А до войны] вот этого я не помню, потому что я уехал в Запорожье, наверно были. Да, в 39-м я приехал, в 40-м я уехал, так мне не приходилось, ну, наверно, были. [Это свиданки после войны были. На свиданках все строго, только стой и в окошко смотри]. Да, только я не помню, как то, урка, да веретено, тот веретено делает, тот вышивает, тот шьет, рукодельничают девчата... На что будущая супруга, там и мать, да. А тот сидить и смотрить, да, будущую супругу.

[На танцах можеш пригласить]. Да, да. Ну тогда были обычно русские, болгарские танцы, карканьяк, полька, что такое еще. [Болгарские], ну рох в основном, хоро там отак, ну как молдавухи там, западенцы там танцуют, тук-тук-тук, вставай-вставай, та дара. И я, а как же, танцевал, а что ж на танцах семечки лускать. Была здесь одна у меня девочка, Маша. Так вместе в школу ходили, потом я уехал в Германию, ну так просто, не было никакого романса, так просто дружили, она уехала в Запорожье, а я уехал на Кавказ с сестрой и ее подругой. Потом, когда я возвратился в Запорожье, я встретили ее, я был уже кавалер, жила она в общежитии, я был кавалер, она меня с ними познакомила, красивая, хорошая была девчонка Машенька. Она вышла замуж, двое детей у нее вроде бы, и что-то у нее с глазами, она ослепла, какая-то болезнь, она ослепла и скоро умерла.

[Ну, а если с девушкой роман]. Ну как, обычно. От мы там как немножко на танцах, там от кончил рано, там до пяти часов, танцы там до одиннадцати или как, и идем там по улице, кто там идет и с этой молодежью идешь домой. Ну и там где остановишься и там побалуешься, там туда-сюда. Вдвоем или все вместе. И не было такого кто я по нации, такого там нет. [Целовались с девчатами], нет. Я тогда молодой был, как-то неудобно, там с девушкой. Такого как сейчас не было, такого разврата. Пошла бутылку пива купила, и курит, и целуються и прелюдно и все. И в кино показывают, тогда ж, понимаете не было, при советской власти, а теперь молодежь разбаловали, тогда же как-то была культура, кино, никогда, а сейчас, можем и голые, да. Все эта загранка...

[Даже если ты со своей девушкой, с которой ты встречаешься, будешь целоваться там на танцах!] Это вообще нонсенс, это не принято,

она б тебе никогда не допустила! А прелюдно, это вообще. Вот с этой Машенькой, идем по этой улице, вот до этого переулка, я сколько там ее проводил, вот все, досвиданье! А там где-то поцеловать... [А обнять даже за талию, взять под руку], это пожалуста.

[А так чтоб старшие рассказывали откуда там дети беруться]? Ну, я не знаю, я не могу сказать. Обычно, как ото по поводу религии, обычаи там, наверно тоже самое, обычаи, маленького там где нашлось у капусте, там отак... Это так просто и все, мне кажется, между прочим, там если б я попросил у мамы или у папы откуда я взялся, наверно и другой там и третий, и не только я, но и любой там болгарин, там румын.

Хотя чувствовалось именно дух болгарский, национальный болгарский. Все те танцы, обычаи, ходили в постолах тех кожаных и я ходил. Как только пришел, мать, давай снимай ботинки, одевай постолы и пошел. И так бегали, мяч гоняли в постолах, потом, значить, обычаи, болгарское, там же они были, там их Екатерина, вроде ж там была Екатерина, царь Александр, да, населял там болгар в Молдавии. Они ж сейчас начали, ото консервировать это бутыля, это мне кажется, вот говорят уже и медицина, это плохо. Кислоты там всякие, для желудка, для организма, для кишечника. Тогда, значит, так, начинается там болгарская капуста, еще такое хрумкое, морковь, огурцы, перец, этот большущий, бочка, значит, большущая. Когда его зимой примерзнет, такие все запах, вкус. И после войны, все меньше стало, меньше, ото обычай появился консервации. Пропаганда была консервировать в бутыля, в городе там, хотя и в городе, было пойдешь в магазин, а там бочка, как урожай, там и помидоры в бочках и огурцы были. А так чтоб национальное, так дружно были, ну там дралися, друг друга обзывали, от тебе по морде дам, а ему "соленый болгар", ну так как хулиганы. Ну тут наша семья, уважали тут нас все, и мать и отец был душевный такой, он такой аполитичный был дядька такой.

От он рассказывал, там у гражданскую войну, там он рассказывал у Харькове, лифты он подымал, значить включал, и когда ему хозяйка дома, ну там ее собственность была, написала записку, ну конверт дала, и написала куда на какую улицу пойти, а жил он там на Сумской. А Сумская улица, это была Молодежная, потому что как помните, Харьков был столица Украины, и прогулка без студенческого была только 48-й... по-моему, там до техникума, института. Там примыкает к улице площадь Дзержинского. А он не знал, и подошел к одной женщине, а письмо, и пошел и туда попал, и потом она узнала, что он грамотный, и она прикрепила там за ним своих служанок, и вот его научили читать, писать. Да, так он читал, память была хорошая...

[А за девчат дрались...]. Да, часто бывало. Когда, особенно после войны, помню тогда один случай был. У нас есть совхоз “Вольный”, там были пришли ребята, тут девчата преславские, тут вырезали такие проволки, начали тех бить, избивать, одного подрезали, чтоб не ходили к нашим девчатам. [Ну это так село целиком выступило. А такое, что нельзя на чужую улицу к девчатам ходить], этого не было, нет. Это так, в основном, как я замечал, это не в трезвом виде, это от понапиваются, и начинают, ага, зачем ты тут ходишь.

[Ну молодежь, бывает, когда-некогда, да, выматюкались]. Ну так, больше девчата и женщины, это было так не принято. А в основном, как ото история говорить, болгары ходили, от недавно как-то говорили в какой стране больше ругаются матюком, болгарам не надо было занимать, ругались страшно. [Матюки русские и болгарские]. И те, и другие! От даже, помню, румыны были, те и по-болгарски, и по-румынски, и даже по-русски, они на лошадях...

[И на речку бегали]. Там на речку все лето кисли это, а на море мало было людей, как-то было не принято, тогда все люди были заняты, работали. Молодежь там в степу были, в таборах, там пололи, транспорта такого не было... [На речке]. Все купались, вместе. Ну там девчат почти что не было, были только пацаны. Я не помню, чтоб с нами девчата купались, это было не принято. То где-то там. Отак и жили...

Каліцев Іван Іванович, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Я двадцать пятого года рождения. Я родился здесь, [в Преславе]. А наши деды, именно мой дед, по-моему, нет уже, [не отсюда], по-моему нет, потому что отца я запомнил, он умер в 1932-м году. По-моему не здесь, тут вот недалеко, через, ну через несколько дом, мой приятель работали мы вместе, он говорит, мой дедушка с Бессарабии, переселили, ему было два года. Считайте, когда это переселение было, сто сорок лет или сколько уже, примерно так, ну в общем мы живём в этом месте, будем справлять.

Ну как переселялись, некоторые на буйволах, или как назвать на волах, ну как быки, только они кастрированные. У нас там, под Инзовкой, были эти курганчики, или могилы, а наши их заровнили, кажется, от могилы, там от нашего села было видна, а щас уже понасадили посадки оно ж уже не видно, как было без посадок. Знаю, что эти могилы

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (2 серпня 2004 р.).

назывались “Корневы”, некоторые из фамилии Корневы прибыли, три тысячи, там, ну овец, быков или как там, ну что я запомнил, то рассказываю. Ну там уже начали, вот это, где у нас центр, раньше там был сельмаг, щас у нас церква там, его фамилия, как, как... кирпич завозили с Мелитополя на лошадях... [Чтоб тут строить]. Строить вот это вот, хозяйство, вот это дом, ну дом и... магазин, и это его дом разбитый, разбили, короче говоря, и как сказать, время такое было, что разбивали, щас вроде коммунистов и нету, а разбивают...

А, помещик, да, тут вон за речкой, оно заросшее сейчас, двухэтажный дом, в это время уже разбили, я работал там в совхозе, это *[нерозбірливо]* называется, так его щас *[нерозбірливо]* называем, ну так привыкли. Я работал там и приехали с этого, с Москвы геологи, где-то тут должен быть бассейн, ну черт его знает, они ж раскулачили. От, допустим, ты был молодой, начал работать, и запомнил, что тут снаружи есть сруб, бассейн колхозный, оно залито то всё, полно землёй чи кирпичами. Оказывается, под домом была эта вода, и почему она испортилась, геологи доказали, тут где-то должен быть бассейн и нашли, раскопали, вот это вот *[нерозбірливо]* там кирпич значит, молодежь то ли як, то ли, кто разбивал, кидаешь и всё. И действительно, почему вода испортилася, у нас что-то бросиное, чтоб она не портилась, под домом. А этот дом, вот я бывал недавно, ну там оно заросшее кругом, ну деревья, построенные людьми, то не было улиц. Щас улицы, есть там потому что, одноклассницы, давно не виделись мы, брали нас в Германию в 1943-м году, приезжали к нам в гостях эти девчата, ну, думаю, оно ж близкое, пойду я проведаю, да как ни став, это ж уже время, старики...

[Мой дед чем занимался...]. Отец? А шо ж он бедняком был, одна лошадь, там поделились как с братьями. [В революцию там...]. Так было время начинать землепашество, или как оно называется, ну так, чтоб богатый, он не был, не были. Братья уже, дядьки, вот на углу, я запомнил брат, и хозяин был, молотилка или молотарка, как называется, *[нерозбірливо]* был, молотили уже *[нерозбірливо]* на молодях, как считается, большое значение, это ж большой хозяин.

[К нему привозили молотить с села...]. По-моему соседи, может там кто, мало ему или не хочет заниматься там, надо ж во дворе сделать ток, чтоб молотить, тут вот в огороде сделаешь ток, так сколько останется, допустим у тебя большой огород, у меня меньший, где лучше располагаться, давай, как говорится, объединимся, вдвох или втрьох, у тебя сделаем ток, а лошади будем смотреть дома и всё. Была требования здесь, в селе богатые, село наше как говориться, не слыхали, наверное, “Золотая Инзовка, серебряный Преслав”, в позапрошлом году,

когда здесь был ещё, видел немножко, пропало и золото, пропало и серебро.

[Ну богатый был] если пять-шесть лошадей, это ж земли, наверно, гектар двадцать, а то и больше, потому что вот тут... Вот это большой магазин, с правой стороны, где сельсовет наверху, а с левой стороны, у него было, то есть двадцать три человека семья, было у этого деда, он как командовал. Вот, допустим, я щас тобой буду командовать, тобой, каждый день. Они пекли, это бабы уже рассказуют, каждый день две печки хлеба, по шесть буханок, двенадцать буханок, запрягают они сразу четыре гарбы. Представляете, как бричка только прицеп-гарба, это четыре по два человека, восемь человек уходят в степи, то ли грузить, то ли загребать надо, пекут хлеба две, стирают две, за детьми ухаживают две...

Семья двадцать три человека, это ж семья. А щас, наверно, будет двенадцать семей. [Не нанимали никого...]. Как нанимать, их двадцать три человека. [А другие, богатые, нанимали]. Нанимали, нанимали. Вот мой друг недалеко живёт, его отец был всё время в наймах, потому что бедный, нету в них лошадей, или там земли мало, у того наймётся, у того и всё. Ну как пахать надо, кормить надо, там, раз есть земля, значит должна обрабатываться, если ты не работаешь, может и учителем, а земля есть. [Расплачивались чем...]. Ну или зерно, или, как баба говорила, за одну копейку, вот так вот, время было такое. Как мы щас запомнили хорошо, 12 копеек, или сколько, стоила буханочка хлеба, а уголь стоил 16 или 14 рублей, тонна! А щас подумай...

[Село ж было богатое, много богатых было, а как тут колхоз собирали...]. Многих повыгоняли, поразкулачивали, поразбивали ихние дома. Да, ну рассказывали, раз у тебя забрали всё, тебя на выселку. Вот щас, допустим, моя жена, была жена, их раскулачили, угнали их отсюда, забрали всё, и её отец, ну с Сибири или там, расстроился и в дороге умер... Ну до последнего дня были такие, шо ни в какую, знаешь, старый человек, ну не хочет, он же ж понимает, а некоторые посдавали всё, и раскулачили. Вот у меня здесь не далеко моя, жили у ей, моя свадьба у ей была, щас ихняя мама в живых нету, их не раскулачили, потому что, наверное, отец заранее подумал... Вот, даже станки, которые находились, ну лошади, я говорю станки, ещё живые станки, ну там решеточки, старинные решётки...

Ну как, станки... чи захватил колхоз, она в тридцать втором году, умерла мать, и отец умер, колхозы уже, да-да, уже колхозы начинали. Сразу были, ну как, мелкие эти хозяйства, допустим, я запомнил *[нерозбірливо]* что одна сторона, как говориться, вот сколько примерно я знаю, и “Заря” там, и “Прогресс”, и у многие. А потом, уже шесть бри-

гад, полсела и там шесть, двенадцать. Кто мало, без земли не шесть, а четыре, потом две, потом одна, всё село в одной бригаде. Трактора, только техника на две делили, считай. И то, что горючего нема, запчастей нема, три комбайна, если работают в одном отделении, и в другом отделении, а бригадир, и там, и тут. А возле конторы пойдешь, то инженер там машину, приезжает такой КамАЗ, это ж машина должна работать, это ж КамАЗ, не как их называют, ВАЗики, или ЗИЛы, маленькое, это ж КамАЗ. Привозят его домой, пообедал, шофер, едет его забирает, его на работу, запил и всё. Не знаю как, но было хорошо. Ты ещё учишься, а тебе уже есть место рабочее.

А в 32-м, да, [голод был... Почему...]. Ну как, как сказать, по-моему, наверно, была тоже засуха, как щас... [Родители] умерли, голодали конечно. Моей матери... умирали, умирали, а как я остался жив, это как говориться *[нерозбірливо]* истории. После, эти, правильно партия сделала, коммунисты, молодцы, спасибо им, у тебя нема родителей никаких, организовали, как называется, приюты. Я помню хорошо, наша сторона, вот это, "Коминтерна", вот эта, восемнадцать человек нас было. В Преславе, не только наших с преславских, *[нерозбірливо]* были, и тот же колхоз "Ленин", тоже имел приют. У нас все молодцы, сделали хорошо, из этих наших ни один не умер. Сразу организовали Инзовку, недалеко здесь Инзовка, организовали, я помню хорошо, то на бричке, шоб менялись, пешими идти, это ж не мало, а то на бричке, там, ну, вещи, допустим, ляжем, отдыхнём, опять. Это я хорошо запомнил, и щас Инзовка, более-менее, лучше чем Преслав.

[Репрессии там были... Перед войной...]. Это в 32-м [году], 35-м, 37-м году, мой дядька, ну тёткин муж, репрессировали, с концами и всё... [А за что?] Ну может, допустим, от хочет что-то себе показать, давай, пойду, заявлю за это, что ты сказал, политические слова. Они ж то не разбираются, давай! От у меня, допустим, где у меня хозяйка была, два брата, вот это хочешь жить, пошёл в сельсовет и *[нерозбірливо]*. Этого убрали, по сегодняшний день, время такое было... Времена разные, истории разные...

Война [началась], а как, был здесь 41-й год, позабирали мужиков. Ну сосед у меня, забрали, через месяц война, он ничего не видел хорошего, на третий, первый день убили и всё. Женился и взял, она осталась, потом записали добровольно в Германию её. Меня забраковали, тоже я писался добровольно, забраковали, и баба записала меня 26-й год, вроде не будут брать, ни черта, 22-й, 23-й, 24-й, 25-й и 26-й. Двадцать второй [год], на комиссии вместе были, двадцать шестой, то есть, его оставляют в Крыму, двадцать третий, четвертый и пятый [года],

забрали набор. Двадцать шестой [год], до особого, через неделю-две, никакой брак.

[В Германии] я работал на фабрике, даже в прошлом году трижды получал письма: "Иван Иванович, о вас никаких данных нету, что вы..." Ну нету меня, нет, в живых нема, а оно второе письмо пишет, никаких воспоминаний нету, ну кто, как фамилия. Знаю, что фабрика ножная, по-немецки "Мессерфабрик", фабрика такая, по-нашему, ну ножная, ножи, вилки, ну и там кое-какие детали, а какое, куда оно и где... Штамповали вот это вот, три дырки или две, а где-то идёт...

[Ну как там с немцами...]. Ну как, допустим, если я слушал, и пальцем никто не ударил, говорят концлагерь, тюрма, а чего тебя взяли в тюрьму, значит что-то есть, уворовал, что-то есть, не может быть, чтоб тебя так взяли вот, пришли, меня щас забрали и с концами. Ну отношение как, если ты работаешь, никто тебя не тронет, по-моему, я вот если б щас бригадир бы был, где щас председатель, никаких замечаний, он даже ловит мастера, он выполнимый человек, за меня, то есть я выполняю, радостно или не, и ты меня уважаешь, я тебя уважаю. У хозяина я ходил подрабатывал, чтоб накушаться и всё, вот фабрика здесь, а хозяин вот здесь. Да, одно время поляк, ну, Прохор его звали, ну можешь понять: "Иван, хозяин говорить..." – и поднимаю те мешки по 50 килограмм, немцы вдвох поднимают, а в нас центнер, 100 килограмм один поднимает, ну оно ж тоже, вот у меня грыжа вышла...

[Нам платили на фабрике...]. Получал я за пять дней, лично мы, где работал я, два пятьдесят – три пятьдесят. Ну самое большое получал, который штамповал вот, допустим, штампует ножи, и закаляет, ложки там. Вот он пятёрку получал за пять дней. А рядом, два лесопильных завода, ребята работали, ну и девчата там, они в субботу работали, значит, другой хозяин, это один, это другой. Ну а кормили как, одно ведро картошки на двадцать семь, или двадцать восемь человек нас было, остальное капуста, брюква. Что такое брюква, она как чёрная редиска, точно как кочан у капусты, такая, ну двадцать восемь человек, ведро картошки, надо ж её почистить, отходов же будет, а хлеб давали нам, 250 грамм, 25 грамм сахару и маргарин там...

[А на те деньги, шо там...]. Та, де ты возьмёшь, *[нерозбірливо]* они жили, если ты получаешь, *[нерозбірливо]* там на килограмм, бракуют хлеб эти тёмный, ну пережаренный, даёшь ей на полкилограмма, я не хочу сдачи, мне надо накушаться, *[нерозбірливо]* а пиво можешь взять, лимонад, ну ситро. [Ну что с теми деньгами...]. Ну что, что будешь делать? Пойдёшь в пивнушку, там зайдешь, немец поет – целый бокал целый день, а мы выпьем бокал и уходим, захотелось можем шо другое взять, ну шо будешь делать, лимонад, пиво. Ну я ж говорю, если буха-

ночку хлеба она мне в столовой, без столовой она тебе не даёт, карточная система, вот, пережаренное она тебе даёт, рубиль, ну оно стоит, чи 15 пфеннигов, ну где-то в пределе вот так вот.

Обижали, как, обижали не обижали, разные, ничего, так чистоплотные. Работают, он *[нерозбірливо]* я зашёл, *[нерозбірливо]* допустим, ты отвернулась, он тебе машет: "Работай, работай!" – у них порядок такой, порядок такой. Сорок пять минут обед у нас был, а пятнадцать минут *[нерозбірливо]* а нам, они кушают, а мы? Там, ты у меня мастер, я у тебя, чтоб не смотреть, они себе смотрели хорошо, хорошо смотрели, три часа обедают, потом три часа *[нерозбірливо]* мы работали, а до шести работали. Ну смотря у кого какие доходы или как там. Нас кормили три хозяина, раз, одна фабрика ножная, другая, лесопильный заводы, три хозяина. И когда мы замечали, знаешь что, наверно тот чуть больше даёт или третий, картошки больше, или не жадный, а так, где пойдёшь. Правда, первые дни, пятеро удрало житомирских ребят, двух задержали, вернули, и замыкали, на ночь замыкали, на ночь, а днём не замыкали. А потом, тех не нашли или, не морочили голову, других. Там уже и девчата, которые были, в сорок втором году, они уже, они уже наблатыкались по-немецки, как ни считай год же. Там вот это слово, там вот это и уже, и нам пригнали привезли их, двое уже как переводчики, ну тоже наравне с нами работали. Ну насчёт одёжи, рваные не ходили, рваных нет, дают спецовку хорошую, ну, тёмно-синюю, деревянные ботинки, подошва не сгинается, надо ж привыкнуть, а ихний, где отут от сгинается, деревяшка это ж тоже, на всём экономили, какое-то есть дерево, подбиваем вот эти шляпки гвоздики, шо, *[нерозбірливо]* асфальт, а у нас, шо асфальт, шо в городах, я в прошлом году в Запорожье был...

[Потом освобождали нас, помню...]. У нас, если б щас был мой напарник, ну наша фамилия, ну наша сельская фамилия, брат его, известным был писателем в Болгарии, он влюбился в Болгарии. Его ж Москва знает, его, в Москве живёт, ну его в живых нема, и он как-то взял, нас отвели в Австрию. Болгары туда, ну записалась и болгарин и попала русская, попала с нами, ну так записались ещё, вот в Австрии, в Женеве мы были и я был, третий раз её бомбили эту Вену, столица Австрии, и потом пришёл маршем, прошёл маршем через Вену уже там разбито, там разбито, ну бомбили, был я первый раз, третий раз только был в Вене, послали нас копать бомбоубежище, вручную, кидайте. Немцы [послали], мы копаем, а они будут прятаться, и как-то мой друг засмеялся, если б он не отвернул голову, зубы бы выбил это точно. Ну разные, характер у тебя такой, у меня такой и всё. И освободили, лично

я, принимал уже присягу, нас освободили американцы, передали. Я присягу принял, 10 мая 1945 года, так и отмечено в билете.

[Как американцы нас передавали...]. Помню, помню, ну передали как говорится, по счёту. Это ж тоже, что там было, откуда как, потом начали, хорошо они сделали, едем подводами, будем хозяйновать дома, да, одно время, вот как у нас мост... "Откуда?" – "Украина!" – "Сюда!" – "Откуда?" – "Белоруссия!" – "Сюда!"

И так, так, так, это легшее, а так по одному, это умно сделали, и забрали нас, я стариком был. Ну кто старшие были, меня на бричке на подвозе, остаётся один, а нас, молодежь, в сторону сюда. Ну что уже наши передали нашим, вот тронули в путь, приняли это как его, карантин. После карантина, каждый, ну разные слухи, будем двигаться пеши на родину, пеши, а пришлось мне идти, за себя говорю, не только я, с Австрии до Румынии пеши, потом спрашивают, ну как построили, в строю: "Кто с колхозов? Выйти из строя."

Ага, с колхозов, мы сразу смекнули чего да как, потому что лошади стоят, демобилизация в пути, это, по-моему, началась демобилизация и в Югославии, ну прошло там месяц вот так вот. Вот, кто с колхозов, выйти из строя, выходишь, одну шеренгу, две шеренги, там, ну сколько набрались человек, так вот лошади, наездники хорошие надо, надо ж запрягать, а ты раз не запрягал, ты ж не сможешь, вот: "Кем ты работал в колхозе?" – "А я, никем, на лошадях работал, и всё, на лошадях." – "А вы не на лошадях работали?" – "Не, ну тут работал на лошадях, пахал, пахал. Эти, как их, румины были здесь и ихними лошадьми", – наши устают, наши это ж пахота, там это ж идёт и всё.

Вот, начальник штаба подходит: "Я начальник штаба, мне надо две пары лошадей. Писарь вот скучает на бричке", – это ж секретная часть, он на бричке, а пара на сёдлах. Оно ж гористые места, гористые, выходим аж туда: "Иван Иванович, давай, проверь сколько можно, – смотрим по карте, тут недалеко речушка, ну по карте оно, лошадям надо, помыться надо, речушку надо, – Иван Иванович, тут должна быть где-то речушка, хоть маленькая", – да, находим, спрашиваем, где тут... "Вот у нас, вроде небольшая, но всё же можешь напоить..."

...Уже ж двигаемся на родину, и мать и отец там ждёт тебя, ну по-моему, порядок у нас там или был, я не помню... Да, приближаемся уже здесь, прошли Молдавию, под Одессой есть курортное место, спрашиваем, народу много, в ночь, кто откуда как чего, сразу из колхозов, сразу из колхозов, одно время *[нерозбірливо]*...

...Я говорю, если *[нерозбірливо]* если есть с Преслава, скажите такая, такая фамилия есть, считай ночь, порядок такой, чтоб под шнур всё было, то ж армейский закон, чистый, напоенный, накормленный,

будем передавать. А почему, интересно повозки не дали, это дать им, у меня, допустим, тачанка была и тачанка только на рессорах, ну как бричка сделанная, на тормозах, потому что там уже есть рессора, я говорю начальнику штаба: “Товарищ майор, я своих лошадей нашим ребятам...”

Утром мы поднялись, будем, ну подготовка, сдавать это, ему ж всё. Идут, кажется, тут, идут, ну моложе меня, да, Федя и Петя, до сегодня их запомнил, многим рассказую, и дети чтоб знали, вот дед рассказывал, как говорится ж история. От я их приводил со степи, степи, рассказывали мне, как немцы запалили нашу школу десятилетку, подъехала машина, бензин или керосин, обрызгали, и дали команду всему населению выйти к центру. А попрятались в степи, в камышах, в камышах тоже плохо, зайдешь, а где ты знаешь камыш, порадеет и всё, а в степи это хорошо, там же и балка есть у нас, ну не особенно *[нерозбірливо]* равнина у нас.

[Еще до того как в Германию попал, здесь румыны были...]. А, румины, румыны они как говорится, если ты сегодня не ночуешь дома, ну мужик где-то уехал, може. Они обязательно тебя обворуют, у них такой порядок, сами себе воруют и всё, немцы не. Нет, там *[нерозбірливо]* более, а румины, это те же цыгане. Да, они здесь были у нас, и мороз был сильный в сорок втором году, и их, по-моему, тут в Бердянске, до Ростова они не доходили дальше, как говорится, сняли с вооружения всё, ну порядок такой был, наверно раз, как говорится трогают, ну обижали, румыны обижали, немцы тоже брали, забирали, то лошадей забирали, ну война, это ж никуда ничего не денешься...

...Значит, не правильно сделали, это же была политика немецкая, наша политика, он бы выиграл немец, он убивал, палил, этих, как их, жидов, евреев, убивал тут несколько у нас их, коммунистов, и всё, если б политика наша была, он бы победил, это закон. При чём, техника намного сильнее была нашей, меня, ну гарбы, вы знаете площадки как называют, площадки такие ровные, ровные как *[нерозбірливо].* Меня заставили бригаду запречь, велосипеды у кого есть, сдать их в сельсовет, и один или два мотоцикла, маленькие были мотоциклы, военкомат, а и машинки эти, швейные. Наши, русские. Ну, на велосипедах будут воевать. Ну [это было] в этом году, в этом, в сорок первом, я их возил, это точно я их отвозил, ну указание, раз военкомат приказал сельсовету, дал указание этим, как их...

...Участковые есть, квартальные, велосипед есть, в сельсовет, у машинки швейные да, ты ж портной, он портной, это ж надо шить, ну а куда ты денешься, куда денешься, можно, можно. А румины, немцы приехали на трёхколёсных, *[нерозбірливо]* крепкие, пулемёт, *[нерозбі-*

рливо] автомат здесь, слез с руля и можешь, остановил *[нерозбірливо]* он может пулемётом три человека на мотоцикле, это ж сильный, *[нерозбірливо]* сильная машина, как наше, как ну, более-менее, как их "Урал"...

У немцев, хорошая [техника была, танки...]. У руминов тоже, ну и на лошадях большинство, особенно румины на лошадях, а немцы, чёрт его знает. Ну румины отсюда, от центра, *[нерозбірливо]* оттудова зашли, мотоцикл заехал, здесь никого уже и нету наших, войск нету. Они разузнали, вертаются, где-то они уже двигают через село, ну как к кромке идёшь, ну здесь мост у нас не далеко, *[нерозбірливо]* туда не пойдут, их напхают туда, там круча высокая, ...пострадало, фактически, когда немец наступал. А так нет, а так нет, бомбили наши, ну приятели, интересовались, верхом поехали в Приморск и там, одна им маленькая бомба попалась. *[Нерозбірливо]* пострадали те сёла, более-менее, а тут они тикают от моря, потому что куда, прямо в море напхают и всё. *[Нерозбірливо]* пострадала немножко, ну большие дома, все дальние сёла там гористые места, наше село и эта Лозоватка, здесь не далеко, не страдала, ну когда наступали...

Да, [партизны] были, они, по-моему, там, эти, фамилии знаю хорошо. Наш бухгалтер, Савенко, вот. По-моему, там их, это надписи там есть. Прятались, отут от подвал недалеко, отут от, вечером жёны, там дети, носили им кушать, сколько их было партизанов, пять или шесть. Наш директор школьный, Виноградов был, он как-то приезжал, в какие года, не обмануть, 70-е [года], тут учительница меня учила. Ну разузнался по письмах, туда сюда, эти сёла жил, он в скирды ховался, а семья тоже где-то прятается, и налетел на такую, или женщину или мужчину, и встретил там, у кого он встретил, как он так вот. "Ой-йой-ой, ты ж последний человек, он тебя загонит и щас догонит тебя и арестуют тебя опять и всё", – несколько раз его арестовывали. Ну вот, эти вот полицаи...

А тут наших, фамилия Соломонов и один *[нерозбірливо]* он тут, соберёмся вечером уже с работы, ну рассказывает человек грамотный, директор, как село терпит здесь этих дураков... Они наших партизан продали, порасстреляли их здесь, там, на краю, окопы были, вырыли, расстреляли и всё. Так один нашёлся свою жену, уже и ребята здесь были, нашёл, отрыл и перехоронил её ночью на кладбище. Были-были партизаны, были. *[Нерозбірливо]* одна вторая, мать, две, *[нерозбірливо]* это директор, а Машнева, фамилия как её, Вера Сергеевна, она по-немецкому языку, она переводчиком, она им говорит... Она знала, что они тут прятаются, и говорит: "Ребята, вон смотрите, кто-нибудь их постреляет...", – и так эти, дураки, их продали, уже нас не было.

[Были таки] за немцев... Ну как, если тебя уже, и ты за немцев будешь, потому что раз уже работаешь на немцев, не на себя, на немцев, они все, все за немцев. Землю надо обрабатывать, и будешь, они давали на десятки, как ты не пойдёшь пахать, на что ты будешь завтра или послезавтра жить. Надо ж землю обработать, надо что-то получить. Допустим, я сеял, и уборки, начались уборки, я косил, самоскидки, ну такая машина на лошадях, сама скидает, не руками, то было бы руками, а это только педаль клац, руки целые и всё. Как не будешь работать, когда ты должен кушать, меня заберут, а семья там, допустим, о такие есть, о такие есть, они ж на шо-то будут жить. Ну, фактически, село не тронуто, только вот это где школу, десятилетку, да и это маслобойка на том краю, тоже, как школа.

[Полицаи были, пошли] к немцам, ну шо, кто-то ж должен был руководить. Меня заберут полицаи *[нерозбірливо]* кажешь нет, тоже, хоч так, хоч так. Первый набор в сорок втором году, вот оно было обещано, я помню, хорошо какие-то льготы будут, там семья или что, или в отпуск будут пускать, вот это первый набор. Я думаю, а давай, я буду писаться, ну пацаны что там шестнадцать, семнадцать лет, ну считай, если я 25-го года. Вот в сорок третьем году, восемнадцать лет мне было, в прошлый, сорок второй, я был семнадцати лет, не, восемнадцать. А и добровольно, шестнадцать лет, пришли и шо ж там, как обещанные, как говорится, ждешь, и всё. А потом, начали, увидели, что уже не получается добровольно, давай по заднице и всё! Ты подумай, сколько людей было там в той Германии, поляки уже по четыре года были, когда мы были в сорок третьем, французы уже были по пять лет, а эти чехи...

[Мы там с ними так...]. Дружили, ну что, они тоже, и в хозяйвов работали, и жили у хозяина, и в этих, лагерях тоже были, и те, и те, разные. А поляки *[нерозбірливо]* ну там, можешь его понять, ну некоторые, ну со всеми... Были эти, чехи, ходили мы там что-нибудь поменяем, вот, югославы, с нами ноже были, уйма народу была, и испанцы были, ну как их испанцы, да Испания. А наших, наших, говорили, что какой-то *[нерозбірливо]* сорок тысяч было, *[нерозбірливо]* такой город был, лагерь большой, ты представляешь себе, если бы бомбы там попали. Тридцать пять километров, когда мы ходили на бомбоубежище, копать, там французы, поляки, тридцать пять километров, бомбили, это сорок тысяч, это ж не мало. Перегорожено было, от тут русские, от тут поляки, с детьми от такие вот, поляки, чи добровольно, чи нет.

[Нерозбірливо] нас кормили плохо почему, должна кормить, это ж народ, это ж сила. Вот где есть молодые, ну как, ну лет по тридцать-сорок, значит он откупился или у него там земли много, будет кормить кого-то. А там, землю обрабатывай и всё, там, ну я хорошо помню, что

французы и в отпуска отпускали, как это... А немцы и какой порядок у них был, в отпуск пускали, в отпуск, война идёт, а отпуск, ты увидишься с семьёй, допустим, если у тебя есть, или только женился и всё. Вот, допустим, я ходил работать, бабе восемьдесят восемь лет, спрашивает меня и напарника, у меня чёрные волосы и у этого чёрные: "Кто ты такой? Русский? Не может быть – и щупают, роги ищут, – у русского должны быть роги, не может быть!" – это точно, я тоже рассказывал.

Ну болгаров они, тогда ж Болгария была с этими, с немцами, то есть: "Болгаришен – гут!", а "Русиш – швайне!" – то есть свинья. "ОСТ"! "ОСТ" – "О", "окс", это вол. "С" – свиня. "Т" – "тун", дурак, "тун"! И мы носили "ОСТ", и прятаешь его, вот так вот. Тебя узнают и так, шо ты русский, поляки тоже носили своё, французы тоже носили, узнавались они. Хоть бы, как бы ты не разговаривал по-немецки, были ребята у нас, вот это, я говорю про Марка, он общался, хорошо разговаривал по этому, по-немецки, потому что один на один с немкой, и ну в школе учился хорошо, раз учился хорошо немецкий, и там будешь разговаривать...

[А потом, вот, в армии был в нашей, в конце войны...]. Ну служил я, приехал первый отпуск у меня был, переехали. Я в Молдавии служил, это в Одессе, ну демобилизация, месяц там два, там, полмесяца там, за эти пять лет. В Мелитополе одна рота наша стояла, я возил это, бельё, в западной одна рота, потому что вся армия работала. В Ленинграде служил, где-то больше года, вся армия работала, в Ленинграде она ж только на академии, Ленинград если в курсе дел, там *[нерозбірливо]* и я оперировался там. Со мной рядом лежал Серго Орджоникидзе... отец Серго Орджоникидзе, его расстреляли, по-моему, в 36-м году, а ему было, отцу ихнему, семьдесят лет в 46-м году... [Отстроили Ленинград, несмотря, что ты учишься, генерал, трудишься, баржи с углём, это ж академия велика, разгружаешь, а наравне со мной, я как его солдат, учусь, а ты генерал, учишься.

Первый отпуск у меня был в сорок седьмом году на четыре дня, и продолжал ещё трудится, служить сорок седьмой [год], уже здесь, на нашу родину, сорок восьмой [год], Запорожье, сорок девятый [год], Запорожье, пятидесятый [год], демобилизовался, стаж у меня военный семь лет.

[Потом в колхозе работал...]. А куда, ну куда?! Пошёл работать здесь в совхоз, потом начали вертаться вже ребята с *[нерозбірливо]* и с города, колхоз, колхоз, и начали трудится и всё, сорок пять лет стаж, вот и всё. [В колхозе] работал пилорамщиком, потому что немцы научили на всё...

Начал работать, тут бригады были сразу, начал тут в колхозе работать. [За лошадьми смотрел...]. Ну а как же, и щас есть лошадь у меня. [А потом, когда появилась техника... Лошади понемногу отходили...]. А, конечно, конечно, откуда ж, постепенно. Фактически, началось техника, это 60-е года, 50-е [года], 60-е [года], только началось, вот самосвалы эти, последнее время, кругом самосвалы *[нерозбірливо]* не надо. А соседнее село *[нерозбірливо]* держит для похорон специально, а у нас на самосвалах похороны все... Ну, конечно, сейчас, при такой технике, та что ты, перевернишь чёрта! [Ну после войны, лошадей...]. Допустим, у меня лошадь была на два двора, почему на два двора, потому что заставляли коров пахать. А так, оставили одну корову на два двора и лошадь, на два двора. И в десятки, это уже десятки, четверо лошадей у нас, пятеро запрягаем и лёгко было работать, и коров не будешь трогать, зачем корову мучить, когда я имею на два двора корова и лошадь. [Это при немцах было...].

[Запрягали лошадь тогда...]. Упряжь есть, запрягаешь, запрягаешь в бричку или там в сеялку или букер, у меня старинная техника, стоит здесь буккер, где пахали раньше... Допустим, при немцах, запрягали восемь лошадей. Восемь, сзади четыре и впереди четыре, управлялось на задних, это называется *[нерозбірливо]*. Восемь вот так не запряжешь, а четыре взади и вожжами держишь, и управляешь, и сеешь. А на сеялке, там же есть пасовщик, смотришь, чтоб не забился, работать надо, и плуги были конные маленькие, двухколёсные. Украли, у меня был, уваровали, я давай сеялку эту, это буккер называется, сюда его притаскал. Ну шо, а фактически, большинство и вручную садили, и буряки садили, если букер нема, сеялки, вот этой, надо зерно пускать, если кукурузу или подсолнух, по канаве. Будешь идти, а потом приспособились, ведро или мешок, вот здесь вот, впереди в ногах, вот они себе идут по-маленькому, борозду, и оно себе. Потому что ряд от ряда, должны быть, ну пять лемехов, ну и сошки такие, где культивируешь. Пацаны вверх, а ты тянешь её сзади, надо ж культивировать, а потом прополка вручную, оно ж понятно, без прополки, без ручного труда, нигде не обойдётся. [В колхозе работал, была сеялка и плуг, просили люди, у которых огороды, помочь...]. Ну а как же. Ну а как же, выделяли, выделяли лошадей и там уже трактора наши, пахать или там сеять надо было, на счёт этого, щас хорошо...

Ну что я запомнил, запомнил, старые учителя, допустим, хорошие учителя были, где-то, где-то примерно до войны, был молодой учитель по немецкому, считай как щас, деятельность, учитесь, такое время было, школа у нас десятилетка хорошая, двухэтажная. А семилетка была не двухэтажная, но высокая, хорошая, в центре, вот как дом культуры,

... ну было каменный, хороший, церква, ну церкву уже разбили. Я запомнил, когда еще была церква, щас, где находится дом культуры. [Разбили церковь...]. Не обманывать, где-то в 1932-м, 1933-м, вот так вот. Ну как, чи коммунисты, чи социалисты, как назвать, разбили та и всё.

Лякішева Валентина Гаврилівна, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я] двадцать пятого года рождения. Мне было восемь лет, когда, тридцать третий год, началась. Жила я на совсем другой улице и там жили... Голод был страшный. Хто ховал себе по-тихоньку, хлебушек закапывали. Ходили с этими пиками, выкапывали, забирали последнее. Умирали люди семьями. Вот, там где мы жили, дом был, там был, Делипеевы фамилия их была, болгары. Ну тут большинство болгар... Ой! *[Хвилюється]*. И поумирали дети, маленькие... Вот такие крюки были, от крюки были. И был мужчина, с лошадью, от так от зайдет, от так крюком зацепить этого дитя и тянет на бричку. И везли их, вот кладбище наше, там была часовня большая, мы детвора бегали туда.

Отец мой работал, ветряк был, мельница. И мололи от эти, сою, вот это всякое... [Ветряк был] от с той стороны... Где кладбище. Ну все-таки, приносил нам хоть от эту сою. Ту сою, да мама болтала там разную болтушку, мы с голоду не пухли. От, а нас тоже, было четверо. От они потащили их всех по... от это я шо запомнила хорошо, потащили этой, детей, семьи, всех поутащили. А потом, на другой день, снова, другую семью потащили. Ой... *[хвилюється]*.

И мы пошли, это дите, оказывается, с голоду, такой животик был пухлый и это все и ожило. Все... Мы когда окрыли часовню, оно сидит! А тут море близко и от тут рыбу закаченную, все на берег. Женщина с Инзовки ишла, от соседнее село Инзовка, и зашла сюда на кладбище, и увидела этого дитя... Я как рассказываю, я начинаю плакать... *[плаче]*. Я, говорит, возьму этого ребенка, я сама хоть с голоду... но возьму, мне жалко, говорит. *[Плаче]* Оно ж живое! Как оно тут закрытое сидит среди трупов! И она взяла этого дитя, там к себе, говорит, може у меня умреть, но... Часовня эта открытая, там копали эти, братские могилы и... закидывали их туда!

Потом, соседний дом, сразу такой от был. Тоже, я забыла как фамилия их была, тоже, ведь вся семья поумирала. Но ходили отбирали поледнее, кто это были, не знаю кто это были. Варбанский один, как раз

[1] Опитування провели С.І. Пачев, В.М. Пачева (3 серпня 2004 р.).

жил возле кладбища, и он закопал себе от этот вот хлебушек. Так они его от побили и повытаскивали що та, где он шо там ховал, сколько... Ой... От такое от. Голод был страшный. От кого это зависело, кто его знает, но Голодомор ужасный был, 33-й год!

Сорок седьмой, сорок седьмой год уже, тоже было очень трудно! Но море нас спасало. Много трупов было в море! И эта рыба питалася трупами, чодак называли, от такое, как лещ сейчас, а то чобак. И ото пойдуть на море, брат мой был в Германии, потом с Германии он попал в армию, пришел с армии и пошел сразу на море, рыбалить. И от это его спасло, и нас. Ото пойду я, он, там кухарка у них была: “Подожди, не уходи, мы хоть супу какого сварим, поишь!” Ото дадуть мене, я принесу уже, а хлеба, неоткуда ничего! Неоткуда, ничего. От таке. Ну спасла нас рыба, конечно. Потом, начали давать девять килограмм зерна. Брат ходил, на берегу моря ж, в Приморске, как назывались амбары от эти вот... И он пойдеть, пешком уже, ни автобусы ж не ходили, он идет, от эту кукурузу, давали по пять килограмм кукурузы, и он ото кукурузы той сырой наиться. И как-нибудь дошел. От это сорок седьмой год, такое было.

Мама моя с Преслава, не с Преслава, а от Орловка, соседнее село, от там. А отец мой с Орловской области. Тоже голод был и он оттуда ушел... Как в Преславе оказались, не знаю как оказались. Но она вышла замуж уже... Когда отец приехал уже, тут были и богачи, раньше. И она служила, банкир был, от щас, где пекарня, там банкир жил и она там служила у них. Ну и отец... [Там где пекарня, там жил банкир]. От, там почта была старая, разбитая, там банкир жил. И она служила у этого банкира... От.

А отец, щас вам скажу, как он попал сюда, я уже не знаю, как он попал сюда. [Моего отца фамилия была] Черкасов. Он уже жил в Преславе. Потому что когда мой муж пришел с армии, он воевал в “финскую” войну, в “финскую”, в действительную сразу, а потом началась “финская” война. После “финской” войны началась от эта война. От и он восемь лет был в армии. А родители его с Орловской области сами. От, как переселенцы были, там тоже голод был и их сюда переселили. [А родители его] в 39-м году переселилися. В 39-м, а в 41-м началась война.

У моего отца брат погиб, умер, короче говоря, рано... Да, он умер рано и остался сын у них. И его звали Коля, и мы даже не знали, шо он не наш. Как-то так, все вместе, вместе, а потом уже, когда его в армию брали, оказался он Усачев. Усачев, на мать переписали, мать Усачева. Они с сестрой... И сестра пошла у няньки, в Бердянск, тоже её взяли, девочкой была, а еще ж нанимали няньков, и она ушла, а этот как и ос-

тался у нас. Его взяли на действительную службу, он в Лиепая, был порт и он моряком был. Здоровый такой, где-то у меня и фотография его есть. И в 41-м, в 39-м он приехал в отпуск, в 40-м, брешу, в 40-м в отпуск приехал, а в 41-м началась война. И он служил на корабле, "Коминтерн" назывался, корабль. И потом уже, после войны, остался только один жив с этого корабля, все остальные погибли. Выступал он и рассказывал, как погиб его корабль, остался он и как он выплыл, короче говоря... Шо один с "Коминтерна" остался живой, а те все погибли. От такое от...

[Я родилась в] Преславе. [Родители поженились тут в Преславе]. Родительский дом, он разбитый сейчас, он от по улице Советской, на углу, как идешь от, кладбище туды, там один дом и второй, он не большой дом такой, то родительский дом. Наш дом, там мы и родилися все. Домик не большой был. Бедно жили, бедно жили, но выжили, короче говоря. От. А эти тоже, с Орловской области приехали, их шестеро. Шестеро детей было у свекра и свекрухи. Муж мой, шо я замуж за него вышла, он в армии еще был. И он приехал в сорок шестом году, война кончилась в сорок пятом, он в сорок шестом аж приехал. В январе месяце он приехал.

[Мы не были знакомы до войны]. Его забрали [в армию] с Орловской... Он в Ташкенте учился, и с Ташкента его взяли на действительную службу. А семья переехала. Отца забрали тоже, на фронт забрали. Он тоже погиб и мой отец погиб. В общем, вся родня погибла на фронт. [Мой отец] тоже на фронте погиб. И братья, у меня родных не было, а двоюродные, тоже погибли все. Вот.

[Вот по отцу, бабушки, дедушки не были здесь]. Не было, не было. [Вся родня там была в Орловской области]. Не ездили никогда. Помоему, даже не переписывались. В Москве, племянник был, моей свекрухи племянник, сестрин, он вот, только щас, недавно умер. Он приезжал сюды, двоюродные, двоюродные моего мужа, приезжали с Москвы. А так, больше никого я не знаю, они больше сюда не приезжали. Они с Орловской области сами.

[Коллективизацию так помню...]. По-моему, я помню, шо ходили отбирали, вот шо я помню. [У отца] земли не было... Ну тогда, кулак считался как... От щас, через дом, машина у каждого... и так и надо, а тогда кулаком считался, имеет гектар земли, имеет лошадь, он уже кулак. Уже его раскулачивали, выселяли! Вот репрессию я помню! Как забирали, учителя одного забрали, потом второй год забрали... Подлипенко фамилия его. И Варбанского сосед был, он конюх был, какой он был враг народа. Он был конюхом. По Советской, да. И он был конюхом, там была шестая бригада, называлася. И оттуда пришли и его за-

брали. Двое в форме, и забрали его, и враг народа. Какой он враг народа, когда они голодовали, у него ничего не было!

Подлипенко, от этого тоже забрали, многих, многих забрали. Фамилии уже точно и не помню, вот это при репрессии. Забирали их, от это помню. Раскулачку от эту помню! Раскулачивали... Ну как, есть там фунт, два зерна, приходили забирали: "Ты кулак!" – выселяли! *[Нерозбірливо]*. ...Забирали свои дома, забирали дома. Считали от как враги народа. А те, учителя от я помню и тот Варбанский, они не вернулися, никто не вернулся.

[Как война началась...]. Ну как, каждый... все, война началася... Отца моего забрали на первый день войны. Сразу забрали... В Приморск, в военкомат и с военкомата... Он, напротив, Савенко жил, Александр Трофимович, он учителем был, его забрали. Потом Безух, его тоже забрали. Таких от, русских брали, болгар не брали тогда. В чем дело, я даже не знаю. Их сразу забрали, мы даже до Приморска пешком бежали, детвора, бежали, провожали их. Их сразу отвезли на станцию Елизаветовку, там погрузили и... Прощалися мы все возле военкомата, в Приморске, как война началася. И тут пока румыны не зашли, у кого был поросенок, у кого что, потом начали ходить, отбирать, резать.

[А до того как румыны зашли], колхоз, были колхозы... Гоняли, эвакуировали скот. Ходили, многие наши со скотом, они вернулися, вот щас, Маркова *[нерозбірливо]*, Петровна, они со скотом ушли, и вернулись аж когда война кончилась. Зерно успели, убрали. А потом, когда пришли румыны, стали организовывать как... Десятки, вместо колхозов. От десятки и там неколько челоек с коровами, лошадей не было. Лошади все на фронте были. Скот не остался, у людей какой скот... А колхозный отогнали... А у людей, у кого были, запрягали коровы и пахали. И пахали коровами, и все...

[Староста был в селе. Побили его...]. Я помню и старосту этого, когда брали первые наборы, он нас защищал, этот староста. Щас, он жил по улице Советской, туды, жена его была инвалидка. Был... Ну шо он защищал людей, кто-то доказал. Защищал людей, а кто-то доказал и поэтому ему и попало. [Ну его не расстреляли. А как его звали...]. Не помню. А потом другой был. Как его и звали, я помнила, как его звали, но это уже годы прошли и такое уже забывается...

[А здесь от, до того, как в Германию попала...]. Помню как война началась, но у нас тут немцев вообще не было. Тут сразу зашли румыны. Румыны зашли, вот щас где больница, там был ихний, ну как выразиться, как правильно сказать... Нет, штаб, наверно. Отдыхали они, от с фронта, они сюда приходили отдыхать. Привозили... Госпиталя не было. Был просто отдыхающий... Конюшни тут были, где дом престаре-

лых. Там была ихняя... Там были умалишенные до войны, совсем дураки. [Дети...]. И они их постреляли. Немцы. Постреляли всех, всех. Говорить, они пригодные только кормить их, наше государство гуманное, всех смотрить, всех... А эти... Пришли постреляли их. Там же яма была, и там их постреляли.

Подлипенковы были учителя. Их тоже... Он, здесь, при немцах была... вот, дом, вот, где магазин, прямо, там он... И вот там, был, организовали, как, во время войны это было, организовали какую-то... подпольная организация была. Ну и участники тут были, Тереховы были. Терехова одна живая, другая... И вот этот Подлипенко, там был и... А потом их предал кто-то! Предал кто-то. Вот Терехову, мать расстреляли, сестру расстреляли, а эта меньшая была, Надя, она живая, в Запорожье сейчас. Она осталась, ее посадили, она в Приморске в тюрьме сидела. Потом посчитали как она несовершеннолетняя, ее отпустили. А тех постреляли, возле Приморска, где там свалка, от их там всех постреляли.

Машнёва она была, Машнёва, фамилия её Машнёва! И у этой Машнёвой, и организовывалось там все. Они вроде как вечеринки собирали, шоб не так заметно было. А потом их... [Ещё воспитательницу... помню, во время войны]. Ой, как же её, знаю я Марусю. Мария, Мария, забыла как её отчество. От там, где мы жили, на углу она жила, ой, забыла как её, знаю! Расстреляли её тоже, от Мария, не помню... Ну знаю, что её тоже расстреляли. Это Тереховых, от этих от, она была тетка, отцова сестра, они были связаны все вместе, это Надя одна осталась живая, а тех расстреляли.

Я в школу [ходила], я окончила семь классов, пошла в восьмой класс и меня забрали в Германию. Последний набор был тут 26-й год, а я всего на 25-го года, первое декабря, считай 26-го года. И последний набор от это, уже нас подбирали, уже гнали мене и брата. Брат был старше мене немножко. И от это нас погнали, нас в Германию, и от это уже все, я не знаю что тут было.

Я в 43-м году [попала в Германию], а приехала я в 46-м. Вначале, тоже на Прибалтику нас погнали, там на уборку урожая. И мы там убирали, военный конвой там охранял. Там были поляки Восточной Пруссии, их тоже выгнали всех. А нас поселили туды, убирать. Я знаю, снопы вязали, вобщем картошку копали, для армии. Потом, уже домой нас... В Восточной Пруссии, да. Немцев выселили, да, а мы жили. А потом поляки, давно у них, такие от брошеные, скотина ходила, от так скотина ходит, их выселили без ничего...

[Без ничего, их, немцев взяли и выгнали]. У них от... Я как-то заболела и не могла пойти на работу, и осталась... И от такая, я осталася

больная и лежала. И заходят две полячки, и у них стоял шкаф такой, они отодвинули шкаф, а там ниша была, там у них все было, они ж ничего не могли с собой взять, все туды запрятали. Я говорю: "Берите все, мне ничего не надо!" Я сама такая, шо сегодня живу, а завтра може... И как раз, не было ни охраны, никого, и они раз вернулися, два, и позабирали свои драгоценности все. [Это поляки вернулись...]. [А они знали, где они спрятали]. Знали, да! Потому что, уже и скот ходил, наши солдаты ловили и свиней, и барашки, и резали, и питалися.

Я [в Германии] в селе была, Тоненгайден, село называлось. "Крис Любики Дор Тоненгайден". Это... Любики! Это было как районный центр, как у нас Приморск, там... Нас сразу привезли туда, в эти, Любики, построили так. Там со мной была двоюродная сестра и мы начали плакать, шо от, мы там по школе знали язык, там: "Швесер! Швесер!" – шо мы сестры. И мы держимся. Они сразу, я, была та сестра как-то худенькая, я была такая плотная, ну сколько мне, семнадцать лет было. И от такое дело.

И потом я попала к бауэру. Как, правда, обижать меня, не обижали. Не обижали, как хозяйва *[нерозбірливо]* в чем я пришла, в том и была. Они старые уже были, у них сын был на фронте . Хозяину было, наверно, лет семьдесят пять, около того, старый был и баба старая была. А дочка, она в городе жила, а мужа тоже забрали на фронт, она приехала в село, туды... Хозяйством занимались, от такое от. Кушали... война...

Американцы нас освободили. А потом нас передали русским, а русские нас уже... была там... Граница была, куда нас, там же американцы дали нам костюмы такие, хлопчатобумажные, такие, в цветочек, дали нам, одели нас и через границу... Юбка и как жакетик такой. И тогда до наших переслали... От... Наши тоже, всяко обзывали нас на границе! Кто понимал, а кто смелый был, кричал: "Вы ж нас предали, тикали, а нас бросили!" Скандал был на границе! Есть люди, с порядком, с толком встречали, шо знали, шо я дете еще была, шо тут, как говорится, невиновная была. А они нас обзывали всякими глупостями, шо вы там поехали, шо вы... от такое от.

[После войны, в 47-м году голод... мы никуда не выезжали...]. Мы тут оставались. Нас море спасло, 47-й год, нас море спасло. От это такое... У меня в 47-м году родился мальчик, не знаешь, было... [А муж тоже уже был, с армии пришел]. Пришел он в 46-м [году] пришел. От такое было дите, шо у него не было и килограмма, когда он родился. А щас посмотрели бы на него. Голод был, буряк. Если бурячина... он родился дома, тогда роддомов не было. От такой бурячина, от такой кусочек, если... щас в роддом не знаешь шо понести и чем накормить, а тогда, кусочек буряка если кто-то дасть, мы довольные были.

Какое молоко?! Какое молоко, никакого молока не было! От такой манюнечкий, хто шо дасть! Свекруха моя ходила, тогда был спецдетдом, у нас столько сироты были, столько сироты после войны... Там где интернат, там сироты были. И ото там работала моей подруги мать, то, если от такой кусочек хлебушка, она сумеет в карман положить, то поделится со мной, дасть и мне кусочек. От так и кормили! Соску, на соску возьмешь... Мякешь, с марли, и ото давали, и... и он сосал. От так и выжили! А потом мама моя поступила, в колхозе пекарню организовали, и она пошла на ту пекарню, от. А жила на... а работал на председателя колхоза, с женой, а у них корова была, и она начала мне по стакану молока давать.

[А дите], та сколько ему было, месяц чи того не было! Даже месяца... Когда молочко начали давать! [А то месяц, его мякишем...]. Да! Не было ничего, то може где-то сахарку достанешь, шо сахарочек был, а то вообще! И мухи так от, кругом лазют, ой!!! Это только вспомнить... Выросли, здоровый был! Потом мама мне сказали, шо неси его в церкву, неси в церкву, щоб его похрестили, он такой слабенький был. И там Рупчевы, до них еще батюшка приезжал... Церкву разобрали, после войны вже разобрали. А то на дом приезжал батюшка, до вот этих же Рупчевых, с Приморска. [А так церкви не было...]. И ото я его замотала и понесла, похрестила и он пошел-пошел, то молочко попадалося, то позже рыба пошла. От тюлька, от это вот, килька и щавель конский, намелим через мясорубку и от эти, лепешки напечем. И жили, выжили. Если б вы видели, какой он щас здоровый, полный, но все больной. Опухоль горла у него была, делали три операции, но он духом не падает...

[До войны, тут в селе], русских не так много было, украинцев мало, в основном болгары. [Ну общались] очень хорошо. Вот у меня соседи все болгары, вот я заболела, все, и та несет покушать, та несет покушать, в общем дружно живем. И тогда, вот я у своих родителей жила, и тогда жили. Мать моя русская и отец русский, а жили от, напротив, Савеноковых, от этих, только умер, года два, как умер. Тоже, она сама молдованка, она учительница была, он с фронта её привез. И жили мы, а кругом болгары были, жили хорошо. Не было у нас, ты русский, а ты болгарин, никогда. [Общались] на болгарском. Я родилась тут, мне все равно, шо русский, шо болгарский. Я училася... Даже, сразу, школа у нас была болгарская, я училася до четвертого класса на болгарском, и песни болгарские, и все-все... А в семье говорили по-русски.

Моя мама не, а отец знал болгарский, понимал, а мама, понимала все, а разговаривать... никогда не разговаривала. Она говорила, у меня не получается. Я помню, ребенок родился у них, а тогда, если родится ребенок, сорок дней с двора не выходит родильница. [А чужие женщи-

ны могли заходить во двор, где родильница есть...]. Могли, но только... А она никуда, сорок дней никуда с двора не могла ходить.

От она подойдеть, тогда были заборы, соломенные заборы, загораживали... От соседей, соломенные заборы... Их делали, солому от так прессуют, прессуют от так. И ото она подойдет, мама, раньше как говорили, как мужа звать, Василий, значит, жена Василица, Михаило, она Михайлица. И от она подойдет и кричит: "Михайлица!" – от уже у русских, такого нету. Отец мой Гаврил был, а её называли Гаврилица. От и она стоить, шоб у двор не зайти, то ни в коем случае нельзя зайти у двор, если ты родила дитя, до сорока дней ты не ходишь. И она кричит: "Михайлица, вытащи мне воды!" То Михайлица вытащит, принесет ей до забора, от забора она уже несет воду, а так она...

[Вот это было три годика...]. Помню, помню, как она кричала: "Михайлица!" [В детстве, чтоб там собирались на улице...]. Нет, такого не было. От это от, рисовали эти домики, и скакали по этим домикам. Я даже не знаю [как назывались], все домики, домики говорили. И болгары говорили домики и мы говорили домики, потому что уже понимали друг друга.

[Во дворе держали скоту...]. Была, корова была, поросенок был, но это уже после войны. А до войны была корова, да, держали корову. Поросенок, но когда румыны пришли, сразу, вот у них поросенок и у нас, одного забирали, одного делили напополам, тому и тому давали, одного забирали.

[Я в школу ходила] до четвертого класса была болгарская школа... Находилась [школа], вот сейчас где больница. В том здании, а потом была десятилетка еще, вот ближе сюда... А то была семинария, а потом была десятилетка. [А там где больница], там был сельскохозяйственный техникум. Педагогического здесь не было, сельскохозяйственный был и от эта семинария была. Може это и был... А школа была там, она на двух этажах, был двухэтажный дом. Школа на первом этаже, а на втором семинария. [На учителей там учились]. Вера Сергеевна, помню, Машнева, фамилия её, Вера Сергеевна, пожилая такая. Учительница, Антонина Филипповна, тоже пожилая. Я семь классов как окончила... А потом я уже никуда не пошла, я... Раньше кончали семилетку, а потом уже началась восьми...

Сіващенко Петро Ілліч, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я родился в 1925 году в Обиточном]. Я бабушку помню хорошо, и дедушку! Не, дедушку не помню, он рано умер! Он умер, ему было 54 года, а бабушке 103 года! Дедушка был не с Обиточной! Дедушка был аж с Греции! Он был *[нерозбірливо]* и попал сюда, а бабушка была мещанка! Мама она украинка, а папа мещанин, горожанин и бабушка! Русские, а мама украинка!

И вот там в Приморск, это раньше был Ногайск! И каким-то образом они там встретились. Вдруг бачила бабушка, с отцом, сын у них... *[нерозбірливо]* ...бабушка с отцом ждала... и работала, она очень много работала! Пока в состоянии была, она ходила вальковала везде, где дома строили, она вальковала! Там отец сидел с родственниками, чи с сестрой, а она работала! Ну и заработали там денег, построили себе там домишку! [Это еще до революции было. А как ваш дедушка попал сюда?] Он был кормчим, заводил суда сюда! Когда торговый флот был! Да... кормчий! И он суда завозил, он знал! И потом он с бабушкой встретился, когда возвращался с грузом! Когда отец подрос мой, папа, уже была революция! Деда в 16-м году, забрали в армию, попал во флот! *[Нерозбірливо]* ...потом перешел на сторону революции! И был в партизанах он, это когда тут напали, ну как... это... ну как... когда их корабль вышел на берег, как говорится! Ну там, ребята, матросы, ну и командир у них был – и они пошли в партизаны! Ну и пошел он в партизаны, а потом их там, чи разгромили или как, я точно не помню, и он вернулся домой! А уже тут, был Голик Георгий Захарович, партизанствовал тоже! И он к нему пошел в партизаны и был у него в партизанах!

Это "красные партизаны", были там под Приморском, тут были! И он организовал их, они поехали, как моряк, корабль их был... Ну и когда это ж они организовали, это ж после революции, Георгий Захарович Голик, это даже организовали, как говорится... совхоз организовали! Это называется "Дальня Мака", это за Бердянском! Мы туда переехали! Я остался с бабушкой, а они переехали туда и там был бригадиром! Пока аж в 39-м году не вернулись сюда, уже ж дети были, братья, сестры! Они училися, в Бердянске, когда позаканчивали, он вернулся домой к бабушке! Я не хочу, уже с мамой вспоминать их, ну я ходил там с бабушкой, в третий, четвертый класс, потом пятый, шестой, седьмой и восьмой, девятый закончил Приморскую *[нерозбірливо]* ...Когда уже в этом году началася война! Началась война! В 41-м году! В 41-м году

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (24 липня 2004 р.).

мне исполнилось шестнадцать лет! И в сентябре, когда наши отступали уже, и нас таких вот как я, человек 150 забрали при отступлении туда... Да! В армию! И вот я с того... год прослужил в армии! В ракетных воисках! Вот таким образом! Ну, а край здесь... тут голод был?

[Помню голод был...]. Гоняли, когда колоски сам я.... Бо нечего ж было йсть! Надо ж было питаться, в школу ходил, ходил за колосками! Приносил, бабушка молотила, я собирал! Несколько раз плеткой получил по спине от объезщика! И свои люди там были, гоняли не давали собирать! Колоски! Да, местные! Местные, на подобие полицаев! Это объезщик назывался! Ну, а когда он уезжал, мы прятались, это не только я один, а и ребята там... Потом он уезжал, и ждали пока он уступит, а мы снова выходили! Надо ж было что-то йсть! А потом мы молотили зерно, кашу варили, а так же... Ну там супы всевозможные! А так же там что на огородике было!

Много людей умерло! Да, особенно в 33-й год! Как раз, брат учился в Приморской средней школе, пришел, а тут возле нас так дорога а там переулок и там *[нерозбірливо]* и всегда вода текла! И в колхозе, там от собрали коров, там все собрали! И что издохла лошадь и они там, и что загрузла лошадь... а людей сколько было, там и с топорами, чтоб разрубать эту конину, чтоб каждый себе брал! И люди кричали: "Не трогайте! Сдохла, там в ушах клещи!" Санитрук: "Это я ее привез!" Ну, не довезли, до это... ну не переехали... а уже тут начали разрубывать! Тут и вонь такая была! Тут пришел брат, с этой... со школы, бросил сумку и говорит: "Я уже больше туда не пойду!" А отец в это время, был же в это... приехали с этого, оттуда ж приехали, с голодовки! И рыбалил, это ж рыба уже была! Это 36 – 37-й год я попал уже сюда! Рыба это ж доход, я ходил, и брат ходил за рыбой! Бабушке приходилося ходить, ей трудно, но что делать, это такое дело!

Я даже конкретно не могу сказать, почему был голод! Потому что, геноцид, говорят! Ну и были неурожаи, неурожай! Сильная жара была! Мы... вот я колоски собирал, гоняли, не давали! Ну, чтобы в колхозы люди шли! Ну, не шли люди в колхоз, а кто шел, голодали там люди, ну там немного на день давали! Понимаете как! Ну мы такого голода не ощущали, потому что отец рыбалил! И на рыбу, что там вылавливал, давали там муку, давали сахар, там немножко! Это ж его отец рыбалил, и отец рыбалил!

Как дед рыбалил... Ну я не помню! А тогда, как он уже заболел, он уже не рыбалил, а ходил помогал отцу! Ну отец помогал ему, ну а потом, когда он умер, это по рассказам бабушки и отца, он сам же рыбалил, и ото добывали рыбу, разная рыба была. И там где нужно сети ставили, и там все... *[нерозбірливо]* ...и там уже бригаду нанимали, ну

сообща. И рыбу ловили сообща. Ну, эти кто работал, рыбаки, рыбу ловили, они не голодали! А те кто не работал, не смог, там не было сети или что, они покупали сети! Бабушка заработала деньги, и покупали сети! А те кто не покупали, кто ленился работать, те покупали ничего! Потому что где новые дома строилися, богачи, она там вальковала! У нее пока были здоровые руки, и сама здоровая! И дед тоже был здоровый! И вот что там заработала, покупали сети, и с бригадою они там собирались! А остальные люди пухли, умирали! Каждый день отправляли их в этот.. как его... и на кладбище и прочее, прочее! Где лошадь сдохла, все было, воровство было! Подбирали больших собак, чтоб не воровали! Была тяжелая жизнь!

[А репрессии] были! Было репрессии, были! Друг на друга выдавал, давали за это... вытащили... напишет записку, что он такой-сякой и его забирали, а ему давали деньги!!! [За деньги!] Особенно, вот среди болгар это было распространено! Я не знаю, точно, сколько давали денег! Ну я точно знаю, что давали деньги! Ну факт то, что давали деньги! Да-да! Это я и в городе был, мне это рассказывали! Был и здесь я тоже, вот уже тридцать с лишним лет работал! Здесь в школе работал! И люди тоже рассказывали, что выдавали людей, много таких фактов было! Называли их сексотами! Среди русских, украинцев я мало встречал таких людей, но тоже были такие! Болгар таких было, особенно русских и украинцев выдавали, а вот русских мало таких.

[В нашей семье никто не пострадал от репрессий]. Отец тогда кинулся в рыбколхоз сразу и все. Не было такого. У отца свои сетки рыбачьи негодные были, вот и пошел. Отец с другом был, работали там. [А как колхоз создавали...]. Та как, люди сводили коров, коней, другое. Не добровольно, нет конечно. Заставляли, чтоб люди шли в колхоз работать. Раскулачивали там. Заставляли, чтоб люди шли в колхоз. Раскулачивание это называется. Вот это и отец мой отошел от семьи добровольно и пошел в колхоз, надо было работать. Когда уже вернулся с армии в 40-м году, то уже старики мои были на пенсии, получали 20 рублей, мама получала, а потом уже по 18 рублей. А потом отец начал приказчик туда-сюда. Я привез там немного денег с армии, мама немного поработала в колхозе... И я потом тоже закинул... и в возрасте 72 лет, шо мамка и папка умерли.....

[А как в войну...]. Нас там окружили... Ну из окружения нас забрали, мы просто пеши шли, забрали! Окружили, командир части вышел и сказал, что: “Ребята! Уже кругом немцы и спасайтесь кто как может!” – ну там все поразбегались кто куда *[нерозбірливо]* там уже и танки грохочут, солдаты там... А командир вышел где-то там и застрелился!

Ну а потом шастали по городу, были в немецком лагере! Убежал с немецкого лагеря, домой сюда попал, в 43-м, 42 – 43-м году! А потом пришли ночью полицаи, узнали, шо я пришел, и забрали в Германию! Да! Был в Германии, там концлагерь, разбомбили его! Сбежал с лагеря, в 44-м, начале 45-го года! Я сбежал, снова попал в армию... в это лагерь! Попал на шахту, шо сбежал – отлупили хорошо, выбили челюсти, зубы повыбивали! И поработал там в шахте и думаю – надо сбегать! *[Нерозбірливо]* ...американцы заступили! И я как раз попал в нашу разведку, меня забрали в марте месяце 45-го года! *[Нерозбірливо]* ...и вернулся я в 49-м году! Был в армии на курсах водителей, возил командира части! *[Нерозбірливо]* ...Экспедитором работал после армии! [Платили за службу в армии]. Я получал! На должности сержанта, 300 рублей, платили немецкими и русскими!

[А в войну "заградотряды" были!] Были! Сзади шли несколько человек, с этим... с автоматами! Не расстреливали, кто убегал, забивали, и отправляли на расстрел! А их посылали на передовую, где опасные участки, их не расстреливали! [Это тех, кто отступал]. Кто отступал, их забирали! А забирали в "штрафные" роты, батальоны, взводы, где надо было прорубить! Значит, выживешь, слава Богу, не выживешь, ну...

А вооружение армии в войну... В начале, говорят, что плохо! А вот в конце, уже хорошо были! Та! Автоматы были уже, ППШ, та и те были, как у немцев, ракеты, такие...[Та как воевать...]. Ну что там, не легко... Ну что самое трудное?! Смотришь, что б тебе сзади там не ударили с окна или что там! [Приходилось и города брать...]. Немного, там только Берлин! Ну это я уже не знаю! Ну тут понимаете, страх набрался, от немцев страх набрался! Там в концлагере, там на шахте! [Там наши тоже по-разному относились к немцам...]. По-разному! Давали, кухни были, там дети подходили, им давали там поесть, были дядьки там сами не доедали отдавали им! Потому что они были взрослые люди, у них у самих были дети! А некоторые били, не все одинаковые! В России не все одинаковые! [И женщин обижали...]. Все было! Все было!!! Ну, не наказывали! Ну что ж, не имели права, шо в начале было написано: "Кровь за кровь! Месть за месть!" Но, потом сняли уже эти лозунги, и нем... фашисты приходят и уходят, а люди остаются! Люди там, относились к ним нормально, а там где фашисты, ловили их, сажали! Люди не виноваты, такая система была!

[Я в Германии общался с немцами и не военными. С ними отношения хорошие были...]. Хорошие отношения! И там довелось уходить из лагеря... Там был [лагерь] военнопленных, а то был для гражданских! Там где я был, там и западенцы были, ну там я мало был, несколько месяцев, потом *[нерозбірливо]*. И с англичанами сталкивались! Та и

команды были, играли в футбол... Та и выигрывали и проигрывали! Ну, англичане, это ж первые создатели футбола! [Результат большую роль не играл в этих играх]. Потом обнимались, шутили... ну, союзники, вместе ж воевали! [А немцы, те не...]. Не было такого! Они боялись! *[Нерозбірливо]* ...потому что техника у них, конечно, хорошая, изобретатели! Разрушено было, на войне, потом через несколько дней появился свет у них! Знали, что фашисты там, коммунисты работали, все возможные эти, та что, ночью, свет, разбирали завалы, *[Нерозбірливо]* ...все было разрушено! Берлин был сильно разрушен! *[Нерозбірливо]* ...немцы работали день и ночь, хозяйство налаживали! Они ж выплачивали нам 669 миллиардов долларов! Погашали! Потом уже *[нерозбірливо]*.

Ну вот такой наш край! Тут раскулачка была сильнейшая! Репрессии сильнейшие! [Среди наши знакомых не было таких, шо раскулаченные]. Все знакомы, по линии мамы, были рабочие... *[нерозбірливо]* они, как говорится, были бедняками! Лошадку там держали, кто мог держать, а то ему дали, а потом сдали все и ото ж начали колхоз делать! Потому что, ну как говорится, были они с понятием, и не нужно был, принято было по всей России... *[нерозбірливо]* ...одни заканчивали школу, и дядьки были у меня...

После 49-го года, я готовился поступать в училище! *[Нерозбірливо]* закончил в 49-м году. В 51-м году я закончил, работал в школе, преподавал немецкий язык... брат как раз был директором школы, то он взял меня, там немного помогал... Ну закончил педучилище, взяли на работу... Потом закончил Одесский университет в 60-м году... Факультет немецкий и украинский! Филология! Там поработал немного, потом перевели меня в Коларовку, с женой, потом из Коларовки перебросили сюда, в Приморск! Там поработал год, потом тут не хватало специалистов и меня сюда перевели в 60-м году! Перевели сюда! С тех пор, до 85-го года работал здесь! Работал потом заведующим вечерней школы и массовой школы, ну потом работал в методическом объединении района, работал! [Я преподавал украинский]. Русский... то немецкий, украинский то был фронтальный! А вечером я преподавал немецкий! Вот такое дело! Моя жена украинка! [У нас и отношения в селе, болгары с русскими...] нормальные! Все учились... Вот там в Коларовке, когда мы были в Коларовке, там хорошие люди были, нормальные, для меня не было никакого различия! А здесь тоже различия нету, все общаются!

[С женой познакомились] в Инзовке *[нерозбірливо]*. [Она тоже учитель]. Тоже здесь проработала... У нас мало было времени на ухаживания! Та от так заручили! Ну проводили вместе время, ну домой

проводил! Как обычно! Свадьбу [вот сделали!] Помню! Ну пригласили там близких, кто были, с нашей, с ихней стороны! [Дружок и дружка были]. Я уже не помню [что там готовили]! Все там готовили, все было наготовлено! [Мне и детей воспитывать некогда было]. Я в то время уже работал в интернате! Они самостоятельные, не знали, что их надо воспитывать! Что это учителя.... Иногда там спросишь, дочка старшая отличница была, а эта...

[Я еще работал в школе при Фриткине]. Очень добродушный был человек! Как говорится, душа, а не человек! И если помочь, то надо, и не физически, потому что я сам знал методику преподавания! Так общение, был хорошим человеком! Мы часто общались, потому что ездили вместе, и в Запорожье, на совещания! Ну, дружественный человек был! *[Нерозбірливо]*. Я тогда был пропагандистом... Може это надо было не включать сюда... *[сміється]*. Предлогали! [Ну нельзя было отказаться. В партии был]. Если б я не был в партии, я не был бы пропагандистом! То еще комсомольское просвещение было в Коларовке... *[нерозбірливо]*. Пропагандировал людей на сторону Сталина! [В селе, пропагандировал] в партийной форме! В партийной я был, колхозных коммунистов... *[нерозбірливо]*. Кружки были! Каждого комсомольца или коммуниста обязывали провести собрание, на такое-то время! Была программа, была специальная, мы ж по программе... молодежь... [Программу] с этой партии давали!

[Приходили]. Люди добровольно, никто их не заставлял! Комсомольца обязывали, партийца обязывали, чтоб пришли на такое-то время! Приходили добровольно, вот комсомольцы, вот я вам говорю истинну, как оно есть! [Пропагандировал] перед комсомольцами, это было в Коларовке, коммунисты приходили в школу, был такой урок, так называемый, урок повышения политических знаний! И директор выделил нам класс, там чтоб проводили эти уроки, ну там было 12 человек! А комсомольцев было сколько я не помню, ну много было, понимаете! Ну пропагандировал, проводил идею в жизнь!

[И перед простыми людьми пропагандировали]. Было, пропагандировали! Это так назывались... так называемые, агитаторами! Ну я не был агитатором, а только когда нужно было местным, то меня послали, коммунистов! Ну там пропагандистов присылали туда... ну все учителя ходили, ориентировались! Ну там новости рассказывали, сколько... ну там кто что расскажет из людей! Ну, в общем, задерживали людей, после работы! *[Сміється]*.

[Им не платили за это, агитаторам]. Это было добровольно, не то что было обязанностью каждого агитатора, каждого учителя, идеи на этом учились! Каждую неделю должны были посетить, ну там они

знают, там работники после работы, на пять минут, минут на пятьдесять, там... Ну там раз в неделю, два раза в неделю, ну там раз в две недели, как там организуют! [Пропагандистам тоже не платили]. Не! Кто там платил! Никто не платил! План же был! И там расписывался за тот план, потом приезжали из райкома и все! *[Нерозбірливо]*. Что мы без всякого этого, а честно выполняли свой партийный долг! Должен выполнить!

[В 53-м году умер Сталин,] я как раз был, был еще председатель профкома школы! И нам пришла в этот... в зал и сообщили! Мы были в райкоме, какой-то там был зал! [В Приморське]. Там была и компартия, было такое большое здание, и нам пришли сообщили, человек приехавший с Запорожья, сообщил! Он проводил лекцию, так сказать, наставление по профсоюзной линии! И пришел с заплаканными глазами! Сказал: "Товарищи! – Такое и такое дело, – Умер Сталин! Давайте встанем и помолчим!" Люди, понимаете, плакали, хоть как он, и как не был он жестокий! Он держал, дисциплина была, он держал, он как говорят, собственно выиграл войну, ну не выиграл войну, но дисциплина была жесткая! Сзади шли несколько человек, на передовую и кто там отступал, то они расстреливали! Задержали, ну и стреляли! Ну, люди плакали! Потому что его сильно возвеличили после войны! Ну люди, я говорю, плакали, люди были очень взволнованы!

[А при Хрущеве как-то жизнь изменилась]. В положительную [сторону]! Начали сеять кукурузу, стало хорошо! Люди хозяйствовали... При Брежневе тоже хорошо было! Все дешевое было! Брали все, но мало было в магазинах! Дефицит был! Дефицит был, особенно на одежду! А чего тот дефицит был, кто его знает! Все было дешевое, но очереди кругом, пока постоишь в очереди и не захочется! А при Горбачеве тоже хорошо было! Все было! Но, тоже в недостаточном количестве, в недостаточном! Все выпускали, а шло все на оборону, а это ж миллиарды рублей... *[нерозбірливо]*. Это ж надо паритет между двумя державами, надо выстоять!

[А как в 61-м году, Гагарин в космос полетел]! Ну что, радовались люди, ликовали! Радовались, тоже когда узнали, на Луну, опустились астронавты! Американцы! Но после этого разоблачили их, якобы они не были, это просто миф был создан против России, что Россия пустила в космос человека! [Мы Америку и не боялись]. Не боялись! Потому что мы все время надеялись на свое оружие! На свои ракеты, на свои самолеты... потому что мы ж с американцами встречались, мы подружески относились, как они к нам, так и мы к ним! Но не боялись!

[А в селах у нас свет появился] когда еще были мы в Коларовке, там свет был! Это 50-е годы, но там и до войны свет был, в Коларовке! И в

50-е годы, проводили, были дизельмоторы! Ну я знаю, что люди проводили себе, платили деньги и проводили! [А вот когда появились] телевизоры, я не помню когда! Ну, я покупал телевизор... в 61-м году! Как раз дети ходили в школу, я покупал телевизор, заказывал, чтоб привезли! Ну черно-белые! [Заказывал] тут был магазин, там заказывали! Как раз тут Вошев, он ездил в Бердянск, рыбакам, и я заказал телевизор! "Рекорд"! [Это самые первые были].

[А потом автомобили у людей начали появляться]. Ну это в 70-е или в 69-м годы! Привезли вот... *[мовчить]* Это... А вот эти итальянские, там вот итальянский город Тольятти и там вырабатывали первые марки! Как точно назывались не помню, ну это имени итальянского, э... 60-лет коммуниста! Я забыл как там они назывались, самые первые их там вырабатывали и выпускали! [У меня не было машины] Не! Дети училися, пошли дальше учились, старшая дочка в Москве училась...

Соломонова Надія Пилипівна, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Я сама с 1925-го года [рождения]. [Моя] мать – Варя Дмитривна, вроде Гогунская! А отец – Филипп Вельчев! А отчество? А отца не знаю! Не помню! Филипп! Тоже Филипп, да. Деда Димитрий звали, а бабу Аня! [И родители, и дед с бабой преславские были]. Ну, они тут еще с детства. *[Мовчить].* Отцовский дед был этим... ну, кузнецом! А тот... [Земля своя была. Кони, коровы], не помню! Ну, кони не были по-моему. А бабушка, то в доме, то на работе! Родители работали в доме престарелых! Ну, тогда был не дом престарелых, а там школа, десятиклассная! Ну, то дояркой, ну, как в колхозе! А до колхозов, куда пойдешь?! [Младшие братья были у меня]. Конечно! А как же! Один за одним смотрели, никуда не ходили! Ну... Это как брат у меня, он 24-го года, за что не возьмется, все сделает, фабричную работу всю сделает! Он было и дом построить, и печку сделает, ну всю-всю работу! Ему как дар даденый был! Он все-все делал! А я коло мамы помогаю!

По дому все делали! Помогали! Родители, была корова, поросенка держали, гусей держали! Гусей пасли! А когда, заходять румыны, все забирають! Мы тогда слушались родных! Мы за стол когда сидаем, пока Богу все не помолимся, мы ложки в руки не возьмем! Дисциплина была строгая! Мы родителей боялися! Они нас строго держали в руках! Не били! Они нас словами всегда уговаривали! Это можно, а это

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (3 серпня 2004 р.).

нельзя делать! Вот, это сильно с соседкой играемся в кукол и я взяла куклу принесла домой! Где ты взяла?! Там и там! Отнеси назад и что больше не приносила! Нигде чтоб ничего не брала! Я отношу назад и больше нигде ничего не беру! Такая дисциплина была! В угол ставили! Так просто в угол стояли!

Один раз [ремнем]! Когда сваты приехали, а наши не хотели меня отдавать! А оно уже три вечера сидели!

– Уходите! Мне ж надо отдохнуть! У мене ж работа тяжелая!

Это ж война кончилась! А *[нерозбірливо]* мене научил, я скажу: "У чем стоишь..." А война кончилась, давать нечего, ничего нету! А мене *[нерозбірливо]* научил: "Я буду говорить – в чем стоить, в том и заберу! А ты говори – в чем стою, в том и уйду!" Ну, так и сказали! Папа пряшку снял с себе, отакая широкая, как врезал мне через спину, один раз, другой раз! Ну, потом Паша поднялся: "Все папаша! Все, ничего уже не будеть! Раз мы согласны! Мы в чем стоим, в том и уйдем! Мы все наживем!" Вот это один единственный раз!

[В школу ходила]. В каком классе..? В общем... Четыре класса я окончила, а в пятом классе война началася! Ну так, нравилось, конечно [учиться]! Н-ну, какие предметы [нравились]?! Я сама учительницей в школе была! А предметы у нас – русский, украинский, география, история! Оно все преподавали нам! Арифметику я не любила! А старший брат, он в арифметике был отличником! И от мы стараемся с подругой, тут по соседству жили, как только он отвернется где-нибудь, мы его портфель откроем, перепишем! Быстренько сховали все! У школе если проверят, до доски вызовут, а тетрадка там, ну и что! После уроков оставляли!

[Голод 33-го...]. Ну, как не помнить! Помню! Мы еще тогда, жили вот тут в центре... бабушка там бездомная, ходила, там выходили... *[нерозбірливо]*. [Нет денег, ничего, здесь люди мерли, не могли с этого колхоза клятого, не пробиться, ничего! Это интересно, пусть расскажет! Вот отец бы порассказывал, там жили возле кладбища! Люди живут, там заходят, а они еще живут, но ни ходить, ничего не могут! Он говорит: "Ну, ладно! Шоб я завтра не приходил за вами", – раз, за ногу, на бричку и все! И там в могилу всех кидали, там стоит часовник, и всю ночь там стонут люди!!! Да]. Да! Еще он не умер, а они его на бричку тащат и все! Это мать моя рассказывала, как они таскали, а я была еще маленькая! Ну, он еще не умер, его уже тащат на бричку, давай, там умрешь! Это мужчины, да, взрослые! Они поумерали тоже! Даже, когда он умер, вот это что тащил, бричкой, они его в одеяло замотали и отвезли так тоже! Закопали так тоже... Я уже не помню! Чи близкие

так его хоронили, та близкие наверно не... дети ж были у них маленькие...

Ну, 33-й... ну, правда они там все равно зерна давали, отец бригадиром был, собирали там колос! А есть люди голодовали, как этот вот... Савин! Савина питки делали кушали! С щавеля питки делали, там щавеля немножко нарежут! Ну, умирали... Хлеб! Там, если у тебя зерно есть то... Щас хоть в магазинах продают хлеб, а раньше ж не продавали!

Ну, кто мог ходил, собирали, просил рыбу! Давали им рыбу! Тут у меня, стала, золовку, она без отца, отец был в армии, и они ходили по морю и вот это рыбой спаслись! Если бы не рыба... Умерло сколько с голоду! Спасла людей, рыбы было много! Много бычка ловился! И от идуть, кто остался, рыбаки выезжают на пункт сдавать, а Паша работал засольщиком, заведующим и приемщиком! А в море, *[нерозбірливо]* и лодки подходят, баркасы с бычком! А стоят же, ближние села, Орловка, Райновка, Паша выйдет, посмотрит на них всех: "Стойте все тут! Не отходите никуда! Щас придут баркасы, я дам вам бычка!" И тут начали баркасы подходить полные бычка и, говорит, я каждому по ведру, по два ведра – "Кормите детей! Покушайте, приходите еще!" И так он спас всю Райновку и Орловку от голода! Отак... 33-й год! И в 47-м году тоже!

[Были такие, что не голодали]. Ну, только начальники, [это председатель]! Им там давали пайки! Черть его знает чего получали?! Я в 28-м году... а голодовка началась ... [А кто тогда председателем был] я не помню уже! Тогда их много было... Тодорский и там... Тогда было два колхоза, не один, а два! Та, говорили, что ходили там собирали [продукты с дому]... [зерно закапывали где-то]! Это еще раньше! Это деды наши все закапывали! Чтоб не раскулачивали их, чтоб не брали! Они все ховали в земле... ну, в некоторых найдут, заберут!

А в 47-м году, это ж уже война кончилась! *[Мовчить]*. Ну, я познакомилась, он только с армии пришел! Он как пошел на действительную в 39-м году, у него мать умерла! В 39-м году он пошел на действительную службу, и служил он, там еще двое наших преславских, служили они в Ленинграде, в Кронштадте, а тогда флот служил 5 лет! Он 5 лет служил! И вот только у них дембель, и тут началась отечественная война и их вернули назад! И вот это он пришел аж в 47-м году... это мой кавалер! И меня взял сразу, поженились, ни кола, ни двора! От голода поопухали! Мы сразу получали военную, у него много наград было, они щас у меня! По наградам он, как щас помню, получал 260 рублей! И до Нового года он получал военный паек! Колхоз давал ему, три килограмма крупы, три килограмма муки, три килограмма сахара, отак! А уже кончился военный паек, все, голодовка! Ну что, пошел он

на море, просили! Ходили на море просили военные, молодые, только с армии пришли! А будет лед! Три дня дома не было, ходили туда, аж на косу, просил рыбу! И вот это напросят рыбу, и так спасались от голода! А когда начал... сеяли кутьму, так напротив нас, ходили со стаканчиками, и зернышки по одному отрывали, по зернышку! Там стаканчик наберем, какую кутюрку набирем, там какой-то супчик сварим! И так спасались от голода!

Были и репрессии! А мой отец, тоже репрессировали, оставили меня! Там в Гурьеве вымерли, а отец мой второй, отчим, приехал с Гурьева! А первый мой, его репрессировали и он там... Ну, где-то тут, Мелитополь, туда дальше! Уже давненько было, это после голодовки. Они раскулачивали тогда! Ничего такого не было! Тогда не жили богато. Кони! Потом, дед, что кузню держал, вот это... отца репрессировали, мать осталась сама! А я не помню, я ж маленькая была! Ну, из дома не выгоняли!

[А как война началась], я в селе была! Ну, я ж говорю, у нас как раз в доме начальник был ихний! А одна девочка, старшая... меньшая меня, говорит: "Ма! Что мы будем делать!" Она: "Что! Отвернемся задом! Хай убивают! Что будем делать?!" А мы были две девочки и мальчик, ото девочка 36-го года, мальчик 42-го. А мать говорит: "Отвернитесь! Хай убивают!" А бабушка: "Вы с дому не выходите, а то если выйдите, вас там заберут!" Отак и жили... Ну как?! *[Нерозбірливо]*. И румынцы были! *[Мовчить]*. Ну, румыны не делали... Даже, пацан один был маленький, а один румын дал матери шинель, чтоб пуговички пришила, а он взял рассыпал ту пуговички, мать его бьет, он пришел: "Мама, не бей меня! Мне тоже такое надо!" Ну, мы там собрали пуговички... Хорошего ничего не видели. Ну, румыны у людей в домах жили! Ну, у нас немцы жили! Один только румын пришел, дал матери пришить пуговички и мальчик рассыпал, мама начала бить его! А он говорит: "Мамаша не бей его! У меня есть точно такой дома!" Мама работала в колхозе! А папа был в том же Гурьеве!

[Когда война закончилась], я в колхозе работала. [Что в колхозе давали], ну, так хватало. Они давали зерно, давали и деньги, а ни денег не дают, ни зерна тоже! *[Сміється]*. Кто плохо, кто хорошо [трудился]! Начальники тогда жили, начальники и сейчас хорошо живут! Ну, тогда давали хорошо, зерно было, то давали все! И деньги давали, и все давали! Хватало! Хорошо! И в магазинах все было дешевое, а щас... И корову держали и барашки держали! [Лучше было] при Брежневе! [Паспорта дали]. Та я не помню в каком году, там записано! Та, наверно, 50 мне было! Та я и не помню! [До того из села никуда не могли выехать].

[А женились] сразу после войны, в сентябре месяце! Сорок пятый год кончился, а в сорок шестом его задержали подготовить на свое место молодых! Он сержантом был! Мы расписались на листочке бумаги в сельсовете, а председателем был, он нашу сторону освобождал, старший лейтенант, и вот он когда нас расписывал, говорил: "Ты еще сколько раз будешь ошибаться, когда будешь свою фамилию писать!" Имееть он очень много наград, имееть Орден Красного знамени, 2-й степени! Ну, построились, пошли работать обое на ферму! Работали не отходя от работы! Собралися, построили себе дом! Построили кухню летнюю, гараж себе построили! Детей вырастили! Определили! Ну, теперь, думали, поживем для себя! Все время работали, не бросали работу! *[Мовчить]*. Он бричкой возил воду, на прополку, до комбайнов! Потом решили мы посадить на городе баштан! Шоб кауны продавать! И он вышел на огород, утром покушали, и он говорит: "Вон напротив соседки, ребята приехали *[нерозбірливо]* шо будем баштан садить!" – и я, и пошли на город! И там показует... "Засейте мне этот баштан! Будем поливать и продавать!"

И как это сказал – упал и умер! На городе прямо! Хоронили, правда, его хорошо! Дочь моя работала в хирургии, медсестра там, приезжала больница оттуда! Они здесь проверяли каждый год: "Алексей Гаврилович, у вас же сердечко, мы к вам каждый год приезжаем!" Ну, вот! А еще был живой, говорил: "Марусь! – А у меня еще старший сын и средний, и на дальней жили, но старший себе понастроил, а это у меньшего не было дома, говорит, – нехай Вася приедет, будет с нами жить!" Но так и не дождался! Приехал Вася с женой, пожила я с ними немножко, посмотрела, думаю, я с ними не уживусь, невестка выпить любит! А мне это не нравилось, думаю, буду с ним ругаться... Вот это в этом году жинка умерла, он приходит, говорит: "Марусь! Я и ты сына не поднимешь! Давай переходим, будем жить вместе!" Он с Закарпаття! А жена у него неожиданно умерла! "А мне,– говорит,– дорого, что ты постираешь, сготовишь! А щас и болеешь!" А дочка говорит: "Марусь... Ма! Я достроюсь, я все равно, я вас досмотрю!"

[А в какие игр играли?] Тогда, знаете, не было как-то этих игр! Тогда не было, нигде я не ходила! Помню, один раз, привозили лилипутов, у клуб, показывать! А дочки мои собрались и побегли, а оно высоко было и по стенах, по стенах! В окна, даже в окна лазили, шобы их посмотреть! Денег нет у нас, шоб билет купить! Нас выгнали! Ну, я говорю: "Идем домой!" Вот это единственное, а так, никаких ни клубов, не гульней, ничего! Никакие танцы, нет! Какие танцы! И девчонки, тогда мы еще в школу ходили, тогда такого не было как щас! А когда школу закончила, я сразу вышла замуж! [А с мужем своим познакомились...].

Ну, как познакомились?! Когда война кончилась, его отпустили на месяц, и он шел через Орловку, и зашел до нас, и увидел меня, я ему сильно понравилась! И вот он пришел сюды и родителям говорит: “Я хочу жениться на такой-такой девочке! Потому что ребята вертаются с армии, а я пока вернуся!” А его на три месяца задержали, подготовить молодежь, сержантом он был! Ну, думал, думал, что мне делать, попросился на отгул, и там напился, и пошел у часть! Ему там говорят: “Домой!” И пришел он сразу женился!

[Еще перед войной, на танцах с мальчиками], не!!! Все время дома! [А другие гуляли]. Ну, там сидели где-то под воротами! На балалайке заиграл кто-то! На нашем краю далеко была одна старая дева, она играла на балалайке! И от мы босиком побежим, там попрыгаем и домой! Тогда нет! У нас дисциплина была строгая, родители держали строго в руках! Если девчонка выходит замуж не честно, ее сразу выгоняют с двора! Ну, раз там какой-то мальчик, ее сразу тогда выгоняют! Были [случаи такие]! Были, конечно! А щас! Щас развратная жизнь! Я как послушаю!.. Молодежь как пьеть, девчонки курять, как пьють! Тогда так не было!

[Главой семьи был] отец! Отец все решал! [Как замуж вышла...]. А у него родители поумерали! У него мать умерла... А они откуда-то приехали, спасались от голода, родители его! И там на краю, строили земляночку! И мы как построили эту земляночку, и она как мазала, а у них было уже шестеро детей! И сквозняками ее протянуло, и она умерла! А отец остался! Так, его брат, отец его и брат, на море рыбалили, ловили рыбу, чтоб только спасти детей! И забрал он их до себе! Двенадцать человек! И вот это его жинка готовить и смотрить от всех! Это до армии у него жизнь такая была! И всех их смотрить! А в армию когда шел, его забирают... И пошел в действительную... И ничего хорошего не видел и умер!

Ну, сразу после войны [в Преслав переехали]! [А тут все по-болгарски, а я по-русски]. Ну как встретили?! Вот, например, у нас в Орловке, Райновки, там уже половина Орловки, а тут половина Райновки! Вот это особенно когда Храм у Райновке, это вся Орловка гуляет там! Когда в Орловке Храм, вся Райновка тут! Так и поженилися, вот! Хорошо встретили, даже радовались, я была красивая! И все удивлялися как я за него пошла! Он же только из армии, худой, измученный! Вот! Венчались мы там в церкви, в Орловке! А он в военной одежде, а куплять не за что! Так родители дали ему деньги, он поехал в Бердянск, купил себе брюки и рубашку! И так мы венчались! [С Камышеваткой, было что-то, молодежь дралась часто]. Что-то такое я слышала, но молодыми никуда не ходили, у меня времени просто не

было! Я на ферме работала, как в 4 часа ухожу, домой прихожу уже 9 часов! Дома дети, дома хозяйство! Надо ж все держать! Муж где-то в степу, он уехал! Я не ходила никуда, никогда! Я только смотрела работу и дома и все!

[Новости слушали по] радио! Патифоны тогда были... А радио, по-моему тогда не было! Телевизор первый!!! Это когда уже разруху восстановили, и как быстро! Было все разбитое, города были все разбитые, села все разбитые! И как быстро все восстановили, на место все поставили, а теперь что творится?! Молодежи работы нету! Ну, какой же он будет семьянин, если ни дома культуры... У нас такого не было!

Я даже отпуск брала, сидела с отзывом на работу! Потому что строимся! Надо! Тут дети начали в школу ходить! Надо детей обувать, одевать! И вот тут начали подрастать, школу кончать, в армию идуть! У меня три сына, все пограничники! Один служил на турецкой границей, в горах! Второй служил на горах, на турецкой границе, под Ереваном! А третий служил на Малой Земле, на севере, где белые медведи! Дочь у меня кончила 10 классов, в Мелитополе училася! Медицине, фельдшер-акушерка! А проработала она, 27 лет старшею сестрою, сначала она проработала 20 лет в хирургии, это тоже тяжелая работа!

Шевлякова Ірина Опанасівна, 1925 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Родителей [звали моих], мать, Аня звали, Анна Иванивна. [А папу] Гогунский Афанасий Иванович! Отец как умер 71 год было! Да это пожалуй в 70-м году... [Нас в семье было] два брата и я! Я уже не помню, память уже стала... [А дедушку и бабушку как звали], я не помню! [Отец] работал в колхозе! А до колхозов?! А я знаю?! Я сколько лет жила, все знаю отца, как он в колхозе работал кузнецом! А мама работала, ну мама молодая, тогда был хлопок, мы молодые были, хлопок был, сушилка была! Нашему колхозу была работа...

А как колхозы... Это я не помню! Когда-то раскулачивали, я не помню! Ну, когда голод был 33-го, мать ходила на море, меняла рыбу! За молоко меняла на рыбу! Так! Потом с бричечкой ходила по селах! Меняла, тоже то хлеб дадуть, тоже спасала нас! [У нас в семье никто не умер от голода]. Вот мама нас выходила... [А в селе умирали от голода]. Конечно, умирали! Это в те года! Умирали!

---

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (1 серпня 2004 р.).

Я в школу ходила, четыре класса! А потом ходила на работу... После пенсии и до пенсии работала! И двадцать лет проработала день в день и ничего мне не начисляют! [Учиться] нравилось. А отец, царство ему небесное, кричал: “Учись! Учись!” А я все спешила работать! Чего я такая дурная была?!

А как война помню! Это еще был живой отец, и еще была одна старушка, они как двинут на улицу, немцы отступают, они лускают семечки, не боятся что... *[сміється]* ...сидят и смотрят, лускают семечки! Людей забирали в Германию! [Я была в Германии]. В город Нюнбеге, я работала! У хозяина, я там два года жила! Та ничего [так относились]! Там была старушка и дед! Муж и жена! [*Замислилась*]

[А тут в селе были] немцы! Конечно ж! Румыны, ну може и были, ну я... Там кто записался добровольно, а потом забирали! 25-й, 24-й и 23-й! Три года забирали! Приглашали, немцы! [Агитировали]. А нас забрали, это 25-й, чи 26-й и 28-й, что-то так, знаю что три года брали!

Я помню, что как отступали, русские там отступали, там оставили один чемодан одежи и побежали! Когда отступали! У нас такое село, не было пожара, как в другие села!

Ну как приехала [из Германии] все время в колхозе работала до сих пор! В телят работала, на прополку ходили, отакое! Та мы все в недостатке, и мать и отец получали по 12 рублей! Не только мать и отец, а все старики!

[Я замуж вышла в 47-м году]. Маленькая свадьба! Я не помню кого уже приглашали. Ну родственников! [А как с мужем познакомились...]. *[Сміється]* Делать нечего... Кто познакомил?! Отец: “Он мне нравится, бери его!” Я так не хотела, а он: “Бери!” [Как отец сказал так и будет! Главой семьи отец был]. Конечно! [А как поженилися], он сирота был! И он жил у нас тогда... Ну он работал в школе-интернат! [Шо там заработали], ну он мне отдает, а я матери отдаю! В те года какие деньги были! А он все время на работе, в школе-интернате работал, сколько он получал?! 60 рублей, и я тоже, что я получала?! И вот теперь пенсия 104 рубля! Мы в колхозе родились и вот в колхозе! Мать работала в колхозе и отец, и я работала, а он в интернате!

Мілєв Василь Гнатович, 1926 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Василь Гнатович: Я, Милев Василий Игнатович. Я с [19]26-го года рождения. [И тут, в селе, всё время и жил...]. Не, ну как, почти да.

[Стороння особа]: То в Германии был, то там в Запорожье жил, на заводе работал там.

Василь Гнатович: [Мои отец и мать...]. У меня мать с Лозоватки. [Её девичья фамилия была Станева. У них было детей, кроме меня...]. Раз, два... восемь. Ну, Маруся, Лида, Юля, Алла, Маруся, Коля умирал. Алина, мальчик умирал... Старшая одна в Германии погибла, а другая здесь, один, двое умерли и мальчик. [Семья большая была...].

Мы жили по одной квартирах, и дедушка, бабушки жили, а дедушку не помню. [А бабушку звали] Елена. [А как её девичья фамилия] не могу сказать. [Она старенькая была]. Она умерла в пятьдесят....

[Стороння особа]: Сорок девятом. В сорок девятом году, до твоей женитьбы.

Василь Гнатович: [А в принципе, со скольки я себя помню...]. Ну вот, например, тридцать третьего голодовку помню... Ну у меня отец работал на такой работе, что кое-как попадалось, он работал, этим агрономом... [Море помогало], обязательно. На море ходили там рыбу рыбаки ловят, дают. [Я тоже ходил]. И так давали, и так шо... [меняли]. [Давали рыбу там...]. Хамса, там этот бычок. [То есть, такая уже, которая, не очень, сорта рыбы ... Коллективизацию я так не помню... Наших никого не трогали там, не раскулачивали...].

[Отец агроном был...]. Ну это, какие техникумы, были? Ещё до войны, какие техникумы были? Ну то был, в Преславе был, но он не, я не помню, я не знаю чи он был чи не, но работал. А тогда после агронома его поставили *[нерозбірливо]* и он проработал наверно лет... та это уже... много, много лет, сорок, наверно.

[Стороння особа]: Он немножко кумэкал, а тогда так и поставили и всё.

Василь Гнатович: [В школе я здесь, в Преславе, учился]. Я семь классов кончил. Не помню, чтоб я вчился в болгарской школе.

[Стороння особа]: Русская школа.

Василь Гнатович: Сразу русская была и всё. Так, некоторых [учителей] помню, некоторых нет. [А директором был], как его звали, директором школы был, от тот шо слепой...

[Стороння особа]: Тимиргиляев?

---

[1] Опитування провів В.І. Мільчев (2 серпня 2004 р.).

Василь Гнатович: Не, то Тимиргиляев, то милиционер был. И я забыл его фамилию. Ну а так учителей много, там *[нерозбірливо]* Леонидович, Марья Ивановна, Анна Михайловна, их, Боже мой, было.

[Это Тимиргиляев, милиционер], я когда приехал с Германии, это я приехал в сорок пятом году, он работал, он работал милиционером. Он не болгарин, он какой-то нации, не русский. Брал нас, помогать ему по степу ходить, мы приехали, да воров ловити. [Кто шо, с колхозного поля украл...]. Ну да, молотьба идёт и они...

[Стороння особа]: Украли килограмм, два...

Василь Гнатович: Да, судять. [Много людей...]. Да, было, за килограмм сажали. [А мы с ним ходили...]. Та, ото он сам, видно, боится, а возьмёт нас, *[нерозбірливо]* на дорогу поставит и смотрите, будут проходить... [За компанию, что б не отлупили его...].

[Как война началась, в Преславе] румыны, мне кажется, больше были. Мы жили на том краю, там у нас не было, не стояли на дому, а русские стояли, у нас был там *[нерозбірливо]* и они там были, а как *[нерозбірливо]* это мы, это уже знали, что тикать, тикают.

[Румыны так...], я с ними мало. [А так по селу, не грабили народ там...]. Вроде нет. Ну как там, не пойму, поделили лошадей, *[нерозбірливо]* и нас тоже на работу, коровами волочили. [Колхоз они так и оставили, не распустили. А председателя колхоза] не было, они посмывались все. [Эвакуировались, коммунисты]. Они [никого] не ставили румыны, люди сами выбирали, бригады, там бригадира или шо. Ну я не скажу, кто его выбирал, но знаю что был староста, у нас председателя не было, староста был. Я не помню фамилии. [А полицаи], я не знаю, мне не встречалось, мне не попадалось такое.

[Жизнь так при румынах...]. [Молодёжь, наверное, собиралась там в центре]. Та, мы ходили, мы на речку *[нерозбірливо]* мы ещё были, шо нам было, нам было по пятнадцать лет, мы так не думали про девчат. Рыбу ловили, удочками, тогда ж рыба была, а щас шо. Да и [речка] уже замуленная. [А глубокая речка раньше была], возле моря там было пять сажней, в гирле.

[В войну, меня в Германию забрали...]. В сорок третьем. Нас забрали, через месяц освободили Запорожскую область. [Мы последние уже пошли... И везли нас с Преслава], ну как везли, бричками. До станции. Та, Трояны. Она, ну после неё Бердянск идёт [загоняли с полицаями], да, у вагоны закрыли и всё. [И потом в вагонах... Долго везли...]. Почти двое суток, до Польши, а потом в Польше пересадку делали.

[Я работал] на заводе, город Винсбург. [Где это], я не пойму, там у них север, зимы такой нет, шоб холодно было. А освобождали американцы. [Завод], мы там ящики клепали, такие, как дюралевые. Фабри-

ка была Грёсса, звали, это фабрика хозяина. [Жили в бараках]. Нас было там шестьсот человек, та я шо, считал их, тогда разве будешь думать об этом. [Бараки] построены, деревянных, один, второй, третий... [Спали на нарах], койки одна, вторая на верх. [А кормили как...]. Ну за кормёжку, не было... Брюкву и капусту, вот эту, что понад морем, знаете, дикую.

[Там на заводе], там разные были, и эстонцы, и русские, и французы всякие. Я с преславскими был, два человека со мной были, их было четверо, но он один работал в другом месте, де-то на Рейне, там река. А мы на заводе работали, но они давно умерли оба, трое умерли уже. [Там, в этом лагере], одни мы были, сами мужики. На работу строем ведут, в семь, и до вечера. И обратно ведут строем, ворота открыли, зашли, закрыли ворота.

[И всё время на заводе проработал]. Ну это ж, там они ж, как они, сразу когда отвезли там, они приходят, отбирают себе людей там, видно покупают их чи шо там. [Охраняли нас], обязательно, кругом, забор кругом высокий, наверху колючая проволока и под напряжением, охрана стоит с автоматами. Ну я бежал. До края города и поймали. [Наказали...]. Не сильно, это хорошо, шо шеф потребовал, шоб отпустить, а то отлупили гумами, и отвезли в лагерь опять.

Ну был один случай, я с завода хотел выскочить, с ребятами договорились выйти и сбежать, чтоб *[нерозбірливо]* не попасть, что б пойти по городу, в магазин заскочить, то хлеба взять, то, то, там же тоже было так. И как раз я *[нерозбірливо]* на той машинке отбить карточку, что ухожу и контролёр. И надо ж так, что я его стукнул, инвалид, с палкой без ноги, как даст мне под щетину, и карточку забрал, и назад, вот это я запомнил. А если б было сейчас, я б его убил бы, а щас, товарищи.

Там охранники с нами не разговаривали, разговоров не было. [Там другие нации на заводе], ну там рядом жили, работали. Ну вот у меня в цехе было, эстонцы были и французы, где я работал, в этом цехе. Французы неплохой народ, *[нерозбірливо]* лучше смотрели, они бывали, кинут нам шо, [подкормят]. Они их не водили строем. А эстонцы, я мало их видал, там девчат, сидели они, что-то там делали, мелкие работы, не разговаривал с ними. То шо ты всегда здесь сидишь, работаешь, а она от там, ты ж не пойдёшь, там же немцы ходят туда сюда.

Такое не было нормы, не было у нас, [просто сиди и работай. Ну в город как-то] выпускали, да, полтора часа, два. [Это как увольнительная]. Дают такую карточку, там тебе уже полиция попутает сразу, предъявляешь, вот оставляет. [Это знак носили], ну "ОСТ". Восток. Остарбайтер, и они, ага, глянули, время кончилось, уже чтоб тебя не было там, время кончилось, не уйдёшь, заберут у КПЗ. [Там сколько было

денег], ну нам выдавали, платили по, как сказать, 3-4 марки в день, то, в месяц. У них там дёшево всё было. Копейки есть, там полтинник, иди, возьми себе буханку хлеба, можешь взять. А бывает, что есть хорошие люди тоже, идёшь по городу, она навстречу, она не может с тобой разговаривать, не имеет права, она возьмёт да бросит, и так это показывает, ну вон видишь, забери, ну это большинство было, это бабы, такие, пожилые.

[Обиды такой сильной на немцев нет...]. Ну там, где мы были, может некоторые *[нерозбірливо]* в этом заводе, не так-то сильно, ну дисциплина должна быть. У нас её нет, у нас щас воровство, то мы и воры, а у них не уворуешь, поймают, руку отрубают, они не судят, смотря какую вещь ты взял, вот как. А у нас, убьют человека, ничего щас. [Ну раньше в колхозе тоже можно было что-то...]. Да, но тогда ж судили, тогда говорят, что за килограмм хлеба – тюрьму. [Ну это при Сталине, а от туда дальше при Брежневе...]. Никто и не воровал, при Брежневе уже жили люди исключительно, нельзя сказать что плохо.

[Это американцы нас, в сорок пятом, уже освободили], десятого апреля. [К нам нормально относились], да, куда там... хорошо! Сразу, вместе с ними обедали в столовой, [с солдатами]. Считай, что с ними был, покаместь был приказ Сталина, всех русских на родину вернуть, ну это уже я, в ноябре я уже был дома. До Польши, до границы, американцы машинами. Ну там же мы проходили фильтрационный пункт, называется. Военные проверяли кто где, как попал, ну всё, де работал, нам же давали документ, и оттуда я с этим документом и домой приехал, и здесь я вот сдавал. [Там на фильтрационном пункте пробыли], там за день прошло чёрти зна сколько человек. Они там, их стоять, кабинет и готово, чёрт его знает, штук шесть, семь, и если тебя допросили, а, всё, можешь идти. Только если другой не погукает, иди, тебя вот тот зовёт, и я ж до того, а тот выходил говорил, что ты, вот так то делал, вот это делал, ну выпытует. Там полицаев не было, там были все такие подростки.

[Как приехал сюда, в Преслав], я сразу в колхоз, в колхоз пошёл. А потом, после этого, в сорок седьмом году, восстановление, "Запорожсталь", нас забрали, как всё равно в армию, двадцать пятый, двадцать шестой год. Как работали, парни русские говорили: "Ребята у нас в армию, а у вас на работу!" *[нерозбірливо]* восстановление "Запорожстали". [Ну это, не Трудармия считалась...]. Не-е, мы жили там, в Запорожье, ну правда...

[Стороння особа]: Их забрали в ФЗО.

Василь Гнатович: В ФЗО пробыли три месяца, а потом... Учили ото, поведут в завод. [В Запорожье, там прожил] четыре года. [Это мы обя-

заны были там...]. Ну как военные. Я потом подал заявление на расчёт, и со мной рассчитались, и я вернулся. [А если б сразу через год], нет. [Надо было отработать какое-то время]. Платили в график, который мы работаем. Это всё ж. У меня допустим, вот я отработал, отучился, и сразу у нас в заводе, на печи, одна была маленькая печь, десятитонная, и нас туда трое, сталь варить. [Потом в Преславе], работал на стройке. [Строили], ну этот, дом престарелых возле Бердянска, в стройотряд я поступил. И здесь строили дома, а после того в колхоз пошёл. [Немцы Преслав разваляли], не сильно. Школа, ну да, там, разрушили. [Это немцы её взорвали]. Короче говоря, точно не могу сказать, кто её взорвал, потому что нас забрали, немцы ещё были здесь.

[А в сорок седьмом, когда голод был, был в Запорожье]. Ну да, нам давали хлеб там, нам отпускали, приносили даже, в общежитие. [Пока там в Запорожье четыре года работал], приезжал в отпуск, приезжал. Да, месячный отпуск. [С города помогал сюда, отцу матери], а как же, мы же получали деньги, там. Ну мы сразу много не получали, может там рублей триста, четыреста рублей, а это ж деньги уже, те деньги ещё. [Продукты по карточкам были тогда в Запорожье], были сразу, а потом отменили, там и хлеб был по карточкам.

[Лучше всего было] при Брежневе. [А при Хрущеве...]. Хрущёв был уже *[нерозбірливо]* у нас, когда я работал на Запорожстали. Приезжал, но он с нами-то не разговаривал, прошёл, за ними там идут люди, охрана, прошёлся по цеху. [Налоги были...]. Я на заводе работал, ну какой налог я могу платить? [В селе когда жил], в сорок седьмом... сорок пятом году, я не помню, я ж пацан ещё был, ещё родители были, може они так и платили. Ну там было, платили там и за мясо, платили, и за... яички, молоко сдавали в колхоз, всё. Ну я ж ещё был пацаном, не женился ещё, а когда я уже женился, с сорок девятого года уже это отменено было, уже этого не было, чтоб мясо, и *[нерозбірливо]*.

А сейчас, вон видите, разваляли все коровники, а мы их строили. Я работал в колхозе, а потом, в каком, в шестьдесят... втором, начали дом культуры строить. Весь колхоз строил, людей нету, у них не хватает людей, и нас направили туда, сколько нас, четыре человека, пять, на дом культуры. И мы построили дом культуры, *[нерозбірливо]*. Садик, весь колхоз строил, потом пошли по коровникам, ну там начали платить, уже разряды повесили нам, я остался там, не вернулся сюда, в колхоз, и до пенсии я там работал.

[По молодости гулять ходили, там...]. ...де соберёшься там и будешь. Они все, ну шо село компании, здесь компания, там компания, но все знаются, бывало разное. [Колядовать ходили]. Ходили, мявкали по ок-

нам, ну идёт спивак, а мы по окнам ходим предупреждаем, шо б его, мявкаем,

Как коты. [Это мы помладше, те которые мявкали]. Да, мы молодёжь, а те уже старше. [А колядовали это хлопцы уже постарше]. Ну это уже парубки ходили спивали, [можно было уже, чтоб не мявкать, а колядовать ходить]. Уже лет восемнадцать, даже и старше, и моложе были, им, видно, рассказывали, как до колхозов жили люди, и, а нам, просто кинут сала кусок *[сміється]*. [Так и называли нас, котами]. То, сие было заведено так раньше. [Это вот коледари ходили], они большинство ходили там де девчата есть, спивать девчатам. [А девчата там себе собирались].

[Стороння особа]: Не, девчата ж не колядуют.

Василь Гнатович: [То еще сидянки были...], но я нет, [не ходил], мы ещё молодые были на сидянках. [Но застали ещё их. Сидянки], ото сидят, одни вяжут, другие шьют. Ну там кавалеры придут. [Смотрят, какая лучше], сядут и там с ними беседуют. [А то вечеринки были], то вечеринки были, танцевали. По домам вот это вот [собирались], у *[нерозбірливо]* наняли гармониста, играют, они танцуют. Такого не было, [чтоб выпивали на вечеринках]. Я [первый раз] пробовал в Германии, фэ-э, давали! *[Нерозбірливо]* выдирали, денатурат такой. Лучше не надо [его пить], и ослепнуть и всё. У нас есть такие ребята, что работали, там де красят, вот это вот, они от туда, как либо.

Я деда не застал, отец был в семье у нас старший. [Ну мать там скажет тоже], конечно можно, ну как и сейчас, ну мы и щас как живём, ага, она скажет, что вот это надо и покупаем. [Я женился, сколько мне было], в сорок девятом женился, двадцать три года. [Жена с Юрьевки], какая разница, тогда уже не было. [И до войны] тоже женились тут, в Преславе и за русской, и за болгаркой.

[То с Комышеваткой не мирили], ну это ж как не мирились. Вот камышеватцы идут, нападают на преславцев, на болгар, а болгары на них, и ото на краю села, как встренутся, так драка, пацаны. У взрослых не было, пацаны, ото, дерутся ото на краю. [В Преславе тоже ж русские жили, там на "сопливке"], ну и щас так, и щас так, и в Камышеватке есть болгары тоже, везде, щас у нас смешано всё. [От то есть цыганский Вайсал], ну как цигане оденуться. И не разговаривают так как преславцы, как-то другие акценты.

[Как ещё маленькими хлопцами были, играли], вот это, как называли их... *[нерозбірливо]* ото бегали, по-болгарски я знаю, а по-русски не скажу... Ото четыре человека, и ото передают мяч, а ты бьешь. [Шикальчета играли]. Ну было дело, делали из кирпича, кругленькие, а то было с барашек, с косточек. [Приговаривали что-то, когда в них играли], а

я не помню, то большинство занимались дивчата. [То считалось девчачьи игры, а хлопцы больше, река... рыбалка].

Хоменко Тамара Ивановна, 1926 року народження. с. Преслав, Приморського району Запорізької області[1]

[Я родилась в 1926-м году здесь, в Преславе. Девичья фамилия Филимонова]. И то и се, всего по чуть-чуть! Но больше украинская! Ну, мама украинка, бабушка украинка! [Дедушка и бабушка отсюда]. Восемь классов [окончила], в 41-м году. Закончила семь классов, потом перерыв, оккупировали территорию, с 41-го, по 43-й год. В 43-м году пошла учиться, ну в школу к себе, а потом надумала учиться дальше. Сельскохозяйственный я в Приморске кончала! А потом пошла работать...

[Семья у нас была] большая! Нас было шестеро детей. Отец и мать. [Отец Филимонов Иван Иванович]. Он очень грамотный был на то время! [Он учился] в Днепропетровске в институте! Но, заочно учился, мы уже были! Он учился в духовной семинарии при царской власти, а когда начиналась совет... Ну, не советская власть, а вот эта вот революц... перед революция! А прогрессивные кто?! Студенты! Вот и они, духовные, а можно было духовным учиться, когда они иконам глаза выкалывали! Они уже ни во что не верили! Их сразу, а их три сины было, учились...

[В семинарии] тут, у нас, в Преславе учились три сына, и все учились хорошо! И все были... Дед был Иван Петрович! Ну, ото базарником был, шо раньше на базарах, скот резал, резал скот, резал рыбу, ну таким занимался! Детей было у него много, у нашего дедушки и все были умные. Семинарию они уже... [разогнали] ...Наверно сразу уже после революции. Когда уже сменилась власть, тогда, наверно, и семинария та духовная! А была пед, педагогическая, а то была духовная. Ну, чего все наши хлопцы училися в духовной, я вот знаю, что так?! Може, еще не было пед, а то была духовная, а потом пед! Ну, и что, взяли и исключили их с этой школы, духовной семинарии. Троих! За бунт! Ну как бунт?! Бунт! Неподчинение, оговорки пошли, против этих своих духовных учителей пошли! Вот это оно и есть бунт! И их сняли всех, сняли всех. Ну, сняли, выгнали да и все. Уже дедушка ходил просил: “Давайте, если они нельзя у вас учиться, то пусть учаться в

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (31 липня – 1 серпня, 2004 р.).

другом месте!" Один учился где-то в Крыму, один поехал в Москву, а наш в Днепропетровске. И вот так! И вот получилось у этих хлопцев! Ну, хоть разрешили хоть где-то учиться, они способные были.

Дядя мой, который в Москве, окончил самое высшее, это Темерязевская академия! Это выше уже нет! Он по сельскому хозяйству! По сельскому хозяйству! Темерязевская академия по сельскому хозяйству! Он не вернулся, он там себе потом и жил. Он там и умер. В общем, он простудился, заболел и поехал лечиться в Польшу. А в Польше в то время вредили нам, в место того чтоб убивать... в общем он заработал туберкулез. Вместо того, чтоб убивать палочку, они вводили палочку! И когда он попал в Крым после Польши, врачи сразу спросили: "Где вы лечились?" Он сказал: "В Польше!" "А, ну теперь понятно!" И ничего не могли сделать! Было такое, было! И он там... А приезжал каждое лето, каждое лето приезжал. И раньше, чтоб вот это ремонтировать во время уборочной, вот эти комбайны, надо было таскать их аж в Бердянск. Ну не было тут, до войны, не было. Потом уже было в районе, а то в Бердянске. Когда это будет хлеб, пока ты будешь ждать, чтоб этот комбайн оттащить, и это все. А он как только приедет, и он все сразу избавит, там где поломка, он пойдет сделает. И не только помогал нашему селу, а обеспечал несколько сел.

Звали его, чтоб он... И мама даже говорила: "Вася! Ты ж такой красивый, нарядный, куда ты од эту комбайн!" Он: "Настасья Федоровна! Куплю себе!" – та ну он же выходец отсюда, знает, что такое хлеборобы, знает что такое хлеб растить, знает все. Он же крестьянин! Ну, только... Сам по себе выучился, вот так без помощи. Работал, учился и дошел до Темерязевской академии и окончил. И был очень авторитетный мужик! А другой, учителем, сестра его, тетка моя, учительница! В общем все вышли в свет! Хотя он был бедняк!

Я прадедов не знаю, а дедушку и бабушку знаю хорошо. Дед в основном занимался, насколько я его помню, он был рыбаком. Рыбачил! Ну, тогда наверно сам. На лодке, как-то сети ставил! Ну, не знаю как, ну говорили все, что дед рыбу ловит. А потом он работал, сколько я себя помню, он работал базарником. Где там местовое, то ж базар был два раза в неделю.

[Отец] был партизаном до войны! Ну как воевал! Рассказывал, что был партизаном, рассказывал, что воевал! А как попал?! За советскую власть боролись, тогда брали, чтоб беляков... Были против беляков, были, наверно, уже группы тут собиралися. Оно было так, то Деникин захватит, то Врангель, то захватит, то! То Махно! Ну было ж такое?! Туда, сюда! И вот была партизанщина, которая вот это, Антанта называлась, все зубы точила, чтоб развалить! И сколько раз его и арестовы-

вали, когда он был партизаном. Арестовали его в этом, в Бердянске, его арестовал Махно, Нестор Махно.

Ну, рассказывал. Как-то наш отец взял и проболтался, что видел Махна! И вот и взяли его за болтовню, арестовали и в тюрьму, и вот все – к расстрелу! Говорит: "Все! За болтовню!" "Чего ты распространяешь?! Слушали, что мы Махна убьём, мы Махна разгоним!" Они ж партизаны, они ж за это вот! Ну и все! "Давайте, – говорит, – последнее слово перед смертью! Будем расстреливать!" Отец: "Какое последнее слово – закурить, – последнее желание, – ну и пока собираемся там туда-сюда, покурить, там поют наши! Освободили тюрьму, распахнули двери и нас фьють!" И Махно сразу бац! А Махно, ну какую Махно вел политику?! Захватническую, как банда! Захватит, награбит – уйдет! Он не нашим, не вашим, ни белым, ни красным! Он же такую политику вел! Ну, вот в этом селе, мамино село, откуда мама родом, ну и поехал же-ж, не далеко, под Мелитополем, в гости, нагостевался и в тюрьму попал!

А там, как его... Константиновка! Константиновка! И вот в этой Константиновке, он говорит: "Ты смотри, у вас еще и беляки ходят! А мы свои, давно уже в море повкидали!" Ну, да, беляки! Сразу донесли, сразу его арестовали! Мама ждет, ждет, чтоб ему все это... А он там!.. Навел порядок! Ну и сидел в тюрьме. А его там начальник допрашивал, а этот начальник был вместе с ним, где-то тоже когда-то воевали, друг пошел за беляков, а я пошел за тех! Вот все, развалилися! Ну, она не как мировая, она революция, не... Когда революция, вот это вот! Именно, когда революция! Ну не мировой, а революция. Ну и да. "Ты что, – говорит, – ты уже сюда!" "Ну, жизнь такая, а я вот так вот!"

Отец говорит, разбежалися, я у тех, а этот сюда! Да, ну и что. Говорит: "Вышел я, и охрана там, под конвоем, а туалетная..." – ну раньше какие были, это щас там все внутри, а там на улице туалетная стоит. Ну и отец вышел, пошел в туалетную, часовой подпер двери, отец так рассказывал, держит. Он же заключенный, чтоб же не убежал. А он как посмотрел, а у туалета крыши нету, раз, вскочил, сюда на низ и пошел себе в свою палату, лег и лежит! Вот тот держал, держал: "Скоро ты там?!" *[Сміється]*. Открывает двери – никого нету! Паника!!! Сбежал с тюрмы, сбежал!!! Пришли посмотрели, он лежит себе! Начальник говорит: "Если будете так караулить, они у вас все разбегутся!"

[А отец] не захотел сбежать! Он надеялся, что его... Он другим способом себе завоевал! Если сбежит, то поймают, то хуже будет. А так его в доверие вошел, сами взяли и отпустили! Ну так вот это, что он не сбежал! Мог же сбежать! Вот это он сказал, что лучше... *[сміється]*. Смотрите: "Вот смотрите, хорошо, что я вот не сбежал! А вот другие

убежат! А чего, ну сказал, да и сказал! Ну беляки...” *[нерозбірливо]*. Та отец как рассказывал, какая та война была... гражданская. Ну, воевали гражданские между собой! И тут тебе арестую, тут сидят разговаривают! И кто кого обхитрит, кто кого обдурит! Так же было!

“Вот арестовали мене, – говорит [отец], – и посадили в бричку, он с винтовкой, сидит и погоняет лошадкой, арестованного везет!” Это уже третий раз! Ну и что, а тут степи, едут мимо, а тут заяц, он бах! Мимо. Это что везет, у арестованного, у него оружия нету, тот с ружьем! Бац! Не убил. Отец говорит: “Что ты за охотник! Я не одно зайца не промахнулся!” Он дурак, взял да и дал ему ружье! *[Сміється]*. Вот видите, какие они были! У каждого свое виденье и враждовали! Вот и все! И дал, и убег... удрал, все! “Ты ж меня не убивай!” – “Чего я тебя буду... ты ж дай мне лошадку и иди куда хочешь!” Вот это вот такие, это он как рассказывал как... рассказы такие! А более-менее, знаю, что партизаном назывался, против беляков! Вот это такая партизанщина! [Командование какое-то у них было...]. Не говорил. Може раньше и рассказывал, но время пришло, когда мы выросли, то уже ему и не нужно было рассказывать...

[Ну как советская власть устанавливалась...]. Ну, например, я бы сказала, что хорошо относились, так я просто думаю! Ну тогда... ну как... Тогда уже стало... землю взяли себе, землю стали делить, кто сколько захватит, и там обрабатывали землю, а потом так начали маленькие артели делать. А в 25-м году была политика НЕПа. Единоличные были все. Это проводилось... это НЕП – это новая экономическая политика. Ну как... земля вот была, что они могли ее хорошо обрабатывать, вроде как поделили всем. Понимаете, так оно... А потом, потом уже наверное, такое линии еще, и такой политики не стало. А потом, когда уже ввели совхозы, предприятия, то может не выгодно.

Там ж колхозы! Соединяют коллективные хозяйста! Вот тут немножко, конечно, трудности были, большие трудности! Большие трудности. Ну как, не все хотели идти в колхоз, не все знали, что оно такое! Как же, землю заберут, корову заберут, как же! Куда?! А дети?! Как?! Что?! Как будем жить?! А это ж экономия... *[нерозбірливо]* это ж страшно тогда казалось! Ну, наш далекий родственник был организатором, вот этого вот, Соломонов Иван Филиппович, организатор вот этих всех колхозов. Мужичок строгенький! Ну, не хотели люди, не отдавали коров своих, так они не пошли, это очень болезненно прошло! Даже некоторые были и не сдалися, чуть-чуть было, уже сколько, уже и колхозы сколько, они все никак не рискнули сдаться!

[Но с ними] ниче, просто работали, они просто работали, их не трогали, да и все! Они и в колхозе не были, земли не имели, земля переш-

ла в колхоз. В колхозе трудодни были, одни терялись, как на трудодни будем работать! А тут 32-й и 33-й год неурожайный! Голод был очень страшный! Я этот голод помню.

Голод был. Ну, неурожайный год и нигде, ниоткуда! Отец мой получал паёк, хоть какой-то, детям там по-немножку, он работал учителем, он получал. А-а, которые нигде, нигде, люди... Кроме того, нас спасала та рыба! В то время даже очень много умирало людей! Умирало! Везут мертвых, хоронить, как... Уже родственники не могли похоронить! Они все больные, ну как истощенные, они не похоронят! Так были люди, что подбирали, по семьям, где кто умрет, и в бричку их и в братские могилы... Ну преславские люди! Такие, что могли... Каждый может идти и подбирать мертвых, правильно?! Но и такие люди нужны были, я так считаю! Если нет таких людей, то как оно умирают, совсем мертвые будут, и что оно будет?! Такие люди были, что выносили вот эту все!

Вот это нельзя его передать, вот это как подбираешь, как бревно человека подбираешь, черный, опухших, страшный, грязный! Еще голодные! И в бричку их поскидают и там братская могила! Выкопают и вместе все! Людей надо определять где-то! Надо определять! Я помню, мы так пашем: “А что там повезли?” А он: “Та бревна повезли!” А думаю, чего они так висят! А оно ж людей повезли! А папа говорит: “То бревна повезли! Вам надо что то повезли!” – и не хотелось, чтоб знали как мертвых везут, это ж дети! Это ж страшно! Даже был такой случай! Отец говорит: “Пошел я зимой на охоту, на кладбище, а там была часовня! – отец говорит, - слышу я, дите плачет! Я туда-сюда, туда-сюда, ну плачет ребенок! Я пошел туда, и вижу мальчик, еще не умер, а мама уже его отнесла туда! Он хочет кушать, а она не знает, что ему!.. А нету! Все равно, говорит, умрет! Тоже не могла переживать как он тут плачет, она взяла его отнесла, пусть умирает!” Отец посмотрел и узнал этого ребенка, взял его, пошел к ней, говорит: “Ты что, совсем уже?!” Она говорит: “Ты знаешь, Иван Иванович, я просто уже не могу! Он разрывается у меня, просится, кушать хочет! Хочет! Хочет! А я ничего не могу ему дать!” Так отец принес и дите у нее дома умерло! Потом отнесла хоронить таки... Голод это страшно!!! В 47-м году голода такого не было!...

Неурожайный год, ну неоткуда!!! Ну так, неурожайный год! А откуда, чего?! Неурожайный год! А как бы... был бы голод, если б совсем не уродило! Ну, земля была бы, а она не дала урожая, тоже самое! Может, если бы кто имели запасы! Это другое дело! А если без запасов, то... У некоторых людей были и запасы, и отбирали те запасы, раздавали этим, которые... ну это ж считается, что... грубое нарушение – у того

отбирать, тому давать! Отбирали! Вот активные люди... тоже такие активные люди, которые помогали уже этим! Они уже отбирали, которые более-менее что-то имели, искали... А что делать?! Може и нельзя, а иначе что делать?! Нарушение! Да, нарушение! Но, вот это и было нарушение! Но был голод, выживать как-то надо было! А иначе как?! Те спасутся, а те пусть умирают! Значит они хотели, чтоб... а мало еще кому... Нужно было хлеб, зерно... Надо ж было! А отбирали! Мой отец не ходил отбирать! Он не мог переживать, когда дети плачут! Он говорит: "Вот мы отбираем, а они, эти самые, дети плачут!" Отец говорит: "Я учитель, детей учу! Значит, отбирай!.. Ребенок не виноватый, что у того есть зерно, у того нет зерна! Ребенок того не понимает!" Они только знают, что родители не дают! Что вот делать с ними, что они плачут – держутся за эти вот мешочки?! "Я, – говорит, – этого делать не могу!" Вот от этого, что он не мог это делать! От не мог...

[Ему] не надо было [это делать]!!! Просто приглашали! Приглашали! Ну как, актив какой-то в селе, который и должен спасать! Вот так они и рассуждали, что нужна такая операция или не так... ну, Сталин, сделал, в коллективизацию перегибы большие! Вот из-за этого же... [Ну были перегибы...]. Ну, вот это ж быстро... Надо было коллективизацию сделать медленно – внедрить там, там! Потихоньку! Чтобы люди видели, что там колхозы, все, все окупает себя, хорошо! А если здесь сделать за два года, с 31-го, 32-го, 33-го, вот это они по селу сделали коллективизацию! Так это ж... конечно, это ж слишком быстро! Ну, так он считал нужно...

[В голод рыбой спасались]. И каждый ходил, и артель была. Артель организована была, они подплывали сюда к берегу, к берегу и ходили... и каждый... А что могли им дать, а вот это я не могла знать, вот это в 33-м году я не поняла... Уже... вот он когда в 47-м, в сорок... знаю что таки приезжали и... на что меняли, когда у них ничего не было... А! Табак давали! Табак рыбакам дадут, они рыбки подбросят... В магазине ж был табак! Был табак... [Покупали и...]. Были ж деньги. Все было! 46-й, 7-й год все, было! Я училась в техникуме, нам деньги давали, паек, хлеба давали! Отец паек зерном... зерном, мукой получал! Спасали! Ну, в 46-м году... мертвых... такого не было... Карабкались, мы хорошо выкарабкались! А в тридцать... Сразу!!! Новая власть! Неурожай! Что ты ...*[нерозбірливо]*... люди все расселялись... это ж очень трудно. А власть меняется – оно ж и все меняется! Все меняется! Сейчас же тоже власть поменялась! И мы не знаем, какая наша власть! Демократия, правильно?!

[Репрессии в селе были...]. Я их не хорошо помню! *[Сміється]*. У нас... мы ж маленькие, не понимали, и говорят, что вот: "Не ходите по

улице! Кого поймают, сразу арестуют!" *[Сміється]*. Отца моего, репрессировали! Щас скажу за что! Он работал директором школы, было указание из области... Когда он работал, первая власть, когда советская власть, было много неграмотных. Детей учить надо, неграмотные, а учителей очень мало. И те учителя, ну, жены активистов, вот... ну... малограмотные, ну мали! Вот, например, у моей подруги мама была, очень малограмотная, Шура баба была, Анакеева! Мы уже в четвертом классе проверяли ее детей, плохо потому что, мы учились хорошо с этой подругой, проверяли тетради, ну мы ж не учитель! Но на то время не было, была нехватка! Вот так работали. А потом пришла директива свыше, на отца моего, на директора школы. Подбирайте кадры с образованием, а которые без образования освобождайте. Отец так и сделал, двоих снял! Вот это Шуру снял, а муж работал в магазине. Ее муж, которая преподавала... А другая была, жена председателя колхоза! И пришлось отцу их сменять. Шишки ж правда?! Вот из чего он ищет себе грамотных учителей, чтоб можно было работать. Вот это вот! Вот за это самое его и взяли.

Даже это... я не особо так реагировала, а сестра моя старшая сильно реагировала: "Папа, – говорит, – шел и отца взяли..." И в сельсовете была эта самая... ну как вам сказать... ну как комната такая, ну как там для милиции и замкнули его таким ключем! Побежала домой и плачет: "Отец закрытый! Мне не так обидно, что он закрытый, а чего вот таким замком, как будто, он убежит оттуда!" Да, и когда провожали его на машине, кричали: "Не подходите к детям!" Ну, это ж наверно из какого отдела приезжали или кто. Я не могу сказать. Вот это я знаю, забрали его. Отец не падал духом вовсе! А еще... Вот эта учительница, что меня учила, Ольга Петровна, она была кончила... ну, то ли техникум, то ли... ну не институт конечно! Ну, кончила, с образованием. А получается, мужа репрессировали! Вот и к отцу пришли, что активистов снимает с работы, а врагам народа!!!.. Вот это было! А тогда никто! Они приходили к нам, вот эти, которые подали материалы, чтоб: "Извини, Иван Иванович, мы это сделали!" – этой самой Шуры, Жабжан!

И что, отца отправили в Коларово, тогда был Коларовский район, в Коларово! А у нас девочка была, сестренка самая маленькая, шестимесячная. Ну, естественно, она там что поделает, на свидание надо ж матери пойти. Вот мама и пошла на свидание туда, оставляла такую маленькую, крохотную. Ну, характерно то, что когда мама шла, тогда не было автобусов, не было... Бездорожье! Где та Коларовка! А наши, с села, с района, ездили туда, за продуктами. И мама когда просилась, что оставила Светлану дома и меня, он сказали: "Машину врагам народа не даем!" И вот она пошла в такие дни! А мы с той девчонкой не

знали что делать! Маленькая! Потом, отец просидел ровно месяц, и его пустили. Потом отец ставил им встречный вопрос: "Хорошо! Вы говорите, что враг народа! Враг народа, а я жену устроил на работу, чего ж вы, если враг народа, чего ж вы не убрали раньше?!" "А мы откуда знали?" Отец говорит: "Правильно! Вы работаете в этих органах, вы не знаете, а я учитель, директор, откуда я знаю, кто у вас враг народа! И так и так, правильно! – Чего ж вы их не убирали, а меня!.. Мне надо документ, чтоб он работал с детьми, а там враг народа! Ну, так если враг народа, чего ж вы?!"

И вот это оправдали и оправдали дедушку, вот рядом он тут с нами жил. А его взяли за то, что он при царской власти, то был... был при царском дворе! Служил при царском дворе: "Ну, хорошо служил я, солдат! Вы вот щас берете в армию, я ж вот не иду в армию!" – это отец его научил, потому что он немножко не то... Неграмотный, хтозна как он себя там. Ну, берут в армию, как я скажу! Это ж армия! И меня забирали, и я пошел! Меня направляют туда, как я скажу, не хочу?!" "А что ты там делал?" "Открывал ворота и закрывал!" Его там взяли, по рост, или как, стоит там, в царском дворе, это он же солдатом! Красиво, интересно! Ну так же?! *[Нерозбірливо]*. Ну, та я откуда знаю, открою, закрою... стою на посту! И его отпустили!

Потом, еще молодые, была Галя Филипповна, и трое чи четверо, молодые учителя. А их за то, что якобы они, что учились в Ленинграде, а тогда убили Кирова, из-за нашего студенчества, и вот так вывезли и так они и не вернулись! Здесь [арестовали их]... родители их здесь, они здесь были и здесь их как раз арестовали! Вот это такие! И много, очень много, и были такие, что действительно, кто его знает!

[Люди доносили друг на друга, как-то мстили...]. Ну, что ты там с ним, по мести это, по мести! Он взял ту, а ту снял! Откуда отец знает, кто враг народа, она пришла с документами, а была директива с области, это ж идет от инстанции... Вот я вам скажу, вот этот шофер, маму который не хотел взять, вот он действительно: "Вот враг народа!" – и все! А чего враг, а потом, когда отец вернулся, как же людям было смотреть ему в глаза! Как этим людям?! Приходили на дому извинялись!

Интеллигенция у нас была, у нас был техникум, агротехникум назывался. Ну, интеллигенция была! Школа была, семилетка. А потом, щас вам скажу в каком году, по-моему в 37-м году или немножко раньше, стала уже десятилетка. Я это помню! А мы учились, между прочим, на болгарском языке! Четыре года мы учились на болгарском языке! Школа была на болгарском языке! Но была и украинская, там дети, которые туда, их отделяли, их там мало было. А мы болгары все! И сразу же в пятый класс пошли и русский! [Помню учителей, кото-

рые нас учили]. Митрофан Степанович Пенчев был! Моя учительница, очень хорошая, с первого класса, Ольга Петровна, очень хорошая учительница была. Она нас учила болгарскому. Ну, четвертый класс, это ж еще не предметный, а учитель ведет нас. Первые три года, потом четвертый, в пятый мы пошли, все учителя нас там учили.

[Вот эти, что приезжие болгары, что учителя были...]. Расскажу про одну семья, с которыми мы дружили с ними. Это были Елена Генчевна Найденова, они со своим мужем приехали... В общем они так приехали, сразу приехал он. Он в Болгарии жил, бедняк был, ну и поднялся организовывать... тоже, что у них в Болгарии была советская власть! Чтоб советы были! Грамотный видно, болгарский, писал, наверно, работы какие-то. И он приехал, вот сюда, в Преслав к нам добрался. А жена его была очень богатая, дочь священника в Болгарии. Так она рискнула, бросила там все богатство, бросила дом, там все, и... где оно там пишется, я читала, что она переплыла... через какую-то реку с маленьким ребенком в 24-м году. Значит она переплыла... вот в 24-м году, если мальчик 25-го... раньше где-то. В общем она с маленьким Жориком преплыла сюда и нашла своего мужа здесь. Помогла ему очень много финансом, она имела наследство и они жили у нас в Преславе! Она работала завучем в пед... вот этом училище, педагогическом... техникуме или училище, как оно называется! Вот она работала завучем! Очень хорошая была женщина!!! Энергичная... Ну, по-русски плохо говорила... но-о...

Тогда ж семинария была болгарская и они учили на болгарском языке... они, как-то... не знаю, почему они с ними... с нами сдружились... може чи шо отец их чи шо... Ну, сдружились! Дружили... Ихние дети – от это Жора дружился, старший из сыновей! Мы дружились ихней второй, мальчика родилась уже здесь у них, вторая эта... второй ребенок! А потом его не стало здесь, он был преподавателем, а он преподавал в сельхозтехникуме... Преподаватель... Его не стало! Он где-то в Крыму. Он приедет и уедет – она здесь работала, все, прислуг держала! Даже моя сестра двоюродная, работала у нее! Прислуга... Ну, [это] после 25-го года. Держали [прислугу]. А чего ж не держали!? Держали!

Платили ей! И ничего... Как платила?! Она дает деньги и говорит: “Вот это, Оля, корми детей, корми нас, что надо покупай на рынке и мешай, какое хозяйство... Рынок! Покупай и готовь! И себе выкраивай, и сама живи, что надо покупай!” На, тебе! Но деньгами все засыпали ее, все время деньгами! Деньгами засыпали! Никто не знал, откуда эта женщина может брать такие деньги! Сама от это вот... Сама придет до мамы, это от тетка мамина... Я не знаю, как приедет он – денег полно, муж тогда приедет! Все! Кем он там работал, в Крыму! Что он там де-

лал, никто не знал! Никто не знал! А тут... А когда была репрессия, ее репрессировали, ее забрали... Бо репрессия... Елена Генчевна, Елена Генчевна была интеллигенция на все село! Она любила демонстрации "первомайские" делать, "октябрьские", такие... какие праздники, что за советскую власть! Она душой горела, все организовала, всех поднимет, все народ, все!!! Это ее идея была большая очень, могла это делать! А муж не пока... ну, покажется когда там в гости, и все, и нет! А потом уже, когда мать репрессировали, дети поехали к отцу в Крым! Жора и Мая, что они здесь делать...

Никто не знает [за что репрессировали]! Никто не знает! Репрессировали... Она здоровьем была слабенькая, она вскорости там и умерла! Куда-то их высылали! Просто условия для нее не подошли! А она... Вроде как прислуга... Как платила?... Она наживы-то от нее не имела, то тогда эксплуатируешь, когда имеешь наживы от нее, а она что... могла и уйти, могла и быть у них! Не понравится – уйдет... это не эксплуатация! Эксплуатация – это когда ты не можешь уйти, или доход с тебя имеет хозяин, то да! А то что... Платили, она прожила... девчонка, она еще и замужем была, ей было не плохо! Она себе пойдет и... экономила ж себе, то деньгами давали, свекруха готовила, питались хорошо, уборку делала, от это то... За детьми смотрела! От это то!

А потом уже, как дети уехали, тут война началась! После сколько времени война... Мы потерялись где они, к отцу уехали в Крым и все! А потом прошло уже сколько лет, в 75-м году, приезжает сын с Болгарии, вот этой Елены Генчевны, которая тут... Найденов! Вот этот, Найденов Жорик, он приезжает сюда... А как он попал?... По вызову ли, хотели... По-моему, заврайоно был болгарин с какого-то села нашего, Шталинский, он, по-моему, писал книгу про это, про наших все, он написал книгу. И наверное, что-то разузнал, где находится... *[нерозбірливо]* ...вопрос... Он учился у нас, этот парень, Шталинский, выучился, стал заврайоно. Ну, он у нас, в Преславе и учился, и, наверно, знает хорошо эту семью, и он заинтересовался, где ж делся... Наверно, как-то, как-то... Нашел его в Болгарии! Он то ли... *[нерозбірливо]* ...в общем в таком роде...

И он приезжал! И он рассказывал, что когда поехал к отцу война началась, он пошел и в Крыму остался, где-то партизанить, Жора, а отец с Маей эвакуировались... туда ж, вглубь страны. А потом же, говорит, и тот... Маю... отец умер! А Мая вышла замуж – попала в Ленинград! Живет в Ленинграде. А он себе, уехал после войны окончательно, ну уехал в свою Болгарию, на родину родителей, и там он себе живет и процветает. И так я попросила, говорю: "Даш мне, – это самое, – адрес Маи," – потому что мы с Маей дружили. Я 26-го года, она 25-го, Сте-

пан 28-го, и-и мы... ну, вместе в школу ходили. И наш директор школы, Тамара Егоровна: "Успеешь! Даст еще!" И все! Его туда потянули, его туда потянули, ну а как же – жил у нас, знают его все, и все потянули, и-и все, и с концами! И до сих пор мне досадно, хоть бы взяла... хоть бы Маечка... как она там...

Мы и сестру назвали в честь этой Маи, и сестра у нас была Мая! Так любили вот эту девочку. Мама говорит: "Ну, вот эту вот назовем как кто придет к нам первый сегодня! Вот воскресенье, к вашим подругам, кто придет первый, так мы девочку назовем!" Пришла Вера, мы наморщились – прячем, не скажем маме, что Вера приходила! Да и отец тоже с нами держался: "А... мама, не будет знать!" Она ходила там: "Кто приходил?" "Никто!" Ну, сели мы завтракать, через сколько открывается дверь, заходит Мая! Она больше ходила к моей сестренке, она была меньше, да. А мы, как те дикари, как кинемся на нее, она не знает чего – и целуем, и обнимаем, и прижимаем, она не знает в чем дело! "Мая! – кричим, – Мая, и все!" И назвали сестренку Маей в честь этой Маи! И так мы потерялись...

От такая у нас была семья! И все одни девчата, и приучил нас [отец] пилить вместе с ним, и на море ходить рыбку ловить! Везде нас брал отец! А как, мальчика нет?! Он все говорил: "Я всех вас за одного... мальчика, отдам!" *[Сміється]*. Да!

[А потом отец...]. Он уже не был директором школы, как его репрессовали... А раньше там в 34-м, 35-м, 36-м, годах, а в 37-м его это взяли... *[нерозбірливо]* до войны и сразу после войны... *[нерозбірливо]*. Там где их кабинет, там и занимается с ними. К нам приходили, к одной подружки придут, к другой, к третей, и все, все, и мама говорили, как сборище всего! И отец как начнет им рассказывать, это было очень интересно. И он там им рассказывает и про грозу, и про направление ветра, и там с компасом. Я знаю, все замечал, какие-то мелочи.

[Войну хорошо помню...]. А как же!!! А как же, мне тогда 15 лет было, я хорошо помню как наступали, как отступали! Как немцы?! У нас на квартире сразу румыны были! Зашли в село, уже слышно было вот-вот! Сестра моя приехала с Одессы, она училась в пединституте на учителя. Раиса Ивановна, еще живая. Барышня уже! Говорит: "О! Барышень!" – не знает что... *[нерозбірливо]* ...нам по 15 лет, мы еще не можем осмыслить. Чего они на них! Вторая сестра, тоже отличница, кончила школу, подала документы в мед, в Москву, там дядя был и она подала. Так и документы ляснули, война и все! Та дома сидела и носа не показывала, та Рая, а нам интересно, как же это придут. Кто придет, какие они! Уже мы точно знали, что будут отступать, потому что была у нас в нашем дворе, такая времянка, так в той времянке повар был,

питался комсостав, офицеры питалися. Тут у нас был дом большой шикарный, в то время не было больше таких. Это сейчас дома строят от и до, а в то время у нас был хороший дом, на то время считался! Щас он не считается! Там отдельная времянка, там они готовят, в дом заходят кушают. Человек 40-50. Они так, которые не на фронт, а потом, некоторые раненые, больные, потом опять их отправляют. Вот они питались у нас. Повар свой был, помощник и маму взяли! Мама говорит: "У меня детей много!" – "Будем вас кормить и детей, только дайте нам вот это все!"

Потом смотрим, вот этот Гриша, повар, говорит: "Вы знаете, тетя Настя, мы наверно отступаем. Отступаем, все!" И так быстро, что даже продукты свои не успели, ничего! Утром все, все! Наши все, молниеносно! А мы ждем уже! Отсюда идут с Мелитополя, там уже немец, все. У нас уже слышно. Ну и как-то заезжают, эти румыны, цыгане, такие некультурные! Разбовтаные такие, солдаты такие! *[Сміється]*. Офицера у них были нормальные, хорошие люди. А это... ну и ходили смотрели, смотрели, ну и забронировали сразу, тут у вас будет один, показывает, один будет, какой-то начальник! Ну, один так один, нам что, будешь сопротивляться?! Только сказал: "Партизан нету?" Мама сразу не могла осмыслить: "Партизан!?" – Оказывается на вшей! Да! Ну, знаешь, тогда ж мы еще отставшие люди были! Мать говорит: "Если боитесь, то марш отсюда, если боишься ты партизан!" Мать: "Какие партизаны? – Мы ж хотим узнать! Показывает на постель. – А, можете не волноваться, если волнуетесь, марш отсюда! А ну вас! " Марш, значит... мать так круто с ними! Марш отсюда! Ну, да, со своим денщиком, пришел денщик с ним. Красивый! "Я, – говорит, – кадровик!" Немножко и разговаривает по-русски, кадровую закончил, ну, в общем военную школу, ну и тут, значит, война сразу!

У нас у детворы, интерес к нему, как все блестящее на нем! С иголочки, ну интеллигент, все красивый, мы рты пораскрывали! А мой дедушка мог немножко говорит по-румынски, он говорил, что он там с молдавских мест. И вот они с ним все ди-ди-ди. Ну все. А в этой летней кухне, где те питалися, туда всех солдат своих, всех. Покотом, где что, все! Цыгане, настоящие цыгане! И в коридорчике тоже. А он занял залу нашу, с этим, и этого денщика тоже с ними. Мама говорит: "Давай, я и ему постелю здесь?" – "Не положено!" Он же офицер, он же... и вдруг тут будет какой-то! Мама говорит, что он же твой же, непосредственно, мы ж этого не знали, мы ж думали как у нас у все, а у них же видишь как! Ну ладно! И что-то там они в коридоре поспорили, подняли такой галдеж! Он выйдет как крикнет на них!

Вставал этот... Как раз моя старшая сестра была, мы так спали, а он так спал в зале, через эту прихожую надо было проходить. Встал он и начал совсем говорить красиво по-русски с ней! Говорит: “Вставай! Я хочу с тобой поговорить!” Она: “Не встану! И будешь еще вставать, я кричать буду!” А там же мать, там детворы много! Конечно, он шел к себе, лег. А утром она так сбежала, шо и глаза не показывала, испугалася! А он оставил... А нам интересно было, как он кремился, и пачки стояли, ну культура, дальше некуда! И он там оставил, говорит: “Это вот Рае! Раисе Ивановне, Рае! ” – и вот это поставил. И эти ушли, а потом другие были. И там потом основались, там где это вот технику был...

А немцы были в школе, они заняли школу, у нас была школа, потом они ее спалили. То где и сейчас школа, там была школа, только... та школа была красивее! Щас строят так их... сарай какой-то! Красивая была, я там училась. Там и сестры учились, красивая была школа! Там немцы, которые, только высший состав, отдыхающие, наверно. То ли после лечения, то ли как! А румыны там занимали. И больше всего по селу шастали румыны! Румыны! Им даже разрешено было кому-то плеткой дать!

Ну [так обижать], чтоб сказала, чтоб сильно?! Я б не сказала, что лупили! Только вечеринки вот эти, всякие вечеринки не разрешали собирать. Не разрешали собирать. Почему?! Потому что считалось, что где собираются, там заговор какой-то, таит. Вполне естественно! Раз собираются, чего молодежь собирается?! Не разрешали! Разгоняли! И как-то и я, маленькая, тоже попала! Ну, не маленькая, 15 лет. Ну не получили! На вечеринки я не ходила, а старшая сестра ходила. Ну и что?! Ну, пошла и я на эту вечеринку! Как заскакивают два офицера, румына, разгонять! Ну, разгонять! И один же снимает свой ремень с поясом, а бабушка сидит... А раньше у нас на вечеринки ходили с бабушками, с тетушками! Охраняли своих! Ну и бабушка как сидела, так и подвесила его... *[сміється]* ...бабушка так и замерла! И начал сразу делить, девки отдельно, хлопцы отдельно! Подчинялись! Та с такими плетка, а что?! Подчинялись! Хлопцы стали... да, хлопцев отлупили, конечно! Ну, не до полусмерти, а так раза два-три плетками! А девчат, правда, не тронули: “Идите, чтоб это было последний раз!” – вот это были Петар и Коста, вот мы запомнили этих офицеров!

А потом эти офицера и к нам заходили! Заходили познакомиться, у них была рация, и куда-то они передавать что-то хотели! Они говорили: “Мы, румынские коммунисты! – Ну, так они нам говорили. – Мы хотим что-то передать, а не можем найти, не можем найти... ну такой двор, чтоб нас не предали! Понимаете! Ну, вроде, показали, что этот

двор не предадут! ” Ну, они заходят и стучат: “У вас есть девки?” Те: “Есть! Мадам!” *[Сміється]*. “Открывайте!” Ну что, мама моя, та иногда сопротивляется, а отец не! Ну, как тут сопротивляться будешь, надо знать, где сопротивляться: “Заходите!” Там свою рацию, что-то огни там ловят: “Давай! Девки пусть там будут!” Ну, в смысле девки им не нужны, а им там. И они сказали отцу, что мы вот так кадровики и все, но у нас связь большая с коммунистами румынскими! Петер и Коста, вот это и гоняют всех и все. А вдруг как усекут, так они к девкам пришли! Да, ну вот как они... к девкам!

А вот те, которые были в школе, то немцы были, то настоящие немцы были! И был такой случай, ходил один немец, искал швейную машинку, ну ремонтироваться там им. Ну там им надо! Им указали, что у нашем дворе есть, потому что мама сама швея. Ну, тоже был спор с мамой и отцом. Отец говорит: “Давай!” А она: “Не дам!” – “Ну как не дашь! Он тебе и спрашивать не будеть! Зайдет в дом и возьмет!” – “Не дам! А что я останусь без машинки, чем я работать!”

Ну, правда, а что она будет делать! Отдаст, а потом не вернут! А он: “Я потом принесу! Мы ее забираем, мы ее и принесем!” А зашел он сразу в дом, а я больная была, в общем, простыла и получилась у меня плевит, сухой плевит! Очень, очень такая болезнь, что мама мне и платичко пошила, отправлять на тот свет. А я и думаю, чего она мне надумала платье шить. Я говорю: “Мама! А зачем мне это новое платье!” – “А что плохо?! Разве тебе не пригодится платье?!” Ну раз мама говорит, значит пригодится! Мама там хочет меня нарядить, там что. А сама я лежала уже не вставала, вот лежу, все так вертеться. Вдруг тут заходит, а я уже семь классов закончила, я уже немецкий немного знала! Он меня спросил: “Ты больная?” Я сказала: “Да!” – “А где родители?” Там сказала, что они в маленьком домике, летом там они возятся, а спать когда ночью придут, а там целый день, там себе. Ну, уже было вечер. Он нашел родителей, побеседовал, машинку взял, и сказал: “Я ее буду лечить! Я знаю как! У нас там пенициллин есть! Потому что она у вас не будеть жить!” Врачей у нас не было, оккупированная территория! Мама: “Он ее умертвит!” Отец говорит: “Да зачем она ему надо, чтоб ее умертвлял?! Та ну что там уколы, или что эксперименты будет делать там над твоей, что она уже опустила одну ногу в труну! Ну, приходи, делай уколы!” Да притом у нас пенициллина тогда не было, да на оккупированной территории! Ни враче, ничего, совсем оторванные!

Ну и пришел этот немец, раз, два... Показывает, что я врач! Сам он и колол, и наверно с неделю приходил колол. А потом я уже поднялась, он говорит: “Ты уже поднялась, знаешь где, ходи сама уже!” – и я ходи-

ла! Ну в школе вот это там. И там он колол меня еще. Так и так, и поднял! А потом, еще мне расписал, отвар: “Встанешь утром, выпей это до завтрака! На другой раз там выпей стакан сливок. На третий раз там помидорку съешь, потом яблочко. Натощак, сразу чтоб ты чередовала. Вот это питание, а потом, когда уже более-менее – арбузы, дыни, виноград!” И так я и поднялась. И машинку принес, и меня вылечил! Отец говорит: “Видишь! Это ж люди...” Отец доказывает: “Не все ж люди, там придут и будут нас убивать!” Он говорил: “Я врач. Я давал клятву Гиппократа. Больной ребенок, я должен его лечить! Тут у вас помощи никакой нету! Была бы помощь, я бы отступил!” А так помощи нету, а я погибала! Просто совестливые! Ну врач...

Просто немцы... И отступали... А потом, когда отступали немцы, мы не здесь были. Так мой отец завоевывал советскую власть, был активистом, был таким-сяким... [Коммунистом] не был! Не был коммунистом! Он не захотел из-за вот этой церкви. Потому что он говорил: “Вот так вы меня не будете слушать! И вы меня с партии быстренько уберете! Я ж против вас один! Я ж был прав, не трогать?! А вопросов еще сколько будет впереди, в которых я буду отстаивать так, а вы так?! Так вы меня уберете! Так зачем я буду только туда-сюда?! Я буду учителем! Я буду вам помогать во всем!”

А при немцах! У нас же убрали... Вот именно, что при немцах было! Первый год мы тут как-то жили, а забрали, почему, потому что не успели всех... не успели! Не успели всех определить кто к кому, куда! И нас чуть не забрали, и пока первый год... То работали мужики, немец дал делянки какие-то, то они там себе ходили... Была и у нас, на десять дворов... То десять дворов, вместе обрабатывали землю, то и там десять дворов! В общем вот так!

Ну, два колхоза здесь было, ну они просто давали, убирали там! Вот они... ну, конечно, урожай немец брал, это ясно, понятно! Ну, оставляли... Вот этого я не помню! Ну, жили мы... Не вникала, это я не могу сказать. А потом, добралися до отца, выселять всю семью из двора нашего! Отца будут выселять, в Запорожье на работу. Старшие двое в Германию, забрали их. Хочешь не хочешь. Вот меня, уже пишут, третью уже в Германию, двое девочек по-любому, только она, чтоб не попала, я на очереди уже. Уже берут 26-й год и меня могут взять. Ну... не взяли тоже, отец помог. Отец еще здесь был, мы еще здесь были.

[Это вот с немцами договаривались]. Я училася, пошла с 8 лет, болезненная была, а мои все одноклассники с 7 лет, они все с 27-го года, а я с 26-го! Но я училася с ними, так как я пошла позже! И тогда отец взял справку, в управе, что я рождена вот с ихними детьми, ошибочно меня записали! Вот и все! И эта справка он и действительная. Погру-

зили, а мы не явились на комиссию, нас было четверо, а комиссия была в Приморске. Мы не явились, а дальше будем разбираться, почему не явились. Ну, так решили, справку возьму, а дальше будем решать. Потом, прекрасный день, нас четверых не взяли, они обошли дворы, всех взяли, погрузили и в Приморске на комиссию. Меня взяли, девочку взяли, такую хоть слабенькую, но такая, что с руками и с ногами, ну не больные. И одна горбатенькая, ну ясно, что ее никак. Таких не возьмут в Германию, и одна молодая, ну, не знаю, что с ней, ну инвалид.

Все, погрузили нас, привезли и сразу в жандармерию, где она находилася в Приморске! И один, я не знаю, один милиционер впереди, один сзади. Даже я спрашиваю: "Чего вас двое! Мы что, бежать куда будем!" – ну, один был сзади. Та еще, одна калека, та с дитем, та что мы убежим куда?! Да, такой приказ! А когда мы заходили, а немцы имели ж собак больших! Вот как мы зашли, терраска такая и на этой терраске лежали две собаки. Ну как телята! Очень большие! Ну, наверно ж, их овчарки, я в тех собаках... Я как первая была, жандарм немножко отошел, а я первая была и та собака сразу подошла, отак ко мне и лапы от сюда, и морда, отакие языки! Я память все, не могла даже... ну, правда, крикнули! Они ничего не повредили, ничего, собаки отошли, мы зашли.

Вот она меня спрашивает, а я забыла про справку, что у меня в руке справка! Она посмотрела на меня, нормальная, здоровая, ни вирусов! И ту девочку в сторонку, куда, с дитем и ту горбатенькую! И все, нас сразу подвели там где милиция, чи полиция, как они называли при немцах полиция. И кинули нас в комнатушке, закрыли нас в комнатушке, кровать там доски. Я опять обозвалась: "Что мы на досках будем спать?" – "А что, вам перину еще?" Я и молчу, на досках так на досках, сидим с этой Галей, одного года мы. Сидим, сидим! Долго будем замкнутые, до утра, пока... еще кого-то и будем отправлять вас на Германию! Ну, Германия так Германия, сидим мы с ней на досках. Я и спать не хотела, что там перина! А отец мой, таки чутье есть, говорит матери: "А вдруг там она что-нибудь! Пойду и я за подводой! А вдруг она... Я знаю, как у нее с этой справкой не получиться!" Ну и сразу, пошел узнал: "Да! Ее закрыли туда!"

Он идет в жандармерию, с переводчицей: "Ну, как же! Она вовсе не этого года! Ее брать нельзя, поэтому и на комиссию она не появилась, она ж не этого года! У нас есть документ!" А ему говорят, что никакую справку нам никто не показывал! Они сразу звонят туда, а эта комнатушка находилась вот так сразу, тут дежурный, бац, дверь и наша комнатушка. И нам слышно, когда ему звонят, он разговаривает. Слышим он говорит: "Да! Щас узнаю как только фамилия!" Ну, ему сказали! Он: "Щас узнаю!" Открывает двери, а до меня в это время дошло, это ж

надо сколько часов держать эту справку, она уже потекла, жара, она вся мокрая! Я раскрываю, да, справка есть. То вот у вас справка. Вот справка! Он поговорил: "Отпускать!" Я не хочу уходить. Как я ту девочку оставлю, мы сдружилися! Я уже еду в Германию! Папа говорит: "Ничего! И ей как-то повезет, и она как-то откарабкается! Я ж пришел тебя вызволять! Хочешь езжай, хочешь домой иди!" Нет домой!

Идем поздненько, поздненько, а уже стемнело, пока суть да дело, пока я ходила, пока меня он вызволил, пока с Приморска пешком. И бац! Уже возле села, уже патруль! Давай закрывать! *[Сміється]*. И меня при немцах ловили с огнем, спичек не было, вот это кресало, оно у нас не получалось! А мы так брали, у кого топится, берем в ведерочко, горох там, принесем в свою плиту положим, и вот так мы разжигали! А они не могут, там каганчики, вот такие вот, ни лампы ничего, только такая маленькая, чтоб свет был видно и все. Я несу поздно, но мне загорелося, в ведре! А тут румын, пристал: "Что ты знак подаешь самолетам!" – "Какие самолеты! Какие знаки! Мне надо плиту топить!" *[Сміється]*. Знак даешь и все! Ну, пустил. Я говорю: "Ну, вот идите всех соседей спросите, так мы топим! Я потушу, ради Бога, какой там знак!"

И в нашем дворе тоже, нас же выселили, все, с самого села, всей семьей! С села совсем на работу в Запорожье! При немцах [на работу], а там какую дадут! Какая работа там у немцев! Отец сказал: "Если мы туда поедем, то там погибнем!" Мы погибнем там, четверо детей и отец и мать! "Я поеду один! Ты езжай к брату! – Там в Мелитополе был брат. – Пешком идите!" Так и сделали, утром пришли, а нас уже и близко нет! Все нас мать забрали, а отца одного взяли. Дом бросили, все бросили! Отец говорил: "Я все равно, я старый партизан! Я все равно, я не знаю как долго, но все равно... Я уйду, хвоста нету за мной, а если были бы, я ж вас не брошу и погибли бы все! А так и вы будете и я! Дасть Бог и..." – так и получилось! И он потом вернулся. И мы тут дождались, пока не наступили наши, уже немцев отогнали. Вот там мы были, потом уже вернулись в свое село. В свое село, в свой дом, в 43-м году, осенью, поздно осенью. Там был, Мелитополь, там было страшно, здесь ничего! Здесь ничего, здесь они быстренько... Те, как-то они по трассе и пошли, а наше село, де мы находились, как раз по трассе... Широкий лан, Веселовского района. Поселок Широкий лан.

Очень страшно! Очень страшно наступали! Там все село спалили, до одного домика! Немцы! Когда уходили! Вот они собираются уходить и говорят: "Вот будет после нас, карательный отряд идет! Он будет палить всех, все, кого можно! Все прячьте, где можно, копайте ямы, зарывайте, прячьте! Сами уходите!" Другие говорят: "Не слушайте никого! Палить ничего не будут!" Кому верить?! Опять говорят: "Мы вам

точно говорим! Палить будут! Вы же погибните...” Немцы и говорят! И когда мы, один офицер тоже, у нас все попадает, что все офицера, по рации смотрели и там передали, а я то уже немецкий знаю! Они все: “Севанта русиш!” А я: “Ура!!!” – Ну и дура!!! Это ж офицеры, которые отступают! Ура! Русские уже за двадцать километров! Он сразу за пистолет! А ... а тут с ним был денщик наш. Грузин! Отец говорит: “Ты долго будешь за этим немцем бегать! Он до Мелитополя... Тикай! Он домой идет! Ты куда идешь?! – Он как-то туда-сюда, перемял. – Убегай, чтоб и ноги своей тут не показывал! Немец отступает, а вы еще “ура”, русские идут!” Или же показывают журнал, как Сталин над дохлой лошадью! Сталин едет на дохлой лошади! А малыш был... Все, немцы показывают журнал. И хохочут, смеются, а малыш, ну лет восемь было малышу, да, парнишка такой, и заикается! И говорит: “Га-га-га! Смейтесь, на до-до-хлий к-коняке, а добре тикаете!” *[Сміється]*.

Ну, немцы, они же не понимают, они спрашивают у деньщика? Тот же должен, видно иначе перевести... Сказали: “Убирайтесь, бо он такой злой, что!!!..” Поубивает ни за что, поубивает и все! И просит, принеси мне соли! Ну, поняла девчонка, что соли просит. Она принесла, крупные раньше с лимана, знаете, куски. Ну, может, вы не знаете этой соли, ну мы знаем! Он говорит: “Потри!” А она: “Мы емо, не подохли, и вы не подохните!” Он: “Ты, Лида! Ты соображаешь шо ты говоришь?! Иди потолки ему соль, дай ему, какую он просит!” Вот, видите, не было никакой и боязни! Не было боязни! Я не знаю как нам не было и страшно! Только было нам сильно страшно, когда вот эти “власовцы”! Атаковали село, уже все, никого нету! Вот это самое главное! То они немцы, де-де-де там, шо поймаешь, шо не поймаешь! Но когда говорит по-русски: “Откройте! Откройте дверь, не то вас всех порежем!”

Много [“власовцев”]! Были, были! Когда отступали уже! Когда отступал немец, “власовцы” были, когда отступал немец! Ну, как?! Тоже и сжигали, и... И тоже помогали немцам! Куда они пошли те “власовцы”, тоже с немцами, не с немцами?! Ну, они немцу помогали при отступлении, “власовцы”! И так! И мы не знаем, шо делать, открывать или не открывать! Решили им не открывать, что будет! Стучали, стучали – ушли! Потом спалили все дома там... Очень страшно!!! Мы сюда вернулися, дом целый, село целое! Мельницы нету, школы нету, ну, в общем такое крупное. А там все... еще были у них такие дома погорелые, октябрь месяц пережили, как пришлось, так отмучились люди. Как мучились, потом голод! И снова воскресли!

Это сестры [мои] были [в Германии], сестры! Ну, как! Одна попала на кожевной фабрике – очень трудно было!!! Во-первых работа тяжелая, во-вторых, кормежка плохая, преследовали! Ну, она так уже учи-

лась в институте, и немецкий знала, и там с ними, и защищала своих! Там их 12 человек было с Преслава, на кожевенной фабрике. Она их предупредила: "Смотрите! Не воруйте нигде ничего, даже щепочки! Немец этого не любит!" Ну, в общем, трудно было! Вторая попала, было что и пить, и кушать! Ну, в общем, у хозяина. Ну, очень трудно было работать! Она как рассказывала, она была такая: "Русские свиньи!" Она: "Почему мы свиньи?!" Мы такие как вы, доказывает им! Что ты им докажешь, на их территории докажешь?! Отлупили ее. Опять написала, что ей хозяин купил платье в синих и красных платьях! Ну, отец сразу понял! Видно хорошо дали по спиняке, что полосы остались! А мать: "Вот хорошо, одели!" *[Сміється]*. Да!

И вот эта, что была у хозяина, таки воровали для пленных, им было жалко пленных, наших. Они воровали, чтоб передать, а хозяин узнает – и опять лупцовка! Опять ее поймали с тем, что она уворовала. И она ж не скажет, что пленным, она расплакалась, говорит: "У меня сестра голодает в городе! У меня там сестра погибает, там дают им хлеб с опилками, а я тут кушаю! Я хотела выслать!" Ей: "Скажи, мы соберем посылочку и вышлем!" И с того как она это высказалась, проходить сколько время, она, Галя ее звали: "А ну, давай посылочку собирать!" Хозяин, ну вредный был хозяин! Даже когда освободили территорию, они говорили: "Ты покажи своего, – ну военные, наши хлопцы, – укажи на своего хозяина! Мы его быстро прикончим!" Она говорит: "Нет!" Не выдала его! Нет! Они хотели быстро с ним расправиться, свои порядки наводили! Ну, хозяин хоть и вредный был, ну, не выдала! Ну, еще ее спасало, что у него было три хлопца, и она проходит, там нечего делать в той алгебре, они сидят куняют! Там ей нечего делать: "Дай!" – "Что ты русская свинья!" "Ну дай свине, пусть свиня пороется в твоей алгебре! Може свинья, что-то и выроет, раз ты не можешь!"

Ну, взяла, сделала! Он пошел в школу и получил хорошую оценку! Другой: "Гала помоги!" Она говорит: "Я сижу там подольше, чтоб там ничего! Тяжелое... Они ж думают, что такое трудное, а я сижу, чтоб отдохнуть!" Долго там сидела, а она знает себе, потом решит раз-два и все! Еще там туда-сюда научила их плавать. Говорит: "Что вы на Рейне живете и плавать не можете! Я в море плаваю!" – научила там их плавать. Там, говорит, самого вредного пацана научила, он только шею высунул, а она его держит! *[Сміється]*. Он вышел: "Так надо..." Как расскажет! А это вот щас же дают деньги, вот эти марки дают за это, кто был там! А она нам все расказывала – хозяин и хозяйка, хозяин и хозяйка! А где?! Как?! Как зовут хозяина?! Об этом никто... не знаем. И никто не может получить! *[Нерозбірливо]*. А так на фабрике, досконально знают, кто был хозяин, и где были, и как, и все-все! Все помнила,

а это как-то не придала, наверно, значения. Она все помнила! Но она просто не придала значения, не могла рассказать. А так рассказывала про свои... все... Не! Дело в том что, она живая, она молодая, она то знала, но нам не сказала. Мы про это тоже не знали бы. Но она живая сказала, а та умерла. И все! А мы как знали – хозяин, да и хозяин! Она и удирала от хозяина, через Рейн переплыла, нашла себе другого хозяина. Там еще... А потом он же еще разыскивал ее хтозна-где! Она говорила: "Я ж то нашла сама себе, где мне... вот!"

Там лучше было! Там убирать в доме. Дочка жила... женщина с дочкой жила и все. Там было совсем... Там коров доить. Ану, там их двадцать коров! Иди подои их! Она: "Зачем вам сколько коров? У нас дома одна корова и мы и так все сытые! А у вас вон сколько!" *[Сміється]*. Все спорила! Там и англичанин работал у них. И с Украины там она и еще жинка, там она рассказывала, там у них были. Ну, в общем, у них много было... Ну, бауэр, большой хозяин! Ну, молоко, они там, молоко сдают сразу. А другие продукты, творог, масло, они берут себе. Вот так они, сдают и все, сдают! Ну, другую продукцию, ну жили очень хорошо! Много пахать было, ну работали. А с ними, видишь как, не считались – "русские свиньи" и все! А ее заедало: "Чего я свинья! Я же лучше... Я кончила с отличием! Сейчас бы училася, если бы не вы! Вы мешаете учиться! Я сейчас бы училась! Чи надо было мне ваших коров доить!" *[Сміється]*. Так и говорили! *[Нерозбірливо]*. И все лупили ее! Лупили! Она все говорила: "Ну, что! Все побью, побьют, да и все! Но я им выскажу, я им все выскажу! Чтоб они не считали, что мы все свиньи! Мы ж не свиньи! Чего мы свиньи?!" Вот заедало ее, что совсем не считались с нашими... русские вот свиньи, да и все!

[Немцы даже] я бы сказала, что румын они не любили, так чего-то мне! Они так... А "власовцы", они нас... и вот в этом селе я с "власовцами" дважды сталкивалась. Когда здесь еще мы жили, нас еще не выселяли. Та что такое?! Идут солдаты, поют наши русские песни, думаю, что наши уже и заняли нас! Идут и песни поют, знаете как, все которые наши солдаты, пели, немец там что... А туда-сюда, как оно, что оно?! Разузнали! Это "власовцы". Это те, которые сдалися и пошли ... воюют за немца. Вот это они и были. Ну, что-то мне кажется никакого вреда не это... мало их было. Мало времени здесь были. Куда их отправили, я не знаю. А когда отступали, тоже там вместе с немцами, тоже боялись оставаться здесь, может решили куда-то, я знаю. То оно да... А большинство пошло как и для наживы! Грабили, продавали, в общем, отакое вот! Мама ж говорила: "Ты сперва домой вернись, – одному немцу, голова перевязанная, – видишь как, те домой!" "Не, через двадцать лет опять пойдем войной нас вас!" – он так говорил. Мама говорит: "Ты,

сперва домой дойди, видишь, у тебя уже голова разбитая!" "Не я! Сыновья наши!" Вот и все! Как они мечтали, как они думали! Думали, что не разобьют... до такой степени, что они потом пойдут опять! А оно, видишь как, разбили и поделили Германию! И мечта его не сбылась!

[Это вот румыны, немцы они и не отдыхали...]. Они наоборот, наши вечеринки разгоняли! Не, не делали, немец... ну, сидели там себе пиликали... У немцев все губная, губная... Гармошка губная! И вот это он там себе, в своем заведении играет и все. Може и выпивали, може где что... А так по селу пройдутся.

[Старосту в селе выбирали]. А это не они... местные сами выбирали! Местные выбирали, не они выбирали, откуда они знают, кого ставить! Люди сами выбирали! Ну, я помню, когда это самое, ну сразу ж период, раз тех нету, те эвакуировались, и все это начальство что было, надо ж ставить другое начальство! Наверно, уже было указание отсюда, из района, жандармерия главная. Как-то командовала, шо... надо выбирать! А Сталина, при советской власти обиженные на них, вот таких и ставили! Вредный был у нас староста, очень вредный! Что вредный?! Ну вот, например, пришли, забирают меня в Германию, хотят забрать, а отец доказывает что там разберутся, и там надо им всех комсомол выкачать! В общем... всякие такие подкалывали что... власть уже ихня, не наша! Ваша власть уже отпета! Вот в таком смысле. Комсомол он сказал выкачать... Ну, качайте комсомол, а меня не взяли!

[Те шо с немцами, те, которые при немцах работали, с ними уезжали]. Ну, староста, да убежал в Болгарию. Наш староста был, даже он не староста был, а полицейским был, он спрятался в Болгарии, хотя все говорят, шо он плохого ничего не делал. Ну, я помню, и рассказывали все даже... Вот этот Мильчевский. Мильчевский. Старший сын умер и... долго он, обижался на отца, что нам расти, и... упреки... Правильно ж? Правильно. А сейчас молодой Степан, брат его, прямо... я б... и рассказала, какой случай! Может он и хороший был, я не знаю, как полицай! Може и хороший был! Но, случай был, шо он убил человека в школьном дворе... Табу! От и все. Мы как раз... выстрел раздался, мы открыли двухэтажное здание, открыли это, пол... Якобы он, подозревался еврей! Ну, еврей, еврей ну, пусть идет на все четыре стороны, этот еврей! Отправь его хоч в район, пусть там уже... Ну, правильно? Ну, он не своего человека убил, чужого, но человек! Да, вот это был такой случай. Хотите можете в Степана...

А были всякие! Были такие, что... что только нам не говорили: "Что, дождалися! Не дождетесь никогда своих! – Самолет летит, мы смотрим. – Что, звезду хочите увидеть?!" – "Ну, – говорим, – звезда не звезда..." А-а, меньшая сестра моя, она все огрызалася с ними, с этими по-

лицейскими! Говорит: “Чего вы? Может звезду увидим, чего не увидим! Шо мы, совсем уже!” Отак. Ну, хто знает, считалися... А-а, где мы жили под Мелитополем, когда нас выселяли туда, там были два полицейских, молодые парни. Там было две, Лобода и Сердюк. *[Посміхається]*. Я их помню, этих ребят. Значит, Лобода... Это ж Константиновка, мама с этого села. А это мы, Широкий Лан Веселовского района, там. Да. Ну, Лобода, знайте что, Лобода, он служил верно, немцам, верно служил. Сердюк, служил уже тайно, вроде как, уже в нашу сторону. И вот идут по селу, идет Сердюк и говорит: “Прячьте своих коров, всех коров немец будет выгонять, забирать”. Проходит после него, он прошел, проходит Лобода говорит: “Ничего никто не возьмет, не прячьте!” Кому теперь верить? “В амбаре будет открыто, идите берите зерно!” А другой идет и говорит: “Людей соберут в амбар и подожгут! Никуда не идите!”

Вот мы были, вот так от! Конечно, мы слушали этого, который, Сердюка мы слушали. Правильно, не правильно! Но, мы его, чего-то, больше стали придерживаться, того нет! Значит, как это идите, туда... в зерно... Отец мой говорит: “Это, если мы все зайдем туда, и пусть палит хлеб, пусть хлеб палит, но мы останемся!” И точно так и получилося, никто не пошел, и хлеб подожгли, и хлеб сгорел! Такой большой, несколько, наверно... *[нерозбірливо]* ...сколько там, этого зерна, все подожгли! Не хотели с людьми потерять, люди ж то пойдут своими транспортом, мешочками набирать-набирать-набирать! И... когда наберутся их полно, подожгут их все! Вот это политика такая немцев была...

Это немцы, немцы! Румыны раньше ушли! *[Нерозбірливо]* ...бросили и ушли! Румыны решилии, что-то под Ростовом, зима суровая была, что-то им не понравилось, что-то им не так, и они бросили этого немца своего, и на свою Румынию, на Бухарест свой! Да. И Антонеску, тогда был у них командующий, и сказали: “Антонеску нас подвел! Антонеску подвел...” И давай, шуровали они, в дороге они кто померз!!! Зима суровая была! Они ж теплые, с теплого края. И позамерзали, сколько было их, и бросили все на свете! В общем, удирали с фронта и убежали все... румыны... где там, по-моему, как их под Ростовом это... и все, как их... А это немцы! Не, румыны такого не делали! Не, румыны такого не делали. Румыны могли вечеринку плетками разогнать, это можно было. В степи, говорят, что... якобы, приезжали немцы, как надзор, как... смотрели, говорит, иногда, как... говорит, лупили там, тоже там плетками. Но, я там не работала, я не знаю, я не могу сказать. Понаслышке, шо-то. Но, так чтоб кого-то убили у нас, такого нет. Вот этих разобличили, вот они ж это... Нашу, подпольную организацию, которые листовками занимались, и их разоблачили...

[В Германию которые уехали, все вернулись, часть остались там]. Некоторые в Америку, но наших преславских... ну, даже не знаю, шоб... Убитая девушка была, вместе со старшей сестрой, на кожной фабрике работала, ее убило снарядом, когда бомбило, это *[нерозбірливо]* это уже русские войска шли, и бомбили, и она вышла девчонка, и там ее поранили. И недавно, моя сестра получала письмо от немкини, и там она писала: "Мы за вашей девушкой до сих пор ухаживаем!" Да. За вашей девушкой ухаживаем. Там же, тоже, были и плохие и хорошие, все ж были. Она говорит: "Как жалко, как жалко забрать ребенка и отослать куда-то, насильно! Ну, как это, у матери забрать ребенка, отослать куда-то!" На чужину. Так жалели, Рая говорит, шо сильно нам, вот эта женщине, нам, значит, сильно... они с дочкой и ухаживают за этой могилкой.

[При немцах школа в селе работала]. Работала сразу. А потом, мне кажется, только начальные классы. А, потому что я семь классов окончила, при немцах я училася, вот в восьмом классе, при немцах. Вот это я училася. *[Нерозбірливо]*. ...Некоторый учителя те ж самые, а некоторые другие были. Был у нас, как он, физруком что ли, *[сміється]* ...не знаю. Ну, он... придурочный был, да и все! Придурочный! Ну, он мог на уроке и ударить ученицу... Наш, преславский! Учился на учителя, Павел Васильевич. Ну, а потом в Германию он попал. А в Германии он очень много предал своих, инзовского парнишку расстреляли, ну, если не за них было... Он потом сидел...

Значит, этот парень или воровал у него, или говорил что-то, а кто его знает. А оно, если воруешь или против них, за политику, ну, сразу же! Потом он сидел, ну, у себя, в России, в Советском Союзе сидел. Наказали еще в Германии, отсидел, потом с тюрмы ушел, а потом уже... *[нерозбірливо]*. Жизнь идет отак! Вот это, наш преславский, вот такой был предатель! Да, он нас учил при немцах. Директор оставался тот же самый, который, мы выпускалися со школы, Виноградов, от, Василий Карпович. Он был... учителя те ж самые были, те ж самые... Ну, куда они денутся, ну куда?! Они ж, не могли... куда всех эвакуируешь?! Их невозможно! Детдом был эвакуированный полностью, детдом. И дети, и кто работал в детском доме, все эвакуировались. А то... кто успел, кто не успел, кто как. И вот... *[нерозбірливо]* ...не получилося, ото так, так, это ж много, много надо транспорта и возни, и всего! Это ж, не так просто поднять, чуть не пол... Ну, а в Сталина, был же это... Кто останется, и в тылу люди нужны! Это его было... Кто останется, и в тылу люди нужны! Белоруссия, правильно, там партизанщина, там леса! Там очень много сорвали! А у нас, что... Куда, в море пойдешь топиться, что ли?! *[Сміється]*. Ну, куда ты спрячешься от них, куда?!

[Мы так на море] бегали. Море себе море... [Пускали], а чего ж! Море то открытое, вот берег, иди и купайся. Там, никто не запрещал ничего. Удивлялися, что мы плавать умеем, удивлялися, да. Наверно, не знали, где это взялися, как это, женщина плавает, женщина плавает... Ну, нас не трогали, може постаршего поколения, а мы не туда, ни то сё! Пятнадцать лет! И ни барышня, и не дите! *[Сміється]*. Как раз, ни те, ни се!

Были партизаны [в селе], но тут их быстро раскрыли и все партизаны пострадали. Предательство! Опять мой отец мне, шо... Ну, была учительница, Машнева Вера Сергеевна, немецкий язык преподавала, сама не *[нерозбірливо]*. Она меня учила и сестер моих учила, она работала преподавателем в школе. Замуж она не выходила, что-то получилось у нее, за кого хотела не... не отдали ее, а за других, она родителям сказала: “Больше я замуж выходить не буду!” Очень энергичная была, очень хорошая была женщина, она взяла... она взяла себе одну девочку, в общем, она взяла трех сестер воспитала! Сестер там взяла себе и воспитала, там были ж, после революции, после войны были ж и сироты, всякие были! Ну вот и три девочки она взяла. Одну выучили, вторую выучила, а третья, по-моему, и не доучилась – война началась. Вера, Надежда, Любовь – все вот эти три девочки, она их высмотрела! Старенькая мама, которая жила с ней тоже, 110 лет. Тоже там любила всяких животных, собирала, там кошечек, всех кормила, всех ей было жалко! Вот такая она была! Активная!

Ну и вот, когда немец был, она жила там себе, там подвал был, в доме или где, в детдоме, она жила. Она решила у себя дома сделать, там сделать вот это вот... там организовать вот это вот. Вот у моей сестры Гали, которая в Германии была, Вера, вот это она была, там еще много было, ну я... ребята были такие, в общем, там были! И они у этой Веры Сергеевны собиралися как на вечеринках и все люди расходятся, остается ихнее ядро, которое они там что делали! Ну как они могли проявить, листовки, они занимались листовками, больше ничем! Вот отец мой и говорит: “Я партизанский, – говорит, – партизаничал когда вот это... я знаю, что такое партизанцы! Здесь у вас не получится! Вы стоите как на открытой книге, вот открытая книга! Ну где, ну где, вот вы сами! Один подаст – все, вы раскрытые сразу!” Не послушали! Правда, сестра послушала, на вечеринку больше не пошла и тетя, они на вечеринку больше не пошли. А те... партизанство продолжали себе. И в один прекрасный день, степ разрушили, нас заставляли работать там, то ли содворки работать, то ли... ну, короче, пацаны, там уходили, было объявление: “Кто предаст...” *[нерозбірливо]*.

Вот соберет вечеринки, потом все разбегаются, а они там, были там, я даже помню их! Парнишка был... Местный, да! Он работал уже, он

был, конечно, старше нас, лет 20, наверно, было. Этого парня все уважали, он был сам интересный, да еще и задорный такой. Вот это он был! А каким образом он туда пошел, я этого уже не знаю. Вот это Панасюк! Потом был бухгалтер колхоза, Савенко Петр Трофимович, потому что была семья у него уже, трое детей, тоже он примкнул. Две пожилые женщины были, Тереховы. Одна Терехова, одной женщины дочь была, Вера, такая была, что рассказывала, я в Германии была, они вместе кончали десят классов в 41-м году, отличницы, у них класс был исключительный, там отличник на отличнике! *[Нерозбірливо]* очень хорошие девочки были! Вот эта Вера... Михайловна, Верочка ее звали, Галина подруга, сестры. Вот этой Веры Сергеевны дочка одна, ну дочка точно знаю, *[нерозбірливо]* а больше не знаю! Ну и вот, в основном, сколько я их помню, може там еще были кто. Ну, ничего у них не получилось.

Хотя мой отец подсказывал, мой отец подсказывал сестре, которая приехала сюда летом отдыхать, а муж ее военный, и когда она приехали сюда отдыхать с детьми, тут бац, война! Квартиру забрали, его на фронт, все! Она осталася, считай с детьми, с тремя детьми, без ничего, вот тут на оккупированной территории! И вот тут она колотила, пока не кончилась война! Муж, слава Богу, оказался живой! Семью забрал, все нормально! Так вот это она в такие дни... Так мой отец, это его родная сестра, и отец объяснял, говорит: "Ничего не получится у вас, вот вы поймите, что ничего не получится у вас! Ну, здесь ну нигде, ну нигде! Один только узнает, все! Это село, и не то, что я не хочу, чтоб вы делали дело, правильно! Вы поймите меня правильно, если вы делаете дело и оно будет польза, хотя вы и погибните, но вы что-то сделали! Но если вы погибните и ничего не сделавши, это очень обидно!" Ну, конечно, она послушала, и сестра это вот Галя, которая была в Германии, они послушали и не стали ходить на эти вечеринки. На эту вечеринку и я тоже ходила, взяли меня с собой, была! Вечеринки, конечно, хорошие, все, молодежи много, а потом все разбегаются, а те остаются! У них была рация, они могли соединяться с этими...

[Где они взяли рацию?] Этого я не знаю. Може кто им помог, этого я уже не знаю. Была! Они соединялися. В основном у них была работа – распространять листовки. Они, наверно, получали указания оттуда, именно в какие стиле, эти листовки. И они распространяли листовки по нашему району, тут вот села есть, даже знаю, что в Борисовке, не в Борисовке, по-моему в Партизанах еще, а там их уже кто-то забирал и дальше!

[Они] печатали! И машинка была печатная, машинка была! Печатали, да! Что там... Я не могу сказать. Листовки, которые с самолет мы

брали, запускали наши, вот те-е! Те мы читали! И бороться тут с ними, и не верьте, что они вам тут будет проповедовать! Мол, вам же землю дадим, вас освободили, и освободители, ну в общем, в таком стиле! Они освободители! Это немцы, давали такие литовки, в которых они говорили, что они освободили нас от ига, от русского! [Они на русском были]. Кто верил, кто нет! Но сразу же и отбирали у нас эти листовки, тут военные были у нас. Кто где какую листовку найдет, сразу хап, отбирали! Советские! Тут еще были, а почему советские не давали, что те уже бросали, что ли. Или может быть наоборот, те уже. И наши листовки были! И те, и те, листовки были! И листовки очень редко могли попасться в руки, потому что их сразу забирали!

Там один военный взял спрятал, так там такого нагоняю было, там еще что они пустили, не немцы, а они! Припрятал там листовку, так там война была с ним, страшно! Не разрешали. А эти как распространяли куда, ну по селам, наверно! Чтоб люди ж готовили ж борьбу с ними, это ж оккупанты, это ж захватчики! Хорошего ничего не даст! Когда пришли немцы, правда был немецкий, говорили хорошо, сильно много, и по-русски выступал с митингов, весь народ собрался возле дома культуры. Выступал с митинга, вот что мы вас освободили, вот мы вам дадим землю! Вот такое вот! Он сказал: “Русские варвáры!” А он... наголос, украинский, наголос, в общем ударение, он сказал не вáрвары, а сказал варвáры! “Русские варвáры!” А мы, детвора, по 15 лет, и нам стало смешно – варвáры, “русские варвáры”! Да, и засмеялися, а все чего-то стоят на коленях, а мы так сзади стояли, а стоят на коленках. Ну, сколько их там было, стоят на коленках! Ну, наверно, скомандывал! Чтоб все... А мы стояли в стороне, хи-хи, ха-ха! И мы как засмеялись, как он сказал “варвáры”! Ну и все, как затруднил, против нас на коленки упал, стал, он испугался кто его знает! Вот это у них был провал! Их всех арестовали, отправили в бердянскую тюрьму, вот здесь Бердянск! И в тюрьме они были, и некоторые, сколько там их было, сколько они там были в той тюрьме, после допросов, допрашивали что и как! А потом всех их до единого расстреляли, возле Великого, балка там есть возле Бердянска! И все они погибли, вот это такая была партизанщина! Особо как-то они пытались, хотели бороться, но ...

Выдал кто-то их! Выдал их! Пошли на чистую, знали точно, что там у них печатается, значит кто-то точно знал! Предали их! Провал, вот это и провал! Провал партизанской работы. Ничего так они не смогли! Все они погибли. А сестра осталася... и мать расстреляли, и сестру расстреляли, а та меньшенькая, осталася без матери и без сестры. Вот так никого *[нерозбірливо]*. А у этого, который был бухгалтером, Савенко

Петр Трофимович, у него ж было трое детей, а она сама осталась с детьми на оккупированной территории! Это когда война кончилась, так она... ну брат был, вот этот, который погиб, Александр Трофимович, он на фронте был. Когда вернулся с фронта, все, эту семью не покидали, помогали, детей выучили. Нормально, помогал он это женщине, что вот муж, дружная семья, все попали в хорошие семьи. И их вытянули, их было трое детей, мальчик и девочки, ну все на ноги стали! Вот это партизанщина!

А то [еще украинцев сюда] переселяли, когда у них там, с Бендерой там получилось! Они ж, выступали украинцы, самовильно еще ж тогда хотели! Но, Сталин им не дал, Сталин их прижал крепко! Как раз я была в Херсонщине... работала, когда переселяли. Ну и сразу едет парторг за ними, переселяли их. Сразу все говорили, шо они привезли, мол, оттуда... И преславские тоже ездили! А чего-то, я не знаю, може с Преслава и не ездили, но там, наш парторг ездил! Наверное, заставили его партия ездить, и отбирали ж там! И когда привозили, говорили, что, мол, они хорошие, мол, самых лучших привезли сюда. А оно, оказывается, не самых лучших, а те, кто само больше сопротивлялися! Их растыкали, по всей Украине растыкали! Потому что вместе им нельзя! И была одна семья, и парторг нам этот говорит: “От, посмотрите на эту Дуняшу, посмотрите на эту Дуняшу! Она, – говорит, – сколько семей сложила!” От тебе и Дуняша! Не-е сдавалась, не запаковала себе какой-то домик там, и... где взяла, с чем она, с чем она, и строчила страшне! Никто ни... никто не мог подойти! Подойдут, она всех уложит и все, опять подойдут, уложить и все! От тебе... и смотри на эту Дуняшу! Можно, подумать шо женщина... Лет под тридцать, интересная, молодая. Брат и сестричка у нее, сироты, отца и мать видно убило. То, видно, мстила за родителей! За *[нерозбірливо]* ее очень трудно было нам брать! Ну, взять ее, где она атаковала! Трудно было ее брать! Не хотело бы ее убивать, и взять ее никак не могли! Отак! И привезли ее к нам в село...

Да, это [парторг] рассказывал: “Так шо, – говорит, – осторожно, это, – говорит, – люди из самых злостных мест! Их растыкали по всей Украине!” А тут, себе, не всяко будешь делать! Тут не пискнит! Если... *[нерозбірливо]* ...село большое. Выпьет хорошо. И парень был такой, тоже, очень хорошо себя повел. Тоже, говорил, очень трудно его брали, а... *[нерозбірливо]* ...такой был: “Я не знаю что! Я не знаю что!” А оказывается он... Не сдавалися! Не сдавалися! Они все хотели самовильну... вильну Украину! Вот и все! Шо хочешь!

[А в Преславе к ним относились] нормально. Даже приглашали их, вечеринки справляли в честь ихнего приезда. Нормально! Очень гос-

теприимно их приняли. Очень! Очень хорошо их приняли. И так, и так и в нас очень много их. Некоторые семейства, правда, уехали потом. Когда, там уже нет ничего опасного, они уехали себе домой! Как опасно?! Уже не будешь снова там возбуждать, уже не дадут! Уже все! Многие уехали, некоторые остались, нормально себе живут, работают. И прижилися, и нормально. Вот это было, да! Бандера вот это... при Сталине, при Салине еще.

[В 53-м году это Сталин умер!] Да. В том году, у меня дочь родилася, да, в 53-м году... В 52-м вышла, а в 53-м Сталин умер, а дочь родилася в июне, после смерти Сталина. Ну, я бы сказала, что все приняли с очень сожалением таким, только один... А, тогда я еще работала в детском доме еще, после сельсовета в детском доме, а потом уже перерыв, а потом двадцать лет, с 62-го до... 19 лет, в школе секретарем-лаборантом. Это я от время остальное проработала... до пенсии. Ну, все, я бы сказала, очень даже, трагично приняли. Шо это Сталин, шо это конец света... от. Один только мальчик, детдомовский, в моей группе был, ну, большой, лет десять мальчику: "Ну и что, ну и правильно шо умер, не нужен он!" Так был против. На него пацаны нападали, за уши дергали, я говорю: "Не трогайте его. Он не хочет так, пусть будет так. Не трогайте его". – "Что ты, предатель!" Я говорю: "Никакой он не предатель, ему не нравится Сталин и все..."

Наверно [у него] родители. Наверно... Ну, строгость была сильная. За два-три килограмма зерна в тюрьму сажал, Сталин! Можно и его понять, Сталин, если б не было этой строгости, может и не смогли б сломить всю эту разруху, которая послевоенная. Это ж была страшная разруха! Нужно было знаешь как за клещи брать, чтоб заставить всех людей работать. И во время войны люди разболталися, это не такие люди... Надо их держать! Строгость была, это таки строгость Сталина *[нерозбірливо]* ...и при... когда устанавливалась власть, и при репрессии... А шо репрессии, шо то было вызвано репрессии, это просто были люди, которые хотели задушить молодую страну, и знали как и все! И Сталин давал убирать, там скажет он враг народа, там... а вникать он же по всей стране не будет же вникать! И все! А они на местах, делали свои места! Убрали самых лучших людей да и все! А Сталин, знать не знает, кого убирали и что убирали! Отак оно получается. Конечно, надо было как-то иначе, но он понадеялся, что... чистку будут... А если б не сделали этого, значит не удержали б советскую власть! А хотелось бы!... Это ж, новое, только в мире, вот оно и хотелось... социализм!

Ну, при Хрущеве шо... Какие порядки он, особые? Да, вот это... [запрещали держать коров] *[нерозбірливо]* ... против крестьян. Наверно, он хотел, Хрущев, стереть грани между городом и селом. А как стереть

грани?! Шо б мы жили по-городскому. Вот тут немножко напортачили! Этого нельзя было делать резко. Тоже резко нельзя! Представь себе, наше село, сразу стало такое как *[нерозбірливо]* сразу, видно, он тоже хотел... как бы, власти подчиниться... Как это... Но, это неправильно! Уже не стало у нас коровы, да, у нас не было коровы, там не было коровы. В общем, несколько коров на село! Это ж большое село, которое, действительно, как-то сам тянется! Не было, ни куда их выпасывать, ни... ничего, как-то сами по себе! Клетки может и были, несколько человек в семье, могли как-то... А так, никак! И хлеба мало давали, зерна мало давали! В общем, зарплату давали! Регулярно зарплату давали. Вот, жили по-городскому! Вот, селянин-крестьянин, а жили по-городскому! Может, когда был Хрущев... не то... А-а, от спешность такая!

А я при Хрущеве, только помню, что он все кукурузу все сеял! Вот это я хорошо помню! А то все, видно, я была в таких заботах, что, может быть, до меня и... и не доходило. Ну, я знаю, что недолюбливали и его тоже, и за все это... Мы, уже стали и плохой хлеб нам давать. Уже, мы, колхозники, выращиваем как-то... Куда он хлеб девал, заграницу ли вывозил, куда, что он делал с этим хлебом!?

[Товары в магазине были]. Было! Привозили, конечно! Привозили. За молочным, между прочим, всегда очереди были! У нас корову не имеет, а у каждого во дворе дети есть. Хочется и творожок детю взять, хочеться и молочко взять.Очереди были! Ну, брали, умудрялися как-то. Кому хватит, кому завтра не хватит. Ну, это тоже нервотрепка! То корова, тяжело с коровой тягаться, но тоже тяжело стоять полдня, за тем молоком! И так, и так. Ну, мне кажется, просто, на мой взгляд, неправильно это! Надо было еще крестьянину дать, там коровку смотреть, поросеночка смотреть, барашечку. Потому что, он таки в селе, он должен все иметь свое! Свое должен иметь. Вот так я считаю, а там как оно должно быть! У них политика другая была, хотели, что б мы жили вообще по-городскому. Но, в селе не поживешь по-городскому, у нас и условий не городских!

Было у меня письмо, про Хрущева составлено, ну, кто-то составлял, ну... я потеряла. А про этого, Горбачева, тоже было. Ну, описывали, вот, например, Горбачева, про Райку его, шо не столько он правил, сколько Райка, заставила его править: “Если ты мне жена, ты и политике мне должна...” *[нерозбірливо] [сміється]*. Ну, типа от это вот. Кто его заставлял, шо... А про Хрущева, вот это вот писали, он слишком тоже заграницей... уезжал... *[нерозбірливо]* ...хлеб и вот так дальше. На подобие, вот оно, в стихах же ж! Как там выражается...

[Это] люди сами из народа. Это из народа выходило. Из народа. Ну, боялись... А кто знает! Никто не знает, кто! Но, откуда оно попало к

нам, привезли нам из Запорожья, вот мы и читаем, а кто его им передавал, мы ж не будем докапываться! Кто вам его дал?! И так, каждый и каждый, наверно, я знаю... наверно... Ну, это всегда и всегда было. Всегда и всегда было, в народе. [Вот] про Сталина?! Про Сталина пикнуть нельзя было! *[Посміхається]*. У нас был один, сам нарисовал портрет Сталина, и самому не понравилось, и взял снял и порвал! И все! И-и-и засудили парнишку! За его работу, да, за его работу! Он... Он нарисовал, какое ваше дело, что он нарисовал на плакате, там же! А ему не понравилось, взял и порвал. Все! Ну, конечно... он старше меня, мы были маленькие, так помнили, шо был такой парень, который порвал свой портрет, который сам нарисовал. И все, вот так при Сталине мы жили.

[И про Брежнева анекдоты рассказывали]. Рассказывали! А как же!... Даже и сейчас анекдот последний, когда хоронили Брежнева. В общем, Брежнев просит похоронить его вниз лицом! "Ну, чего, Леонид Ильич, зачем вниз лицом?" – "Придет время, будете мне задницу целовать!" *[Сміється]*. Понятно? То такое время, шо... хорошо мы жили при нем! Ну, а взять политику вот это все, она при Брежнева началась. При Брежневе! Он был как подставное... он два слова не скажет, но... Контра! Правильно? Ну, одно шо, кажется, он меньше был связан с Америкой... не поддавался. Вот это было, да. Вот это у Брежнева было. А как стал Горбачев... то Раечка захотела шубы менять, Раечка захотела то, то-то, то другое и-и-и! И в конце концов! При закрытых дверях с Рейганом поговорил, кто там знает, что говорили! Они давили нас атомом, все об этом знают, что Америка хотела задушить нас атомом! Так же ж?! А потом, я читала, пишут, что никогда Америка атомом не пошла, не надо было это Горбачеву и сдаваться! А он что, решил другим путем пойти. Не атомом, ага, союз так разорить, вы же знаете, вы ж молодые! Да. Тогда союз считался все, таки сильные были, сильные! Если бы так вышло... Хорошо, если бы мы, союз наш, Советский Союз, плохо бы шли, стала бы Америка нас трогать?! Я думаю, это они за то, что мы лучше их! Только так! Чтоб у них не получилось такое самое, как... как у нас получилось! Може это как!

[И телевизоры были...]. Когда телевизор, уже свой приобрели... Это где-то в 71-м Оля окончила... где-то за год... Ну, где-то в 69-м, 70-м году, где-то отак телевизор... Хотели еще один покупать, все недостаток, все не было, а девочки кончали школу. Говорит: "Ольга кончает школу, уедеть и скажет: "Не могли родители при мне, последний год в школу хожу, шо б телевизор был! То все по соседях ходим!" Он ради Оли, и телевизор, и раскошелился, купил! Трудно, все не хватает! Да, от это

вот... И он смотрит, смотрит, все: “Шалопаи, шалопаи!” Говорю: “Та, перестукни их, шалопаи! Иди поиграй...” *[посміхається]*.

Электричество в селе появилось... где-то в пятьдесят втором или третьем, вот в эти годы. [А до этого освещали керосин лампа]. Все изменилось! Утюжок включишь, появились ж эти, телевизоры, стиральные машинки. Все, все шо надо, шоб по электрике, все... это мы уже так научились, если света нет то два-три часа, то для нас уже ЧП, это уже все. Для нас, уже как света нет, без света мы уже ничего. Сразу привыкали, потому что это благодать! Оно прямо благодать такая! Сразу. А вот так девочка учит уроки при лампе, вечером поставишь ей, учит уроки, или лампочка, все видно и то... Сразу привыкали! То позже уже начали...

[А как раньше не было света, холодильников, продукты...]. Подвалы у нас, в основном, подвалы, да. А у некоторых, которых не было подвалов, значится как. Вот сейчас, вот, сварим борщ, на четыре дня, пихнем его в холодильник и пусть стоит. Надо мне, набрала, подогрела и накормила. А раньше надо уже варить почаще было, тоже тяжело. Так я могу реже сварить, а так надо почаще, чтоб оно не пропало. Ну, в основном, у всех были погреба, погреб, на двое суток борщ там суп, или чего-нибудь там такое, молочко там что. Она его...

[Вообще в зиму] все что со своего огорода, то мы и заготавливали. А... *[нерозбірливо]* ...у нас урожаи и не особые... [В банки не закатували]. В бочках! Помидоры, там рассолом зальют, кружочки поставят, тряпочкой, гнетик и все. Промывает вот это чаще, чтоб плесени не было и все. В деревянных бочках, в деревянных бочках. Вот. И капусту так солили в деревянных бочках. Я бы сказала, сейчас хорошо, шо мы так, но мы себя наказали на много. А шо мама, поставила бочку и: “Дети! Вот соль, вот вода!” Колотим. Залили, тяжесть положили, укропчику сверху. Гнетик и все. А сейчас... вот эта закрутка нас очень много угнетает. Оно знаешь как хочется-хочется. Я какая старенькая... [Ну это начали закручивать в банки], где-то с 65-го, 66-го года, некоторые раньше. Ну, это с Германии, когда приехали с Германии все наши. Ну, сразу не могли внедрять, потому что недостаток, а потом уже стали...

[Это уже после войны и радио провели]. До войны у нас радио не было. До войны у нас только был движок электрический, освещал школу. Вот это у нас был движок. Он освещал школу, там немножко центр и все. Радио не было. Радио у нас появилося в пятьдесят, пятьдесят... втором году, пятьдесят первом, пятьдесят втором, где-то вот в эти года. Тоже были очень радые, очень радые, ты что! Услышим все! Все услышим. А так, только на район передают по телефону, так, например, начало войны передали и конец войны передали. А те на сель-

ский совет, а уже... Я как сейчас помню, мы идем, как раз воскресенье было, идем и тут объявляет... войну. Мы эту войну не представляли, как оно, что оно! Объявляет. Да, сельский совет, уже им объявили, они уже село объявляли. Тут одному скажи и через час все село будет знать! Ну как, мне сказали, я пришла вдома сказала, те пошли те сказали, те пошли тем... *[нерозбірливо]* ...через час все село будет знать. Это село!

Не надо собирать, все сами соберутся! Все сами, возле дома культуры или... все соберутся! Все сразу собрались! До полудня сотня была народу, там и выступления всякие, и помню одного, как он говорит: "Все равно мы их задушим!" *[Посміхається]*. Каждый свое выступает, кто "нет", кто как... Да, сразу. Так же само и конец войны! Я иду, мне соседка говорит: "Ты, знаешь, я ишла с центра, мне передали – конец войны!" Я пришла домой сказала, сразу пошли до одной соседки, та соседка... И все! И сразу все бросали, все! Никакая работа, все бросили и все пошли в центр, и гуляли, ни кушать, ни пить никто не хотел. Целый день гуляли, танцевали, бегали, от радости не знали что делать. От радости, что мы живые, мы живые. Мы остались живые. Каждый радовался, вновь таки, войны нет, мы живые. С нами уже ничего не случится, ну, кроме болезни, а так, уже все. Да, наше время было и грозное и интересное.

[И телефон появился в селе...]. Телефон, это, наверно, позже. Позже. Вот, вот сейчас вот... Может быть лет десять тому назад, где-то вот так. [Первый где появился?] Кто его знает, первый. Первые, конечно, кто федеральный... ой! Участники войны, кто там... Сразу, кто если на какой-то работе, если, например, работаешь на какой-то работе, чтоб можно иногда тебе позвонить. Сразу им. А потом, а потом... А теперь, кто желает, проводят. Деньги дай и проведут тебе. Телефоны позже, позже. Может десять лет тому, а может еще и раньше, ну, где-то в пределе отак. Раньше не было телефонов.

[Как телевизор] и не хорошо, сказала бы, и не плохо! Меньше стали общаться, правильно? Каждый себе, щас все... Раньше, у нас как воскресенье, люди выходят в центр, тот оттуда, тот оттуда... А сейчас, каждый смотрит, шоб не прозевать...

Ну, когда я гуляла, посиделки таких уже не было, а было кино! Очень внедряли кино, мы без кино жить не могли! Если мы в кино не пойдем, прозеваем, мы больные ходили. Мы ж в кино не пошли! Да, это для нас ЧП было, мы ж в кино не пошли. Даже моя девочка и то вспоминает еще: "Мама, как мы, – говорить, – ходили в кино! Не прозевали ни одного фильма детского!" *[Нерозбірливо]*. А в воскресень ходили, просто ходили... ну, люди, каждый выйдет свободный, на пло-

щади в центре, кто себе с тем увидится, кто с тем увидится, а кто в кино пойдет. В общем отак общалися. А раньше, раньше, собиралися! Девки, парни! Свои песни болгарские пели! А мы тоже, возле них... А мы маленькие. Ходили как, только смотреть, где какая красивая барышня, где не красивая, где одетые, как нарядные, где как... Нарядным у них считалося, они надевали платки, кремового цвета с бахрамушки, и от так завязывали... Они отак и потом так. А потом, обратно сюда втыкивали цветок... Любые цветы, какие дома найдут цветочки такие, затыкали. А мальчики в кепочках своих, в фуражечках, в фуражечку затыкали цветочки. И ото ж, идем и смотрим, красивые, конечно, молодежь... А сюда одевали... юбочки такие, а сверху кофточки. Сами себе шили.

[Все сами шили]. Ну, материя была, а как же, материя была, брали материя, покупали... Обычно, если это праздничное, делали светлого цвета, шоб уже выйти, так выйти. Платок светлый... а у болгар, желтый цвет ни... у нас желтый цвет это что, измена, так же ж?.. А у них нет, любов, это самое-самое. [Это у] болгар! Желтый цвет это у них, заменяет у нас... я знаю какой цвет... *[нерозбірливо]* ...я уже и того не знаю шо... Да. Я, фактически, не болгарка, моя мама приехала сюда, русская. Хохлушка, бабушка хохлушка, они воспитывали нас... [Говорили] в основном, по-русскому, по-русски... [И отец] тоже по-русски. Порусски. [Я болгарский знала], как училася в школе болгарской... *[сміється]*... ну, болгарские это стишки были, стишки были.

[Танцы были]. Танцы народные, польки, каратояки всякие! От это от... Как понесется, особенно в польку ... А у них, хоро было, возмутся отак и так-так, ну до нас уже не дошло, мы только так зырили, потом так стало отпадать, потом, после войны, резко все отпало. Почему... много молодежи было ж в Германии, поприезжали у них свои фокстроты, вальсы уже, пошло уже другое. Жизнь не сидит на одном месте, все движется! Еще кричат: “Вот молодежь!” Ничего не молодежь! Молодежь как была молодежь, во все времена ее хаять. Возьмите еще, когда “Отцы и дети”, не хаяли молодежь?! Конечно хаяли! Еще тогда! А и до сих пор: “А от та молодежь!” А какая молодежь?! Молодежь требует, хватает новинку, хватает новенькое, молодежь все равно ж!... Мы были такие... какие! Как молодежь!

Как раньше?! [Болгары гуляли и русские там]. Ну, как раньше, все гулять ходили вместе, вместе гуляли и болгарские, и русские, все вместе. Село одно, один никак не будешь... [Бывало ссорились]. Бывало, бывало! Вот, у нас село тут, Камышеватка, там все русские. Перед войной такие драки были между мальчишками, это страшно... вражда была очень страшная! Очень страшная вражда! Выходили отсюда камы-

шеватцы, отсюда наши, и... это страшное было! [А из-за чего?!] Спросите их, сами не знают из-за чего! Сами не знают из-за чего! Бывает из-за девушек! Бывают, просто, вот ты русский, а ты болгарин, и вот, начинают, задеваться, задеваться! Тот соберет свою компанию, те собираться свою компанию, и назначают драться! И драки были, это я помню! Перед войной были большие драки! Даже, говорили, война, наверно, будет, потому что хлопцы не мирятся вовсе, не мирятся, крышеватцы и преславцы не мирились! От это я хорошо помню! Даже, мы как вечер, боялись, как бы никого там не прибили палками! Ну, не, не было!

[Мы с мужем познайомились на работе...]. Он наш, преславский. Та приехал... *[нерозбірливо]* ...я в сельсовете работала, а он в конторе, с помощью бухгалтера. Он молодой, я молодая, вот так... Ну, тогда у нас мальчиков не было, наших мальчиков на фронте побили. Так шо у нас, выбора не было такого большого. Но, все равно, кто хотел, тот выбирал, кто не хотел, не выбырал, кто как. Ну, конечно, выбирала! [Мы оженились в 53-м году].

[Какого хотелось?] Я, например, люблю уравновешенность, спокойных, уравновешенные, спокойный... ну, шоб он мог мне что-нибудь о жизни рассказать, не то шо *[нерозбірливо]*. Ну, как раз он такой и был. Он был инвалидом, но не войны. Инвалид труда, комбайн ему ногу оторвало. Ну, я нашла, что этот парень, что с ним можна и поговорить более-менее о чем-то, а в других мне не так. И, так и познакомились, и ... Хоч инвалид и не жалею, вся трудность была работы для меня, и домашняя, и вся, и хозяйство нужно держать и все, но все равно я не жалею... Мы прожили так, что даже и слова “брешеш” не скажет, не то что че-нибудь или мат, или еще там что-нибудь, даже “брешеш” не скажет. Отак прожили... И дети мои так прожили слышком... От мой сын, он думал, что жизнь везде такая как у нас была. Я говорила мужу, что надо как-то, чтоб это самое, а то попадет в жизнь... так и есть. Он думает так как у нас дома, папа маму не обидеть, мама папу не обидеть, нас не били... Так... жизнь такая и есть! Жизнь прекрасная! Правильно! А когда *[нерозбірливо]* там и слова без мата не скажет, попал в ту семью, а поехал туда, потому что она закомандовала туда! Овцевала! А познакомила его сестра моя его, с этой Любочкой, и все! Он насмотрелся на это, нервы сдали, он этого не видел, ему стало страшно... *[нерозбірливо]*. И отак... Ну, оно, с одной стороны, видишь... Так шо мальчики и девочки... отак...

У меня [детей] двое. Мы их слишком приучали, чтоб делать добро. Чтоб все вот это, что б нигде не это... слишком, я ж говорю, такое им приучали что... Он боялся, что вот я болею, инвалид, чтоб сын не получился алкоголиком, не получился алкоганом. Слишком это... У нас так

было, начинали мы... книгами занимались, это как всегда, разыгрывали там что-то в газетах или журналах. Он все, идет с работы, полно у него журналов, послушаете вот то, послушайте вот там то... Всякие, всякие [журналы]. Какие бывали, он все их таскал домой. Он возьмет, прочитаем и он опять, в библиотеку колхозную опять отнесет, и сам он выписывал. Он без спорта не мог, хотя он был инвалид, он за спорт умирал... если папка сидить, я говорю: "Молчите, тихо!" Проиграли наши. Все, молчат, наши проиграли! Я говорю: "Слушай, мы при чем, шо они проиграли?!" – "Так они шалопаи, они шалопаи!!!" Ну, так, а мы тут при чем?! Если идет с работы, мы тут шо-то делаем, уже знаем – игра была, если что... У нас тогда еще телевизора не было, а они там в колхозе смотрели... "Все, – говорю, – это если папка не в настроении, разбегайтесь по углам и сидите тихо, пока он сам не заговорит!" А то щас скажет: "Вы шо там проиграли!!!" Ну, проиграли, проиграли!

[Еще как мама замуж выходила], кто как смотрит. Кто как смотрит. Мой отец говорил: "Любого, даже цыгана, лишь бы она его хотела!" И все. Отак. Мама, когда замуж выходила, значит, она имела... это еще, до революции замуж выходила. Значит, имела сильно богатых женихов, она была красивая, и разбалованная, самая меньшая в семье, ей там семь братьев, семья большая, все ее охали, наряжали, одевали, в общем. *[Нерозбірливо]*. У нее были богатые женихи, то купцы, то там такие от, заморские, откуда-то. С большие подарки, такие шикарные ее привозили, а тут бац! Наш отец приехал ее сватать, да. Она ни в какую, нет-нет, ни в какую. А они были знакомы еще давным-давно, мои дедушка и бабушка еще говорили: "Когда у вас вырастит Настя, а у нас вырастит Ваня, мы их поженим". У них как-то, она, бабушка, тоже с этого села, где и мама и вот они... Вот это, Константиновка.

Да, она и бабушка оттуда, и мама оттуда, значит они знали, так сказать. В гости ездят, видят, что там девочка растет, а у них мальчишка растет, в общем, будут их женить. Ну и что?! Подрос Ванюшка, пришел же женить, а они же бедные. А те, что там, то рыбу поймают, то резником был, то базарником, ни земли у него, ну... ну, бедные. Она ни в какую, они же богатые. А богатство, еще и много приданое ей собрали, там столько ей одежды, там все это ее, и там, и диваны, и... На то время это считалось очень шикарно. Потому что выходили замуж не так, а она имела! Ну и тот... Братья были против! Против ее кавалера, были за этого, она сбежала в Мелитополь к сестре, старшая самая сестра была в Мелитополе, сбежала и все. А жених пришел сватать ее, а ее нет! Так он часто говорил: "Я сижу, дурак, жду, пока ее привезут! *[Нерозбірливо]*. Я жду! Привезут, я ж жених, я жду! Она убежала от меня!" И сам ей говорит: "Ты, – говорит, – этот человек образование имеет, – и

хотя он не кончал еще Днепропетровский, он уже был писарем где-то, работал тут, сельским писарем был, – имеет образование. А твои, – говорит, – купцы?! Завтра назревает революция, вот уже-уже, было, завтра богатство у них отберут и все! С кем ты останешься, с кем?! А это, – говорит, – наука... *[нерозбірливо]* ...ее, науку, не отбирешь у человека! Она при нем всегда! Так что думай!" Не-не! Нет!? "Ничего мы тебе, – она жадненька была за этим барахлом, – ничего мы тебе не дадим! Мы собрали тебе, но мы тебе... Иди со своими купцами!"

[Это братья так!] Да, братья, братья! Так-так и уломали ее! Приехала сюда и так, обосновались и оболгарилась. Еще и как быстро, в течении года! А то говорит: "Приходят ко мне, говорят-говорят, я ничего их не пойму! Кричат на праздники "Сурва-сурва" ("сурва", это по-болгарски сырой), чего они хотят, что б им дала печеное, сырое хотят?! Вот, – говорит, – турки и сырое будут исть!" Отец говорит: "Да, не сырое! Это такой обычай, "сурва" кричат, что год был сырой, чтоб "сурва", чтоб дожди были, чтоб год был урожайный!" Ну, откуда она могла там знать, что у болгар там означало "сурва". Думает, сырое, еще не спекла, а уже кричат "сурва". Шо я им буду давать?! Потом, говорит, нема, нечего, говорит, дурака валять. Буду учиться! Итак и итак, итак, быстро-быстро, быстро, в течении года два или три, и не знаешь маму, болгарка она или украинка, какая она, быстро освоила, так разговаривала. Говорила это: "А то, сидишь среди них как дурак! Как дурак! Ни им не скажешь ничего, и их не понимаешь!" [Она и букв не знала болгарских], конечно, не знала! Ну а бабушка тут жили ж, свекруха, бабушка, она уже тут жила.

А бабушка, еще лучше. Поехал дед свататься, сирота остался, ему уже предложили: "Тебе уже девятнадцать лет, находи жену, определяйся и где-то ж живи, шо ж мы..." Да. Ну он в эту Константиновку поехал, сказали, что там можно девочек найти таких, которых... Подсказали деду, шо вот иди, там у этой женщины, она вдова, у нее очень много девок, вот и там себе выберешь... *[нерозбірливо]*.

[А чего так, шо тут девок не было...]. Ну, захотел туда. Захотел. А че он захотел именно русскую, я знаю чего?! [Ну брали тогда и болгары русских]. Можно было! Можна. Ну, он говорил, когда я уже проходил, посмотрел в окно и мне понравилась одна девочка, вот это вот, вот... которая на ней и женился. Ну и собрали всех девок, все. Он говорит: "Я вот эту возьму!" Она говорит: "Зачем тебе эта молодая, ей четырнадцать лет!?" А те большие уже. "Нет, я вот эту и все." Ну и шо, ну и женися, на этой, четырнадцать лет девчонке!

[А можно там было в четырнадцать лет...]. Ну, вот! Как их батюшка крестил там, как венчал или что, я не знаю! Но, факт то, что привел ее

и все! Где-то там, их селили в какой-то времяночке где-то жить, дали им жилье. Ну, что. Он уйдет, целый день на работе, там базарником или где он там работает, придет, она там соберет зимой детвору, у саночки катаются! *[Нерозбірливо]* ...она не понимала ответственность, что придет, что ему надо, зачем ему надо. Ну а он оттуда придет, печень, самоварчик поставят, чайку попили, там селедочку принес. Терпит, ну до лета потерплю как-нибудь. Тут лето, она наоборот, качели! Нет, говорит, не будеть! Едит в село: "Приходите к нам, хоч на недельку, научите ее хоть самое простое, хоч..." Мать ее [позвал]! Ну, хотя б научит эта женщина варить, а потом все остальное станет. Да. Пришла та бабушка, понаучила ее, понаучила немного и себе ушла. А потом она научилась, до того была такая мастерица, так вкусно готовила, шо дед от радости... *[нерозбірливо] [сміється]*.

Она не хотела [сразу замуж]! Не хотела! Но, сразу, вроде бы согласилася, а потом не хотела, а он дал на наряды деньги, дал дед. Дед же дал, она бедная была, чтоб ее одеть хоть, он же дал денег. Она деньги потратила на наряды, а потом в никакую, не хочу. А та, говорит, кочергу, мать качалкой бьет, говорит: "А де я гроши визму!" *[Сміється]*. Били... *[нерозбірливо]* ...выходь! Все! Выходи и все! И говорит, меня еще и отлупили и замуж отдали! [Мнение родителей большую роль играло]. Да-да! А как же. Ну могли, конечно, [пойти против мнения родителей]. Ну, а как?! *[Нерозбірливо]*. А та девчонка, отлупила ее мать, заставила да и все! *[Сміється]*. А потом как приехала...

[Свадьбу играли болгарскую]. Сразу они у невесты, идет же это... жених к невесте... Ну, с гостями. С гостями. Только не все гости, которые гуляют у них... Несколько, ну, немного гостей, там же не будут они много всю свадьбу это... Погуляли... Был [дружок у жениха], а как же, дружки. При моей памяти было! Как раньше было, не знаю, а при моей памяти было. И дружка была, и дружок был. Ну и здесь они гуляют-гуляют, гуляют, потом разбегаются. Совсем... А потом уже жених идет... то, уже невесту ведут туда... не, сразу отводит, погуляют здесь и невесту туда ведут, к жениху и расходятся все. А потом собираются у жениха опять и гуляют уже... Это вечером гуляют и на следующий день! Потом они могут *[нерозбірливо]* ...опять. От это такое.

Ой, раньше [на свадьбу] готовили, капусту с мясом, картошку с мясом, от такое все. Поставят тарелки, каждому ложку, вилку поставят, нету таких тарелочек, там то, такого не было даже и близко. Какое было упрощение, а сейчас, не столько той гульни, сколько той посуды горы. Тому то отдельно, тому то. Мы с сыном вдвоем, как придет соседка удивляется, что вы тут делаете... Я говорю: "Хорошо, ну как? С общей

тарелки... Ну, пусть себе ест свое, я себе свое! А если там одно что-то, то второе, то салатик..." Как наставим!

Раньше пили, обычно делали вино и слабенькое такое никогда... Раньше еще соберут... И там так, стакан два-три дали, все, лишь бы пили, повеселиться и все! Ну, сейчас, конечно... Если вино с винограда, то я сама делала вино с винограда! Это у нас виноград здесь был, я его отжимаю... *[нерозбірливо]*. Сортов очень много, но у нас, в основном, мы, у нас был... *[нерозбірливо]* ...это очень вкусный как столовый, да. А вьющиеся сорта другие были, а у нас был такой не вьющийся. В общем, "Знаменский", очень хороший сорт, но в ассортимент он не вошел из-за того, что он иногда может не дозреть. Уступ... А как каждый, очень много есть, пусть останется! Убери! А как убери... много. Вот, бывает не созревает, но очень вкусный, хороший виноград, с него... *[нерозбірливо]* ...это белый. ...*[нерозбірливо]* ...для приготовления шампанских вин. Вот в Бердянске плантации его основали, для приготовления шампанских вин! Ну, я знаю, как раньше было, а сейчас, може, и други сорта и, може, столовые их больше выгодные для еды...

Ну, как собираем этот виноград, трем его через такое решето, чтоб вот это всю плеву, вот эту всю вытрухиваем... Кто как, если кто раньше, еще до моей памяти, может они и по-другому делали, при моей памяти вот так. Ну и мы, вот это стало сколько, бочоночек, и всякую тару. И оно начинает себе киснуть, киснуть, там сутки, двое, трое, там... Потом, вода с него, вот это вот, берем только сок. Отцеживаем, наливаем в бочоночек и наливаем туда немножко воды. Кто как делал, кто прямо воду из колодца наливал, но я такая щепетильная, что я и кипятила и хорошую брала! Я ж не делала, сколько там у нас, бочка этого вина. Все смеялись с меня: "Ты что, кипятишь и сладкое в вино?!" Ну как, говорю: "Ну как, – говорю, – буду делать вино с такой!" Добавляем сахарку. Например, там на два ведра соку, там ведро воды, килограмма три сахара. Если там у тебя больше соку, больше воды, больше сахара. И кипит, перекипит, потом наливаем в бочоночки, закрываем и все на продажу. Мы даже и продавали.

Цены тогда, можно подумать... Не такие как сейчас. Совсем другие цены были. Я и не помню по чем там литр, но возили, продавали. Я делала, муж нанимал уже... с кем-то, не одни везем, не одни мы продаем. А сдавали, сдавали. Нальем там бочоночек, пятнадцать там ведер, это 150 литров, вот, получим там какую-то копейку, вот это и все. Пчелами занималися, но пчелы это более доходные уже. А вино... А вино, довго его держать, а его друзья все такие, шо любили выпить! Он не пил, у меня хозяин не пил. И от придут к нам, ну, как же не угостить, надо. Сегодня, а завтра придет другой, а послезавтра другой. "Интерсно, –

говорю, – я должна мучиться обрабатывать, ты ж его и не полишь, не подвязываешь, ты ж не обрезаешь, не брызгаешь, ни чего не делать!" *[Посміхається].*

Брызгали медным купоросом. От медью. Можно было брызгать и железным купоросом, но чего-то мы его не практиковали. В основном, медным купоросом, в основном, весной, если весна дождливая. *[Нерозбірливо].* ...его брызгаем раза два-три, от. Хлопотно! Виноград держать это очень хлопотно! Это несколько раз... Мы его раньше накрывали, его ж надо на зиму укрыть, весной раскрыть. Обрезать один раз, второй раз, потом сделать ему чеканку, а потом его подвязать к этому... проволочки такие, к ним подвязать. Потом верхушки срезать, потом сбрызгать... *[сміється].*

Наши родители праздновали и религиозные праздники, и советские! Религиозные, это Рождество, всегда праздновалось, всегда! Всегда! При любому, всегда, при любом запрете религии! [Это вот на Рождество готовили...]. Ну, тут еще национальные блюда, вот эти, наши национальные, болгарские блюда. Обычно, они на Рождество, делают, называется инейка. А инейка, знаете это шо, это мясо тушенное, мясо с луком, это инейка, очень, конечно вкусно! Вкусно готовят болгары, вкусно. Любят пекти! В печках, млин, называется млин...

Это [на Рождество] большинство, каждая семья старалася, приготовить что-то из ихних национальных блюд, более-менее, хорошее. Всегда они резали поросят, у них всегда были колбасы, должны быть! Должно быть, все вот такое, мясное. Приготовляли, приготовляли они вкусненькое всегда. А на Паску... *[нерозбірливо]* ...компоты...

А мы гадали под Новый год, по-старому, значит, на 13-го вечером, и на крещение *[говорить тихіше]* 19-го. Всяко гадали. И петуха в дом затаскивали... *[сміється].* Вот, ставили мы три блюдца, в одном зерно, в другом воду, а в одном блюдце ставили зеркало. Если петух начнет клевать зерно... Вот, пригласим петуха, на Новый год, что он будет делать, если зерно – богатый жених будет, если будет воду пить – пьяница будет, если зеркало – будет интеллигентным... *[нерозбірливо] [посміхається].* Ну, взяли какого-то петуха привели, он как начал и зерно, и воду, и в зеркало, так растерялся, что делать! Так, мы так смеялись, так страшно! И в зерно хочет, и воду пить, и туда заглянет! А мама: "Шо за дикий петух..." *[нерозбірливо].* Там на первого кого-то погадали и убрали его.

Потом перекидывали мы через, такая времяночка у них, сапожок. Все, потом смотрели, куда носочек, в общем, откуда... Бегали и спрашивали: "Как тебя зовут!" Вот, бежим, бежим, встречаем мужчину: "Позвольте узнать, как вас звать?" Кто узнает, що встречает... *[нерозбі-*

рливо]... "Шо, не знаешь, как меня зовут?" И с удивлением таким! Какая разница, говорю, ты мне скажи... *[сміється]*. И смеялись! И посякому! И под окно слушали, если скажет "Иди, иди!", значит выйдешь замуж, а скажут: "Сиди, сиди!", там... Какой разговор мы услышим! Да. Ну, и подошли мы к одним, а у них девочка, как раз, маленькая была, они заставляли ее ходить: "Зиночка, поди, поди!" Мы все, хаха-ха! Ну и все.

Потом, ворожение, вот на сыто, я не помню, как мы говорили, когда сыто, потом вставляли иконочку: "Сыто, сыто повернись ко мне, если живая там..." Вот, наши в Германии были, если они живые были. Последнее время мы не писем, ничего не знали, были отрезаны! Фронт прошел за нами, все уже! Когда мы были на територии немецкой, еще пропускали те письма, а уже все, какие письма. Ну а каждая мать плачет, как же ж так, живые не живые, где там. И всегда всегда там, если, живая, там, моя дочь Рая, повернись иконкой ко мне. И мы держим, вот так, ножницы втякаем вот, и поворачивается! Поворачивается, как, наверно, биотоки бьют, и это... поворачивается, повернется. И все время поворачивается, и спокойны были, что живы, нам же сыто сказало, что живы! Ну, они живые были *[посміхається]*.

Потом, что еще... Под голову ложили себе, кто ленту, кто мостик делал, от спичечку положит и уснет. Если, кто тебя через мост будет, будет проводить, значиться, он жених твой будет. Если, там лента, то значит дорога, какая-то. Ну, я помню, уже в техникуме училася, гребешочек положи, кто придет тебе чесать! Я говорю, бабушке, той старенькой: "Какой дурак, будет меня ночью чесать?! Кто меня будет ночью чесать!" От, она ж подсказыват, старенькая, девчата вы то-то, то и то делайте. Ну, я взяла кусочек гребешка, чих-чих, под голову и легла спать... Да! *[Посміхається]*. И приснилось мне, шо мы шьем костюмы маскарадные, да, маскарадные, было, как раз, на Новый год. Ну и это... а мы ворожили... Подождите, а как оно было? На Андрея мы ворожили, Андрея... Андрей в декабре месяце! Потому что мы, вроде как, делали костюмы для нашего Нового года! Не Старого, а для нашего. Андрей, он в первых где-то числах декабря, я думаю, на Андрея. Ну сижу я и делаем... шьем же ж костюмы, и заходит знакомый парнишка, который мы его знаем, заходит, а я как шью, значит, волосы упали, а взял мне и говорит: "Лахудра, хоч причешись!" – и от так... И приколол! Я: "Бабушка, пришел при... *[Посміхається]*. Причесал, причесал!" Она говорит: "Видишь, а ты – какой дурак придет чесать! Вот и пришел чесать! Кто?" Да, говорю: "Вася! Вот этот вот... Вася!" – "А, ну, Вася, Вася! У него, – говорит, – барышни каждый... *[Нерозбірливо]*. ...покрутит тобой и бросит тебе!" Я говорю: "И пусть бросит!"

[Паску праздновали]. Ну, в основном, праздновать, у нас же ж, в основном, была советская власть, при моей памяти. А при этой, мы просто праздновали просто так, чтоб вкусненько сварить в этот день. Вот это и весь праздник был у нас. У нас же церкви в селе не было. Да, было время, что не святили пасху, не святили. А куда ее посвятишь?! [Чтоб та в другое село ходить...]. Не знаю, даже, по-моему, в Приморске и то сразу не было. А потом уже в Приморске, уже когда я училась в техникуме, церковь в Приморске была. Значит потом уже а... не было. Как... Ну, праздновали, как... Знает мама, что делать... [Паски пекли] обязательно. И яйца красили.

А краску покупали какую-то, кто в краске, кто в... луковые... эти самые, обкатаем их и они прокипять, они желтые, коричневые, кто какие накрасит. Кто какие накрасит. На кладбище бегали когда-то, поминальные. Там же ж, поминают и... приносят... яйца раздают. Я не любитель была бегать. Детвора, когда дети были, я не... Сестренка моя все время бегала, еще и поспорится там. Ей не дают, дают более бедненьким, она расплачется, какая я, какие они! Чего им дают, а мне не дают! Да. А тетка наша обозвется: "Анна, ну ты же ж яйца кушаешь, а дети есть... ну не видят яйц!" – "Да! Какая разница, я дете и они дети! Вот и пусть дают и мне! Что мама мне сегодня сварила одно яицо!" *[Посміхається]*. Часто мы ее дражнили. Ну, одно так одно, а кто-то и одно не видит. Ну иногда соберет, довольная, что дали и ей. А я не любитель бегать.

Раньше больше праздновался Первое Мая чем Пасха, это было такое, это Пасха это так. Правда, если хочешь дома, но всеобще народное оно не было. Это ж запрещалася религия. А тут было совпадение, что тут Пасха, а через два-три дня Первое Мая. А мама наберется детям шить и на Пасху сидит и шьет. А придут бабушки, начинают. Грех! Грех, ты шьешь! Мама говорит: "Нет, не грех! Я шью детям, которые должны порадоваться, что я им обновку сделала! Какой я, – говорит, – грех делаю, что я делаю? Ругаю кого или бью кого? Ну, что я делаю? Такое вот. Наоборот, я хорошее делаю, чтоб дети были довольные. Это, – говорит, – никакой не грех. Работать, – говорит, – и кушать не грех!" И они от нее отстанут *[посміхається]*. Это мама была певчей, когда была девочкой. Певчей в церкви! Там у себя дома. А тут, когда уже вышла замуж, замужняя женщина как-то, а там девушка, там... Так батюшка ей сказал, что если для нужды надо, вот надо, необходимо...

Всегда праздновали! И Пасху праздновали! А уже, вот эти всякие, святой такой, святой сякой, которые, отпадало! А сейчас, конечно, празднуют, сейчас... церковь работает... Я смотрю так, что вера нужна! Вот так, я смотрю! Нужна! Без веры собрать людей нельзя! Если веришь

ты, если не в Бога верили, мы верили в правительство! И так верили, что любой задор для нас нипочем, в огонь и воду полезим, потому что... вера большая! И чувствовали большую силу, поддержку, чувствовали! Хотя, он жестокий был и то, другое, много Сталин было, но для нас он был всем! Даже, если пойдем в кино, и если покажется Сталин, мы все "Ура!" кричим, и только показывается на экране Сталин! Поэтому, когда Сталин умер, я бы сказала, мы все перенесли... Ну, как... как-будто паника – что ж теперь будет?! Уже все, шо ж теперь будет, кто будет, как будет, как?! Вот это нас все-таки волновало. А потом Сталина уже нет, теперь мы потеряли все.

[Праздновали вот Первое Мая, Седьмое Ноября, тут демонстрация была]. Обязательно. Собиралися люди в центре, митинг был. Даже, в первые годы, когда я еще была маленькая, по селу ходили с транспарантами, с флагами, кругом. Это особенно в мае, особенно в мае, это обязательно. Вот это болгарка была, эмигрантка, Елена Генчевна, вот она любила это дело. Первая поет и все за ней, и школа, и колхоз, и... У нас же тут было два колхоза и в каждом колхозе по четыре бригады. Людей было очень много. И соберутся, и на гармошке, и на скрипке. Болгары, у них же скрипке... кеменче. На скрипке. Соберутся, гульнище в центре. И поют и вытанцовывают, от старого до малого. Вот так... *[нерозбірливо]*. А вот так. чтоб по селу ходили, я этого уже не видела. А митинги всегда были. Всегда были.

Ну, например, нас в школе заставляли обязательно ходить [на митинг]. Обязательно ходить. Вот. А население, кто как хочет. Уже ж не придет, не скажет: "Эй, ты! Чего ты не пошел?" Не пошел, да и не пошел! Вот. Вот это у нас такие были праздники, вот детство...

[И дома праздновали эти праздники Первое Мая, Седьмое...]. Ну, а как же. А как же. Сразу флаг вешают красный. На октябрьскую флаг вешали. [И конец сбора урожая праздновали]. Празднуют, конечно, праздновали. Вот так... В основном, праздновали комбайнеры, механизаторы, которые это... Та-ам, такие, что там... рядовые, сколько их там. Ну, как, выпивка, готовят себе, отпразднуют, погуляют. Кто на берегу моря, кто на речке... С других сел приезжали на берегу моря праздновать свой день урожая. Особенно вот Лозоватка, всегда у нас приезжали, своими и... *[нерозбірливо]* ...своими людьми привезут, здесь погуляли... Ну, на один день. Они приедут, утром расположат... *[нерозбірливо]* ...того, что организации были ж... *[нерозбірливо]* ...а последние годы каждый себе. От так и празднуют. Так сказать, что б все село собиралося, такого нет. *[Нерозбірливо]* ...так отметят, да и все.

[И дни рождения праздновали. А мама с папой] не любили этого, совсем не любили, никуда не ходили. Никто никогда день рождения...

[сміється]. А я сейчас часто говорю: "Чи генералы породилися!" Как день рождения... Так, в самом деле, так закалибали, чи не уродилися! Ну, пусть там какая-то дата знаменитая, пусть там люди на пенсию отправляешь, или там 25 лет, или 20, или 18. Ну, а повседневно, каждый год. Да. Ну, мои дети привыкли, мои внуки... у меня их двое. Один на Урале остался с сыном там, как развелися с женой, там остался Ванька. А эти здесь. Они уже знают, бабушка... ну, придут с бабушкой поговорят. Вот.

[Я училась и в школе, и в техникуме]. Как раз у голод училась!!! Как раз у голод училась! Я сразу поступила в общеобразовательный в Приморске, а там был и сельскохозяйственный техникум, там давали стипендии и пятьсот грамм хлеба! И когда моя мама пошла искать мне квартиру, шоб я пошла... Она пришла, говорит: "Ты, знаешь, я проходила, через двор, там какое-то здание, какая-то школа, а потом спросила что, это за здание *[нерозбірливо]* директора сельскохозяйственного техникума!" [Директор потом мне говорил]: "...У нас и общежитие, у нас и столовая!" Ну, мы, конечно, платили... ну не сильно дорогая. Ну, пятьсот грамм хлеба! Покупали, ну конечно, они давали. А так очень трудно было, очень трудно! Еще у нас была такая семья, ну двоих не было, были в Германии или, мне кажется, уже приехали. Приехали! При немцах же забирали старших моих сестер! И так мама пришла домой: "Слушай, а чего ты там будешь мучиться! А мы тебе будем там, а ты там сама себе и стипендия и хлеб и все?!" Не! Не стала сопротивляться, хотелось мне сельскохозяйственный! Ну, как мне не хотелось, ну надо было...

Мне нравилось... *[Сміється]*. Медицина мне тогда нравилась! Ну, медицина пошло уже все пошло насмарку... Я ж переросток, куда уже учиться, когда закончила 10 классов?! Ну и пошла ж я к нему, к этому директору, документы, там забрала б если документы... А документы, об образовании, что я семь классов закончила, я в Ялту посылала, в фармацевтический. На фармацевта. А тут мне поступать!.. Там меня взяли в той школе. Взяли, а тут в этом техникуме... Он так крутился, крутился: "Ладно, – говорит, – возьму! Но мы напишем запросы, вышлют, куда денут?!" И я писала запросы, и они писали запросы, и отец писал запросы – не высылали! Отец говорит: "Знаешь что, иди, наверно, в РайОНО, так и так, что я кончала, архивы все, при немцах нигде ничего не найти! И тебе выпишут!" Выписал мне! Взяла я документ, что я в таком году, такого дня, закончила семь классов, с такими оценками, все. Прихожу, а директор смеется: "Вот смотри, Ялта прислала!" Так теперь у меня в ящике там два документа! Я была отличница! Ну,

все! “Какой заберешь?” Я говорю: “То что я взяла дубликат – вам, а то что мое, я себе его забираю!”

[Я училась] в Приморске. Назывался Ногайский сельскохозяйственный техникум. Был рассчитан на три с половиной года. Это второй выпуск... или я уже третий выпуск была... Послевоенный! Вот это я уже была. Я кончала отдел виноградарства! Я не хотела туда идти! *[Сміється]*. В этот техникум! А я когда пошла, он мне... мама говорит... он, директор говорит: “У нас и виноградарское отдел, и *[нерозбірливо]* отдел”. Ну, когда я пошла, он мне предлагает: “У нас, – говорит, – виноградарский отдел уже полностью занят, мест нет, только в семеноводческий иди”. Я говорю: “А тогда я не буду учиться. Я уйду! Потому шо я...” А он: “Ты знаешь шо там... там...” – “Не знаю, – говорю, – но, туда я не хочу!” Да. Ну, значит мест нет. Ну, а я возьми и притулись дурочкой: “Стуло поставлю – и сяду!” Мест нету – 25 и все! Ну так же!? А я говорю стуло поставлю да и все, что мне там одно стуло не найдется!? В общем, меня зовет, когда говорит: “Иди!” А я говорю: “Михаил Романович, – мама мне уже сказала как его звать, – Михаил Романович, – говорю, – а может кто отсеется, может кто-то бросит. Вот как раз и место мне будет!” Точно так! Как начали отсеваться, так еще надо добавлять... это виноградарство... Отсеивались! Очень много отсеивались. Потому что многие были переростки, многие были... условия нет дома помогать им. Не успевает – двойки две-три заработает и отчисляют. Все! Некоторые сами видят, шо не тянут – бросают, а некоторых отчисляют. От это такое от. Тогда как раз и освободилось и мне место нашлось. И мне место нашлось... Целое дело...

После техникума у меня направление было в Херсонскую область, Новотроицкий район, село Новопокровка. Работала, ну, вот таким агрономом виноградарем-садоводом! Очень тяжело было! Очень! А какие условия там были!.. Ни зарплату не видела, ничего! От выпишут тебе там... че-нибудь, крупы какой-нибудь... ну, че-нибудь! А я живу на квартире, это надо платить! А мне с чего заплатить! Очень трудно! Трудно было! Год я... и ушла с работы! Сюда приехала и все. Нельзя было [уйти, я же только год проработала]! Но у меня здоровье подкачало – стала болеть, мигрень. Може того, шо я переживала, шо надо хозяйвам давать, а шо им дать! Питалися, а мне неудобно... Ну... ну-ну... как так можно! Он говорит: “Что у меня есть, я все дам!” А что даст – а денег нету! Что он может дашь, когда денег нету! Ну, дает, а им то надо за квартиру заплатить... Хоть мы и платили им несильно ж дорогие деньги, но и этих не было! Ничего не было! Хорошо я как расчиталася, расчет мне дал. Госбанки тогда уже начали... *[нерозбірливо]* ...да денежки появилися, я получила расчет и поехала домой та и все.

Ну, родители здесь, я и домой! Там же... Я и домой. [Даже в Приморск не поехала, где училась]. Я город не любила. Приморск – это ж еще може на то время не город был, шо у нас в Преславе, шо Приморск. Такой город шо... Нет разницы никакой, почти. Там никакой было... раньше и стричся... а разницы никакой. А вообще город нельзя, мне ж мигрень, шум. Вот эти трамваи, вот эти вот... Почему я, там на наряды ходишь, надо лошадкой куда-то поехать, а я прихожу у меня силы сразу все-все... все, стает и все. Какой с тебя будет агроном, когда у тебя тут башка болит, пихает, мигрень! Ну успокою голову, на следующий день потом опять пойду. Думаю, та чего я буду мучаться! Приехала! Работала секретарем в сельском совете. То ж работала два с половиной года... А потом пошли дети, дети!

Всю документацию ведем... вел секретарь. И выписывали документы всякие... ну все... Ну, конечно, паспорта нет! Паспорта в районе давали. Такие, браки, разводы! Эти, потом эти смерти! Новорожденных! Это все ж... и мало у кого, надо в исполком, надо написать протокол, работы там хватало. Многодетные матеря приходили, им надо было помощь тоже, помощь им это... материальную... присылали с это... финотдела, а я раздавала. Работы там хватало, лишь бы работал.

[Председатель сельсовета] хороший был мужчина. Чопов Петр Сергеевич. Очень хороший мужчина. Активист! Сам... Дрался за советскую власть! И правил до последнего... Неграмотный, могу сказать... На время, он был малограмотный. На то время он был таки малограмотный... От активист, такой активист шо... Шо мог себя поставить и мог работать, и не хуже он работал любого грамотного! Он неграмотно писал... Ну, если он мне что-нибудь даст... чик-чик-чик... тыкнет и даст, напишет что-то, то конечно я не переписывала, а перерабатывала. Трудно было, конечно. *[Сміється]*. Перерабатывала. Но, мужик был, шо называется! [Легко было с ним работать]. Он знал с кем как поговорить, на кого...

Он не с нашего села, но с нашего района. Не с нашего села. Он с района. И в районе он был, в земледелие и председателем он был. В общем, за его активность, за его толкование в жизнь, как что провернуть, мужчина мог! А грамотности, видно потому что в войну, видно не учился... Да. Чтоб кончал всякие техникумы да институты. Ну а активист и работал, и до самой смерти работал. Или хорошо, или плохо, а работал. Так он так, говорит: “На кого надо крикнуть – поможешь, а на кого еще и навредишь!” Надо знать как... Людей надо знать. Так я от помню, сейчас как раз я и говорю... Ага! Поля засорилися сорняками и шо смотрел председатель, шо смотрел агроном, что смотрели... Да соберите все село, да кто тяпкой, кто руками, кто чем... да повырывайте от это

вот. Взяли низкий урожай, что засоренные поля были! Я не знаю! Я говорю, был бы Чопов, он бы всех выгнал бы туда! Вам нужно, вы село, вы живете здесь, спасайте, правильно?!

По идеи, командовал, когда я работала, председатель сельсовета, он считался хозяин... Он может вызвать и врача, если увидит что-то... он не в том как ты его лечишь, мало других... это самых... работ, которые могут еще указать. А вот этих вот председателей колхозов!? Вы что, говорит, делаете, у вас там погибает... солома или что... В общем, он вызывал в исполком и все давал, какие организации были... колхозы, мед... в общем, всем, какие только были... Везде, везде он успевал видеть и сказать, шо вас... а вы видели, шо у вас то-то и то-то... А сейчас у нас... не хочу винить того парня, хороший парень, работает... Ну, може, и работает... Откуда я знаю какая система сейчас работает. Его все не касается, значит, что колхоз, председатель колхоза сейчас выше, так выходит?!

[Приходили к председателю там с вопросами, жалобами]. Ну, кто с кем подерется, кто... кто кого, там сосед у соседа землю кусочек запашет в огороде, чи курицу там убил. *[Посміхається]* В общем, всякие вот такие, вот такие... а такие сильно крупные... не помню чтоб... Ну, повседневное, чтоб соседи так... Ну, кто муж там гоняет, тоже приходит расплачется жена, надо его вызвать пропесочить, чтоб тоже это самое... Ну, жалобы тоже... директор приходил школы, чтоб он посодействовал, чтоб родители присматривали за детей лучше тоже... Вот такие были, такие были. Кроме.... Как могли магарыч... люди угостить его. Вот это могло... он, после работы любил, любил. В гостях и вот... Даже на исполком нас вызывали, что ваш председатель пьяный... А я только-только поступила на работу! Я еще не разберусь, он пьяный или не пьяный... *[нерозбірливо] [сміється].* Он меня спрашивает, председатель исполкома: "Он пьяный или не пьяный?" Я говорю: "Смотрите сами!" Че вы меня спрашиваете, нормально говорит... откуда я знаю, какой он пьяный или не пьяный! Я его еще не изучила, мне кажется, что он нормальный, нормальный... нехай идет работает. А то хотели, не знаю, там наказание какое...

Просто... просто... нагрянули, а он там... а он вечером собрал свой актив! Ну, наверно, выпивший был, кричали и то сразу позвонили туда и приехали забрали, и нас всех забрали, погрузили! *[Нерозбірливо].* Ну, в Приморск... *[сміється]* ...шо пьяный, чи не пьяный! А я ничего толком не могу сказать...

[Был такой Фридкин Наум Самойлович, директор школы]. Тогда школа очень пережила. Я бы сказала, что когда уже после него было, уже школа не та стала. Он сильно переживал за успеваимость, за дис-

циплину, за порядком. Это был человек, ну везде и за все, ну, с таким азартом работал, я бы... и как учитель он тоже, историю преподавал. Как учитель тоже ж, он уже и не учил. ...*[Нерозбірливо]*... Ну, первые годы, он еще... брать на крик. А потом так-так, смеемся и все. Я бы сказала, никто о нем плохого не скажет, он как работник был очень хороший, очень хороший. Очень хороший. Как директор, как человек, как семьянин, хороший. Любил семью свою, хороший был.

Он вредный! Но, хороший мужик, он все паниковал, он сильно боялся чё... Еврей, по национальности! Но... хороший хлопец был, хороший был! Вот техничка, чего вы накричали на нее?... *[нерозбірливо]* ...скажите, поймут вас?! "А-а-а, как нервы?" *[Нерозбірливо]* ...вот пусть нервы и выдерживают. Нас ты должен всех терпеть, вот! Вот, ты руководитель, вот и терпи нас! Мы все характера разные, вот и все, и выдерживай нас! Ну, ладно. Потом, еще какая-то, я с ним поссорилась. Он как пристал ко мне, а раз так медсестре, так кричал, что бедный пацан, говорит: "Мне не надо уже документов", – это он пришел с документами. ...*[Нерозбірливо]*... "Ты заработал документы – жди пока разберутся и отдадут тебе документы!" А учился он в заочной, в заочной вечерней школе, парень... *[нерозбірливо]*... он был директором вечерней школы... *[нерозбірливо]* ...Ну, и где он был, когда этот парнишка кончил десять классов, давали документы, атестаты... его не было, этого парня, звали Толик. Не пришел за документы. Все. Нет и нет, где эти документы, а мне не оставлял, обычно, оставлял их мне, чтоб, если появятся, но мне не оставлял никто. Мне что, трудно, что ли, пусть лежат в шкафу, придет, я ему и отдам, распишется. Ну нет! А он у меня спрашивает, говорит, у меня нету, панекер был, еврей же ж! Нету, все, тюрьма! Я говорю: "Подожди, чего сразу тюрьма?!" ...*[Нерозбірливо]*... какая тюрьма?! Пошла, порылась в документах, думаю в документах... ну, если оставил, он понадеелся что у меня, но нет, раз я сказала нет, то все уже! Все! "А что мне делать?! Звонит в районо!" "Подожди, не звони! Давайте подумаем, кто, кому вы оставляли! Кому давали?!"

Думали, наверняка, шо то Кирилловна, говорила, шо я от ходила-ходила к Григору, а его все дома нет и нет! Мне кажется, шо если не у нее! Медсестрой работала женщина... Надо у нее спросить, може у нее. Все лето прошло, это весной давалося, она в отпуск пошла, в шкаф замкнула документ. Хотя, мне бы дала, ну тоже женщина, не дала и все! Тут пришел парнишка, мы не знаем, де оно и все! Когда, вызвали... да, ишла Кирилловна сюда, к нам, разбираться, мы на конечной стояли, он ее как увидел, до того кричал! Что этот парнишка испугался: "Мне не надо документы!" – "Как не надо! Щас разберемся!"

Как, я говорю: "Ну, вспомни, ты Толику давала?" "Да, я относила, но я, по-моему, не отдала. *[Нерозбірливо].* "А где ты его дела!!!" Я говорю: "Ну, не съела же, ну найдем!" Да, нашли, лежит в шкафу документ! Мальчик получил... Толик получал и... *[нерозбірливо].* ...Вот такой он, слишком... А эти деньги! Как начнет он собирать, то колхоз за прополку, тут их положит, в сейфе, там те: "А чего, – говорю, – вы деньги делите? Есть известный документ, те получили за то-то, те получили за то-то!" – "А как, они попутаются!" "Ну, деньга попутаются, но по докуентам вы то деньги разчлените!" – "Не-не! Деньги отдельно..." Так боялся, чтоб не сказали, что Фридкин деньги потратил на свои нужды! Я говорю, – это вы слишком уже, слишком! Вот такой был честный, хороший! Хороший был, хороший! Ну, такая у него была судьба, это люди не знают, потому что я непосредственно с ним! Вот это, суету, боязнь его! Как технички дернули сейф, а все документы по полу, все аттестаты попадали! Он когда собрал их – не хватает аттестата! Все! Все, мне тюрьма будет! Подождите, кто ...*[нерозбірливо]*... шо б вам была тюрма?!

Вот это суета, такая честность, он не мог... Анекдоты у него все были еврейские! Как только слушает еврейский анекдот, все знает! Анекдоты, все про евреев! То, как на самолете, как летели, то как клад искали! И муж на фронте, а Сара не знает дома шо делать: "Я без тебя погибну, как без тебя мне жить!" А он и пишет: "У нас в огороде, клад есть! Бери лопату, иди копай, найдешь клад!" А цензура проверила... И пришли с лопатами к ней: "Где ваш огород?" Она говорит: "Вон!" Копают-копают, клада нет!!! *[Сміється].* Клада нет! Огород уже кончили копать, говорит: "Слушай, муж вот написал..." – "А мне помог! Чем мог, тем и помог!!!" *[Сміється].* Вот и все! Вот, пожалуйста! Вот, такие всякие анекдоты! А у него жена первая была красавица, очень хорошая она была ... *[нерозбірливо]*... там он еще учился, на Кавказе. Сын же... Ну, разошлися, разошлися, взял вот эту... Ну, эта тоже неплохая, все... Ну, он все своим рассказывал анекдоты, как платил один. Вот, платит, один, алименты, пересылает. Не то что, алиментами, а так пересылает! Не, даже пацан, сам ходил за алиментами, ну вот... Щас! Вот, а то не управлюсь! Жена говорить... Не, он говорить: "Вот это, – говорить, – скажешь маме, все, последний месяц, восемьнадцать лет уже, последний месяц, посмотришь, какое будет выражение лица у мамы!" Он говорит: "На, тебе сыночек..." Не... она... он, когда принес и сказал, что папа так и так сказал, а она: "Пойди скажи папе, что отец не он, а сосед наш, какое у него будет выражение лица!" *[Сміється].*

[Он же писал историю села...]. Он совсем не здешний, не преславский, все спрашивал у людей. Потому что, ничего он тут... он не здеш-

ний парень. Вот так, ему посоветовали, там старенький человек, иди побеседуй, там старенький человек, иди побеседуй. И была учитель истории, молодая Гешева Ольга Семеновна, вот они вдвоем с ним. Два историка. Ну, историки. Но она была очень хорошая и предмет свой знала, но... объяснения у нее, ну, я бы сказала, ну не могу объяснить, как-то она объясняет однотонно. Не так воспринимались. Вот у нас был украиновед... *[нерозбірливо]*. Она если объяснит, не надо тебе и книгу открывать. Вот это точно, я сколько раз к ней приходила, а клас открытый, Василия Павловна объясняет, аж заслушаешься. Есть одарованый.

Он [потом] перешел же на другую работу. Знаете, я... Даже когда мне сказали, шо Наума Самойловича выбрали председателем сельского... Я сама аж опешила. Я с ним работала, он так эту работу любил, все. Ну, был у нас председатель, то ли молва такая, шо правильно не правильно, шо якобы хотели того снять. Ну, снимайте, мало других людей, ставьте? Може и сам он потом, може ему предложили он и согласился. Потом уже и каялся он, и каялся. Да. Ну, трудно. Он такой человек, шо хочет шобы все было, а пойди докажи им! Грязь на улице, а она тебе: "Была грязь и будет грязь!" Выкидывает мусор на улице! Какое твое дело, где выкидывать! Та никаких вопросов, со взрослыми людьми решишь? Это взрослый народ, у него взгляды другие, он тебе это... А уже с детьми... Я с учителями тут всегда мир был, учителя есть учителя, все грамотные, все на своих местах. А дети, будет... покричит-покричит на него и дете ушло, да и все. Все, вот это и все. А тут взрослые, порядок всегда должен быть, кругом нос свой нужно совать. А он это не очень... Он был весь такой, ну как бы... ну, чего я буду на рожон лезть, чего я буду... Ну, понимаете, он как-то избегал вот этих всех...

[Тогда председателем колхоза был Полукчи]. Полукчи, ну Полукчи решал... Полукчи другого характера. Очень требовательный человек был. С одной стороны, конечно, всем не вгодишь, но, мой муж работал помощник бухгалтера при Полукчи. Он говорит: "Ну как... Он на своем месте, он требовательный был!" Чтоб не воровали, чтоб честно работали, это с одной стороны не плохо было... А воров... ворам не нравилось! Нравится, что он их пресекает, что ловит, что он их там критикует, что их ругает! Это не нравилось? Не нравилось. Вот и-и... поэтому, может быть, и... А я считаю дисциплина – это первое для производства, это дисциплина должна быть.

Не знаю, ну, это он перегнул немножко. Да, перегнул, конечно. Да. От чего наш сосед обиделся сильно. Я, говорит, сад сажал, сад выращивал, сад обрабатываю, все. И приехала внучка из Кривого Рога или откуда, не знаю, ну, он же ж черешни жменьку нарвал. Так он поднял

такую бучу за эту черешню, как будто... А ему просто обидно, человеку стало! Я сажаю, я садил сад, я и обрабатываю, так неужели ...*[нерозбірливо]*... это нельзя! В общем, тут не сколько ворам попадало, сколько и честным попадало! Оскорблял и честного человека, которого мы знали, что он никогда, ну, не замешан в этом деле. Он и Бога оскорблял, вором называл! Может, что он еще и людей не знал, приехал в чужое село. Может в него такая натура, жмать от всех, кто его знает? Не давал, да, шо было то было. Да. Ну, не давал. Было у него такая замашка, была такая, шо слишком-слишком, да, чересчур.

Жаловались. На него жаловались, но когда дело дошло до области, сказали председатель, но очень трудно работать, скажите спасибо, шо... *[нерозбірливо]* ...работаете. И пусть себе работает. И все. И пусть себе. Колхоз нормально, да, нормально себя вел, да, нормально. Ну, может время было такое, он говорят же в... *[нерозбірливо]* ...шо это... И не нужно нам для колхоза, не нужно, ни удобрения или чего-то там, чего-нибудь, там техника, чего не нужно. А они план, плановое хозяйство, они прут и все. Нам оно не нужно, где хотите его девайте, шо хотите делайте, они его дают, конечно легко работать. И Полукчи было бы легко работать, потому Полукчи не работать, когда все указания он получал с райкома партии. Все готовое, только выполняй и все! От сейчас пойди покрутись, вот сейчас работать это очень трудно...

Мне, кажеться-то, колхозы все-таки лучше [чем так, когда были еще дед, баба, что они хозяйничали каждый на своей земле]. Потому что не сидели бы от эти деды-бабы над сохою и над конякою, обрабатывая землю, идет же ж прогресс. Трактора, в других государствах будут трактора, а как обрабатывать эти клочочки, этими тракторами! Поля ж, поля ж обрабатывают обширные. И все равно, лучше. Последнее время колхозы были такие богатые, такое богатство давали стране. Уже налаживалось все время, от это ж, что побудило их разорить, кто его знает? Очень богатые колхозы были, очень. Ну, неужели б было б не лучше, будем сидеть над этой сохой, лошадьми, каждый клаптик свой обрабатывает. Когда смотришь, в Германии, в Америке, эти комбайны, трактора, все, а они будут сидеть с этими... это ж надо коллективные.

[Так чтоб за село рассказывали...]. А почему, они ж тут все, все поселилися болгары? Все тут болгары, они ж с Одесской области, с Измаильской области, хотя бежали из Турции, а здесь вот были эти кочевники. Ногайцы и турки, они до... до монголо-татаров, до какого-то года, они вот тут бродили, они как раз кочевники. За и это... степь у нас была, это ж Тавры, засушливые Тавры, здесь никто не рисковал поселиться. Тавры, здесь все засохло, ни урожая, ничего нету, а они как, со своими овцами, ногайские турки, их так называли! Потом таки, они

убежали в Турцию! Эта степь начала пустовать, вот тогда начали оттуда переселять вот этих вот, болгар, вот сюда. Так что, тут в основном население болгарское. [Тут после турок остались] курганчики! Были курганчики! Курганчики, особенно там, как на Приморск едешь, сразу-сразу, недалеко от села, они там сравняли и построили для фермека, раскопок не делали... У нас тут ничего не находили! Где-то там, в тех селах, там что-то находили, а у нас тут ничего...

Название [были турецкие], подождите, наше село, да... вот я не знаю как Преслав называли, не могу сказать... Чиклий! Чикли! Саво-булат, Чиклий, Орманжа, Вайсал, вот такие, в общем, были ихния. Были, были! Но мало, я так вот несколько сел их помню. Чиклий, это уже ихняя! А они, в основном, были, не здесь, а немножко дальше от моря, там... где- там балочка есть как ехать на Приморск и где-то там они.

Ну, как [появилось село Преслав]... ну болгары, как рассказывают по чтению, как мы читаем, в восемьсот шестьдесят пятом году, эти... Бабушка и дедушка не рассказывали, а вот тут по соседству была бабушка, вот там сразу, рядышком. Вот там бабушка рассказывала, что отец той бабушки переселялся... Говорила с Турции! Как они там бежали, как они там ухитрялися, ему было 18 лет. Вот этой бабушки, отец был. И они поселилися вот здесь. Их переселяли, а потом они убегали сразу, порубежье, не так?! А потом уже царская власть решила их переселить, скупченность была, и переселила сюда. Только я не знаю по каким договорам или почему, Екатерина... Катерина тогда ж не правила! Никак не может быть Екатерина! От Екатерина построила для них церковь! У нас в Преславе была прекрасная церковь. Такой церкви, говорят, даже, по описанию, и близко нигде не было. Очень красивая церковь была! Ну я ту церковь не видала. Ну, Екатерина тогда, може, ресурсы какие создала для строительства. Ну, тогда ж не правила, тогда, в 1861 году, Екатерина не была!

[А что с церковью случилось...]. Щас расскажу, что с церквой случилось! В 34-м году, церковь еще была, я пошла в первый класс и там стояла церковь. *[Нерозбірливо].* Исключительная, такой церкви, я настолько в детстве запомнила. Это все окна, ой! А купол, это все золото было! Очень красиво! Потом в 35-м году, по-моему, разбили эту церковь, разбили! Даже могу сказать, что с моим отцом они поскандалили. Мой отец не давал разбивать, он тогда работал директором школы, ну не было, учил. Ну, задание! Ну, уберите, что вам там не нравится, иконы, ну все! Нету, батюшки нету, пусть стоит память! Веками стоить, так было сложено! Нет, они захотели тут совхоз, и для стойки моста! Вот им нужен был кирпич, мост там! Ну, опять отец ругается с ними, стройка старинная, вы кирпич не возьмете! Не послухали, конечно,

отца. Разбили, так и бросили, ничего взять не могли, но церковь угробили! Та, ниче там не взрывали, они там так, как они ее там ломили! И так камни кругом, кругом! И нас же не подпускали туда близко! Ну, груды там взяли, груды такие... Вот она была как-то сюда ближе...

Кто тогда был... главный тогда был Ганчев, по-моему, был, Иван Григорьевич! Кем он работал, я ж не могу сказать. Ну, активисты в то время... Активисты! *[Нерозбірливо].* Ну, я хорошо помню, Ганчев! Что он само больше... Это в детстве, я его помню!

[Вот тут у нас есть улица "сопливка"] *[сміється].* Про "сопливку", я просто знаю что называли ее "сопливка", а чего называли "сопливка", кто его знает?! Там поселялися, чего-то, только одни русские. Видно те, которые бежали откуда-то, спасались люди, там... я знаю?! Там на "сопливке" раскулаченные не могут быть, там жили только самые-самые бедные люди! Самые бедняки были, это "сопливка"! Чего ее и назвали "сопливкой"! Потому что там самая беднота была! А в центр... А наше село вообще-то, центр был и считается как... вот этих всех Приазовьев, считается как центр! Преслав был такой богат... по развитости! По развитости! Звали его Преслав, в честь город... старинного, очень старинного города, в Болгарии, города Преслав! Вот и назвали наше село... на тот ихний старый...

[Это ж Преслав центр был...]. Ну, базар... я помню уже при своей памяти, шо базары были. Ну, почему и в Приморске каждую неделю были базары. *[Нерозбірливо].* [Это был базар] по-моему в четверг и в воскресенье. [Привозили] каждый свое! Ну, так... Привозили картопель, а то у нас картопель плохо родит! Вот картопель привозили, а так все свое, тот куры продает, тот масло.

Здесь был и банк, который считался как районный, банк. Это улица эта наша, щас называется Жданова, то есть Варбанского, а она была, называлась Банкирская. Банкирская! Потом Жданова, а потом Варбанского. А Варбанский, он был пе... вот это училище, которое было педагогическое, значит он сам сочинял стишки на болгарском языке. И он помогал, очень помогал при установлении советской власти. Он был против этого режима царского. Его арестовывали, он был как... который из Болгарии, наверно, даже был из Болгарии приехал. Это когда еще было. Я не знаю, но так о нем говорили, что был Варбанский еще со своей женой, они сочиняли песни болгарские и они были как бы с революцией. Ну с революцией...

Гогунський Федір Дмитрович, 1927 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Дедушка и бабушка, понятно, с Бессарабии приехали сюда... С Болгарии... Ну что, переехали, понятно... Не [рассказывали ничего]... они поумерали. Я их не помню, так шо... А папа с мамой, понятно, здесь, они тысячу восемьсот... девяносто пятого года рождения. [Они] болгары. Отец в колхозе работал. Сразу индивидуально... Индивидуальная система была, у каждого свои гектар земли. Десятины назывались. Притом, сейчас вроде, по сертификату, семь гектар та делят, вот это будет твое. А тогда, мы называли Бановская дорога, там Корсак-Могила была *[нерозбірливо]* у него была десятина вот тут где Бановская дорога шла и одна десятина была там, где *[нерозбірливо]*. Могила. Там могила была, потом ее сровняли. Я сорок лет работал агрономом, это при мне уже ровняли. И вот возле моря была десятина, это семья совсем другая была. *[Нерозбірливо]*. Потом коллективизация...

Коллективизация как проходила, понятное, очень просто проходила, понятно. Землю у людей делили, поотбирали землю и все. [У моего отца земли было] ...два... три гектара. Он бедняшка, понятно. Понятно и все. Своя была лобогрейка, понятно, шо косили хлеб лобогрейкой. Щас нет, щас если... Двухкорпусный плужок был. Свой личный. Поэтому я... щас от говорят, я от завтра возьму свою землю и отделюсь и все. А дальше шо, дальше шо? Теперь, он в этот плужок запрег лошадей, утром встал, понятно, в четыре часа и уехал, а ты, немножко такой пьяницы... Я уже пашу, смотрю, когда приезжаешь ты, *[нерозбірливо]*, а я пашу себе. Так, уже надо косить, собрал лошадей, запрег лобогрейка, самоскидка, сама от крылья мотает. Подбирает хлеб и скашивает, ну трудоемкая работа... Ну дело в том, что у дедушки было пять сыновей, пять невесток. И уже наш брат подростал, уже наш брат, и крутились, туда-сюда. ...Сыновей, и уже наш брат, как бы сказать, будем говорить, подростает, туда-сюда. Очистить зерно, было веялка, ручная, ну трудоемкая. Отвеял все. А щас вот *[нерозбірливо]*...

[Репрессии были в селе, в Преславе], были. Кляуз очень много было. От он мне не нравится... От я очень плохо разбераюсь в этом... Ну то слухи, ну после такой индивидуалки, тебе такое ... веяния... Все, больше ничего не надо. Вроде мы беседовали по-хорошему, да? Я говорю, от та, Ирка, ну Иванова, вчера говорит: “Кого, кого сказали?” *[Нерозбірливо]*. Хватит, достаточно для нашей *[нерозбірливо]*... А шо, давали, понятно, давали... И не возвращались даже оттуда, не то что давали! И

---

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (3 серпня 2004 р.).

может быть, так я иной раз, сижу, понятно, может быть для того, чтоб перевести, перевернуть, надо было, конечно. Ну раз... А щас шо делают... [У нас в семье никого не репрессировали...].

[Голод помню...]. 33-й, 32-го, сам, понятно, голодовал! Повывозили все, понятно, позабирали все! Лазили, рыщили, если есть, забирают все! Голод, нема ничего! Во-первых, неурожайно было, понятно, это одно. И второе, это повывозили весь хлеб, позабирали все! Ну неурожайный год был, понятно, неурожайный. Так как и после войны, понятно, 44-й год. Вся земля не обрабатывалась, восстановительный период, ну это вы знаете, это не от меня. Надо было государству помогать восстанавливать, ну слава Богу, восстановили, понятно, как бы сказать. Ну в производстве такие трактора, ХТЗ, “Универсал”, а потом С-80, и так далее. Который пахал по сорок гектар, понятно, за сутки. Восстановительный период... А сейчас, разорительный период...

[В голод люди выживали как только... Море!] Днем и ночью, понятно, запретов не было, понятно! Любыми путями, понятно, то ли у вас волокушка, то ли сеточка, удочка то ли... то ли, то ли... шо попадет, понятно. От это спасало. И не только Преслав! Эти бановские и-и... кто только тут не был, понятно! Это от ходили, понятно, для того чтоб... Вот это нас спасло, понятно. Очень, очень трудно было, понятно.

Ну война, понятно, конечно помню. Здесь я был, понятно. Благодаря тому, ты что... здесь некий Мильчевский. Он держал жену, как бы ну сказать... *[нерозбірливо]* ...ну она, доводилась мне, его жена, короче, ее отец и мой отец, родные братья, *[нерозбірливо]* моя сестра. Так от этот Мильчевский, вот женился на ней и он был полицейский. *[Нерозбірливо]* надо принимать какие-то меры и он там... Та куда его брать, понятное дело, больной, понятно и помогал... И от так я выкрутился, и не попал в Германию. А потом, когда эвакуировались, понятно, отступали, понятно, и он тоже эвакуировался. И прожил... Ну он зла не делал Преславу, заблаговременно предупреждал. И был он в Болгарии. И в одно прекрасное время, *[нерозбірливо]* он явился с Болгарии, его никто не судил. Потому что он всеми мерами старался...

Война началась, понятно, 22-го июня, ровно в 4 часа, понятно... Отец дежурил в то время в сельсовете, щас же нет, а в то время... И от он прибежал и говорит: “Война началась!” Что?! “Война началась!” По телефону с района позвонили, что началась... немцы напали на нас! И все. И на утро уже все знали, понятно, шо война, шо Гитлер напал на нас. Издевался Гитлер очень.

Ну наши отступали вот здесь, вот это новый дом, а то был старый. Вот наш дом построен в 1861-м году, то есть в 64-м. Дед построил. Вот он стоит. И здесь был, и здесь была баня. В этой бане двадцать пять

тысяч красноармейцев прошло, от тут от, двадцать пять тысяч. Они... ну где с камерой машина была. Они, обслуживаюший персонал, красноармейцы, жил у нас, да. У нас было сто пятнадцать гусей, понятно, шо ни единая не пропала, там был полный двор, в сентябре месяце, ни единый не пропал! *[Нерозбірливо]* ...заходит, гул-гул *[нерозбірливо]* ...сижу, "До-до!" Две! Схватил и пошел. Немец, культурная сволочь! От такую буханку, твердую, твердее от этого гуся, хлебца – на! Дает, *[нерозбірливо]*. "Гуд-гуд!" – пошел, идиот!

Тогда ж консервации не было, никто ж не знал банки *[нерозбірливо]* и от так от пошло. Ну от тут от были красноармейцы, понятно, да. Ой-ой, отступали... Но зато, когда гады отступали! Их ж, штурхонули, понятно, первоначально румынов. Трухонули, понятно, это зимой, залетели лошадьми, заходит во двор, привязана корова, отвязует, выкидает корову, привязывает своего коня, понятно и все. Вот это был порядок, абы чтоб лошадь там была нормально. И давай кушать, кушать и все! И тут спать будем, *[нерозбірливо]*. Ну их трухонули, понятно. И все. А потом восстановительный период пошел, люди работали и днем, и ночью, все вручную, ну восстановили. Восстановили...

Я после войны значит, работал в колхозе. Двоюродный брат, понянно, директором школы был в Коларовке и он настоял... Я все... Я и щас могу показать свои похвальные грамоты, по седьмой, понятно. И он меня устроил в техникуме, понятно, без экзамена. [В сельскохозяйственный...]. Ну да, в Ногайске, Приморске. В 47-м году я окончил, как начал работать и по 87-й год. В 87-м году я ушел на пенсию.

Да, здесь в колхозе агрономом был. Тут было два колхоза, по вот этот переулок и так туда, это колхоз "Ленина" был, а здесь колхоз "Коминтерна". Я как окончил, понятно, меня председатель, очень, я еще учился, он мне: "Федор Дмитриевич!" Я говорю: "Какой я тебе Федор Дмитриевич?!" Еще пацан. Как так и все. И все. Правда, в область направляли, я поехал в область, направили *[нерозбірливо]* агроном. Приехали с оттуда, пришли к директору, Маслюк Гаврил Амвросьевич был, понятно, дали ему направления: "Мени не треба цих агрономив! У мене есть!" Так подождите, что область сама выдумала, там же заявка есть!

И я потом прихожу к нему, он все, конец. И пробыл я тогда 47-й, до 48-го, до июня месяца и меня забрали участковым агрономом, это МТС уже, здесь на два колхоза. И тут проработал участковым агрономом, а потом, когда МТС продали, в 56-м году или в каком, МТС же распалось, отдали трактора колхозу. [Это при Хрущеве]. *[Нерозбірливо]*. ...Объединяли Камышеватку с Преславом, был один колхоз. *[Нерозбірливо]* был председатель, я агроном, один агроном Преслав и Ка-

мышеватка. А потом снова отделили Камышеватку, ну было невыносимо, разве мыслимо. Работал. Дело в том, шо раздали технику, но МТС то существовало, если надо пригнать трактор на ремонт, пожалуйста. А щас куда его, куда?

[Я в "Коминтерне" работали, когда стал ударным колхоз, сильным таким, при Полукчи...]. Ну и я ж работал агрономом. Та... Ну шо сказано, сделано. Полукчи требовательный был, понятно, чего тут... Он везде знае, шо порядок. Это ж коровник, это ж его затея. Там коровники, теперь тут, там разорены. Тут свинарники, овчарники, шесть тысяч овец, понятно, полторы тысячи коров, три тысячи крупного рогатого скота. Три с половиной тысячи свиней, понятно, вся земля обрабатывалась. Дом культуры при нем строился, от сельсовет, где от магазин, при нем контора, понятно. Я от если при нем, понятно... "Хорошо, построим и тебе дом!" Помогал все, понятно. Дальше шо, гаражи, там на краю гаражи для тракторов, гаражи здесь для автомашин... Та! А десятилетка?! Немцы спалили десятилетку, а при Полукчи десятилетка! Та! Ой! Не хочу перечислять, бо... Оросительная система, тут же водокачка была, там же котлован был, мы орошали четыреста пятьдесят гектар! Триста пятьдесят. Земли, понятно, "Фрегаты", сами крутятся, ходят, четыреста пятьдесят метров захват. Там котлован, тут качают в эту...

[Я вот агроном, отвечал за сроки посева, что сеять решали...]. Только! Только я. Приезжаем в район, мы и так знали, что пятого сентября начало сева, и район к этому, понятно, шо пятого сентября начало сева. Ну шестого начнем, може суховато, так дождик пойдет. Понятно, да. Из управления сельского руководило, действительно, руководило, а сейчас *[нерозбірливо]*.

[Вот это в Преславе живут и болгары, и русские, всегда как-то отношения...]. Сказать вам, чистосердечно, да? Чистосердечно, а я вам скажу точно чистосердечно! Тысячу раз говорил и буду говорить, понятно, шо так как правительство относится щас, понятно, не правильно! Так как в Преславе, правильно! И почему, потому шо нет этого шо... русские шо: "О-о, болгарин!!!" А я вам щас быстренько скажу, *[нерозбірливо]* он русский, она болгарка, от щас живут. Он болгарин, она русская, рядом, понятно. Вон на углу живет, она болгарка преславская, он обиточенский русский, понятно.

У меня жена? Русская. А я болгарин. [Мы поженились] в 49-м. Она воспитана в детдом. И мы до войны училися вместе. Потом война началась, детдом эвакуировали. Все, откуда я там знаю, где шо мы учились. Это оно щас, понятно, в пятом классе беременная, родила. Тогда ж такого не было. Хоть грубо, но я ж говорю справедливо. *[Нерозбір-*

ливо] выделили, понятно, учится ее на медсестру. Она кончает медсестру, ее забирают в армию. И все, она уходит в армию, после ранения приезжает, а куда ехать? В Приморск, а детдом был в Приморске, а потом его перевели сюда, в Преслав, до войны. Все. Я работал агрономом, она медсестра в больнице. Жизнь. Встретились за... Ну учились, да и все, никакого ухаживания, ну кто понимал это дело там, о чем вы говорите. Ну и все... Я от, у это в 49-м мне двадцать два года было. Заниматься, ничем не занимался... там пьянка и... и щас не имею представления. Могу шутить, понятно, а так. Это когда-никогда може, а так. Ну все, мы живем, мама, папа, я. Брат отдельно живет от, жил, поумерали, пустует дом, понятно. Второй брат, понятно, был в армии, воевал, щас в Приморсе живет один. Отак, все че ты, че ты?! Возьми да ту.... А кому какое дело?! Ну так от и так. Ну и все. Собираем начальство, председателей колхозов, ну туда-сюда, не то шо там, знаешь, затеял свадьбу. Сварили, вечером собрались, человек тридцать. Щас, а тогда, шо там 49-й год.

Ну она одна жила, шо ее сватать? Одных же нету. И живем, и живем! Вот в одно прекрасное время, я агрономом, во время уборки, понятно, устал и дальше некуда, понятно. Вот ночью: "Федь, Федь!" – "Чего?" – "А есть город *[нерозбірливо]*?" – "Та ты че! Ты безграмотная чи че?" – "Там моя тетка живет!" Приснилося! А как фамилия? Ну я отвернулся тогда, шо б не это... А как фамилия? История очень интересная, понятно. На утро встаю, она: "Ты скажи!" – "Ну есть! Пиши на почту и хай почта разыскивает!" И что вы думете, через две недели получаем письмо! Точно там тетка! Две сестры, брат и мать живая, живут в Киеве! Ее разыскивает и вот мы их разыскали! И они приезжают шестьнадцать человек, ну там две сестры, уже муж там, дети, понятно, одна с Киева. Одна в Николаеве, брат в Киеве и мать в Киеве. Приехали, понятно. От так от и живем по сей день, понятно. В 49-м году, это уже сколько, в 99-м году пятьдесят. Пятидесятилетие было, это дочка прислала нам с Киева цветной телевизор *[нерозбірливо]*. [Детей у нас] трое. Одна в Керчи, дочка. Одна в Запорожье, а одна в Киеве. Все повыучивались, понятно, работают, а мы вдвоем осталися.

Мінкова Меланья Фомівна, 1927 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Я 27-го года, родилась в Райновке. Там. [И бабушка с дедушкой тоже оттуда]. Болгары. [Семья у нас была бедная]. Да. Откуда богатая, после войны? До войны, я маленькая была, шо я помню? [Бабушку с дедушкой] я их не помню. Я своих маму даже не знаю. Так и выросла без матери с двух лет. Я не знаю, чи бабушка у меня была русская, чи дед. Дед, он умер, я не помню вообще его. Его имя, моего отца – Фома. Фома Александр... что ли. [Это у дед Калоянов]. От это ж и его сын тоже Калоянов. [Моя девичья фамилия] Калоянова.

Училась я в... всего-на-всего, шесть классов кончила, в седьмой перешла. Война началась. Скоро и немцы зашли. Тут у нас в сторону. Отца эвакуировали. Хотели расстрелять его, но там нашлись такие люди, защитили его, и его, это, отправили в Запорожье. Не отправили, а как, я не знаю, в общем, шоб его с партийцами не убивать, но он сам не партиец был, он просто дружил с партийцами. Ну а тут, во время немцев, как раз, эти, которые партийцы, отступить, они заставили в село. А потом да, действительно, их всех переловили, и всех на берег моря, тут, в этом Приморске, поубивали.

Моей мачухи брат работал полицаем. А до войны он работал этим, бухгалтером, здесь в конторе, в колхозной. Ну, а потом, они сами раскулаченные были, и эта, мачуха моя, тоже раскулаченная, и брат ее раскулаченный. Она стала, а он стал полицаем. Милиция, что значит, выпрашивает у каждого, шо за немцев говорят. Ну, если против говорили, она выдавала, их вызывали, избивали до потери пульса.

[У войну] боялась. Немцы вообще не разрешали, шоб мы выходили ночью на улицу. Потому шо, это, ракеты пускали. Освещали все село, так, шо страшно было. Они не разрешали почему, потому шо, шоб никаких знаков, может, кто-то думает какой знак дадут. Шоб не стреляли, понимаешь? Выгоняли нас, ругали, шоб мы на улицу ночью не выходили.

[В нашем селе были] немцы, и румыны были. Немцы... [В дом не заходили...]. А чего они будут заходить... Они... був свой дом. Они, когда отступали, палили скирды все колхозные. Это жизни, сколько они там прожили. Сколько они были, эти немцы. Нас не выгоняли [с села]. Они не успели. А скирды все позабирали. Запалили. Все скирды сгорели. Амбары с хлебом тоже запалили. Тоже, такое было. Как война уже закончилась, очень, эта, голодовка была. Люди опухали.

---

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (28 липня 2004 р.).

[Голод получился], потому шо весь хлеб спалил немец. Немец спалил весь хлеб. В амбарах хлеб побрызгали бензином, подпалили и уехали дальше. Скот выгоняли в степи. Куда их забирали? Некоторые коровы пришли домой, некоторые ходили. Страшно. Страшно было. [После войны я и] не училась. Отправили на работу. Еще голодовка, как я буду учиться? После войны, потом уже, стройка. Где дома спалены, где что, после немцев. Начали строить. Нас, я маленькая еще была, назначали нас в Запорожье на стройку. Я такая маленькая, худенькая девчушка. А шо там, там работа тяжелая – стройка. А я не балок, ничего не могу носить. Ну совсем маленькая. Так они меня сторожем. Сторожем послали, а я боялась.

Ну тогда ж, шо в городе, шо в селе, шо в колхозах – голодовка везде. Так там, в городе шо делали, воровали эти, лес, лесоматериалы. Продавали на базаре. Спасались люди. А я боялась, шоб меня не убили. [Посылали в город] принудительно. Хочешь – не хочешь, ну стройку надо, людей мало: поубивало, не вернулось сколько, сколько в Германию угнали. [А я в Германии не была...]. Как раз последний. Не успели нас выгнать, но уже были назначены. 27-й год весь назначили, но они не успели нас выгнать. А у меня сестры были, и они были в Германии...

Ну как освобождали [наше село...]. Красные гнались за немцами. Немцев стреляли и они отступали. Красные налетают, а те убегают. Отак было. И они очень большую шкоду наделали. Очень. Были села такие, шо всех выгоняли и детей, и старых, где-то в степи вдали. А село запалили. Все запалили. Но нас не успели они, не успели. Такое было. Немцы творили чудеса. Все боялись. Ну я ж говорю, шо моя мачеха. Допустим она со мной разговаривает, выпытывает у меня, что я буду говорить против немцев. Если я сказала, допустим, я сказала, или другая, или другой, то она залаживает. А она ж была раскулаченная. А кулаки как раз этого и ждали. Немец зашел – их права, ихняя воля, ихний закон – это они почувствовали, шо это все делалось для них...

[А после войны голод был...]. Как спасались? Многие поумирали. Опухшие ходили. Многих мужиков, они болгарам не очень-то доверяли. Многие мужики были в селе. Таких в трудовую армию брали на стройку. По городам... Где это было? В Оренбурге, в Гурьеве, в Ростове. На стройку брали, а жены ихние здесь оставались. И они там зарабатывали, которые, присылали им денюжки переводом, то спасали своих детей. А я носила почту. Там, в соседское село. Я оттуда ходила, получала почту, деньги. Какая я была глупая, не боялась. Уже вечер, а они поздно привозили почту. А уже вечер настает, а я с сумкой большой почтовой. Вот. Там газет, там писем, там денег, переводы, а дети бегают за мной и бросают камни. А я бросаю сумку и давай следом за

ними бегать... Я после этого встаю рано утром, разношу почту. Там пошла – никого нету, там пошла – никого нету, в другой дом зашла – дите маленькое как лежало, так и умерло. Нету матери, пошла просить милостыньки, а дите умерло. Двери раскрытые нараспашку, дите лежит. Умершее, маленькое. Годик, не годик, девять-десять месяцев. Страшно было.

После войны, это все было страшно. Много людей погибло через ящур, во время войны. И немцы много погибли, и наши много погибли. Это было враг на враг. Порезали хорошо. Дай Бог, шоб этого не повторялось, но, мне кажется, шо люди будут терпеть, терпеть, и дай Бог, шоб не возбудили шо-нибудь. Я не знаю...

Просили многие, ходили, милостинки, а шо йому дашь, коли у самой нету. Многие опухшие ходили, а потом, потом, потом, потом будут стройки, хто шо успел, смог себе построить. Хлебушек появился. Я в 49-м году выходила замуж, уже был хлеб вдоволь, а то была карточная система – сегодня пошел, тебе выдали, сколько положено и все, как хочешь, так и живи. Хватит или не хватит – это их не волновало. Шоб душу спасать. Но это уже было, не сразу после войны, а после стройки. Трудно очень жилось, очень трудно. Как-то люди немножко оклемались. И стало как-то веселее жить. И так люди и не болели после всего. При Хрущеве, по-моему [стало как-то лучше жить]. Помню, когда Сталина хоронили – плакала – Сталин умер! Вождь наш, жалко было. Брежнев, потом Хрущев, наверно. И после Хрущева Брежнев. От такое было.

В 49-м году вышла замуж. Муж был чистокровный болгарин. Муж мой, он был как, он учился. Вот, зоотехником работал. В колхозе он учился на зоотехника. Потом работал на моторном. [В селе познакомились с ним...]. Односельчане. Ну, а потом, когда уже все оклемались, когда уже стройка хорошо пошла, перестройка, все. Тогда мы уже повырастали, порядочные, уже готовые, созрелые, вот мы и подружились, и поженились.

Свадьба была маленькая, слабенькая. [Не венчались...]. Никакой церкви мы не видели, не ходили. У меня муж был партийный, партиец. Мы не ходили в церкву, и я не ходила. Церкву спалили немцы. Вынесли, разбили Ленина. Памятник был, разбили его. Днем разбили на кусочки, во время немцев. Жила я с ним тридцать три года. А потом он в партийную школу политическую, три года учился, и в Одессе, вот так вот. С семьей была там, с ним в Одессе. Он выучился, приехал. Работал, пока ему дали работу, в обкоме, в обком партии. Работал месяц там, а шо поделать. Понимаю, шо они там работали, отчеты какие-то делали. Ну, говорил, меня попросили поработать, покаместь место не

подскочит, найдется. Ну он не один месяц, два работал. Пришлося так... который работал, он его направил учиться уже в школу партийную.

[Женились так, болгарин не только болгарку...]. Можно было... Мой родной брат женился на русской женщине. И одна, и вторая была русская. А потом мы в селе познакомились с моим мужем. Встречались три года, потом поженились. Жили очень хорошо. Очень дружно. Тридцать три года, как... как вам сказать, как тридцать три месяца, как тридцать три недели. Хорошо, он со мной всегда был согласен, и я была согласна. Може, где и не так было, но все равно, согласен был всегда. Любил людей встречать. У нас многие приезжали. При его жизни, приезжали курортные. Мы их принимали, что он, что я, всегда были довольны, рады.

Ну, курортные. Ну, вот у меня есть знакомый, он в Москве. И вот, по знакомству, они и приезжали. Здесь рядом они отдыхали. Ни одиндва года, а подряд, где-то десять-четырнадцать лет подряд. Из Запорожья приезжали, тоже знакомые. Потом с Трускавца приезжали, с Дрогобыча, с Ленинграда приезжали. Мы [сюда в село] переехали в 61-м году. Та живем, та й... Так его ж направили сюда, партия, тут мы и остались. Тут я его и похоронила. Вот так. Дорогой, мой муж был, на редкость. Ценил своих детей, ценил свою семью. У нас всегда дружно было, согласовано. Детей своих крестила... Находились такие бабки – крестили. А в церкви я вообще никогда не была. Потому шо с малычку выросла сироточкой, обиженная, неприсмотренная. Ничего я не видела хорошего, покаместь не вышла замуж. Пока не почувствовала, что действительно какая-то защита есть. Вот так вот. Трудная моя жизнь была, очень. Сильно даже.

[У нас тут двадцать семь лет в колхозе председатель был, Полукчи]. Очень хороший председатель был. Многим людям не нравилось. Он не давал им воровать. А щас, в жизни никакого закона нет. А, что, не правда? Он когда был, во-первых, в Запорожье, в области, он первым был. Он сильно такой, честный был. Требовательный был. Люди его коекакие и боялись, почему, потому таким не нравится, шо могут уворовать. От такое было. А щас, вообще колхоз распался. Все. Работают люди, а не плотят им. Ни плотят и все.

[Как молодые были] на танцы ходили. В клубах. Клуб свой был у нас. Кино глухонемое сразу, а потом уже и звук появился. А потом в такие дни, то по воскресеньям и по субботам ходили, а то так собирались девчата, песни, хохот. Вот такое было. Я помню, одну песню запомнили. С того краю поют оту Олю, и с этого краю. И где не прислушаешься, везде одни и тоже песни пели: “Оля, Оля”. Не помню, я уже

ее забыла. Тоже много-много-много лет прошло. Только муж мой двадцать второй год как умер. Нет такого дня, нет такого дня, чтоб о нем мы не говорили – нет. Вроде, щас ничего живется, вроде все есть. Ну, почему, вот это меня интересует, никакого закона нет. Ну как это так? Сегодня так, завтра так. Цены, цены... Постираешь, высохнет. Опять подлатаешь.

Ніколаєва Віра Іванівна, 1927 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Я двадцать седьмого года [рождения]. Мне семьдесят семь лет, щас, в октябре будет. Семьдесят семь лет. Жила... Как сказать, жили нормально. И мы щас живем нормально. Я живу уже двадцать один год без мужа. [В Преславе], здесь я родилась. И муж.

[Мои дедушка с бабушкой тоже от сюда]. Тоже в Преславе, тоже здесь родились. [Они] болгары. И я болгарка. Да. И муж был болгарин и папка... [Девичья фамилия моя] Нейковская. А щас Николаева. [Дедушку с бабушкой], не очень хорошо помню. Они жили не далеко от нас. Бабушка умерла в шестьдесят... то, в пятьдесят третьем году, а дедушка умер *[замислилась]* в шестьдесят... *[замислилась]* втором или шестьдесят третьем году. Вот так вот. Дедушка позже умер, а бабушка раньше умерла. Ну [они] рассказывали, шо как они жили. У них раньше тогда была. Был не колхоз, а була своя земля, сами обрабатывали. И я помню, помню еще ихний сарай, помню, как они там молотили зерно. Мало того, двадцать седьмого года, а потом уже пошло. Как организовался колхоз, тогда уже все.

Я в тридцать... В двадцать седьмом году... В тридцать седьмом году я уже в школу ходила, уже была в третьем или в четвертом классе, тогда я ходила в школу. Но мы не так учились, как сейчас. Сейчас иначе – двенадцать классов. Первый, второй и до двенадцати. А мы тогда... восьмилетка, даже семилетка была. Семилетка и десятилетка. Семь классов окончили – хочешь в колхоз иди работай, а не – десять классов кончай. Ну я кончила восемь классов. Началась война в 42-м году. И все, кончилась.

Голод... Помню. Мне было сколько? Мне было пять лет, когда был этот голод в 33-м году. Мне было пять, шестой, брату было шесть, седьмой, старшему брату было восемь, девятый. Помню, соседи и мы хо-

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (31 липня 2004 р.).

дили вот тут вот, травку вот эту вот... беленькая цветет, сурепка, беленькая. Так мы ходили вот эту травку и ели, пока наши где-то, что-то заработают. А мы целый день валялись в травке. Чем питались... Правда, мы коровку держали, но мы ее мало и держали. Они у нас ее и забрали. Колхоз. Как организовался колхоз. Они забрали и коровку. Даже я помню, брат, старше меня, я меньше, а он старше, шесть лет. Он тянет за хвостик и им говорит: "Отдайте нам коровку". То шо ж молочко, хоть уже другого нема. Ну хоть молочко. Вот это, то я помню, а так...

[Войну помню...]. Ну, еще бы нет. Мне было четырнадцать лет. Началась война. Вот тут вот румынцы. У нас румыни были. У нас немцев мало было, только приезжали и все, а румыни были. Тут вот была больница. У нас жил врач. Там была кухня ихняя. Румыны много-много были. Правда, не могу сказать, что они вреды делали нам. Они никакого вреда нам не делали. Даже когда уже уходили, эти, когда отступали немцы, они нам говорили, шо: "Прячьте корову, а то и корову позабирают". И мы кто куда смог, тот туда и прятал коров, потому что без коров. Хлеба нема, ну хоть молочка есть.

[В Германию забирали...]. Меня не было, брат был. И старший брат. Они были в Германии. А нас не успели. Нас хотели. Как раз брата забрали в двадцать второго или двадцать шестого августа. И нас в сентябре хотели, но отступили, они не смогли нас забрать. [Но они с Германии не приехали...]. Они вернулись в Советском Союзе, они вернулись, но один на севере, а другого... а другой, в южный Сахалин. Там с ребятами и всеми, и поехали. Почему и как оно получилось шо они туда поехали и все.

Ну [после войны] какое учение. После войны все кончилось. Какое учение? Я после этого и пошла работать в колхоз. Была звеньевая в колхозе. Работала. Ну шо, я должна утром выйти и наряд получить, и пойти раздать своим рабочим. Нас здесь человек было... Я звеньевая для них. Я вместе с ними и на прополку, и на молотьбу, где надо, туда и я со своими девочками, вернее не девочки, а женщины были, потому шо девочек не было, мало девочек. Я и там, две подружки, как раз звеньевые. И мы вот так вот.

[Отвечали за то, сколько сделали], конечно ж, отвечала. А как же. Каждое утро мы рассказывали бригадиру, шо то-то и то-то мы сделали. Учетчик приходит, проверяет. Сколько пропололи, хто сколько что-то сделал. Он днем с нами. Он днем с нами. Но нас же много. Нас же много. Щас, не успели уехать и уже приехали. И все. А мы тогда с темна до темна. Ну, тогда другое было, щас совсем другое. А бригадир отвечал за всех нас. И с коровами работали... У нас было четыре звена [в брига-

де]. Но у нас четыре звена, а бригад было шесть: первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая. И там, на полсела было, то отдельный колхоз, то “Ленин”, а это “Коминтерный”.

Бригада с бригадой соревновались. Кто побыстрее прополку проведет. Хто там, уборка началась, хто быстрее уборочные закончит. Эти соревновались. [А звенья] никогда не было такого, шоб соревновались... [Приз победителю...]. Никакой. Какой приз? “Спасибо, молодцы, хорошо сделали”. И все. [Все равно хотелось победить...]. Ну, конечно, а как же. И то благодарность была, а как же. Благодарность этому звену или той бригаде, благодарность. То-то й то-то сделали. А как же. И все-таки и эти, которые работают, им тоже было хорошо.

Собирали [фрукты, овощи...]. Так собирали уже после. После войны был. Возле моря был сад. И тут, как едешь с Приморска, как едешь в Преслав, с левой, туда едешь с правой стороны. Какой сад! Его сейчас выкорчевали. Был и холодильник. Можно в холодильник сохранять. Разорили щас все, нема. Каждый, сколько сможет, там себе понемножку, можно. Можно. Они не разрешали, но не смотрели на нас. В это время они уходили. Что смотреть, они знали тогда. То учетчик уйдет, побыстрее или бригадир уйдет побыстрее, шоб не видеть, знали. Больше все равно пропадет. Во. Председатель в это время, к нам, вообще не приходит. Такое время. Они знали, шо каждый себе. Ну, как я не возьму? Если у меня есть меньший дома брат или сестра. Ну и хочется ж ей, правда, когда не было этого сада. Ну они сами уходили, в это время они исчезали. Я возьму себе полведра и хватит. Завтра опять пойду, свеженькое, опять возьму. Да.

Да-да на счет этого, то сразу после войны был, вот этот, как его, Темиргиляев. Жил в Приморске. Но он не русский. Он, наверно, немец или какой-нибудь. Он был строгим. Если поймает... Наших девчат, двоих, вот так вот. И мог, вот в тюрьму. За что... За килограмм пшеницы. И вот, отсидели, и одна, и другая. Да. А так. Тогда председатель был Македонский. Он болгарин. Не с нашего села. Он с Вячеславки. Македонский. Он хороший был, он хороший. За него грех сказать. Он всегда, он знал, шо мы всегда себе возьмем, понемножку, мы себе возьмем. Он в это время исчезает. Ну, если я не возьму, я завтра не пойду. Он же, эта ж расчитывает. Значит, если она сегодня не возьмет себе жменьку, так она завтра не придет. А эта ж пропадет. Лучше пусть себе понемножку берут, шоб только не пропадало.

После него был обиточенский, я забыла как его фамилия. Обиточенский был. А после того, обиточенского, был этот, еще один, а потом Полукчи. Полукчи стал в 61-м году, наверно, 61-м, 62-м. Да, вот так вот в это время. Даже мой муж, работал шофером в колхозе, он ездил, при-

возил его. Да. Строгий. Ну, нашим людям иначе нельзя, потому что есть такие, что... Ну хоть я и, если надо, я себе немножко возьму. Я не буду много брать. Потому шо знаю, шо это строго. А есть такие, шо нагрузил и волочит. А оно ж все деньжатки стоит. Вот. А понемножку, никто ничего. Строгий был, нашим людям иначе нельзя.

[Вот тут в селе у нас и болгары, и русские... Не ссорились никогда...]. Не-не, никакая. Он у нас там живет женщина. Она уже и не скажешь, шо она русская. Она и не скажешь, шо она русская. Тут живет тоже. Она по-болгарски шпарит, я тебе дам. И не скажешь, даже, и даже... все знает по-болгарски. А вот есть, там по ниже улице. Я работала с ней. Никак, ни в какую, по своему, по-украински, и все. Понимает все, а говорить не хочет. Мы не обижаемся. Мы не обижаемся, а говорим ей мы ж тебе по-русски, мы ж можем говорить, я буду говорить по-болгарски, понимай, раз ты не хочешь наш язык. Я пойму твой, я понимаю твой, а ты пойми мой *[сміється]*. Все равно. Из Западной [приехали].

Мои дети на болгарском языке и учи... я лично училась первый, второй, третий класс на болгарском. А в четвертом классе уже пошла на русский. А дети учатся на русском языке. Дети учились. Раз запретили, нет, значит, русский. Мы даже и не против были, шо дети по-русски будут учиться. А вот сейчас, мне одна там говорит: “Да, а ты знаешь, у нас будет и болгарский язык”. Такие довольные, шо будет и болгарский.

[И внуки...]. Да-а, я разговариваю вот целую зиму. Живу зимой, а летом... Я по-своему, по-болгарски, они по-русски отвечают. Они уже понимают. А девочка... мальчику четырнадцать лет, девочке одиннадцать лет.

[В молодости еще в город уезжали...]. Уезжали очень многие люди... Уезжали, но родители старые и приволокли нас сюда. Раз такое дело, раз уже я замужем, я должна держаться мужа. [Муж у меня] болгарин, болгарин. [Болгарскую свадьбу играли]. А как, болгарскую. Раньше ж не делали вот так вот, как сейчас – в субботу и в воскресенье. Раньше не. Раньше в воскресенье, а в пятницу пойдем распишемся. Тут недалеко был сельсовет. Мы в пятницу пошли, расписались, а в воскресенье свадьбу сделали. Воскресенье, днем и вечером, меня туда отвели и все.

[А забирали...]. Но, как по обычаю идут все. Сваты. Все сваты идут сюда, гуляют, встречаются и гуляют, и кормят, а потом уже на вечер, идем туда. [Как свадьба...]. Платья, но не такие, как сейчас. Веночек и фата. А фата – марлевая. Ну тогда же не было тюли. И не были такие... эти роскошные платья и все. Тогда было проще.

[До свадьбы] я встречалась пять лет с ним, [с мужем]. Мне было сколько? Шестнадцать лет и мы познакомились. Познакомились. Мы как познакомились. В школу вместе ходили. Я в 5-А, а он в "Б". И так мы познакомились. И дружили-дружили, а потом восемнадцать лет мне стало, он уже предложил встречаться. Ну до двадцати одного, в двадцать один год... Ну, мы с шестнадцати дружили. Так, просто дружили друг с другом. А потом уже с восемнадцати начали дружить... Мама отпускала. Ну, как мама отпускала? Он не приходил, щас шоб, он пришел и забрал меня... Если придет подружка, две подружки приходят, значит пойду, а, если не придет подружка – никуда я не пойду. Сама никуда не пойду. Так, меня не пускают с ним. Мама знала. Папа говорит: "Нет!" Папа строгим, папа говорит: "Нет. Придут девочки – пойдешь". Раньше было совсем другое, а щас совсем другое. Щас я смотрю, соседские, так они...

Приходила даже моя двоюродная сестричка. Он придет к контора. Вот здесь щас скреп, ото была контора колхозная. А там танцы, клуб. Танцы в субботу вечером, в воскресенье вечером. И когда какой-нибудь праздник тоже там. Так, он видит, шо меня нет, и сразу до этой, сестры моей двоюродной, и с ней придет, но он не заходит. Она зайдет: "Тетя Маруся, *[нерозбірливо]*. Пусть Вера одевается и мы пойдем". Ну давай, я одеваюсь. Мама меня тогда отпускает, а так сама, шоб я пошла... Ну тогда совсем другое были.

[За ручку можно было ходить. Целоваться можно было], только, уже с восемнадцати лет... Кто будет рассказывать? И маме не рассказывала. Больше не пустит меня. Буду рассказывать, чему там, когда-нибудь целовались, скажет: "Ты что!" Раньше совсем другое было, щас совсем другое. Шо там говорить. Щас молодежь растет иначе. Мы росли тогда иначе, а наши мамы и бабушки еще иначе росли. Те совсем... [До свадьбы нельзя было близки...]. Не-е! Щас до свадьбы и живут, и не живутся. И женятся, и сразу расходятся. Не успели пожить и уже разошлись. Ну, тогда не было такого. Не было такого, шоб дивка родила, та ты шо, то такой позор. Как сейчас. Ничего не делали. От и не делали. Так шоб рожали. Да.

[А на танцы, так...]. Шо на роботу ходили. Постирала, одела. И все. Потому что... Так нету, нету, нету. [Платок...]. Нет. А обувались. И в галошах ходили. Тогда, как сказать, тогда и не было стыдно, потому что у меня нет, и у тебя нет. И шо делать, если у нас нет? И у соседки нет и у того нет. Все мы ходили одинаково. [А красили помадой...]. И помада была, и щеки красили. [В магазине продавали]. Да, и щеки красили, и пудрились. Это было. Помада, все было. [Духи были]. Это все было. Да.

[То как поженились, кто по хозяйству, что делать...]. По дому, ну, я себе знаю, шо мне надо сготовить, мне надо и постирать, мне надо, и коровку подоить. А он себе знал: надо корову накормить, поросят надо накормить, там есть еще и барашки. Тоже он. Мы себе, на счет этого мы знали, если я освободилась от своей работы, я могу помочь ему, он освободился, значит он может мне помочь. Мы дружно жили. Дружно жили. [Муж тоже в колхозе работал], шофером работал.

Палик Марія Олександрівна, 1927 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Тут, конечно, [родилась, в Преславе]! Болгарка! Настоящая болгарка! Моя мама, Елена Ивановна Бакчиванджи, родилась в Приморске, она из Бановки. А как она тут оказалась? Ну, папа тогда тридцать лет, в армии! Приехал уже старый, говорят! 32 года, а маме 18! Я знаю, шо три года с царской, мама говорила три года служили, а как приехал с армии было тридцать лет! А потом что, ездили на лошади, тогда же лошадь держали все... И папка, царство небесное, ездил туда и встретились! Она в опекун была, вот! Мать умерла рано, в 18 лет она осталась! Мать умерла, отец сразу... она стала в 18 лет, на лошади ездила! А потом ее дядька взял, напротив жил, опекун! Над ней! Командовал лошадью! И в Приморске встретились, и ...А брат, царство ему небесное, председатель был, 42 года, проработал, в Бановке! Вот... Председателем колхоза, да! И тогда познакомились, вот... За бутылкой вина! Засватали ее! А у ней тоже любовник был с Бановки, ему не дали ей! И она пришла, на восемь душ семья, восемь-девять душ! Она старшей невесткой была! А те золовки, и тровки, от девери, тогда же так называли их!

А отец, был самый старший, Александр Иванович Вельчев, царство ему небесное, с Преслава! А я уже Палик, на второго хозяина, Паличка! [Отец жил] той улице, центральная улица и на край, аж туда! Третий дом от моря, на той улице, третий! Это от центральная [улица], там потом за ней, там где пекарня! Где пекарня и прямо! *[Нерозбірливо]* где дом культуры, да, вторая улица! Это где площадь, щас там настроили, от тогда такого не строили! Как тебе сказать, парк где был! Да, там церква была, потом дом культуры построили, на месте церкви! Там, там [родители жили]! Там детство, там я жила, на той улице! Там за-

[1] Опитування провели С.І. Пачев, В.М. Пачева (2 серпня 2004 р.).

муж выходила, а то тут уже по краю, то два колхоза ж было тогда! Там было “Коминтерна”, а тут “Ленина”.

Две конторы! Все хорошо было! Бедно жили, но лучше чем щас! Да! Буряк сирой ели, тыкву пекли! Тогда ж с палкой топили, не так щас... да и лучше... и все! А щас все зазнались, все...

Бабушка запомнила первая... то, не запомнила! Вторая я помнила! Тоже поумерали, ну запомнила ее! [Их звали] Анна! Анна Андреевна! Дедушка – Иван! Тоже звали Иван! Вот! И отец мой был Вельчев Александр Иванович! Да! Иван Александрович! Отак и жили, а потом уже купили тут домик... [Дед] с усами был! Старый и с усами! Да! Сас мустаци [з вусами]! Да! 98 лет когда умер, старый был! [А чем занимался?] Ну, тогда же, видишь, молотили! Да! Косили косой пшеницу, тогда же! Тогда же машины, тракторы не было! Комбайны не было! И тогда грузили вагон, гарбы грузились, вот!

[Одевался дед], ну, с красный пояс! Гашти бешету [штани були]! Да-да! Вот это запомнила, красный пояс! Цервули! Все, все носили цервули... [А гашти були] чёрни! Катали и красили, чёрни! Валерица собирали и ткали! И я ткала, царство небесное. Ну, рубашка, то Куприна [шовк]! Шили сами! [А на главата] фуражка, да! Да! Ну, картуз!Дяда одевался, в церкву ходил каждую неделю! Он богомольный был! Дада! Богу молился!

А баба былгарские фартушки, рохи! Тоже цервули, да! На голову – косынки! Желтые такие от пилюли, красивые! Платки то стирали с белой глиной! А потом их красили, чтоб они меньше... ну, не пачкались!

У мене старший брат есть в Мелитополе.... Он с 25-го! Он в Германии был! Вельчев Петр Александрович! Это мой родной брат! С 25-го! Еще один брат умер! Еще раньше! Старший был! А потом брат, а потом я! А я родилась в голодовку! Да, он в Мелитополе живет, да он на второй, там семья его и дети! Все четыре! У сына я жила 15 лет в Инзовке, рядом! Второй раз я выходила там! Первый болел, 32 года, *[нерозбірливо]* работала, 42 года у меня стаж! А 119 щас получаю! *[Мовчить]*. У нас пенсия падает ...

Я маленькая была, но помню [раскулачку]! Как грабили! Как у людей... Хлеб... Сохранили свой хлеб, а они ходили с зондами! Это запомнила! Да, тыкали! И как найдут зерно... Эй, зерно! Убегают! Голодовка там! Во-во! Это запомнила! [В наш двор не заходили]. Отец, царство небесное, рыбалил! У нас никто не сгнил, не голодувал! А соседка наша, все забрали, выкопали яму, от запомнила! Запомнила, ходили смотрели, видимо яму вскопали они так... [Ну, нашли яму, где зерно]! Да! Ну, до вечера он и убил самого себе! *[Нерозбірливо]*. Ну, этот шо с

этим... [Кто нашел]! Царство небесное! Ну и до вечера они все уберутся.... Да! Он тогда и брал, подлеживал, перина была, царство небесное! [Было мне пять лет], а вот это запомнила, за соседку нашу, по-соседски жили...

А в школу не ходили даже! Шо там говорить, ходила в черниле все руки! А думаешь, что мать на работу пошла, царство небесное, а болтушку надо варить! Один класс закончила! Я в школу не ходила, не грамотная! [И после войны не учились]. Не! Куда там учиться! А это там была школа, где щас торгуеть в магазине, там школа, садик был.

О! Это риба, раньше нас спасал! Кто держал корову, беруть молоко, пекуть, пекуть – нарезають! А щас *[нерозбірливо]*. Люди суслити ели! Такое суслити ели, птички, били с рогатки!

Ни один русский человек не был здесь! Боже спаси! Та шо там говорить! И, было время, что есть у тебя там ухожер или там любовник! Нет! Что скажет отец и мать, за того и выйдешь! Хочешь, не хочешь! От такой закон! А щас ...

Свекруха [моя] была [гагаузка], царство ей небесное, с Инзовки.... Э-э, с Лозоватки! Да-да! Гагаузы, называли раньше! .... Вот даже побила меня за это слово... А она разговаривала, по-болгарски! Гагаузы, называли их, а чего так?! Только их называли гагаузы! Ну и курила табак! Тогда, когда ходили на свадьбу, царство небесное, все ходили... Ездили, и болгарский рох танцевали, и спивали! И она меня дернула за волосы, у меня длинные волосы были, меня дернула за волосы и говорит: "Твоя свекруха курит!" Вот! А тогда ховалися! А где табак или папиросы, их же тогда не было, чухали! Чухали, травы и *[нерозбірливо]*. А когда я вышла замуж 41-го года, царство небесное, она на горище, на горище, лазила, там курила! А оно запах же, оно женщина курит! Запах! Она да, на горище! А щас все! Вся молодежь курит, и девки.

[А когда пришли немцы было14 лет]. Да! Четырнадцать, пятнадцатый! Потому что они как приехали, все разобрали у нас! Хозяйство! Корову держала мама, покойница... Румыны сразу! Пришли и немцы, нас уже по дороге застал, пришли – уже здесь все попалено! И магазин, и маслобойку, все попалено! Уже по дороге нас догнали... Просто на выселку! Дядька был председатель, царство небесное, и немец пришел, и искали его! Ну, знаешь как партийный! А он вышел! А нашли сестра, царство небесное, а фотокарточка, фотокарточку она несла ее все время, и за это маму выселили, за брата! Поехали тогда в Запорожье, туда в вагоне нас везли, а оттудаво, нанимали лошадь, одной... Вернулись, мама инвалидка была! Вторая рука не действовала, положили... При немец! Одевать немец! Она расплакалась, вишь, куда было, видит русская переводчица... Сказали маме, и она взяла мясо, не знаю, что еще

взяла, и пошла так, она видела русские женщины, и она открыла, говорит, она расплакалась: “Не плачьте!” Переправила ей все документы, что она не может одевать.... Зацепить немец и сразу убьет! Расплакалась, поменяли документы и говорит: “Вам надо, только дома!” А вже немец отступал, ну и продали что там, продали, только одежу привезли! И мы шли пеши, аж лазили, ноги пухли, мы молодые, та что там!

И с мамой, и с *[нерозбірливо]*, царство небесное, девяносто лет, она еще живая! Ишли пять-шесть человек! А потом летит самолет, это уже “красные”! И присел на крае, и все подошли, молодые, ой, мама, как расплакались. Ой, русский человек, что ты! “Уже,–говорит,– не бойтесь! Немец отступил!” И мы добрались до Петровки, ночували! А потом приехали уже здесь! Приехала мама, Панилица, дали подводу, нас здесь оставили, привезли и забрали нас!

Мама пешком пришла! А брат в Германии был! Его отсюдава брали! Возле собрались... сразу добровольцы писались. А дядьки, отецови браты, они работали один это *[нерозбірливо]*. А потом тягал его касторкой! И все равно забрали! И три года, вроде, чи три с половиной!

[Как немцы пришли] еще тут жили! Не долго. Наверное с полгода. Мама работала на ток! А тут преславский *[нерозбірливо]* переводчик, и привел нас, шукал фотокарточки, ну не нашел! Ничего не нашел! А через три или четыре дня, два часа нам дал! Шоб зарезали поросенок и то, на выселку!

[Маму] сразу поставили одевать немец! Ну, она не работала, она ходила, справки давали ей! [А жили там, за счет чего], мы повезли себе мясо, хлеб покупали! Не жили хорошо! Не работали! Ну, добывала мама где-то! Где-то искала! Ну, мы жили в бараке! Там не одни мы жили, много жили!

Ничем [не занимались]! Мама переписала мне, 27-го брали в Германию, она 28-го мене записала! Я в Германию не попала, а кто с 27-го, забрали и подпалили вагон, и сгорели все! А я в Германию не попала! Забрали с Запорожья и подпалили где-то! И все сгорели люди, в вагоне, вся молодежь! Вернулись, а тут наши! [А папа на фронт не пошел]. А как получилось? А они тогда разошлись с мамой, и остался в Преславе, вот! Мы вернулись, а его уже нет, сказали в Ботево живет! Доживал там уже! *[Нерозбірливо]* пришли, приехали оттуда *[нерозбірливо]*. Дает кальсоны... такое, царство небесное, охинею, не дает корову! А потом все, нет, немец забрал! А потом телка растелилась, корова, потом телочку дал! А корову доили, мы вдвох, брата в Германии, доились так – три дня он доит, один день мы доили! Наша корова была! А сосед, ну немец был и забрал корову! [Забрал корову, а отдал ему! А в нашем доме] такие люди и жили! Это колхозный дом, а потом мама... щас доч-

ка там живет! А мама в колхозе, работала, просила и отдали маме! [А когда мама с папой поженились, они жили у деда. Мама старшая получилась невестка]. Мама пришла с сундуком, а сундук полный был! Мама, они богатше жили! А потом пораздавала, золовки, два деверя сховали! Чтоб не спугалася! На другой день идут, *[нерозбірливо]* показывали невесту, золовки достали! *[Мовчить]*. [Мама работала в колхозе, а потом они как разошлись и она ушла в другой дом] от деда, дали там ей другой дом! Колхозный, и платила она там сколько, я не знаю!

[Она работала в колхозе]. Конюхувала! Запрягала! Чесала! Чтоб это нас спасти с братом, голодовка была, вторая! И спасла нас, кукурузу давали лошадям и она куколки... Брат приехал с Германии. Она конюхувала, а тогда уже в колхозе на веялку! Зерно! Тогда намолотили на ток *[нерозбірливо]*. С камнями, да. Дикий, дикий камень! [Этот снаряд, которым молотили], отверка! Дикий камень! Добивали! А потом, не было ни спички... Боже как мы жили!!! Смотрим утром, если потеряем огонь, смотрим, кто будет дыметь, чтоб пошли за огонь! А потом кресало! Там, где молотили зерно, там камень дикий, вот, и мы выбиваем, оно выскакивают искры и оно загорается! А щас дети не знают такого!

Я замуж выходила в 49-м году! Свадьбу играли! Субботу, воскресенье, в понедельник все на работу! Да! Свадьба было, было такое носки и парасоли туфли, носок, а щас как одевают, ой-йо! Крусови туфли и белые носочки! Это уже дядька, председатель был, царство небесное! Он уже платье купил, уже на свадьбу! [А гулять ходили], ну! Что сами шили! Раз в год резали поросята, драли их, тогда не смалили, ни теленок, ничего! Драли их, чтоб эту шкуру, сорвули, пока научились ту шкуру обматывать, ой-йо! А потом уже колхоз начал собирать урожай, уже все! Нас поставили звеньевыми, на высевку на высевание на мельнице, та шо там говорить!

Это сундук, это набито там, чтоб замыкал, чтоб никто ничего не украл! Уже солому напхали, матрац, матрац же не было! Я говорю, щас болеют, болеют потому, что шторы! Мы когда строились, царство небесное, хозяин строили компост, он набил наличники, и говорит: "Так, чтоб никакие шторы, чтоб не было!" Да! Из газет навески делали! А лампы не было, кондила, у кого богаче, вот там Иванчев позавчера говорил: "Баба святая!" От там и жили! Она работала там.... Они богатщи, ото лампу висячу, ото сами богатщи!

Я не расписанная прожила! Да! Тогда ходили в сельсовет, тогда работал в перемешку! Носили две поллитры самогона! Самогон делали сразу! Вот, буряк на терку, в печку, вот, на другое утро вытаскивают его, а потом его на терку, сок берет и самогон! Да! Варят самогон! И

свадьбу делают! ...А дарили, дарили, это... Две косынки, на свадьбу и носки! Две пары носки! А, гудеж! Делали, делали! Гудеж! Пекли питу, большая, ну, на сковородке! Ну и гудеж же, кто поламает много, значит он будет первым! А тогда даешь эту пикту, там гудеж. Сватали... пришла...

[Хотила вийти за одного, а вийшла за другого]! Ну, мать сказала, не выйдешь за того – порог, голову на порог и топором! А выйдешь за этого Андрея! Он, в армии его не возьмут, он после Германии, нашел гранату, немец кинул *[нерозбірливо]*. Он барашки пас, в 10-11 год! *[Нерозбірливо]* и мать поставила его на печке, и тут будет до осени топить! Тыквенник здесь делать, а еще один брат был, ему глаз выбило! Взял он, мать заставила топить печку, топил все время, царство небесное, и у нас все время хлеб пекли! И начал его стукать, чтоб посмотреть что оно, оно как бахнуло!!! И у него на правой руке, вот большой палец, вот отрезало до половины! Три пальца! Ну, потом на лошади работал! А брата глаз выбило! А потом что...

А он... Мы держали корову, а корм надо заготовить, а транспорт нема никакого, ни машины, ни подводы, ничего! А он работал на лошади и скирдовали в колхозе! Вот, значит, в 2 часа ночи нагрузит это гарбы со соломой, привезет у нас! И мама его полюбила, и говорит так: “Вон видишь, как и меня смотрит, корову будем держать, жили, голодовка, нема ничего нигде! Вот хозяин будет, за него пойдешь, его в армию не заберут! Будет все время дома!” И засватали! Пришла свекруха на мать и баба Ирина... А свекра не было!

А тогда еще сиденьки были! Сидянки! Уже началось, как червей кормили... ну эти червь! И делали куклы, 150 штук! Кипяток и мама его тянула, вот! Тогда ж те нитки латались, нигде ж ничего нет, латались, вот! Тогда раньше на станок ткали, вот, и шили рушники, все! Тогда ж наряда все было с рушниками! [Куприн это шелк]. С червей! У кокони, коконы называли, а потом решили платье! [Шелковое платье было].

[Маленькая была, одевали] длинные платья, так! Босиком! А потом церлити вязали! С это, с ватой, тогда начали делать хлопок, убирали его, а там попушки! А мы сидим, щелкаем, а те попушки выкидаем! А тогда сиденьки, идем, спиваем... *[Мовчить]*. У кого богаче, идешь, да и забиваешь на сидянку, там лампу засветишь, мало у кого было, а так кондило запалишь! С ваты! Масло и вата! Такие стаканчики, пробиваешь дырку, железка на стаканчик, ну и светит. [Стаканчик стеклянный, железка вверху], она поддерживает ватку, чтоб не упала! Ватка горит! С масла, подсолнечного! Воняло! А коптило, дым, все!!! Оййо!!! Та шо там говорить! Мы не жили – мучались!!! А щас только жить, а ну...

[А в детстве игры были]! Э! С камушки делали эти, такие пятаки и по пять штук играли! Какие игрушки, не. Камушки круглые! Садимся вдвое... с черепицы! Та, ничего не было! Щас дети рождають, такие игрушки. Наилку! Делают, пишут с мелом! Пишут мелом и прыгаем! Та-а! С детства ничего не запомнила! *[Нерозбірливо]* Брали пуговицы, в воскресенье все собираемся! Вот в воскресенье у той подруги собираемся и играем! И кто подкажет, той бьют тогда тебя!

Савова Марія Михайлівна, 1927 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Как звали] моих родителей... Ой! Я уже забыла, они еще в 33-м году умерли! Отца звали, ну, Михаил, я ж Михайловна! А маму как звать... забыла! Отчество? Бучакчийские была фамилия наша! Значит, Бучакчийская Евдокия... А по батькови как там я не помню! Бучакчийская, это бабушка так была! Я сама Бучакчийская, но я замужем за... [А какого года рождения они были?] Я не помню вчерашнее! *[Сміється]*. Как я могу сейчас помнить?! Он уже поумирали, мне было сколько лет... лет пять или шесть!

Они в колхозе работали, в Банновке! Мы сами банновские! Я сюда замуж вышла, а сама банновская! [В Банновке до колхозов еще...]. Ну земля... Колхозы тогда были! А я не знаю как здесь земля... Колхозы были, а в каждого был... Земля, городы!

[Они в 33-м умерли...]. Можно сказать, что от голода! Отца я вообще не помню, матери тоже, сколько там мне было в 33-м году?! Пять или шесть лет! [Нас в семье было] детей... Мы с братом были! Были... Все поумерали! Две сестры были еще... старше меня! И брат был тоже старше меня, тоже умер! [Потом] с бабушкой жила! Бабушка, дедушка, потом брат старший, он женился, был с женой и с невесткой! Побиралась, то там, то там!

В Банновке я училась. [В школу ходила. Закончила семь классов]. Потому что шить надо, деньги нужно! Вот я больше и не ходила в школу! В чем?! Одежа! Ну, в чем было, в то и одевались! В платье ходила, в юбке ходила! *[Сміється]*. Обувались в тапочки! Тогда и не было даже, как это... цервули они называлися! Да, со свинской кожи! Ну там отец или мать, бабушка или дедушка пошитые! Ходим побираемся! Так оно и было раньше и щас! Болезня, болеешь, как не одно, так другое!

---

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (31 липня 2004 р.).

Были немцы, там стояли! Как... тамбур, чи шо оно называлось, там сзади нас! Жили немцы! А! Прятали мене! Ну и как идут ото румыны, как невестка, и она, а я ж была молодая, красивая, как ото говорится! И она мне: "Давай одевайся!" – и дает мене платок, и они ходут ищут! А я сею, сею нагуту, накину там какую-то кофту дранную! Отако было! Нехорошо было! Нехорошо! Я не попала в Германию! Я не была никогда!

Мы здесь, в Запорожье, нас вербовали ото... нас на рельсы, поднимали вот эти во, рельсы носили, бригадой! В Запорожье! Потом отправили нас, в шахте! В шахте была, и даже память у мене есть с шахты! В шахте была, потом ударило мене *[нерозбіриво]* выслали меня оттуда! Хорошего ничего нету! [В Запорожье жили] у бабушки на квартире, там жили! Нанимали квартиру! [Платили нам...], конечно платили. Ну что там тебе заплатят много! Ну там сколько нам платили, полбуханки хлеба нам давали! Так жили, что продаем хлеб, макуху покупаем, чтоб грызть, чтоб не умереть с голоду! Вот так нам платили! Я работала в Запорожье в Мокром, Мокренки, чи как там есть! Там работала! Квасолю, помню, собирали, кукурузу лузали!

А потом обратно вернулась! В Банновке! Потом сюда замуж вышла в 54-м! С 54-го года я здесь живу! [С мужем] познакомились! Вот Банновка рядом, Преслав! Ну познакомились да и все! Родители... Я работала вот здесь, было подсобное хозяйство! В Приморске, тут вот, ну как его... тут работала дояркой! А там была тетка моя знакомая, а он жил здесь! В Преславе тут домик небольшой, сейчас там построили другой! Тетка сказала, что есть хорошая девушка, рабочая! Работает! Познакомилась! Вот так и вышла замуж! Вот так мы встретились и поженились! [Так без приданого...]. А кто нам даст приданое! За меня приданое дадут! Да ну!

[Переехали к мужу жили] со свекром и свекрухой! Еще и была и золовка, и одна и другая, и деверь был! Семья была... Ничего! Я хлеб пекла и бабушка пекла! Бабушка научила! [Главный в семье был] свекр! Отец! Да, как положено! Тогда еще хлопок был, мы еще хлопок собирали в его бригаде. Да, он был главой семьи! [Заработали деньга...]. Ну свекру, свекрухе! Кому я буду отдавать?! Ну, сами они решали [что купить]! Что я буду решать!? Они нас кормили, они нас содерживали! Не жаловались! *[Замислилась]*.

[То как маленькие были] играли, бегали! Бегали домики строили, печки строили! Палили! Вот так и жили! Мне некогда было баловаться! Все работала, некогда было баловаться! Я маленькая была, а бабы работали в степу. А меня они брали, чтоб я им водички подносила! Носила там с ведром, бабушки там полят или что, я ж не могу полоть!

Они полят, а я за ними с ведром иду, водички даю! Кричать: “Мань! Принеси водички!” Я несу, а что делать! Щас не дуже так пойдут работать!

Я в 19 лет замуж вышла! [А до замужества хлопцы] ухаживали, а что будут делать! Сидянки были, все было! [Как сидянки], веретяны, пряли вовну! Носки вязали! Ну нас проводили, там тетка! Сами не ходили! Как щас ходять, мы так не ходили! Там нас отведет, там сидянка! На этой сидянке сидим, то вяжем, то плетем! Вышивали, делали все! Довышивались, вот что теперь ничего не видим! Там кондило сделали! Там дырку пробили, масло налили, ваточку! И сидим и вышиваем, на этой кондиле, это вот дурость такая!

[Хлопцы приходили]. *[Сміється]*. Когда мы на сидянку приходим, приходят, а чего он домой пойдет, шо ему там делать! Сидят, смотрят, кто как работает. Песни спивали. Пьяных не было! Тогда не было пьянки. Так пили! Ну на сидянке не пили! Вино тогда делали! Свое домашнее. На огороде виноград был, наделаем вина. Кто может выпивает, а кто нет, то сдает того вина, за 50 копеек за литра. А за водку я не помню, если есть деньги в кармане, пойдут себе купят! А кто его знает, шо пили, ходить проверять, кто шо пьет?! Мы не пили водку!

[Я в колхозе] дояркой работала! Много лет! Вот замуж вышла, сюда приехала и дояркой работала! Работала! И девушкой еще была, работала там в совхозе, дояркой! Ну потом сказали председателю, что вот передовая доярка! Он приходил меня поздравлял, приходил смотрел как я живу! А я то хлеб напекла, то индюшку зарежу! А он пришел, посмотрел, а и индюшка есть, и то есть, и то есть! [На трудодень там] давали! Кто работал тот получал, а кто не работал, то... Ну а что, огород есть! Птица была! [Налоги платили за огород, за птицу...]. Мало мы платили. Ну я не помню! Когда как, платили, конечно, налог был. Все то было, был налог. И индюшки были, гуси были и утки!

[И Хрущев был...]. Ничего так было! Я не помню! И материя была! Сначала как не было, а потом появились товары в магазине, дешевые! Начали покупать... Ну и при Брежневе тоже... Хрущев был, Брежнев был! Кто только не был! При Сталине хорошо жили, чи то... при Ленине! Ленин когда был... Ну, а при Сталине неважно, издевался над людьми! [А потом как умер Сталин...]. Чего я буду за ним плакать! *[Сміється]*. Шо он мне, брат или сват, чего я буду плакать! [Люди] не очень-то плакали!

Григорова Ганна Василівнв, 1928 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Моих] отца и мать, звали Лена Дмитриевна Голикова и Василий Матвеевич Голиков, и обое с [19]04-го года. [Они родились] в Лозоватке. Мои дед и баба, тоже в Лозоватке, Проскова Макаровна Енакова и Енаков Дмитрий Ильич, дедушка мой. Они тысячу восемьсот девяносто... *[замислилась]*, но они в восемисотом году там. Да, мои родители четвертого года, вот. В этот год им уже столетие, но моя мама хоч прожила 85, а папа очень мало, и еще тогда болел корью, мы молодые были, не помню этого. В Гурьеве их брали, хлеб кормили с опилками, засорил себе желудок и приехал, помучался два месяца и умер на сорок четыре года.

В Гурьев... Но по карте далеко от нас. Ну [они там] работали-работали, а мы ж болгары, не русские. Он приехал в [19]49-м, а его забрали в [19]47-м [году], а мама с нами была. Мама *[нерозбірливо]*, собирались, в колхозе работали. Нас было трое. Нас, двое девочек и мальчик, брат. Старшенькая [19]24-го года, она умерла, Рая. Я с [19]28-го, а брат младший, он с [19]29-го года. Да, тоже в колхозе работал. Все старался, старался, бегал все старался, рабочий был, трудяга. Был награжден орденами. Орден Ленина был. Тоже умер, не дождался пенсию свою, в пятьдесят восемь лет умер. А мама умерла в восемьдесят пять.

Мои дед и баба, они еще молотили. Индивидуально было. Земля [была]... А дед был на три войны – “японская”, “германская” и Гражданская. Два раза ранили его, и он пришел благополучно домой. Как он на войну брали, брали на войну. Брали, три войны он участвовал, в три войны дедушка мой, он умер. Вот, такие, он нас как соберет: “Видите, внучата, что я вам расскажу!” Говорим: “А что дедушка?” – “А нас не будет, а вы дождете!” Говорю: “А что мы дождем?” – “А будет, вот у стенки, говорить человек и вы будете слушать”, – а мы смеемся. Говорю: “А что оно такое?” – “Вот будет, а потом после этого будет у стенки, будет стоять коробка и будет спивать, будут люди и вы будете их смотреть!” Мне было шесть лет. Я помню, вот это, как он мне рассказывал. Вот видите, сколько уже лет! Уже семьдесят два года. Мне семьдесят семь вот исполнилось, 29 июня, мне исполнилось семьдесят семь *[нерозбірливо]*. Дочка моя умерла молодая, на тридцать лет ушла, такая здоровая и за три дня. Врачи сделали неправильную операцию и заражение крови пошло, и за три дня. Оставила троих деток, они уже выросли.

---

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (31 липня 2004 р.).

Дед, вот это вот, рассказывал мало, такой умный человек. Он все читал газеты за это вот *[нерозбірливо]*. [Дедушка газету] выписывал. Умный-умный был. Он, ну не знаю, сколько [учился], но грамотный, умный был, Дмитрий Ильич. Говорю: “Виталик иди сюда! Расскажу как дедушка нас приучил. И вот мои внуки, нас не будет, а вы дождетеся, будет у стенки человек говорить – радио ваше”. Дождалися? А потом, будут вот такие вот коробки и будут там люди, и спивать, и танцевать, и вы будете смотреть.

[Ну про войну шо рассказывал...]. Ну он как раз молотили, в 19-м году гражданская война. Она и меньшенькая, сорок дней была. Шестой ребенок у них. Он получил повестку, ну вот перекидал на такую молотили и раньше и перекидал этот. Гоняет коней и этот хлеб пшеницу перекидает, а бабушка пошла звать, уже заготовила, вот: “Дмитрий, уже обед готовый, пошли обедать”. А он шо-то нахмурил голову, а она говорит: “Дмитрий, чего ты не в себе?” Вот такое вот. А он подал ей повестку, что он на войну, гражданская война и она как заплачет! О-о! Опять будет мучаться, шесть детей, да. И он вернулся, опять вернулся. Два раза был ранен. Он рассказывал, он был в госпитале, Чита. Там был в госпитале, вот и еще в каком-то городе был, но он рабочий такой, умный дедушка был. Я его заповнила, неплохой вот *[нерозбірливо]*. Ого, но это длинная сказка рассказывать.

У [дедушки] пчел много [было]. Он накачал, раньше не такие баки, а раньше железные. У него был инструмент, он сам себе сделал и ведра и корыта, и баки сделал для меду и накачал шестнадцать баков меду, да. Много уликов было, много. Приехали верхом, раньше, солдаты. Такие, не эти, как можно сказать, эти *[нерозбірливо]*, а раньше, мягче были, вот. Сказали, что у бабушки есть мед и они приехали, двое верховые: “Солдатка, открой нам, открой нам, дай меду! У вас много меду есть!” Ну и бабушка, такая была, как нас соберет, как рассказывала. Ну она говорит: “Тише солдат, я вам щас наберу и меда, и хлеба, но тише! У меня шестеро детей, они больные тифом”, – и они как хлопнули коней, и уехали. Боялись этой болезни. Раньше такая болезнь была – тиф. Болели люди тифом.

Да, в гражданскую [войну] была *[нерозбірливо]* и ховается. Бабушка забрала пять детей, а эту Платониду, маленькая, сорок дней, укутала ее на печке у вовну, и потому, что они будут ховаться у подвалах, и она будет плакать, это дете, и ее не пустят, там другие *[нерозбірливо]*. И она ее закутала. А тетя Оля, она от шестого года, три годика и тяне бабушку за платье: “Лялю! Лялю, она плачет, будет плакать! Давай заберем!” – и забрали ее, и забрали. Нечего такого плохого не было. Бабушка дождала дедушку, хорошо все. Была умная бабушка моя, говорит:

“Тише солдат, дам вам меду, хлеба, но мои дети больные тифом...”.

Они только меду, потому что они накачали много меду. Даже тетя Оля с кружечкой набирала и упустила кружечку у бак. Пчелы были. Дедушка был очень знаменитый. У него сад был, сад исключительный. Здесь, впереди дома, три ряда сливы и здесь три ряда черешни, и вишни, а дорожки песком засыпаны. А позади дома были яблоки, снап. Такие хорошие, длинные. Теперь нема такого сорта. Снап – яблоки такие длинненькие, половина желтые, половина красные, такие яблоки, четыре деревины. Впереди дома орех такой здоровый, орех, шелковица, груши.

Та я все Виталику, как вечером садим: “Бабушка расскажи за бабушку и дедушку, как они жили?” Сказать, мы были не богаты, кулаки, ну шесть детей. Вы сами понимаете, что какое там богатство, но они трудилися, трудилися. А отец мой тоже в колхозе работал *[нерозбірливо]*, съел, а мама сама и сарай смотрел. Я вышла тут замуж. Рая писала, они поумирали уже все. Мои дорожки уже все заросли *[нерозбірливо]*.

[Было и раскулачивали...]. А нас, мы не участвовали в раскулачивании... [К нам не приходили...]. За что раскулачивать? Мы не богаты люди. Были не богаты. [Отец охотно пошел в колхоз...]. Он рабочий был. Каждый год его премировали. Каждый год, только один год премировали. Рабочий был, рабочий. Трудяга был хороший. Вспоминания хорошие, мне для моих родных. [Он в колхозе ...]. А-а, черноробочий и мама черноробочая.

Я [в школу ходила], а как же. Семь классов закончила. В Лозоватке, в Лозоватке. Колхоз меня, как кончила семилетку. Хотели выслать меня зоотехником. Я хорошо занималась, а война хрякнула и все. Маму забрали на окопы, я осталася. Тут цыплят, то поросенка с Иваном, а Райку мама забрала с собой на окоп, под Мелитополь. Немцы [забрали]. Но это ж война. [С братом вдвоем остались]. Они на окопы, копали окопы. Я *[нерозбірливо]*, а мама приезжали. Они там недельку как побудут, перекопают окопы, какое-то задание им дадут и приходят домой. Мама мучалася, она трудяга, они раньше с коровой пахали, пахали с коровой. Нас трое, сидим у двери и ждем маму, пока приедит, приедит, распряжет корову и сразу начнет доить корову, нас накормить *[нерозбірливо]*. Мы с бабушкой целый день, з бабушкой, а вечером уже бежим как цыплята до квочки, ждем маму. Она пахала с коровами. Отца, а отца не было, его забрали. Да, его забрали, забрали, [он умер потом], в 49-м году, 16 июня, вот.

[Немцы тут стояли в селе...]. Ой, я как, что вам рассказывать. Мы близко жили до магазинов, а эти немцы как налетели, побили шибки, а

мы трусимся *[нерозбірливо]*, закрыли окна, они разбили шибки все начали вытягивать, выбрасывать с магазина, то страшное было, страшное. Тревожно было. Война, це не хорошая пора. Вот. Я тогда кончила семь классов и больше нигде не поступила и то вышла замуж, и так на ферме дояркой.

[А как немцы были...]. Ну вот, где, то были магазин, а церковь стояла близко через дорогу и до нас, и памятник какой-то стоял. Они гранату, мы смотрим с Иваном и трусимся, вот этот *[нерозбірливо]* идет и разбивает памятник и понеслись эти немцы. Так разбивали памятник. [А колхозы...]. Тогда, мне кажется, были десятки, десятки-десятки. А потом уже колхозы стали. Немцы корову у нас забрали, стащили. Так мы плакали, забрали корову. Люстра ее звали и погнали не только нашу корову, а много вот, и погнали. А мы сидим смотрим и плачем. Да. Забрали нашу корову. Так вот было. Вот такое. [А так...]. Немцы, мы их, я их не видела. [Румыны были...]. Проходили. Они быстро прошли в нашем селении. Говорят в Преславе было больше солдат, а в Лозоватке, село не большое, не-не, я их не видела, ни румынов, ни... Полицайские были... Они преславские были. *[Нерозбірливо]*. Ну вот, этот Василий, ничего, добрый был, полицайские. А тогда, шо-то он сразу мигом потерялся. Где он ушел? Не помню, не знаю. Вот так *[нерозбірливо]*.

[В Германию угоняли... Я] – нет. Мой год не попал, не попал мой год. Не. А подруга моя пошла. Тут, была она 25-го года. Они ж забирали, когда их, тогда их забирали. А мой год не попал. Я боялась и не попал мой год. И я не была в Германии. [А подруга вернулась...]. Вернулась, вернулася, вернулася. И чемодан привезла, и мы смотрим, вытягивает шелк, все такое богатое. Щас сколько, три раза уже получает деньги, что они там работали. Вот эти люди работали в Германии. Им уже заплатили, сколько они там уже были. Она на фабрике работала. Вот, хорошо, такие вот дела.

В 49-м году, первого мая у меня была свадьба в Преславе, у Преславе. [Я как переехала...]. [Ну] мамина сестра, она здесь жила, тетя Аня. У нее двое детей было, Вика и Валик. А Максим Иванович, учитель, муж ее, забрали на фронт, на фронт забрали. И получила она повестку, Максим Иванович, нету в живых. И она осталася с этими детьми, Валику три года, а Вике год и три месяца. И она приехала в Лозоватку, попросила мою маму, моей маме: “Дорогая сестрица, дай мне Аню, чтоб посмотрела моих детей”. Было тяжело. Мама меня не давала, не давала. Потому что я дома все ей делала. Она без меня не могла обходиться. Но она плакала, говорит: “Дай мне ее, дай хоть немножко, чтоб подросли дети”. Ну я то, пришла, ну сколько, посмотрела, посмотрела и дома *[нерозбірливо]* и я себе ушла. Вот. А потом опять тетка Анька:

“Чтоб тебе, не будет плохо, я тебя одену, обую”, – и то я опять у нее.

Вот, Николай Афанасьевич, так собрались и поженились. Он чернорбочий был, работал и на тракторе и на комбайне. А потом, на последние, уже на конях работал. Тоже рано ушел, на пятьдесят восемь лет ушел, вот. Двадцать девятого августа исполняется ему двадцать два года как его нету, а дочке восемнадцать лет. Я плачу, день и глаза мои закрылись. Не дай Бог, чтоб родители хоронили своих детей. Это я некому не желаю. Это самая страшная картина. У меня была единственная дочь.

[Еще как молодой была... Сидянки были...]. А какие сидянки? Я вам раскажу. Раньше хлопок сеяли. Хлопок и ее не знаете. Вот этот первый, где растет вата. [Коробочки собирали], я маме помогала. Фартук завяжу, а фартук, вот так он, зашитый на три кармана – первый, второй, третий хлопок. Да, вот это. Цветет первый. А уже осенью эти коробочки, где не распустились, мы их собирали, собирали и завозили в каждом дворе по пять-шесть чанов. Чаны знаете, брычки. Загружают и мы сядем, соберемся, и хлопцы, и девчата. И это как раскрываем эти хлопок, просушиваем и сдаем *[нерозбірливо]*.

[Сидянки] мы собирали. Ну как сидянки? Вот это вот, сегодня у нас соберемся, двенадцать человек. На другой вечер у других соберем. Да, трудно было, но веселей. А сейчас какие-то *[нерозбірливо]*, завидливые, не хорошие. Раньше беднее было, беднее и веселей и дружнее. Идем степом, такой вот *[нерозбірливо]*, после комбайна загребаем колоски, чтоб потерь не было и на спину. Как вечер, идем с песнями, а с песнями. Дома что ждет, какая беднота была. Натопим *[нерозбірливо]*. Трудные годы были, трудно жилось, да. А щас замкнутая молодежь. Клуб был, [мы] ходили. Ходили, ходили в клуб. Ходили-ходили, но большинство коло двора. Мальчики придут с балалайкой, частушки, песни спивают.

На танцах как подходил, что говорил? Ну, а самое главное, я знаю, что пьянки не было, пьянки не было. А щас. Не было ни драки, ничего. Было просто пойдем, потанцуем, повеселимся, драки не було, драки не було. А щас, а щас, что творится. Мы и совсем не пили. Не, дедушка, не пил, нет хозяин *[нерозбірливо]*, а я говорю наш корень, никто не пил. И он пить не будет, ни дедушка, ни отец, ни дядя Ваня, брат мамин, ни брат. У нас пьянки не было. У нас сад был хороший, сливы такие мясистые, соберешь. Там по соседству дядько гонит самогон, отцу отдаст, ему он принесет такие две четвертины самогонки. А раньше, в колхозе, собиралися в бригады, у этот зал. На Октябрьскую гуляли. Отец и мать пошли и взяли эту четвертину, и вот я возьму, отдам и пусть пьют. И пошел отнес, как щас помню, этот самогон, а наше поколение,

мы не пили. Пьянку *[нерозбірливо]* нема у нас, нема.

[Еще в детстве, как гуляли...]. Я со двора никуда не выходила, и щас никуда, усе дома. Во дворе я гуляла в куклах. А все подружки до меня приходят, Аня то пошей, то пошей, из детства. Шили, шила и щас шила, и деткам, и все, и штанишки, и рубашонки, все пошила, сделала. Любила шить с детства, и с детства занималась шитвом. Я самоучка, самоучка. Тетя Маруся, тетя Галя работали в швейпроме. Она была бригадирша. Раньше был швейпром, вышивали и меня забрали. Я работала у них. Ну сколько я работала? Год и восем месяцев, вот это я это помню. Вышивали, вышивали. Я так любила вышивать. Раньше вышивали дамские платья, мужские рубашки, скатерки красивые, вышивали, вышивали. Я зарабатывала, вот где-то, мне всегда, должны мне попасть семь рубашек, семь рубашек, в этом месте должна я получить. А ну-ка, полуботовский узор стоил 107 рублей. Я зарабатывала по 600-800 рублей. Матери и отцу оплачивали облигации. Боже-Боже! Тогда раньше облигации были. И должна была моя рубашка попасть в этот месяц. Воротник остается не кончен, лампу светю, целую ночь вышиваю. Не верете? Солнце уже, потушу лампу, солнце уже светит, рубашка моя пойдет на сдачу. [Деньги зарабатывала, отцу с матерью отдавала]. Ну а как же! Я ж им оплачивала облигацию, они были расписные, раньше облигации подписывались. [Они на эти деньги подписывались на облигации...]. Не на эти... Каждому подносят по облигации, подпишися, на двести, на триста рублей, облигации были раньше.

[У нас в семье], ну кто главенствовал? Нас сестра, сестра моя. [Как замуж вышла, жили] со свекровью. [Свекра] восемь лет не было. Со свекрухой восемь лет жили. У того брата, четверо и у нас были уже двое. И Коля мне говорит : “Аня, знаешь что, давай будем делиться пока, а то и здесь есть дети, и у нас”. И мы на краю купили развалюху, за две тысячи. И мы с Колькой пожили там три года. Эту развалюху, я ее вымазала, выбелила, прожгли, дети малые выросли, а потом начали кирпичину, по кирпичину и я с фартуком собирала на фундамент, щебень собирала, вот так мы строились. Трудно, но построились. Построили и вот, домик сразу купили ему *[нерозбірливо]*. И нигде ничего не писали. З Бердянска приехали и купили ухоженый дом. Коля гараж построил, погреб, бассейн, колодезь, все, и продали. Я не хотела, плакала, хотела остаться там, но Коля говорит: “Ма, где я, там и вы, где я, там и вы!” Ну и слава Богу! Привыкла, привыкла, а дети... Боже, что было! Я говорю, Боже-Боже! Построил, только пожить. Пятеро детей родила. Один за одного, вот. А тогда мы жили, два брата отделилися, купили землянoчку, на верхней улице, построилися. Четверо малые и я с мужем. Построилися. Небольшой хороший домик. И прожили сорок лет.

Лютіков Віктор Олексійович, 1928 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я 1928-го года рождения. Родился в Преславе]. Родители мои, дедушка мой, царство ему небесное, он с Воронежской губернии, ну, а там, сюда переселился. Не знаю в каком году, но умер он при немцах. [До революции ещё], наверно. [Занимался он тут...]. Ну, сельским хозяйством, чем он может заниматься.

[Отца звали] Александр Гаврилович. [С какого года рождения был], щас не могу сказать... Он не умер... ну, то есть, он умер, конечно, умер, но не здесь. Это было тридцать седьмой год, а он был бригадир, вот так, на току поймали несколько женщин. Ну тридцать седьмой год, это ж был голодный год, несколько женщин поймали с этим, ну с зерном, там карманы где-то насыпали, и судили отца моего, и дали ему 10 лет, но он там в тюрьме долго не прожил, вот, больше я его... А мне тогда было, сколько, пять лет где-то, шесть, я его не помню даже.

[Остались сами], с матерью, да сёстры были, но уже от... мама когда вышла замуж, за другого мужа, тогда сестра была, брат был. Старший мой брат... забрали в Германию и там расстреляли, при попытке бегства. Ну я знаю для чего забрали, ну работали же там.

Я окончил семь классов [и началась война]. А потом я в армии служил, пять с половиной лет, почти шесть. [В армию забрали] в сорок девятом, а в пятьдесят четвёртом я демобилизовался. [А во время войны тут в Преславе был... Ну это уже было пятнадцать лет, как пришли сюда...]. Ну уже парень вроде взрослый. [Помню, как первый раз, румын, немцев...]. Конечно, помню, такие случаи не забываются, как мы прятались от них, как мы убегали от них. [Как только они пришли...]. Они ж не спешили, обосновались, морское побережье, это считалось тут... [Прятались...]. Ну мы ж не знали их, кто они такие, что они могут с нами сделать. Ну мы дома и жили, а куда деваться... У нас здесь... в том доме стояли румыны, стояли. Два офицера. [Ну они как, такие...]. Ну как сказать, никаких этих... [Ну в принципе не обижали, не цеплялись ничего...]. Я не знаю, [сколько они тут стояли], два года или меньше, но не знаю щас сколько их тогда было, потом они ушли их... гнали отсюда.

[Староста был в селе при оккупации...]. Ну щас, не помню я кто был. По-моему местный. [А полицаи...]. Их нету уже в живых никого. Не помню я их ни фамилии, потому что я с ними не имел никакого, дел

[1] Опитування провели Мільчев В.І., Молдавський Р.Л. (29 липня 2004 р.).

никаких. Конечно, мужики были, местные. [Они не приезжали], по-моему здесь и жили.

[При оккупации, родители работали...]. Заставляли их, оно тогда не колхоз был, не знаю община, или как оно называлось... Должны были работать, а как же. Ну как в колхозе, разные работы, разные. [Как там ей что давали...]. Даже не помню, что там было и как оно было, не помню, не знаю. Питались... Мы щас, не лучше питаемся, чем тогда, вот при оккупации.

[В 47-м году голод был...]. От чего голод начался, потому что голод есть голод. Всё было, и неурожай был, и зерно вывезли... дела давно минувших дней. [В 47-м году жили, я, мать, отчим и дети ещё были младше... Мать с отчимом где, в колхозе работали]. Конечно, а где ж им работать. Помогало [море], когда я пошёл на море работать. Рыбаком. Это было перед концом войны. Вот тогда была какая-то помощь, потому что я работал на море, там я получал пай. И рыбой давали и хлебом, вот так. Рыбколхоз был у нас в селе, [а лодки], здесь от в гирле, де гирло. Не было никаких бараков, никаких не было, если мы приезжали *[нерозбірливо]* сюда, мы ставили баркасы в речке, и никто его не трогал, а сами шли по домам ночевать. [Рыба хорошо шла...]. Если б она не шла, мы б с вами щас не разговаривали...

[Приходили люди поменять что-то...]. Конечно, приходили, Боже мой, если б люди не приходили, если б они не пользовались этой помощью, многих давно б позабыли уже. [Меняли] на что, ну ставили то самогончик, то... Не только на самогон, что могут люди дать и сами голодные, ну что они могут, на что они могут обменять эту рыбу. Просто так, рыбаки, придут голодные, пухлые люди, голодные, рыбаки просто так, без никакого обмена давали им рыбы и всё. Бычок, какая есть рыба, такую и давали. [Хорошие сорта рыбы, там судак, белорыбица куда отправляли...]. Вот это я не знаю куда её. Не сортировали, у нас был пункт приёма рыбы на косе, и там сдавали любую рыбу, какая попалась, такую и сдавали. А там они уже да...

[И как молодые были...]. Какие танцы, я работал на косе аж. [Там и ночевали всё время...]. Ну конечно, а где мы будем ночевать? [Домой баркасами возвращались в гирло, но...]. Не просто в то время было вернуться баркасом, это нужно гребти. [Моторов не было, всё на вёслах...]. Та, какие там моторы тогда были. Было и под парусами, если попутный ветер, если есть. А зимой у нас там было *[нерозбірливо]*. Там у нас была квартира, там мы жили, там у нас была кухарка, она нам готовила, ну конечно, приходили домой, приходили, то рыбку поймаем, надо ж домой принести.

Недалеко от косы мы выходили, только не туда, по ту сторону косы, а по эту сторону, там у нас стояли эти ставники. Вот это такие, рыболовные приспособления или снасти, как сказать, и каждое утро мы ездили их подрезали, рыбу вывозили сразу на приёмный пункт. В рыбколхозе я не долго работал, я, в общем, я проработал зиму и вёсну, и меня укусила гадюка. На берегу, здесь у нас на берегу. Мы сюда приехали с моря на баркасе и привезли рыбакам паевую рыбу, им тогда пайки, тогда давали. И мне говорит командир: "Сходи, вот здесь недалеко, должен быть наш, этот, ну конюх с лошадью, бричкой. Пойди скажи ему, пусть запряжет, и приедет эту рыбу развезёт рыбакам", – ну я пошёл, не поехал, а пошёл, босой, весной по траве, и там меня гадюка укусила.

Тогда никакой больницы не было, это спасибо, что в это время находился у нас военный врач, ну и я пошёл туда. Он посмотрел, перевязал, говорит: "Я вам щас ничем не могу помочь, идите дома ночуйте, а завтра придёте ко мне". Ну на завтра палец вот такой во, оно ж никаких не было лекарств, он мне начал резать его на живую, вырезал правда. Я после этого опять пошёл на море работать, потом я уже не помню, что там было, по-моему, в армию мне уже повестка пришла.

[В армии служил] в Азербайджане. Там строилась *[нерозбірливо]* ГЭС, и вот мы были там на охране, я служил в зенитной артиллерии, мы были на охране вот этого объекта. Я, в сорок девятом году я призвался, а в пятьдесят четвёртом я приехал с армии. Я уже не пошёл [снова в рыбколхоз], я потом перезимовал, и уехал в Белоруссию, просто у меня там дядя был, дядя там жил. Там я окончил училище механизации, там я поработал год, а потом приехал... [Вернулся в Преслав], здесь у меня мама была, здесь брат был, здесь вся семья. Не собирался [там оставаться], но я год отработал, я должен был. Я, долго меня не отпускали, пришлось быть в министерстве сельского хозяйства и прочее, ну потом всё это уладилось, и я приехал домой. А по приезде работал комбайнёром, слесарем, кузнецом. [В колхозе] "Коминтерне". Это с пятьдесят пятого или пятьдесят шестого года, до сих пор, пока не пошёл на пенсию.

[В партии так и не был]. Предлагали, очень предлагали, у меня даже щас есть рекомендация комсомольской организации, чтоб рекомендовали меня. Я им сказал, чтоб дайте мне рекомендацию, я дома поступлю в партию, они мне дали рекомендацию. Я не знаю где щас она. [Это еще] в армии, с армии я брал эту рекомендацию, ну так я в партию и не вступил. Ну вы знаете какая жизнь тогда началась, вот такое вот... Давайте не будем об этом говорить, я не был коммунистом, может быть я

щас сожалею, что я не был коммунистом, но дело в том, что не был... Всё.

[Я вот все время в “Коминтерне” проработал, разные председатели...]. Ну если говорить, что кто больше всего сделал, так вот у нас был последний председатель, он сделал очень много для колхоза, он сделал маслобойню, он сделал мельницу для муки, он сделал гаражи, он сделал ангары, он сделал... Много сделал, пекарню сделал, вот щас всё село питается в этой пекарни. Он не долго был, года три-четыре наверно, но за это время он очень много сделал, очень.

[Был председателем Полукчи еще, при нем село...]. Я не помню с какого года, [ну до какого...]. Ну вот, когда началось вот это вот... перетрубация, когда поставили, до пенсии, по-моему, было. [Это вот пекарню, вот это всё, маслобойку, это не при Полукчи делали]. Позже, при этом председателе, как его там... он очень много сделал, он не долго был, но очень много сделал. После Полукчи.

[Полукчи был...]. Ну, трудно сказать, как село относилось, не известно, но вот как относился каждый человек к нему, вот это вот другое. А вообще то он... ну как сказать... ну опять же я говорю, как он к человеку относился, одни довольны, другие не довольны. Кто его знает, я не слышал, чтоб кто-нибудь сказал, что он хороший, вот он председатель, и прочее. [Ну что нужно было сделать...]. Вот как раз мы об этом и говорили, надо было делать пекарню, надо было делать маслобойку, надо было делать мельницу, чтоб люди не ездили аж куда-то в Приморск. Он всё это сделал, он делал крытый ток, там щас зимой можно хранить любое там зерно и прочее, а он же не сделал, Полукчи. [В общем, не сильно его любили...]. [Он не преславский, а откуда он родом...]. Чёрт его знает, не далеко какой-то район. [Он по-моему грек].

[Как молодые были там собирались на сидянки, в центре...]. Не, уже молодёжь этого не знает, молодёжь собирается там, то на культуре, собиралась, а щас уже и там не собирается, щас молодёжь пьёт, нигде не работает, потому что работы нет. Голодали, когда я был молодой. Нет, такой пьянки не было как сейчас, не было, тогда молодёжь имела работу какую-то, имела какую-то заинтересованность, а сейчас ничего она не знает, ну что она знает. Тем более, что работать негде, работы нет для молодёжи.

[Раньше некоторые уезжали в город...]. У меня не было никогда желания уехать в город, я здесь родился, я здесь... Ну кто его знает, кому что нравится, одним может и нравится и город, другим и не нравится. [Когда учился в Белоруссии], я в Минске жил. Когда я закончил училище механизации, приезжали у нас принимать экзамены председатели, предлагали мне поехать к ним на работу, обещали мне сразу дом

построить, всё, но я не захотел. На родину тянуло, да. Но вот, где б я не был, самый лучший народ, это белорусы, это самый замечательный народ, хорошие, хорошие.

Я женился в армии, [в Азербайджане там]. Да, она сама не азербайджанка, она сама с этой, области, как её... Она уехала туда по комсомольскому набору на строительство этой *[нерозбірливо]* ГЭС, вот там мы с ней и познакомились. [Восприняли нормально, что женился в армии...]. Мама у меня была очень хорошая, очень хорошая, и она здесь не имела ни девушку знакомую, таких чтоб это... Дело в том, что у меня, просто я был в таком возрасте и жил в такое время, что мне не доходило, что это жениться надо, ну в общем жизнь прожита уже.

[Местные болгары с русскими женились, или брали замуж за себя...]. Было, конечно, какая разница, мы уже тут жили и даже не обращали внимания, что там болгарка, то ли болгары, или что. [И старики как к этому] нормально относились, а как они будут относиться? Может быть где-то и было такое, я не знаю, но факт, что болгарские ребята женились на русских девочках, или русские ребята женились на болгарочках, просто у нас не было такого, чтоб конфликт в этом.

[В школу я пошел], в каком году, двадцать восьмого года я рождения, где-то в тридцать пятом, наверно. [Здесь в Преславе в школу ходил]. Сразу в болгарский, а потом... уже болгарский отменили, и русский класс. [Ну это года три в болгарский отходил] [По-болгарски с детства разговаривали...]. С детства, даже раньше чем... *[сміється]*, чем по-русски. Мать русская, [просто с соседскими детьми...]. Я общался с детьми, с детскими, они ж по-болгарски говорят, и я начал по-болгарски с ними.

[Отношения были, русские, болгары...]. По-моему, нормально, вот щас иду по селу и каждый меня встречает, приветствует, Александрович, здраствуй Александрович. Никогда таких конфликтов, чтоб у нас было... По-моему, не было таких проблем, не было, ну молодёжь там где-то подерётся, с кем-то подерётся там, туда-сюда. А потом всё это, но я ни с кем не дрался, ни с кем ни это, ребята меня все уважают. Болгары, какая разница, русские и болгары, я с ними разговариваю так как и они, по-болгарски, вот *[нерозбірливо]*.

Попов Василь Петрович, 1928 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я родился в 1928 году] в Курской области, Головихенский район, село Покровка! [Тут, значит раскулачка]. И вот, значит, отсюда [из Преслава], два часа на сборы... Да! Через два часа, подъезжает полуторка, крик, плач, мать... [Всей семьей]. Отец, я, мама! И еще брат, а не, не было, вот мы трое! И вот мы едем в Белгород! А в Белгороде формировали эшелон на Восток! Приезжаем, а его уже нет! Опоздали мы... [А там тоже на спецпоселение людей везли, тоже раскулаченные]. Да! А за что?! Дед был всего-навсего этот председатель... пресвитер! Или что-то так! [Ну не поп, а только помогал попу]. Да! И вот его, значить, раньше на три года, вот... это значит, говорили ссылка! И вот значит, ушел он, ну и товарищ подпор... Куда хотишь, туда и поезжай! Еще одна семья не успела на поезд! Куда, значит, хочешь, туда и поезжай! И мы вынуждены были ждать на этом вокзале, ну и, в конце концов, отец принимает решение ехать в Таганрог! Приезжаем мы в Таганрог, там какое-то родство, дальнее, в общем, приняли нас! Побыли мы там, а в это время, что интересно, брат отца, был комсомольским богачком, и он в летном училище Харьковском гражданском, отец посылки, мыло. Потом он приехал, у него уже кубик...

Это был 33 или 34 год! Это видимо в 32-м году создано это училище! Ну и поговорили, и видимо, его там оставляли инструктором, ну и чтоб мы переехали в Харьков! Ну и все, он уехал, буквально через месяц, или раньше, телеграмма, что брат погиб, ну папа поехал! Ну он-то погиб, а при каких обстоятельствах, поссорился со своим командиром, из-за женщины или там что ли! Ну и значит, этот командир, выхватывает пистолет, и делает два выстрела, дядьку насмерть, а одного ранил! Ну что там, отец побыл, привез его, значит, маме! И мы оттуда поехали в Харьков, а там тогда строился Харьковский тракторный завод! И вот, там барак, это минут десять наверно от станции Рогань, там нас поселили! Там такие как мы, со всех концов, собирали... [Тоже раскулаченные].

[И вот родители устроились на ХТЗ работать]. Отец... нет! На завод он так и не... На ХТЗ он был, наверно, лет двадцать, и он был на военной доске почета! Он, ну дед был, отец его, плотник, и он же, значит, плотник, и до войны они строили, а потом война! А после войны, он плотник на заводе... И там был! Ну построились, потом на мясокомбинате был, там рядом! Мама сначала немножко работала, там как ото стирают! Там военный городок и ото там рядом... ну и там они набира-

[1] Опитування провів В.І. Мільчев (31 липня 2004 р.).

ли тряпки для стирки и за это получали! Ну нас пятеро было, потом сестра еще! Ну, а потом она по хозяйству, когда там уже расстроились!

В бараке жили, а там какая-то комнатка, ну, вы ж понимаете, что такое барак, двадцать метров квадратных! И там была комнатка! Ну она [Не отгорожена]. Нет! Это так коридор и налево комнатка, направо комнатка! Вот как раз и жена в этом бараке жила! Потом там козелят, отгородили сюда, тут как раз дедушка пришел, его парализовало! Пять лет лежал! И вот нас, значить, было – отец, мама, я, брат, потом еще одна сестричка, дед парализованый, козы! Кровати были! Потому что козлята... *[сміється]* ...как начинают прыгать! Это ж когда зима, холодно, они ж окоченеют! И мы их пока отогреим....

[Это такой одноэтажный барак!] Этих бараков там у нас было или девять или десять! Ну, вот у нас было семей восемь! А барак был на две! Вход с одной стороны и вход с другой стороны! Ну и жили нормально! Ну там перемешка была, ну пока там знакомились! Ну, в основном, это люди были скомпроментированные как бы... вот советской властью! Ну мы то дети, может мало, это не ощущалось, потом уже началось!

[Там в национальном отношении...]. Там все были! Все были – и украинцы, и русские! Вот мы русские! Ну еврей был только продавец, ну он редко приезжал! *[Сміється]*. Ну в основном русские, украинцы! Молдаване, по-моему! [Никто по нациям не группировался]. Не! Вот сараи... [Ну как можна жить с соседом в одной комнате и не общаться?! Общались все]. Ну вот, например, ее отец в *[нерозбірливо]* области. Ну да!

[Там на праздники какие-то, то собирались...]. В зависимости от того кто как настроен! Мы вот я, отец и мама, а у них было пять девочек! Мать у них, такая твердая женщина, любила что б, хозяйственность, ну они как-то не любили этих! [Сто человек, один работает, восемьдесят рублей получал и учились все!] Было пять дочек! И все получили образование! А другие были там, пили... [Попивали крепко]. Ну не все, ну были там отдельные такие! Босяки! Они пили...

[Дети в бараке...]. Ну дружили, конечно! Ну, мы же тогда дети, мы не думали тогда... Если там кто держали огородики... [Хозяйство какое-то там держали, огородики] Ну огородики сами копали! Ну где там был кусок земли... Никто нам не давал, а сами, вот есть пустырь осваивали! Им никто не пользовался... Ну это еще при немцах...

Ну, мы, собственно, там жили до войны, а потом война! Отца на фронт, дошел до Берлина, в партию вступил! Был такой преданный советской власти, что чудом... [Чего так, советская власть так подурному поступила с ним, а он такой преданный?!] Вот, ты понимаешь,

парадокс! Это сказалось на всей нашей семье, и отца, значит! Значить, у отца, брат, а ну да! Их было три брата, а уже у моего отца нас – три брата и сестра! И вот мы были настолько преданные советской власти и я тоже! Боялись, это вот огласки, что вот нас высылали! [Не принято было в семье на эту тему разговаривать]. Ну, я живой свидетель этого дела, вот! Ну вот отец в партии, брат стал инженером, то есть в партии, сестра стала инженером! Я в партии, вот стал офицером, я подполковник! А сестра вот кончила институт, вступила в партию!

[Потом после вот этого мы там жили в Харькове. Потом] в 44-м году, нас в армию забрали... [Во время войны] дважды мы бежали с Харькова! Один раз, проехали там, двадцать километров, немцы нас там прихватили! Потом второй раз, когда освобождали, опять мы убегали! Ну это уже в Воронежскую область я сам бежал, мама с бабушкой остались там! А я, значит, ну там пока, потом в 45-м нас забрали в армию, семь лет солдатом!

[Ну повоевать не успел]. Я был минометчиком, и наш выпуск отправили на Восток, на японский! Нас 17 человек оставили ефрейторов, 28-го года! В России был, потом, значит, под Ленинградом, на курсы замполитов, стал замполитом! Потом в Польше, в общем, 9 лет солдатом отслужил, ну а потом же в Мелитополе!

[А в Преслав переехать как решили?] Сюда, значит, как получилось! Три сына, любили море, мы каждый год ездили на море! Палатку, на море, а потом уже надоело, машина появилась! И посадил в машину всех, и ту-ту! Искать на бережку, где больше понравилось! Ну и сюда мы приехали, а средний сын, он в этом отношении очень такой, как глянул, а тут море, речка рядом! Ну и здесь мы остановились! Сыны, два уже полковники! Один щас в Чите, другой в Москве, в ФСБ, полковник! И третий сын, щас тоже в Москве, младший, кардиолог, кандидат медицинских наук! В докторантуре!

[Вот жили в одном бараке и женился на соседке своей]. Это уже когда я стал офицером! Я женился в 27 лет, я был в Польше, я приехал в отпуск! Я сразу дружил со старшей сестрой, а потом с младшей! И потом уже в 53-м году я приехал, она уже кончила медицинский институт! И мы зарегистрировались, поехали в Польшу и там уже начали... А потом по гарнизонам, а потом в Мелитополе уже... Потом съездил в Польшу, там уволился и осели в Мелитополе! Завели там хозяйство, как здесь оказались я уже говорил... Потом ездить немножко далеко, да и бензин, да и сам она, трое сынов. Ну, в общем, надо было что-то менять! Там продали, в Бердянке купили!

[Тут принимают нас уже за своих, уже за местных, преславских]. Ну я как вот по себе, такой интернационалист! Я как-то после 30-летия

армии... Армия приучила... Да-да! Я занимался и болгарами, и грузинами, и армянами! А я работал инструктором культурно-художественной работы в Доме офицеров, и у меня была самодеятельность! И грузины поехали, они на кардионе грают, танцуют здорово, я вот их к этому приучил, и мы с ними там объездили везде! Ну а потом когда, он, значит, увольнялись, а было день рождения комдива, а я с ними общаюсь, ну, говорят, вези их до границы и отправляй! И вот с грузинами, мне: "Василий Петрович! Вдруг будешь в Грузии, заезжай!" – дал адрес. И через пятнадцать лет, младший сын у меня родился, и получилось у него облысение, а там одна лечила! И я нахожу там этих грузинов, какая это была встреча, через 15 лет! Согиашвили Гиви!

Я тут с Петей Батериным дружу! Вот мы давно с ним, писали еще за него, сын мой военный журналист, сын орден Красной звезды, щас он увольняется! Ну я был тут на работе, писал очерк о нем! Многих уже похоронил... Вот щас тут пытаюсь, готовлю об одном, Младчев Николай, интересный парень! Он был сам в Чите, потребовался материал о межнациональных отношениях, чтоб узнать, кто там в наших краях. Он узнал, написал о нем статью, большая, щас там есть! Я хочу о нем написать, парень такой в каком отношении, ну что он честный, раз, *[нерозбірливо]* ну построил типа мельницы. Зерно молоть! Ну там отопление сделал. Он молодой, ему еще 50-ти нет! Потом, значить, трактор собрал из всяких запчастей! Ну у него не просто трактор, а он может грести, он может косить! И у него три дочки! Одна щас в университете, другая щас в Днепропетровске, в институт поступила, технический национальный! И третья девочка, отличница! И семья такая положительная! Пожарник, ну он после армии был шофером, потом сердце прихватило, его пожарным оставили, ну хороший парень!

Рупчева Ганна Антонівна, 1928 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Родители [мои] Антон Антонович Рупчев и Рупчева Мария Федоровна. Мои родители! Отец [был 190]6-го, а мать [190]7-го! Мать девяносто пять лет прожила, это 3 года как умерла! А отец, уже наверно, 20 лет или 18 как умер! И свекр тоже! В нашей семье, у нашего отца были мы, две дочки и больше детей у нас не было! Мой отец работал фельдшером, а мать в колхозе! [Он учился], тут дома, тут была агрошкола была чи шо! Я помню,что что-то говорил! Животные лечил он! И

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (3 серпня 2004 р.).

во время [войны] отца вместе со скотом... ну, как вам сказать, ну гнали скот *[нерозбірливо]*, а потом война кончилась и он вернулся домой! Ну дедушку и бабушку я помню, но какие уже годы я не знаю! Мамины [родители] – мама Мария, а отец Федор. [Они были] преславские. [А как вот сюда переезжали, откуда], я не знаю!

[Коллективизацию я не помню]. Я была маленькая! [Родители] рассказывали, но я уже старая – забыла! Ну они рассказывали, что [в 33-м году] голод был! Мы были маленькие! Мать говорила, что отец принесет *[нерозбірливо]*, а так я сама ничего не помню! Я сама больная уже! И щас ничего не помню! Мать говорили, что репрессия была, а что как, это я не помню. Это я не помню!

[А война когда началась] тут были. Мать больная была, в Бердянске, когда война началась! *[Нерозбірливо]*. Мы были маленькие, отец с этим... со скотом выгнали... А мы осталися здесь с мамой! Сколько там мне было... Я помню, что приехали и говорят: "Школа! Школа!" Там был такой узкий, но длинный такой! И говорят: "Школа!" А то румынцы, заехали сюда румынцы! Та румыны, когда уже забирали наши коровы, это отступали что ли: "Давайте куры, яйки!" А коровы там где-то оставили, потом ходили забирали свои коровы! Там где-то по селам оставили и потом ходили забирали!

Ну после войны там с карточками было что-то непонятное! А потом начали так жить, ничего, а при Брежневе начали жить хорошо! Я работала дояркой, платили деньги... *[нерозбірливо]* а утром идешь на работу и аж до вечера! Было радио, мы слушаем, приемники! *[Нерозбірливо]* особенно в пятницу, там у коров моем, убираем в коровнике! *[Нерозбірливо]* да, хороший был председатель, такой здоровый! Зарабатывали, трудно было, но работали! Ну сразу не платили, а работали на трудодни, а потом там давали деньги, платили! Я не помню! Ничего не помню... Да, потом, там в конце года давали, ну там у кого долги, там копейки давали! Оставалось если получать там копейки! *[Замислилась]*. Ну, давали там на трудодни зерно!

[Налоги были...]. Были! Я не помню, но был на все, на молоко, был! [На бездетных был налог]. Тоже, было кажется! Платили, конечно платили, а как же?! Мы на все платили! И с деревьев платили, да! Все платили, все! Хозяина вот нет, семь лет уже, у него была хорошая память, он все знал! И я вот все, что там они давали, я все выбросила! На что они мне?! Там эти квитанции, все!

[Сестра у меня] меньшая! [Родители на работу уходили, а мы дома оставались]. Сами! Мать давала работу! Я помню, батько идет, а голод был, а кто-то нас обокрал! Одежу покрал... А то немцы, немцы, тогда были то десятки! Нас распределяли по десятками! Немцы там не бы-

ло... Мы не оставляли ничего себе! Работали, да и все! Я знаю, во время войны мы работали!

[Я и в школу ходила!] Я плохо училась, пять классов кончила и бросила школу! Не нравилось [учиться], я работала, работала, все с коровами! И пахали, и сеяли, и гарбы накидали, все! [А так в детстве] дома играли! По улице бегали! [А как подросли...]. Та! Взрослые уходили, а не в чего было обуться, молодежь, играет гармошка, а нам не в чем было обуться! Так ото вспоминаем, там тапочки мамины, когда так бегали в центр. Там где щас бары, старая пекарня, коганцы, а если было общее собрание, тогда лампу светили. А так не было, а как называли, свечи, и то танцуем, и идем домой! Идем домой, черные в пыляке. Трудные времена были, очень трудные!

На сидянки ходили! Ну вязали, пряли! Ну мы мало ходили, мать рассказывала как они ходили... Ну собирутся там у хозяина, кто вяжет, кто вышивает. Кто прядет, ну так на веретено. А кавалер возле нее клубок держит! Девка прядет, а он держит клубок, а она себе вяжет! Это сидянки называется. Ну мать говорила, что водили матери, поведут ее, привели ее туда...

Стояновська Ганна Іванівна, 1928 року народження, [Стояновська] Валентина Михайлівна, [? року народження], с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Ганна Іванівна: Я уже тут родилась в Преславе. Родители?! [Отец] Гешев Иван Иванович, [мама] Гешева Анна Степановна! Мамаша.... Мама умерла было ей 86 лет, а папа умер было ему 44... года!

[А бабушка] Анна Степановна, а дедушка Ульян! [Они преславские были].

[Они все] в колхозе работали. Ну до колхозов, дед был кузнец! Держал лошади, коровы у него были! Потом его и раскулачили за это, что он держал корову и лошади, имел свою кузню! Да! Выгнали их тогда, у них тут старый дом, и все! Та меня еще не было! А раскулачивал кто, я знаю?! [Это после раскулачивания в селе остались жить]. Ну, что забрали?! Все забрали! Да! Дали бричку кукурузы, а все забрали, и кузню, и лошади, и корову, все! А тогда уже мы построились *[нерозбірливо]*.

Был голод, да! Кушали это... щавель кушали! Дикий щавель! Пойдем на море, наберем тюльку! А мама столчет ее, вот обмакаеш в сковородке и кушаем! Хлеб совсем не видели, картошки вообще не было!

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (31 липня 2004 р.).

Ходили по морю, у рыбаков, спасибо им! Пойдем утром, они нам дадут ведро бычки, вот судаки! А если б не было это моря, мы бы. Нема ничего в доме, что ты будешь кушать! Ни лошади, ни коровы! Тогда и картошка не уродилась! Амбары все пустые! Не знаю, как мы выжили! В колхозе я тогда работала, там на посевной, зерно, овес или ячмень, что у них! Его обжарим и кушаем! Да! Если б не было моря, мы бы... Это море нас спасло!

Ходили [на море], конечно! Бабушки вечером, моя бабушка, пойдут на море, спят там! А рыбаки говорят, там лодку как фургон так делали и спали! А утром, рыбаки говорят: "Ану, бабушка, кто будет умываться, тому рыбы дадим!" А я пойду там, маленькая еще, шо там есть, чи котлетки с той, солью, камсой, пойду, отнесу, а бабушка дасть мне рыбы ведро! Я приду, бычки, обратно наловят, обратно несу! Хорошие рыбаки были, спасали нас! И аж на план ходила, судаки давали нам! И на косу ходила, вон аж там!

[Они давали рыбу]. Отнесу там... Мама купит две литры молочка, отнесу, а они нам судаки, тюльку дают! Я пока однесу, уже сплю! Меня мама пока встретила, я две сутки спала! Думали что я умерла! *[Сміється]*. От усталости! И голодная! А там пошли, там эти... камушки, железки, рыбаки давали, чтоб себе там нажарили! От там себе нажарим, покушаем! Щас эту тюльку вообще не кушаю, так она мне обрыдла! Нажарила там себе в дорогу, в бетончик, но я и не ела! Все домой принесла! Молодцы рыбаки, спасли нас! Да! Ну, вот я однесу молочка, мама купила, ну и так давали! Там вот на косе! [Говорили, меняли на самогон, на одежду]. Тогда не было самогона! Я знаю, что они и так нам давали! Я однесу два литра молока, пока дойду по косе, голодная, понад морем, возьму черепашку, откусую, немножко покушаю, а то уже не могу идти! А прямо с моря возьму, да с бетончика немножко похлебаю! Такие черепашки, ну... ракушки! Немножко похлебаю! Пока дойду, прихожу плачу, они: "Чего ты плачешь?"

– А вот мама дала мне два литра молока... – квашеное молоко, не свежее, как кефир сделанное.

– А ничего, нам будет!

Дали нам три ведра, и дали железку, там себе пожарила! Переночевали, а утром давай домой! Взяли это вот на спину, идем и плачем, идем и плачем!!! А брат меня встретил, возле, на стану, я как пришла домой, как лягла, две сутки спала! Сестра не может меня разбудить! И бьет и все, насилу разбудила!

Отак и жили! Голод! Картошки те чего не родили, картошка та! Та, а кто его знает *[нерозбірливо]* не сеяли город! Картошку сеем и все, а ее нема! В общем, голод был и ничего за это им не было! [Забирали яйца,

забирали молоко, забирали! Налоги сумасшедшие! Денег не давали!] Что ты будешь кушать! Когда уже выросла, ну, на город идешь, тоже голодная, там сваришь какую-нибудь похлебку, без крупы, похлебаешь и все! А работаем, а капкие вады делали! Люди есть и суслики кушали! Такое животное, одним только зерно кушали, они... такие как крысы! Ну мы такое не кушали! Ну, они ж там в поле нору себе выроет и кушает! А тогда наливают воду и они выскакивают! Ну мы такое не кушали! Щавель кушали с рыбой, с тюлькой, мама натолчет в ступочку! Подмокает немножко с муки и на сковородку!

Валентина Михайлівна: Я дочка! Валентина Михайловна, почтальоном работаю в селе, 23 года уже! Ну так, как я помню, рассказывают еще старые люди в селе! Бабушка моя рассказывала, что когда был голод, люди так падали, идет бричка, они их кидают в бричку и на кладбище в общую могилу! Так что у нас есть на том кладбище, места как ото раньше, ну... Когда был голод, их хоронили старых людей! Та вообще и детей много поумерало! Ну, вот так рассказывали старожилы, что вот такой был голод! А бричка едет собирает и везут туда... У бабушки моей умерло трое детей от голода, в то время! Она даже хотела в колодец кидаться! Уже детки были большие и умерли от голода, а их трое осталось еще! А сразу много детей было у бабушки, шесть детей! Трое умерли от голода, трое остались!

Ну, так в основном, так, чтоб сидели рассказывали. Ну, вот мои бабушка и дедушка, дед кузнецом был, лошадь у них была, корову держали! У них был хороший дом, он был трудяга, ну не так, как от раньше, наживались, держали работников или так что-то! Просто он имел свое! И как начали ото, ну как, сельсовет, так ото говорили... И вот, посчитали что он кулак! Его раскулачили, из дома выгнали, дали ему старый дом! А у меня дед был так трудяга! Сколько вот людей, ну бабки по селу рассказывали, ну помнили его еще... И дорожки ткали, были у него станки ткацкие, трудяги были люди, а они их раскулачивали! Позабирали у них все!

[А богатое село было]. Ну, как! Оно и не бедное, у нас вот села рядом, вот Райновка, очень бедное село! Потом Палаузовка, ну вроде, ну более-менее! А наше село славилось, еще море рядом, рыба! Да! Если б не море, то поумерали б все! А раскулачивали многих!

Ганна Іванівна: Я вот уже большая девочка была, пойду утром на пункт, знаешь там у нас где пункт, аж за совхозом, отнесу там, говорю: "Дайте, а то нема что кушать!" Я пойду принесу рыбы домой и на огород, голодная, там немножко, похлебку похлебаем! Мама там сварила баланду! Так баланду похлебаем и все, она говорит: "Давайте ложиться спать!" А брат мой говорит:

– Мама, я хочу кушать!

– Ложитесь спать! Все, уже баланду покушали, что вам еще дам! Буряк ели!

Да! Остались только брат мой, вот я и сестра моя, она уже умерла! Я с 28-го, а тетя Вера с 21-го! На семь лет я ее моложе!

Я еще не была замужем, когда война была! Там у нас, был штаб, фургоны, у нас дом большой, двор большой! А напротив, у этого хозяина была столовая! Они так утром встанут, возьмут котелки и ото "Молочко е-е! – каждое утро им давали, – курка е-е!" Румынцы! Да! Мама им все время давала! Корова есть, то молока дасть, яички! То курку! Тогда это... Да! Одно время завезли много бочек с соляркой! На край села! Ну, хотели палить нас, село! Ну, дождь помешал! А мы до этого выселялись! Зарыли парасольку, зарылись в яму! Там воск, все зарыли! И давай, запрягли коров в гарбу, знаете что, едем! Дошли до край там села, говорять: "Давайте будем вертаться! Убьют нас, так убьют! Куда будем идти!" И они вернулись! Вернулись, все разгрузили! Ну, это хотели нас подпалить, и дождь как-то шел и мы удрали! А мы удрали! А потом, а мы замкнулись в хате, сколько прошло, стучат в окно: "Мы наши! Русские, русские!" А мы начали плакать! Тогда мама открыла двери, они русские с мотоциклом: "Все! Вас никто больше не тронет! Спите спокойно!" Мама говорит: "Будете кушать!" А они: "Не! Мы не будем кушать!" Ну все! Все на этом кончилось! Немцы нас не трогали, не!

[А как румынцы были и гуляли], гуляли! Были [танцы]! Они нас не трогали! Мне тогда было 12 лет, я в клуб не ходила, мне 12 лет, куда мне... Это в 14-15! В пятнадцать лет наверно! Тогда телевизора не было! *[Сміється]*.

[В Германию угоняли]. Ну я тогда была еще маленькая! Угоняли! Румынцы сначала хотели меня вкрасть! Да! А мне 12 лет было, полная была! Ну и пришли там до нас, а наш дом большой, мы... Двое родных братьев жили в этом доме! Они в эту сторону, а мы в ту! Ну и я там пошла до них! Они зашли, там румынцы: "Ах! Щас мы тебя заберем!" А я раз на горище! Залезла на горище и все, и пока они не ушли, я не слезла с горища!

Валентина Михайлівна: У нас много позабирали в Германию! Ну все вернулись! Только вот баба Лена живет тут, у нее муж там погиб! Когда было, ну вот это взрывали город, и ну... убило! А там она родила сына в Германии! И щас получает хорошие деньги! При немцах [староста был в селе]. А его уже давно нема! Алавацкий, как его звали, ма?! Алавацкий... дядя Миша! Алавацкий Михаил, да, его звали?! Ну, а дядя Вова Алавацкий, тереку, сколько ему лет... Я еще помню, как в школу ходили, ну, идем со школы, а старшие нас дети говорит: "Вот это он,

когда были немцы, он выдавал наши!" – ну, в общем, был предателем. И он сидел в тюрьме, чи 20 лет, ну потом вышел с тюрьмы и еще и жил, человек, здесь! Ну, он предателем был, как они называли их раньше... Да, были! Даже нам раньше рассказывали, была здесь группа, 14 человек, ну вот эти... Как они... подпольщики! И учительница была одна из них, и он ее выдал, вот этот Алавацкий, ну и ее расстреляли! Это нам в школе рассказывали.

Ганна Іванівна: [Я в школу ходила в Преславе]. Два с половиной [класса]! *[Сміється]*. Два года, два класса училась и третий не закончила, пошла в 12 лет работать в колхозе! А я хорошо училась! Ну, что отак... Мой папа работал в магазине продавцом, он там, где щас красный дом! Вот это там работал, ну там тогда другой дом был! Я приду, он мне дасть кулек конфетки: "Иди учись! " – Учусь! – "Будешь мене вспоминать!" А сестра не училась, она не схотела! Все хотелось в колхозе работать! Папа мой, царство небесное: "Анечка, иди учись!" Я хорошо училась! Нет, я пойду в сад и все! Пошла в сад там разносчиком, там женщины, бетончиком воду носила! Поставили меня охранять те, вороны, чтоб не кушали... а я заснула там! *[Сміється]*. Но все равно ходила! Потом уже выросла, ходила, начали работать! И на посевной была, и молотила, это сейчас так быстро молотит, а мы тогда все вручную! И копны делали, вязали снопы, целую ночь, все по степу, потом скидаем на скирду, и на молотилки! Потом молотим! А! Сколько проработала!

[А в школу], кто в чем одетый! И дома и в школе! [Платье] одно, которое в клуб ходила! Одно в клуб, одно на работу! Так было. Да! Мама там погладила, беру! Утром снимаю, другое одеваю! Два платья! Шили! [А обувь] одни, что я ходила в школу, как они... Червули! Червули! По-нашему! С кожи сшили, здесь ширенку, я их завяжу... в школу! *[Нерозбірливо]*. А потом вязали черевички, это с пряжи! Вот так и ходили, туфлей не было! А тогда, когда я уже выросла, перешли вже на туфли! Одевали их! Вечером ползу, пока хлопцы, замерзну – "Давай заходи! Замерзнешь!" Приду в хату по снегу, ноги как лед! А мама укутает их в тряпку какую-то... [И на работе то босиком], ну что там, черевички! Там на уборке тоже, тоже пойдешь, а оно такое высокое стормище, выбрасывать, это самая легкая работа, вот! Пока выйдем с поля! [Если там порезали ноги], дома там приду помою, мазью, чем-нибудь помажемся и все! Я забыла уже! Тогда начали наматывать тряпки! А щас... Полову собирали по участку, скирды делали! Тогда мы работали, не дай Бог! Да, рвали колоски, там в баночку! [Я пошла в 12 лет работать, а платили меньше как работнику производства].

Валентина Михайлівна: А как там один год работала и заработала 20 тонн зерна или что оно было, или 10, что ты рассказывала?

Ганна Іванівна: Ну, это было, урожай было хорошо, тогда начали давать землю! Вот с братом работали в колхозе, тогда зерно давали и мы получили за год 5 центнер! За год получили зерно и деньги! Раз в году было! Получили 500 рублей, вот! А тогда такое время началось! Ну, зерно получали, деньги раз в год давали! Зерно помногу давали нам! Дояркой! Это когда уже выросла, дояркой, 24 года! Уже замужем была и работала дояркой! Работала дояркой, собирали деньги, чтоб дом построить! Там построили одну халабуду, там и дети и мы, а потом начали строить дом! Каменщики строили! Платили деньги! Кирпич покупали, лес покупали!

Валентина Михайлівна: Ну, какой, 50-е... Ты вышла замуж в 54-м! Где-то 50-й год был, 52-й! Потому что она рассказывала, она вышла замуж... В 53-м году она вышла замуж и рассказывала что, когда пришла жить сюда, до мужа, и дали ей приданое, бричку зерна! А то знаете, как старые бабки, о-о-о, вышла замуж, невеста такая богатая! Много зерна принесла! Оно ж раньше так было! Это щас приданое, дарят мебли, холодильники, машины, а раньше зерно! Это она сама его заработала!

Ганна Іванівна: [С мужем познайомились] в клубе! Ну, его вже нема, он уже умер! Он тоже проработал в колхозе всю жизнь! Два года как умер! Все время работал, был мастер на все руки! [Главный в семье был] папа! Свекр! Да! Кто решал! Папа и мама, вдвоем! [Там деньги заработали, им отдавали], ну конечно! Я те деньги отдам свекрухе и все! Они знают что... Надо, мама пойдет, пошлет – "На! Иди купи детям пряник или что-нибудь!" *[Нерозбірливо]*. А Леша, ну так уже пацанчик, так выйдет на улицу, а не знаем где он, я пришла с работы, работала на огороде! А он говорит: "Ты не будешь обижаться, что я пошел в магазин и купил "Красную даль!" И мама, он зашел купил, она ему, пошила шаровары эти. *[Нерозбірливо] [сміється]*. Я говорю: "Чего я буду обижаться! Взяли – взяли, хорошо!"

Валентина Михайлівна: Мать познакомилась с отцом, а у ней парень был, любовь тоже ж! Та тоже в селе, он сельский! А отец считался как с более такой семьи богатой! И бабушка сказала, дедушки уже не было: "Любишь не любишь, а ты за него замуж пойдешь! Потому что, так ничего, из такой семьи хорошей!" И все, и она вышла себе замуж! И все! И поженились без любви, и у нее был там, она еще мне рассказывала, был парень все, любила и не дали выйти за него замуж! А ее старшая сестра сказала: "Нюра! Как сказала мама так и будет! Миша хороший парень, у него семья хорошая, пойдешь за него замуж!" И мать плака-

ла, плакала! Ну, потом согласилась и вот такие дела! И прожили с ним 48 лет! Не любя! Нажили троих детей! Так и жизнь прожили! Раньше [на свадьбе] гуляло все село! У нас так, если у кого свадьба, гуляет все село! Поросенка режут, гуляют весь квартал! Я помню, пацанкой была, ну, тогда, держали поросят много тогда! Ага! Зарезали мы сегодня одного, ну кабана, собрали человек 20, сели, значит, поели! Потом, следующий, и вот так и жили люди раньше!

Ганна Іванівна: [Раньше еще были сидянки]. Пряжу пряли, шапочки вязали! То вышивают! Света не было, при лампах! Те кондило! Поедешь все в белом одетая, хустка, а мама говорит: "Ты щас придешь черная!" А если каганцы, ватка там и слать! Прихожу кофта черная, все черная! А потом начали лампы появляться! Говорят: "О, здесь лампы светят, наверно, богато живут!" И вечеринки собирали, там, где я жила, в нашем доме, девочки! Вечеринки собирали девочки когда были, голод уже не было! И пьяных не было, никогда, чтоб мальчики пришли на вечеринку, чтоб были пьяные!

[Приходили хлопцы], конечно! Мы вяжем, он берут, те клубочки держат, и девушки песни пели! [На сидянки ходили] с мамой то когда, а так все сама! Сегодня в нас сидянка, завтра уже на другом месте, а потом и...

И в клубе ходили! Кино смотрели там! *[Сміється].* Танцы были в клубе! Баян! Баян! Аккордеон! Тогда ж не было музыки так как щас! Ну часов в 8... так где-то часов в 8! Ну до 12! Мама говорит: "Смотри, раньше приходи! Утром подъем!" Да, особенно по выходным, субботу, воскресенье! Ну, были, по-моему, два раза в неделю! Придешь со степу наморенная, помоешься и ляжешь себе отдыхать! Утром надо рано вставать! Было хорошо, было и плохо!

[Как оженились, жили со свекрами]. Пять лет! Пять лет жили и они умерли, вдвоем! А мама говорит: "Иди приведи козу", – у нас коза была, и он пошел привел ее, на песок! А сосед кричит: "Дядя Миша! Иди до отца!" А когда вышли, все – он уже готовый, умер! На песку лег и умер, сердце наверно остановилось! А свекруха, тогда коровы у нас не было, купили, и она растелилась, а я работала в телятнице! И я говорю, сама такая маленькая, худенькая была, я говорю: "Ма! Я пойду, – я на телятнице работала, дети маленькие, – пойду напою телят и буду доить корову!" Она тут с бабами сидела! Ну, я пришла, доила, смотрю, мамы нету! Ага, думаю, уже доит корову! И пошла, она как доила корову, и она уже лежит, уже умерла! Я пошла позвала, и муж, говорю: "Иди, мама лежит!" Бабы пришли, она уже готовая! А у мене папа умер вперед... а через сорок дней мама. Ну, на второй день хоронили! На вечер она умерла! Так и папу тоже, после обеда умер... Илюше было 5

лет, а дочке было 2 года. Вот, у нас оставили, дом старый, все старое, давай снова собирать! *[Нерозбірливо]*. [Ну похороны], ну как?! Поехали на море, привезли судаки! Вот такие! Хлеб! Ну, похороны, и там собирутся... Чубаки! Рыба! Там на петлю, в печку! Болгарская печка была у нас тогда! Ну, похоронили, поминки сделали!

[У нас утром первым встанет] папа! Тогда у нас еще корова была... та, что... Пойдет покурит! На улице он курил, потом и мама встает, и я встану! Корову подоить... Собираемся в степ, полоть! Да! Я встала, оделась, все! Мама собирает мне сумку, положила мне целую сумку! Ого! "Кушай! Ты работаешь! А мы сварим, потом сварим!" И бутылку молока, хлеб! [Позавтракали]. Да! Молоко, поели... Мне завтракать никогда не хочется!

[А в детстве какие игры]. Вот это ползем, тогда ж асфальт не было, а как оно сказать... делаем себе баштанчик, на кучки отак, отак! С пыляки! Делаем себе и охраняем! Бегаем! Как зайдем в дом, только зубы были, а то вся черная! И мне: "Хватит тебе! Иди мама блинчики напекла!" А я с руками такими немытыми за стол! *[Сміється]*. Еще играли, сядем отак на камушки, кидаем и играем! А так другое ничего не делали!

Фуклєва Ірина Федорівна, 1928 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Меня зовут] Фуклева Ирина Федоровна, 1928-го года рождения. [Девичья моя фамилия] так же и Фуклева, потому что мы что-то не расписались, я была в сельсовете, я так ни с кем не расписывалась. Вообще не расписывалась, даже ручки не брала! Я не была в сельсовете насчет росписи... *[нерозбірливо]*. Так себе с девичьей, как родилась. А потом было хотели расписаться, мы не расписывались, а дочка принесла *[нерозбірливо]*, а дочка перешла на его, Гогунская, на хозяина. Там судом, чи шо там перешла...

[Свадьбу не сыграли, так...]. Так и отдали! Это было в пятьдесят третьем году, в пятьдесят третьем. [В сельсовет не ходили]. Не ходили совсем! А я ж там жила, не тут же! Это я у дедушки переживаю, у отца. [Отцовский дом...]. Нету уже его, он валился, я потом уже там не была, тут жила, у хозяина. Этот дом отец строил, мы ему помогали все. А потом, трое сестры в городе, тут не хотели, а я всю жизнь в колхозе.

[1] Опитування провели С.І. Пачев, В.М. Пачева (3 серпня 2004 р.).

[Родители] не жили с ними, [бабушкой и дедушкой], я их не помню. Мамину, чуть-чуть, как во сне, бабу. А папи, мама вообще свекруху не застала. Ни свекра, ни свекруху, сироты были, барашки пас. Отак было, я их не знаю. Сестра старшая была в Германии, щас в Запорожье, даже я ее жду. А меньшая, она умерла, от. Две старшие. Вторую не забрали, уже там была, но не забрали ее, потому что наши пришли в Германии. А старшая, была б она щас живая, она работала на фабрике, тут у нас соседи получили такие деньги... *[нерозбірливо]*.

Ну война ж, победа! Я еще в сорок четвертом... При немцах работали в десятках, потом, когда они уже в сорок третьем отошли *[нерозбірливо]*, потом уже в бригадах, в колхозах, уже наша власть, все. Ну, помоему, в октябре наши пришли! А как я помню, как наша власть пришла? А мы пришли с этого... тогда было десятки, при немцах, пришли с работы и дед один там, дедушка Федя, старый: "Ой, идемте-идемте, наши, красные идут! – тут была, как на Приморск едешь, справа была как могила, и все говорили, до Большой Могилы. – Идемте, наши, красные там идут!" Ну и мы идем, идемте, букеты нарвали, осенью. Ну пошли... Пришли мы с работы, там болтуху дома ели, с этого, просяное, оно не сеянное, так с щавелем, так с водой размешали, все сварили так и ели. Пришли поели, когда, смотрим, идут с Верхней улицы, какая это улица, подожди, вот это Коминтерна, потом Советская... С Советской улицы. А мы говорим женщинам: "А чего так, с краю заходят?" А один верхом пришел к центру, сюда, и он [пошепки] говорит: "Шоб не было немцев!" И эти посидали, эти солдаты, наши мамы стали делать... наши мамы...

Когда пришли, от эти солдаты, понасидали от так, ну от так, у нас где дорожка. Заросшие, порваные, грязные, волосы до этих пор. А наших мам, муж в Германии, у меня сестру брали в Германию, нету их... Кто мамалигу не любить... Мамалигу... *[сміється]*. Вода кипит и кукурузная мука бросаешь, и потом еще как покипит, от так на столе его, накроем как хлеб... Мамалыгу кто несет, кислое молоко кто, этим солдатам несут.

И с гармошкой, хорошо помню с гармошкой, и понасидали, а этот верхом уехал, в центре. Потом жители рассказывали, что-то он пришел, что-то им сказал, не знаю. *[Нерозбірливо]*. Тики сказав солдатам, они в строй и пошли в центр. И этот с букетами, с ними идет: "Идемте-идемте!" – некоторые пошли с ним, молодежь. А мы только пришли с работы, грязные, а платья полатканые... Ни рубашек, ни платьев, ничего нет! И так и ходили. А потом уже все, потом уже наша советская власть пошла. Клуб открыли, стали понемногу по килограмму хлеба

давать на двор. Помню, мама придет, нам его на такие кусочки порежет, черный, а мы его, сидим, как мед.

Я вот заболела, на коровниках работала, председатель Полукчи в садик меня перевел, говорит: “Хоть до пенсии доработаешь!” Так и доработала. Это ж дети, хлеб бросают, бывает и на пол упал, я всегда нагиналась, забирали его. *[Нерозбірливо]* нет, выкину его в помойное ведро, только чтоб не валялся. Мы тогда не то шо, вспоминаем, черствый... А в степи работаем, мы прицепчиками, воды хочется, как пойдешь до кадушки, шо от трактор заливает. Когда, она сверху жирная, ну как масло, так... *[дмухає]* ...и попьешь! Потому шо за воды *[нерозбірливо]*. И так и прожили. Прожили.

Да. ...Косили такой вот овес, ой, Боже мой, рожь! С коровами, *[нерозбірливо]*. “Девочки, вы впереди, четыре коровы, две и потом еще две, с цепом”. И знаете, ярмо, ярмо одевали на коровы деревянное, это от тут так... *[нерозбірливо]* мы ничего не сработаем, мы удрали, да и все! От так и работали. Амбар... А с коровами возили хлеб с кадушками, мешков не было. А там, в Елизоветовки, на Трояни, с мешками на спину носили податки. Ну а с ними было два колхоза, это уже второй колхоз. Там “Коминтерн”, тут “Ленина”. Ленинская одна женщина, тетя Аня, сзади нас с коровами, две кадушки и мы впереди, тоже две, вино на Елизоветовку. И когда вертались, у нее корова сдохла на ходу, от как ишла, упала и сдохла! И мы ушли, а потом, видно, забрали. От так и прожили.

Потом, в сорок четвертом, в сорок пятом, в сорок восьмом, в сорок девятом уже не так был. В 50-м году уже был и хлеб, по такие куски давали, в степу, записывали, а там контора тебе высчитывает. Много, очень много мы ходили на море за рыбой, море очень спасло. Тюльку, ходила... Одна сегодня встанет сестра, другая завтра. С мамой по селах меняют, за соль, за что, за все, кукур... Рыбу. Кукурузу, за горох, кто шо дасть. Кто что дасть. Очень трудно. Я щас часто вспоминаю, один день не кушали и не могу...

[В десятках как работали, старший был в десятке...]. Есть мужчина, такой как папа, папа с девятсотого года, ну тогда он не был такой старый как щас. Он тогда был такой, сорок лет, дядя Коля, он умер, Хаджийский, в Приморске. Он был десяцкий у нас. Да, Паша смеялась все время, будем полоть, говорит, и я с *[нерозбірливо]*: “Пошлите полоть семечку, айда, а то придет десятковый!” А десяткового, а он был еврей, сын тоже с нами работает: “Знаете что, девочки, давайте, пошли! А я сяду, нарву, от это цветы, шо желтенькое, шо беленькое цветы, на вас сплету венки!” А другая говорит: “Чего ты будешь плести венки, а полоть кто будет?!” – “Ничего, ничего!” И все время плетет нам венки,

связывает от так, как на голову, шоб не полол. Такой был, тоже наш возраст. Что еще вам сказать...

[До того как советская власть пришла, при немцах, с нами жил отец. А когда отошли немцы, уже советская власть, уже забрала в Гурьев, строить]. Тоже, так шьют, у кого специальность, он говорил, собрали их, у кого какая специальность, кто шил, кто портной, разное. В Трудармию [забрали] отца, а как удрал... [Ушел с поезда]. И вернулся домой, ночью ходил по скирдам ночевал. Ну так, советская власть, как немец ушел, пришла советская власть. [Машинку, вот эту, швейную, отец] сам себе куплял, ту машинку, которую ему, а дед ему, не дед, не знаю дед куплял ли, нет ли, но мы ее в голоде, меняли брали и уже отдавали, лучше у него была, лучше. Они ее, понимали, которые работают, шить, а я ж то не понимаю, мастера так... *[нерозбірливо]* пишет маме: "Дуся, давай, машинку бери, хуже ниче. Я приеду, купим другую, только детей спасай от голода!" [Это в сорок четвертом году...]. кода он был в Трудармии, да наша советская власть.

А мама вже рассказывала, что когда, это *[нерозбірливо]* Федорович рассказывал, он умер, вы его не знаете. Мама этого рассказывала... Я, говорит, женился в 47-м году, Это мы там соседи были, на свадьбу смотрели. В такой рубашке, спереди ничего, а сзади другая поясница, спина. Другой материал, чи платья, чи с чего, говорит. В общем, он тоже в Германии был, очень, говорит, плохо. Но, когда, говорит, приехали с Болгарии... А *[нерозбірливо]* Федорович Ганев. Он и председателем был, партийный был. Та он, чи год, чи два, как умер. Он очень был за этого... приехал с Германии, был тоже... А брат приехал и умер, даже месяц не жил, умер.

И он на сцену рассказывал, на день села. Он говорит, когда приехали с Болгарии... *[нерозбірливо]*. Мама когда умерла, ну ее дед, она уже замужем была, когда он умер. И рассказывал: "Дуся, иди расскажу вам... Я приехал в двенадцать лет с Герман... с Болгарии. Полгода ишли". Тут один, в центре, вы не знаете его, возле автобуса, тоже такой как папа, его дедушка, привез шестьсот штук барашек! С бриченками были. В дороге... Тут у моей подруги, дед, родился в дорогу! Кто еще что рассказывали...

А! Полгода шли, как ехали сюда, тут очень много, мама говорит, как бабушка говорит, гадюк было очень много. Говорит, сделали саман, собрались и ото времяночки сделали, чтоб хоть перезимовать. И мама говорит, бабушка рассказывала, от так лежанка, у болгар, такой на всех, лежим. Встали, бабушка: "Вставайте, будем убирать!" Встали, бабушка подняла, а она, хоп! Гадюка! Под ним была, так очень много их было! *[Нерозбірливо]* рассказывал, очень много было. И говорит: "Ой,

– я говорит, – сколько прожил, восемьсотых годов, не знаю, не могу говорить, но вот это изучал очень много, не видел его...”

А тут у нас есть... А, вот ботевская есть вода... Вот, наш водитель тут ездил, я говорю: “Слушай, Андрюша, а вы не спрашивали, как эта вода?” А моя мама говорит, что ей было десять лет, когда вот этот фонтан, в Ботево, копали.

Драгинко, это мужу брат. Менший, если большой, бате, будешь говорить. Если меньший, драгинко. Если сестра старшая, како будет говорить тебе, а если меньшая, кали. Там, како, тоже како. Там кака и *[нерозбірливо]*, как ее мужа звали. Како Миколица, или как...

Да. От это его жена говорит ей каку, если старшая, если меньшая, булка. А так он... Она говорит, что: “Мне было двенадцать лет, когда вот этот фонтал копали”. Она сама ботевская. Мы долго *[нерозбірливо]* а мы на край села бегали, смотрели, фонтал. Ну в каком году, она не грамотная.

Тогда копали, так сколько же она может быть. ...Ботево, от тут Орловка. Не, она сама с Ботево, вода. Орловка, Райновка, Петровка, вот это чистые по-болгарски... Степановка, там пьют такую воду, а у нас все привозят. А у нас очень хороший колодец в степи был, все его знали. Мама говорила, что ее дед говорил, что очень много пасли барашек, раньше еще, молдаване и они его копали. Он такой глубокий, там наш табор был. От так посмотришь, чуть-чуть *[нерозбірливо]*, но вода... холодная. Помню, мы ночевали там *[нерозбірливо]* там в поле и идем на работу. На работе в обед, флаг подняли, обед, идем стираемся, ну вода бесподобная. И хотели его чистить, *[нерозбірливо]* не разрешили с Приморска, что, мол, бризгают селитру, а это все сливается, ну и от тудаво берут. *[Нерозбірливо]*. Ну как ботевская.

А село, мама говорила, дед говорил, хотели его поставить... там, где блок. Туда к речке. Но не разрешили, недалеко от моря, просто не схотели, а потом сюда. *[Нерозбірливо]* идешь на Инзовку, в брод, оно не глубоко...

Фуклєва Зоя Антонівна, 1929 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я родилась в 1929 году]. Я щас Фуклева пишусь, а моя фамилия Милева! Папу звали Антон Алексеевич, он был [190] 9-го. Папина фамилия была Милев Антон Алексеевич. [А отец как... не было индиви-

[1] Опитування провів Р.Л. Молдавський (3 серпня 2004 р.).

дуальное...]. Он немножко было захотел, но у него... он был парубок, он захватил немножко дом! А потом когда уже поженился, уже собрали колхоз, они работали в колхозе! Он работал, папа, ветврачем работал! А мы на молочке работали, а папа в колхозе! [Папа] учился, конечно! Где, это я не могу сказать. Ну учился, и вот работал в колхозе ветврачем.

Маму [звали] Мария Федоровна, мама была с [190] 6-го. Мамина [фамилия] Вербанская Мария Федоровна! Фамилия девичья Вербанская была! [Это не родственница этого Вербанского, что у нас тут улица есть]. Вербанских много, много! Нет, не все родственники. И Фуклевых много! Ну мама говорили, что ей было 19 лет как они поженилися. Она с шестого года, и вот 19 лет, считай! Я родилася, ну нас было только две! Она 28-го, а я 29-го! У нас больше детей не было!

Дедушка... Папин отец, звали его Алексей, а баба... как ее звали, папина мать... Анастасия! Отчество уже не помню! А мамин отец, Федор его звали, а бабушку Мария тоже! [А какого года рождения были] не могу сказать! [Они преславские были]. Но когда их уже населили здесь, это бабушка мамина рассказывала, что когда их поселили здесь, тут было порожнее это место! Они привели маленькие дедушка, это еще дедушкин дедушка! Они их сюда привели... откуда они были?! Это откуда они переселилися, это дедушка и начали уже здесь жить... Ну это не Ташбунар. Ой! Щас уже голова не работает! [Так за переселение бабушка] ничего не рассказывала! Рассказывала, что жили хорошо! Где они сразу жили?! Строились наверно! [У деда большой дом был] такой как щас наш! Крыша черепицей, не шифером, а раньше черепицей! Раньше не было забора! Кругом не было никаких заборов. Открыто все и никто не зайдет! А щас кругом заборы и замки! На калитке даже и все загорожено и все равно ходят и воруют!

Мой дедушка пас барашек! Сразу, ну жили индивидуально, а потом колхоз! Пас барашек, дедушка, а бабушка работала на общих работах! В колхозе! [А до колхозов] она была индидуал, они собираются, там едут, молотят каждый себе! Раньше так было. А сейчас никак, щас всякие... как их... покупают землю! А мы плотим, плотим за эту землю! Приватизировали и огород. Бабушка... Раньше было хорошо! Старики, нигде ни баров не было, огни себе дома, собралися на улице! Сидят себе, не пьют, то Боже упаси! А сейчас... и вино есть у каждого во дворе, все равно ходит по барах! А, бар это баловство! Я так думаю! Бар для молодежи, работы нет...

Мама идет хлопок собирать, и я хочу с ней идти хлопок собирать! Ходила с ней, помогала! А потом мама и папа начали ругаться, что мы в школу не ходим, что нас штрафовать будут, что мы в школу не ходим,

чего они нас в школу не пускають! Они должны нас в школу пускать, а мы не хочим! Ну, идем мы в школу с сестрой, а я говорю: “Ма! Ну придем мы в школу, а нас там оштрафуют, что мы придем в школу!” Это [оштрафует] колхоз! Сельсовет! Это когда мы пошли в школу. Мы пошли в школу, это перед, я знаю, что мы учили немецкий, это уже перед войной. Сколько там мне было?! Ну, я знаю, что я была уже большая, когда немцы были. Мы учили уже при немцах Закон Божий. [В школу] ходила, четыре класса! Сколько мне было?! Наверно, лет 8 или 7, вот так! Четыре класса окончила и не хотела в школу, а хотела работать! Охотно пошла [в колхоз]! Я не хотела и хлопок собирала! Хлопок раньше был, не хотела в школу ходить, идти в колхоз работать! Вот такая была дура! И вот работала, пока вот до пенсии! Учились на русском. Я не знаю, раньше учились на болгарском или нет. Мы когда уже пошли в школу уже на русском. Даже учили и закон Божий, нас учили уже, а раньше не знаю как.

Как колхозы образовывались я не помню, это они образовывались, когда уже мама и папа поженились! Чи, когда они поженились еще не было колхозов, было еще индидуално! Потому что, мама рассказывала, папа рано утром встает, привозят в степу, вот это снопы... пшеница! Они его котят, а дома уже молотят! Молотят как?! Вот во дворе заслали, а камни, такие большие камни были, и вот так едить кругом и об камень бьется зерно! Потом они его перетрусят, подберут, там веялки! Веяли, так это я запомнила! А так другое я не запомнила! А потом там колхозы!

Были и кони, и коровы были, хозяйство было! [Они ж в колхоз пошли, это ж позабирали!] Сдали все в колхоз! Ну раз уже так сделали, уже собрали колхоз! Куда уже денешься! [Ну, были такие, что отказались]. Многие были! Есть такие раскулачивали! Богатые кто жили, раскулачивали их! Наших нет, они не сильно богатые были! Ну, для себя все было. Все было! [А раскулаченные...]. Выселяли их! Из домов выселяли, все забирали! [А куда потом дома девали?] Кто знает?! Не знаю. Може, продавали. Не знаю! Вот пришли, говорят, и выгоняют и забирают все! Выгоняют, забирают! Некоторые вернулися, а некоторые и не вернулися! Так и осталось.

Помню [голод, 33-й год], конечно помню! Я была маленькая, папа принесет семечки и поделит нам. Та мы с сестрой так кушаем... *[плаче]*. ...Было и хорошее, и плохое! Мы были еще девочки, еще маленькие. Чего был [тот] голод?! Не было и все! Был голод! Не знаю! Ну, мы так чтоб голодовали нет, папа на такой работе работал. Его вызывали, то частники вызывали, то корова, то там... то поросенок больной, то барашка там! И он ходил их там лечил, ему там дадут, что дадут. Он нам

принесет, мы не так сильно голодовали, но все равно! Голод был! Умирали! Мама, мы не здесь жили, на той улице, на краю жили, и пришла там соседка, сын умирает, голодный!!! Голод! Мама говорит: “Я взяла, подоила, – корова была у нас, – подоила корову! Отнесла ему, дала молочко, немножко хлебушка!” Ну голодный, умирает от голода! Мама подняла этого мальчика, так ее благодарили, не дай Бог! Некоторые вообще умирали с голоду! Вот моя тетка, мамина сестра, она от голода умерла, не было ничего, а детей было... шесть-семь! Ну и мама говорит, пошла она в колхоз, послали ее белить клуб! Ну не тот клуб, а там собиралась бригада. Она пошла побелила, это зимой было, а дома была посоленная капуста в кадушках, и замерзшая. Она пришла и ест вот эту капусту, другого нема ничего! И застудила желудок и заболела тифом! И умерла и оставила этих детей! Один живой, ему 80 лет уже, он в Приморске живет, брат мой двоюродный. А те дети поумирали.

[Это в голод люди работали точно так же!] Работали, кто может работать, нехай выходит и работает! Хоть бы дали, хоть чуть-чуть, детям! А щас все есть! Некоторые [и в школу] ходили, но я была маленькая, еще не ходила в школу! Но вообще ходили! Мама, например, ходила, а тетка моя, она не ходила, она меньшая материна сестра, она не ходила, она неграмотная была, но на деньги ее не обдуришь! Не грамотная была, уже замужем, дети приходили ее учили, ихние дети, два мальчика было! Я их няньчила, они идут на работу, а я с ними! И ото хлеба немножко, сахара, сама пожую и ото в бинтике даю ему кушать! Отакое было! И вот тут мухи его облезут, и он сосет, голодное, и страшно и рассказывать!

Море помогало, кто могли ходить на море, и рыбу ловили! Меняли, там тряпки у кого шо есть, какие-то меняли! Там те, кто не могут ловить рыбу! Папа на такой работе работал, что другой раз принесут ему там, бычки пять-шесть штук или раньше был судак, или не судак, а это... чодак! А щас я и не помню, когда я быка того видела! [Меняли] у рыбаков! Отнесут там что или лук, они дадут тебе немножко рыбы! Если есть квасоля, дашь там квасоли, они тебе немного рыбы! Ну, както люди выручалися! Некоторые жили богато, а некоторые так! [Были такие, что не голодали]. Ну, были богатые и не знали, что это голод! У них все было! Когда уже их раскулачили, забрали и вывезли и все! Дома оставили, все забрали с собой и вывезли! Как нам рассказывали, я не видела этого, ну мама, бабушка!

[Война когда началась, мы в селе были]. Ну, мы не здесь жили, мы жили на краю! Там через улицу, на тот край! Выгоняют румынцы коров и все! У нас корова и поросенок, мы все оставили и хотели эвакуироваться с села! А потом папа до соседей пошли, они заховалися и нас

сховали! А я, девочка, вышла на улицу: “Забирают наших коров!” Мама мне кричит: “Иди сюда, а то и тебе заберут!” Я вот стою, а они: “Есть корова? Если курка, если яйка – хорошая хозяйка! Нема курки, нема яйки – нехорошая хозяйка!” И забрали корову и она побежала корова там за селом, и вернулася! Прямо там где жили, вернулася! А поросенок наш, там в шалаше, а корова вернулася! Мы никуда не уезжали, так все и прошло!

Были румынцы и немцы были! Ну относились... Вот тут, где у нас щас больница, вот тут немцы были! Ну, не знаю что они там делали, просто остановилися и там. Потом они побыли сколько и ушли потом отсюда! И румыны были, ходили по селу, ночью ходили. И одного били, он играл на гармошку, ну так, где девчата собираются себе вечеринки, а его зовут, чтоб он поиграл. А румынцы как узнали, где вечеринка, как пошли, всех девчата отпустили и хлопцев, а его оставили, и били так, он синий пришел домой! Румынцы так били! А что он играет, не разрешает. Не разрешает, чтоб на вечеринке играл! А он играл, а девчата его и просили, чтоб он поиграл. А румынцы закрывали и окна, чтоб ни света не было ничего. Чтоб не знали, что вечеринка у кого-то там. А тут они ходили по улице и увидели, и зашли! Выгнали этих девчат, а его били, чуть не убили! [А были такие, шо с румынцами дружили]. Были, были! Были такие девчат, что и замуж выходили за румынцев! Были такие девки! Мы так говорили, ну там девчата или мама, папа, тетки там придут, сидят разговаривают, а мы слышим что говорят: “А та вышла за румынца и уехала!” Хотела, наверно, румынца!

[Румынцы в доме престарелых жили]. Ну... Мои дядька и тетка жили в доме престарелых, шо я няньчила ихних детей. Сестры дети, я их там няньчила. Щас дом престарелых, а тогда как он назывался... ну, не дом престарелых... фирма какая-то называли... Я там была, там ночевала, наши как зарежут поросенка, наши как приедут, а я хочу домой, поехать домой с ними. Меня не пускают, остаюсь я у них. Это ну... прошло время... Они там жили, там работали. Сад там был, работали, сеяли, это вот пшеницу! Это как колхоз, только там фирма какая-то, мы называли так “на фирме”!

[После войны в колхозе работали]. Я в колхозе начала и до... Так в колхозе всю жизнь! Телятницей [работала], на общих работах работала, потом телятницей! Давали на трудодень, давали в конце года! И хватало! Тогда на трудодни было лучше чем щас! [При Хрущеве платили] и налоги, и облигации! Мы пойдем в степу, нас не пускают, пока мы не подпишемся на облигации! Папа говорил: “Не пишитесь, потому что денег нету!” А они нас на работу не пускают, пока не распишешься! Вот мы подписывались на облигации! И то хорошо было, я там себе,

сколько оставлю денег, было что купить, и одеться, и обуться! А щас?! Все есть, а не хватает! При Брежневе [было хорошо]! Да! Мне кажется, что он был такой... Все было! Я себе оставляла на черный день, деньги получала 50 рублей! А сейчас, добавляют и ничего не повышается! Что я вижу, ничего!

[Бабушка] говорили, мы еще девочки была: "Вы когда встречаете, как выйдите замуж, встречаете своих мужчин, мужиков, чтоб ты всегда была веселая! Что не была суплиная!" Бабушка все как рассказывала, всегда дедушка приходит с работы, она встречает, улыбается! Красота! А сейчас, не! Молодежь. Щас молодые так, я свекруха, а невестка щас должна быть свекруха, а я невестка! Это почему... А раньше, невестка потеряет свою любовь! Только мать и отец! Деньги получают, деньги у них! А щас деньги у каждого должны быть, молодежь! А раньше нет! Хозяин, вот папа хозяин, работаю я, получаю деньги, я отдаю папе, маме! Все они распоряжаются деньгами! Что там надо покупать, они решают сами! Ну, мы девочки, тоже невестки были, ну я не хочу просить у них денег, потому что не хочу ругаться из-за денег! Они хочут сами себе! Она мне дает, я говорю: "Вера, я ваши деньги не хочу! Собирайте себе, покупайте что хочите..."

[Мы вот встречались с мужем пока... до свадьбы...]. Ну, как родители?! Мы специально... нигде вечером не ходим! Отак на улице, на углу, девчата соберемся, там спиваем, и хлопцы придут! Ну и вот так и полюбилися друг другу! А потом он прислал своих родственников, чтоб засватали ж! Папа и мама непротив были! Люди хорошие! Ну и отдали меня! [На свадьбе, шоб целовались с мужем...]. Никогда! Такого не было! Только после свадьбы, там чтоб старики не видели! Это мой сын.... Когда садимся за стол, он ее и обнимает, и целует! Мама мне: "Ты скажи Васе, когда папка здесь, чтоб он ее не целовал!" Ему неудобно, что целуются перед ним, старым! А сейчас не, целуются, обнимаются! А раньше не! Стыдно! Чтоб поцеловаться перед матерью и отцом, это не! [И на улице когда были...]. Никогда! Никогда не целовалась, я и сейчас стесняюсь! А раньше, чтоб поцеловались! Раньше и хлопцы были такие, щас хлопцы не такие! Отакие дела!

Говорили, хорошо делали свадьбы! Делали! Я вот когда делала свадьбу, балаган был аж вот от собаки и до вот кирпича! Вот это балаган такой, хорошо делали! Людей, наверно, сто человек! Я и подарки покупала и дарили! Ну, такой обычай у нас был, подарки покупаем, дарим! [Вот как мама рассказывала...]. Ну конечно, сразу их засватали! Придут, отец пришел, засватал их! А потом было, ну у нас делали, гудеж! По-болгарски говорят! Засватали, уже там собираются самые свои! Выпьют там, покушают! А свадьбу уже через неделю или как они

договорятся со сватами! Сваты, ихние сваты. Родственники! Кого посылают сватать! Своих родственники! Вот если у папы был брат, старший, уже женатый, зовут брата. Папин отец, зовут своего брата там. И то сестру, то мамина, то его. Самые близкие родственники собиралися и идуть сватать! Отак делали. Отдельно [гуляли свадьбу]! Сразу гуляют, потом идут... Это раньше свадьба была только воскресенье, а щас субботу, воскресенье и кончается! А раньше только в воскресенье и понедельник! Они приходят в воскресенье невесту забирают, гуляют у невестки, в это время, невестки дарят ей, все тут наши родственники и ведут уже у жениха! А у жениха там тоже самое, ихние родственники дарят там им подарки! Там они гуляют! Потом, там сколько времени пройдет, вже мы, наши идут туда! У жениха, они уже родственники, уже идут туда гулять! Гуляют там до 12 часов и расходятся!

На другой день, они собираются, перевденутся, там наряженные, ходят там! И по улице, катают! Вот эти ж молодые, катают старых! Вот, например, я свекруха, невестка и мой сын, на другой день, бричонок возьмут, ну обычай такой был! Берут бричоночку, возят меня, там подстилку постелят, подушки. И катають аж до магазина! Наряженные, мужчины наряженные в женские одежды, жена одетые в мужские, ну чтоб было весело! Интересно было! А щас... Ну, конечно, [папа] решает, но дочку спрашивают, вот пришли они сватать! Папа ему говорит: *[нерозбірливо]* Смеются! Они ему говорят: “Мы хотим купить телку!” Так говорят! Ну, так-так! Вызывают ее, спрашивают: “Ты его хочешь?” Нет, сразу спрашивают у жениха: “Ты ее хочешь?” Он говорит: “Да!” Спрашивают у девушки: “А ты его хочешь?” Она говорит: “Хочу!” – ну раз вы хочите, то раз так и так! Собираем, делаем свадьбу, живите! Ну, там они уже свое говорят, чтоб слушали стариков! Папу, маму, почитали старых! И все!

Ну а если б не хотели, не пришли б! Ну, как не хочет, если они договорились уже! А бывает, знаешь как, баба рассказывала! Ну, вот живут две сестры, ну одна нормальная, а другая, ну, некрасивая! Вот мне рассказывала бабушка! И вот пришли сватать, до этой пришли что хорошая, а до той нет! Они пхнули ту плохую, жениху, а ту оставили! [Он не видел, кого брал!] А вот так!!! И жили! А бабушка говорит, когда утром мы встали, а они пришли и говорят, что не та! Не ту невесту взяли, которую он хотел, а отдали ему ту, другую, что она, никто до ней не ходит! Потому что она такая, ну больная! А эту взял! И жили! Грех был отказаться от этого, что женился, а теперь брать другую или вертать ее!!!

Это еще, мама нам рассказывала, но при нас уже не было этих церковь! А бабушка нам рассказывала, мама нам рассказывала, что дождь

нету! Они идут все в степ и читают молебен, чтоб дождь был! И бывает, сбывается! А щас они не верят, а я верю в Бога! Я верующая женщина! И в церкву хожу! А молодежь щас нет, даже смеются, что мы ходим!

[На Рождество, например, колядовали]. Ходили, но я маленькая... меньшая была! А мой муж, он старше меня был на 4 года, он с 25-го! Ну, ходили на Рождество и пришли до нас, а он со мной встречается! Пришли до нас, а мы печем каравай, ну и должна дать им, чтоб зазывать в дом, они спивают, кладу там, и я беру этот каравай! Отакое было!

А раньше [жениться с кем там] не давали! Только за своего! Я болгарка, я должна взять болгарина! Если русский, значит должен взять русскую девку, если болгарку возьмет, то там такая ругатня!!! Не дай Бог, чтоб он взял болгарку! А сейчас все равно! Мой сынок взял татарку! И не жили, она начала гулять, вот! Он дома с детьми, а она ходить! Начали ходить в Москву, как будто туда продавать и связалась с одним армяном! И пошло-поехало! И нашел себе жену, и теперь дома сидить! И был один сынок, и он умер! Годик только вот, тринадцать лет с половиной... и вот дите пропало!

Вот у меня дядька, он приехал с Германии, и привел оттуда, ну не с Германии, ну не русскую девочку привел! Даже еще сам остался там, а ее прислал сюда, и даже я ходила, ну не я, а мама ходила и тетка, ходили встречали ее, она приехала, без него! Ну и жила тут год, еще без него, год, он в Германии еще был, она хочет до своей сестры, писала там на родину, не знаю откуда она была, писала на свою родину, что где ее сестра! Ну и собралась и поехала! Ну, увидеться с сестрой, 20 лет не виделись: "Я поеду!" Ей: "Нина! Не езжай, може Гриша приедет тогда, с Гришей!" Она: "А! Ма! Я поеду, если он приедет, если он меня хочет, он приедет и заберет!" И она уехала и так она и не вернулась! Потом он взял нашу, болгарку! А есть такие, что и из Германии, и в Германии женилися! А были такие, что и оттуда приехали и не с хлопцем, а с детьми приехали девушки! Там родили!

Это вот у моей тетки, маминой сестры, муж, у него брат женился за немку! Как война началась, ее эвакуировали, там она в Бердянске, и там в Германию! Щас они уже там поумерали в прошлом году, позапрошлом! Она немка, а он болгарин и там они поумерали! А дети у них, двое здесь в Бердянске родились, а один в Германии!

Церковь хорошая у нас! Мама рассказывала, бабушка! Церковь была самая... Все говорили: "Золотая Инзовка, серебряный Преслав!" Наша церква была самая красивая! И разбили ее! Кто был начальник в сельсовете, и разбил! Я помню, чуть-чуть помню, папа ходил, пел, и я

собиралась спивать тоже! Мне нравилось! Отпевают и мне... верую! И батюшка порой, спрашивал: “А вы по праздникам работаете?” А я говорю: “Батюшка! Я девкой была, мама как скажет, а вы девчата, вам можно работать! Сегодня праздник такой, что вам можно, а я не!” У меня болит душа, чтоб я взяла и это делала! Никогда! Если я знала, что праздник, ну а если не знала, то пусть Бог меня простит! Сегодня согрешила – работала! А сейчас не! [Раньше все так придерживались строго]. Которые верили, они придерживались. Так и сейчас, кто верит, придерживается! Которые не верят, не придерживаются! Вот наше село какое большое, а самое больше в церковь ходит 15 человек!

А раньше... Мама как рассказывает, у нас на праздник, Храм, вот щас он у нас будет 28 августа! На Богородицу, Пресвятаю Богородицу у нас Храм! Мама говорит: “На Храм, мы все пойдем возле церкви, специально, сельсовет кормит одного бугая, на этот день! Его режут, варят курбан, все потом кругом церкви садятся, и каждый себе, там тарелки, насыпает, кушают, потом расходятся! С церкви расходятся домой, гости приезжают, угощают!” Раньше вот! А сейчас некоторые придерживаются, а некоторые нет! Я, например, если знаю, то всегда придерживаюсь!

Полукчі Костянтин Григорович, 1930 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

Родился я в Бердянськом районе, село Софиевка. В 30-м году я родился.

Значить, во-первых, учеба у меня была. Но дело в том, что это сейчас сложно учиться, а тогда, в те времена, те кто желали учиться, они учились. Им государство помогало всячески. Я работал, я кончал в свое время, учился, партийную школу. Крымское, потом была Одесская, потом окончил высшее партийное... Потом окончил в КИНХ, экономический факультет. От такое. А начал я учебу свою, фактически, после армии. Демобилизовался с армии в 55-м году.

Семья [у нас] небольшая была, два брата, я. Брат старший, две сестрички, отец, мать. Годы страшне, это для вас не новое, я просто не хочу о них вспоминать, потому что страшнее не бывает.

Отец, он с двенадцати лет кузнецом занимался, он кузнец. С двенадцати лет он работал в кузнице. Проработал он в кузнице до семидесяти шести лет. За это время кузню трижды перестраивали, а отец мой

[1] Опитування провели Н.В. Сурева, І.В. Кучерков (30 липня 2004 р.).

работал. Потом ушел. Я с ним работал в кузне с 43-го года, немцов только выгнали, мне было тринадцатый год шел. От, я в кузню пошел и до двадцати одного года работал в кузне. Потом мне... я уже был самостоятельный кузнец. Потом его друг детства, с соседнего колхоза, председатель колхоза, приехал нанимать отца на работу в Новотроицк. Это был хороший колхоз, у нас колхоз был плохой. Отец говорит: "Бери сына, – ему говорит. – Он лучше. Он молодой, не надо ни квартиры", – домой ходить там три километра. Он согласился, говорит: "Пойду *[нерозбірливо]* с Петром переговорю, они однокласники", – ну этот председатель колхоза наш. Пошел он до того переговаривать и не пришел. Тот прибежал и разъяренный: "Что такое, – значить, – шо, уходите!" – прочее. Ну в общем, у нас будет жизнь... Я закапризничал и не схотел работать больше, вот не схотел доработать. Эта история целая... Директор школы был, значить, фронтовик, капитан Мелешко Миколай Федосеевич, елисеевский сам.

Он тоже Бердянського... тогда Андреевский район, щас Бердянський. Значит, у него был мотоцикл немецкий трофейный, он привез и говорит: "Ану посмотри, може что-то сделаешь". Акумулятор надо было, его не было, он годами простоял. Я там что-то в нем лазил, не помню, лазил. В немцов техника была и остается техникой, при любих обстоятельствах. Что я там подсушил, подчистил. Он сел, я его пхнул, мотоцикл завелся. Он мне сказал: "Тебе надо учиться, человеком будешь". И я написал заявление, он был секретарем парторганизации в колхозе. И я написал заявление, хочу учиться, отпустите с колхоза. Все против, он поднялся и говорит: "По нашей советской конституции мы не имеем права, – и прочее, прочее. – Кто хочет учиться..." Куда ты хочеш идти учиться? А я и не знаю, куда я ехал учиться...

Всю жизнь я мечтал только учиться, всю жизнь. Я говорю: "На шофера!" На шофера от колхоза поедешь... *[нерозбірливо]*. Так я стал шофером. А потом, после шофера приехал в колхоз, стал работать шофером. Председатель колхоза уже был председателем сельсовета, а председатель сельсовета стал председателем колхоза. Был там шнырь один, как в любом обществе, значить, когда от это отступали наши, он партбилет, бывший секретарь, то есть, председатель сельсовета, партбилет спалил. При немцах он туда-сюда, ниже травы, там и прочее. А наши пришли, он опять выскочил. Я шофером работаю на полуторке, а тогда был сельхозналог, платили сельхозналог. Семечки там и все, мясо и прочее, остальные. Тогда годы тяжелые были.

Поехали мы, отвезли семечку на Елизаветовку, сдали на станцию Елизаветовка, где-то тонна семечки. От, отвезли мы эту семечку, он как пошел, а там тоже его друг был, завскладом этим сразу ж и весовой

там прочее возглавлял. И он целый день пропьянствовал, вечером приходит: “Поехали домой!” Я говорю: “Не поеду.” Мы чего приехали, выгружать то, что я привез. Председатель: “Поехали, на вот и документы. На вот посмотри”. Я посмотрел, отметка, все принято. Думаю, ну нищета... *[нерозбірливо]* думаю, може и мне что-то перепадет. Я привез, все это у него дома выгрузил. Проходит неделя, я еду на Бердянськ, он: “Заедь”, – погрузил шесть мешков семечки, я продал их. Они с-под комбайна, там ядрушки, видно для знатного человека. Ну, короче говоря, призжаю, он уже ждет, деньги забрал. Раз, второй, третий, пятый раз, так шестой раз, мне ни копейки. На седьмой раз еду, он: “От, отвези еще!” Я говорю: “Не буду, не хочу больше!” – “Ну отвези и тебе достанется”. Я отвез два мешка. Подымаю мешок, продал, подымаю мешок, мешок зацепился за болт, мешок порвался. А председателевой жены, родной брат, подставил так... в карман себе. Я на другой день прихожу до председателя путевку подписывать: “Вор, ворюга!” – “Выслушайте, прямо расскажу...” – “Нет! Ты вор!” Все дела, вот я и ушел с колхоза.

Потом, когда отслужил в армии, отслужил, приехал. Работал *[нерозбірливо]* на инкубаторной станции. Меня избрали предсе... зампредседателя в колхозе, секретарем в парторганизации. Ну как-то, я не знаю. Я в армии партшколу кончал годичную, вот. А там в школу попал партийную... А меня, когда призывали, я был кандидатом... в партию.

Посоветовали в партию вступать.... Почему хотел, опять же директор школы *[нерозбірливо]* сказал: “Ты поступай в партию, дорога откроется, ты, – говорит, – будешь учиться!” А я действительно, учился довольно хорошо, у меня память была довольно солидная, учеба мне давалась очень легко. От... я этот момент использовал. У меня все мысль была учиться, учиться. И от что характерно, я думал так, в институт я не смогу попасть, почему, потому что туда средства нужны. Лучше я вот здесь в Приморськe техникум и в Орехове техникум, значить пойду кончу приморський зоотехника, пойду в Орехов кончу бухгалтера, а потом если постараюсь, выучусь на механика, техника-механика. Вы знаете, я вот настолько отношусь к этой партийной школе, настолько отношусь, от мне кажеться...

Я после того, от высшую партийную кончил, ну я, правда, для себя занимался, вот так как надо было. И потом, когда поступил в Киевский институт народного хозяйства, экономика там была на 480 часов, экономика. У нас в партшколе 560, мне зачет сделали, но государственный экзамен я сдавал. Я настолько... И вы знаете, от те кто кончали партийную щколу, она трехгодичная была. Ну учеба там была довольно

солидная, каждые недели четыре, только в суботу три пары, а так все время четыре пары, там дополнительные занятия. Значит, выходили оттуда агрономы-организаторы, зоотехник, техник-механик, бухгалтер. Вот это все оттуда, вот кто куда желал. Помимо этого экономист, партийно-советские работники, сельсовет, вот колхоз. Это настолько... вот я не знаю, я преклоняюсь перед этим. Я кончил высшую партийную, но она дает там право быть педагогом, там читать. Ну киевский закончил, ну экономист там, ну и все. Ну дело в том, что я использовал в *[нерозбірливо]* иностранный язык, потом там теорию вероятности, высшую математику, потом все пошло, что мы учили.

В 60-м году закончил партийную школу. Была от в Крыму, два года, а потом в Запорожской и Крымской областях. Вернее, было так, сразу была мелитопольская была школа председателей колхозов. Потом ее значить, реформировали, что ли и сделали *[нерозбірливо]* одну партийную школу, это вместо школы председателей колхозов на базе Симферополя, Крыма. Крымская, Запорожская область, мы тогда два года проучилися там. Тогда они соединили, значит, Крымское, Херсонское, Николаевское, Одесское, Запорожское вот, в Одессе. Вот в Одессе учился.

Меня как выбрали заместителем председателя... Ну я демобилизовался... меня забрали... Здесь тоже целая история, целая история. Дело в том, что в армию меня забрали в 52-м году, забрали в армию. Забрали в армию не так как щас. В 49-м году или в начале 50-го года, вызвали нас в военкомат, в Андреевке там было где-то тысячу двести призывников, тогда ж людей много было. Из тех тысячи двухсот призывников вернули только два человека. Вернули только тех, у кого плоскостопие. Щас сын у меня в Харькове, это дочь моя, он медик, сын у меня ученый. Так он говорит, взяли они ребятишек, значит, сотню, а он инфекционист сам, доктор. Значит, взяли проверили ребятишек этих, значит, сколько сто человек взяли, восемьдесят пять человек больных, пятнадцать здоровых. У нас с тысячи двухсот вернули только два или три, у них плоскостопие *[нерозбірливо]*.

Вот и потом прошла вот эта гражданская подготовка в военкомате. Вызвали, я по национальности болгарин, вызвали, сказали: “Вот тебе партийный... то есть военный билет, значит, болгар в армию не берут. Женися, значит, на случай военного положення мы тебя найдем”. Все. Я без никаких... А вы знаете, от насколько это унижение, я вам не могу передать. Вот насколько унижение. Мне кажется, любая национальность вот так поступила б. Почему, вот у нас рядом село Новотроицк, половина украинская, половина русская. Рядом, значит, три километра Ивановка, там девяносто процентов ивановцев, в этой Ивановке были

у батька Махна. Вот эти у него служили. “Болгар в армию не беруть! За болгар можна замиж выходыть!” И вот это плюхнул, плюхнул в лицо, ну это просто, ну как это!

И это вдруг, девятнадцатый съезд, если мне память не изменяет, 52-й год, пятого-четырнадцатого сентября, и это, ну вы студенты, вы помните. Там были ж теоретические вопросы, мирное сосуществование, возможность преодоления войн в современной эпохе и прочее. И вот это тоже нашло отражение, тоже самое вот в призыве болгар в армию. Но там как раз, 27-й год не служил, 28-й не служил, 29-й не служил. Хотя 27-й, они в Трудармии были, они на стройке были. И от это меня вызвали в военкомат, в конце ноября, тридцятого ноября был. Пришла такая скромная писулька, значит: “Полковник Сердюк. Явиться на девять часов”. Все! Больше... от дословно. А кто такой полковник Сердюк? Не знаю, милиция, нет не милиция, там майор, а не полковник. А, это наверно военкомат.

Еду туда, в военкомат, да, *[нерозбірливо]* а заходи! “Это ты?” “Да, я!” – это тот же, который мне дал. “Военный билет у тебя?” – “Да!” – “Давай!” *[Посміхається]*. Даю ему военный билет, он мне говорит: “Так, завтра, – значить, – в восемь часов утра ты должен быть на Елизаветовку, все, в армию!” Я говорю: “А как?” – “Завтра, все!” Ну туда, значит, там у нас до Троян у нас двенадцать километров, а туда до Елизаветовки, значит, двадцать восемь километров. Я говорю: “Так если так, давайте я в Трояны пойду, сяду в вагон какой...” Он мне разрешил: “Только смотри, не играйся!” Я говорю, не! Вот так я в армию попал.

А брат мой, так вообще, учудил, старший. Вообще учудил, он, значит, 29-го года, он на год старше меня. Значит, 29-й год не брали в армию, начали брать 30-й. Он для того, чтоб пойти в армию, только я черный, а он русый волос, светлоглазый и русый волос. Вот и все. Ну, короче, он пошел в военкомат и сказал, что я 31-го года, но у меня документы утеряны. Они послали его в архив, он пошел в архив. В архиве он сказал, что он Михаил, что он 31-го года рождения, оказывается, что ему самый старший брат подсказал, что у нас был брат Георгий. Записали его Георгий и он умер. И от он за счет этого, значит, что за счет того, сделал себе 31-го года. Я на пенсии, за год меньше его, а он еще год пахал.

Отслужил три года от звонка до звонка, два раза в отпуску был, приезжал на Октябрьскую был, мне давали. Демобилизовался сержантом, все время был отличником боевой и политической подготовки. От это меня как это, направили в партийную школу, я годичную партшколу кончал. Приехал домой молодой человек, энергичный, эрудированный, от меня избрали секретарем парторганизации, зампред колхоза. И

от это я там проработал два года, в колхозе, и от это написал заявление в райком партии: "Прошу отправить меня на учебу". Когда разобрали, они отправили меня на учебу, от. А потом я там проучился, там уже кончаю, приезжает Михаил Николаевич... Всеволожский.

Михаил Николаевич был зав. орготделом, он приезжает по распределению. А нам, мы уже сдавали государственные в Одессе. И нам там давали справки, потому что так как-то более было на такую ступень поднято. Нам давали справки, шо после сдачи государственных экзаменов получает среднее специальное образование, специальность такую-то. И по этим справка, многие поступали в институт, в университет. Ну я шо, думаю, язык подвешеный, эрудированый, та буду я педагогом и все, пойду в университет. Пошел в университет, пошли с товарищем, я в немецком был слабоватый и щас я слабый в немецком, от. А он эрудированый, а как историк я был очень хороший. Мы сдавали спец и это иностранный, и писали сочинение.

Ну, короче говоря, приняли меня в университет Одесский, приезжает Всеволожский. Приехал Всеволожский на распределение, вот туда-туда. "А какие планы на дальнейшее?" – "Учиться!" – "Ну так хорошо, а где ты хочешь учиться?" Я говорю: "Я уже поступил в университет." – "Какой университет, куда?" Я говорю: "На истфак!" "А не-е, то не то! Ты давай поступай в высшую партийную школу московскую, она стоит на втором месте после ленинградской. Ты заканчиваешь высшую партийную школу, будешь работать любым руководителем, даже областного масштаба. Желаешь ты, работаешь педагогом, историю, политэкономию, философию и прочее, прочее!" Как рассказал... Так я говорю вже... "Ничего, на бумагу, пиши!" *[Посміхається]*. Пиши заявление. Написал я заявление. Через две недели приезжаю я домой, вызов уже лежит на сессию. Вот так я попал в высшую партийную.

[Всеволожский], он меня знал по этому еще, когда я был секретарем парторганизации, мы там были на курсах в обкоме партии, по-моему, два раза я был. Первый раз недельные, а второй раз десять дней, то есть десять дней были курсы в обкоме партии. А потом он приезжал в Андреевку, он был там у нас район, на партийную конференцию. Он приезжал и Маловичка, некий. Ну вы знаете, Маловичка пародия, для меня остался пародия.

Вычеркните за Маловичку... Я вам расскажу. Значить он зам. председателя облпотребсоюза. Он от такой был, как бочка, как бочка. И значит, от так пригласили, значить после конференции, значить, пригласили туда, значить, в столовую, как обычно, отдельных товарищей. Ну и меня пригласили тоже. Он, значить, ну там заготовили все, уже где-то одиннадцать, двенадцать, час, уже все кончилось, кушать нечего,

выпивки навалом. Он говорит: “А это шо *[нерозбірливо]*?” – “Это называется полуфабрикаты”. – “Ну оно хоть чуть-чуть?” – “Да!” – “Давай!” – говорит. *[Посміхається]*. Вот это он остался у меня пародия такая. Как пародия.

А потом еще, многие товарищи знакомые были, начальство. Так они рассказывали, как он поехал в Москву, значить, приходит в гостиницу, какую-то там престижную, я не знаю, какой там в центре, то ли “Россия”, то ли “Москва”, не знаю... То, правда, в Киеве “Москва”. Короче говоря, зашел он говорит номер, ему говорят: “Нету номера. От есть только один номер двухместный, но там такой клиент, что с ним никто ужиться не может, – говорит, – он страшно храпит и никто не выдерживает”. Ну, короче говоря, он говорит: “Ну ничего, я пойду туда!” Короче говоря, пошел он туда, лег спать. На утро подымается, клиента нет у его... *[посміхається]*. Хозяина нету, да! Выходит туда в вестибюль, хозяин там с полотенцем перевязанный, сидит! Вот этот Маловичка, остался у меня, вот так и помню.

Вот тогда я и познакомился с ним, тогда он меня знал. И вот это он предлагал мне. А потом, после этого, вы знаете, после этого он относился ко мне очень доброжелательно, он для меня сделал очень-очень много. Ну правда, я человек страшно... ну какой... Я, ну какой... Я страшный человек, ну в каком смысле, я страшно не люблю врать. Страшно не люблю кто врет. Страшно не люблю людей, которые крадут, я за это безбожно наказывал. Я всю жизнь проработал, я им говорил: “Не убей, не укради, не обмани!” Все. Вот я эти заповеди... А стал я после... Написал такое даже для себя, значит: “Жизнь свою про заповедь, я эту жизнь свою пророчу, *[нерозбірливо]*”, – это я написал, как раз ответ дал одному товарищу. Он начал, шо ты был тогда таким-то, таким-то, а теперь начал молиться и прочее. Вот это я ему такое... Было время, было вдохновение, значить. Как работали, здесь я все показал.

Ну, а как я попал сюда в колхоз. Меня сюда в 63-м году привезли, там был в Запорожье у вас, долгое время был Маловичко Степан Андреевич, он возглавлял народный контроль, при том строе. Он меня сюда привез как кота в мешке, вытрусил и полгода никто не приезжал. Потом только начали приезжать.

Значит, Москалькова, вы тоже, наверно, знали, председателя облисполкома. Я с ним работал в “Новой жизни”, от когда закончил, меня посылали в Елизаветовку, я дал согласие. Потом, когда приехал в райком, пришел он 27-го года, меня перехватил и я уехал с ним в “Новую жизнь.” В “Новой жизни” мы с ним проработали два с лишним года. Меня оттуда забрали, привезли сюда. За это время, когда мы проработали, значит, хоть верьте, хоть нет, колхоз стал один из самых...

Я зам. секретарь... Колхоз стал одним из самых лучших колхозов в Андреевском районе. Повидимому это послужило, что я попал сюда... В 63-м году я сюда попал, от как раз был 63-й год, двенадцатого февраля. От привезли меня сюда. Я когда приехал, колхоз должен был четыре миллиона восемьсот тысяч хрущевских денег. И вот вы знаете, меня судьба больше сводила с людьми достойными, нужными людьми. Я вот почему, говорят, партиец, вот туда-сюда и прочее. Вы знаете, Домченко вы знали, секретаря сельского хозяйства, обком... Очень поганый человек. Очень поганый... Михаил Николаевич чудесный человек.

[Домченко], вы знаете, он какой-то вот такой, скользкий, говорит одно, делает другое. Я хоть сам по национальности болгарин, *[нерозбірливо]* ...от мы с вами поговорили, я если буду жив, я вам через десять лет, если мы встретимся, я думаю так и будет. У меня мать такая была, я в нее пошел. Я через десять лет вам передам все слово в слово, вас я не узнаю, но по голосу, если голос останется, я по голосу узнаю, расскажу. У меня зрительной памяти как таковой нет, вот. А этот... Эти люди были очень порядочные, я ж говорю, этот Михаил Николаевич, с Москальковым работал я. От это колхоз стал хороший, меня забрали сюда, привезли. В общем, тут меня... до часу ночи пьяница гулящий и прочее, прочее.

Короче говоря, этот Маловичко говорит: "Так, если только он не приходит председателем, тебя первого исключаем с работы, тебя второго из партии исключаем и уволим с работы!" Вот так он его заставил. А если бы меня привез кто-нибудь другой, если бы не этот Маловичко, первый секретарь, я бы убежал, я бы побежал... Ну вот так вот! Представьте, судилище устроили: "А може он... Кого вы нам! А може он бабник! А може он вор! А може он лодырь!" Он говорит: "Вы же его не знаете, через год будем судить, – говорит. – Через год, когда подведем итоги, будем судить". Они: "Не надо нам год, нам надо щас жить! Нам надоело!"

У них работал свой товарищ, но дело в том, что до меня они менялись как перчатки. А вже было такое, на год по два раза менялися председатели колхоза. Вообще вы знаете страшно, это страшно. Я от это приехал, контора была там сверху за школой, туда дальше, от, и к конторе. Значит, пойду туда по улице, телятники в кулацких домах стоят. Значит, еду туда, телятники стоят, там магазинчик, може вы проходили, у нас с левой стороны, телятник. Значит, иду, едет на весовой, значит, на весовой иду пеши, едет на подводе бетоны. Значит шо: "Куда едешь?" – "От воду везу телятам!" – "Куда?" – "От туда, туда!" Я говорю: "Я с тобой поеду!" –"Та мне некогда!" – "Я с тобой поеду!" – и так, он обиточненский, а там все такие бандитковатые люди.

Я нахально сажусь, подъезжаем: “Девчата, я вам воду привез!” – “Зачем нам вода, когда ты нам воду возил?! Зачем нам вода, у нас колодец свой и прочее!” Я открываю бетон, каша! Второй – каша! Третий – каша! Пять или шесть бетонов каша, говорю: “Домой поехали!” Поехали домой, захожу, у него двадцать восемь поросят! Двадцать восемь, на то время! Значит, меньше чем на семьдесят килограмм нет! Вы видите, ему на питание, он на питание, значит, он привез им триста литров, триста литров каши! И там в литры нельзя, триста килограмм, потому что самая настоящая каша. Значит, говорю: “Так, свиней сдать в колхоз!” Выписал шо-то сразу ему двенадцать тонн зерна, посчитал сколько он украл. Двенадцать тонн зерна, выписал ему, подписал: “Уплати, иначе в тюрьме будешь сидеть!” Подключил милицию и прочее. Он на другой день приходит и говорит: “Слушай, давай с тобой договоримся!” Я говорю: “Слушаю!” “Ты дурак, я дурак! Мы с тобой не сработаемся, отпусти меня!” Я говорю: “Правильно ты решил, убирайся, чтоб я тебя не видел! Я с ворами общего языка не находил и не найду никогда!”

[Это он] был колхозник, никто, Чиж был, просто колхозник. Коммунистом был, он коммунистом был, фамилия его Чиж, а сам с Обиточного. От так он ушел. От такое. Ну, короче говоря, и от это я начал работать здесь. Они привезли меня. Вот этих, значит, Маловичко заставил их, главный агроном, от это главный агроном выступал и другой управляющий выступал. Главный агроном закончил техникум этот приморский, а бригадир управ... бригадир полевой бригады просто ничего не кончал. Он сам трактористом когда проработал и все. Ну и короче говоря, чем кончилось. На другой день прихожу я на работу, сельхозтехника возит навоз, каждая машина вывозит сто восемьдесят тонн навоза. “Сколько машин?” – “Пять машин”. – “Сколько тонн?” – “Восемьсот пятьдесят, девятьсот, даже до тысячи тонн”. – “Через веса!” – “Зачем через веса, счетчики!” – они возят, мне нужен на поля. “Через веса!” – “Та это...” – забастовка! Чего? Не так, да? Нет! А шо: “Давайте поставьте счетчики!”

Ну они ж... я ж не настолько. Вот у меня это все природное. Я говорю хорошо, я согласен. Но, я беру одну вашу машину, беру одну две машины, беру и контрольные вешу. Потом, счетчик поставлен, потом за каждой ходке ставлю этот вес, который... Ну, короче говоря, они возят. Возят, думают, как обычно прошло. Я посмотрел, там вышел, там сверху посадочка, я стал и стою, и смотрю. Час смотрю, они возят, мне видно, заховался. Скирдочка там стоить, не видно. Ну, короче говоря, смотрю, подъезжает один, ну кинул одну лопату, в общем нуль шесть, это шестьсот килограмм. Второй, третью лопату вкинул и подался. За

ним... Догоняю: "Поехали на весовую!" Тонна восемьсот! Да, подпишись, распишитесь. Приходят, я им всем тонна восемьсот... *[нерозбірливо]*. Ну вот так, на третий день они убежали. На третий день они вывезли двести тридцать тонн вместе, все машины, убежали и все. Вот с этого все началось. Вот такое.

А потом, за этого, значит, Маловичко, секретарем райкома был, я поехал к нему в Бердянск. Он первый секретарь райкома был, говорю: "Помогите мне, давайте договоримся! – говорю. – Потому что за прошлый год начислено колхозникам двадцать копеек на заработанный трудодень. И это не отдано. Четыре и восемь десятых миллиона долгов, в том числе короткосрочных, два с половиной миллиона. Короткосрочное", – то долгосрочное, ну долгосрочное можно, а короткосрочное это такое ж, отдавать все. Вот, значит, ну, короче говоря, зарплату не получают, обида, скандалы и прочее.

Начинаются весенние полевые работы, я говорю, хочу посеять где-то гектар триста, говорю, не меньше, четыреста семечек. "А шо ты с ними будешь делать?" Говорю: "Продадим!" "А куда?" Говорю: "На север!" – "А что продают туда?" – "Да, – говорю, – продают. Есть такие товарищи, продают, есть такие организации, покупают." "Кто покупает? " "Лакокрасочные комбинаты покупают". – "А как ты думаешь делать?" Ну я ему говорю: "Ну я посею, но в отчет не включу, ну и все!" Он думал-думал, говорит: "Хорошо, давай договоримся так, ты мне ничего не говорил, я ничего не знаю. Но только, если коснется, вопрос станет ребром, получишь выговор, с занесением в личное дело. Даже может и не будет записано, а если коснется и записать, у тебя будет выговор висеть до Нового года и все, будет снят." Меня это устраивало, потому что я его знал, что он человек слова и дела. Меня это устраивало. Посеяли мы подсолнух, продали в Красноярск, что-то тысячу с чем-то тонн подсолнуха...

[Нашли кому продать], а это легко было сделать. Ну просто делается это... У меня был адрес, у меня были связи с друзьями, вот с крымскими, с херсонскими, вот встречалися на совещаниях. В общем, меня судьба сводила с этими людьми. Они заплатили нам за этот подсолнух, если мне память не изменяет, хрущевскими деньгами, по два, по два пятьдесят за килограмм. Так еще и это не главное. Приехал представитель и говорит так: "Пускайте, грузите все, пусть емкостя будут из-под керосина, из-под бензина, из-под солярки. Почему, потому что мы тридцать процентов добавляем сюда солярки. Так что не бойтесь, никто проверять не будет!" Ну, а таким как я, може оно в пользу и играло, но когда коснулось, начали дополнять это цистерны, осталося пять тонн. Мы не можем его долить, потому что надо заполнять. Так он по-

шел сам: “Знаете что, – говорит, – не мешайтесь, я сам все сделаю. Не мешайте мне!” Пошел, залили солярку, он отвез солярку, залил, закрыли цистерну, ну вот это так.

Так в 63-м году приехал, в 65-м году, январь месяц, получается отчетное собрание, я, значит, отчитался. Все. Выходят, будут уже выходить... “Теперь, – говорю, – подойдите, получите расчет за проработанный год. Из расчета рубель двадцать на трудодень”. И от, представьте, они: “И этот нас разыгрывает!” Когда выходят, действительно, учетчики, я им сказал, для того чтоб не было столпотворения, ваш учетчик там, ваш там, ведомости получайте. Они вышли *[нерозбірливо]* ну шо я им сказал... Договариваемся так, если у человека нету за что купить, денег нету, выписать, там купить что-то. Придите, я вам за рубель выпишу центнер зерна, центнер муки, центнер фрукты, рубля нету, и рубель дам. Но сами не воруйте и они это свято понимали. Но все равно отдельные воровали... Вот так колхоз начал...

Потом, еще была у меня интересная идея... интересный эпизод один. Был здесь дед Иван Аврамов, он работал трактористом. Работал трактористом, потом на склоне лет перешел ремонтером, начал работать в тракторной бригаде. И от это приезжал, весна начинается... А поля были заосоченные, осот страшный, значит, курай этот, бурьян. А потом, вот это лет двадцать, наверно, ездили мы в Приазовье за курай. У нас он не рос, у нас он не рос. У нас его не было, ото кормили тутовый шелкопряд, надо наложить ему, чтоб он коконы вил. От это ездили в Приазовье чтоб... Шелковица росла, мы посадили, вот она там... Тогда не было шелковицы, при мне все садили. Я говорю, что когда он кончает кормиться, когда он вырастает от так в палец, он тогда подымается на курай на этот и сам себя закутывает в кокон этот. Так от для того, чтоб подымался на кокон, надо курай. От это мы возили курай. У нас трава нигде не росла, осота у нас не было.

Приезжали сюда, значит, кто только не приезжал! Кто только не приезжал... *[нерозбірливо]* из большого уважения ко мне, секретарь райкома, “Крокодил” привез. Говорю, колх... районный “Крокодил” по молоку. Да, привез, инспектор ЦК КПСС сидит на общем собрании, и он привез “Крокодил” по молоку, как самому отстающем хозяйству. Я значит, мне этот *[нерозбірливо]* написал “выйдите”. Я вышел, она говорит от так и от так! Я говорю: “Да Бог с ним, пусть стоит!”

И он сидит инспектор ЦК и он сидит рядом, и я от говорю: “Евгений Васильевич, а чего вы привезли, – говорю, – “Крокодил” районный по молоку”. – “А мы решили по-новому его давать. У вас в этом году молока меньше, чем в прошлом. Теперь мы “Крокодил” будем давать тем, у кого молока меньше, чем в прошлом году!” Говорю: “*[нерозбірливо]*

...мы доим на сегодняшний день девять и шесть десятых, у нас полторы тыщи коров. У людей доют три литры, *[нерозбірливо]* в три раза меньше чем у нас!" – "Нет, щас так будет!" Этот инспектор посмотрел на него и говорит: "Да, это у вас что-то новое, это нам еще не известное!" Ну, короче, он сказанул так, чтоб я не обиделся. От чтоб не унизить его и вместе с тем сказал ему, шо ты будь более... разумным. От такое. От это такая симпатия была.

Ну и что, урожайность, я от это за деда Ивана, и мы пересевали. Пересевали сразу, первые годы приезжали к нему, он Аврамов Иван, от. И он мне говорит: "Разве ж так сеют, разве так сеют! Ну неужели нельзя посеять, чтоб не пересевать!" Кочается вот это... Вернее, посеяли в этом году осенью, на следующий год, весной пересеваем двести, триста гектар. Четыреста гектар пересеваем. Если дождь хороший был перед посевом, значит все, если дождя нет, пересев. Я говорю: "Шо нужно, дядька Иван?" – "Дай мне дисковые лущильники!"

[Это] значит, тридцать три градуса, диски вращаются и он идет вращается, царапает землю на два пальца. Царапает, от разбивает травку, на два пальца землю. Ну и шо? "Дай от мне это, если сколько землю, посмотришь". Я подумал, подумал, ну я всегда, к этим разговорам, всю жизнь прислушивался. Дал я ему это, пошел, смотрю, шо он делает. Он взял задисковал его в одном направлении, в другом направлении, ну там мелко, где-то сантиметра на три. Ну надо ложить по науке на семь сантиметров, вот, восемь, девять. "Вот так пусть и будет, дождь пойдет, я дальше буду делать, не будет дождя, так и сеять будем!" Дождя не было, посеяли. Посеял дед Иван свое. На следующий год, иду туда на свое смотрю, надо пересевать. На дедово Иваново смотрю, живое, вот это так. Живое.

А я настолько цеплялся за это все за мудрое. Короче, хоть верте, хоть нет, я двадцать семь лет проработал председателем колхоза, значить, от эти первые два года мы пересевали, остальные двадцать пять лет и понятия не имели. И от это дед Иван говорит мне: "Ты, – говорит, – не знаешь. Пшеницу садят, зерно садят на мужской почве". Я говорю: "Я то семеводство знаю очень хорошо, агротехнику, земледелие знаю очень хорошо. Действительно я знаю очень хорошо, но такого термина нету!" Он смотрит: "Да неужели ты не понимаешь?! Зерно надо ложить на твердую мужскую почву, тогда оно цепляется растет!" Ну, говорю понял! *[Посміхається].* От так, да, это меня дед Иван научил. Урожайность у нас была... у меня там где-то бумаги были, но не хочеться ковыряться, искать. Урожайность у нас была... короче, по области двадцять два, у нас продажа с гектара двадцять восемь, тридцять два, а по

области урожайность двадцять два. По району урожайность тридцать, у нас сорок, сорок три, сорок пять, вот так.

Восьмидесятый год, значит, восемьдесят второй, третий и пятый мы выходили победителями социалистического соревнования, всесоюзного соревнования. Значит, получали переходящие красные знамена и прочее. По линии ВДНХ получили два автобуса безплатно, РАФ безплатно, безплатно “Ниву”, безплатно два “уазика”, “москвичи” получали, мотоциклы получали, вот такое. По линии ВДНХ я, значит, по республиканской имел и золотую, и серебрянную медали, по всесоюзной тоже и золотые, и серебрянные медали. Был и у *[нерозбірливо]*, был у космонавтов в гостях, ну, в общем, от такое. После, когда уходил я на пенсию, ушел я в 90-м году на пенсию, коров было в колхозе полторы тысячи, *[нерозбірливо]* пятьсот, таких подпольных.

Подпольных, каких имеется в виду, подпольных, по науке разрешалось держать... держать телок тельных, а потом эта телка телилася, вот уже был *[нерозбірливо]*, вот. И мы уже имели право перебирать этих *[нерозбірливо]*, и отбирать нам те, что нужны, высокопродуктивные. Мы могли делать вот это так, если корову сдать, надо акт выбраковки и прочее. Вот это мы не делали, мы делали безболезненно. Нужно нам *[нерозбірливо]* забрали *[нерозбірливо]* коровы, которые уже старые, выбракованные. Значит, расформировали группу какую-то, пополнили им группу *[нерозбірливо]*.

Уходил я, от это было у нас три с половиной крупного, три с половиной, значит, свиней, шесть с половиной овец было, птица, десять тысяч было. Ну, в общем, все было. Уходил я в январе месяце, значит, оставил два с половиной миллиона свободных денежных средств и четыре с половиной тысячи тонн зерна, вот это что я им оставил. Ну а потом проходит, значит, полгода, да не полгода, прошло месяца два, наверно. Я на почте, ну, короче говоря, от меня отвернулися, многие отвернулися. Редко кто не отвернулся, но так...

Ну как, наказывал, наказывал я. Я безбожно наказывал за воровство. Пошел на ферму, спец который на ферме, знаю, шо фураж: “Подымай! Чего вы пришли, спать вы пришли! Ану идите!” “Да от...” – “Подымайтесь!” Поднял, значит, постель вышвырнул, вторую постель, кровати сеточные, мешок там с фуражом, ага! “Чей? – нема, – Чей?!” Погрузил, едим. Погрузил их в машину, едим, доехали до знака нашего от там, до границы: “Хлопцы, дальше назад поздно будет, чей фураж?” – “Мой!” *[Посміхається]*. “Еще чей? А ты чего?” – “И то мой!” Ага! Раз врешь, тогда едем дальше! “Нет, это мой!” *[Посміхається]*. Вертаемся в колхоз, представь, два часа ночи, приезжаем в колхоз, заходим в кон-

тору, я им выписываю барашек, они расписываются, *[нерозбірливо]*. Это у него высчитывается с зарплаты!

Вы знаете, я приехал сюда, мне эпизод рассказали такой. Там в конторе сижу, скот кормить нечем, спрашиваю: “Есть еще у кого скот, шо не говорят?” Мне говорят: “Вот в этом доме, там клуня, есть там скот.” Ну я выхожу с конторы, *[нерозбірливо]* захожу, там двадцать восемь телят! Двадцать восемь телят, ну макеты, шкура и кости! В общем, отак обтянутая шкура и все. В углу стоит корова, от такая, телка тоже такая, и две свиньи килограмм по двести тоже. Подходит хозяин, Иван Михайлович Мильчев, я спрашиваю: “Чего у вас скот такой худой? Чем ты их кормишь?” Он где-то метра два ростом, сам: “А чем ты, их кормишь?” Я говорю: “Ну чем, вы им даете десять килограмм соломы, три килограмма силоса, кило двести фуража... Ну так я понимаю, шо такой не будет, справный, но не такой же дохлый!” А они, в общем, даже стоять не могут, они падают, подымать их надо! “А это чьи?” – “А это мои!” – “Ну ладно, – говорю, – пусть твое будет это последние годы! Твое, – говорю, – больше такого не будет!” Он стоит: “Таких как ты знаешь сколько уже было, и знаешь сколько еще будет! А у меня будете ползать перед ногами!”

Комбайнер, от, знаменитый комбайнер. Я говорю: “Слушай, таких как я не было еще! Знай, я последний!” Значит, на другой год... чи это говорю, на другой, в этот же год, я вышел за село, там наметил коровник. Значит, сто метров в длину, двенадцать метров в ширину и мы, значит, шо сделали. Значит, сделали к осени от этот коровник, молодняк завезли в коровник, которые были по этих больших кулацких домах, где коровы стояли раньше. Вот эти все точки закрылись. Пять лет они со мной не здравствовались. Я когда-то иду, он идет, значит, отвернулся от меня. Иду дальше, прошел метров двадцать, она идет, жена его, тоже отвертается. Я говорю: “А ну подождите!” – говорю. Она стала: “Шо?!” Чего вы не здравствуетесь? А я ему раз сказал – молчит. Чего вы не здравствуетесь? Я ее как отчистил, как отчистил! После того начали здраствоваться. Но дело в том, шо я от это шо вам рассказал, я и на общем собрании рассказал.

На общем собрании рассказал колхоза. А потом, когда от это отчистил их, уже рассказал, что здравствуются. Может это, до некоторой степени, играло роль, *[нерозбірливо]*. Но я старался, чтоб было хорошо. Одна-единственная моя слабость, я говорю, шо я наказывал за воровство. Наказывал безбожно. Лодырем они меня не считали никогда, не считали пьяницей и не считали тоже... В общем, от так...

Но я ж им сказал, даже разрешил... Воровать, Боже вас упаси! Идет уборка фруктов, от овощей и фруктов, значит, я им говорю: “Можете

до обеда работать и кушать, после обеда можете кушать сколько влезет, но домой не берите!" Ну нельзя, понимаете, я привык... Я вот этот дом в 73-м году построил, вы знаете, у меня на сегодняшний день, на это дом, хрущевских денег одиннадцать тысяч лежит в документах на этот дом. Сада нету, гараж он железный построил, курника нету и прочее. Жена всю жизнь была педагогом, украинский язык и литературу читала.

Она украинка, она была черниговская... в 96-м году она, третьего декабря она умерла. А я так и живу один, это дочка, внучка приехали. Я живу, сейчас полностью отдал себя церкви, в этом нахожу успокоение, потихоньку там пишу стихи такие, от души, когда мне тяжело там. От такое. Воспоминания не хочется делать, потому что знаете, хороший у нас строй был, вот хороший строй был. Все равно я нахожу большие *[нерозбірливо]* для меня человек, вот я когда приехал сюда, в село, здесь многонациональное село, здесь русские, украинцы, евреи, болгары. *[Нерозбірливо]* сказал, только услышу, будете один одного оскорблять, не обижайтесь, а рот до ушей раздеру!

Меня шесть раз оформляли на героя Советского Союза, шесть раз. И последний раз, когда пошли до Миши Горбачева, он был секретарем сельского хозяйства, он засмеялся: "Нашли запорожского казака, в лице болгарина!" От такое. [Почему такое отношение было...]. Ну от я спрашиваю?! Я говорю, у меня хорошее ко всем, хорошее, ну при чем тут болгарин или что... Что у меня язык не такой или шо? Ну болгарин-болгарин! Я ж не выбирал себе родителей, разве мы выбираем себе национальность, родителей и прочее.

Секретарь обкома был, вот этот Тиховод, шо был, приехал. Приезжает, мат-перемат, давайте убирать! Ты сам металлург, разве ты знаешь, когда надо убирать. Чтоб убирать, надо *[нерозбірливо]* чувствовать. Я ему потом говорил: "*[Нерозбірливо]* я б на вашем месте совсем другое сделал. Я б на вашем месте, – говорю, – просто поинтересовался, почему в "Коминтерне" урожайность выше чем в районе, в любой год на десять, на пятнадцать центнер. Почему Преслав никогда не пересевает! А вы, – говорю, – ищите изъяны, нюансы".

И от было у нас когда-то, я более двадцати лет был членом обкома запорожского. И от это от уничтожили полностью свиноводство. Уничтожили, значит, свиноводство. Выдумали теорию, что от свиноводства рак, от раком заболевают... Это было, я вам скажу, это было где-то 75-й, 76-й год, от так от, в начале 80-х. А Хорунжий, был когда-то председателем облисполкома, так он говорит, выступал на совещании: "Приморцы, когда приезжают, – говорит, – они в Запорожье, приезжают на три дня раньше. И они обязательно бегут в кафе или куда, зака-

зывают отбивные свиные и жрут по три по пять порций!" *[Сміється]*. Ну, короче говоря, я думаю, ну все, поехало! Нет-нет, Маловичко когда-то, то есть этот Всеволожский выступает, то же самое.

Я, значит, вот это свиней уничтожили, держал десять свиноматок и они стояли в коровнике, шо категорически запрещено. Ну свиноматки такие килограмм по триста. Потом посмотрел-посмотрел, думаю, – не, дела не будет. Еду сюда в Молочанск, потом сюда в Мелитополь, сразу в племконтору поехал и взял свинок, триста голов взял. Вот это вот случили, развели поросяток. Вот у нас поросяток, мы держим более тысячи, полторы тысячи, две. Тут начинается в районе вот эта кутерьма, разводить свиней. Ну, короче говоря, сделали мы комплекс на шесть тысяч откорма, две тысячи матное поголовье откормочное. От это две тысячи обслуживает три человека. Три человека, там "луноходы", корм раздать, он там садится, поехал раздал корм, там электрическая выгрузка, автоматическая погрузка и все такое.

И от когда-то приезжает секретарь райкома Тиховод, значит, была уже осень поздняя. Секретарь парторганизации был Ганев Иван Николаевич, но он сам был моряк, но его вода больше тянула, чем все это остальное. И от поехали по хозяйству. Я говорю: "Куда желаете поехать, в поле?" – "Я в поле был!" – "Куда?" – "На ферме?" – "На ферме был!" Значит, а куда? "Поехали на вашу свиноферму, я там не был!" Поехали. Вы знаете, мне поплохело, вы знаете, я вот чувствовал, что это все, мне поплохело. Приезжаем сюда, на свиноферму, он, значит, все подробности уже знает, все знает. Давайте зайдем сюда...

А наверно уже доложили, районные зоотехники, доложили и все... Едем туда, то заходим туда в сарай... "И-и!!! А сколько их?" Я говорю: "А их тут тысяча сто!" – "Та нет, Константин Григорович говорил две тысячи...", – я его пхаю, шо... *[сміється]* под бок пхаю. Он: "Да, то я ошибся! То у нас уже всего, около двух тысяч." Он: "У вас уже всего, около трех тысяч!" Ну короче говоря, какой их вес, я говорю семьдесят килограмм. "Да не, мы же весили – сто десять!" Я б, если мог, то ему врезал... *[нерозбірливо] [сміється]*. Ну, короче говоря, я все понял, вышли, он сел, поехал. Я говорю парторгу: "Ну, – говорю, – тепер держись!" Проходит три дня, получаем постановление исполкома о изменении плана продажи мяса государству, четыреста было тридцять тонн, шестисот пятьдесят, двести пятьдесят тонн сразу бухнули. А шо такое, если б двести пятьдесят сверх плана сдали государству, это б шла как сверхплановая продукция. Сверхплановая продукция оплачувалась в полтора раза дороже.

Вот это мы такой убыток понесли и начали работать на пределе. А потом нашел я в Черкасах бывшего товарища, секретаря райкома, вто-

рого, они отгрузили нам, фураж отгружали. Потом приходилося тугувато, но все равно, жили мы, трудилися. Все получалося. А из-за того, шо по национальности болгарин, закрыли... Я ж говорю, шесть раз оформляли, но последний раз все подписано было. От мы там получили *[нерозбірливо]*... У меня брат родной, старше меня, от у него сын служил во флоте. От потом демобилизовался, служил в Приморском крае, тянули буксир, оборвался трос, ему поломало ребра, его другу, бердянский друг, они вместе росли, они с Бердянска. Там мои отец и мать в селе жили, и его тоже, там дедушка и бабушка... Ну и они там пролежали в больнице, в госпитале пролежали шесть месяцев.

Их комиссовали, они приехали домой, у того сильный полом был на руке, вот они, значит, были там. А там в селе пруд, они поехали на пруд, сняли у него гипс с руки, и на пруд поехали купаться *[нерозбірливо]*. Вертается назад, едут начальник пожарно-сторожевой охраны и едет этот самый, участковый же. Останавливает их, мотоцикл без номера, грузите мотоцикл в машину. Он говорит: "Та шо вы, вы ж не можете..." – "А нет!" – он берет его за руку и ломает ему руку, ту, которая ему гипс сняли. А этот, племянник мой, Юрка, говорит: "Шо ж ты делаешь?! Ты ж знаешь, что у него только вчера гипс сняли!" А тот руку выломал опять, а тот потерял сознание и все. Он: "А! И ты!" – он ударил этого племянника. А тот самбист, врезал ему и тот пошел кувырком. Короче пять лет дали!

Я поехал до его, до этого секретаря райкома, говорю: "Федор Иванович, до Федорова, – говорю, – не хочется ехать, говорю, – в Бердянск". Хотя Федоров был первый секретарь райкома, мы тоже очень хорошо знакомы с ним были. Он, а шо, а как! Ану расскажи как. Ну я и рассказал ему как. Идет совещание и он на совещании, на другой день выступает, говорит: "У нас отдельные товарищи претендуют на высшие правительственные награды! Для того, чтоб ее получить, надо быть кристально чистым человеком! Кристальной чистоты души человеком!" Я думаю, на кого это он. Мне, дурню, даже и не дошло, что это он в мой адрес.

А потом уже *[нерозбірливо]*. А сюда приехал корреспондент, все сфотографировал, поля, садик и школу, ну все, шо есть. В общем, ну все есть, это при мне было сделано. Фермы. Мне не дошло, потом уже *[нерозбірливо]* разобрался. Вот такие дела.

Ну, а сейчас шо, сейчас... Ну иногда там приглашают, от приглашают школа-интернат, дом престарелых приглашает. Я потом ушел на пенсию, все шо было... в общем, пришлось жить в нищете практически! И от это, попросили, я в колхозе два года поработал. Поработал я и не схотел, почему, потому что работать с ними, надо перестраиваться, а я

перестраиваться не могу. Ну что он, даже, честное слово, за собой поухаживать нельзя... не может. Возле него стоят, возле него больше пяти минут не выстоишь, от него козлом воняет! Почему, потому что... ну не надо вам рассказывать. Вместе с тем, загружал машины ячменя, пять тонн триста, привез домой, высыпал. Ну в честь чего! Кто ты такой, в честь чего! Я подключил милицию, прочее, председатель колхоза бывший наш тракторист, я его в техникум возил в Приморске, он закончил. Значит, перемолол, перекрутил, значит, с милиций договорился, все. Шито-крыто! Надо ж... Я так не привык, мне так не подходит и я ушел, доработал до конца *[нерозбірливо]* и я сказал, больше я работать не буду.

Пошел я на работу, было у меня семьдесят две головы поросят, ушел я с колхоза, два года проработал. Ездил в Акимовку, в Молочанск, поросят брали, вы знаете, было уже тысячу семьсот голов. На сегодняшний день у них шо-то тоже пятьдесят, шестьдесят. Коров развели, вот. Коров было, когда пришел, было триста шестьдесят, уходил когда я, у них было около шестьсот голов. В общем от такое, ну не знаю. У меня свое, у них свое.

А потом меня попросили в доме престарелых, я работал агрономом, два года. А потом мне дали двести шестьдесят три гривны пенсии, и сказали: “Если будешь работать, пенсию снимем!” И я бросил работу, от такое. И поехал в дом престарелых, там же у них земли было где-то, в общей сложности, триста гектаров. Значит, посеяли ячмень, взял я им семенной, озимый посеяли, пшеницу посеяли, значит. Ну, короче говоря, я опять вертаюсь к хлеборобу. Хлебороб, чтоб он был хлеборобом, надо чтоб он чувствовал дыхание земли. Если это так, только получить, то ничего не будет.

И от это поехал я, взял этот *[нерозбірливо]* озимый ячмень. Начал я заниматься его характеристикой и прочее. Сроки сева октябрь месяц, вторая половина. Значит, лучше его *[нерозбірливо]* сеять с озимой вместе, но тогда вероятность пропажи его возрастает в три-четыре раза. Пропажа, значит, если неблагоприятная земля. Значит, я посмотрел-посмотрел, такое дело, не, думаю, посею, закончу все и пшеницу. Сею. Пшеница растет, он вымахал от такой. Колхоз ходят вокруг, встречают директора, наговорили ему, что Полукчи посеял ячмень невовремя, он пропадет у вас. Он ходит, вздыхает. Вздыхал-вздыхал он, день, два, три, я уже вижу что-то такое, говорю: “Юрий Александрович, а ну расскажите, шо случилось?” Он, не-не! Расскажите...

Ну они, конечно, ко мне с уважением относилися, он и щас с большим уважением относится ко мне, часто приезжает. Он мне говорит: “Мне председатель и агроном колхозные сказали, шо вы вот посеяли

ячмень не вовремя.” Я говорю: “Я отвечаю за все, вы термины знаете, цыплят по осени считают, от тогда и будем... Успокойтеся”. А для того, что у нас была одна косилочка, от такая, маленькая, газоны косит или там от понад трассой. Приехал Панкратов, а Панкратов опекает вот эти дома престарелых, я его... Мы с ним тоже знакомые, он был в комсомоле, мы знакомые. Я его попросил, чтоб он дал такую жатку, попросил, он дал и севалки, культиваторы, в общем, все, шо попросил, все дал.

Ну, короче говоря, я говорю: “У нас есть жатка от такая, дай Бог, говорю, чтоб она переросла. Если перерастет, у нас есть подборщик, видите, мы пустим жаточку. Скосим, говорю, а потом будем подбирать зеленую массу, и будем в декабре, в январе месяце кормить скот зеленой массой”. – “А это можно?” – “Можно!” Успокоился.

Значит, начинается уборка ячменя. Я поехал, раз посмотрел, я его второй раз посмотрел, думаю, нет, косить не будем, он растет так как надо. Приехал “Дон” оттуда, с дома престарелых, там *[нерозбірливо]*, а там какой-то. От приехал, триста шестьдесят метров, прошел в один конец, бункер полный. Высыпал, в другой конец вернулся, бункер полный. Начали считать, шестьдесят шесть и восемь десятых центнера с гектара. *[Нерозбірливо]* значит за головы взялись, председатель и агрономы, значит, пошли перемерять поле. Перемеряли-перемеряли, ну, короче, насчитали, ну значить, короче, нашел, шо, значить, гектар лишнего. Я говорю, пусть и три гектара лишнего, то не их собачье дело. Они тогда ходили ныли, что неправильно посеяли, теперь ходили пересчитывали.

И вот это колхоз... то есть, дом престарелых, имел шестьсот восемьдесят тонн зерна. Навезли этого зерна горы, навезли... Он говорит: “Я никогда не видел столько зерна!” Говорю: “Та откуда вы видели!” А рабочие, там те, которые работали: “Константин, – говорит, – шо вы делали? Где вы его... где?” И опять же, Панкратов приезжал, привозили директоров, смотрели. Ну я два года проработал, пока зарплату дали... чи пенсию увеличили. Сказали и не работать, а почему... А эта мне с собеса сказала: “Если работать будете, мы сымем пенсию, будете получать сто... ту же, сто двадцать с чем, чи шо... – говорит, – щас, если только вы откажитесь от пенсии, – говорит, – там будут гадать, кто он такой! Это только миллионер может отказаться!” Вот и все, а после, говорит, не восстановят.

Вот это я и бросил работу. А потом в прошлом году, настроился идти на работу, вот там же выносили постановление, что можно будет работать и прочее. Ну они, оказывается сделали такой вариант, сразу увеличили на три рубля пенсию перед этим. А потом принимают постановление следующее, человек, получающий двести шестьдесят де-

вять гривней, не имеет право работать. Вот так и все, не получилося. Ну, правда, мне щас хоть увеличили пенсию, я сейчас получаю пятьсот двадцать гривней. Если бы для себя самого, хватило бы, а так я детям помогаю, тяну детям.

А вообще, село, особое село. Село особое, потому что это переселенцы, вы ж, наверно, знаете, наверно в курсе дела. Вы знаете, отношения у болгар, это особые болгары, в этом селе. Здесь, эти особые богары, здесь сильно много отразилось и украинского. Украинского много отразилось, русского здесь меньше. От здесь все как-то, значит, все построено, если у соседа сгорела хата, значит, пусть у него и корова сдохнет. Значит здесь никаких, брат на брата, сестра на сестру. В 36-м, 37-м году, значит, около четыреста человек расстреляли, здесь в селе. От само больше по Таврической губернии, если брать... Почему? Ну вот все зависит от людей. От людей... Даже от случай хочу вам привести, чи пример такой привести. Здесь был педтехникум. В педтехникуме, значит, было преподавательского состава тридцать три человека. Значит, тридцать три человека арестовали, тридцать два расстреляли. Тридцать третий человек оказался в Москве, оказался профессором, оказался академиком. Кто? Вы понимаете? Все поняли? Вот все, далеко ходить не надо!

От это такое у них. Вместе с тем, здесь было много одаренных людей, много мудрых людей, очень много. А щас. Значит, многие, за последние годы, значит, у нас как получилось, многие люди такие эрудированные, достойные поуезжали. Остались кто, остались отдельные товарищи, кто не могли отказаться от родителей, остались. А остальные, ну что вы, когда я приехал сюда на работу, у нас было человек ну двадцать-тридцать, которые крестиком расписывались, вот и все.

[Я как только пришел, фактически все тут, кто были местные, когда стал председателем, были против настроены]. Все! [Как с ними сработаться...]. Вы знаете, я не увольнял. Я им сказал: “Шо, от то шо вы хотите сделать, не сделаете”. Я с ними нигде не выпил сто грамм, никуда не пошел, никуда... Я им не дал повода никакого, если бы было за что зацепиться, они бы подключили... Даже был такой случай... Был такой случай, “черный ворон” стоял три года здесь под конторой, это буквально было 73-й год. Они мне... Они мне вспомнили от это и подсолнух, вспомнили, и все, они мне все вспомнили. Секретарь парторганизации был *[нерозбірливо]* был, ну что, я работаю, он пьет. Я посмотрел-посмотрел, говорю: “Знаешь шо, Иванович, иди ты, пожалуйста... Иди и занимайся своим делом! Я не хочу тебя воспитывать, потому что я делаю, а ты разлогаешь, только делаешь обратное”. – “Ну ты пожалеешь еще, пожалеешь!”

Коров много, развитие животноводства много. Я значит, по эти... брал племенной скот, в этих племконторах области и прочее. Привозили даже с Херсона, херсонскую красную, особых вороных коров. От заставил отдельных товарищей доить коров, нахально заставил. Потому что желающих... это ж надо раньше подняться и позже лечь. *[Нерозбірливо]*. Хотя и подменные были и аппаратура там, и доильные агрегаты, аппараты. И в том числе жену председателя народного контроля и председателя рыбкомисии. От они объединились и начали писать. Писали-писали. И, в конце-концов, меня разделали в "Правде" центральной, написали *[нерозбірливо]* вот, огромный, на целую... это третья страница была. Это где я, значит, шо там, как ее... и гусей им топтал, и заставлял их арбузы есть и прочее.

А я значит, от это приехал, привезли гусей в село, скот нечем кормить, соломы в селе нету. А в Бердянском районе был колхоз, там Смирново, Чепурной Александр Иванович, сегодня ныне покойный, говорит: "Костя, скикы тоби треба, у мене ее, доси от лежить от так десять або пятнадцать рокив. Беры, яка на тебе дывыться!" Это от мы возим, привожу, то не успели раздать, скот там, от шкура и кости, гусей там сто пятьдесят, двести голов. Гусей там, от значит, от это только коровка подходить или теленок, он съел глаза, и не боятся! Я раз сказал, второй раз сказал, потом думаю шо, ага, я сделаю иначе. Я говорю, я ваших гусей сдам на мясокомбинат. Значит, загнали гусей этих на мясокомбинат, вот, в машину погрузили, довез до края села, говорю: "Выпускай!" Выпустили их. Три-четыре дня проходит, опять такое. Я машиной десять или двенадцать штук подавил, после этого все прекратилось. Это первое.

Вот это "арбузное" дело завели, "арбузное" дело. Значит, от это еду, она взяла арбуз, значит, килограмм на двенадцать, и те женщины сами мне сказали, он она. Я спрашиваю, чего ты? "А я себе на дорогу есть взяла!" Ну и ешь тогда! Говорю: "Покуда не ест, не уезжайте!" *[Посміхається]*. И от представьте, арбуз двенадцатикилограммовый... Я думал, что они сделают, значит, ей снисхождение какое-то, а они ее заставили и потом поддергивали... Ее довезли до края посадки и оставили ее в посадке. От это мне вернули.

Вообще все от это собрали, семечки, подсолнух вернули. Она приехала, эта Ткаченко, я ей говорю: "Вера Макаровна, знаете шо, я от понимаю, что от много бед накоил. Давайте соберем партийное собрание, – говорю, – люди пусть скажут свое мнение. Я попрошу извинения в них за все это. Я уйду по добру, а вы напишите то, что считаете нужным. Зачем эта крайность, эта крайность мне не нужна". А потом она, значит, тут собрала, был тут Алавацкий, знаменитый, комбайнер, отец

его плотник. Значит, он та при оккупации был участником, полицаем, отсидел и прочее. Он довольно порядочный и честный человек, он вреда никому не сделал. Иду, он нарежет заготовки, несет. Раз нарежет заготовки, несет, второй несет, а с лесом трудно, животноводство не *[нерозбірливо]*. Я взял и выписал ему три кубометра леса и сказал, на второй раз пять выпишу, и больше тебя не будет на работе.

Она вызывает его и спрашивает: "Было такое?" Говорит: "Было!" – "И как вы к этому относитесь?" – "Как, обычно отношусь! Правильно он сделал, меня б никто и не отучил, я б и сейчас так делал." – "Так вы воровали?!" – Я! – "Так вам выписали?!" – Мне! – Так, а чего удивляетесь?" – "А так он тебя уже купил!" – "Та зачем купил, я щас, если надо попрошу, сколько он мне леса даст, я столько выпишу!" Все, уходи!

Приходит доярка, а ей говорю да... тогда нет, не будем... "Ну тогда, – говорю, – вызывайте коммунистов!" – "Вы нам подсуните кого, те кто вас защищать будут..." – "Да Бог с вами, форма одиннадцать, берите, выбирайте любого, приглашайте и все!" И она ж пригласила этого, пригласила Кралеву Марию, конфликт со мной был тоже. Конфликт какой, она загуляла *[нерозбірливо]*. Я их собрал, как всыпал, я думал я их обоих кончу! Ну, а что делать?! Другого ж ничего не сделаешь, это ж не город, это ж село! Там не заховаешься, это ж село! Она вызвала: "Был?" Был! Она говорит: "То шо было, было! *[Нерозбірливо]*. Где ты была тогда, когда коровы не доились?! Когда коров доили по пятьсот килограмм, коза давала по семьсот, а мы по пятьсот доили! Мы щас доим по три тысячи молока! У нас машины не успевают возить! У нас по пятнадцать тонн молока каждый день сдают! Чего ты приехала, чего тебе надо?!" Она ее выгнала! От это от, кончилось.

Ну потом чем кончилось. Кончилось этим, когда-то сижу... расскажу вам... Самый последний эпизод... Значит, стучит в дверь, ну я уже знал, кто как стучит, это не нашенский стук *[нерозбірливо]*. Я говорю: "Пожалуйста, заходите!" Значит, открывает дверь, заходит старичок, где-то лет шестьдесят пять, такое где-то. Посмотрел, я говорю: "Что такое?" – "Я здесь отдыхаю, у вас очень хороший мед. Я брал мед у вас, у ларьку, щас пошел, меда уже нету! Может вы мне разрешите, мне заварьком говорит, сходите до председателя, может он разрешит, я возьму!" Я говорю: "Конечно, разрешаю! Пойдите, пусть возьмет, сколько вам *[нерозбірливо]*. Хоть и центнер возьмите, он у нас есть". А у нас его много было. "Можно еще один вопрос?" Я говорю, – да. – "Я бы хотел отдельные вопросы выяснить". Я говорю: "А кто вы такой?" – "Та я знаете, скорее всего, я сам значит, корреспондент..." Не-не, говорю, ради Бога! "Нет, вы все-таки выслушайте меня. Я завиздательством "Правды", живу я в Днепропетровске, опекаю Запорожскую, Крымс-

кую, Николаевскую область, это мой участок. Меня командировала редакция, принести извинения, за то, что получилось вот так!" Ну, я говорю, – извинения принимаются, но боль остается.

Ну от представьте, если стараешься сделать как лучше и ни в чем не замешанный, обмазать с ног до головы, обмазать... [Так они потом хоть напечатали в газете что...]. Не-не! Боже упаси! Правда, ее перевели в отдел писем, на два года перевели в отдел писем. Опосля, оказалось совсем другое, откуда все пошло. Я вам расскажу. Значит, от был скотарь Торсов Василий, вот на ферме зав... вернее, водителем работал. Уезжал... Поехал в Мелитополь, левота, отвез в Мелитополь пассажиров. Я его за это, сказали мне, я его убрал скотарем на два месяца. Он на ферме, прихожу на ферму, у доярки пропал халат, пропал мешок и прочее, фураж пропал. Нашли, короче говоря, пошли по следам и шо там такое, начали ковыряться в яме, в жиже, от там где яма сточная. Вытянули оттуда халат, вытянули мешок с фуражем и прочее. Я его выгнал вообще с колхоза...

И приехал, был Пантелеев, прислала его Москва, вместо первого секретаря обкома Всеволошского, шо-то такое шаткое положение, а потом Всеволошскому дали Героя соцтруда, тот остался таки вторым. И он приехал туда, и он благословил эту Веру Ткаченко, она написала, а он был инспектором ЦК КПСС. И она написала вот это *[нерозбірливо]*. Ну и, короче, он с женой отдыхает на пляже, то есть, на косе там райкомовский домик, на Обиточенской. Вечером они ужинают, подходит мужчина к ним: "Здравствуйте, приятного аппетита!" – а он такой эрудированный дядька, его отец был писатель, этого Николая Алексеевича. Он, Николай Алексеевич, сам кандидат наук. Он говорит: "К столу просим!" Он говорит: "Сяду, покушаю, если выпить дадите, тоже выпью!" Он говорит: "Чего нема, того нема! Кушать пожалуйста! А ты откуда?" – "С Преслава!" – "А кто у вас там председатель?" "Гад, Полукчи!!!" *[Сміється]*. Это мое фамилия – Полукчи! "А почему гад?" – "Та то страшный человек!" Ну тот давай же раскручивать, а тут как раз то каша варится. От такая. Там она пишет, там поступают письма, до сих пор держат на работе зарвавшегося председателя и все прочее.

Ну, короче, он начинает говорить: "А кто такой Бурлак?" А он говорит: "Та это, – он говорит, – Та мы с ним в школу, в один класс ходили. Он такой, сильно высокого мнения о себе и прочее". – "А Турый?" – "А Турый, это мразь! Он никогда, – говорит, – он все крутит и крутит! Бывший парторг." Он, значит: "А кто ты?" – "Ну кто? Я, – говорит, – работал шофером, он меня выгнал!" Говорит: "Чего ты гадом его назвал?" – "Так, как же не назвать? От выгнал с работы, мне ж надо выпить, надо! От я попался в момент, с Приморска до Мелитополя, я по-

ложил бы себе в карман не меньше сотни рублей, – это в те времена, – а так остался без ничего и он меня с работы выгнал!" – "А что он за человек, собой представляет?" – "Человек он, Николай Алексеевич... – чи вернее не Николай Алексеевич, а как он там его назвал, – человек он хороший, но сильно... он гад, но правда шо он, шо у него хорошего, он справедливый и он не вор. А так он такой, значить, – говорит, – сильно требовательный, и сильно серьезный!" Но говорит: "Там другого и не надо, только такой! Они, – говорит, – охотются за ним, поймать не могут не на чем! Он сам, не пьет, не курит, не ворует, ничего, не гуляет, ничего!"

Значит, на другой день, приезжает капитан КГБ: "У вас есть такой и такой?" "Есть, – говорю, вернее был!" – "А где он щас?" Я говорю: "Где-то там на *[нерозбірливо]*, комку там собирает на море!" А тот подумал, что это я его подослал, дал команду КГБ. Проверили, и он тогда позвонил Афанасьеву, Афанасьев был тогда редактор "Правды" центральной, и тот сказал: "Все, прекращайте, дайте человеку работать!" Вот это. И так они меня и не тронули, только что морально вот это, вот такое было. Ну, а так...

[А с другими председателями колхозов, которые поблизости были, отношения...]. Вы знаете, с председателями колхозов были у меня отношения очень хорошие, очень хорошие. Ну, правда, я от мог поехать, меня часто от посылали в колхозы другие, там то собрания проводил, то партийные, отчетные собрания проводил. Конечно, как обычно, я побывал на областных форумах, бывал на партийных конференциях областных, когда приезжали представители других областей. Я старался выглядеть, именно в таком стиле как... но я за пределы не выходил, за пределы приличия. Правда, значит, в "Серпе и молоте" я был, я их поклепал немножко. Их председатель колхоза был украинец Корик Иван Андреевич, а я их на болгарском поклепал, очень поклепал. И потом еще рассказал болгарскую притчу одну, она кончается тем что...

Ну, короче, лисица выводит лисят в виноградник. Лисята растут, хозяин приходит, посмотрел-посмотрел: "Да, – говорит, – надо прийти прополоть виноградник, сильно заросший!" Ну, а лисята уже понимают, мать приходит, они говорят: "Хозяин приходил, значит, сказал, придет полоть! Что будем делать?" Мать говорит: "Не бойтесь, не бойтесь! Придет... живите!" Проходит время, лисята уже большие, уже подходит та осень, трава там, он приходит, говорит: "Да, прополоть не прополол, наверно, приду скошу ее!" Мать приходит, опять, вот они рассказывают, она: "Не верьте, не будет этого, не бойтесь!" Она снова идет на охоту, они уже подросли, уже такие взрослые пошли. Он пришел, говорит: "Да, как же я забыл спички, завтра приду подпалю, пусть

сгорит!" Она приходит, они говорят: "Мама, хозяин приходил, забыл спички, сегодня придет подпалит!" Она говорит: "Он это сделает точно, тикаем!" *[Посміхається]*. Вот это я ему рассказал.

[Это они плохо там хозяйничали...]. Очень плохо. Значит, ни в старое время славились, это я их за овощи, за овощи клепал. Они славилися в старое время *[нерозбірливо]* виноградники у них были хорошие и фрукты, а эти все забросили. Вот это я их просто решил достать, вот это я им одно... А так я себя вел достаточно *[нерозбірливо]*. Помогал я всем словом, делом, всем делился, что у нас было. Даже агроном много раз мне замечания делал, замечания *[нерозбірливо]* ...то что есть, я с собой его уносить не хочу. От такое дело.

[А прямым начальством был...]. В Приморске... В Приморске начальник прямой *[нерозбірливо]* начальник управления сельского хозяйства, но это человек такой, думает одно, говорит другое, делает третье. От, Петрик, председателем райисполкома был, от. До этого был Косяк, председатель райисполкома. Диденко был. Косяк, Диденко, потом после Диденко, Петрик стал. Но Косяк был, после этого он ушел в зав.облоно в Запорожье, Григорий Иванович. Это действительно был, довольно украинец, великой души человек, порядочный, образованный, умный, корректный. Ну, в общем, не могу даже я подобрать более теплых слов для... какой он есть на самом деле. После того стал Косяк. Косяк... То есть Диденко. Диденко писал анонимки на первого секретаря райкома. От. При немцах он, значит, был просельным. Просельным, где-то там в Гуляйполе, от.

И он шо делал, ездил, заметил какую-то девку там: "Это моя!" Идет туда, пишет, сам пишет "в Германию" и прочее, а потом выводит и от: "Я могу сделать, чтоб ты осталась, но ты моя!" Вот это... Вот такая мразь, я б его... Я б его, поверьте, я б его на пушечный выстрел не подпустил бы! И от это его секретарь райкома, мне рассказали ребята, его выгнали оттуда с Гуляйполя, соученики, выгнали оттуда, он сюда получился. Я говорю секретарю райкома: "Зачем вы его взяли, вы знаете кто это такой?!" –"Такого не может быть!" Дело ваше! Потом, когда он, поймали его на анонимках... Как поймали, уже все было доказано, уже прокурор экспертизу посылал, делали, уже определили шо он, но он все время отказывался. Его забрали директором... начальником топливного склада области и они дежурили при облисполкоме. И от это во время его дежурства, они, значит, оставили там бумагу, копирку подстроили, и он там настрочил. Письмо. Ну короче говоря, они забрали письма, потом ни исключили его из партии. От такое.

А потом этот Петрик, его прислали с Западной Украины. Он шо, от понимаете, шутки бывают шутки, но шутки бывают такие шо... В своей

семье или там на лоне природы, собралися там, расслабилися. А он так, идет совещание, он может от это деловое шо-то бросить и лепнуть такое, шо все *[нерозбірливо]*. А Тиховод, этот был секретарь райкома был, сильно, сильно скользкий человек, от такое. Так что, от этих я знаю. Областные начальства, я ж говорю, у меня самая теплая память об этом Всеволошском, он умер. Очень хорошая память об этом, Склярове, Павел Иванович, был такой по промышленности, очень даже хороший человек. Он был председателем Приднепровского совнархоза, когда-то. Вот это при Хрущеве, совнархозы, полковник, войну всю прошел от начала до конца. В общем, очень хорошие у меня...

...Скляров, от это первое знакомство у меня было с ним в Кисловодске. Отдыхал он, отдыхал, значит, директор Первомайского завода, Богуславский, покойный и министр тяжелой металлургии с женой отдыхали. Мы от идем туда "красное солнышко", тянут трубы. Тянут трубы, это водовод, я говорю: "От если бы мне такие!" *[Нерозбірливо]*. А этот директор говорит: "А шо ты с ними будешь делать?" – "Как шо делать?! Орошение делать!" "А шо тебе орошение?!" Я говорю: "Люцерну посеять и получал бы урожай". – "Ну и шо это... " "Как шо дасть, корма! Молоко!" А этот Павел Иванович, сидел *[нерозбірливо]* минут пятнадцать-двадцать, он говорит: "Он отстает, отстает... – говорит, – и не жалься, это тот человек, который ваш! Придешь, – говорит, – вечером сегодня, поговорим!" Не успели мы приехать с Кисловодска домой, вагоны уже, вагоны уже прибыли... вагоны с железнодорожных путей, двести девятнадцатые, на станции Елизаветовка.

Да, это вот так. Я настолько ему благодарен, я от, например, его считал как своего родного отца, от такое. И от это мы, значит, сделали орошение, сделали там на пятьдесят тысяч водоем, поставили "фрегаты". Первые "фрегаты", значит, только появилися, я следил за литературой, и от это кто успел, схватили бесплатно за счет госфонда. Так мы взяли три "фрегата", каждый "фрегат" имел две позиции, семьдесят пять гектар одна позиция. Сам, вода его вращает. Мы урожайность получали до ста центнеров зеленой массы с гектара. Заходишь, от квадратный метр, замерял, двадцать три килограмма на квадратный метр. Сена там, сенаж... это шо-то чудо было. Это все Павел Иванович, насосные станции и прочее, в общем, не знаю...

От Харченко, я с Харченко пытался навести контакт, не получилось. А Трутнев был, може вы помните такой, он в науке где-то в Днепре работает щас, в Днепропетровске. Я с тем даже не пытался, я когда-то зашел к нему шо-то, какой-то вопрос решить: "Надо заниматься производственными делами, а не ездить по области!" Я извинился, вышел и больше я к нему порог не переступил.

А так, все. В облуправлении был Григорий Денисович, очень хороший человек, чудесный человек. Не знаю, больше всего мне везло на хороших людей, меня судьба сводила с хорошими людьми. А председатели колхозов, мои друзья были, Карачута и колхоз "Родина". Тот выступает, значит, идет пленум, идет и он выступает на пленуме, и говорит: "От мы призываем, мы вызываем, просим дать нам, колхоз "Коминтерна" вызываем на соревнования. В конце года подведем итоги". Подымается колхоз "Энгельса", Златый был, Владимир Ильич. Значит, подымается: "Мы тоже, колхоз "Ленина", посоревнуемся, потому что у них показатели, нисколько не лучше наших!" *[Нерозбірливо].* Я поднимаюсь и говорю: "Вы знаете, посоветовались со своей делегацией и решили, мы вызываем, мы согласны, мы идем на соревнования! Кончается год, подводим общие итоги, даже мы согласны, если у вас какой-то показатель не получается, значит, вы этот показатель объединяете и все. Но при одном условии, тот кто проиграет, здесь же, на этой сцене, то есть у этой трибуны, съест свою шапку или фуражку!" *[Посміхається].*

Значит, кончился год... Кончился год, начали считать, у нас зерна килограмм... то есть на тонн десять, на пятнадцать больше, молока, мяса и прочее. Выступает, значит, этот Петрик, председатель райисполкома: "Константин Григорович, вы шо, будете шо говорить?" Я говорю: "Я уже все сказал! Я вам свою фуражку отдам!" – говорю. От такое, так они часто смеялися! *[Посміхається].*

[Не обижались...]. По-моему, може шо-то в душе и было, но нет. Но дело в том, что я им говорил, мы делаем так, так и так. От вы знаете, приезжают сеять, сеять нельзя. Почему, потому что от если графически изобразить от нашу зону. От это, черные пары, сев начинают у нас отдельные пятого, десятого и прочее. А у нас так, если только налажено *[нерозбірливо]*, налажено, если изобразить графически, смотрите, это вот если десятого, сев будет идти от так вверх, расти до восемнадцатого. Восемнадцатого идет от так, девятнадцатое, двадцатое, двадцать первое, двадцать третьего. Потом двадцать третьего поехал сюда, для меня самое лучшее вот это место. Я, значит, восемнадцатого, только открывает, начинает вверх расти, я его не признаю, девятнадцатого не признаю. Двадцатого, двадцать первого, двадцать второго, все. За три дня засеяли где-то так гектар семьсот-восемьсот, а то и тысячу. Сколько надо, столько мы агрегатов поставили. И от это все, это посев вот этот всегда дасть урожайность на пять, на шесть, на десять центнеров больше, не меньше.

И от мы за счет этого выигрывали. От приезжаю сеять, а чего сеять? Когда надо сеять? От давит и все: "От покуда не будете сеять, не уеду!"

От это давайте сеять. Начинает сеять края, подсевают края – уехал. Уехал, все. Вертается – стоят. Шо такое?! Трактор застучал, час трактор... Вертается через два часа, трактор застучал. Значит, на другой день приезжает сеять, здесь уже ничего не остановит, ничего сделать нельзя. Я шо делаю, прихожу сам лично, сам лично, какой агроном, беру севалки, мы сеем на семь сантиметров, на семь сантиметров, я севалки заглубляю на девять, на десять. За счет этого, я за счет того, что оно глубже, оно взойдет на два-три дня позже.

Вот это мы делали, но это надо знать. Вот понимаете. И вот это меня страшно бесило! Я, например, считаю, что я у любого человека могу взять что-то новое, хорошее. Вот есть у нас Толя, там один, у него заскоки, у этого Толи. И у него другой раз появляется просвет. Стою возле конторы, он идет... стал на дороге, взялся за лицо. Подходит до главного инженера: "Александр Иванович, дай мне машину! – на чистейшем языке, на чистейшем русском языке, – дай мне машину!" – "Зачем тебе машина, Толя?" – "А я хочу перевезти Машу к себе домой!" А его все дразнят, что она это его подкармливает и прочее там. Матери нет, отца нет, брат пьет, невестка пьет, в общем, жизни нет. Он говорит: "Так она тебе нужна?" – "Так, а шо мне делать?! Пусть уже будем вместе жить". Подходит, Толя!!! Раз, все уехал. Так он подумал, у него трезвость наступила. Так, я говорю, даже у такого человека, подумай сразу, посмотри, подумай, а потом уже говори, делай шо. Вот это, например, я могу сказать, а так, не знаю.

[А вот Хрущев когда был, он же вообще вводил свои порядки...]. Вы знаете, при Хрущеве... Хрущев когда был, при Хрущеве тоже можно было *[нерозбірливо]*. Мы при Хрущеве, от это Херсонская опытная станция, Херсонская опытная станция, значит, шо сделала. Он черные пары уничтожил, многолетние травы уничтожил, он взяли внедрили широкорядные посевы кукурузы, два десять на метр сорок. А мы сеяли эту кукурузу, потом культурно убрали, культурно... держали поля в культуре, это были занятые пары, ну почти черные пары. Мы жили тоже, выкручивались и жили нормально.

Шо, ну у него горох, кукуруза. Это горох, это самое страшное было другое, горох это не страшное. Я когда в "Новой жизни" работал, там у нас охранник дед Малеча был, ему было сто три года, он охранником был. Лысенький такой, худенький и бородка такая и детский голос. И от это горох-горох. Он говорит: "Гаврилович, слушай, горох-горох, мы в шестьдесят третьем году, с покойником, посеяли этот горох, ну намолотили его там сколько, – он сказал сколько, – и как высыпали, его ни один бес не ест!!!" *[Сміється]*. "Не сейте вы его!!! Не сейте вы его, ни один бес его не ест!" Вот это за этот горох...

Ну и мы начали этот горох, с хлебом и прочее. И... то есть, в хлебе горох. Ну я не знаю как там было... Но самое страшное, мы его сеяли триста шестьдесят гектар, четыреста гектар сеяли этого гороха. Его горы были этого гороха. А уборка, "Беларусь" трактор, жатка цеплялась сзади и тракторист убирал от так... Честное слово, честное слово, это страшно. Я как сел, посмотрел, это страшно, мука. И они настолько, бедные, настолько оно их кончало! А потом уже, когда появилась техника, более-менее. Он ложился, падал этот горох, с земли не поднять. А потом посмотрел-посмотрел, взяли... Значит, горох рано спеет, овес рано спеет, плюхнули. Значит, посеяли горох, после гороха посеяли, дали на гектар пятьдесят килограмм овса. Реденький, горох подцепился, стоит от так, как ковер, один другого подгоняют, вместе созревают, легко убирается. Через *[нерозбірливо]* пропустили, овес отошел, горох чистый. Вот так. И с этим нашли тоже вариант.

А когда от это горох выращивали, приехал представитель ЦК. Приехал в колхоз и от это он был смотрел-смотрел, и потом на от эти широкорядные посевы кукурузы, подсолнуха. Ну подсолнухи, хоть верьте хоть нет, от такие шляпки... Армавирские. Он говорит: "Если бы вы мне еще буханку хлеба дали!" Я говорю: "Конечно дадим!" *[Нерозбірливо]* здесь была бабушка, покойная, спекла хлебину, килограмм, наверно, четыре, в этой хлебине, ну от такая. И от дали ему эту хлебину, он посмотрел: "А что, она из чистой муки?" Да! "Ну что ж, не обижайтесь, *[нерозбірливо]* я покажу какой хлеб едят крестьяне!" Я говорю: "С вашей стороны это нечестно будет, мы вас кормили каким хлебом! Это я вам просто, как уважаемому гостю, высокому гостю, просто решил преподнести подарок! Если вы хотите отвезти в ЦК, то передайте" *[нерозбірливо]*. Он ничего не сказал.

[А вот этот горох, потом сдавали государству...]. Государству сдавали. *[Нерозбірливо]* ...когда появилась пшеница будущая *[нерозбірливо]*. Щас расскажу быстренько. Вот и вот это я прочитал, Харьковская станция растениеводства вывела их. Я начал заниматься, где у кого в Харькове есть, медсестра в Харькове, а ее брат там, оказывается, там работает, двоюродный, бухгалтером. Ну и послали ее мужа, агроном, послали его туда, привез он двенадцать килограмм этой пшеницы и *[нерозбірливо]*. Мы ее сеяли там, через три года у нас было четыреста семьдесят гектар этой пшеницы. И она как жито, крупная, в два раза крупнее жита, форма жита. Ну и как раз колос, колос на ней от такой большой, урожайность у нее довольно высокая, шестьдесят пять центнеров.

Мы начали ее сдавать государству, ни ее не принимают, она у них в каталоге не значится. А потом, шо мне стукнуло, я заставил Машу, у

нас весовщица... чи-то, амбарщица, Маша была. Вот от это, шо Толик перевозить ее собирался. Говорю: “Возьми смели муки два раза и отвези, пусть мне бабушка спечет хлебца. Такой, шоб хороший!” “Хорошо. На когда?” Завтра! На другой день прихожу, меня только увидела, Маша тикает, я за ней. Иди сюда, дорогуша, чего ты... “Так она меня подвела, проспала и прочее!” На второй день идет она, то же самое: “На другой день будет!” На второй день, такая же история. Шо? “Дрожжи у нее пропали!”

А я уже все понял, говорю: “Слушай, Маша, возьми, наверно, ведро или два безостой муки, пусть она мне с безостой спечет и с этой, только обязательно!” Она на третий день идет туда, она ее увидела, берет тяпку и матом: “Иди-иди! Я тебе череп проломлю этой тяпкой! Ты мне принесла белой глины и хочешь, чтоб я тебе хлеб испекла!” От и все. “И он делает меня дурой!” Я говорю: “Маша, не делаю тебя дурой, я и сам не знал!” Извинился, поехал я к той бабушке, извинился. Начали косить, давать скоту и скот ее не ест, ту муку. *[Нерозбірливо]*. И уничтожил я ее полностью, еле здыхался.

И после того держался, не знаю как шо, держался вот этих армавировских сортов. *[Нерозбірливо]* я все равно в колхозе сказал, два поля одесской, два поля *[нерозбірливо]*, пятьсот гектар. Пятьсот гектар хватит нам и людям раздать, и на общее питание *[нерозбірливо]*. А у нас даже было такое, от мы сдали восемь тысяч с половиной тонн зерна. У нас государству было продано семьдесят пять процентов зерна высшего сорта. *[Нерозбірливо]*. У нас за килограмм зерна, восемь шестьдесят, мы получали двадцать две копейки. За счет клейковины, за счет сверхплановой, и прочее.

[А вот при Хрущеве приусадебные хозяйства тоже...]. Вы знаете, вот приусадебные хозяйства были, при Хрущеве боролись. У нас был ларек, у нас в ларьку, если бы ни не влезли сюда, это было бы *[нерозбірливо]*. В ларьку у нас продавали сметану, молоко, творог, крупы всевозможные, даже гречку, мы не выращивали, но мы гречку привозили, продавали. Овощи, мед, все у нас. От человек заказывает сколько кому надо, они и горя не знали. И от так продолжалося до тех пор, пока не съели Хрущева. Когда съели Хрущева, это если мне память не изменяет, мартовский пленум шестьдесят третий год. Значит, стал Брежнев, проходит сколько, полгода, приезжает: “Вы не имеете права торговать!” Я говорю, значит: “Как не имеем права, у нас у людей ни у кого ничего нету! Мы скот людской уничтожили, все уничтожили!” И от так они меня два года мурыжили. В конце второго года приехал прокурор и говорит: “Константин Григорович, не обижайтеся, мне деваться

некуда! Вот постановление, читайте!" Все, закрыли мы все. Тогда уже разрешили людям коров держать и все остальное, от такое.

[А еще были виноградники...]. Ой, виноградники были у нас, только и того, что виноградники были у нас старинные там у моря. А потом, один год мы посеяли шестнадцать гектар виноградных, посадили вернее. От при том, посадили самые лучшие сорта, какие были на то время, столовые там и прочее. Потом посадили вот этот садик возле холодильника, посадили малину, посадили крыжовник, посадили, в общем, все у нас было. Первый год ничего, на второй получаем постановление, план продажи малины, смородины, вот, малины и план продажи винограда и прочее. Вы знаете, вот это самое страшное, что только есть. Более страшнее ничего не бывает, посадил куст, тут тебе раз план! И я его уничтожил, честное слово, ну шо, зачем оно мне надо! Значит, открыли парники, сделали парники, сделали теплицы *[нерозбірливо]* за селом. Три теплицы поставили, люди, март месяц, огурцы, приезжают, расписки, там три ящика. А там без меня никто не дает, без меня никто не дает, идите до председателя. Я раз иду, второй раз иду, потом от так кое-как доработали, сказал, да гори оно огнем, больше...

А потом еще один вам анекдот расскажу, и вот, если вас устроит. Сад был и в саду было сто восемьдесят гектар сада. Абрикосы, сливы, яблони, груши, больше ничего. При том лучшие сорта, это при мне садили, при мне садили и прочее. Ну, значит, возим-возим эти абрикосы, никто не принимает, сливы никто не принимает, яблоки тоже. Смотрел-смотрел, думаю была не была, значит, вызываю механика: "Значит, – говорю, – чтоб самогонный аппарат был здесь!" *[Посміхається]*. Сделали, он взял большой самогонный аппарат, сделали цистерну трехкубовую, поставили там обрезки *[нерозбірливо]* взял три бабки и деда одного. Дед, значит, сам бывший педагог, бывший *[нерозбірливо]* царство ему небесное, ну он честный. Человек, он был переводчиком при немцах там где-то, но он за это отсидел, но он очень человек... У него ремешок, на ремешку ложка привязанная, столовая алюминиевая с дыркой. И от это приезжают, а был профсоюз, значит узнали, что самогон варят, приезжают: "Попробовать можно?" Он говорит: "Можно!" – "А у вас стакана нет?" – "А мы стаканами не даем!" Достает ложку, рубашкой вытер, набирает и дает, ну кто будет! *[Сміється]*.

Но это не главное, главное в чем. День поработает, чаны поставили, два молочные бедоны, сорок литров, двойная перегонка, семьдесят шесть градусов. И запах абрикоса, я за всю жизнь свою один раз пробовал коньяк "Наполеон", один раз только пробовал. Я даже не знал, думал помру... хотя я ни разу за всю жизнь не напился, я не знаю шо это такое. Не знаю. Я попробовал этот "Наполеон" и попробовал наш

этот абрикос, абрикос лучше "Наполеона" в сто раз. Запах абрикос полностью сохраняется, мягкий, приятный, пахучий, в общем, вот такой.

И мы наварили самогона, сколько там не помню, много. Мы его лили в бутыли, заставили, ото полные двадцатилитровые бутыли заставили. И ото в каждый бутылек, ложечку марганцовки, и там на дне немного черный осадок, а во всем остальном как слеза. Ну и, короче говоря, проходит сколько, год проходит. Идет уборка, приезжаю, от так выскакивает бухгалтер колхозный: "Вы знаете, у нас неприятность!" Я говорю: "Какая неприятность?" Финотдел приехал, начинает рассказывать, акт, спирт сырец, самогон изготовленный кустарным способом в хозяйстве, должен сдаваться, реализоваться государству, на винзаводы или спиртзаводы, по цене шестьдесят восемь копеек за литр. Остальное, в противном случае, все изымаеться в фонд государства.

Забрали, шо-то тридцать с чем-то тысяч забрали. Ну шо... А оно тогда получилося шо, от это мы наготовили его тогда, именины, там крестины, свадьбы, проводы. Значит, начали его выписывать по... значит, литр, два, два рубля литр. Они перестали покупать в магазине и начали здесь брать. Я потом говорю, давайте по четыре, берут и по четыре. Начали и с района ездить, потом я смотрю там пьяные валяются, там, думаю, шо я делаю, запретил все. Только выписный, только по выписке и все.

Ну и, короче говоря, проходит сколько времени, уехали, а деньги они эти забрали. Ну мы, год или два прошло, снова, пойду по саду пройдусь, от. Я посмотрел-посмотрел, все, гоним, начали снова гнать. Гоним мы от себе, гоним без никаких. От приходит, приезжает та же дама с финотдела, бухгалтер каже: "У нас самогону нема! Мы, – каже, – робымо вино плодоягидне!" *[Сміється]*. Семьдесят шесть градусов! Она приходит, вот вы шо делаете, самогон! Какой самогон?! "Яков Иванович, а ну дайте лицевой счет... Шо у вас там, самогон?!" – "Где?! Не, я ей сказал, це вино плодоягидне!" – "За кого вы меня считаете!!!" Стрыбала-стрыбала, но ничего не сделала, деньги осталися у меня. Но это не главное.

Потом осенью, в дверь стучит, заходит, нос от так торчит: "До вас можно?" Я смотрю, думаю, этого человека я не припомню, знакомая вот это вот физиономия такая и прочее. "Я оце тут проездом, у мене дуже велика ридня, кажуть, у вас дуже мицна горилочка, мицна. Так я хочу зробыть сюрприз оце своей ридни! Дайте мени пляжечку, скилькы вона коштуе, я заплачу". Я смотрю на него, артист, артист. Я говорю: "У нас нет!" *[Сміється]*. "Давайте знайомыться, я Евген Дударь, з "Перця"!" Може читали вы, а я перед этим прочитал его гумореску *[нерозбірливо]*. Его гумореска и как раз от эта карикатура была. Ну, коро-

че говоря, значит, вот это он три дня был, я кладовщице сказал, если я тебя буду шукать, чтоб я тебя не нашел! Шоб духу твоего не было, три дня, говорю, а то и неделю. И она сразу в Жданово укатила до дочери.

От, ну, короче говоря, он уехал. Уехал, потом на другой день говорит: "Я, – каже, – вам скажу, вам ничого не буде, – но я боялся, конечно, думаю, если дойдет и голову оторвут. – Вам ничого не буде, але, – каже, – непрыемность колхозу буде!" От это шо он мне сказал и все. А потом он приезжал сюда ко мне два раза, даже отдыхал с женой, с дитем. И он, мы с ним подружилися, в Киеве с ним встречался, тоже самое.

От это, после этого ж, ота дама пришла, от забрали деньги. А второй раз ничего не забрали, так и осталися. А секретарь райкома говорит: "Шо вы шутите, вас так ни одному не научили, но могут же голову оторвать!" Говорю: "Могут!" И не стал больше варить. А то так класно получалося и довольно... Ну шо оно пропадает, ну шо мы свиней, абрикосами и сливами свиней кормим. Вот, потом, они уже не едят, куда? Силос, в силос закладываем... Ну это вообще, это варварство, варварство! А можно ж было торговлю, говорю, от работник Павленко был: "Давайте соки делать, делать соки абрикосовый, сливы, что или компот!" "А зачем оно?! Оно мне не нужно!" Вот и все, такое.

[И овцы были...]. Ой, много, шесть с половиной тысяч! [И стригли...]. Да... Да, шо доили... доили мы давно их. Значит шо, собрал я всех стариков этих, всех стариков, я брынзу не ем. Я вам расскажу почему. Я настолько брынзу любил, я после этого не ел ее, сколько эти годы, даже до последнего дня жизни есть ее не буду. Собрали стариков, восемнадцать или двадцать человек, тысяча двести овец, это там в степи, баз. Вывозим этих стариков, они доят... Мы сдавали овечьего молока даже по тонне, по тонне четыреста сдавали государству, от это делали брынзу и прочее. И от это я поехал к ним, сидят они, доят овец. Но обычно ж не так доят, а берет, хватает вымя...

[Мужчины доят...]. Руками тянут и все бежит туда. Начал, овцы туда и писяют и какают в это молоко, но это не главное. Этот пыль там, значит, это все течет, у них пот, в ведро. Это все на моих глазах, и все, я после того больше... Вы знаете, вот это один год подоили, я говорю, не хочу людей травить, все, и я запретил. А так, стригли овец, у нас настриг был четыре и восемь, даже отдельные годы пять и шесть десятых килограмма на овцу, это очень хороший настриг. Мы сдавали шерсти и животных, где-то на триста, триста двадцать тысяч рублей. Это в общей сложности тридцать процентов, даже тридцать три процента, в фонд годовой зарплаты. Ну шо, отдельные были *[нерозбірливо]* по се-

мьдесят пять килограмм живой вес, сейчас, практически, найти таких коллективных хозяйств невозможно.

[А так с подчиненными, вот стиль обращения был...]. Строго. Строгим я был, спрос *[нерозбірливо]* для меня был друг, каждый человек, тот, который работал честно, который не ленился. Я признавал этих людей, я был с ними наравне. Те люди, которые туда-сюда и прочее, ну я с ними общий язык не находил, я с ними очень строгий был. С подчиненными, на равных с подчиненными, если я видел, шо он обманывает, шо он шо-то такое, я конечно *[нерозбірливо]* я его не держал *[нерозбірливо]*. От такое. Я считаю, так должно быть, просто...

Я от уехал на сессию, в Киев уехал, приезжаю с сессии, главный агроном едет на машине, от. А я как раз гос сдавал, сдал трое экзаменов, думаю, идет уборка, думаю, поеду посмотрю, от шо там делается. И от это приехал в аэропорт, туда в Киев, на Жуляны, спрашиваю: “На Запорожье есть?” Есть, от есть место! Значит, прилетаем в Запорожье, он в Запорожье не принимает, летим на Бердянск. Прилетаем в Бердянск, в Бердянске сели, сошли туда, выхожу с аэропорта, бывший председатель колхоза “Мичурина” Баглай Иван Петрович. *[Нерозбірливо]*. “О-о!” – говорит, отвез меня на автовокзал. Приезжаю на автовокзал, бухгалтер ходит смотрит, наш главный бухгалтер. Я подхожу: “Ты шо, меня выглядываешь?” Он говорит: “Не вас, но поехали!” *[Посміхається]*.

Приезжаем, до тракторной бригады доезжаем, спрашиваю: “Шо он, Койчева знаю...” – ну бухгалтер как бухгалтер. А я встречаю главного агронома, от встречаю, спрашиваю: “Где работает?” – “Отам, ота работает!” Ну все понятно... “Да вы туда не езжайте, у них еще на два дня работы...” Я говорю, нет, Иван Петрович... Приехали туда, там поле уже убранное, та стерня, от. Можете себе представить, уборка, главный агроном, он говорит: “Я приезжаю, встречает меня инженер и *[нерозбірливо]*.” Спрашиваю, шо такое? “Три дня уже на работе нет!” Он на море лежит, загорает! Шо с ним делать?! А шо вы решаете делать? Та мы... освободить... Освобождаем! И все. Ну шо, воспитывать когда... Воспитывать человека, когда ему двадцать лет, тридцать, а если ему уже перевалило за сорок...

Потом... Вот это, значит, вернул того агронома, значит, первого, бывшего. Посмотрел, шо он все время выхвалялся, шо он будет работать и прочее. Хорошо. Потом второй... А как он ишел с работы, этот агроном, когда сельхозтехнику я заставил потом взвесить, возили навоз, и говорит: “С меня значит, сделали санизатора”. Я, значит, должен вывозить по-простому. *[Нерозбірливо]* мне все передали. Я ему говорю: “Слушай, агроном, щас от где агроном, щас это просто труд, который принесет успех во время уборки. Для того, чтоб урожай был!” – “А это

не мое дело!" Не твое дело, значит, нам с тобой не по пути! *[Нерозбірливо]*.

Я не помню, для меня было ночью и днем *[нерозбірливо]* я проверял работу и в ночное время, и в дневное время. Даже они знали, щас председатель появится и начинается прополка. Я зачастую с ими полю, я в колхозе только одно не делал, только коров не доил. А то все делал. *[Нерозбірливо]* подправлять колхоз, а она: "Мне надо добелить от коридор, я пойду, но пусть мать добелит!" Я говорю: "Какой коридор?" Ну честное слово, я могу от другой раз сказать что-то неположенное. Коридорчик такой где-то два на полтора и от это побелить. При том в сырости, при том, если в сырости, *[нерозбірливо]* раз щеткой махнул и оно цепляет все сразу. Я говорю: "Слушай, ты долго будешь собирать?" – "Минут пять!" – "Ну я щас, – говорю, – за пять минут побелю, а ты иди собирай свои вещи!" *[Посміхається]*.

[Заместитель у меня тоже был...]. Заместителем был от этот Ганев Иван Николаевич. *[Нерозбірливо]* он был заместителем у меня. А потом заместителем был Марков Иван Федорович. Он был секретарем парторганизации последние годы, до этого он был завгаром, потом был инженером, потом, уже при мне, он был парторгом и заместителем. Ну дело в том, что на кадры свои я не обижаюсь. Почему не обижаюсь, потому что они со скрипом, со скрипом, они приучилися работать. Они работали, по-моему, оно иначе и нельзя было. Я когда-то выступ... говорил по телевиденью, говорил шо: "По-моему, если даже я выйду с работы, даже те, которые после меня будут работать, пятьдесят лет, они ничего колхозу не сделают. Колхоз будет идти по этому самому пути и будет иметь такое самое развитие." Оказывается, я ошибся, на сто процентов ошибся! За десять лет пустили все, как в прорву пустили...

[Когда Горбачев пришел к власти...]. У меня к Горбачеву, значит, особое отношение к Горбачеву. Там у меня где-то есть за его, есть написано за его, такое плохо-плохое стихотворение, очень плохое. Я считаю, что самое главное, главная вина Горбачева. Идет Всесоюзное совещание работников сельского хозяйства, значит, это было посвящено третьему съезду *[нерозбірливо]* был посвящен. Собирались *[нерозбірливо]* с колхозников сделать, потом провели всесоюзное совещание.

Ну в каком году было, щас я вам скажу, в каком году было. Где-то в 89-м, 88-й, 87-й год, от так. Значит, он проводит в колонном зале, проводит это совещание, я на третьем ряду сидел. Он там, от этого третьего ряда, один, второй и там проход есть метра два, и вы были, там метра полтора-два проход. Очень узкий между трибуной и залом. Ну, в общем, как от отсюда от до угла дома, рядом со мной сидел. "Вот, был я у Леонида Ильича, от Леонид Ильич отцовскую заботу проявляет, выс-

казал, что наше совещание назвали третьим съездом колхозников и прочее, прочее". Лил-лил воду, лил-лил воду! А потом как вывернул свою рубашку наизнанку, это вообще!

Я например, считаю, шо развал – это его вина. Я не против, шо пусть даже наш строй устаревший, я от даже... многие считают, шо я изменился. Нет, я ничего не изменился, я остался прежним, я остался прежний. Я считаю, что любой строй будет хороший, если во главе будут стоять молодые, умные, честные, трудолюбивые люди. Кем они будут, голубые, зеленые, красные, синие, это не имеет значения, он должен об одном думать, забота о человеке. Обеспечить человека в первую очередь жильем, продуктами питания, одеждой. Чтоб у него от эти три было, а потом уже побеспокоится, шоб охранять человека, шоб он мог жить по-человечески все. А если только себе, а ты спасайся, помните как "Волгу-Волгу", *[нерозбірливо]* спасались кто как может, спасательный круг на себя одевает и стрыбает в речку. Хотя она ж мелкая была, от они ж многие щас так делают.

А Горбачев когда пришел, он именно, при Горбачеве начали меняться секретари райкомов, при Горбачеве поменяли секретаря обкома, Михаила Николаевича Всеволошского. Ну настолько твердое положение было, шо я не могу передать. Вместе с тем, перед конференцией, перед конференцией, буквально за три-четыре дня его не стало, и его даже на партийной конференции не *[нерозбірливо]*. Ну к чему это?! Ну это ж ни к чему, понимаете!

От началась эпопея, значит, насаждения своих кадров, а те старые кадры убрали, шоб легшее было сделать этот переворот. А для меня, я ж говорю, мне... Я например, не люблю обманщиков, обманщиков не люблю. Ну а при Горбачеве пошло все вверх тормашками. При Горбачеве начали корчевать сады... При Горбачеве начали корчевать сады... [И нашего хозяйства коснулось тоже...]. Да, да. При Горбачеве начался беспредел, начали принимать свои законы, в каждом селе, в каждом сельсовете свои законы. Какой закон, шо это такое, закон должен быть один для всех. Это они так... Это приняли закон, это уже закон, его никто не имеет права изменить. Для меня он... Я его не признаю, я его не признаю и для меня он... Любой пусть будет, но прежде всего пусть он каждого человека считает, что он человек.

Вы знаете, я и на съездах бывал, я бывал и на всесоюзных совещаниях. Я от когда-то выступал, рассказывал, я смотрел на этих деток, на этих пионеров, на школьников. Я в детский садик пойду, пойду в детский садик, мне просто... от не потому шо, мне от зависть какая-то была к этому всему, понимаете. Почему, потому шо я в такой нищете рос, я не знаю. Я хлеба наелся только в 52-м году, только хлеба наелся. От и

начал одежку носить, такую полатаную, но уже не тряпки, тоже с двадцати лет. С четырнадцати лет, сделал грабли, сделал тяпку, сделал там еще что, понес продал, купил себе какие-то потрепанные ботинки, купил себе, были парусиновые туфли с кожаными носками, от так и все. От так все было.

Ну и, короче, на детей посмотрю, зайду в детский садик, там настолько чистота, там настолько порядок, этих пустили, эти кормленные, я проверяю как их кормят. Все на этих детей смотрю. Этих деток, значит, выставили на съезде этих деток, я посмотрел, так я просто завидовал. А щас, вы знаете, щас просто больно за этих детей, за наших. От вчера мальчик пришел вот сюда: “Дедушка, вам рабочий не нужен? Я могу работать, мне на Запорожье надо ехать!” Я на него посмотрел: ”Сынок, – говорю, – у меня дети сейчас дома, у меня есть кому работать!” Извинился, пошел. Мальчику где-то лет двенадцать-тринадцать, та шо это такое! Да что это такое. А сколько деток таких, а сколько людей кончают жизнь самоубийством. *[Нерозбірливо]* это не строй. *[Нерозбірливо]*. Хотя в Библии написано так, правителей нам дает Господь Бог и дает правителя нам такого, какого мы заслужили.

[Вообще, как вот власть организована... была в селе парторганизация, был колхоз и был еще сельсовет...]. *[Нерозбірливо]* я когда-то, меня пригласили, я был в обл... в районе был семинар председателей райисполкомов, райкомов и прочее, меня приглашали туда. Я сказал: “Мы работаем сообща, партийное руководство, управление колхозов, сельский совет, мы строим коммунизм в согласии! В согласии, вот, в дружбе и усиленными темпами мы стараемся все это сделать! То есть всевозможными темпами, чтобы оно было лучше, чем оно есть на самом деле!” У нас все работало, у нас все было одинаковое. Школа, вот эта средняя, школа-интернат, дом престарелых. Для меня дом престарелых и школа-интернат были третья бригада. Кончается уборка, подходит, значит, дело к тому, шо людям зерно давать... Дайте списки одной школы, другой школы. Дали мне списки, я каждому рабочему сто пятьдесят-двести килограмм зерна.

В то время приглашает строительная организация, пусть приедет поучит, с лекцией. Еду туда, ну лекции я всегда старался интересно построить, получалось это в некоторой степени. Первые вопросы, какие... “Очень хорошо, спасибо вам! Хотели вас попросить, может, найдете нам по сто килограмм зернышка?” *[Сміється]*. Конечно найду! И даже было, шо приезжает мужчина один: “Вы знаете, мне некуда деться, – приехал на “Волге” на 21-й, – некуда деться и прочее”. Я говорю: “Знаете шо, у меня щас зерна нету”, – это как раз перед уборкой. Я говорю, – я постараюсь вашу просьбу удовлетворить, только после убор-

ки, если вы не против?" "Нет, я не против". Он уехал, адрес оставил, говорю не надо, не оставляйте. Но дело в том, что я никогда не забывал, кому я что обещал, я даже, если камни будут падать, я если пообещал, я все это сделаю.

Прошла уборка, я позвонил в райисполком, там зав.отделом Иван Николаевич Енаков работал: "Иван Николаевич, как фамилия вот этого?" Он мне сказал, он живет там-то и там-то, я ему, – товарищ такойто, ваша просьба выполнима, приезжайте в любое время, желательно... на другой день, утром приезжает, я ему двести килограмм зерна выписал, он смотрит на меня, такие шары выкатил. За шо?! "А чем мне вас, – говорит, – отблагодарить?" Ничего. И все.

Потом как-то пошел от так, зашел в универмаг, в этот, сидит женщина, кассирша, вот. А я третий раз зашел часы себе золотые покупать. Первый раз пошел их покупать, они стоили сто шестьдесят рублей, второй двести сорок, на третий раз они уже стоили четыреста двадцать... Я их на третий раз взял. И она: "Я от могу... Хочу попросить вас, вы не выпишите нам "Кировец", шоб привезти ракушняк с Крыма на стройку? А то у нас не получается..." – "Хорошо, приезжайте, выпишем". – "А когда это будет?" – "Ну в течении недели будет". На другой день она, прихожу в контору, захожу, она пришла.

Заходит с авосечкой, зашла в авоське шампанское, конфеты. Выписал, а это вам. Нет, говорю, вы это заберите, оно вам бесплатно не дается, мне ничего не надо. Она вышла с этой сумкой, они уже, пять или шесть человек стоят! Смотрют, с чем она выйдет, с сумкой или без сумки! И экономист подходит: "А чего вы не взяли, Константин Григорович, хотя бы нам, надо было отдать!" Я говорю, не надо оно, людям *[нерозбірливо]*. Привезли ей ракушняк, так она до сегодня рада, где встретит: "Здравствуйте! Спасибо вам, я вас все вспоминаю, все вспоминаю!" Ну от так, от такое.

[А вопросы если надо было решать, так парторганизацию можно привлекать к этому в колхозе...]. Ну смотря какой вопрос, ну, конечно, парторганизация готовила свои вопросы. Но они ни одного проекта постановления сами не выносили. Они меня караулили, и от это я приду, давайте напишем, давайте напишем! По-видимому, я их просто приучил, они сами не хотели делать. Когда приехал, меня заставили составить план, от... план подъема сельского... план подъема хозяйства, от. Я собрал их всех, они, значит, сели писать, экономист, зоотехник, бухгалтер, парторг, они не умели, они ничего не написали. Абсолютно. Я тогда сел и сам написал. Начал, от растениеводства начал и кончил строительством. От строительства... Тогда пошло развитие растениеводства, животноводства, с чего начинать, как делать, все написано

было. И сколько представителей не приезжало и из Запорожья, и с Киева, никто ни единого замечания не сделал. И даже там было примечания, “выполнено” *[нерозбірливо]*. В общем я... ну по-видимому мне легше чем другому удавалося.

Почему легшее удавалося, потому что и знания были, отразилось и воспитание, которое было в школе... в кузне. Так там в кузне собирались дедушки, *[нерозбірливо]*, от они еще перед войной. После войны они были, эти дедушки, *[нерозбірливо]* у нас дедушка Иван, дедушка Антон, вот это одному сто три, другому сто пять лет. Я в кузню приду: “Сделай мне кресало!” Сделал кресало ему, напильник принес, спасибо, *[нерозбірливо]* по-болгарски называется, спасибо... *[нерозбірливо]*. Довольный такой, вот это делаешь. Ну правильно и делаешь, шо делаешь и делаешь, отойдешь в сторону, посмотришь, если не нравится, переделаешь. А другой раз не так делаешь, посмотрели, понял, что не так делаешь, кидай и тикай! *[Сміється]*. Это дедушка... Вот это у меня отразилося все. Понимаете, я, почему-то оно все складывалось. Наверно, оно от это первое воспитание, оно остается, наверно, на всю жизнь, от так.

[Это вот госфонд, когда распределяли между колхозами...]. Как это происходило, а там очень просто происходило. *[Нерозбірливо]* цепляют, с этого можно это взять, с этого это взять. Как на лошадку, маленькая лошадка – мало, большая лошадка – больше. Зачастую, грузят лошадку до тех пор, пока у нее ноги не подвернутся. [Приходилось свой колхоз защищать...]. Ну я вам рассказываю... *[нерозбірливо]* доказываю-доказываю, за сердце хватаюсь, значит, созвонился с Коваленко в Черкассах, *[нерозбірливо]* и с Коваленко мы вместе двести сорок тонн отгрузили комбикорма, от все, мы прожили на это.

[А возмущаться перед начальством своим...]. Это бесполезно, бесполезно. Бесполезно это... в общем, не знаю я... У меня вот, в отношении Тиховода, у меня, вот шо я вам рассказывал, последнего секретаря райкома. Я его настолько, так уважал, он приехал, третьим секретарем райкома был, по идеологии. Потом стал первым секретарем. Тоже, от я его рекомендовал, потому что я в составе обкома был, ко мне все очень доброжелательно относилися там в обкоме. И зав.сельским хозяйством и помощник его и все остальные секретари. А Всеволожский, я ж говорю, приезжал сюда. Приезжал, сказал: “К тебе я больше не приеду! К тебе надо приезжать отдыхать, а мне расслабляться нельзя!” Честное слово!

Значит, он приехал, куда не поткнется, у нас... Вы знаете какой порядок, у нас травички нигде не росло, ни в дороге, ни в поле, ничего! Приезжали от сюда все, руководители области и эти райкомов, райко-

мов, исполкомов, ездили по полям, шукали где можно найти траву. Травы у нас как таковой не было. И от поехали когда-то... *[нерозбірливо]* "Конечно, у вас ровне поле, ровные дороги!" А этот водитель Всеволошского, говорил: "Я у вас по полям езжу быстрее, чем у нас по асфальту в..." У нас дороги были *[нерозбірливо]* грейдер у нас все время ходил, широкие дороги, аллеи там, травы не росло. *[Нерозбірливо]*, показывали в "Сельском часе", потом "Луч" был киножурнал.

[Начальство принимали, от когда надо было их там... ну возить, обхаживать, когда начальство приезжало в колхоз...]. Приезжал к нам председатель президиума Верховного Совета Украины, приезжал Ляшко, был Ляшко тогда, он приезжал. Приезжали инспектора, та кого только не было. *[Нерозбірливо]* ...я вам расскажу за секретарей обкомов, ходит много слухов. Много слухов, то делали, то делали, я не знаю, я не верил. Вот буквально, позавчера, внучка у меня спрашивала, это ж правда, ты ж был *[нерозбірливо]*, от они были...

Были они в охотничьем домике, вот это Михаил Николаевич, ну честное слово, я вам говорю, не думайте, шо я обманываю. Вот это Пантелеев был, после того как он, значит, реабилитировали, Ляшев давал *[нерозбірливо]*. Приезжает, вот это звонит, в пятницу звонит: "Константин Григорович, как у вас дела, расскажите вкратцах? Чем занимаетесь? Такое и такое дело, значит. Ну я знаю, уборку вы уже закончили, знаете шо, давайте наверное, расслабимся и отдохнем денек!" – "Когда Николай Ильич?" – "Я думаю, я завтра приеду, от завтра у нас пятница кончается, от в субботу поохотимся, а вечером по домам!" – "Шо нужно Николай Ильич?" – "Ничего! Только ничего с собой не брать, шо жена положит, то и брать!" Значит так, жена, у меня жена педагог, она куда там... Я заказываю там в отеле, шо-то сделали, там отбивные, шото еще там изготовили. Ну конечно, как бы там не было, я пару бутылок вина возьму или пару бутылок водки. Значит, садимся за стол, вот это козлятина, дикая колбаска, сделала супруга, это то... Угощайтесь! Не стесняйтесь, угощайтесь! Винцо у меня, если хотите, пожалуйста, выпейте, я не возражаю. Я не *[нерозбірливо]* Какой дурак будет пить, если его не касается! Ну скажите? Это второй секретарь обкома, член ЦК КПСС, куда там пить будет.

И от несколько раз, хоть верьте, хоть нет, разов десять вот это было, ни разу он не выпил. И мы ни разу не выпили. Потом когда-то Всеволожский приехал и этот Федоров приехал, первый секретарь бердянского горкома и райисполкома, председатель райисполкома. И мы с ними вместе в номере спали, а Всеволожский спал напротив номер, один. Сели за стол, он говорит: "Так, выпить есть что?" Он: "Та есть, ну, Михаил Николаевич..." – "А шо у вас есть?" – "Ну, а что хотите?" – "Сухое

вино есть?" Он говорит: "Сухое вино есть!" – "Давай!" Дал тот сухое вино... А где ваши стаканы, давайте! Налил себе грамм тридцать, не больше, сухого вина, то разлил по этим: "Пейте! Хотите пейте еще, я вас не вижу!" Допили то вино, от это вчетвером бутылку, или сколько, шофер его пятый. Все!

А Домченко если приезжал, это мне надо было отрабатывать после него три месяца. Работать бесплатно. От, а эти настолько... А этот Скляров когда приезжал, Павел Иванович. Приедет: "Константин Григорович, спиртное брать не будем, оно добра не несет никому. Не будем брать! Давай та шо-нибудь придумаем, возьмем там! Шо-то покушаем". Ухи наварим, бычков нажарим, рыбы нажарят, от это все! От это такое впечатление у меня осталося от него. А так, шоб шо-то, я никогда не видел. Когда-то торгаши привезли девиц, девиц привезли! От. И он посмотрел-посмотрел, на *[нерозбірливо]*: "Зачем привезли?!" От и был этот Слабодченко, может помните, такой Слабодченко.

Он, Слабодчеко был, он тогда возглавлял народный контроль, *[нерозбірливо]* "А эти шлендры зачем? Ану уберите, шоб я их не видел, отсюда!" *[Нерозбірливо]*. А других, кроме меня, они туда редко кого брали. Брали директора техникума с совхоза Енакаев Андрей Тимофеевич был, его брали, меня брали. Других они никого не брали. Я ж говорю, шо от с ними, отак. Когда-то тоже инспектор ЦК тоже был там на косе, ухи наварили, он ухи наелся. Когда-то Визир приехал, с Визиром там тоже были, но тоже никого не было посторонних людей. Так что много раз я там был...

На косе, там на Обиточненской косе, там вообще места отличные. Там от коса идет так, узкая полосочка, там райкомовский домик та все. Да, охотились, рыбачить не рыбачили, охотились. Там охота разрешена была. Там одно время, когда-то ходили на оленей, разрешили, лесники разрешили убить оленя. И я был в загоняющем звене и загнали двоих оленей сюда, от сюда на выход. А мы с Анатолием в машине ехали, и от этих оленей увидели, и Анатолий, видно, тоже порядочный человек, и они стоят, такие красавцы стоят, он говорит: "Не будем говорить!" Я говорю: "Нет!" *[Посміхається]*.

[Вот мы общались, они же старше по должности, не чувствовалось что они на много старше, когда вот мы отдыхали вместе...]. Ну с этими нет, с этими я не чувствовал. А с Донченком, с Донченком это там просто надо было держать ухо навостре. Я вот с ними, с этими, вел себя почти, вот как с вами. А с теми, я от так вопрос-ответ. Вопрос – ответ. От вопрос задали, ответил и все. *[Нерозбірливо]*. Он такой скользкий человек был, но все мог провернуть в обратную сторону. Я его еще

знал по Андреевке, он там был председателем райисполкома, таким остался. Ну такие...

[Даже было хотел пойти на повышение...]. Хотел я уйти, значит, договор был, одно время, значит, расскажу вам. Павел Иванович [Скляров] пихал меня секретарем парткома на *[нерозбірливо]* Москальков пошел до Всеволошского и говорит: "Михаил Николаевич, всю жизнь промышленность при делах, кадры в сельское хозяйство... *[нерозбірливо]* ...шо вы председателя колхоза хотите секретарем парткома!" Он собрал, им всем усыпал, отпало. Это первое. Потом, значит, аналогичное получилось с Ореховским техникумом, хотели меня туда забирать, в Ореховский техникум, тоже так получилось. А на повышение я не схотел идти, в райисполком, я не хотел идти в райисполком. Я чего-то был убежденный, что мне дадут Героя соцтруда, поэтому я не хотел. От такое... Только из-за этого, а может было б и лучше. Я не схотел в район идти, от это меня держало одно, но, а потом... Вообще, я в жизни чего-то считал, лучше быть маленьким начальником, чем большим подчиненным. Потому что, я выйду сюда...

[Это вот у меня документы сохранились...]. Отчетный доклад... Это каждый год писали и пятилетка в целом. Здесь все пять лет, обобщенные, за пять лет все документы. Здесь все и животноводство, и растениеводство, и продажа, и производство, финансовое, земли, все-все, входит, и культурные объекты, все. ...*[нерозбірливо]* ...сдавали все, там, значит, в этих архивах, все годовые отчеты, все производственные дела. Все-все. Шо не все сдавали... Лицевые счета оставались в хозяйстве, от и все, а то все остальное сдавалось. Ничего, бумаги там какие, заявления там какие были от граждан, но они сжигалися. Те, которые заявления важные, я хранил у себя в сейфе.

Даже, я другой раз, мог сделать шкоду такую... Разошлась семья, там сколько лет туда-сюда, потом она надумала судиться с ним, а потом когда вот это я их мирил, она написала, пить не буду, гулять не буду, значить, от и прочее. Ну, короче говоря, я взял сложил от это все, проходит года три или лет пять, она приходит, нашла и подала в суд. Прибегает ко мне: "Може сохранилося, она меня кончит, она меня раздерет!" Та ладно, так тому и быть, помогу, достал, отдал. Он отнес, те как прочитали там, он за голову, выскочила, схватила с того суда и все. *[Посміхається]*.

Фотографий колхозных, старых, я даже не знаю, по-моему там были... Вот, дело в том, что когда-то приехали вот эти телевизионщики, сказали, что хотят много показать как на току, значит, как зерно чистят и как идет работа на току. Говорят, чтоб как можно было больше людей. Говорю: "Тогда вы ищите другой колхоз, у нас вы этого не увиди-

те!" – "Чего?" Кто-то, по-моему был... "Сельский час", нет "Луч", с киножурнала "Луч", были москвичи. И от это поехали туда, он посмотрел, у нас там два опрокида стоят. Машина пошла, подошла, заехала, опрокинули, зерно высыпали и поехали. От, там на этих опрокидах один человек работает, обслуживаются два опрокида. И там веялка работает, зернометы зерно кидают, только машинист управляет. Он говорит: "А шо это?" Я говорю: "Это все уже!" А другого, он потом приезжает и говорит: "Слушайте, – после этого приехал месяца через два или три, – я когда показал своему, – говорит, – шефу, он как глянул, так сказал, слушай, так это то шо надо!" Поэтому людей найти много очень тяжело. Хотя можно посмотреть.

У нас был, существовал, значит, приз, вот партийный, на уборке урожая. И там, по этому призу, колхоз, который заканчивал первый уборку, комбайнер получал приз этот, Мартыненко, подарок и прочее. И еще шо-то было, не знаю, премия какая-то. Так у нас, этот Алавацкий выходил победителем три года подряд. А по закону, если три года подряд выходит, приз остается в колхозе. Так от приз у нас остался в колхозе. Только его покрали... ой, где-то украли.

Это я в музее местном сам сорвал, они без меня повесили... Вы знаете почему, вам скажу. Когда-то, значит, приехал, я всю жизнь не давал фотографию свою, они доставали, от там где надо, они доставали сами, всякими правдами и неправдами. И когда-то приезжаю, кто-то приехал с ЦК, зашел, значит, в музей, передовые люди – секретарь парторганизации, значит, на переднем плане, председатель сельсовета. Он говорит: "Вот, вот, а твоя фотография где?" Я говорю: "Нет!" – "Как нет?" – "От так, нету и все!" Он посмотрел, говорит: "Уберите их немедленно!"

Это [вот фотографии есть] тоже в Москве... [Много приходилось ездить по всяким форумам...]. Очень много, надоедало. Да, [обязательно было] это у нас, это у нас в колхозе. [Часто приходилось с докладами выступать... Сложное это дело... На съезды компартии ездил...]. Для меня больше всего запомнился девятнадцатый съезд, больше запомнился. Почему, потому что он полностью перевернул мою жизнь. Первое, он забрал меня в армию. *[Посміхається].* Я смыл с себя пятно и все, отслужил. Поэтому для меня основное вот.

[Это в селе были люди грамотные, которые писали так за село, историю, воспоминания...]. Знаете, это все может хорошо, от председатель сельсовета делал Фридкин, он мертвый. Вот это секретарь парторганизации, это Матросов. *[Нерозбірливо].* Это председатель сельсовета, Фридкин Наум Самойлович, еврей, умница. Умница, вообще! Порядочный человек, очень. Значит, есть в Приморске Гешева Ольга Семеновна, она работала директором школы, завучем работала, по-

моему, директором или завучем работала, потом она уехала в Приморск. Но историю, первую историю села она писала. Она писала историю села вместе с Фридкиным. Более эрудированного человека, чем она, нет. Этим был Фридкин. Эти все такие, наподобии меня, может рассказать отдельный отрывочек, а те досконально все знали. [Она] живая, в Приморске, в Приморске она живет, Гешева Ольга Семеновна. Это можно узнать...

[А так кто може дневник вел, писал...]. Это я не могу сказать ничего... Я ж говорю, шо все это делал Фридкин *[нерозбірливо]* он делал твердо, а другие не могу казать. Свое такое, я дневники никогда не вел, стихи я пописывал... Я их не печатаю... Не хочу, я так для души напишу, когда тяжело, напишу себе, от это вылью. Потом вспоминаю, начинаю читать, вспоминаю сам себе. Почитаю, успокоюсь, все, дальше пошел. Я буквально последнее написал *[нерозбірливо]*...

Почему природа лик меняет,
Почему душа в огне горит,
Почему природа *[нерозбірливо]*
Который зло земле творит,
[нерозбірливо]
Пошли стороной,
Путь тернистый *[нерозбірливо]*
Грады рушит вот *[нерозбірливо]*
Бесчинства страшные чиня,
Вместе с ней смерть всюду шагает,
Людей многим живых хороним,
По лесам огонь всюду гуляет,
Все сжигает, нечестии годит,
Зверь зверей спокойно сук пиляет,
На котором сам же и сидит.
День прожитый горе добавляет,
[нерозбірливо]
Свой протест *[нерозбірливо]* предъявляет,
Не желает воду со льдом пить,
[нерозбірливо] плача скрежета зубов,
Злой землянин свой закон напишет,
Затемнивший свет веры и любовь.
Что за племя ныне вырастает,
[нерозбірливо]
Он повсюду с бурею летает,
Чтобы с Господом дружить.
Час последний нас уже встречает

Как хотелось в мире с добром жить!
Нечестивый люд с добром венчает.
А земля в агонии
Согласны с этим или нет?
Красивый стих, правда.

Сейчас я вам расскажу один стих, ко мне приезжает священник часто, я с ним дружил. Я жил в церкви, Обиточном, Приморской церкви, в Борисовку. В Борисовке сейчас священник, работал у нас, преславцы собрались, хотели его снять, я его не дал. Я даже ездил с ним до владыки, в Запорожье. *[Нерозбірливо]*. А преславцы, получились, ну какие преславцы, один, значит, с *[нерозбірливо]*, другой с Приморска, а третий вообще, не тутешний полностью. От я приехал к нему, к батюшке. Говорю: "Батюшка, а давайте я вам расскажу одно стихотворение". Он говорит: "Расскажите". Я начал рассказывать, говорю, ну шо? Говорит: "Бунтом попахивает!" *[Посміхається]*. Я говорю: "Батюшка, разве это бунт?! Если хотите, я вам расскажу щас, послушайте..." Значит, я начал ему рассказывать стих:

Строит страна и с вселенной не сравнится,
И гибнут села, в мраке города,
Строй страна, где нищим прислонится,
Всюду хлещет мертвая вода,
Где граница нищеты без края,
Поглотившая *[нерозбірливо]* добро, рассвет,
Много лет безмерных ожиданий,
Удивляет даже белый свет,
Людей много, правителей *[нерозбірливо]*
Наших правителей *[нерозбірливо]*
[нерозбірливо]
А проснемся, нищая среда,
Нищетой сравнится,
Хлеб и соль нам царская еда,
Недоступны нам и больница,
В слуги прошлого вражда,
Лапку Буша новым заграницам,
Нам бесплатно, мертвая вода,
Нам открыта новая страница,
Гибнут люди, благо от труда,
Строй правитель, мрачная царица,
Путь нам стелит в пропасть навсегда...

Вот это я ему, он: "Хватит, хватит!" *[Нерозбірливо]* от это от. Ну оно, по-моему, глубоко так... не хочу...

[Нерозбірливо] сам для женщины стихотворение. Расскажу, вас это касается тоже.

Надоела ты мне разлука,
Сердце стынет, на душе печаль,
На коленях пропасть я обрек,
Я смотрю в неведомые дали,
[нерозбірливо]
Нету сил глаза свои закрыть,
[нерозбірливо]
Хрупкие плечи, забрали мою тоску, печаль,
Я живу слегка расправив плечи,
[нерозбірливо]
Кто сказал, мы хрупкие создания,
[нерозбірливо]
Приобрел я веру и надежду,
А ушедших, нам не воротить, *[нерозбірливо]*

Соломонова Валентина Гаврилівна, 1930 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

[Я родилась в 1930-м году]. Я была самая последняя, у мамы было два сына и я дочь! Брат один у меня был с 25-го года был, его и в Германию взяли, потом и в армию его не взяли, потом нашел свою судьбу, там девочка с Беларусии и уехали в Беларусию! Там они и жили, ну теперь их уже нет.

[А родители...] Мама... Папа был с тыщу... девятьсот шестого года, а мама была, потому что она говорила, что одногодка с папой, тоже 1906-го года! [Это фамилия родителей был Триф]. Это моя девичья Туриец Валентина Гавриловна. [Нас по-уличному, прякар], называли Енкури! А вот тут Герги, а тут Гогулы, а там Кокушко, что их называли! Ну не по фамилии! Ну ся ты носишь своя прякор!

А дедушка... Бабушка умерла в 37-м году. Я ее помню, мне было 7 лет, а дедушку я не помню. [Бабушка была старенькая когда умерла]. Это было уже наверно ей, лет под 80! Потому что я помню, руки у нее были... Добрые! [Она меня нянчила]. Я ж была маленькая, ну не такая маленькая... Я хорошо помню ее ласки... [Ну так за свою жизнь она] ничего не рассказывала!

[1] Опитування провів В.І. Мільчев (2 серпня 2004 р.).

Ну я помню, это еще за гражданскую войну... Мама рассказывала, что они только поженились и на следующий день его забрали в "левые", ну "красные"! Это от "красные", "белые"! Это она что-то рассказывала... [И он погиб]. [У них детей не было]. Не! Был! Был! Сын! Я еще помню, но он тоже погиб... [Это уже в эту войну]. В нашу... Он с 17-го года был или с 16-го... Ну папа его воспитывал, он папу очень любил! [Он с нами жил]. Потом уже в сорок... сорок первом или в сорок каком... его забрали в армию! В 39-м году его забрали в армию! Весной!

[Ну я вот как помню себя ребенком], ну вот как, это я... ну это хорошо запомнилось голод! 46-й год, голод тогда был! Потому что папа был огородником бригадиром, ну специалистом по огороду! И тогда ж позабирали кого в Гурьев, кого на фронт *[нерозбірливо]*: "Валечка, пойди собери своих подружек, приведи к нам!" Ну и я соберу там своих подружек, и папа просил спросить, чтоб там пойти на огороде помогать полить лук, там перец! И то помню ходили в кладовую и давали там, только вот по сто грамм или по двести, и мы такие радые! И ото встанем ни свет ни заря, и бежим на огород, чтоб нам хлебушка дали!

[А еще море выручало!] Очень, очень! Если б не море... Тогда много было бычков, судаков... Очень много рыбы было, это нас и спасло! Продавали рыбаки! Вот там судно было, как оно придет, вот од нас там молочко или что-нибудь, а то было там, какой хороший, дасть один черпак: "Бегите домой!" – ой, какие радые были, родители тоже! То кинешь там, сразу уха, а потом жарили, да и все! Ну только море нас спасло, только море! *[Мовчить]*. А в трид... это в тридцать... третьем году! Да, мне было три годика! Мама мне рассказывала, что тоже был очень большой голод! Голод! Недостатки! Ну что ж так, не сладко пришлось, особенно война и колхозы! Уже мне было 12 лет, мы уже ходили мясо... Бригадир приглашал, ну не то что приглашал, мы сами ходили к нему, кормяк отакой большой, трехлитровый, а тогда ничего не нашли, ничего не было, и ходили аж в Арапку, вот это... озимые! Это к морю туда! Ну, как вам сказать, это... там ну речечка маленькая, звали Арапка! Вот, туда пеши, ну дети *[нерозбірливо]*.

[Это 42-й год, это получается при немцах]. При немцах, все при немцах! Ну он [бригадир] как скажет, так одна пойдет, так и все тянутся туда идти! Ну я помню, что когда началась война, мне было 11 лет, да 11! А когда она кончилась, мне было 15! [Это до войны в школу ходила]. Ну, считай, ходили в школу... ну тогда, я не знаю, тогда и 30-го года и 29-го, и 27-го, это все в один класс! Отакое было! А так мы учились, учились мы так... Писать! Писали на газету, чернила такое было у нас, сами себе делали, из столового буряка! Оно, начнешь писать, оно тяне-

тся! Там пишем и сами себе не разберем, шо мы пишем! Это уже после войны. Это когда я пошла в школу, тогда [начали русский учить]! Я знала, ну потому что, у нас здесь впереди жили соседи русские! Они по-болгарски... ну, где я с ними по-русски! Ну вот так! Ну понимали друг друга! Ну, конечно, ...в селе я всего, куда не пойдешь, в магазин – по-болгарски, в сельсовет – по-болгарски! Ну там правда, когда в школу, тогда уже там... На перемене по-болгарски! Общаемся по-болгарски, а уже на урок по-русски!

[И при немцах школа работала]. Работала при немцах школа, ну что ходили, нас учили, не история, не география, не математика, а там был один Митрофан Степанович, он помешанный был... Пенчев! Преславский был! И вот он... ну мы дети не понимали этого еще, конечно не понимали, все нас учил – физкультура, рисование, пение! Но читал так, он все время выходил в коридор, ну наверно, болел человек, потому что он все время ел мел! И идет на урок, весь белый, а мы дети, как дети, смеемся с него! Ну, дурачки, дети! Ну не знаю, что у него было! Ну, знаю, как он работал вот это, у него рот... белое! Ну мел ел! Я еще спрашивала: "Папа! Ну почему вот Митрофан Степанович, все время вот мел кушает!" Там его мальчики проследили! Говорят, там стенки грыз! Но я этого не видела! Папа говорил, что он болеет желудком!

Румынцы были! У нас не стояли! Это стояли... Кокши стояли, это вот один дом, а то третий! Там у них была, как это называлась... Забыла... ой... ну штаб ихний. Там офицеры! [А так, какие они там те румыны...]. Ну, я не очень-то так и помню. Ну я помню, что приходили к нам и мама давала им яичек! Просили они яичек! Ну что-то жарить себе! И просили лук, я даже смотрела, как это румыны жарили яички с луком! Вот это я запомнила! Мы ж дети смотрели! Ну, немцы были грубее! Грубее немцы были! А румыны, что-то мне показалось, они такие были не злые, ну показалось мне, а там! [Было, забирали многих в Германию, да! Я запомнила...]. Ой! Это был ужас! Мы ходили смотрели.... Увозили на подводах! Такой плач, такой крик, это было ужасно! Некоторые вернулись, некоторые не вернулись!

[Ну, староста был в оккупацию в селе]. *[Мовчить]*. Уже нету в живых! Станицкий Николай, а отчество не помню! [Он и до войны тут жил, а вот кем был...]. Вот, этого я вам не скажу! [Ну, в руководящих, наверное. Те полицаи тоже были местные. Ну они людей не обижали]. Даже сосед наш, дядя Ваня Мильчевский, и даже людей убирали от полицейских! Ну он хороший был! Ну никто чтоб так жаловались на него! Може, мы дети, не понимали того! [Он работал еще трактористом]. А потом после войны... Не это когда немцы эвакуировались, кажется, это я точно не могу подтверждать, что он вроде тоже ушел с не-

мцами! Но вернулся! Попал там в Болгарию. Сколько там лет был в Болгарии. Потом вернулся домой! Ну, вернулся домой, жили, потом пошел трудиться в совхоз, вот тут вот, работал там в саду! Еще, вроде была пока живая жена, тоже уже нету ее в живых, а щас сын живет! Вот я ж говорила, это дом раз и второй, и третий, такой дом с силикатного кирпича... Уже когда дядя Ваня приехал, это он был приехал с Болгарии, тогда, родился, чи в сорок... чи сорок пятом! Точно уже не скажу! Ну я не помню, чтоб там злились, ругали его!

Мы работали [в колхозе]... пацаны были, а когда подросли, это время... ну так, самостоятельно с 10-11 лет! [А после войны как тяжело было в колхозе...]. Очень даже было! Мы как в колхозе, я здесь родилась и здесь в колхозе мы... ну какая работа?! Ну, тогда, хоть я была и маленькая, коровами... мы это... пахали! Ой, как это оно называлося... [Лошади] были, но мало! Мало! [Это ж после войны]. Ну, трудились тогда все, и старые, и молодые! Трудились все! Было, после войны очень тяжело, но быстро все восстановили!

[Замуж вышла] в девятнадцать! У меня был парень, и у нас все проходило как у всех! А то было, что если родителям не понравится он или она, или он, то уже против! Ну-у! Что папа скажет! [Смотрели на родителей]. Ну, что папа, родители! А как же! [Главный в семье] папа! После папы, мама осталась вот, а после мамы, это при советской власти, все идет по наследству, я! [А так решать все, что там купить или что...]. Папа... ну, они тогда какие деньги получали?! Они получали, тогда деньги не давали, все время палочки писали, трудодни! Ну, както выкручивались, как-то решали! Они, мама с папой дружно жили! Если... я помню, что мне так захотелось... туфли! А туфли какие, крусоны! Я так к папе пристала, купи мне туфли! Ну и мои подружки все: “У Вали нови туфли! У Вали новые туфли!” Все прибежали смотреть, какие у меня новые туфли! Ну, нищета!

[Молодежь после войны так чтоб по улицам гуляли или...]. Ну... наша улица, которая как Долна, ну нижняя которая, вот щас она Ленина! [Раньше не было названия никакого]. Собирали вечеринки! Ну, и если у меня комната большая, значит я собираю, потом там подружка собирает! Туда мы идем! И зовет она кого хочет, кто ей нравится! Потом, сидянки болгарские собирали! [Это разное...]. Вечеринка – танцуешь, поешь, вот! А сидянка, вышиваешь, вяжешь или кружево, или носок! Прядешь! И там песни пели! Болгарские! Ну, вы знаете, я учила тогда, то пойдем... или полим там, или скирдуем, отак! Девять, восемь километров с села, мы там начинали... ну по-старше нас, уже такие молодые, девки, они там пели по-болгарски! А мы пели себе уже порусски! Наши, советские! И частушки пели! Ну, а что нам оставалось,

все-таки, как задумались, когда был голод, не очень-то было весело! Думаешь только про еду! Какую мама сегодня болтушку сварит, редкую или густую! А так...

Ну, это вот мы при Сталине... мне запомнилось, самое хорошо мы пожили при Брежневе! Хорошо пожили! А при Сталине... Я помню тогда очень хорошо, при Сталине, советской власти, это 52-й, 50-й год, ездили наши родители, я и не могу точно сказать, у Донец или куда, скуплялись, там материал! Вот это ситец особенно берут! А при Брежневе это было уже свободно! Что хочешь, пойдешь в магазине купишь!

[А вот когда Сталин умер...]. Не помню вот это, знаю шо... говорят что Сталин умер... значит, всех собирали в центр, как митинг! Ну, одни плакали, есть, даже, а большинство так, ни смеялись и не тосковали!

[Тут в селе и русские и болгары, разное было...]. Я не могу сказать что ссорились! А вот когда собираемся ехать, тогда не было Приморска, Ногайск! Ну и тогда, вот тут где щас рутепор, тогда он был огромный, а я давно не была в Приморске, и не знаю! И там стоят, вот эти преславские ребята, и не пропускали, чтоб мы поехали в Приморск! Ну я видела шо будут нас лупить и назад, а некоторые дрались, и победили, и все равно поехали в Приморск! А мне говорили: "Валя! Ты такая, что боишься!" – ну если не пускают, чего я буду еще с местными на рогах, еще отлупят меня хорошо! Тогда не дай Бог!

[С Камышеваткой всегда такие напряженные отношения были...]. Убили! Особенно я помню, ...это, когда еще бабушка была живая, както они не любились друг другу, вот это "бендеры" и русские! [Камышеватка это русское село]. Ну кто щас там и Украина... Щас все смешались! [Тут украинских сел почти и нет]. Там аж Алексеевка, там как-то вот эти... а тут у нас... Ну не знаю... душа лежит или потому что, ...поэтому ...что я больше общалась с этим... с русским! А с украинцами я очень мало! Ну так мне кажется, шо все одинаковые!

Гогунська Валентина Федорівна, 1940 року народження, с. Преслав Приморського району Запорізької області[1]

У меня одна девичья фамилия, моя фамилия Гогунская Валентина Фёдоровна, я родилась в селе Преслав в 1940 году. Я закончила Запорожское педагогическое училище с отличием, и закончила Бердянский techинститут. Сначала у меня восемь лет были младшие классы, потом три года истории, потом в школе-интернате пятнадцать лет, и десять

[1] Опитування провели С.І. Пачев, В.М. Пачева (1 серпня 2004 р.).

лет у меня в русской школе для детей военнослужащих, потому что мы жили в военной базе. Здесь, когда я уже после инфаркта не работала, меня Татьяна Ефимовна пригласила, приехала из Болгарии с Еримейским, он год работал, даже фотографии детей. Мы создали им тут болгарский кружок, делали им всякие праздники, все дети были точно одеты...

Родители болгары, папа мой преславский болгарин, Фёдор Георгиевич [Гогунский], [19]13-го [года рождения], в феврале. А мама инзовская болгарка, Гедикова Марина Ивановна. Она сестра писателя Гедикова Ивана, который учился в семинарии нашей, потом учился в Одесском литературном и в 1937 году была напечатана его книга поэзий *[нерозбірливо]* что там дальше...

[Мама была 19]15-го, в марте. Сиротой осталась рано, потому что голод был страшный, ее забрал дядя, который воспитывал ее. Когда моя тетя, папина сестра, вышла замуж за Дымова, семейство Дымовых очень мощное было в Инзовке. Вот они поехали с бабушкой на санях проведать тетку и на "сидянках" вечерних, где вяжут все, он с сыном Дымова пошел. Ей не было шестнадцати лет, но дяде очень трудно было растить своих, тем более ее двоюродный брат Иван Гедиков учился в семинарии, нужно было много и он писал стихи, ему нужно было книгу печатать в Киеве, в [19]37-ом... И ее выдали в [19]30-ом, ей не было и 16 лет. Папа местный, дед Георгий, его отец и бабушка Аня, его мать. Они все сначала жили в старом дворе прадедов, два брата прадеда и называли их по-уличному – "дети Гугуновых", потому что Гогунский, правильно без "-ий", но писарь, когда начинал создавать им документы, приморский, он добавлял всем "-ий" (Стояновский, а вообще правильно Стояновски...). И они жили там, потом им построили маленькую кухоньку с одной дверью и маленьким окошком и отделили их на улице Коминтерна. Так отделяли всех своих детей, потому что когда император Александр дал разрешение, то в этом указе было написано, на новом месте, потому что много земли, чтобы их здесь удержать, чтобы была заселена южная часть России. Он на свадебное гулянье, "на венчило" [на вінець] называлось, дарил по пятьдесят гектар земли. Почему такие большие и огороды.

Когда приезжала госпожа Стоянова, она ахнула, говорит в Бессарабии только 9 десятин, а здесь такие огромные огороды у всех. И почему у вас такие большие каменные... вот у нас на углу написано... все дома – это бывшие общежития семинарии. Многие из них строились еще в восьмисотых, восемьсот девяностых годах, потому что нужны были общежития.

А потом они уже начинали, то строили, что наша семья, что любая другая семья болгар строили полусаманное или просто саманное, кто покрепче стал, тот строил каменные. Потому что когда идешь на гирло на море, там те, кто покрепче стали и построили кирпичный и черепичный заводы. И вот из тех кирпичей все строили себе, что могли. Папа работал в колхозе, мама тоже.

У нас шесть сестер и один умница-брат. Одна сестра воспитателем проработала тридцать лет, другая работала медсестрой в доме престарелых, закончила, как и я с отличием медучилище, брат вообще все закончил с отличием. Его дети Саша и Марина. Марина закончила Одесский институт с отличием, Саша университет с отличием, сейчас в аспирантуре и работает. В прошлом году на последнем курсе он стажировался в Париже, как самый лучший студент. Три другие сестры живут в Донецке, одна в торговле работает. Одна на заводе, а третья тоже в садике...

Мы прожили с бабушкой, дедушка наш, дедушка во время коллективизации погиб. И он, его брат, он был партийным секретарем, и многие другие, они погибли во время коллективизации, вот. Во время коллективизации, когда брали зерно у людей, более мощных, чтобы сеять, вот такое.

[Войну я не помню], потому что я в пеленках была. Знаю от бабушки, что когда забрали указом, у нас в селе в огородах стояли румыны. Немцы в Мелитополе, Приморских районах... Но бомбили страшно, как только начиналась бомбежка, они нас хватали в пеленках и бежали в окопы, потому что бомбили именно дома.

А коров позабирали всех, потому что им надо было чем-то питаться. И этот старый румын приходил с целины и просил у бабушки кукурузную муку, другого ничего не было. Бабушка показывала на ребенка, ну молоко, он ей приносил молоко, она ему кукурузную муку и яйцо. И они шли варили себе мамалыгу. И только благодаря этому румыну, он сказал, как-то он объяснился с ней, то ли написал, чтобы не предавали его, он под фуфайкой принесет и забирает, иначе командиры его расстреляли бы. Вот так бабушка могла меня спасти. [Бабушка была все время с нами]. Даже после войны, когда мы уже школьниками были, всегда с нами была бабушка.

[Бабушка нас прятала...]. Да, это она сама мне рассказывала, хватали нас и бежали. А отступление это я от папы, мамы, от бабушки четко знаю. Отступление немцев шло с Приморска по мелитопольской трассе, но невозможно бомбили все подряд, даже не известно как мы уцелели. Семинарию вот эту бомбили все эти, там где сейчас больница.

Обстреливали страшно, да обстреливали из самолетов, немцы, да немцы, они злились, бабушка говорила, видимо, злились, что их гонят.

А там, ну там может, была даже каша. Ну нет, пока наши были под Бердянском, под Пологами аж, они когда натиском шли, они начали, они первое свое старались вывезти поскорее, чтоб сохранить кое-что, и награбленного всего много вот. Потому что как только началось отступление, румыны сразу, бабка говорит, сразу не стало никого и коровы разбежались, и коровы сами пришли домой, они ж питались этим, да вот очень страшные. Отступление говорят было страшное, каша была, каша очень тяжелая. Бабушка свидетель была, ей было сорок с чем-то или пятьдесят с чем-то лет.

А потом после войны страшно было. Никто ничего не спрашивал, потому что когда началась война, папа сказал... все они добровольно пошли! Первое ополчение под Ростовом было разрешено болгарами идти. Первое ополчение, папа сказал он тоже там был, но он во время ополчения попал, как более молодые ребята, мужчины, вот. Первое ополчение под Ростовым отправили на фронт. Они пошли, многие наши родственники имели и ордена и все, вот. В первом ополчении они дрались на фронте. И вот сегодня вечером второе ополчение сформировали, папа поплыл во втором ополчении, вот. Утром вдруг принес приказ, не разрешать болгарам идти на фронт, подписано Сталиным, потому что болгары заняли немцы. Они могут быть перебежчиками. И их собрали и сказали: "Добирайтесь теперь как хотите домой!" Многие в дороге, оно ж идет бомбежка, идет все. Но наши *[нерозбірливо]* пришли, а потом, а потом *[нерозбірливо]*... Да, потом всех болгар Сталин приказал в Трудармии. Многие не вернулись, многие умерли от тифа, от голода, а многие не вернулись.

А первое ополчение ушло на фронт, потому что его даже семейство, я тогда начала работать в школе и вела все эти огоньки, кружки, все эти самодеятельности в старом еще клубе, вот. И всегда с почетом, мы в любой праздник 9 мая, октябрьское мы приглашали в президиум. Тогда было так, сначала президиум, доклад, а потом уже художественная самодеятельность. Наши ребята, я руководила танцевальным, потому что я в ансамбле была, когда училась, и наш танцевальный славился шесть лет. До Запорожья выезжали кругом ребята, вот и всегда там в президиуме были, даже русские ребята, которые в 20-х – 30-х годах сюда прибыли, ну зарабатывать. Потому что с голода умирали и семейство Егоровых, все в орденах были, все три брата, хоть и русские, но мы их приглашали. Все в орденах тоже, вот это было вместе с нашими болгарами. Это было первое их ополчение. Многие наши женщины были в плену.

Вот и многие наши женщины молодыми девушками ж были в Германии в плену. Вот сейчас мы о них заботимся. На 9 мая мы возили денежную помощь, мы дали денежную помощь. У нас осталась самая замечательная медсестра, под восемьдесят лет, Галина Николаевна Гогунская. Она не местная, но она в 47-м году сюда пришла работать, она дошла до Берлина с пятнадцатилетней медсестрой, она дошла до Берлина. И мы все очень с большим почетом, мы больше всех ей дали.

[Она живет] по [улице] Ленина, на Нижней улице. Вы спросите, любой скажет. Она сорок пять или сорок семь лет отходила пешком в этой грязи *[нерозбірливо]*, а все она всех нас спасала. Да-да. Она сама родом из Украины, там где-то там с Киевской области... Да, она по мужу Гогунская. [Муж ее живой], Федор Дмитриевич, живой, это у нее второй муж, а первый умер на фронте, вот. А мы услышали про нее толком все, когда я учила в 63-м году ее самую младшую дочь Наташу, в третьем классе. Она постучалась, я вышла. "Вот, – она говорит, – отпустите меня, пожалуйста, Наташу на три дня или на неделю, с разрешения директора", – и сияет бедная. Она ж была помоложе, говорю: "Николаевна, что случилось?" А она говорит: "Меня нашла моя сестра!" – и ее сестра герой СССР, летчица и она едет в Киев с ней встретиться. Можете себе представить, расстались они перед войной, и брала она с собой Наташу. Так она здесь и осталась, вот.

Возле больницы это здание школа садоводов, а потом оно перешло и называлось агрономический техникум. Во время войны ничего, а после войны решили перевести, потому что разбомбили. [Это где дом престарелых, был как участок для школы садоводов]. Для школы садоводства, мы все там работали в них сад был. Он сажали, им папа маленький помогал им сажать деревья, вот. Это была плантация, типа практика школа садоводов студентов, а потом агрономов, вот. А потом уже, когда закрыли, завезли туда вот этих детей, а когда началась война, как только румыны доложили приморскому начальству, немецкому, вот они таких детей, они их 153 человека... Они их вывезли на окраину, вырыли траншею, говорит бабушка и перестреляли. Воспитателям, бабушка сказала, было дано право: "Мы вас не трогаем, вы можете отойти!" Но дети, говорит бабушка, пищали, мы жили второй дом от края, до того дети пищали, кричали, что слышно было сюда во дворы. И воспитатели многие отошли, а многие не ушли, они за них цеплялись дико, их расстреляли, зарыли и все!

И когда уехала эта свора немецкая, с края наши люди, но они бабушки были такие очень люди, они прошли такое страшное житье в этой дикой Таврии и они решили под вечер пройтись. Она говорит земля дышала, вот так вот это огромное *[нерозбірливо]* двенадцать-

тринадцать метров, вся дышала! Может быть и живые были, но румынам было приказано. Но не подпускали ни кого. Они их правда, не тронули старушек, но не подпускали никого. А после этого еще мы учились в школе, были других привезли. Я работала уже, начала работать учителем. И их увезли в Черниговский район. В такой дом, а здесь министерство собеса сделали дом престарелых.

Освобождение, освобождение я не помню, но помню уже, когда мне было лет пять-шесть, кушать нечего, все разорено, все степи разорены. Сеять еще нельзя и мы пойдем, даже вырывали укроп, вот этот стебелек вот ели. А в основном, в основном был страшный голод, не помню сколько мне было лет, вот смутно только помню, смутно только помню, что мы сидим на печи и ждем, когда бабушка сварит сахарный буряк. Вода сладкая вместо чая и кусочки буряка. А потом уже у нас появились кукурузная мука, мамалыга, болгары ж тоже ж это восточными, эти они связаны то ж с этой мамалыгой, с этими блюдами вот. И просто кукурузу вытащит бабушка, кукурузу из казаном, зерна. И разложит, шоб она высохне и мы просто едим. А с мамалыгой мы делали домашнюю ряжанку и мы ее ели, но у нас не было ни зерна, ничего.

Наши папы после войны пошли в рыббригады, чтобы нас спасать. Рыбы было – чудо! И они здесь, у них были землянки, потом через море лодками, на косе Обиточной тоже рыбалили. А наши мамы ходили пешком с мешками, дадут им там сколько чуть-чуть рыбы и они шли в Лозоватку, в Инзовку, в Мариновку пешком, Вячеславку. На плечах тащили эту рыбу, меняли на кукурузу или на хоть какое-то зерно, какое-то... чтоб нас спасать. Очень страшное было время, очень страшное и трудное. Одеть нас не во что было.

Одни шли в школу им уже девять-десять лет, одни шли восемь-девять. Вот самая старшая наша пошла в девять лет аж, сразу после войны сорок пятый год. А хоть что то можно было, а до этого она не могла идти в школу, потому что бомбежки, вот. А папа учил меня читать и я у старшей забирала книжки и поэтому я в семь лет, вовремя пошла в школу. Я уже могла читать все, но быт страшный... Нам шили торбочки из лоскутов и ложили туда наши книжки, но книжек в основном не было, нам давали в школе. И на газетах писали, потом уже тетрадочки нам привезли, вот. А в школу ходили мы, конечно, не топилось.

Я никогда не забуду, смутно помню, это наверно был первый класс, мы вмокали это чернило, а оно ж замерзло. И ходили мы тот край, мы жили на том краю. В сторону моря тоже построили небольшое училище, теперь, говорят, оно разорено, уже школа и все тот край детки ходили туда в школу. А топить не топили, мы замерзали, нас отпускали.

Нас встречали родители, очень тяжело было, очень тяжело! Однажды началась вьюга, нас отпустили на втором уроке, а родители знали, что четыре урока, и я провалилась в сугроб и уже засыпала, наша собака меня нашла и пошла, шкребет и бьет лапой в окно, и папа меня нашел. Трудно было очень, но все равно дети шли учиться, люди работали, очень трудно.

Я помню, не помню сколько мне было, как только смолотят первый раз, молотили зерно, там в сторону дом престарелых рядышком там и бригадир дал клич: "Всем бабушкам взять своих девочек, маленьких мальчиков", – и мы ходили, ничего не знаю, сколько мне было, но четко помню, что мы, все мы, все босиком собирали колоски. Бабушка их натрет, крутит на такой машинке и делает нам лепешки, а ножки наши все в крови, потому что это ж стерня, а топить чем надо ж, хоть лепешку эту спечь, нету. И вечером, уже солнце садится, ходили вязанки бабушки делали и несли эти вязанки с соломой, чтобы натопить печь и чтоб сварить, а мы сзади шли вдруг... И ну вдруг, ну она упадет или что, мы маленькие поддерживали, чтоб им вроде бы как легче было. Все так ходили, все, очень страшно. А когда не было, да, когда не было чем, делали кизяки, называют, из коровьего этого. И на улице вот этот вот куток делали, бабушки там ставили казан летом.

Когда у нас в шестьдесят... в начале шестьдесят первого, шестьдесят второго появился свет, а до этого были ж лампы. Вот свет появился потом уже в шестидесятых где-то, шестьдесят четвертый стали возить уголь. Стали возить уголь и наши родители покупали, но было очень... Почему, после войны, потому что денег никто не платил, они работали на трудодни. Они работали на трудодни и на эти заработанные трудодни им давали зерно, им давали там з баштана, им давали семечку или кукурузу. Вот кто мог, кто был здоровый, ездили, машины давали грузовые, ездили в Донецк продавать, чтоб какой-то рубль иметь и чем-то одеть и обуть детей. Вот так очень тяжело и страшно. Моя внучка, она очень любит сидеть и слушать: "Папа, ну разве бабушка могла есть свеклу?" Он говорит: "Да, они все... Пойди любого, кому шестьдесят, все тебе скажут да!" Да, вот.

Много-много наших болгар, многих наших болгар во время 37-го года и 53-го во время репрессий забирали ночью, они совершено не знали заберут. Молодыми, молодыми! Да. Из наших болгар, которые учились в семинарии, вот я его видела живым, он приезжал, я не знаю щас, не могу сказать, он в Москве жил с семьей. Жив он или нет, но ему строили дом, приехали из военной базы. Он приезжал сюда к родственникам. Это бывший ученик семинарии Дмитрий Марков, писатель. Писатель Фуклев, тоже его как взяли и никогда его больше ник-

то... Но Марков в Харькове учился, в Харькове закончил и в Москве прожил свою жизнь с семьей. Все он, даже пытался здесь строить дачи, но что-то у него там не получилось, а приезжал несколько лет подряд. У него родственники еще живы здесь, но уже такие дальние, племянники дальние. Вот такое вот. А он приезжал каждое лето пока мог, вот. Много их, много-много забрали и никто из них не вернулся. И не понятно всем, да... Вместе с теми, как вот в Крыму, хватали татар как и наших хватали, только черный, все значит... хотя доказать нельзя было, что мы, наши прадеды и дядя, эти все не татары.

Музей [в Преславе] начали создавать в конце 1969 года, когда мы с директором школы, царство ему небесное, Фридкиным Наумом Самойловичем, я читала историю с 4-го по 9-й, а он в 10 классе. И мы из архива мелитопольского, который теперь переведен в Запорожье, выписывали много данных всяких, и много ходили наши ребята, дети, ученики по улицам и собирали всякие вещи. Собирали всё, что там есть, фотографии – всё это дети наши с нами собирали.

[Идея создания музея сама...]. Мы с [Фридкиным] почему-то так посчитали, мы с ним собрались, мы были вдвоём только. Потом подъехал, на истфак поступил, Виктор Михайлович Алавацкий, поступил директором школы интерната, он на исторический факультет поступил. Он долго жил в Казахстане, он приехал досмотреть мать и тоже он заступил директором, и как историк в это влился, нам очень помогал. И дети, я хочу открыто сказать, что наши ребята [19]69 – [19]70-х годов исключительно много работали. Мы этот материал прорабатывали в кабинете с Фридкиным, но дети даже и в холод и в стужу. В любое время они эти и папахи, и красные пояса, и эти всякие кофточки, и всякие эти дюльбени *[жіночий головний убір]* с рюшечками, и столько рушников – все что есть там. Они ходили со старшими ребятами и делали, [собирали] по улицам. Заходили в каждый дом, кто что может, у кого что сохранилось. [Отмечали каждый экспонат], там у нас были бирочки, бумажки. Это у того, это у того взяли.

[Ездили в архив, в Мелитополь], ну Наум Самойлович не мог ездить. Он меня три раза отправлял, бывала и непогода, и я переписывала, как они пришли, когда он пришли, сколько шли, сколько их было, где они остановились и как их расселяли. Потому что в это время это была дикая страшная степь Таврия, ни домиков, ни дороги, ну ничего, кроме понад морем связь с аулом Бердянки. Бердянск теперешний. Всё это пришлось переписывать. Архив был там, был такой дом, где сохранялся весь архив. [Городской] ихний, потому что татарский аул Кизия. [Фонд, описи записывали] Всё оставляла. [у Фридкина]. Он же сначала, когда я поехала *[нерозбірливо]* туда всё оставалось у него.

Первые стенды и музей мы создавали здесь с детьми, с Наум Самойловичем – он был хорошим директором и замечательным историком. Он пришёл в 1961 году работать в Преслав. Семья его жила в Пологах, а вырос и родился он в Азербайджане в Баку. И когда я подменяла его летом директорство, он выезжал всегда в Баку проведать своих родственников. Но ему очень нравился Преслав, он столько делал, когда был директором. Все первые небольшие сборы мы сделали, создавая небольшой музей. Сначала он был в здании, которое построили в новом сельсовете. Там была комната в конце коридора и очень красиво всё было сделано.

[До Фридкина музея не было]. Никакого музея не было. Он читал историю в десятом, а я читала с четвертого по девятый. И то это так получилось потому, что я приехала рожать сына сюда *[нерозбірливо]* я продолжала здесь, не перерывая стаж всё это делали, дети помогали учителям. А потом когда он перешёл в сельсовет, председателем его избрали, население его очень любило, ну и круглый стол делали, лекции делали. Его очень уважали все односельчане. После этого мне пришлось поехать, а приехала историю читать Татьяна Ефимовна Маркова и она продолжала. Музей наш очень плохо в том, что он не действует каждый день, что человеку нельзя зайти, когда он захотел. В [19]92-м году приезжала из Болгарии небольшая делегация, госпожа Стоянова, они сейчас в Киеве, даже позавчера она мне звонила, она ночевала у меня двое суток. В Приморске она читала доклад, для того чтобы открыть украино-болгарский лицей, был Червенков.

Они сейчас в Киеве, недавно мы с ними разговаривали. Это её заслуга, что она приезжала из Киева и привозила из Молдавии профессора этого и потом они создавали этот музей. Мы утром пошли с ней, нашли Татьяну Ефимовну Маркову. Она и сейчас ещё работает, она здесь вышла замуж, она здесь построилась и здесь живёт. Музей потом перевели в бывшую нашу школу в старших классах, корпуса были разбросаны понад парком. И когда построили новую школу, туда перевели, как будто бы это был дом просвещения и там дали большой зал, и очень много было куплено штор. Колхоз в то время был миллионер, и председатель тоже он был болгарин, очень много дал всего. Но в прошлом или позапрошлом году молодёжь разбирала там что-то, я пока ещё там не была. Где-то после девятого мая Александр Анатольевич Антипов разговаривал со мною, когда у нас там был исполком, когда заседает совет ветеранов, он говорил, что мы, наверное, будем переносить сюда в сельсовет в эту же комнату – здесь удобней, здесь топиться и здесь экспонаты больше сохраняться, но нужно всё привести в порядок и переделать, так он нам обещал.

Я уехала в 1972-м, я приехала родила сына. Чтобы не прерывать стаж, первый секретарь райкома партии Евгений Васильевич Стеховод, почётный гражданин сейчас Приморска, с его разрешения, они меня проверили политически ли я подкована или как, и разрешили читать историю, что бы у меня не было разрыва. Моему ребёнку было месяц и двадцать дней. Наум Самойлович меня вызвал, я подменила его директорство, а он поехал в отпуск. И это всё я оставляла у него. Потом я поехала туда, а потом мы вернулись, уже база расформировалась военно-морская под Батуми, тогда уже начиналась *[нерозбірливо]*.

И я приехала, Наум Самойлович уже по депутатской линии, мы оба были депутатами с ним тогда. Он перешёл в сельский совет – головой села. Болгары ему доверили своё село. Он очень много сделал. Когда пришла после студенческой жизни Татьяна Ефимовна, она закончила донецкий, и он ей передал. Потому что когда я работала у них, драмкружок вот этот и всё по-болгарски мы делали, самодеятельность с господином Еримейским, Татьяна Ефимова читала историю и хранила у себя ключ, и девочки еще с тех времён готовили экскурсоводов. Так и Татьяна Ефимовна, став историком, она имела специальную группу детей, она их готовила. Если нужно было, приехал кто-то, открывали музей, тогда был порядок там. Я приезжала часто, тоже ходила к ним, и они рассказывали каждый стенд, каждый отдел музея, всё это она тоже продолжала готовить. Она тоже очень добросовестно продолжала эту работу.

Здесь в музее, кроме всяких фотографий и данных, в музее самовар моей бабушки. Когда её выдавали замуж из Зеленовки, он там должен быть на *[нерозбірливо]*, но сейчас не знаю, вот эта вот суфра – тоже *[нерозбірливо]*. [Как вот рассказывала моя] бабушка, она умерла в 1961 году, мне было 20 лет. Бабушка из Зеленовки – она бессарабская болгарка, Трифонова Анна Николаевна, документов у нас на неё особо нет. Дело в том, что дед и прадед, когда они шли три месяца почти, пешком из Бессарабии в эту дикую степь, Таврию, зеленовцы, теперешние зеленовцы, шли всегда с нашими и они сразу остановились возле речки. А это место было как на бугре и зеленовцы остановились с нашими, но они боялись шума этого дикого сильного моря, оно тогда было очень глубокое *[нерозбірливо]* была вровень с обрывами вода и кишела рыбой. И они знали, что спасутся только рыбой, потому что наши преславские болгары они из-под старого Преслава, крепости Преслава в Болгарии. А эти бессарабские болгары, но они дружно шли вместе и когда прожили они здесь недели две-три, они испугались разлива этого бушующего моря и ушли далеко в степь, но старики прадеды решили,

что они будут друг с другом родниться и будут друг-друга всё время помнить.

[В Мелитопольском архиве были документы и по переселению]. Просто часто говорили старые бабушки и дедушки, когда мы с ними беседовали, мы тоже ходили с детьми по дворам иногда. Когда они прибыли сюда, староста ихнего похода был Корнев. Он очень много здоровья отдал. И очень много им помог генерал русской армии Южного отдела Инзов. Они шли и приехав сюда... Первый староста Преславских болгар был Корнев. Он их и сопровождал. И когда они сюда пришли, прадед и бабушка всё время рассказывали, это была... [А как его звали, Корнева...]. Не написано и никто... вот была фамилия. Даже в архиве – Корнев и в книге *[нерозбірливо]* Корнев, а имени нет и всё. То ли позабывали, знаете как.

И когда они пришли сюда, бабушка сказала, дед сказал, прадед сказал это было страшно. Очень страшно почему, потому что это была страшная дикая степь. В 1859-м году на местах этих сёл были татарские аулы и названия были в честь их воевод. Вот у нас, например, был аул Шекли, Мелитополь – аул Кизияк, аул *[нерозбірливо]*, Инзовка – это был аул Орманджи. Я даже "дж" вам произношу. Если нужно, я найду записи. И каждое село имело, вот Вячеславка и Мариновка рядышком были, там маленькие-маленькие, оно называлось ещё тогда, два брата воеводы – Джеганлы и Ямандешеклы, там где Юрьевка был аул Бешаул. [Это так] все наши прадеды говорили. Эти места [назывались], когда те были здесь, а потом уже наши переименовывали.

В Приморске тогда тоже были какие-то документы, когда монголотатары дошли до западной Европы и хотели дальше идти, но их Западная Европа разбомбила и хан Ногай... Приморск назывался Ногайск в честь хана Нагая. И они не пошли назад по русским степям, там всё разорено и кто-то посоветовал им идти Южными степями Причерноморья. А Южные степи Причерноморья – это Южные степи. Он расположил свой золотой шатёр по эту сторону теперешнего огромного моста, золотой шатёр хана Ногая. И потом стали селиться. И в честь него стало называться Ногайск. Для того, чтобы окрепли его отряды, так было написано и так старые... двадцать семей татар.

[Это] Наум Самойлович сказал, что он где-то читал, может у них тоже что-то да есть. И ещё я утверждала, что это всё правильно было потому, что в болгарской газете "Родин край" года четыре-пять назад тоже всё это проходило. Мой брат, Гогунский Иван Фёдорович, в Одессе живёт и он в содружестве этом, в тесной связи работает с консулом. Он много раз привозил свою делегацию.

[Как старики рассказывали], сначала [болгары] возле Кизияра остановились и три дня ждали гонца, который привезёт им от правительства, ну от царя, что-то он им привезет. Им привезли жито, то есть семена, их нельзя было есть, на каждого человека, даже на маленького по пять золотых рубля и привезли им разрешение, гонец привез разрешение: Они имеют право на территории от Кизияра нынешнего Мелитополя расположиться до реки Берды – Бердянск. Дикая степь! Те жили как когда татары были – они знаете палатки эти, потом они ушли, и они три дня ждали – всё это им сделали, до этого места, прадед говорил, их довели казаки, охраняя их. Говорил прадед, бабушка и её отец говорил – это была страшная первая зима, были они забытые Богом, людьми. Они растянули, значит, вырыли ямы и саман делали руками. Саманные дома внутри сохраняются ещё до сих пор, врылись метра на 1,5, а здесь маленькие окошечки. Не было ни дров, ни досок, ничего. Они сплели наши деды, наши прадеды им помогали наши отцы и дедушки. Они скосили камыш, река тогда была очень полноводная, море было очень глубокое, баржи крымского хана шли сюда по реке, чтобы торговать до Приморска и здесь останавливались. Наши плели всякое своими руками, так они старались выжить.

И они сплели, вот так просто, накидку из этого камыша, а по средине, знаете, как у казаков, татар, по середине очаг. И тут они сковородочкой там подкладывали и шо-то пекли... вот. И бабушка сказала, что все... она родилась в 1886-м году, но она вот это ей рассказала и бабушка и наши прабабушки, вот они... Здесь не было ничего, ни дорог, ни домов, они шли только понад морем, а это все была... Вся беда в том, что они становились возле речки, потому что там было более мелко, здесь высокие травы по пояс, дикие кабаны и звери и тысячи змей.

Прадеды рассказывали, что они пришли до это Кизияра, помолились церкви этой, когда стали ждать. Они пришли уже было тепло, они оттуда вышли, по-моему, в марте, потому что они туда шли в каких-то шубах. Они ждали в Ботево целый месяц, все отдельными кучками ждали целый месяц, а старосты объезжали эти вот дикие степи, и искали то место, где был, например, аул, высеченное просто место и селили их всех. И когда узнавали, бабушка говорит, ей прабабушка говорила и дед и папа... Когда вот живут и где-то пламя в степях, значит там следующие останавливались, они сжигали, чтоб сжечь змеи и кабаны пугались, убежали. А все это они потом выкорчевывали, все кустарники и обрабатывали чем могли, волами... Вот так они перезимовали... Но бабушка сказала так, прадед говорил, они были забыты ни только Богом, но и людьми, их сюда переселили и выживать они должны

были как могли сами. Ни врача, ни лекарств, что сами придумывали и делали бабушки... Мужики вечерами поздними чем-то занимались...

Скотина, которая не погибла, вот половина, в ту лютую стужу, они ж не знали такую лютую стужу, половина погибла ... потому что... Ну куда ее, где ее, это уже на другой год делали сарайчики... Много очень умерло от болезней, от тифа, а старые женщины и бабушки сидели вечерами возле этих очагов и рассказывали про свою Болгарию, про дикий, цветущий край, дети чтобы запоминали. Но когда они пришли, вот оставили их здесь, тех там, тех там... Много стариков имели еще и скрипки. Когда начиналась эта страшная, дикая печаль, они брали скрипки и начинали играть. Эти болгарские мелодии и впервые, прадед сказал, впервые в этой дикой степи зазвучала болгарская мелодия. Даже в позапрошлом году, когда Еремейский был у меня, кто его знает, может от дяди я им составила четверостишье. Он их увез с собой. "Я в памяти храню Преслав родной, ведь прадедам моим он подарил покой... землю и покой". Вот.

Тогда в 92-м, тогда приезжал, а тогда говорили, что будут открывать лицей и в каждую школу отправят кого-нибудь из специалистов из Софии, там из всех этих университетов людей. К нам, значит, прибыл господин Еримейский, он закончил Шумненский университет, вот, литературу все, но музыкант он по этому аккордеону исключительный. Вот он привез очень много материала, он приехал в середине ноября. Они с опозданием приехали, *[нерозбірливо]* те пошли в другие села. Вот она мне позвонила: "Сейчас приедьте, пожалуйста, вы нам обещали, что попробуете создать по-болгарски текст". – потому что он жил в Приморске и им позвонили... *[нерозбірливо]* они вже сидят в учительской ждут в кабинете. Ну сколько это десять минут, я пошла и как раз он приехал, вот познакомились и был зам. Марковой по воспитанию, когда она была директором *[нерозбірливо]* приморского техникума. Он жил у Гогунской Марьи Максимовны. Два раза в неделю он работал у нас, уроки он имел по литературе, вот. Он очень четко читает и говорит по-болгарски.

Да, вот и еще какие-то два раза он ездил в дом творчества, там, он привозил кассету. В Приморске тоже, вот и те тоже были, я знаю эту женщину, ну не знаю, сейчас она работает или нет в доме творчества, они тоже были очень довольны. Потому что дети ездили, дети давали концерты, дети ездили и в Коларовку и кругом. Я хочу сказать, что музыкально он очень одаренный человек, он до того играет на этом аккордеоне, у них баян не принят в Болгарии, аккордеон, скрипка, гайда вот это все очень красиво.

[Потом Еремейский не приезжал сюда]. У них что-то с донькой не сладилось. Вот. Он и в Приморске работал в ДК, всю эту музыку привозил, разработанные всякие сценарии. Добросовестно он работал, ну конечно много пришлось сделать. Он очень болел, у него сахарный диабет был, поэтому, когда он не мог, я с ребятами работала, записывала пластинки, очень часто мне давала читать болгарский язык, Любовь Николаевна Енчева в средней школе. Она курсы проходила в Болгарии. У нее очень много было пластинок, когда его не было, я включала эти "хоро" и мы с ребятами учили.

[А в документах архива нашла...]. Бежали наши болгары от страшного турецкого ига, которое было пять веков. Это то, что я говорю, это из книги Мишо Хаджийского. А в Мелитопольском архиве тоже так написано, что сопровождали их русские казаки. Для того, чтобы их сопровождать и разрешение взять, сюда генерал Инзов ездил к императору Александру. И ему очень понравились эти люди, такие трудолюбивые, но когда в 1859 году Турцию, Крым, Россия забрала Крым, нужно было заселить эти дикие степи. Это, во-первых, а во-вторых это крепость Измаил и Бессарабия были здесь в Южном, армия южного края. А кусок Бессарабии, где поселились бессарабские болгары остались румынскому вассалу и он сделал вражду между... так там написано... болгарами и молдаванами. И такая страшная была вражда, что сразу изрезали они в этой вражде национальной сто пятьдесят с чем-то человек и они пошли к генералу Инзову, они боятся... И тогда он взял разрешение и предложил им, сказал с казаками поможет дикими степями добраться. Не было ж ни Херсона, ниче, они степями шли, добрались до старой Тавриды, в древности Тавридой называлась. Потом, когда они уже переселились, в 1861-м – [18]62-м годах, уже называлась Таврия. А Тавридой называлась, когда эти земли принадлежали тюркскому ханогату с ханом Курбатом, которому открыли могилу между Полтавой и Винницей, если знаете, два года назад. Вот так он решил их сопровождать.

Но дело в том, что не все думали уходить сразу, но после этого испугались и почти все сорок тысяч, начиная с ребенка в пеленках и заканчивая самым старым болгарином, все двигались. Двигались отдельно, чтобы не перепутаться. И в первый поход их сопровождал сам генерал Инзов вместе с казаками. По бокам шли казаки, казаки шли впереди и сзади, все время стреляли, чтобы отпугивать страшных зверей. Останавливались они ночью, не шли ночью, страшно. Ставили свои "брички" и "гарбы" на "карэ", т.е. квадрат, дежурили, потому что волки, кабаны все это могли разорвать.

И так они добрались. Много очень умерло... Что еще? Среди всех старейшин, ну самым таким добротным и самым ловким, написано было там, оказался наш Корнев. Для того, чтобы выезжать от туда и перейти реку Камчи, т.е. границу, молдавский князь запросил у них с каждого по 5 золотых рубля. Пусть это даже ребенок в пеленках или старик – с каждого. И они решили все, кто что может, чтобы их пропустили. Он выдал, типа паспортов, что ли каждому, а Корневу не дал, за его ловкость, ум и хитрость, и он их привел. Болгары все переходили реку Камчию, а он должен был оставаться на этой стороне. Так он хотел его, ну ему нравилось... В Ямболе они тогда были ...ему нравился ум и ловкость его, чтобы он остался, то ли на него служил, что-то он хотел...

И Корнев с нашими старейшими и с прадедами совещались две ночи, как же обмануть молдавского князя, чтобы эти золотые рубли, которые они должны ему отдать, себе оставить, потому что нужно же что-то там иметь. Они обнищали совсем, они с них поборы брали страшные, они настроили все себе, все эти болгары, но они выгнали их на камни и песок и забрали у них все, даже у бессарабских. Переходили они на рассвете, он с болгарами все эти золотые рубли, которые собрали в один из сундуков на дно спрятали и переходят реку. Он отправил жену и двое детей со всеми, а сам остался здесь и разговаривает с ними и с этой же охраной молдавской. Попросил прадедов, значит, оставить ему немного пития, они очень любили, он их напоил и рассказывать стал, что он тут остается. А потом, когда наши уже оказались на той стороне, на краю, казаки их сразу же окружили, чтобы не было раздора, все было договорено и жена начала кричать: “Ой, – по-моему, Иване, – ты же с нами не попрощался! Перейди реку и пойдешь назад!” Но молдавские военные, которые их охраняли на берегу, не разрешали. Он снимает с себя, ему специально пошили самую красивую расписную шубу, положил ее и говорит: “Да вернусь я, только попрощаюсь с женой и детьми и приду!” Они же в реке стояли, а они были напитые.

Но как только он пошел вроде прощаться, казаки сразу их окружили, эти молдавские охранники хотели стрелять, но один из охранников сказал не стрелять, а то начнется типа войны, ведь там вооруженный генерал с ними и получиться бойня. И они не стали. И они стали ему кричать, это дословно написано, что давай возвращайся, ведь шуба твоя здесь, золото. А он им отвечает, что оставьте себе на память шубу и золото, я без него обойдусь и я ухожу. Стали стеной все эти казаки, и так они ушли. Это так написано. И вероятно я думаю, кусочки я встре-

тила в книге, брат привез мне из Болгарии, "Таврия" и там все так. Там меньше конечно, но так.

[Преслав] имя древней столице Болгарии, потому что наши оттуда, а инзовцы из села Каджит-Телемат и одиннадцать лет никакие дети не учились, одиннадцать лет безграмотность полная. Ни аптек, ничего. Одну аптеку создали в те годы, через десять лет в Инзовке. Йод, касторка и ничего больше и шли туда пешком, за фельдшером, пока привезут его...

А через одиннадцать лет в центре парка, село имело два парка, старый это где сейчас ДК, старая площадь, а новая на том краю, где построены щас домики. В центре парка посадили тюльпаны, пионы, все было в цвету. Это бабушка и мама рассказывали. [Бабушка] в 1907-м вышла сюда замуж, она знает все это. Когда они что-то праздновали... Освобождение Болгарии, в это время уже в Санкт-Петербурге учился академик Державин. И он все приглашал императора и сопровождал Николай Державин. Державин родился здесь, его родители учителя, его крестили в нашей болгарской церкви и в честь того, что так дружно болгаре жили, дали ему болгарское имя Микола. Он учился только до четвертого класса, потому что была семинария и выписанные с разрешения Александра преподаватели болгарского языка сказали родителям: "Невозможно одаренный мальчик, вам нужно выехать". Они выехали в Бердянск, он закончил гимназию.

Вот все наши болгары со всех сел решили, что все они будут помогать строить гимназию для детей, но сначала вот здесь, когда вот идете вот к школе-интернату, здесь башня водяная, вот это было первое одноклассное училище на этой территории. Это, значит, только одноклассные, ходят в школу те кто должны идти в первый класс, а те, кто вже старше, они просто работали. Щас, щас я даже вспомню сколько девочек и сколько мальчиков пошло. Значит, здесь была одноклассное, две комнаты, коридор, ну типа учительская. Вот, значит, пошло 11 девочек и 39 мальчиков. Отдельно, тогда так было женское отдельно, мужской класс отдельно. Ну дело в том, что могли пойти и другие, бабушка говорила, но дело в том, что не во что было одеться, не во что было обуться, пошли только те, что могли во что-то их одеть.

Потом построили второе одноклассное училище, вот здесь где был фонтан. За памятником есть такое разбитый фонтан, наши дети в 87-м [году] делали такой фонтан, разбили все. И там уже эти пошли во второй и третий *[нерозбірливо]*, а те уже опять, другие в первый и потом вот здесь где у нас *[нерозбірливо]* совет стоит, тоже третье училище. То есть уже те, что постарше, а потом уже построили на встречу школе-интернату вот угловой дом с синим забором, Ольга Назаровна там

живет, экономист, там была, назывался этот корпус семилетка. То есть те, кто дошли до восьмого класса, те учатся уже там. Седьмые классы там, три седьмых класса и так они вот так, а потом уже ж надо было их как-то дальше учить. Собрались на совещание старосты всех наших сел, собрались они в Инзовке, собрались они в инзовской корчме. Инзовцы требовали, чтоб семинарию построили, то есть гимназию построили у них, потому что уже в то время пели такое, значит, изречение: "Золотая Инзовка, серебряный Преслав!"

Сразу из Болгарии перешли, некоторое время пожили и пошли, а вот те, которые бессарабские болгары, прожили по тридцать-пятьдесят лет, еще бежавшие из Екатериновских времен. Почему там и говорят, что нам разрешение дала Екатерина, а наш, когда начинают доказывать и брат доказывает нашим, дал разрешение Александр. Потому что 1861-й, все остальные села так и написано – "бессарабские болгары". А наших пишут – болгары из Болгарии. Вот такое, они здесь еще, вот щас, где сейчас находиться больница, где сейчас находиться *[нерозбірливо]*. Вот это было после того, как построили в 1873-м, начали строить семинарию, то есть гимназию эту, педтехникум. Закончили в 1885-м, строили два года и все это руками. И все это, все отрабатывали по два-три месяца каждое село, потому что сами не могли.

Больницу старую, ее щас нет. Вот она была вот лет десять назад, только уже крыша снеслась, строили в 1825-м. Руководил плотническими всеми работами мой прадед. Он всех своих сыновей четырех, то есть дедушка наш, он их научил дикому красивому плотничеству, они *[нерозбірливо]* делали все, все там они делали своими руками. Но вот школа, где сейчас находиться больница, теперешняя больница, это после того как открыли семинарию, через несколько лет открыли школу садоводов в этом здании. А потом через некоторое время превратили в агрономический техникум, но во время войны немцы дали разрешение румынам и в этом здании держали лошадей. Поэтому много конюшни сделали, из такого семинарского здания красивого конюшни. Они делали, что хотели, вот. И поэтому когда кончилась война, это здание до 62-го года никто не трогал, а потом уже, ну привели в порядок и была школа. А теперь там больница, хорошая больница, все, вот. Жаль нам нашу церковь, она, снимок нашей церкви в музее, он правда блеклый, вот, но...

Очень много денег генерал Инзов оставил в Инзовке, потому что они сказали, что они нарекут этого [Орманджи] его именем. Он помог Болгарии. Он уже был очень стареньким потому что денег у него было достаточно, но его семью... там турки уничтожили, за то что он был хорошим руководителем, предводителем русской южной армии южного

края и он им оставил много. А немножко серебра бросил сюда и по дворам наши все ходили собирали денюжки, чтоб построить, во-первых, церковь, без церкви они не могли, во-вторых, нужно было строить... Но, чтобы решить где будет в Преславе или в Инзовке гимназия, они поехали в Бердянск к нашим болгаринам, которые руководил этим уездом всем. Велков, фамилия его Велков, и от он бросил жребий и от он встал, что будет гимназия у нас.

Все болгары с какого села здесь в десятом классе, это здание еще сохранялось. У нас в памяти осталось куски наружной части здания. Она была взорвана, да. Но эти ажурные лестницы... Она стояла там где стоит сейчас средняя школа. Прямо возле интерната. Да, вот это средняя школа. Вот здесь оно стояло. А вот это где музей, [напротив парка].

А где музей мы учились в девятом-десятом, в шестом-восьмом классе и наши ребята, ну мальчики бегали туда покурить. Вот и мы стояли всегда на веранде. Она с этой стороны была, со стороны вход, со стороны школы. Дело в том, что, как развалины, не было крыши, все как сыпалось *[нерозбірливо]* и не было окон, ни дверей. Все ж это бомбилось, но само наружное часть здание. Наружная часть здания, она была еще сохранена почти во всех местах, вот там где-то куски разодранные. Вот видели, может быть, во время войны кто-то что-то себе брал потому что людям тяжело было, стекла или может быть. Во всяком случае, цвет нашей семинарии лазурь Азовского моря. Ну как помним мы, нас же много таких, уже по шестьдесят лет, мы ж там учились все. Выйдешь, вот это вот кусок смотришь, ну лазурь Азовского моря и эти ажурные лестницы, знаете вот как там где лицей все это красиво, ну а потом пришли другие руководители и разбомбили все.

Разобрали здание, я начала работать. Я начала работать после училища, в 60-х они начали разбирать в 63-м, 64-м, 65-м. Здание было мощное. Нельзя было, бульдозеры, все что хочешь. Никак не бралось, никак да. И церковь они строили, наша церковь была самая красивая во всей Таврии. Бабушка говорила, что наши прабабушки, чтоб начать строить церковь, они пошли пешком в Киев. Они посмотрели купол Софийства, вот этот купол чуть-чуть меньше, они так его изобразили. Но в 33-м году вот эта политика вся пошла про религии. Ее разбомбили, а потом она была сначала гимназией. Учились отдельно девочки, отдельно мальчики.

Значит, до 1918-го года была гимназия, с 1918-го года переделывают в педагогический техникум. В том же здании, да, педагогический техникум, и учились одаренные дети со всех болгарских сел. Двадцать четыре села, со всех болгарских сел. Преподавали болгарского, все по-болгарски, выписанное из Болгарии. А вот русский язык, преподавате-

ли именно, держали на родителей. Держали на родителей, вот и так они заканчивали, а вот в тридцать... А 37-й год, когда начались эти репрессии, почему-то Сталин приказал закрыть учебу по-болгарски, никакого болгарского этого, все. Ничего! И закрыли семинарию. Самых одаренных ребят отправили в *[нерозбірливо]* и наш дядя Иван Гедиков, и многие и преподаватели, старенькие уже умерли, тоже отправили их в литературный институт в Одессу, вот.

[О дяде нашем, Иване Гедикове] мы... больше знает брат, почему... Потому что он раскрыл архив как он в общежитии погиб. Утром открыли комнату... Он был очень одарен. И были ребята такие враждебные, что их талант не так признают. Утром он не пришел на занятия, открыли комнату, а он лежит с перерезанным горлом! Комендантша сказала, что под вечер у нее попросились к нему молодых вот. Что они друзья, она видела как они ушли, но она не придала никакого значения. Когда только он сначала не появился, думали утром, что сам потому, что ему слишком угрожали. А потом уже брат видел все архивы эти все, что видимо, сделали вывод. Ну тогда это не нужно было так говорить, они были с *[нерозбірливо]* два друга, они оба учились там, этот писал...

Он очень талантлив был, его очень все любили в Инзовке. Он еще с младших классов стихи писал. И он играет с ребятами, если что-то, кто-то, он тут же выбрасывает четверостишье. И когда он закончил школу, и его отправили сюда, а после этого мама сказала, что он работал учителем в Бановке за Инзовкой. Места здесь не было, в Ивановке он работал. А потом их отправили туда, когда в 37-м году напечатали в Киеве, его эту книгу в стихах. Сказали, что это очень одаренный и пусть едет на литературный, потому что он будет много писать.

На 1910-й год наш Преслав был культурным центром болгар всей Таврии, Приазовья. Потому что здесь техникум этот же был, в гимназии все учились. И двадцать восемь процентов грамотности... Значит, когда они пришли, они пришли с Корневым. Наши все старейшие прадеды поделили эту территорию, вычешенную татарами, вот поделили эту территорию на три главные улицы. Улица Ленина, Нижняя, так они говорят по-своему, улица Варбанского, Центральная и улица Коминтерна, вот здесь, где пекарня. Вот, да вот эти три улицы.

[А Горького и Советская, это уже новые улицы]. Да, а восемь переулков, восемь переулков поделили. Их было 403 души, поделились, расчертили им на 171 двор. Когда брат привез из Болгарии делегацию, я у сестры после инфаркта была, собрались все, по-болгарски сделали, были и крымские болгары. И он говорит: “Включай свой микрофон, – этот запись, – щас Валентина как начнет и вы все узнаете про людей,

которые ушли в Дикую Таврию". В Болгарии они только знают, до сих пор, наши болгары ушли в Таврию! Вот это они тоже записывали.

Вот 403 души, это с малышами со старыми, со всеми. Но прибыли, добрались они уже в жару, добрались они уже в жару. И когда они прибыли сюда, или встречались вот там вот или возле Ботева, есть же русские всякие там, вот они говорили по-русски: "Что за черные люди?!" – потому что они и так чернявые, а еще два месяца пути в жару. Начался же апрель, май, чуть-чуть захватили июня, конечно они и босиком, отставать от этих *[нерозбірливо]* нельзя было никому, потому что совершенно отстанешь, тут же сразу тебя загрызут.

Мама говорила, бабушка ей рассказывала, была самая большая семья из Ормаджи, из инзовских болгар, это баба Пена, так ее прозвали в пути. Муж у нее умер в пути, а детей у нее было десять и все они, кто держался за платье, за фартук, за руки, кого посадили в гарбу, вот. И время от времени, а она, когда останавливался весь караван, 40 тысяч человек шли, вот она начинала их считать и где-то, вот где сейчас приблизительно Херсон в степях, она не досчитала одного ребенка! Она расплакалась и стала кричать. Вот, но казаки ей сказали, если вы пойдете искать, вас разорвут, не знаете где что и нечего вы уже не найдете, потому что мы все время стреляем, совершенно его наверно давно унесли *[нерозбірливо]* разорвали.

Даже прабабушка говорила моей бабушке, что когда вот они ночью стояли в охране, и если какая-то молодая пара уйдет чуть дальше, не могли спасти. Сколько было страшного, ужас! Да, не могли, кричали. Да. Дикие степи, ничего нет. Только дикие волки эти.

Сначала разрешение бессарабским болгарам перебегать через Дунай разрешила еще Екатерина. *[нерозбірливо]* ...а вот уже при Александре пошло полностью, потому что если турки, прадед говорил и вот ему папа говорил, дед рассказал и прадед рассказал, что Корнев говорил он был самый старый, вот. Говорил, что если только турки узнавали, что из этого селения, кто-нибудь ушел в партизаны, сжигали ночью все селение. Но партизаны пытались там сообщить, и они ночью при луне пытались все скрываться через Дунай и бежали, чтоб спасаться. После освобождения Болгарии, бабушка говорила было предложено очень многим, из Коларовки и других сел уехали, а у нас почти никто не уехал назад, потому что у всех там похоронены.

Да, разрешением Александра императора, потому что он разрешил сюда поселить. Разрешением Александра императора было разрешено, кто хочет вернуться к себе на старую родину, никто запрещать не будет. Но уже многих тут были и эти и дома, что ты найдешь через пять-

десят-семьдесят лет и где ты будешь селится. Поэтому они, большинство из них не поехали. Большинство из них не поехали.

[У нас в семье] высокое уважение к старшим и к старым, к родителям. Для нас было свято, сказала мама, сказал папа, а бабушка только глянула на нас, все... Все было очень размеренно, сказано. Более старшие ухаживали за более младшими. И вот я помню нашу от эту *[нерозбірливо]* ну везде, так везде, все время свято... То ли это было заложено в традиции у болгар, вот очень уважали старших, для нас это было все. Сказал папа, сказала мама, сказала бабушка, сказал дедушка. Мы даже уже старше мы были, вот нам было по семнадцать, по шестнадцать, по пятнадцать, если папа сказал, сначала вытяните чеснок и выкопаете картошку, потом пойдете в кино, не сделаете и все. И мы молча сидим, подружки сбегались помогали, чтоб все пошли. Да, очень свято чтилось, все чтилось очень свято. Я даже помню, свадьбы, значит, обязательно были свадьбы раздельно, свадьбы у невесты и свадьбы у жениха.

Да, я помню седьмой, восьмой, шестой, девятый, десятый класс. Шестидесятые годы, это начало, середины и конец пятидесятых, начало шестидесятых ище сохранялись эти свадьбы. Я учителем работала и ище сохранялись. Вот одну из моих сестер выдавали точно по этим обычаям. У них, во первых, четко было, строго кумовья. Он заходит во двор, когда, ну вся свадьба идет за невестой и он должен впереди танцевать с этим петухом. Это было обязательно разряженный этот петух, очень было красиво, все это очень. Все столы были только болгарские блюда. Да вот зачем нам далеко бежать, даже сейчас я вам говорю вот.

Двухтысячные годы, мой сын женился в 1990 и мы сейчас вот на любой свадьбе, вот рядом везде все болгарские. У болгар блюда и эти баклажаны фаршированные и эти *[нерозбірливо]* луковые. И все, ну все и перец и все фаршированный и такой, все соблюдается до сих пор. На новый год, старый новый год, тринадцатое, наши болгары не уходят из этого праздника, наши дети вот как стали разрешать правительство этот, кода уже распалось государство, вот уже лет семь-восемь, наши мальчишки маленькие и ходят на это, шестое вечером, на рассвете утром. Кричат, Славите ли Бога вот *[нерозбірливо]* вот на "старый новый год", на шестое, все так же очень много блюд. А на "старый новый год" нет ни одной семьи болгарской, чтобы они не пекли млин *[нерозбірливо]*. Говорят, в одном месте говорят *[нерозбірливо]*, в другом месте говорят млин, выпала буква, а вообще правильно милин.

Нам господин Еримейский привозил разработанный сценарий и мы его делали в школе. И мы ему млины эти пекли и дети пели, дети танцевали у меня *[нерозбірливо]* и эти у них фартушки пристелки все это

было все очень, болгары плакали страшно. Во-первых, в начале мы, я дала музыку, пластинку эти болгарские хоро, еще с тех времен. Был девяностолетний старик Игнат, мы навзрыд плакали, когда началась вот эта музыка. Мы и то не можем сдержаться, мы и то сдержаться. Да и сохранялись традиции, вот до недавних пор в центре, бывало, собираются наши болгары, еще был дядя Федя Быстров, он на скрипке, он умер несколько лет назад. В центре села он как заиграет эту музыку скрипкой и прямо в центре, вот это вот место. И на встречу церкви цементированную дорогу сделали, а раньше нет не разрешали и они себе пляшут хоро, пляшут, пляшут все.

А на болгарских свадьбах, если сохраняются, если есть еще болгарские старые, которые знают песни. Они поют и все слушают, все слушают. Когда приехал господин Еримейский, Татьяна Ефимовна, она тогда Маркова, была директором школы, она мне позвонила и предложила создать вот этот кружок *[нерозбірливо]*. Вот они говорили: "Да нет, дети не поймут, дети ничего не поймут". Я, не может быть, в душе у них все равно и когда они записали мне, двадцать с чем то, мне их завели в класс и первое что я сказала: "Мне надо пластинку". И говорит Дмитрий Еремейский: "Дмитрий, заиграй на аккордеоне", – вы не знаете, он как начал играть на аккордеоне, они ожили. Эти страшно красивые болгарские мелодии и мы столько песен с ними пели, столько танцевали они. Полсела собиралось, полсела собиралось...

Вот щас, когда прийти за невестой, вот так было... У одной из моих сестер, у самой младшей, которую я растила, мама в аварию и мне пришлось ее с шести лет растить. Вот уже было в одном, ну у жениха отец был болен очень и мы делали все вместе.

А вот сестра, которая в садике работала, это был шестьдесят седьмой год, и еще сохранялось. Они мы не касались, их свадьба у жениха была отдельно, здесь отдельно, свои гости и там гости. Они берут там гармошку или скрипку, или баян и все пляшут по улице. Все раздельно, у всех раздельно. Даже молоденькие дети, здесь эти китки [квітки] обязательно, девчата и бабушки здесь, все разряженные, все идут. А кто может, скрипка играет, все пляшут. А впереди всех с петухом пляшет кум и когда идет сбор, когда идет сбор денежный. В руках он... пляшет, выкрикивает и держит. [Петух в руках], он украшен. И обязательно красный петух с разноцветными перьями, он красивый страшно, весь переливается и тут, и тут у него сумочка, ему там ложат денежку.

И он должен выкрикивать, да очень красиво, да. И еще сохранилось до сих пор, значит, если собрали денежную, вот эту сбор и сума пересчитали. И сума не совсем круглая, заходят там в шалаш или де, раньше

шалашей не было, щас уже и шалаши делают, контейнеры, кронштейны есть, эти палатки есть вот и в микрофон объявляют: "Дорогой кум, не хватает столько-то до общей сумы!" Он вставал, должен знать заранее, что у него должна быть спрятана еще какая-то сума, а вдруг... и он добавляет, чтобы была круглая сума.

Все сохраняется, все нам очень радостно. Даже вот те, кто прожили русские люди и украинские, тут же и поляки всякие есть, и они научились и говорить по-болгарски, и точить эти млины, и точить эти коржи *[нерозбірливо]*, вот эти всякие. Все сохраняется, абсолютно все, закрывают на зиму все и формируют синенькие и баклажаны все и *[нерозбірливо]* прямо уже. Опять в бочках, не нравится им в этих бутылях, они сделают большие погреба, им нравится, вот, ну от это вот, соляные *[нерозбірливо]* все сохраняется, все.

[Ну вот у моей сестры свадьба была, где-то 67-й год...]. Вот сидянки были, когда мы были школьниками. Конец 50-х – начало 60-х, еще были сидянки. Арендуют у хозяйки, ей за это там мизерные денежки платят, потому что не пускают. Одни вяжут, другие вышивают, третьи в другой комнате пляшут болгарские все, абсолютно все. Тогда еще скрипки все было вот. И вот так у них были эти сидянки, а свадьбы, значит, начинается сначала *[нерозбірливо]*, то есть сватанье это было, только, значит, по субботам, потом намечается свадьба, день свадьбы.

Я работала в школе. Она была в седьмом классе, когда мама попала в аварию, пришлось конечно, мне многое и всем нашим старшим помогать, вот. Они намечают дату, день приходит жених, свекр, они должны купить и подарить ей называется это *[нерозбірливо]*, так должно быть свадебное платье, фата, кольцо.

Они все это, в красивом таком, теперь тюль, а тогда это было ихние болгарские, вот эти вот кашемировые ткани. Кашмир, кашмир назывался и садятся они все за стол, детей никаких, у нас очень было все это ну как еще с маленьких не знали, что на любые гулянки детей за стол не сажали. На любые строго, вот и договариваются они, их сватают, договариваются, обговаривают день свадьбы. Ну сидят за столом, я только помню, знаете как его отец привел с собой, двух женщин и двух мужчин, которые сами: "Вот у вас есть там царевна, – или там как они говорят, – а мы привели своего!" [Это] ихние родственники.

Там на том краю, этот дом я строила здесь, а жили мы на том краю, вот и начинают они шутить всякими прибаутками. Они привели с собой четыре человека, да. Они могли больше привести и родственников и дядек и теток, но у них намечено дома, кто будет эту шутку начинать и кто будет... все это договорено дома.

Ну конечно там, [родственников звали], ну не сильно много на *[нерозбірливо]* не сильно много. Но дело в том, обязательно, вот даже в начале шестидесятых годов сохранилось на *[нерозбірливо]*. Едут, тачанка была у нас такая, всем давал колхоз ее с красивыми лошадьми и везут тоже какую-то еду *[нерозбірливо]* ну без мяса там, и еще что-то везут, и вместе с женихом то ли идут то ли...

У нас вот в Мариновке вообще могут, могли не знать друг друга совсем. Даже в шестидесятые года *[нерозбірливо]* выдавали замуж и только, когда уже договорились родители, ее позвали, чтоб они глянули. Это Нина, бедная ушла и все. А у нас и у нас нет, более как-то, бабушки делали современное, это вот. Сначала они договорились, потом их они себе сидят в той комнате, а потом они зашли, их спросили согласны или нет. То есть они вместе сидели там уже, да, ну с нами сидели, мы все сестры сидели смеялись и жених с нами. А здесь старые, пожилые сами решают без нас.

Пожилые, а потом уже заходили все, они заходят, их спрашивают. [Ну я уже замужем была на то время]. Да, я самая старшая. [Замужние сестры], они в почете. Самая старшая могла быть, но я то сюда, то туда приготовить. Накрываем столы, накрываем столы. А потом идем посмотреть, как они там смеются или что. Или плачут, вот. А потом уже когда они обговорили, встает будущая свекруха, вызываем, мы их сидим все, она подает в подарок этот *[нерозбірливо]* и там все, там золотое кольцо, там свадебный наряд, все вместе, все как надо и назначают дату. А свадьбы были тоже, тоже в разных местах. Они через всю деревню пляшут и идут туда, мы их усаживали....

Вот свадьба заканчивается чем, закончился праздник, музыка. Музыка, танцы и скрипка, часов до двенадцати ночи, не больше. А приходили, как только солнце сядет. Но они и любой *[нерозбірливо]*, даже маленькими когда были, все равно, когда солнце село, когда все справят, когда родственники собрались. Ну должно сесть солнце. Солнце должно сесть, это вечерний *[нерозбірливо]* это все ж делается вечером. [И все, до двенадцати погуляли и разошлись]. Да и провожают.

Раньше свадьбы, раньше свадьбы были в воскресенье и в понедельник, понедельник рабочий день. [У сестры вот свадьба была в 67-м году], это было воскресенье. Расписались они заранее. В субботу роспись, в воскресенье свадьба, роспись в сельсовете. Расписались и разошлись по домам... Это щас вот машина, а тогда машин то не было. Все вместе пошли, сюда он приехал, сюда, а потом на свадьбе они придут всей свадьбой ее забирать из нашего двора. Рано утром, в воскресенье. Но, когда они расписались, жених идет со своими, ну с этим, парнем, как его там, дружком, да. Они идут домой, потому что они при-

ведут свадьбу в наш двор, будут забирать невесту. А невесту возвращают сюда в наряде.

Мы все собираемся на роспись. Потом дружок и родители, и все там родственники, сколько их идут к себе, расписавшись. А мы идем все с ней к себе. Свадьба там идет. А свадьба, этих приглашенных здесь идет. И потом там они решают, в час или в два свадьба через все село идет, пляшут. Жениха свадьба идет к нам. То есть ко всем, к любому, идут сюда. Эти все, если много места сидят все. А если меньше места, наши все гости уступают гостям жениха. Их придут, может быть даже и тридцать человек. Но обязательно, когда проходят и садятся за стол, был такой обычай, свекор и свекруха – подушки. Они должны сесть на подушки. И тогда уже начинает, когда уже те пришли все наши, кто сидит, кто стоит, начинает одаривать невесту, то есть прощаются родственники с ней и каждый одаривает ее. Она себе сидит в зале, с подружками, а свадьба, столы на улице.

[Как пришел жених, процессия вся...]. Заходит, когда они заходят во двор, во дворе – начальник... Они пешком идут, они все идут пешком через все село. Музыка играет, у кого скрипки, у кого гармошки, все пляшут. И впереди всех должен плясать, я ж говорю, кум с этим петухом разноцветным, красивым. И он выкрикивает, и все пляшут: и дети, и взрослые. Он одет также как и все. Некоторые сохраняли себе пояса, широкие пояса. И на голове у всех, особенно у кума, должен быть сплетен венок из елки, ели. И здесь впереди от такие от цыбулины большие и перец красный украшен. [Это вот кум] от жениха.

Крестный отец и крестная мать, но ведет все это дело крестный отец. А у Федора был крестный отец и он, крестный отец, должен всю эту свадьбу веселить, шутить с этим, с петухом, вместе. И все, но сразу видно и где родственники, потому что щас уже не так, а тогда за неделю заказывали цветы. Малышам, всем обязательно должен быть цветок, знать он приглашенный. Но в пятницу, до свадьбы, ходили по селу и наши ходили. Мы не могли, а девочки соседские какие-то лет по пятнадцать-семнадцать. [Они не должны быть членами семьи, которые ходили], приглашали. Они подружки могут быть, они соседские девочки могут быть.

Могут с ними идти младшие. Но идут более старшие, потому что несут значит, это. Вот тогда еще это сохранялось. Налитая деревянная, красивая, вот так вот баклица полукруглая эта. И не было тогда вот таких вот приглашений, нет. Даже у моей сестры нет и у нас у всех нет. Здесь все было так, они заходят во двор с цветочками с этим всем и говорят слова, что приглашаем вас на свадьбу на такое-то такое-то число, вот. И у них с собой в сумочке были рюмки. Они должны из этой бак-

лицы налить, только вино, только вино вот. Подают тем, кто должен прийти. Если, например, кого-то нет, они оставляют полную чашу. Он придет, его выпьет, значит он уже приглашен, имеет право.

Малышей просто вели. Обязательно всем цветочки. И эти малыши бегают, ждут, что им тоже прицепят здесь цветочки. Очень красиво. [Делали цветы], вот эта бумага, сжатая бумага, да. В селе были женщины, которые могли делать. И заранее у них всегда была бумага. Заранее за неделю заказывали. Более взрослым – двойные. Один цветок – маленький, тут побольше и тут висят перышки, все как надо. А таким малышам – одинарные цветочки, Можно прицепить, потому что оно тоже кричит, что мне тоже надо. А женихам вот эти белые восковые покупала свекруха и ей одинаковые, и ей и ему здесь. С воска, вот эти, что продаются. Они заранее, да. Обязательно. Они заранее, мать с матерью, разговаривают, узнают... Встречались или на работе друг друга видели, или придет.

[Молодежь договорилась, а потом перед гудежом было еще такое...]. Старики встречаются и обговаривают. Они решили, что будут жениться. Теперь он объявляет родителям, она объявляет родителям, родители сами, они пришли к нам... Только родители решают. Жених [приходит] к родителям невесты. Потому, что надо... А что у жениха узнавать? Надо узнать размер ноги, надо узнать размер платья, фату какую, длинную или короткую. Вот и самое главное, размер кольца. И еще, тот кто посильней, они могут даже цепочку и перстень ей. И вот назначили гудеж, а после гудежа уже знают, когда свадьба. И вот, прошло, одарили ее, одарили невесту. С почетом угостили их всех как нужно. Потом все танцуют во дворе, смотрят на время. До захода солнца невеста должна переступить порог в двор свекрухи. Пока солнце не село, они все уходят. Провожаем ее все.

Пешком, только пешком и все село может идти и смотреть, кто желает, все. Полный двор людей, все смотрят, как ее провожают, как ее одарили. Ну, бабушки, естественно, соберутся, будут смотреть. Это интересно, да. Когда сестра выходила, я принесла из, ну это я поставила потому, что я училась в ансамбле и все. Мы набрали много цветов. Я поставила племянничкам и вот эта самая младшая сестричка, которая, они их ведут к воротам. А они впереди, я им говорю, они бросают цветы, чтобы жизнь была цветущей, богатой и ясной. Но, когда невеста, закон был точный, когда невеста доходит до края двора, любая, нет, не мать и не отец, должна успеть подойти и повернуть ее лицо на двор последний раз, чтобы она не забывала ни отца, ни мать и всех своих и обязательно приходила в гости. А потом, через деревню ведут туда. Там они все гуляют, а вечером, вечером, значит, часов в десять.

Мы не идем, свои не идут. Они ее забирают и уходят. Все, любая свадьба, все невесты родственники остаются здесь, потому что часов в... смотря какая погода, какой месяц. Как стемнеет, до темноты, когда невесту уже будут забирать, бабушки уже знают, они уже сами себе точат. Потому, что когда стемнеет, эти родители берут, кого они сами считают нужным, но не сильно много, оговорено, сколько человек смогут принять. Берут эту еду, малину там, еще кое что и называется идут кормить невесту. В тот же день, вечером.

[В воскресенье], да, идут кормить невесту. Накормили, они знают, те их встречают, приготовлены места чтоб было, все. А невеста в комнате с женихом ждут. Мать должна зайти, занести. Она тогда берет, выходит, садятся все за стол и эти, и те. Ну, кто считает, много сидит, кто считает, нет. Заканчивается свадьба часа в два-три – кто сколько гуляет, кто сколько сможет выпить. А на другой день, понедельник, был рабочий день, разрешали свадьбы продолжать. А в понедельник эти гуляют себе с невестой и женихом, которые забрали. А там приходят родственники бывшей невесты, которая жила здесь и догуливают тоже здесь, в этом дворе догуливают.

Да, [ряженные] это обязательно было. Эти маленькие колечки, наряжаются. Эти, например, наряжаются, если близко идут опять к той, к невесте и там у нее собираются опять гуляют. Потом они с этой тачкой возят катать свекра, свекруху, тестя, тещу, с музыкой со всем. Даже и щас так. Мой папа танцевал раченицу [народний танок] лучше всех.

[А как принимали невестку], они ее заводят во двор, все пляшут и сразу же заводят ее в комнату. [А в комнате свекруха танцует перед порогом]. Ну, перед порогом все танцуют. Ну это там же, по-моему это она, Маруся, говорила, затевает, кум все это затевает. А свекор, он такой был нет, а свекруха немножко поплясала. А потом, когда вечером пришли, пляшут хоро, пляшут модные танцы молодежь, а потом уже общее раченицу, общее хоро пляшут. Очень много пляшут, потому что очень красиво. Так что, я вам говорю, обряд сохраняется до сих пор, только сейчас трудное время и люди решаются, делают свадьбу вместе, так им легче. Знать, сколько человек, знать сколько приготовить, знают, сколько будет с этой, с той стороны, договариваются. Стараются вместе. Закупают, например, зал в школе средней и еще где-то или некоторые [во дворе].

[Когда свадьба идет, там что-то приказывают или дарят подарки]. Обязательно, во-первых, каждый встает, каждый, ну по-болгарски, желает там много детей, как обычно, желали много деток. Я знаю, я помню хорошо, что вот они когда кушают, пьют, самые такие женщины с

той и с той стороны, они поют на трапезах, на трапезах по-болгарски. Поют страшно красиво и очень много.

[И похоронный обряд так соблюдают...]. Похоронили моих отца и мать, папа и мама умерли в течении двадцати дней. Сразу мама и потом сразу же следом папа. Мы делали все. Щас вот в этом и в том году. Мы не спасли, но она была очень болезненна, вот. А папа без нее прожил ровно двадцать дней. Он не выдержал. Да, маме было шестьдесят девять, хотя это достаточно. Поднялось давление двести пятьдесят. Сейчас вот, смотрю, уже два-три года, девять дней не делают, трудно, сорок дней не делают, трудно, делают пол года или там год.

А вот еще в 84-ом, когда умерли наши родители, было все строго по обрядски. Может быть, просто мы так считали, сохранили обряд. Мы отдельно делали в течении, вот мама умерла второго апреля, а папа девятнадцатого апреля. Тут всего разница, тут нету даже трех недель. Но мы отдельно делали. Отдельно девять дней папе, маме девять дней, папе, сорок дней маме, сорок дней папе, полгода отдельно маме и папе. Потом, уже старухи, очень трудно, пока съедутся, пока все. Год, нам старые люди сказали, разрешено, у попа спросили, в Приморске год можете сделать потому, что уже трудно было очень. А вот это строго-настрого мы соблюдали. И потом на похоронах и сейчас на похоронах соблюдается полностью болгарский обряд. Русские делают борщ, у нас нет этого. Наши – курбан. Наши закупают овцу, режут ее. Обязательный курбан, обязательно фасоль, обязательно картошка, ну, а потом уже добавляют там, кто что сможет: колбасу, сыр.

До семидесятых годов, я помню по своей бабушке, бабушка всегда говорила: “Только вино. На поминках всех и похоронах только вино”. Вот мы жили даже на Кавказе, военной базе под Батуми. Мы приехали в семьдесят седьмом, там и до сих пор было только вино. Ну щас уже немножко изменили: и вино, и водка стоит. Кто пьет вино, кто водку. И, обязательно, сохраняется вот эта пища, все из кожи вон лезешь, но в последний путь, чтобы было все по-болгарски. Вот уже два года попа приглашают все, кто хоронят. Он в доме почитает и уезжает. А есть старики, которые не хотят после этого музыку. А есть молодежь, которые говорят, ну он уехал, они привозят еще после этого и оркестр. Потому что нам кажется, в последний путь отдаем самые лучшие и большие почести. Вот я знаю, восточные народы на Кавказе, для них это последний путь. И наши стараются все.

Это последняя дань, которую ты отдаешь своим родителям. А на кладбище ходят все. И очень строго у нас, до сих пор соблюдается этот обряд по субботам. Есть родительские субботы, обязательно тут все из цветами, и малые и большие, любые вот. Возле каждого столик, стулья,

скамеечки и все собираются вместе, вот. Знаете вот это вот *[замислилась]* особенно... на Паску не ходят же, а на вторую на *[нерозбірливо]* Велыкдень. Съезжаются. От куда они съежаются? Полное кладбище всех, все, все там столики, каждая родня сидит вместе, почитают. И на вот этот день *[нерозбірливо]*. Как оно называется? Вознесенье? Да? Вечером, раньше, когда бабушка была жива, я знаю, что они ходили только на рассвете, а сейчас вот говорят, что поп сказал – разрешается. Уже разрешено государством. Ходят вечером, свечи до одиннадцати ночи, наше кладбище мерцает сейчас. Каждый держит свечу, все поминают. Очень хорошо! Очень! Преклоняемся все перед этим, это самое-самое лучшее время, обязательно.

[Если вот, как умер кто-то... Чтоб люди приходили...]. Дело в том что они могут не знать некоторые. Они тут же, сразу тут, в эту секунду рассылают гонцов. Говорят время, все. Но разрешено всем кто хочет, вроде придти. Нигде не пишет, нельзя, люди вже знают наш. Все кто хочет, все кто знал, все, кто хочет попрощаться, все идет – бабушки, молодежь, взрослые. Бывают на поминках после кладбища и по сто пятьдесят и по сто двадцать, все садятся... Сейчас, если жарко, берем, берут все оплачивают столовые школьные вот или здесь садик в старом вот, если зима тем более. Вот, а если позволяет, вот арка, во дворе прямо тут наши ребята делают... Все вот они помянули, тень и прямо во дворе, да разрешают и за стол. Идут все, кто желают, нет того, что вот идете за стол только родственники. Никогда такого наши не позволят, они просто бросают землю, все и отходят в сторону и другие подходят. Вот там кто-то из родственников говорит: "Дорогие люди, кто желает, все идите поминайте". Да приглашают всех. Все очень богатые болгарские.

[Это вот если умер...]. только, да только умер человек, сразу ворота открыты до самого конца. [Чтобы знали, что в этом дворе похороны...]. Пока не вынесут *[нерозбірливо]*. Вот когда его выносят, закрывают все двери сразу, когда выносят. Когда умер и когда идет целый день и сегодня и завтра все раскрыто. Пока сходятся, все-все двери раскрыты, все двери раскрыты, все ворота. [Закрывают] и в доме. Во всех комнатах. Там же, где дете заснет, и там где-то прикроют вот, соблюдается полностью обряд. Солнце село, закрывают вот этим покрывалом нашим, обязательно, нет зеркала зеркалами, человек лицо прикрываем, это то ли это осталось от *[нерозбірливо]*. Вот уже да-да-да солнце село, вот и эти сказали... А утром на рассвете, открывают... И обязательно соблюдают обряд, если женщина... всю ночь возле нее три человека меняется, посидели, те пошли поспать эти. Если мужчины, старики обязательно все это строго сохраняет очень *[нерозбірливо]*.

Возле мужчин мужчины, возле женщин – женщины. Да, а вороты раскрыты и тут же сразу через два часа все готово. Человек идет, ворота раскрыты, на улице венки, на воротах может быть венок, да *[нерозбірливо]*. Если машиной везут, зеркала и на машине завязывают. Здесь все закрыто любые зеркала, любое трюмо все закрыто *[нерозбірливо]*, да, нельзя тут же зеркала тоже и все соблюдается, и хлеб с солью, все как надо. И на каждом переулке табуреточку старушка несет ставит, восстанавливает все как надо, да все.

Я слышала, ставят стульчик [на перекрестках как едут], ставят, еду старушки эти, да. На каждом переулке, если останавливают в процессе. Если например он работал в школе, они идут так, чтоб остановились возле школы, если в больнице – возле больницы. Если ты живешь в том, а женился в другой дом, а вот получается дорога, что идешь и тебя несут и возле своего двора останавливаются обязательно и там, где работал. Все обязательно, да очень много, очень.

[Омывают там...]. А у нас да... не только моя мама, а любой. Вот соседки моей, молодые умерли, да. Если только умер, сразу же кто-то из своих идет и старым. Да, никаких ни дедушки, ни молодых женщин. И к стареньким бабушкам и две-три женщины, они ее там комната отделена. [Если мужчина], нет, мужчина. Да, значит, и тут эти женщины, если она старенькая лежит и худенькая ее и две женщины помоют, но от силы три, вот. Все. Пока их позовут, уже воду приготовили, все приготовили. Они их купают, одевают, во все, которое новое, приготовленное все. И вот и в залу, в залу несут ее, вот там ее оставили. В это время уже делают все. Вот свечи зажигают, вот это вот специально. Вот эту вот рясу там сразу ставят, чтоб было, и начинают собираться. Люди могут прийти хоть сейчас, хоть вечером, хоть ночью, хоть утром, да-да, обязательно. Обязательно женщину купают женщины, мужчину купают мужчины *[нерозбірливо]*.